

ISSN 0131-6095

Русская ЛИТЕРАТУРА

2

2022

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2022

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. А. Хохлова. Неизвестный автограф А. С. Пушкина — пометы на рукописи «Хроники русского» А. И. Тургенева	5
И. П. Смирнов (ФРГ). Романы Ф. М. Достоевского и Пятикнижие Моисея: «Преступление и наказание»	28

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В. В. Филичева. Ф. Сологуб и начинающий поэт В. И. Корехин	45
А. С. Александров. А. Л. Волынский — сотрудник и редактор газеты «Биржевые ведомости» в 1911–1917 годах (по архивным материалам)	55
Автобиография И. С. Шмелева (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Э. К. Александровой)	67
А. А. Чабан. Концепция Серебряного века в литературе русской эмиграции первой волны: позиция С. К. Маковского	78

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Д. М. Буланин. К истории книжного обмена Новгорода и Литовской Руси в конце XV века («Библиотека еретиков»)	88
И. В. Федорова. Паломнический сюжет в «Страшных видениях» крестьянина Якова Ланшакова	100
С. Г. Тамбовцева. Мордовский след в духоборческом фольклоре: точка пересечения внутренней и внешней колонизации	109
Фу Хэн (КНР). Репертуар переводов А. Д. Кантемира	115
Е. А. Аксаментова. Скульптурная репрезентация Александра I и стихотворение А. С. Пушкина «К бюсту Завоевателя»	124
С. А. Степина. Н. М. Коншин — сотрудник «Ученой республики»	135
А. А. Карпов. А. С. Пушкин у О. И. Сенковского («Фантастические путешествия Барона Брамбеуса»)	142
Вокруг романа «Проселочные дороги»: переписка Д. В. Григоровича и А. А. Краевского 1850–1852 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. Е. Козлова)	152

Н. П. Генералова. «Это чертовски запутанное и неприятное дело» (А. А. Фет и Собрание сочинений И. С. Тургенева 1860–1861 годов)	166
К. А. Баршт. «Русская почва» и «Великий Инквизитор». Концепции И. В. Киреевского в творческом наследии Ф. М. Достоевского	181
М. Л. Спивак. Записи А. А. Блока 1921 года об «Алконосте» и «закрытии всех частных издательств»: причуды текстологии, контекст, прагматика	197
«Не старайся изображать Сашу иконописно»: Письмо Г. П. Блока к С. Н. Тутолминой (1946) (публикация С. А. Ипатовой)	216
Дмитрий Кленовский. «Это я подготовил ответы...» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. С. Царьковой)	227

ЗАМЕТКИ

П. Р. Заборов. «Сия книга грешного Степана»	238
О. А. Лекманов. Эпизод биографии О. Э. Мандельштама: опыт реконструкции	241

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Х. Гольденберг, Н. Е. Тропкина. Новый этап изучения литературы Урала	244
А. В. Романова. «Постижение чувств обособленной души-одиночки...»: еще раз о героях И. А. Гончарова	245
И. Э. Васильева, А. Д. Степанов. В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет	248
О. Р. Демидова. Дева-воительница: варианты образа в литературе русского модернизма	254
Л. Д. Бугаева, С. Д. Титаренко. Литература диаспоры как феномен транснациональной культуры	257

ХРОНИКА

Н. Ю. Грякалова. Научные конференции, посвященные памяти А. А. Блока	259
Т. В. Игошева, Г. В. Петрова. Международная научная конференция «М. А. Зенкевич (1886–1973): личность, творчество, эпоха»	265
С. А. Кибальник. Международная научная конференция «Русские писатели и медицина: двести лет вместе (1820–2020)»	269
О. Л. Довгий. Международная научная конференция «Брюсовский Пушкин. Памяти Николая Алексеевича Богомолова. Первые Богомоловские чтения»	274
Summaries	282

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2022
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2022

RUSSKAYA LITERATURA

№ 2

Historical and Literary Studies

2022

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
N. A. Khokhlova. A Newly-Found Autograph of A. S. Pushkin, Notes on the <i>Chronicles of the Russian</i> by A. I. Turgenev	5
I. P. Smirnov (Germany). F. M. Dostoevsky's Novels and the Pentateuch of Moses: <i>Crime and Punishment</i>	28

MECHANISMS OF SHAPING A LITERARY REPUTATION IN RUSSIA, LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

V. V. Filicheva. F. Sologub and the Aspiring Poet V. I. Korekhin	45
A. S. Aleksandrov. A. L. Volynsky — Contributor and Editor of the Newspaper <i>Birzhevyye Vedomosti</i> in 1911–1917 (Based on Archival Materials)	55
Autobiography of I. S. Shmelev (Introduction, Editing and Commentary by E. C. Alexandrova)	67
A. A. Chaban. The Concept of the Silver Age in the Literature of the First-Wave Russian Emigration: the Position of S. K. Makovsky	78

RELEASES AND REPORTS

D. M. Bulanin. Concerning the History of the Book Exchange Between Novgorod and Lithuanian Rus in the 15 th Century («Library of the Heretics»)	88
I. V. Fedorova. The Pilgrimage Plot in the <i>Terrible Visions</i> by the Peasant Yakov Lanshakov	100
S. G. Tambovtseva. Tracing Mordovian in Doukhobor Folklore: Intersection of Internal and External Colonization	109
Fu Heng (China). The Repertoire of A. D. Cantemir's Translations	115
E. A. Aksamentova. Sculptural Representation of Alexander I and A. S. Pushkin's «To the Bust of the Conqueror»	124
S. A. Stepina. N. M. Konshin as a Member of «The Republic of Letters»	135
A. A. Karpov. A. S. Pushkin by O. I. Senkovsky (<i>The Fantastic Travels of Baron Brambeus</i>)	142
Around the Novel <i>Country Roads</i> : Correspondence Between D. V. Grigorovich and A. A. Kravtsovsky, 1850–1852 (Introduction, Editing and Commentary by A. Ie. Kozlov)	152

N. P. Generalova. «This is a Diabolically Complicated and Unpleasant Affair» (A. A. Fet, and I. S. Turgenev's <i>Complete Works</i> of 1860–1861)	166
K. A. Barsht. The «Russian Soil» and the «Grand Inquisitor». I. V. Kireevsky's Concepts in the Creative Heritage of F. M. Dostoevsky	181
M. L. Spivak. A. A. Blok's 1921 Notes about the <i>Alkonost</i> and «The Closure of All Private Publishing Houses»: Quirks of Textual Criticism, Context, Pragmatics	197
«Don't Try to Portray Sasha Iconically»: A Letter from G. P. Blok to S. N. Tutolmina (1946) (Published by S. A. Ipatova)	216
Dmitry Klenovsky. «I Was the One to Prepare the Answers...» (Introduction, Editing and Commentaries by T. S. Tsar'kova)	227

NOTES

P. R. Zaborov. «The Book of Stepan the Sinful»	238
O. A. Lekmanov. An Episode from the Biography of O. E. Mandelstam: An Attempt of Reconstruction	241

REVIEWS

A. Kh. Goldenberg, N. Ye. Tropkina. A New Stage of Studying the Literature of the Urals . . .	244
A. V. Romanova. «Comprehending the Feelings of a Detached Lonely Soul...»: More on the Heroes of I. A. Goncharov	245
I. E. Vasileva, A. D. Stepanov. In the Mirror of «Chekhov Herald»: Chekhovian Studies of the Last 30 Years	248
O. R. Demidova. The Warrior Maiden: Variants of the Image in the Russian Modernist Literature	254
L. D. Bugaeva, S. D. Titarenko. Literature of the Diaspora as a Phenomenon of Transnational Culture	257

NEWSREEL

N. Ju. Gryakalova. Research Conferences in Memoriam A. A. Blok	259
T. V. Igosheva, G. V. Petrova. <i>M. A. Zenkevich (1886–1973): Personality, Creative Work, Era</i> International Research Conference	265
S. A. Kibal'nik. <i>Russian Writers and Medicine: Two Hundred Years Together (1820–2020)</i> International Research Conference	269
O. L. Dovgy. <i>Bryusov's Pushkin. In Memoriam Nikolay Alexeevich Bogomolov. First Bogomolov Readings</i> International Research Conference	274
Summaries	282

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2022
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2022

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ А. С. ПУШКИНА — ПОМЕТЫ НА РУКОПИСИ «ХРОНИКИ РУССКОГО» А. И. ТУРГЕНЕВА

Неизвестный ранее автограф Пушкина был обнаружен нами в архиве братьев Тургеневых, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 309). Этот фонд издавна привлекает внимание пушкинистов. В нем было выявлено и переведено в Пушкинский фонд (ф. 244) 28 единиц хранения — автографы поэта и материалы к пушкиниане.

История найденной рукописи чрезвычайно интересна и многообразна. Она складывается из комплекса сюжетов, которые определяли взаимодействие Пушкина и А. И. Тургенева в 1830-е годы. В целом они хорошо известны по работам П. Е. Щеголева, М. И. Гиллельсона, И. Л. Фейнберга и других исследователей.¹ Деятельность Тургенева-археографа, совпавшая по времени с работами Пушкина — историка Петра I, имела решающее влияние на их сближение в этот период. Изучение этой деятельности и привело нас к открытию.²

Находка пушкинского автографа — событие, значение которого невозможно переоценить. В данном случае оно знаменательно еще и потому, что обнаруженная рукопись представляет собой единственный сохранившийся образец работы Пушкина — редактора «Современника». Речь идет о подготовленном поэтом, но вышедшем уже после его гибели пятом томе журнала. Редакторские пометы Пушкина на рукописи Тургенева принадлежат к числу самых последних его автографов. Таким образом, мы располагаем новым документальным свидетельством, которое должно занять свое место в трагической январской хронике 1837 года.

Дневниковые записи Тургенева конца 1836 — начала 1837 года принято рассматривать как важнейший источник сведений о дуэли и смерти Пушкина. Этот аспект их содержания в исследовательском плане, по-видимому, можно считать исчерпанным.

В меньшей степени освоен другой аспект: записи свидетельствуют о непрерывном интеллектуальном общении и прямом сотрудничестве Пушкина и Тургенева. М. И. Гиллельсон попытался раскрыть содержание их «нескончаемых

¹ Щеголев П. Е. Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 253–278 (дневник 1836–1837 годов); Гиллельсон М. И. 1) По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. М., 1975. [Вып.] 10. С. 355–397 (статья опубл. под псевдонимом М. Максимов); 2) А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 441–504 (сер. «Литературные памятники»); Фейнберг И. Л. Парижские бумаги // Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976. С. 129–148; а также: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 374–380.

² Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии) // Русская литература. 2021. № 1. С. 73–86 (часть 1); № 2. С. 63–77 (часть 2).

бесед» путем развернутого комментария ко всем записям, в которых упоминается имя поэта.³ Совершенно очевидно, что в них преобладает тема русской истории (главным образом, в связи с обсуждением так называемых парижских бумаг Тургенева), а также тема авторско-редакторской работы над публикацией для пятого тома «Современника». До сих пор обе темы рассматривались изолированно. В действительности к концу 1836 года их связь становится очевидной. Они органично сливаются в едином смысловом поле общих исторических интересов Пушкина и Тургенева. Непосредственным воплощением их сотрудничества, как доказывает новонайденный автограф, явилась идея принципиально новой — по замыслу и материалу — публикации для «Современника»: она раскрывала ход и содержание работы Тургенева в парижских архивах.

В 1834 году Тургенев был «Высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся, — как значится в его формулярном списке. — По таковому <...> поручению Высочайше повелено ему донесения свои и отчеты Государю Императору представлять чрез посредство Главного начальствующего над Почтовым департаментом, <...> князя Голицына и вообще по сему делу с ним состоять в прямом и исключительном сношении».⁴

На протяжении двух лет Тургенев работал в Секретном Ватиканском архиве, где обнаружил внушительный массив неизвестных документов по древней русской истории.⁵ Весной 1835 года он приехал в Париж для завершения «изысканий». Эта поездка, сверх ожидаемых, принесла неожиданные результаты: в парижских архивах Тургенев обнаружил дипломатическую переписку, мемуары и другие источники, относящиеся к XVIII веку. Ценой больших моральных издержек ему удалось благодаря ходатайствам А. Н. Голицына получить высочайшее разрешение остаться в Париже (после Июльской революции город был закрыт для русских подданных) и обследовать Архив Министерства иностранных дел, Архив Королевства Французского, Королевскую библиотеку. Таким образом, 1835 год оказался переломным в археографической деятельности Тургенева: отныне темой его собирательства стал русский XVIII век.

С давних пор бытует представление, сформулированное, по-видимому, впервые П. Е. Щеголевым, что Тургенев, «дабы формально оправдать свое пребывание за границей, выбирает занятие — подбор материалов для отечественной истории из заграничных архивов».⁶ Оно глубоко укоренилось, получив дополнительные интерпретации в работах М. И. Гиллельсона, И. Л. Фейнберга, В. С. Листова и др.⁷ Мы попытались опровергнуть этот устойчивый

³ Максимов М. [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 384–394.

⁴ ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. ст. 1234. Л. 9 об. (формулярный список от 1839 года). Далее ссылки на архив братьев Тургеневых приводятся в тексте сокращенно, без указания места хранения и номера фонда; помета «ст.» означает «по старому описанию». Под началом князя А. Н. Голицына прошла почти вся служебная карьера Тургенева (1810–1842), исключая «бессрочный» отпуск (1825–1831). Самым известным ее этапом стала служба в Министерстве духовных дел и народного просвещения в качестве директора Департамента духовных дел. Подробнее см.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева. Часть первая. С. 80–83.

⁵ Оpubл.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных библиотек и архивов д. ст. сов. А. И. Тургеневым. Ч. 1–2. СПб., 1841–1842. О работе Тургенева в Секретном Ватиканском архиве см.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть вторая. С. 64–68.

⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 255.

⁷ Так, согласно версии последнего, в 1836 году «своей целью Тургенев ставил примирение брата с царем, аудиенции у которого <...> и ждал в Петербурге. Той же цели должны были служить и парижские документы, которые А. И. Тургенев желал поднести государю» (Пушкин А. С. История Петра / Сост., подг. текста, предисловие и комм. В. С. Листова. М., 2000. С. 36).

миф, показав, что архивная работа была для Тургенева не столько «оправданием», сколько смыслом жизни за границей.⁸ По этому поводу он писал Голицыну: «Обдумывая всю жизнь, я более и более убеждаюсь, что деятельность собирателя — не смею сказать ученого — для меня единственно возможная и для других не бесполезная» (ед. хр. ст. 1076, л. 23 об.).

Тургенев провел в Париже год: с мая 1835 по май 1836 года. Каждый день несколько часов он посвящал архивной работе, отбирал и копировал наиболее ценные документы (сначала собственноручно, затем с помощью писцов). Впоследствии копии были сброшюрованы, переплетены и составили тематические тома его коллекции, о некоторых из которых пойдет речь далее.

Жуковский, Вяземский, Пушкин были хорошо осведомлены об архивной работе Тургенева и связанных с нею личных перипетиях, — в своих дружеских письмах он уделял этому вопросу довольно много места. Вскоре двери приоткрылись и для широкой читающей публики: в октябре и ноябре 1835 года в двух номерах «Московского наблюдателя» появились «Отрывки из заграничной переписки». Публикация открывалась так: «...Из кабинета чтения иду в Королевскую библиотеку, где я уже отыскал много любопытного для русского историка. Библиотекари Шамполион-Фижак, Фориель, Парис — услужливы чрезвычайно. По каталогу рукописей я требую самые рукописи и замечаю все, что надобно будет переписать для пополнения моего собрания документов в русской истории».⁹

Отныне архивный поиск, обзор наиболее интересных документов, приобретение рукописей станут и элементом сюжета, и нарративной составляющей заграничных корреспонденций Тургенева, адресованных дружескому кругу. Что касается писем-отчетов Голицыну, то они всецело будут посвящены этим темам. По воспоминаниям лиц из ближайшего окружения князя, отчеты Тургенева читались в Почтовом департаменте с огромным интересом — быть может, не меньшим, чем его дружеские послания на субботах у Жуковского. Тургенев понимал, что адресуется к замечательному знатоку русской старины, «Вальтеру Скотту наших салонов», как сам он именовал своего патрона.

«Архивной» тематике знаменитых писем-корреспонденций до сих пор специально не уделялось внимания. Они интересовали исследователей (равно как и современников-читателей) другими своими гранями, которые так выразительно охарактеризовал К. М. Азадовский в статье «Старые европейские комеражи»: «Александр Тургенев, сын России, политическую отсталость которой он всегда признавал, воспринимал перемены во французской жизни (периода Июльской монархии. — Н. Х.), так сказать, сопоставительно — в сравнении с порядками собственной страны. Его живо интересуют дебаты в парламенте и камере пэров, судебное производство, полицейское устройство, попытки обновления французской церкви, одним словом, — современная история. Будучи сам историком, Тургенев чувствовал „пульс эпохи“ и умел передать его в своих письмах. Читая о споре легитимистов с орлеанистами, о столкновении политических мнений, о смене одного кабинета другим, о противоборстве Гизо и Тьера, о духовных проповедниках, выступающих против римской церкви, о книге Токвиля „Демократия в Америке“ или полемике вокруг последней поэмы Ламартина, русский читатель невольно

⁸ См.: Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть вторая. С. 66.

⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 54. Сведения Гиллельсона об источниках публикаций в «Московском наблюдателе» можно дополнить. В ноябрьском номере были опубликованы, в частности, выдержки из письма Тургенева Вяземскому от 29 (17) сентября 1835 года (ед. хр. ст. 2469).

приобщался к исканиям современной Франции и проникался новыми веяниями, столь чуждыми духу русского самодержавия».¹⁰

Однако корреспонденции Тургенева были не только хроникой экономической, политической, религиозной, культурной жизни Европы, и прежде всего Франции. Они были еще и в полном смысле хроникой его архивной работы. Именно в этом качестве они и будут более всего нас интересовать.

Сотрудничество с «Московским наблюдателем» длилось недолго (на протяжении 1835 года) и завершилось, как только Тургенев в январе 1836 года узнал из письма Вяземского, что «Пушкину дано разрешение выдавать журнал, род „Quarterly Review“».¹¹ Это одновременно его обрадовало и огорчило: «...всего более парализован я известием газетным, что Пушкин будет издавать Review, а не журнал. Я собирался быть его деятельным и верным сотрудником и сообщать животрепещущие новинки из области литературы и всеобщей политики; но какой интерес могут иметь мои энциклопедические письма чрез три или четыре месяца? Вся жизнь их эфемерная, и они не выдержат *квартального* срока. Для Review нужны статьи, а не письма».¹²

Тем не менее замысел Пушкина состоял в том, чтобы из номера в номер, последовательно печатать корреспонденции Тургенева в их хронологическом порядке. В таком случае они смогли бы сохранить свою новостную актуальность, отраженную в самом названии — емкой пушкинской формуле «Хроника русского».¹³

История участия Тургенева в пушкинском «Современнике» изучена с большой степенью подробности. Основополагающим является издание «Хроники русского», подготовленное Гиллельсоном в серии «Литературные памятники». В обширной статье «А. И. Тургенев и его литературное наследство» он исследовал все эпизоды, касающиеся подготовки тургеневских писем к публикации: начало сотрудничества и связанную с ним переписку, настойчивые попытки Пушкина оградить текст «Хроники русского», подготовленный для I тома, от цензурных изъятий; конфликт Тургенева с редакцией журнала после выхода этого тома в свет и постепенное его разрешение благодаря публикации редакционного объяснения, помещенного по требованию Тургенева во II томе; обстоятельства, связанные с изданием IV тома, где «Хроника русского» соседствовала с «Капитанской дочкой» Пушкина.¹⁴ Недостаточно проясненной оставалась лишь история публикации в V томе, подготовленном, повторим, Пушкиным, но вышедшем уже после его гибели. Основная причина кроется в том, что источник текста этой «Хроники» до сих пор не был известен.

¹⁰ Азадовский К. Старые европейские комеражи (Несостоявшаяся «Хроника» А. И. Тургенева) // Звезда. 1999. № 6. С. 94.

¹¹ Остафьевский архив. Т. 3. С. 286.

¹² Тургенев А. И. Хроника русского. С. 88. По недосмотру ли редакции или в силу иных причин этот явно «закулисный» пассаж из обширного письма-дневника Тургенева под датой 18 (30) марта вошел в «Хронику русского», увидевшую свет в конце декабря 1836 года в IV томе журнала.

¹³ Это название сохранилось за всеми последующими публикациями Тургенева в «Современнике», вкладчиком которого он оставался до конца жизни.

¹⁴ Гиллельсон проанализировал также жанровую природу «Хроники русского», установив, что она восходит одновременно к жанру дружеского письма и к жанру литературы путешествий. Он рассматривал «Хронику русского» как макротекст, который не исчерпывается журнальными публикациями. Собрав последние в единый том, он признавал, что это «первоначальная работа по восстановлению <...> литературного памятника в том виде, в каком он представлялся их автору» (Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 461). За ее рамками, утверждал исследователь, — огромный массив неопубликованных писем, «написанных как куски „Хроники русского“» (Там же); они должны составить единое целое с опубликованным материалом. На наш взгляд, идея подобной реконструкции имеет несомненный научный интерес, но едва ли осуществима практически.

Гиллельсону удалось выявить источники текста двух предшествующих публикаций; более того, в примечаниях он привел фрагменты, выпущенные по цензурным соображениям. Согласно его разысканиям, в I томе «Современника» было опубликовано письмо Тургенева Жуковскому и Вяземскому (ед. хр. ст. 1217); в IV — письмо Вяземскому (ед. хр. ст. 2454). Кроме того, для II тома, как убедительно показал Азадовский в цитированной выше статье, была подготовлена и даже набрана «Хроника», от печатания которой отказались в последний момент (письмо Тургенева Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года (ед. хр. ст. 1217)).¹⁵

Необходимый ритм публикации «Хроники» редакция «Современника» не смогла выдержать (прежде всего из-за конфликта в связи с I томом). К концу 1836 года временной разрыв между событиями, хроникером которых был Тургенев, и датами журнальных публикаций оказался критическим. К IV тому он составлял даже не 3–4, как предполагал Тургенев, а 8 месяцев. «Хроника русского» утрачивала свою жанровую специфику, переставала быть хроникой. Требовался иной жанр. Он будет найден Пушкиным в V томе.

Высочайше дозволенный Тургеневу срок пребывания в Париже истекал весной 1836 года. «Проживу здесь еще недели с три или с четыре, — писал он Вяземскому 21 марта, — ибо необходимо кончить переписку в архиве королевского бумаг весьма интересных и привести все в порядок с помощью одного ученого бедного немца, который делает теперь реестры моим приобретениям в Париже и пересматривает списки. <...> меня уже позывает вдаль, но в даль родную: хочется опять подышать родным воздухом и попастьись на степях Заволжских. Между ними и Парижем — Дрезден, Веймар, Берлин, Лейпциг и — Москва! А в ней ожидает меня новый исторический труд: сравнение копий здешних актов с теми, кои, надеюсь, позволят пересмотреть в Московском архиве».¹⁶

Тургенев выехал из Парижа в середине июня 1836 года. В Веймаре он был 21 июня и записал в своем дневнике впечатления от посещения «Тифурта и городского дома Гете в Веймаре с канцлером Мюллером, другом и многолетним его собеседником, и с Крейтером, секретарем и хранителем бумаг и книг Гете».¹⁷ Тогда же он собственноручно снял копию с письма Вальтера Скотта к Гете. Всем этим материалам вскоре суждено будет увидеть свет в V томе «Современника».¹⁸

2 июля 1836 года Тургенев приехал в Москву с огромным багажом добытых в парижских архивах исторических материалов и многочисленными книжными приобретениями. Осенью после поездки в «Заволжские степи», в свое имение Тургенево, он, как видно из писем Вяземскому, вплотную занялся «бумажными и книжными хлопотами». Следовало привести в порядок архивные выписки — предстоял отчет императору о результатах трехлетней археографической работы.

В это же время, желая отдать долг памяти Карамзина (в 1836 году исполнилось 10 лет со времени его кончины), Тургенев начал готовить публикацию «святая святых» своего рукописного собрания — адресованных ему писем историографа. Для пушкинского круга, в котором написание биографии

¹⁵ Азадовский К. Старые европейские комеражи. С. 102–125.

¹⁶ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 83–84. Отъезд из Парижа Тургенев вынужден был ускорить ввиду неприятностей, грозивших ему после публикации «Хроники русского» в первом томе «Современника».

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ После смерти Гете паломничество в Веймар (предыдущее Тургенев совершил в 1827 и 1829 годах) имело особое мемориальное и ритуальное значение; упомянутое печатное сообщение о нем может быть рассмотрено в русле многочисленных откликов на смерть Гете, появившихся в русской литературе.

Карамзина ощущалось как нравственный долг, это было делом исключительной важности. История публикации, не осуществившейся по цензурным причинам, хорошо известна.¹⁹

По просьбе Вяземского, задумавшего альманах «Старина и новизна», в ноябре 1836 года Тургенев выполнял роль, так сказать, его московского литературного агента — собирал «дань» с московских литераторов. При этом и сам внес свою лепту — послал упоминавшееся выше письмо В. Скотта к Гете с обещанием в Петербурге составить к нему «предисловьице».²⁰ Альманах не состоялся; письмо, как мы уже знаем, появилось в пятом томе «Современника».²¹

Все эти заботы, а главное — светская жизнь, которой Тургенев предавался с упоением, отсрочивали его поездку в Петербург, о цели которой он сообщал Жуковскому следующее: «Другое дело,²² по коему я должен приехать в П<етер>бург: мои рукописи. Здесь некому ими заняться, а мне самому невозможно. В П<етер>бурге же у меня есть верные и грамотные друзья: Сербинович и Федоров (Бор. Мих.). Спроси их: могу ли я на них надеяться? Дела немного и дело весьма интересное, но нужно заняться немедленно по моему приезду. Я бы желал представить отчет в собранных мною бумагах, коим сделаны уже полные реэстры,²³ а для этого отчета нужно полное обозрение сих бумаг. Готовы ли они на это дело?» (ед. хр. ст. 4714в, л. 28а об. — 29).²⁴

Тургенев приехал в Петербург 25 ноября 1836 года и поселился в трактире Демута, в близком соседстве с Пушкиным. Первый визит он нанес Голицыну: «...просидел более часу с князем А. Н., все для меня прежним и, есть ли можно, более, ибо с летами он добротою не слабеет», — писал Тургенев А. Я. Булгакову.²⁵

На основании дневника, писем Н. И. Тургеневу и А. Я. Булгакову можно едва ли не по часам восстановить картину его петербургской жизни. Четыре месяца, проведенных в столице (Тургенев выехал в Москву в 20-х числах марта 1837 года), — это вихрь событий, чередующихся, как в калейдоскопе. «Балы за балами», приемы, вечеринки, обеды, легкие увлечения; заботы о брате и устройство имущественных дел; подготовка к докладу и общение с Пушкиным; консультации у академика И. Круга в связи с находкой Реймского евангелия, памятника древней славянской письменности; дуэль и смерть Пушкина, похороны его в Святогорском монастыре; отчет императору; вновь стихия светской жизни — масленица, которая была для Тургенева «весела и не холодна».²⁶

¹⁹ В. И. Саитов, опираясь на цензурное дело, обстоятельно изложил ее в предисловии к публикации: Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) / Публ. В. И. Саитова // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3; Т. 98. № 4.

²⁰ Остафьевский архив. Т. 3. С. 362 (письмо от 16 ноября 1836 года).

²¹ Вопрос о месте публикации «веймарских» материалов решился в последний момент, перед тем, как пятый том был отправлен в печать. 16 апреля 1837 года Тургенев еще спрашивал Вяземского: «Издаешь ли свой альманах? Где будет письмо из Веймара?» (Остафьевский архив. Т. 4. С. 6).

²² Выше речь в письме идет об имущественно-финансовых делах братьев Тургеневых.

²³ См. цитированное выше письмо Тургенева Вяземскому от 21 марта 1836 года.

²⁴ К. С. Сербинович (1796–1874) и Б. М. Федоров (1798–1875) в молодости принадлежали к кружку помощников Карамзина в его работе над «Историей государства Российского». По его рекомендации оба (первый в 1820 году, а второй в 1818-м) поступили на службу в Департамент духовных дел, директором которого был Тургенев. После отъезда последнего за границу они неизменно выполняли его поручения; были ему глубоко лично преданы.

²⁵ Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 195.

²⁶ Там же. С. 212.

Как светский человек он, разумеется, остро переживал свое тягостно-неловкое положение в высшем обществе. Бросая резкие инвективы в адрес «убийц» своих братьев²⁷ (известно, например, о его непримиримо враждебном отношении к Д. Н. Блудову), он в то же время был озабочен тем, чтобы вернуть благорасположение императора.²⁸

Жизнелюбец, неутомимый летописец светской жизни и непременный ее участник, друг Пушкина, а более всего — преданно любящий брат, Тургенев предстает в своих письмах и дневнике то легкомысленным, то пронизательным, то суетливым, то глубоко сосредоточенным. Этот живой и многогранный образ решительно не соответствует тому единственному амплуа, в котором в советское время можно было выводить его на сцену, — как «брата декабриста», убежденного оппозиционера. Не преодолев «умственные плотины» советской цензуры, исследователи вынуждены были подходить к источникам избирательно. Так, письма Тургенева брату, опубликованные А. А. Фоминим в 1908 году и досконально изученные как документ, относящийся к дуэли и смерти Пушкина, в другой своей ипостаси были просто проигнорированы.²⁹

В них говорится о докладе как главной цели поездки в Петербург, о ходе его подготовки, который был неожиданно прерван трагическими событиями января 1837 года, о царских милостях, последовавших вслед за докладом. С нескрываемым восхищением писал Тургенев о монаршем приветствии и крепком рукопожатии ввиду всего большого света на балу у французского посланника Баранта, где незадолго до того, как записано в дневнике, «от меня многие отворачивались, но и я от многих» (*Дневник*, с. 268).

Именно в процессе подготовки к докладу — по ходу разбора исторических актов и составления их «полного обозрения» — Тургенев и познакомил Пушкина со своими «сокровищами». Предстояло отчитаться о работе в Секретном Ватиканском архиве и архивах Парижа. К ватиканским латинским актам Тургенев решил составить аннотированную опись, а к «парижским бумагам» — «обозрение». Помимо соображений этикета, в этом, несомненно, был определенный расчет. В «обозрении» он мог раскрыть содержание документов, показать их историческое значение, заинтересовать Николая I (как известно, большого знатока эпохи Петра I) и тем самым добиться разрешения продолжить работу в Париже, что ему блестяще и удалось.

Тургенев должен был представить и копии самих документов. В его парижских и московских письмах 1836–1837 годов Вяземскому, Булгакову, а в петербургский период — в письмах к брату нередко просьбы о пересылке и хранении «бумаг». То ли ему не удалось привезти с собой в Россию все снятые копии, то ли работа после его отъезда из Парижа была продолжена писцами, но так или иначе он получал необходимые для отчета документы до конца января 1837 года. Например, 7 января он писал Булгакову: «...на твое имя будет пакет из Парижа с продолжением копий бумаг моих».³⁰

Так какими же именно документами располагал Тургенев в интересующий нас период? До сих пор этот вопрос ставился исключительно в пушкиноведческой литературе. Исследователь «незавершенных работ» Пушкина

²⁷ Щеголев П. Е. Из дневника А. И. Тургенева. С. 258. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Дневник*, с указанием номера страницы.

²⁸ На этот раз по приезде в Россию впервые ему довелось встретиться с Николаем I в Симбирске, о чем он писал А. Я. Булгакову 25 августа: «Я очень доволен словами при приеме. Они подают мне добрую надежду и для будущего» (Письма А. Тургенева Булгаковым. С. 191).

²⁹ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина (Из Тургеневского Архива) // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 46–97.

³⁰ Письма А. И. Тургенева Булгаковым. С. 202.

И. Л. Фейнберг попытался выяснить, «какие именно относящиеся к Петровской эпохе исторические материалы привез и показал Пушкину <...> А. И. Тургенев»,³¹ и дал обстоятельный ответ, исходя из документа, который ему удалось обнаружить в архиве братьев Тургеневых. Это был обзор материалов, извлеченных Тургеневым из Архива Министерства иностранных дел Франции и из «разных архивов» (ед. хр. ст. 1135). Фейнберг не знал, что найденная им рукопись представляет собой только фрагмент (впрочем, наиболее важный) того самого «полного обозрения бумаг», которое Тургенев поручил составить К. С. Сербиновичу.

Нам посчастливилось обнаружить первоначальную редакцию этого документа, озаглавленную «Черновые записки, приготовленные для Всеподданнейшего доклада к 14 февралю 1837 г.» (ед. хр. ст. 1062). Рукопись — автограф Сербиновича с многочисленными исправлениями и вставками Тургенева — состоит из двух частей: «Франция» (л. 8—27 об.) и «Выписки из Ватиканской библиотеки в Риме» (л. 28—39). В первой имеются обзоры материалов из Архива Министерства иностранных дел, Архива Королевства Французского (Национального архива), Королевской библиотеки (Национальной библиотеки),³² а также из «разных архивов».

Один из эпизодов составления этого документа хорошо известен. 25 января 1837 года Тургенев записал в дневнике: «...возвратился домой, где нашел записку из дел Сербиновича» (*Дневник*, с. 271); на следующий день: «...успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг Серб<иновича>, кот<орый> был у меня и унес их» (*Дневник*, с. 271). Стремление раскрыть эти невнятные, а потому неверно комментируемые в пушкиноведческой литературе записи и стало отправным моментом исследования Фейнберга.³³

В обоих случаях имеется в виду «обозрение». Тургенев прочитал Пушкину «выписку из парижских бумаг Серб<иновича>», т. е. какую-то готовую к тому времени часть «обозрения» (возможно, первую, посвященную Архиву Министерства иностранных дел), после чего Сербинович «унес их» («парижские бумаги») для продолжения своей работы. Таким образом, слово «выписка» означает «документ», а «выписки» — это, собственно, и есть «парижские» (или «французские») бумаги: «Я зашел к Пушкину <...>. Потом он был у меня, и мы рассматривали франц<узские> бумаги и заболтались до 4-х час.» (*Дневник*, с. 266; запись от 9 января 1837 года).

«Собрание выписок из Архива Министерства иностранных дел, — общалось в предисловии к «обозрению», — объемлет собой время с 1660 по 1742 год. <...> Оно состоит большею частью из депешей французских аккредитованных при Российском дворе особ...» (ед. хр. ст. 1062, л. 8).³⁴ Серб-

³¹ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги // Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. С. 139.

³² Отсюда Тургенев почерпнул «разные акты, большею частью XVI и XVII столетий» (ед. хр. ст. 1062, л. 22).

³³ В качестве примера приведем начало комментария Гиллельсона к записи «...успел только прочесть Пушкину выписку...»: «Выписки содержали донесения французских послов...» (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 81; курсив мой. — Н. Х.). Комментарий С. Л. Абрамович также некорректен (*Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина*. СПб., 1994. С. 277). В издании «Пушкин в воспоминаниях современников» запись от 26 января приведена в следующей редакции: «...успел только прочесть Пушкину выписки из парижских бумаг» (Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 199; курсив мой. — Н. Х.). Сверка с автографом показала, что в слове «выписку» («успел прочесть выписку») окончание написано неотчетливо, хотя вполне угадывается по аналогии с соседним словом «Пушкину», где «у» написано отчетливо (ед. хр. ст. 316, л. 71).

³⁴ Речь, по всей видимости, идет о документах так называемого фонда «Политическая переписка». Он содержит, в частности, дипломатическую переписку Франции с Россией («фолианты дипломатических сношений», как писал Тургенев) начиная с 1660 года — даты прибытия

нович изложил содержание этих документов очень кратко, а сам материал выстроил хронологически. Вот, например, обзор содержания депеш посла Франции в России в 1721–1726 годах Жака де Кампредона: «1725. Обстоятельства смерти Петра I. — Различные намерения вельмож. — Провозглашение Екатерины I Императрицею. — Конференции о заключении с Францией трактата. — Сведения о происхождении Екатерины. — Записка о состоянии России, выгодах ее положения, пользах и средствах» (ед. хр. ст. 1062, л. 9).

Очевидно, что для решения поставленной задачи подобного описания Фейнбергу было недостаточно, поэтому он привлек еще один источник, о котором сообщал следующее: «„Выписки из парижских бумаг“, кратким обзорением которых является <...> рукописная записка (Сербиновича. — Н. Х.), легли в основу напечатанного еще при жизни Александра Ивановича подробного „Обозрения известий о России в век Петра Великого...“ и „Обозрения современных известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I...“». ³⁵ Они были составлены Б. М. Федоровым, а вышли в свет стараниями Сербиновича, редактора «Журнала Министерства народного просвещения». ³⁶

Благодаря двум обзорениям — «краткому рукописному» (Сербиновича) и «подробному печатному» (Федорова) Фейнберг выявил корпус документов, из которых Тургеневым были сделаны выписки. С самими текстами этих документов он ознакомился по позднейшим публикациям в «Сборниках Русского исторического общества». ³⁷

Опираясь на все перечисленные источники, исследователь вполне аргументированно показал, с какими выписками «прежде всего» Тургенев должен был познакомить Пушкина. Это, по его мнению, донесения Кампредона, «достоверно и ярко рисующие смерть Петра и исторические обстоятельства, ее сопровождавшие...»; ³⁸ французского консула Ла-Ви о деле царевича Алексея; «Записка» датского посла Вестфалена, содержащая жизнеописание гр. П. А. Толстого, знаменитого дипломата, сподвижника Петра I.

Фейнберг решил поставленную задачу: выражение «парижские бумаги» перестало быть фигурой речи, наполнилось конкретным содержанием. Однако сами выписки были известны исследователю только по описаниям. Сохранились ли тургеневские «сокровища», которые видел Пушкин?

«Парижские бумаги» — та их наиболее важная часть, которая содержит выписки из Архива Министерства иностранных дел Франции, — сохранились! Ныне они составляют три тома in folio в 23-томной коллекции Тургенева, о которой нам уже приходилось упоминать (ед. хр. ст. 2009–2011). Это единый комплекс, в котором первый том (ед. хр. ст. 2009) имеет характер

в Москву первого французского посла Пикетье. Другой фонд Архива Министерства иностранных дел — «Записки и документы» Тургеньеву, очевидно, был неизвестен. Подробнее см.: *Георгиев В. А.* Материалы по русской истории в Архиве министерства иностранных дел Франции // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 182–189.

³⁵ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 141.

³⁶ Б. Ф. [Федоров Б. М.]. 1) Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлеченных А. И. Тургеньевым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 37. С. 1–24, 145–183; 2) Обзорение известий о России в царствование Екатерины I... // Там же. 1844. Ч. 41. С. 17–38; 3) Обзорение современных известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I... // Там же. С. 85–129.

³⁷ Фейнберг не отметил, что данные публикации не имели отношения к изысканиям Тургенева, о которых вскоре было забыто («Обзоры» Федорова оказались единственными их печатными презентациями). Речь идет о проекте Русского исторического общества, одобренном в 1871 году и реализовавшемся в виде публикаций документов из Архива Министерства иностранных дел Франции начиная с 1681 года (Сборники Русского исторического общества. Т. 34, 40, 49, 52, 58).

³⁸ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 141.

аналитического, а два другие служат приложением. Работу в парижских архивах Тургенев вел не только в 1835–1836, но и в 1837–1839 годах. Следовательно, важно установить, что обнаруженные выписки сделаны им при жизни Пушкина.

На заглавном листе первого тома имеется запись рукой Тургенева: «Выписки из архива иностранных дел, начаты 1835, июня 20 в Париже» (ед. хр. ст. 2009, л. 3), а на последнем — помета: «Конец 43 фолианту и первым 4^м месяцам 1742 г.» (ед. хр. ст. 2009, л. 237 об.). Поскольку из «обозрения» Сербиновича известны хронологические рамки выписок (1660–1742), можно с полной уверенностью датировать данный том 1835–1836 годами.³⁹

В письмах Тургенева встречаются упоминания о ходе и методике работы. Так, 3 сентября 1835 года он сообщал: «Вчера начал я рассмотрение 19-го фолианта, до восшествия на престол императрицы Екатерины I простирающегося. Я не успеваю даже всего прочитывать, а только отмечаю те инструкции, депеши и документы, кои по первому обозрению <...> должны быть переписаны. Я вношу в мой журнал только главное содержание и эпоху каждого фолианта».⁴⁰ Спустя полгода, 18 февраля 1836 года, в связи с завершением работы он писал: «Я разбираю теперь собранные мною в двух архивах сокровища и привожу их в порядок: бумаги иностранного архива по хронологическому порядку, а другие по материям. <...> Существенный труд будет состоять в переписке и в приведении в порядок моих собственноручных отметок, ибо часто я отмечал наскоро, по-русски и по-французски, смотря по удобности; но всегда с педантическою точностию».⁴¹

Выявить все необходимое в «более чем сотне» фолиантов⁴² — исследовательская задача, с которой мог справиться только сам Тургенев. Первый том обнаруженного нами комплекса (ед. хр. ст. 2009) — это и есть, по его выражению, «мой журнал», куда он с «педантическою точностию» собственноручно вносил следующие сведения: архивный номер «фолианта», его название (если оно имелось), хронологические рамки и количество «рiёсе» (документов), в нем содержащихся. Далее в порядке номеров следует перечень документов, излагается их содержание, приводятся собственные оценки и суждения. Например, о 13-м томе, состоящем из депеш Кампредона 1722 года, Тургенев писал: «Бегло просмотрел сей 13^й фолиант и убедился в том только, что депеши Кампредона и предписания Dubois, кардинала и министра иностранных дел Франции, содержат почти всю политику нашу, как на Западе, так и на Востоке и много любопытного о внутренних преобразованиях и об управлении Петра I. Так, как и о лицах, коих он употреблял. Казни, пытки, суд уголовный — все тут. Великое и ужасное с мелким и с весельем — впрочем, вынужденным властью Петра» (ед. хр. ст. 2009, л. 31 об.).

Особое внимание уделил Тургенев эпохе Елизаветы Петровны. Материалы, относящиеся к первым двум годам ее царствования (1741–1742), составляли пять архивных томов. Изложение их содержания занимает значительную часть «журнала» Тургенева (ед. хр. ст. 2009, л. 89 об. — 237). Здесь преобладают копии документов, преимущественно депеш французского посланника в 1739–1742 годах маркиза И.-Ж.-Т. де ла Шетарди.

³⁹ В обнаруженном Фейнбергом письме П. И. Кривцову Тургенев сообщал: «...в Архиве Мин<истерства> ин<остранных> дел <...> я списал почти все, относящееся до России <...> начиная с первых сношений наших с Францией прежде Петра I — до первых двух годов царствования им<ператрицы> Ел<изаветы> Петр<овны> включительно» (Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 130).

⁴⁰ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 106.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Там же. С. 104.

С осени 1835 года работа по копированию была возложена на писцов. По указаниям Тургенева из тех же архивных волюмов, документы которых кратко охарактеризованы в его «журнале», они делали полнотекстовые копии, составившие два тома, которые выше мы охарактеризовали как приложения (ед. хр. ст. 2010 и 2011). Первый из них, как сообщается в самом начале, «почти полностью заполнен депешами Кампредона и Маньяна» (ед. хр. ст. 2010, л. 4).⁴³ Следующий открывается предисловием: «Первая часть этого тома содержит корреспонденции Маньяна. Вторая заключает многочисленные документы по истории России, о ее управлении, финансах, торговле и т. д. Том заканчивается корреспонденциями Шетарди, который сыграл важную роль в событиях, последовавших за кончиной императрицы Анны» (ед. хр. ст. 2011, л. 1 об.; оригинал по-французски).⁴⁴ Укажем лишь некоторые из сочинений о России: «Relation de La Moscovie écrite en l'année 1731» герцога Лирия, испанского посла в Петербурге (ед. хр. ст. 2011, л. 110–160); неуставленных автографов — «Réflexions sur les affaires présentes» 1735 года (л. 170 об. — 177 об.); «Détail de la Cour de Russie en 1737» (л. 178–179 об.).⁴⁵

Завершая рассказ о «парижских бумагах», кратко охарактеризуем выписки Тургенева из Национального архива (переименованного в период Реставрации в Королевский). О них известно из «обозрения» Сербиновича, а также из довольно подробного описания, содержащегося в письме Тургенева Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года.⁴⁶

В «обозрении» материал представлен двумя рубриками: «Из времени Петра Великого» и «Из времени императрицы Екатерины Второй». В первой проаннотированы две записки периода Северной войны (о внешнеполитическом и внутривнутриполитическом положении России), датируемые соответственно 1700–1710 и 1710 годами. Записка 1710 года «о деяниях Русского царя и о выгоде иметь с ним сношение, <...> о доходах его; о промыслах в его владениях, монете, податях, торговле и народных обычаях» (ед. хр. ст. № 1062, л. 20) принадлежит, возможно, Ж.-К. Балюзу, посланнику в России в 1686–1704 и 1710–1712 годах, который одним из первых высказался за тесный союз Франции с Россией.

Следующая группа документов освещает внешнюю политику Петра I на юге. Это выписки из дипломатической корреспонденции 1719–1724 годов французского посольства в Константинополе, которое «служило посредником

⁴³ Маньян Габриель Мишель (1702–1765) — французский посланник в 1726–1733 годах. Преемник Жака де Кампредона; ранее — его секретарь.

⁴⁴ Полагают, что этими копиями воспользовался П. П. Пекарский (Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге / Изд. с прим. и доп. П. Пекарский. СПб., 1862).

⁴⁵ Конкретизируя суждение Фейнберга об источниках «Обозрений» Федорова, отметим, что они представляют собой компиляции на основе всех проанализированных нами материалов, извлеченных Тургеневым из Архива Министерства иностранных дел, а также из его публикации в пятом томе «Современника» и предисловия к изданию ватиканских актов («Акты исторические, относящиеся к России...»).

⁴⁶ «Кончив мои занятия в Иностранном архиве, — я обратился к Архиву Королевскому (Archives du Royaume), где <...> нашел <...> несколько связок с бумагами, до русской и польской истории относящимися, и все материалы, служившие Рюльеру для составления его „Истории“ и самую рукопись его в оригинале. Всего любопытней <...> записки <...> Броглио <...> о разных европейских государствах в политическом отношении оных к Франции. <...> Есть и бумаги Петра I, Остермана, Толстого и письма гр<афа> Головкина...» (*Азадовский К.* Старые европейские комеражы. С. 104–105). В комментариях исследователь сообщает о поэте и историке К.-К. де Рюльере и его сочинениях. Сведения о том, что «в тургеневском архиве находится „собрание дипломатических документов, принадлежавших Рюльеру“ (ИРЛИ. Ф. 309. № 2016–2018)», неверны. Под этими шифрами хранится приобретенный Тургеневым архив секретаря французского посольства в России в 1780-х годах Антуана-Бернара Кальяра (Caillard).

между Россией и Турцией» (ед. хр. ст. № 1062, л. 20 об.). «Собрание сих выписок заключает в себе более 200 пиес» (там же). Среди них: документы, относящиеся к Константинопольскому «Вечному миру», заключенному российским полномочным послом Алексеем Дашковым и турецким верховным визирем Ибрагим-Пашою 5 (16) ноября 1720 года, а также Константинопольский договор 1724 года о разграничении российских и турецких владений на Кавказе и в Прикаспии, подписанный со стороны России И. И. Неплюевым при посредничестве французского посла в Константинополе маркиза Ж. Л. д'Юссона де Боннака. Упомянуется, что «в числе сих бумаг есть и письмо Петра Великого к Маркизу де Боннаку» (ед. хр. ст. № 1062, л. 21).

В рубрике «Из времени императрицы Екатерины Второй» Сербиновичем поименованы следующие документы: «Записка 20 июня 1767 г. относительно изгнания иезуитов из Испании. Подробная записка 1772 г. о мире на Севере, о разделении Польши и о следствиях, какие сие событие может и должно иметь на политическую систему во Франции» (там же). Далее следует подробный разбор «полной копии» сочинения Шарля-Франсуа, графа де Брой (Тургенев именуется его Броглио), дипломата, главы «секретного кабинета» Людовика XV под названием «*Conjectures raisonnées...*».⁴⁷

Таковы — в самом сжатом изложении — сведения о выписках, сделанных Тургеневым в Национальном архиве.⁴⁸ Их местонахождение остается неизвестным.

Непосредственное знакомство с «парижскими бумагами» в полной мере подтверждает правоту давнего суждения о том, что на Пушкина они должны были произвести огромное впечатление. Это знакомство дает самый убедительный, достоверный, а главное, предметный ответ на вопрос, что так сблизило Пушкина с Тургеневым в последние месяцы жизни. В «парижских бумагах» он обнаружил «деяния Петра Великого», историю XVIII века, увиденные глазами иностранцев и запечатленные с гораздо большей беспристрастностью и объективностью, чем в отечественных источниках.

Сам факт встречи Пушкина и Тургенева — крупнейших знатоков русского XVIII века — представляется знаменательным событием в летописях отечественной исторической науки. Пушкину — историографу Петра I были открыты российские архивы, Тургеневу — европейские.⁴⁹ При этом Пушкин (благодаря, в частности, занятиям в библиотеке Вольтера) был хорошо осведомлен и относительно европейских источников. Так разными путями они осваивали единый корпус исторических и мемуарных документов.

Смысл встречи, ее интеллектуальная энергия состояли в обмене сведениями, во взаимном обогащении. Притяжение, возникшее между ними, объ-

⁴⁷ Его полное название: «Толковые предположения о нынешнем положении Франции в политической системе Европы и взаимнообразно о положении Европы относительно Франции и, наконец, о новых комбинациях, кои должны или могут произойти от этих различных взаимоотношений, а также в политической системе Европы» (написано в 1773 году). Подробно об авторе и указанном сочинении см.: *Пименова Л. А.* Людовик XVI, его министры и дипломаты о «политической системе Европы» после Семилетней войны // Исторические исследования. Журнал исторического факультета Московского государственного университета. 2020. № 15. С. 79–90.

⁴⁸ По-видимому, они могут быть конкретизированы с помощью справочников М. Лессюра и А. Мезен: *Lessure M.* L'Histoire de Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970; *Mezin A.* Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris, 2009.

⁴⁹ Важно отметить, что «высочайшие поручения» они получили приблизительно в одно время. Напомним, что Пушкин был назначен историографом в 1831 году; на Тургенева монаршее «поручение» было возложено в 1834 году.

ясняется еще и тем, что как историки они принадлежали к разным типам. «Талант Пушкина-историка, — писал В. С. Листов, — находился скорее в сфере острого „соображения понятий“, чем в области скрупулезного собирания фактов». ⁵⁰ Напротив, стихией Тургенева было именно «собираательство», в чем, как мы помним, он сам признавался.

Фейнберг очень тонко заметил, что «парижские бумаги» «представляли, бесспорно, для Пушкина не только научный, но и художественный интерес; <...> устные рассказы Тургенева, с ними связанные, чрезвычайно интересовали его». ⁵¹ Исторический материал, как известно, был пищей для Пушкина-художника.

О том, что для Пушкина-историка Тургенев оказался самым осведомленным и желанным собеседником, писал еще Щеголев, отмечая: «...чем острее становился надрыв в семейных и общественных отношениях, тем глубже уходил Пушкин в эти дни в исторические занятия. Здесь он искал забвения». ⁵² Но ни Щеголев, ни исследователи более позднего времени не были достаточно осведомлены о Тургеневе-историке, чтобы вполне оценить его хрестоматийно известные поминальные слова о Пушкине: «Последнее время мы часто видались с ним и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные.

Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил Русскую новейшую историю: он созрел для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!» ⁵³

Эта характеристика имеет совершенно особое качество: она принадлежит не просто близкому Пушкину человеку, но авторитетнейшему знатоку русской истории XVIII века.

Результаты работы Тургенева, одного из первых русских исследователей парижских архивов, Пушкин воспринял не только как историк, но и как журналист. О его находках — событиях большого культурного значения — должны были узнать читатели «Современника». Тема подготовки материалов для пушкинского журнала в дневниковых записях Тургенева декабря 1836 года и особенно января 1837 года занимает заметное место. Еще во время работы в парижских архивах у него стала вызревать новая идея, которую он изложил в уже цитированном письме Вяземскому от 5 марта (22 февраля) 1836 года: «Есть ли бы Пушкина журнал издавался в Москве или есть ли бы я жил в П<етер>б<урге> с бумагами московскими и парижскими, то можно бы посвятить в журнале особое отделение — одной истории и другим политическим (старым), историч<ески>м и литературным редкостям, мне принадлежащим. По литературе также много любопытного; напр<имер>, письма Бонштеттена к М-me Stahl; письма Боннета о Мюллере, самого И. Мюллера и всякая всячина литературы 18<-го> столетия, нигде не напечатанная». ⁵⁴

Обратимся к дневнику Тургенева. 21 декабря он записал: «Пушкину обещал о Шотландии» (*Дневник*, с. 262); 9 января: «Дал Пушкину мои письма,

⁵⁰ Пушкин А. С. История Петра. С. 30.

⁵¹ Фейнберг И. Л. Парижские бумаги. С. 145.

⁵² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 254.

⁵³ Из письма Тургенева И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. // Русский архив. 1903. Кн. 1. № 1. С. 143.

⁵⁴ Азадовский К. Старые европейские комеражи. С. 105.

переписку Бонштеттена с m-me Stahl, его мелкие сочинения; выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре» (*Дневник*, с. 266).

Реконструкции содержания несохранившегося «Журнала о Шотландии» Гиллельсон посвятил отдельную статью, установив, что он заключал в себе описание поездки Тургенева из Лондона в Абботсфорд летом 1828 года.⁵⁵ Публикация материалов Ш.-В. Бонштеттена, швейцарского писателя и философа, умершего в 1832 году, могла быть посвящена его памяти. Тургенев познакомился с Бонштеттеном в 1827 году, но особенно сблизился в 1830 году и даже получил от него в дар несколько рукописей, которые и были переданы в «Современник» (ныне они хранятся в архиве братьев Тургеневых).⁵⁶

Как видим, все позиции перечня из дневниковой записи от 9 января ныне прокомментированы, кроме первой — «мои письма». Ее смысл кажется очевидным. Гиллельсон, а вслед за ним и другие исследователи полагают, что Тургенев «передал Пушкину очередную пачку писем-корреспонденций»⁵⁷ (т. е. писем, адресованных дружескому кругу — Жуковскому, Вяземскому, Пушкину). Впрочем, и сам автор давал основания для такого предположения: «Для чего же ты не прочел в IV № Современника Хронику русского? — спрашивал Тургенев А. Я. Булгакова 18 января 1837 года. — В следующем, в марте месяце, прочтешь и продолжение».⁵⁸

Ознакомившись в первой половине 10-х чисел января с предложенными к публикации материалами, Пушкин выбрал только два: «письма» Тургенева и его «выписки» о Веймаре. 16 января он отправил Тургеневу пакет со следующим сопроводительным письмом: «Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы, и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Чтó вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, *такого-то* или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к В. <яземскому>».⁵⁹

Далее Пушкин вписал адресованное Н. И. Тургеневу стихотворение «Так море, древний душегубец...», которое, как известно из дневника Тургенева, читал ему накануне, 15 января.

Письмо было обнаружено Л. Б. Модзалевским в 1934 году в ходе фронтального просмотра архива братьев Тургеневых на предмет выявления пушкинских рукописей и присоединено к Пушкинскому фонду.⁶⁰ При этом материалы, к которым оно прилагалось («Вот Вам Ваши письма»), не были найдены. Вместе с тем их содержание не составляло большой загадки: «Совершенно очевидно, — писал Гиллельсон, — что в письме Пушкина речь идет о „Хронике“, которая была напечатана в первом номере „Современника“, вышедшем после его смерти».⁶¹

8 октября 2020 года в процессе работы по составлению новой описи архива братьев Тургеневых я обнаружила рукопись, содержащую копии 17 писем Тургенева Голицыну от апреля 1835 — июля 1836 года с большой редак-

⁵⁵ Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев в Шотландии. Поездка в Абботсфорд // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 53–58.

⁵⁶ Подробнее о переписке мадам де Сталь с Бонштеттеном см.: Азадовский К. Старые европейские комеражы. С. 117–118. Внесем некоторые уточнения в указанные исследователем архивные сведения. В архиве братьев Тургеневых хранятся две копии писем Бонштеттена к мадам де Сталь (16 писем от 1805 года), одна из которых с авторской правкой (ед. хр. ст. 800). Возможно, именно для Пушкина с нее и была снята копия (ед. хр. ст. 2040). «Мелкие сочинения» Бонштеттена — это, по-видимому, рукопись под названием «Fragments» (ед. хр. ст. 2041).

⁵⁷ Максимов М. [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 389.

⁵⁸ Письма А. Тургенева Булгаковым. С. 207.

⁵⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 16. С. 218.

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 681.

⁶¹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 478.

торской правкой рукой Пушкина и Тургенева.⁶² Принадлежность правки Пушкину подтвердила экспертиза, проведенная хранителем Пушкинского фонда Т. И. Краснобородько. Новонайденный автограф был присоединен к Пушкинскому фонду.⁶³ Таким образом, спустя почти 200 лет удалось воссоединить два документа, составлявших некогда единый комплекс. В архиве братьев Тургеневых они были разъединены: пушкинское письмо хранилось под ст. № 816₁, а письма Тургенева Голицыну — под ст. № 1063а.

Сверка с текстом «Хроники русского» в пятом томе «Современника» показала, что находка представляет собой редакторский экземпляр тургеневской публикации, — вся имеющаяся в рукописи правка была учтена. В содержательном плане это подборка писем-отчетов Тургенева Голицыну о своей археографической работе в Секретном Ватиканском архиве, но главным образом — в парижских архивах (2 и 9 писем соответственно; одно письмо отправлено из Лондона).

Рукопись очень хорошей сохранности; ее объем 60 архивных листов (30 фабричных полных листов писчей бумаги in folio, сложенных пополам). Листы многостраничных писем сшиты. Текст занимает внешнюю полосу страницы, внутренняя оставлена для дополнений и вставок.

Предыстория найденной рукописи такова. 9 января Тургенев мог передать Пушкину не подлинники, а только копии своих писем-отчетов (подлинники хранились в Почтовом департаменте). Здесь по просьбе Тургенева со всех его писем снимались и высылались ему заверенные копии; таким образом, в ф. 309 отложился большой их массив. В его составе имеются и, надо думать, те самые копии, которые Тургенев отдал Пушкину 9 января (ед. хр. ст. 1076д, л. 7–40). Они выполнены весьма неряшливо; листы исписаны полностью, место для правки отсутствует. По-видимому, качество копий не устроило Пушкина-редактора, и Тургенев запросил подлинники. Они были получены со следующим сопроводительным письмом: «Особая канцелярия при Главноначальствующем над Почтовым департаментом <...> честь имеет препроводить <...> 17^{тб} подлинных писем, покорнейше прося по миновании в них надобности приказать возвратить в Канцелярию. 11 января 1837» (ед. хр. ст. 1063б).⁶⁴ Очевидно, 12 января⁶⁵ Тургенев передал подлинники Пушкину, а тот, в свою очередь, заказал с них копии своему писарю, Леонтию Герасимову. Рукой последнего составлен документ, который содержит разгадку тургеневской публикации в пятом томе «Современника»:

«Счет переписчика

Переписано для А. С. Пушкина (при жизни его)
 Записки полковника Давыдова 30 листов
 Парижские письма (Г. Тургенева) 64
 Письма Г. Тургенева кн. Голицыну 40
 27 марта 1837 год. <...> Итого 85 руб. Ассигнац.

Писарь Герасимов».⁶⁶

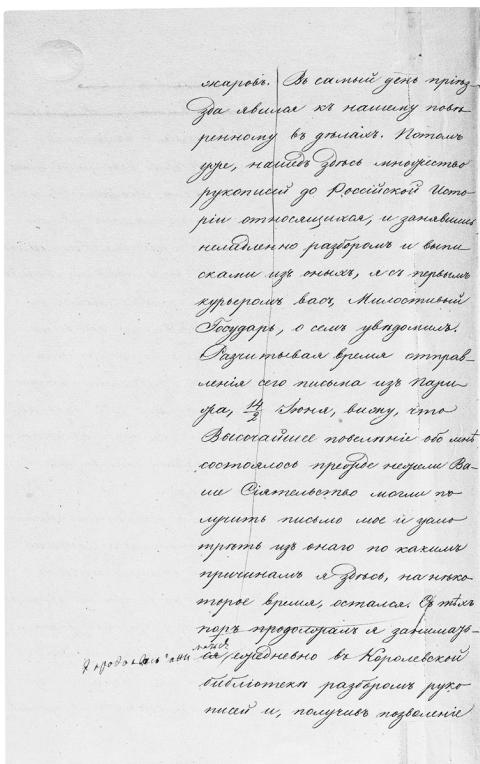
⁶² Впервые сообщение о находке было сделано 30 ноября 2020 года на Международных научных чтениях памяти В. Э. Вацура (Петербург, Пушкинский Дом).

⁶³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1777.

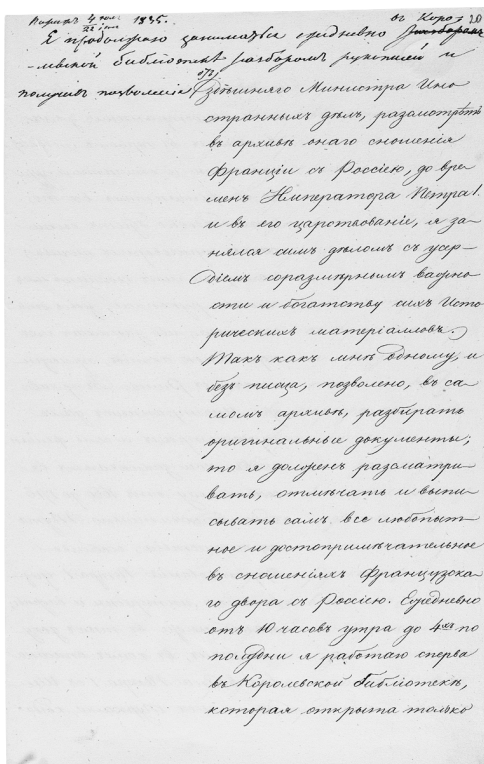
⁶⁴ Важно отметить местонахождение этого документа в архиве — он следует за новонайденным автографом, т. е. тематически с ним связан.

⁶⁵ «12 января. Вторник. А. И. Тургенев утром у Пушкина с коротким визитом» (Абрамович С. Январь 1837. Хроника // Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 247).

⁶⁶ Летописи Государственного Литературного музея. М., 1939. Кн. 5. Архив опеки Пушкина / Ред. и комм. П. С. Попова. С. 127. Судя по указанному количеству листов, под «парижскими письмами» следует понимать «Хронику русского», опубликованную в 1-м и 4-м томах «Современника». Сведения о публикации писем Тургенева Голицыну, приведенные П. С. Поповым в комментарии к «Счету переписчика», неверны (Там же).

Ил. 1. Правка рукой А. И. Тургенева

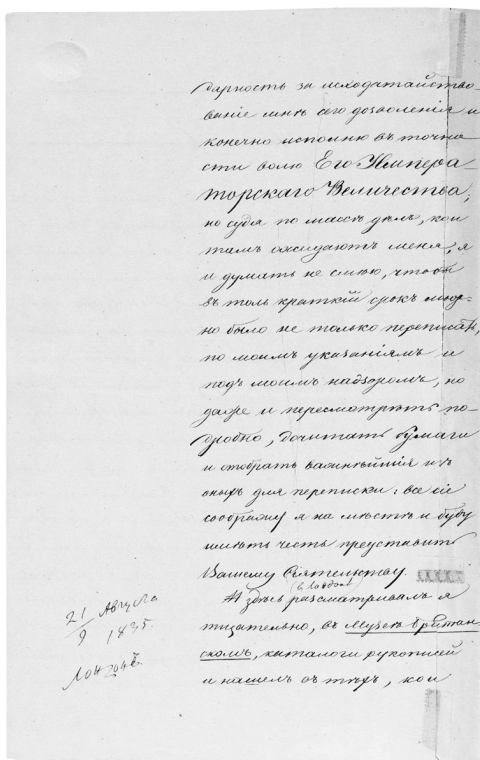
Ил. 2. Правка А. И. Тургенева, воспроизведенная рукой А. С. Пушкина на следующем листе рукописи

Дополнительно мы убедились в том, что копии, в которых имеется редакторская правка Тургенева и Пушкина, действительно изготовлены Л. Герасимовым, сравнив их с еще одним образцом его работы — копиями для посмертного издания сочинений Пушкина.⁶⁷ Сложнее обстоит дело с указанным в счете количеством листов. Как показало сопоставление счета со сделанными Л. Герасимовым копиями отдельных произведений для посмертного издания, переписчик учитывал количество заполненных фабричных полных листов in folio (такой лист соответствует двум листам по архивному счету). Обнаруженная нами рукопись содержит, повторим, 30 фабричных полных листов (при этом один из них, л. 49–50, изготовлен другим писарем). Таким образом, в ней на 11 фабричных листов меньше, чем в счете Л. Герасимова. Документальных данных для объяснения этого расхождения у нас нет.

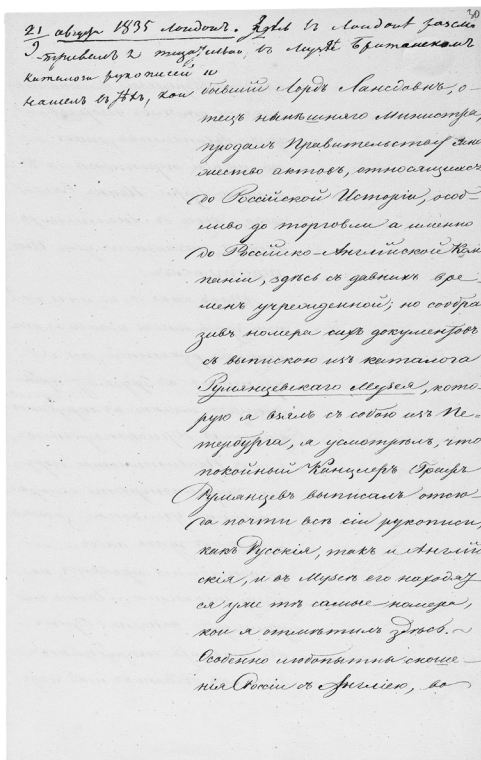
Итак, утром 16 января Пушкин отослал Тургеневу готовый для редактирования материал и снабдил автора «инструкциями». Первая фраза его письма: «Вот Вам Ваши письма» — явно содержит подтекст. Теперь он проясняется: речь идет об изготовленных копиях, а возможно, и пересылаемых с ними подлинниках, которые надлежало вернуть в Почтовый департамент.

В тот же день, 16 января, Тургенев приступил к работе: «Все утро просидел дома в чтении своих же писем к к. Гол<ицыну>. Не узнаю себя даже

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. Ед. хр. 93. Л. 556–674. О принадлежности этих копий Л. Герасимову см.: Архив опеки Пушкина. С. 176.

Ил. 3. Правка рукой А. И. Тургенева

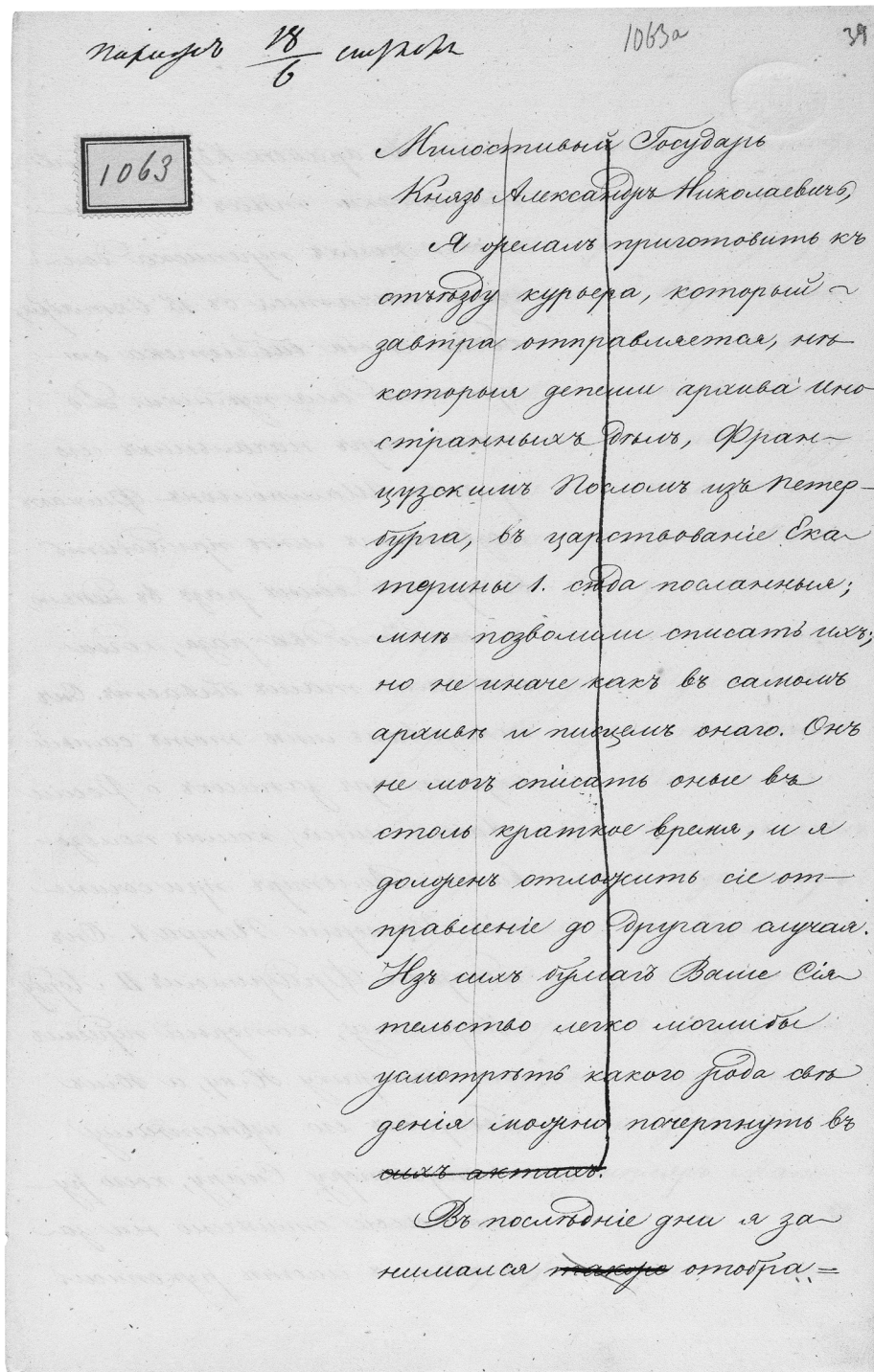
Ил. 4. Правка А. И. Тургенева, воспроизведенная рукой А. С. Пушкина на следующем листе рукописи

в прошлом году!» (Дневник, с. 268). Он повсеместно вычеркнул обращения («Милостивый Государь Князь Александр Николаевич»), некоторые «неудобные» места, на полях сделал немногочисленные вставки. Правка Тургенева выполнена тонким пером, бледными чернилами, не вполне отчетливо. Другой слой правки резко отличается от тургеневского: он сделан густыми черными чернилами, расписанным пером и принадлежит руке Пушкина.

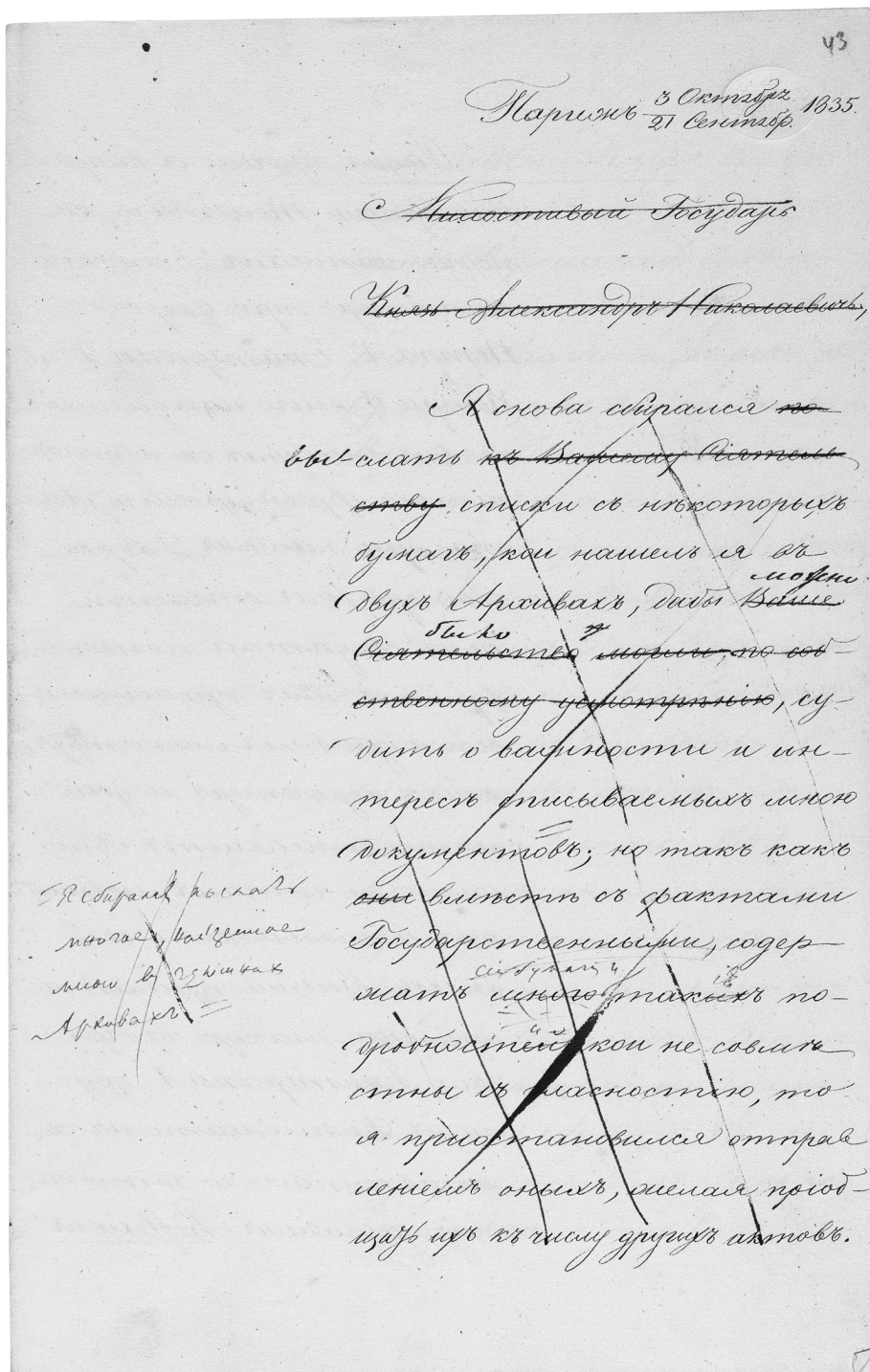
О двух одновременных слоях правки можно с уверенностью говорить на основании следующего факта: некоторые текстовые вставки Тургенева (вопреки пожеланию Пушкина ему не удалось сделать их «почетче») Пушкин впоследствии продублировал. Вообще записи его рукой (всего их семь — на л. 13, 20, 27, 30, 39, 51, 55) имеют скорее «технический» характер: это копирование небольших фрагментов тургеневского текста в связи с композиционными перестановками, а также вынесение дат в начало писем (см. ил. 1–4).⁶⁸ Гораздо большую смысловую нагрузку несут вычеркивания, принадлежность которых Пушкину определяется, в частности, по характеру чернил. Именно вычеркивания (всего их 28) представляют наибольший интерес для изучения его редакторской работы (см. ил. 5–6).

Сведений о том, что после 16 января Тургенев возвращался к редактированию своих писем, нет. Вероятной датой, когда он передал их Пушкину для окончательного просмотра, можно считать 21 января. В этот день он записал

⁶⁸ Кроме того, на л. 43 и 51 об. имеются исправления в отдельных словах (см. ил. 6).

Ил. 5. Место и дата — рукой А. С. Пушкина; текст перечеркнут тонкой вертикальной линией рукой А. И. Тургенева, справа жирной вертикальной линией — рукой А. С. Пушкина. На листе имеется наклейка с инвентарным номером

Ил. 6. Правка в верхней части листа, горизонтальные и крестообразные вычеркивания рукой А. С. Пушкина. Вставка на полях рукой А. И. Тургенева

в дневнике: «Зашел к Пушкину: о Шатобриане и о Гете и о моем письме из Симбирска» (*Дневник*, с. 269). С. Л. Абрамович связывает проблематику этого разговора с редакционными заботами Пушкина: сам он готовил для «Современника» рецензию на перевод «Потерянного рая» Мильтона, выполненный Шатобрианом, а Тургеневу, по всей видимости, напомнил об обещанном очерке, посвященном описанию дома Гете, который тот и завершил в продолжение двух последующих дней. 23 января Тургенев показал готовую рукопись «Веймарского дня» Пушкину и Плетневу, которые «читали ее и хвалили» (*Дневник*, с. 270). Трудно допустить, что в один из этих дней — 21 или 23 января, когда темой обсуждения была подготовка пятого тома «Современника», «парижские письма» были обойдены вниманием.

Получив рукопись от Тургенева, Пушкин отредактировал ее предположительно 25–26 января. Основанием датировки служит письмо Тургенева А. И. Нефедьевой от 28 января. Сообщая о дуэли, он по свежим следам передавал впечатления о своих последних встречах с поэтом: «3-го и 4-го дня (т. е. 25 и 26 января. — Н. Х.) <...> я провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для 5-ой книжки своего журнала».⁶⁹

Концептуальная задача Пушкина-редактора состояла в том, чтобы из официальных писем сделать статью, сюжетом которой являлся бы архивный поиск. Из текстов писем было по возможности изъято все, что обнаруживало их принадлежность к эпистолярному жанру (прежде всего, обращения и концовки, содержащие стандартные этикетные формулы), а также то, что выдавало их служебный характер, например указание даты в конце письма. Благодаря такому маленькому коррективу, как перенос дат, письма приобрели внешнее сходство с дневником (или с письмами-дневниками Тургенева из предыдущих частей «Хроники русского»).

Редакторские задачи не ограничивались тем, чтобы «вымарать казенные официальные фразы». Следовало, как писал Пушкин, убрать «некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc». А таких «слов» было много. Личная тема, не подлежавшая гласности, занимала в письмах значительное место.

Речь идет об очень тяжелой, унижительной истории выдворения Тургенева из Парижа согласно высочайшему предписанию от 4 июля 1835 года (в городе, закрытом для русских подданных, он находился якобы без «уважительных причин»). Тургенева возмутил цинизм этого циркуляра: «Неужели не жальется наконец надо мною и не дадут успокоиться у могилы брата? — писал он Голицыну 5 июля. — Пора бы убедиться, что я не для веселия света сюда приехал, а для труда, который здесь только совершить можно. <...> Разве здешние труды не могут почестся службою? Разве я менее академиков собрал исторических материалов для России? <...> Пожалуста <так!> помогите <...>».⁷⁰ Июль и август 1835 года он вынужден был провести в Лондоне, пока благодаря ходатайствам Голицына не получил разрешение вернуться в Париж и продолжить занятия в архивах. Все перипетии этой истории составляют в письмах отдельный большой сюжет. Пушкин-редактор исключил его; при этом он не мог не оценить исследовательского энтузиазма Тургенева, упорства, с которым тот боролся за право осуществить культурную миссию, выпавшую на его долю. Не напомнила ли ему эта история собственную, когда в 1834 году ради того, чтобы сохранить за собой право «рыться в старых архивах», он вынужден был отказаться от намерения выйти в отставку?

⁶⁹ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина. С. 48.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1777. Л. 25–26 об. Имеется в виду С. И. Тургенев, скончавшийся в Париже в 1827 году и похороненный на кладбище Пер-Лашез.

И все-таки некоторые глубоко личные ноты были сохранены, как, например, признание в письме от 21 (9 апреля) 1835 года в связи с долгожданной поездкой в Париж: «Конечно, не наслаждения иного рода влекут меня туда, где я еще не совершенно одинок и где надеюсь в тишине кабинета и в мирных исторических занятиях, коих предмет — Россия, отдохнуть хотя на время от жизни, в которой было для меня столько утрат и столько бедствий!»⁷¹ Для осведомленного читателя смысл этих строк был очевиден. Неосведомленный прочел бы их как ламентацию сентиментального путешественника.

Небольшие фрагменты писем исключены явно по цензурным соображениям. Например, имея в виду влияние голштинского министра Х. Ф. Бассевица при дворе Екатерины I (он участвовал в составлении завещания императрицы), Тургенев так писал о периоде временщиков: «Сию эпоху Российской истории можно бы по справедливости назвать Голстинскою».⁷² Эта характеристика была исключена.

В целом в результате редакторской работы было изъято не менее четверти текста. Из 17 писем опубликованы 12; не вошли в «Современник» 4 письма, два письма под одной датой (12 июня (31 мая)) были объединены в одно.

Пушкин остановил свой выбор на письмах Тургенева Голицыну, конечно, как историк. Как журналист он увидел в них практически готовый материал, что в условиях крайнего дефицита времени оказалось поистине находкой. К тому же письма отвечали цезурным требованиям. «Политика, то есть газетная политика, — предупреждал Вяземский Тургенева, — не годится, <...> но историческую политику милости просим».⁷³

Пушкин готовил к печати не продолжение «Хроники русского», а «глубоко занимательную» «статью». Обращение к иному жанру позволяло выйти из кризиса, который сложился с публикацией «Хроник». С другой стороны, статья подводила черту теме архивных разысканий Тургенева 1835–1836 годов, которая в I и IV томах журнала была только намечена.

В выборе Пушкина, несомненно, сказалась и глубокая симпатия к Тургеневу. Сам акт журнальной публикации переводил, условно говоря, «тургневскую тему» из поля кулуарных обсуждений в поле публичности. Это были уже не отчеты Голицыну и даже не доклад императору, а широкая публичная презентация деятельности Тургенева, которая говорила сама за себя. Публикация не «всякой всячины», как Тургенев аттестовал свои дружеские письма, но писем-отчетов как нельзя эффективнее могла способствовать формированию общественного мнения, закреплению за Тургеневым репутации ученого историка.

Новонайденный автограф принадлежит к числу самых последних. «Часть утра» 26 января, когда Тургенев видел Пушкина «веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости», была последними часами, проведенными ими вместе. Они «долго разговаривали о многом»,⁷⁴ в том числе о «парижских бумагах»: «...успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг Серб<иновича>», — записал, напомним, в тот день Тургенев в дневнике (*Дневник*, с. 271). Их беседа оборвалась на полуслове: Пушкин спешил домой, ожидая получить ответ от Геккерна. Затем он предпринял еще

⁷¹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 102.

⁷² Из письма от 18 (6) сентября (л. 41 об.).

⁷³ Письмо от 8 апреля 1836 года (Остафьевский архив. Т. 3. С. 312–313).

⁷⁴ Из письма Тургенева А. И. Нефедьевой от 28 января 1837 года (*Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина*. С. 48).

одну попытку продолжить беседу, послав Тургеневу записку: «Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов». Она сохранилась с пометой Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина на кануне Дуэля».⁷⁵

Даже надвигавшиеся роковые события не смогли заглушить исследовательский интерес Пушкина-историка к находкам Тургенева. Достигнув кульминационного момента, их общение трагически оборвалось...

Найденная рукопись избежала участи редакционных материалов «Современника», которые не сохранились.⁷⁶ Накануне дуэли она осталась у Тургенева, который, по-видимому, пожелал внимательно ознакомиться с правкой Пушкина: «Я сидел до 4-го часа, перечитывая мои письма», — записал он в дневнике под 26 января (*Дневник*, с. 271).

31 января он сообщил брату о намерении издать «Современник» в пользу семейства поэта, добавляя: «Я даю все мои письма, кои хотел напечатать Пушкин в нем».⁷⁷ Следовательно, интересующая нас рукопись находилась у него, в отличие от некоторых других принадлежавших Тургеневу материалов, которые были обнаружены в ходе «посмертного обыска» у Пушкина. В «Журнале, веденном при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», от 15–17 февраля значится: «Собраны и вручены <...> Жуковскому бумаги и письма Тургенева к разным лицам, хранившиеся у Пушкина, для извлечения статей в „Современник“».⁷⁸ Тургенев получил их 18 февраля (*Дневник*, с. 277). Гипотетически эти документы также могут иметь следы редакторской работы Пушкина. Совершенно очевидно, что «письма к разным лицам» — это материалы для «Хроники русского». Что в таком случае следует понимать под «бумагами»?

14 февраля Голицын сделал доклад Николаю I о результатах археографической деятельности Тургенева. Накануне (не позднее 11 февраля) последний подготовил памятную записку для князя с перечнем различных просьб, которые просил довести до сведения императора. К этой записке сохранились тезисы; среди них такой: «О рукописях моих, данных Пушкину» (ед. хр. ст. 1944, л. 3). Не следует ли понимать под упомянутыми выше «бумагами», а также «рукописями моими» копии документов из парижских архивов, которые Тургенев мог дать Пушкину на время?

Как память о Пушкине, как единственное детище совместной работы рукопись, подготовленная для пятого тома «Современника», была Тургеневу драгоценна. К тому же воспоминания, связанные с участием в пушкинском журнале, льстили его авторскому самолюбию. В феврале 1838 года, переживая размолвку с редакцией «Современника», он записал в дневнике: «Теперь все приутихло в уме, как и в сердце, особливо с тех пор, как журнал Пушкина предпочитает статьи о *тамбовском патриотизме* письмам, коих строки Пушкин хотел вырезать на меди — золотыми буквами!»⁷⁹

Есть основания полагать, что издателям пятого тома Тургенев отдал не редакционный экземпляр с пометами Пушкина, а снятую с него копию. Таким образом ему удалось сохранить рукопись, которая неизбежно пропала

⁷⁵ *Абрамович С.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 278.

⁷⁶ По осторожному предположению Л. Б. Модзалевского, «Записки П. В. Нащокина» 1836 года, правленные Пушкиным и сохранившиеся в его бумагах, могли предназначаться для «Современника» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. к печати и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 125). Предположение высказано в комментариях к публикации «Записок» (Там же. С. 116–124).

⁷⁷ *Фомин А. А.* Новые материалы для биографии Пушкина. С. 61.

⁷⁸ *Цявловский М. А.* «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 282.

⁷⁹ *Максимов М.* [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 383.

бы в типографии, как прочие материалы «Современника». ⁸⁰ Это предположение основано на следующих фактах: во-первых, рукопись не имеет никаких следов типографской краски (именуемых на языке архивистов «пальчики»); во-вторых, Тургенев был крайне не заинтересован в разглашении имени адресата публикуемых писем. Копия, изготовленная по редакционному экземпляру с учетом всех изъятий, позволяла сохранить анонимность.

История находки будет неполна, если мы обойдем вниманием имя Голицына. Необходимо иметь в виду, что письма-отчеты Тургенева составляли служебную переписку; о ней был осведомлен император. Могли ли они быть преданы гласности без ведома адресата, пусть и в существенно измененном виде? Конечно, нет. Прежде всего потому, что это нанесло бы жестокий удар Тургеневу, судьба которого, равно как и судьба его брата, во многом зависела от благорасположения князя. Вопрос о публикации Тургенев должен был лично согласовать с Голицыным, у которого был частым гостем, прежде чем отдать письма Пушкину.

Уехав в Москву, Тургенев не застал последний этап подготовки пятого тома к изданию. Сообщил ли он редакции о намерении Пушкина озаглавить его письма «труды, изыскания, *такого-то* или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах», — намерении, известном только ему, установить вряд ли возможно. В «Современнике» они появились под привычным названием «Хроника русского» без обозначения имени автора.

В архиве братьев Тургеневых сохранился любопытный документ — некий инвентарь под названием «Catalogue de raquets», составленный Тургеневым, в котором есть следующая запись: «Pouschkin — Портфель Пушкина — автографы — дополнение к автографам, которые есть в портфеле» (ед. хр. ст. 1948). В этом портфеле, следует думать, хранились и найденная ныне рукопись, и сопроводительное письмо к ней. Документы были разъединены, очевидно, в процессе обработки фонда (1910–1920-е годы). Не сумев установить принадлежность правки Пушкину, рукопись отнесли к комплексу писем Тургенева Голицыну.

«Дошедшие до нас сведения о трудах Пушкина зимой 1836/37 г. очень неполны, — писала С. Л. Абрамович. — Но даже эти отрывочные свидетельства дают нам представление о напряженной творческой деятельности, которая не прерывалась вплоть до того часа, когда Пушкин, оставив на столе рукописи и книги, покинул свой рабочий кабинет, чтобы заняться подготовкой к поединку». ⁸¹ Ныне дополнив хронику январских событий новым документальным свидетельством, мы можем еще раз убедиться в абсолютной правоте этих слов.

⁸⁰ Практика издания, высочайше дозволенная для «Современника», была такова: набор в типографии осуществлялся непосредственно с авторских рукописей. В цензуру доставлялись отпечатанные листы.

⁸¹ Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 146.

РОМАНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ПЯТИКНИЖИЕ МОИСЕЯ: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»*

1

Принятое обозначение больших романов Достоевского как «пятикнижия», устанавливающее их сообразность составу Торы, имеет сугубо формальный характер, указывает не более чем на их количественное совпадение с частями, открывающими Ветхий Завет (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие). Между тем можно предположить, что Достоевский сознательно ориентировал позднее творчество на Пятикнижие Моисея, стремясь придать своим романам тот же фундаментальный смысл, каким обладают для иудео-христианской духовной культуры отправные библейские повествования о становлении отношений между Богом и человеком. Мы вряд ли будем в состоянии понять ту загадочную силу, которая завораживает нас при чтении текстов Достоевского, если не учтем, что они далеко выходят за пределы литературы, утаивая в себе обращение их автора к началам и поворотным пунктам человеческой мысли (религиозной и философской), заново переживаемым в качестве вечно актуальных, не устранимых из истории, как бы та ни старалась продвинуться вперед. Мимесис, осуществляемый в этих текстах, избирает своим главным объектом превращения человеческого интеллекта. Первый из больших романов Достоевского — «Преступление и наказание» — соположен, соответственно, первой же из книг Торы — Бытию (Genesis).

Совершая убийство старухи процентщицы, Раскольников пытается переиначить судьбу человеческого рода, расплачивающегося за первородный грех, за нарушение Господней заповеди. На пути к месту преступления герой Достоевского, предпринимая обходный маневр («...Надо было <...> сделать крюк: подойти к дому <...> с другой стороны»¹), мысленно попадает в городсад — подобие Эдема: «Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь» (6, 60). В круговом движении, предшествующем подъему по лестнице, которая ведет в квартиру старухи, Раскольников возвращается в земной рай, чтобы именно оттуда стать исполнителем «идеи <...> спасительной, может быть, для всего человечества» (6, 199), как он изъ-

* Статья посвящается памяти Сергея Александровича Гончарова.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 60. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

ясняется в беседе с Порфирием Петровичем.² Сопоставимость преступника с ветхим Адамом подкрепляется мотивами изношенного платья Раскольникова и стыда, который он должен был бы испытывать из-за своего наряда (вкусивший плоды от Древа познания Адам робеет показаться перед Создателем нагим): «Он был до того худо одет, что иной <...> человек посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу» (6, 6). Но стыд утрачен Раскольниковым: «...он менее всего совестился своих лохмотьев на улице» (6, 6). Он сравним с Адамом как антипод первочеловека. Раскольников жаждет прервать связное развертывание истории из прототипа, сообщить ей ход от иного, чем бывший, отправного пункта, отделившись при этом от всех смертных, закрепощенных преданием: «...чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...» (6, 6). Задача недоучившегося правоведа — утвердить в людском сообществе закон, какого еще не было, но по примеру, который подали «установители человечества, начиная с древнейших» (6, 199), т. е. с Моисея. Чтобы ввести в обращение новоявленный закон, нужно сломать старый, основывающийся на запрете человекоубийства (Бт. 9: 6). Вынашивающий проект по перепланировке Петербурга, Раскольников уподобляется Каину, пролившему первую кровь и ставшему затем градостроителем (Бт. 4: 17). Убивая из зависти брата, чьим дарам отдал предпочтение Создатель, Каин наследует ресентиментальную черту Адама, возжелавшего стать «как боги» (Бт. 3: 5), и, как и тот, изгоняется со своего места в мире. Раскольников — собирательная фигура, впитывающая в себя признаки разных, но равно греховных, гомологически сопряженных друг с другом библейских персонажей. Вместе с тем он отличен от них, поступающих по естеству, необдуманно (Адама и Еву соблазняет на пренебрежение запретом змей — низкая природа). Убийца же в «Преступлении и наказании» ставит эксперимент, проверяющий его теоретическое построение. Он головное существо. Раскольников противоположен Адаму не только в том, что хочет вернуться в потерянный для людей Эдем, но и в том, что идет от рассудка к поступку, переворачивая тем самым соотношение этих начал, заданное Священным Писанием, где, напротив, обретение (со)знания выводится из действия протагонистов.

В Эпизоде романа Раскольников переживает после кризиса, в который был ввергнут на каторге, второе рождение, наблюдая на берегу реки юрты

² Блуждания Раскольникова по городу имеют трехчленную структуру. Вертикальное движение героя между центром и периферией Петербурга превращается в горизонтальное, направленное то вверх, то вниз: «В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь всё это прежнее прошлое <...>, и вся эта панорама, и он сам, и всё, всё... Казалось, он улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах его <...> Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду; затем повернулся и пошел домой» (6, 90). Этот образ обратившегося в свою противоположность вознесения вторит подъему и спуску Раскольникова по лестнице в сценах убийства Алены Ивановны и Лизаветы. Раскольников словно бы путешествует по трехъярусному мировому дереву, попадая попеременно в верхний и нижний миры из расположенной между ними срединной сферы. Древо познания Добра и Зла в насаженном Творцом саду (*arbor mundi* в библейской интерпретации) входит в «Преступление и наказание» в развоплощенно-формальном виде, опознается по векторам тех перемещений, которые определяют пространственные координаты героя. Трехсоставная композиция характеризует и весь текст романа (убийство — дознание — раскаяние). Читателю предлагается проделать путь из области, недоступной в романе для внешних наблюдателей (как бы подземной), к становящемуся там известным всем — при том что посредующим между этими полюсами звеном выступает словесный поединок, который ведут следователь и правонарушитель. Согласно В. Н. Топорову, вопросно-ответный строй — отличительный признак древнейших текстов, отражающих в себе представление о мировом древе: *Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. V. С. 9–62.*

кочевников: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стада его» (6, 421). Исцеление от заблуждений ведет неудачливого законодателя, надеявшегося оказаться в Эдеме, к тому библейскому герою, с кем Бог заключил нерушимый союз,³ прекратив наказывать в роду Авраама людей, которым довел Адамов грех. Эти кары нуминозного Бога как бы невзначай упомянуты в «Преступлении и наказании»: Мармеладов сравнивает квартиру Амалии Федоровны с «Содомом» (6, 16), сожженным Богом; письмоводитель в полиции именуется дом убитой старухи «Ноевым ковчегом» (6, 83), намекая на ниспосланный на людей потоп.⁴ Авраам разнится с другим — ранним — избранником Господа, Ноем, тем, что спасается не только сам, но и в потомстве. Если Ной не находит в лице глумящегося над захмелевшим отцом Хама достойного продолжателя рода, то смысл остановленного ангелом заклания Исаака в том, что благорасположение свыше осеняет и Авраама, и его сына. Оно распространяется затем на все колена Израилевы. Договор, в силу которого Авраам обязуется исполнять заповеди Бога, знаменует прощение первородного греха, дарованное если и не каждому человеку, то, по меньшей мере, народам, происходящим от семени Авраамова. Пьяница Мармеладов, которому не удается спастись во втором рождении, хотя бы обстоятельства тому и благоприятствовали, соположен избежавшему гибели души Раскольникову по тому же принципу, по какому в Писании изобретатель виноделия Ной предвосхищает — еще с ущербом — то совершенное избранничество, что выпало на долю Авраама.⁵

Приобщение воскресшего Раскольникова Авраамовой вечности означает, что преступление, о котором повествует роман, бросало вызов отпущению человеку его вины. Божья милость не принесла людям облегчения их участи, почему соблюдение заповедей Господних более не имеет силы: «— Ну а коли я соврал, <...> коли действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное всё — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград...» (6, 25), — размышляет Раскольников после того, как выслушивает горестную историю, рассказанную Мармеладовым. Раскольников недоволен миром, созданным Богом, предвосхищая в этом бунт Ивана Карамазова.⁶ Чтобы дать людям закон по их достоинству взамен отслужившего свой срок, нужно расторгнуть узы, связавшие Авраама с Богом, который поручил своему баловню вершить «правду и суд»

³ См. подробно об этом библейском патриархе: *Frankemölle H. Vater im Glauben? Abraham/Ibrahim in Tora, Neuem Testament und Koran. Freiburg, 2016.*

⁴ В черновике «Преступления и наказания» содержится отсылка к еще одному человеческому предприятию, вызвавшему гнев Бога, — к возведению Вавилонской башни, сложенной из «испеченных» на огне кирпичей (Бт. 11: 3): «Я — кирпич, который упал старухе на голову; я — леса, которые над ней обвалились», — говорит Раскольников (7, 128).

⁵ В речь Мармеладова не случайно проникает библеизм, опознанный Ольгой Меерсон. «Тающий воск», с которым Мармеладов сравнивает облагодетельствовавшего его начальника, замешан им из Псалтыри, правда, с изменением исходного значения этого мотива: *Меерсон О. Библейские интертексты у Достоевского. Кошунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12 / Под ред. К. А. Степаняна. М., 1999. С. 47–49.*

⁶ Как второй Раскольников, Иван (его имя анаграммирует слово «вина») сцеплен Достоевским с «Бытием». Алеша внезапно для себя обнаруживает, что у его брата нетвердая походка: «Почему-то заприщипил вдруг, что брат Иван идет как-то раскачиваясь и что у него правое плечо, если сзади глядеть, кажется ниже левого» (14, 241). Богоборец Иван наделяется телесным признаком Иакова, повредившего бедро во время схватки с невидимым Богом: «и хромал он на бедро свое» (Бт. 32: 31). Ср. иную интерпретацию хромоты Ивана, сопоставленного с Мефистофелем: *Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. С. 98–100.* Разумеется, для Достоевского могли быть сразу релевантными и Ветхий Завет, и Гете.

(Бт. 18: 19). Раскольников, сам того не подозревая, хочет уничтожить основание, на котором зиждется Авраамов род.

Подсовывая Алене Ивановне в качестве заклада муляж «серебряной *пирросочницы*» (дощечку с наложенной на нее «железной полоской» (6, 57)), Раскольников глумливо пародирует дароприношение Авраама, подвергнувшего жертвенному *сожжению* агнца после того, как смерть была отведена от Исаака (Бт. 22: 13). Обман принявшей заклад старухи, наживающейся на ростовщичестве, являет собой разрыв договора, олицетворением которого в Писании был Авраам, перенесший свой контракт с Богом в социальную действительность (он вступает в обмен с царем Герарским Авимелехом — вымалчивает ему исцеление от бесплодия за возвращение Сарры, которую тот щедро одарил (Бт. 20)).⁷ Пряча под камень награбленную добычу, убийца окарикатуривает действия сына Исаака Иакова, к которому Бог благоволил, как и к Аврааму: в знак благодарности Всемогущему Иаков (он же Израиль) поставил камень, долженствовавший быть «домом Божиим» (Бт. 28: 18–23; 35: 10–15).

Та же самая, что и во всех этих случаях, профанация сакральных ценностей Писания просвечивает в жертвах Раскольникова — в процентщице и ее сестре Лизавете, образующих аналог престарелой Сарры, жены Авраама, рождающей ему, несмотря на свой возраст, наследника Исаака, и рабыни Агари, от которой он зачинает Измаила. Обе библейские героини подразумевают рождающую смерть (физическую *resp.* социальную⁸). То, что Танатос (в двух своих взаимодополнительных вариантах) может быть производительным, прокреативным, обещает непрерывность Авраамову племени, не иссякающему в смерти. В подслушанном Раскольниковым в трактире разговоре ведущий его студент неспроста отзывается об Алене Ивановне, отсылая к тому народу, который исповедовал ветхозаветную религию: «Богата как жид...» (6, 53).⁹ О Лизавете в «Преступлении и наказании» сказано, что она была «...в полном рабстве у сестры своей...» (6, 51) и что она «...ломинутно была беременна...» (6, 54) (в краткой редакции романа Раскольников и убивает ее, когда та ходила на сносях). Процентщица несправедлива к Лизавете, помыкает ею в *pendant* к тому, как Сарра изгоняет из своего дома Агарь. Покушение на жизнь старухи вместе с «совсем неожиданным убийством» (6, 65) Лизаветы оказывается в таком освещении попыткой пресечь плодовитость, которой Авраам был обязан своему союзу с Богом. Раскольников превращает рождающую смерть в смерть рождения. Его преступление имеет ту подоплеку, что оно отрицает предпочтение, отданное Богом одному из великого множества людей, и ставит на место предотвращенного умножения Господних избранников самозванного законодателя, надеющегося осчастливить человечество своей властью над ним. Раскольников отвергает номос, проистекающий от Бога. Обытовление, снижение и контрапозиционирование ветхозаветных мотивов отвечают в «Преступлении и наказании» намерению центрального героя повествования подменить теогенный правопорядок человеческим. К такому

⁷ Раскольников не придерживается договорных обязательств и в других ситуациях: он не платит денег по заемному письму, отчего попадает в полицейский участок, и, приняв было предложение Разумихина перевести вместе с ним трактат «Человек ли женщина?», внезапно отказывается выполнять это соглашение. Испытание, через которое проходит Раскольников, втягивает его в конце концов в договорные отношения: за добровольную отдачу себя в руки правосудия он получает смягчение приговора.

⁸ О равенстве раба и смерти см. подробно: Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М., 1997. С. 82 и след.

⁹ Возможно, аллюзивен и тот факт, что Алена Ивановна — вдова коллежского регистратора: этот чин, хотя и самый малый, давал право на потомственное почетное гражданство, составляющее низкую параллель к той династической привилегированности, которой обладал род Авраама.

кощунственному обращению с библейскими святынями принадлежит и обезображивание в романе ветхозаветной Троицы. Так же, как Бог в образе трех мужей посещает сидящего на пороге (в церковнославянском тексте Библии говорится о «двери») Авраама, чтобы известить его о чуде предстоящей беременности Сарры (Бт. 18: 1–19), к Раскольникову, прячущемуся после убийства за дверью в квартире Алены Ивановны, являются Кох и студент Пестряков, к которым затем присоединяется дворник. Раскольникову удается ускользнуть от них, что напрямую противоречит откровению ангелов («И сказал Господь: утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!» (Бт. 18: 17)), идентифицирующих Авраама как прародителя великого народа. В перевернутом по сравнению с Ветхим Заветом мире, в котором думает и действует Раскольников, дряхлая, но чреватая будущим жена Авраама перевоплощается во вдовствующую процентщицу — в бесплодное существо из отступающего в прошлое времени.

По завету Бога, за Его опеку Авраам и потомки патриарха должны платить обрезанием крайней плоти. Человек символически — по принципу *pars pro toto* — жертвует Богу детородный орган, дабы на деле быть освобожденным от жертвенного заклания чад своих и уверенным в нерушимости наследственного преуспевания. Господь обещает Аврааму, собиравшемуся заклать Исаака: «...Я благословляя благословляю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря» (Бт. 22: 17). Раскольников, напротив того, возобновляет человеческое жертвоприношение. Соответственно, для него теряется смысл парциально-символического отторжения собственной плоти — она отделяется *in toto* от социального тела: «...он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего...» (6, 90). Обрезание, к которому обязал Господь Авраама, профанируется Достоевским; оно становится у Раскольникова из означивания богоизбранного народа операцией по сокрытию улики: «...на том месте, где панталоны внизу осеклись и висели бахромой, на бахrome этой оставались густые следы запекшейся крови. Он схватил складной большой ножик и обрезал бахрому» (6, 71).

Раскольников мечтает устранить из человеческого существования несправедливость, уравняв людей, но Всевышний оберегает не всеобщее, а особое, — так Достоевский возражал на философское абстрагирование от конкретно определенных вещей, на умозрение, забывшее (по Паскалю) «Бога Авраама, Исаака и Иакова». Всех примирит не Бог Отец с его избирательным человеколюбием, а Сын Божий, но Его приход еще впереди. Непомерно высоко оценивающий себя индивид, который торопит финал истории и силится стать «завершителем человечества» (6, 202), контрарен Мессии, порождает вместо гармонии и бессмертия раздор и смерть.

Реализуя свою *idée fixe*, Раскольников действует как бы не по собственной воле («...как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой...» (6, 58)), находясь под влиянием знакомства с Мармеладовым, встречи на улице с нетрезвой девушкой, преследуемой готовым воспользоваться ее беспомощностью господином, и беседы студента и офицера о «никому не нужной» (6, 54) процентщице. Покушаясь на жизнь старухи, Раскольников не предполагает, что ему придется погубить и Лизавету. Он не отдает себе отчета в том, что переиначивает ветхозаветный сюжет. Однако обстоятельства, в которых он оказывается, фатально отбрасывают его к истокам письменной истории иудео-христианского человека. Мир провиденциально устроен так, что происходящее в нем правонарушение неизбежно расстраивает закон, заповеданный Всемогущим. Такова философия (точнее сказать, теология) права, которую отстаивает создатель повествования о тщете попытки вырваться из исторического времени ради того, чтобы радикально изменить его точку отсчета (этот

ход повторит в XX веке авангард). Основоположение истории остается прежним: Раскольников попирает первородный грех грехом же. Автор «Преступления и наказания» восполняет нехватку сознания у Раскольникова, вступает с ним в подспудный спор, в котором указывает своему герою на истинный смысл его поступка. В подготовительных материалах к роману читаем: «Предположить нужно автора существом *всеведущим* и *не погрешающим...*» (7, 149). Твердо верящий во всегдашнюю силу Господнего закона, автор становится причастным божественной мудрости. Его уразумение происходящего неизмеримо превосходит мировидение героя. Не может быть и речи о равнозначности разных сознаний в прозе Достоевского и о «внеаходимости» ее автора, как то мерещилось М. М. Бахтину. Позиция автора «Преступления и наказания» открывается нам после того, как делается ясным, что тайнопись пронизывающих роман отсылки к Библии объясняется свойственным Раскольникову недопониманием содеянного им. Текст скрещивает две точки зрения — эксплицитованную и имплицитную — на излагаемые в нем события, одна из которых — героя — дефектна, вводит читателя в заблуждение, а другая — автора — полноценна, но скрыта, как спрятан от Раскольникова смысл его намерения, и требует экзегезы — той же, по существу, что и библейский источник романа. Святотатство, изображенное в «Преступлении и наказании», непрозрачно для профанного (литературного лишь) мышления; чтобы вникнуть в замысел романа, нужно быть посвященным в Божие провидение, запечатленное Писанием.

Несостоятельность претензии Раскольникова на запуск истории сызнова (Разумихин отзывается о его злодеянии как о «первом шаге», «неловком» и «неопытном» (6, 117)) удостоверяет правоту ветхозаветного повествования о первородстве. Явившийся на свет первым из близнецов, Исав уступает за угощение старшинство Иакову, который после захвата чужой позиции добивается хитростью благословения у отца. Но затем Иаков, умилостивив Исава дарами, возвращает ему отнятый у него статус, отдавая брату место в шествию впереди себя: «Пусть господин мой пойдет впереди раба своего...» (Бт. 33: 14). Согласно ветхозаветной логике, история делает начальное и последующее, оригинал и копию обратимыми, взаимозаместимыми. Что было первым, то будет вторым, и *vice versa*. Перводанность можно найти только в генезисе от ничто, от небытного (и он божествен). В исторической же цепи, полученной из абсолютного начала, все ее звенья сразу и первые, и вторые. В протекающем времени не бывает той полной оригинальности, каковой было наделено его происхождение (так, фигуры до поры бездетной Рахили, жены Иакова, и ее служанки Валлы, с которой тот вступает в соитие, воспроизводят пару Сарра — Агарь в их отношении к Аврааму). Развитие Раскольникова заставляет его, как и Иакова, отречься от борьбы за право быть первым («...я начать не умею...» (6, 318), — исповедуется он Сонечке) и признать власть над собой извечного прообраза: «...знаю, что всё <...> будет именно так, как по книге...» (6, 402), т. е. по Библии.

2

Метанойе главного героя романа предшествует самоубийство его alter ego, Свидригайлова, виновного, как и Раскольников, в смерти двух женщин, Марфы Петровны и поруганной им девочки-подростка. Метафорическое у Раскольникова лишение себя жизни («Я себя убил, а не старушонку!» (6, 322)) становится буквальным в случае Свидригайлова. Достоевский отелеснивает духовное преображение Раскольникова, физически уничтожая его

второе «я».¹⁰ Если Раскольников восстает против тех, кто в Писании послушался гласа Господнего и принял уставы Бога, то Свидригайлову отводится в романе роль быть индивидуализованным аналогом наказанных там свыше людских полчищ, еще пребывавших в состоянии беззакония.¹¹ Самоубийству сопутствуют наводнение и непогода, явственно вызывающие в памяти ветхозаветный потоп: «...надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад. Вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю» (6, 384).¹² Перед тем как свести счеты с жизнью, отрицательный двойник Раскольникова останавливается в гостинице «Адрианополь»; стреляется он возле пожарной части — «большого дома с каланчой» (6, 394) — на глазах у солдата-еврея в «ахиллесовской каске» (6, 394). Как ни толкуй топографически название гостиницы,¹³ оно связано с именем того римского императора, который жестоко подавил возмущение, поднявшееся в Иудее в 131–136 годах. На след потерпевшего неудачу восстания наводит подчеркивание Достоевским «скорби» на лице солдата — той же, что и «...на всех без исключения лицах еврейского племени» (6, 394). Фаворитом Адриана был юноша Антиной, в честь которого после его гибели император учредил поминальный культ.¹⁴ Отчасти зашифрованное, отчасти очевидное сочетание мотивов библейского народа, проигранного самоутверждения, гомоэротизма и пожарной охраны адресует нас к ветхозаветному Содому, на жителей которого за их произвол проливается по Божьему изволению с неба огонь. В человеческом мире нет неуязвимых существ — на что намекает шлем Ахиллеса, пораженного в незащищенную пятую стрелой Аполлона. Каланча в этом контексте с главенствующим в нем значением возмездия за беззаконие аллюзивно перекликается с Вавилонской башней.

Аллюзивная техника Достоевского имплицативна — она знакомит нас с деталями (например, с каской пожарного, делающей его похожим на Ахиллеса), из которых реципиент, осведомленный о том целом, откуда они извлечены (в данном случае — из «Илиады»), должен предпринять далеко идущие выводы. Еще одна черта этой техники — аналитизм. Достоевский расщепляет единое так, что вложенный в некую совокупность реминисцентный

¹⁰ Достоевский доводит реализацию метафорической духовной смерти прежнего Раскольникова до предела за счет того, что делает Свидригайлова документально достоверным персонажем, собирающим в своей биографии факты шумных литературных скандалов, которые разыгрались в России в середине XIX века. Выкуп Свидригайлова из долговой тюрьмы, предпринятый Марфой Петровной, повторяет поступок генеральши Анны Бибиковой, заплатившей залог за сидевшего в долговом отделении Аполлона Григорьева (1864). В не совсем отчетливой в романе, может быть, прямой, а может быть, только косвенной, вине Свидригайлова в смерти Марфы Петровны слышится отзвук темного судебного дела Александра Сухова-Кобылина, на которого пало подозрение в убийстве (1850) сожительницы Луизы Симон-Деманш, — он отделался, однако, по решению Сената, лишь публичным церковным покаянием за прелюбодеяние (Раскольников возвышает эту формальную процедуру, исповедуясь в скверне греха перед всем миром, на площади). Самоубийство Свидригайлова избавляет Раскольникова на фактографически-подтекстовом уровне романа, таким образом, от двойника-литератора, от эстетической самости, на место которой приходит заменяющее ее религиозное сознание.

¹¹ В фамилии Свидригайлов отчетливо слышатся «widrig» и «Neil», несущие в себе идею сопотвращения здоровью (души), которое ожидает Раскольникова.

¹² Между тем Разумихин именует комнату Раскольникова «каютой» (6, 93), предрекая ему тем самым спасение, подобное тому, в каком Ной был защищен от казни Господней в ковчеге.

¹³ Т. А. Касаткина считает, что в «Преступлении и наказании» имеется в виду часть Афин с аркой Адриана, но Адрианополем именовался и город на реке Эврос (ср.: Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. С. 208–216).

¹⁴ Возлюбленный Адриана Антиной утонул, купаясь в Ниле; Марфа Петровна, жена Свидригайлова, гибнет то ли отравленная (по версии Дуни), то ли — таково публичное мнение — после погружения в холодную ключевую воду купальни.

смысл проясняется лишь после того, как мы соединим ее разрозненные элементы. В желании Свидригайлова овладеть сестрой Раскольникова Дуней проступит библейский мотив жены-сестры, если принять во внимание, что эти мужские персонажи при всей своей разности уравнены в романе. В Ветхом Завете Авраам, придя в Египетскую землю, выдает Сарру за свою сестру, после чего ее берут в дом фараона, который, вняв недобрым знаменьям, возвращает ее законному супругу (Бт. 12: 10–20). Поступок отца повторяет с тем же, что и у того, результатом Исаак, чья жена Ревекка притворяется в Гераре его сестрой (Бт. 26: 7–11). Сходно продублировано и намерение Свидригайлова. То, чего он не достигает, удается Разумихину, суженому Дуни, также двойнику Раскольникова, но не отрицательному, как Свидригайлов, а положительному.

Наряду с двойниками Раскольникова в романе выведен его антипод — Лужин, с которым Дуне предстоит вступить в брак по плану Марфы Петровны. Несовместимость центрального героя «Преступления и наказания» с навязанным сестре женихом («Или я, или Лужин <...> Если же ты выйдешь за Лужина, я тотчас же перестану тебя сестрою считать» (6, 178)) становится побудительным толчком для клеветы Лужина на Сонечку Мармеладову — акта, призванного дискредитировать сочувствующего ее бедам Раскольникова в глазах его семьи, дабы устранить препятствие к браку. В первой книге Торы мотив жены, отданной обманом другому, переворачивается в эпизоде с наговором на Иосифа Прекрасного. В этих сценах не муж побуждает жену к *quid pro quo*, а жена фараонова царедворца Потифара требует от мужа, чтобы тот признал за правду ее поклеп на Иосифа, якобы восхотевшего блуда с ней (Бт. 39: 6–20). В соответствии с библейским обращением смысла ложное обвинение выдвигает в романе тот персонаж, который, будучи лишь противоположностью Раскольникова, если и женится на Дуне, то при том условии, что брат расторгнет с ней родство, не будет относиться к ней как к сестре. Лужин подбрасывает Сонечке сторублевый кредитный билет, выставляя ее воровкой. В Ветхом Завете обретший власть Иосиф, воссоздавая инсценировку, затеянную женой Потифара (отождествляя себя с агрессором, сказали бы психоаналитики), велит начальнику своего дома подложить в мешок Вениамина серебряную чашу, чтобы не отпустить из Египта ввиду мнимой кражи своего возлюбленного младшего брата, покупавшего там вместе с другими братьями хлеб в голодные годы. Но Иосиф не удерживается (он все же другой, нежели опорочившая его египтянка) и, отказавшись от задуманного, открывается братьям, обещая не мстить им за то, что они продали его в Египет. Объявляя во всеуслышание Сонечку преступницей, Лужин совпадает с женой Потифара, а в манипуляции с псевдоуликкой — с Иосифом.¹⁵ Истинна, по Достоевскому, филантропия от Бога, ложно и коварно дарение *ad hominem*. Подходя и здесь к источнику аналитически, Достоевский распределяет действия Иосифа между Лужиным и его двойником (его «бывшим питомцем» (6, 278)) Лебезятниковым, избличающим клеветника во лжи и оказывающимся, таким образом, отрицанием отрицательного героя романа (пусть нигилистом, но все же таки с задатками порядочного человека).

Перерождение Раскольникова — процесс, протянутый через весь роман. Оно предвосхищается в сновидениях, посетивших его еще до совершения

¹⁵ Не исключено, что фамилия Лужин была образована Достоевским от названия библейского города Луз, где Иакову явился благословивший его Бог (Бт. 48: 3). После того как Дуня дает отказ Лужину, Пульхерия Александровна дважды восклицает: «Бог избавил! Бог избавил!» (6, 236). Бог вмешивается в дела семьи Раскольникова, как Он был доброжелателен и к Иакову. Но фамилия Дуниного жениха может происходить и из иного источника: дело Сухова-Кобылина, отразившееся в повествовании о Свидригайлове, вел московский обер-полицмейстер Иван Лужин.

преступления. Сразу после сна о замученной лошади, соположенного убийству, Раскольникову грезится оазис «...где-то в Африке, в Египте...» (6, 56) — сравнимое с библейскими локусами место действия, где он утоляет жажду и приходит в полное согласие с миром, не нуждающимся в переустройстве. Эти онейрические образы коррелируют с грядущим погружением Раскольникова на каторге в приостановленное время, в котором «...не прошли еще века Авраама и стада его».¹⁶ Явившийся Раскольникову до оздоравливающего душу видения сон о лошади представляет собой не что иное, как отсылку к диалогу Платона «Федр», осложненную учетом также восходящего к этому источнику пушкинского стихотворения «Телега жизни», которое снизило свой претекст, подменив изображенную там крылатую колесницу души, управляемую божественной десницей, тряской, ничем не примечательной повозкой, аллегорией преходящего экзистенциального времени. Достоевский идет еще дальше Пушкина в преобразовании, разрушающем высокое содержание «Федра». Обсуждаемые у Платона бессмертные души — конной упряжки и благой экстаз эротического, эпистемологического, эстетического и профетического характера превращаются у Достоевского в агрессивное неистовство пьяных мужиков, усаживающихся на телегу и забивающих до смерти «кобылку», которая не справляется с неподъемным грузом. Раздающаяся с телеги «разгульная песня» (6, 48) десакарализует платоновский мотив одержимости поэтическим творчеством по зову Муз. Привязка кошмара Раскольникова к детским воспоминаниям негативно переоценивает анамнезис, позволяющий душе в «Федре», как и в иных текстах Платона, созерцать священное, к которому она была приобщена до поселения в теле. В проекции на платоновский диалог сон об убитой лошади имеет тот смысл, что служит предвестием душе-губства, к которому готовится Раскольников, и утраты им боговдохновенности, сопричастности верховным ценностям.¹⁷ Вопрос в том, почему его онейрические состояния отправляют нас то к Ветхому Завету, избылиующему вещими снами, то к античной философии?

Ответом на этот вопрос служат труды старшего современника Иисуса Христа, Филона Александрийского, постаравшегося сблизить библейскую экзегезу и представления греческих мыслителей (усвоенные им не всегда разборчиво). Похоже, что «Преступление и наказание» было ориентировано на трактат Филона «О провидении» («De providentia»),¹⁸ сочетавший интерпретацию миротворения, как о нем рассказывает Тора, с космологией Платона, изложенной в диалоге «Тимей».¹⁹ Действительность организована в романе по тому же Божьему предначертанию, по какому она устроена у Филона: Раскольников не может не раскаяться в своей «пробе» подчинить ее им самим изобретенному закону (Порфирий Петрович говорит ему: «...почем вы знаете: может, вас Бог для чего и бережет» (6, 351)). Все, что предсто-

¹⁶ Третий, привидевшийся Раскольникову уже после преступления, сон, в котором помощник квартального надзирателя избивает его квартирную хозяйку, предсказывает в тернарной структуре романа мытарства, ожидающие героя в поединке с судебной властью.

¹⁷ Одновременно с «Федром» этот сон искажает индоевропейский ритуал заклания лошади, посвящаемой небесам (ашвамедха), — смерть «кобылки» в «Преступлении и наказании» не жертвенна, являя собой акт сугубого произвола и бессмысленной жестокости. О культе коня у ранних индоевропейцев см. подробно: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Тбилиси, 1984. Ч. 2. С. 544 и след.

¹⁸ Вопрос о том, как Достоевский мог познакомиться с философией Филона, разрешим только в специальном исследовании, которое не входит в нашу задачу.

¹⁹ О значении «Тимея» для провиденциализма Филона см. подробно, например: *Frick P.* Divine Providence in Philo of Alexandria. Tübingen, 1999. P. 63 ff.; *Hose M.* Philon und die hellenistische Philosophie // Die philosophische Aktualität der jüdischen Tradition / Hrsg. von W. Stegmaier. Frankfurt a/M., 2000. S. 113–132.

ит совершить Раскольникову, уже записано в его снах, которыми он не волен распорядиться.

Промысел Божий выражает себя в Филоновой вселенной среди прочего в том, что в ней господствует «мироуправляющая правда с ее „карательными“ силами»²⁰ — закон, усмиряющий самонадеянных людей, воздающий за их правонарушения сообразно тому, насколько они отклоняются от раз и навсегда установленной нормы. При всем том всеобщая справедливость может наступить, по Филону, только тогда, когда Земля и Небо прейдут, ибо тварный универсум принципиально разнится с всеблагим Творцом и включает в себя тем самым самое разность (между Добром и Злом, рациональным и иррациональным и т. п.). Отказ от законопослушания отбрасывает человека в беспорядок, реверсирует акт Творения.

То же самое, что и у Филона, придание правопорядку провиденциального смысла составляет магистральную тему «Преступления и наказания». Если толкователь Ветхого Завета в духе эллинизма далек от отчетливости, предсказывая преобразование мира сего, то Достоевскому оно видится определенным: справедливость окончательно утвердится в момент Второго пришествия Христа, на что в романе возлагает все свои надежды несчастный Мармеладов: «...а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия <...> Господи, да приидет царствие твое!» (6, 21). После убийства старухи и Лизаветы впавший в болезненное состояние Раскольников становится почти безумным («Подлинно разум меня оставляет!» (6, 71)), теряясь в хаосе непоследовательных действий,²¹ и ощущает себя окруженным неодухотворенной материей: «...всё было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного...» (6, 135).²² Достоевский адресует к философии провиденциализма так, чтобы она, во исполнение своего главного тезиса, программировала бы его роман в ряде узловых пунктов, пусть при этом в иудео-эллинистическую мысль и вносится христианская корректива.

Вещественная среда подвержена в сочинении Филона порче и смерти, но провидение, рассуждает он, следуя «Тимею» в различении двух сторон космоса — чувственно воспринимаемой и первообразной, идейной, приводит «corpore sensibilia» в разумный порядок, поддающийся умопостижению, и предназначает тем самым человека к поиску истины, к неложному проникновению в тот слой действительности, в котором таится божественный замысел. Провидение, по Филону, — это универсальный двигатель, сообщающий бытию динамику. Пребывание мира в движении свидетельствует, что все его части обладают душой. Провидение и есть, заключает отсюда Филон, душа мира, «universi mundi anima».²³ В «Преступлении и наказании» Раскольников приобщается истине, принимая действительность в ее predeterminedенность благодаря Соне, которая играет роль представительницы провидения, сопричастна душе мира, являет собой вочеловечение гностической Софии.²⁴ Читающая по

²⁰ Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории [1900] // Трубецкой С. Н. Соч. / Сост., ред. и вступ. статья П. П. Гайденко; прим. П. П. Гайденко, Д. Е. Афиногенова. М., 1994. С. 168.

²¹ О мотивах хаоса в романе ср.: Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы / Под ред. С. С. Конкина. Саранск, 1973. С. 91–109.

²² Этот отрывок романа контрафактурен относительно Евангелия от Матфея, где Иоанн Креститель ведет речь об оживающих камнях: «И не думайте говорить в себе: „отец у нас Авраам“; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3: 9).

²³ *Philon d'Alexandrie. De providentia I et II* / Introduction, trad. et notes par M. Hadas-Lebel. Paris, 1973. P. 164.

²⁴ О Соне-Софии см. подробно: Новикова Е. Г. Соня и софийность (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12. С. 89–98.

просьбе Раскольникова евангельский рассказ о воскрешении Лазаря из Вифании, Соня должна была по первоначальному плану Достоевского следовать в этом примере своего отца. В подготовительных материалах к роману в витийство Мармеладова в питейном заведении была вставлена реминисценция, указывающая на притчу о другом, но тоже спасенном евангельском Лазаре — нищем, который после смерти «...отнесен был Ангелами на лоно Авраамово» (Лк. 16: 22) в укоризну богачу, низвергнутому в преисподнюю. В наброске речи Мармеладова Господь заявляет об отверженных: «...и потому я их беру в лоно свое, что ни один из них не считает себя достойным того» (7, 87). В намерение Достоевского входило слить в Соне воедино, по Филону, идею животворящего начала, т. е. души, с идеей предвидения,²⁵ коль скоро в дочери отображался отец, так что ей было словно бы на роду написано открыть Раскольникову премудрость Божию.

Раскольников подчиняет себя заповеданному Аврааму ветхозаветному закону под воздействием Нового Завета, в котором Сын Божий замещает библейского патриарха, всего лишь человека (в Евангелии от Иоанна иудеи вопрошают Иисуса: «Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер?» — на что Тот отвечает: «Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш» (Ин. 8: 53–54)). Пытаясь поставить людей под власть иного, чем тот, что был предзадан им, закона, Раскольников самозванно узурпирует роль Сына Божия. Он окружен двойниками (среди которых выделяется студент, осуждающий ту же, что обдумывается Раскольниковым, возможность убийства процентщицы), потому что сосредотачивает в себе идею повторения людьми — в их претензии на самоволие — образца, воспроизводить который они по своему земному происхождению если и имеют право, то соучаствуя в муках Христа, а не в Его богоравном законодательстве. В качестве неблагого подражателя Христа — и значит в качестве антихриста — Раскольников вступает на каторге в финальную фазу своего перерождения, захваченный видением всемирной бойни, аналогичной изображенной в Откровении Иоанна схватке Добра и Зла при окончании времен, которая завершается поражением лжепророка и его воинства. Приход антихриста знаменуется в Откровении засухой (как до того, в Ветхом Завете (Бт. 4: 12), земледелие приостановилось после первого кровопролития, учиненного Каином): «И жег людей сильный зной; и они хулили имя Бога...» (Ои. 16: 9).²⁶ Жара и духота сопровождают все действия Раскольникова с первой строки романа: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время <...> один молодой человек вышел из своей каморки...» (6, 5); «Этот бульвар и всегда стоит пустынный, теперь же, <...> в такой зной, никого почти не было» (6, 40); «На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни» (6, 74); «Духота стояла прежняя; но с жадностью дохнул он этого вонючего, пыльного, зараженного городом воздуха» (6, 120) и т. д.²⁷ Иссушенному воздуху противостоит в «Преступлении и наказании» водная стихия, образы которой также пронизывают сплошь все повествование. Если су-

²⁵ В одной из заметок Достоевского к будущему роману Соня как будто прямо связывается с трактатом Филона, для которого предопределенность мира софийна: «К Мармеладовой он ходил <...> как к Провидению» (7, 146).

²⁶ Об устойчивости этого мотива в дальнейшей культурной истории — в средневековой эсхатологической литературе см.: *Kursawa H.-P. Antichristsage, Weltende und Jüngstes Gericht in mittelalterlicher deutscher Dichtung. Köln, 1976. S. 106.*

²⁷ Мифосимволическое изображение зноя сочетается с «репортажным реализмом»: июль того 1865 года, когда шла работа над «Преступлением и наказанием», выдался в Петербурге чрезвычайно жарким — см. подробно: *Данилов В. В. К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского // Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. 1933. № 3. С. 249–251.*

хое у Достоевского однозначно отрицательно, будучи знаком антихриста, то влажное амбивалентно — смертоносно, сопутствуя самоубийству Свидригайлова и прочим смертям, описанным в романе, но вместе с тем и живоительно: безвозвратное расставание Раскольникова со своим ложным «я» происходит на берегу Иртыша, что опять же отправляет нас к Апокалипсису: «И показал мне чистую реку воды жизни, <...> исходящую от престола Бога и Агнца» (Ои. 22: 1).²⁸

Болезненный бред Раскольникова на каторге о всеобщем смертоубийстве восходит не только к Апокалипсису, но и к той картине естественного состояния рода человеческого, которую набросал в «Левиафане» (1651) Томас Гоббс. Пока люди не уступили часть своих свобод государству, они, по Гоббсу, вели войну всех против всех, поскольку каждый должен был ради самосохранения увеличивать свою власть в конкуренции с равными себе, и практиковали *jus naturale*, распоряжаясь правом как им заблагорассудится. В согласии с этим представлением о начале истории Раскольникову рисуется в «горячешных грезах» мир, в котором эгоцентричное разноречие довело индивидов до взаимоуничтожения («Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе») и парализовало судопроизводство («Не знали, кого и как судить...» (6, 420)). Кризис, в который Раскольников впадает перед окончательным пересиливанием заблуждений ума, обнаруживает, что желание восстановить первозданный рай чревато пуском истории вспять, полностью отменяющим выполненную ею организационно-созидательную работу. Равенство всех, аргументирует Достоевский, опираясь на Гоббса, не объединит, а непримиримо разъединит людей. В той мере, в какой роман пророчесствует об опасностях, ожидающих саморазвивающееся общество, он наслаивает на фундирующие смысл текста реминисценции из Священного Писания положения, позаимствованные из философии Нового времени. Но при этом Достоевский перетолковывает Гоббса на превентивный манер, сдвигая то, что было в «Левиафане» абсолютным прошлым человечества, в будущее, в котором, кроме Зла естественного состояния, явится также — в духе предначертаний Апокалипсиса — Добро, воплощенное в до поры пребывающих в скрытности Божьих ставленниках: «Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные <...> обновить и очистить землю...» (6, 420). В беспросветное естественное состояние удаляется в романе тот, для кого нет спасительной перспективы, — Свидригайлов. Зная уже, что покончит с собой, он сообщает Соне о намерении уехать в Америку (6, 384–385). Примером, доказывающим, что *status naturalis* не умозрительная конструкция, а реальность, послужили в «Левиафане» (а также в «De Cive», 1642) «дикие народы» Американского континента. Самосуд Свидригайлова увенчивает жизнь, которую он вел по отприродному праву — своевольно.

Если у Гоббса заключение социального контракта предполагает отказ его участников от безоглядного самоутверждения, то Ж.-Ж. Руссо понял в сочинении «Об общественном договоре» (1762) урегулирование отношений между людьми не как их добровольное пожертвование суверенностью, а как результат насаждения закона, которое производит лицо, выламывающееся из всех предустановленных норм, но, тем не менее, находящее для своего начинания сочувственный отклик в народе. Душа Раскольникова идет на поправку после

²⁸ Первым на конститутивное для картины мира в «Преступлении и наказании» значение оппозиции сухое/влажное указал Джордж Гибиан, не заметив, правда, неоднозначности воды в романе, истолкованной им как исключительно положительное начало: *Gibian G. Traditional Symbolism in Crime and Punishment // Publications of the Modern Language Association (PMLA). 1955. Vol. 70. № 5. P. 979–996.*

того, как его воображение заполняют идеи Гоббса. На преступление же Раскольников решается, руководствуясь мыслями, почерпнутыми из труда Руссо. Законодатель в «Общественном договоре» (Руссо говорит о Ликурге, его же поминает и Раскольников в разговоре с Порфирием) должен в своей крайней необычности зайти за грань социального, отречься от любой публичной роли, даже и от царского достоинства. Мечтающий дать людям новый закон Раскольников останавливается на Николаевском мосту, чтобы поразиться тому мертвенному эффекту, какое производит на него царская резиденция: «Он <...> оборотился лицом к Неве, по направлению дворца. <...> Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина... Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее» (6, 89–90). Высшее положение в обществе чуждо Раскольникову — он хочет творить закон из ниоткуда, из некоего социального небытия. Такое законодательство, спорит Достоевский с Руссо, преступно и убийственно. Простой люд на каторге не принимает преступника из образованного слоя общества. Теория, в которой Раскольников отстаивает тезис о том, что всякое введение закона покоится на правонарушении, на кровопролитии, сталкивает концепцию Руссо с соображениями Чезаре Беккариа, высказанными им в трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764), который, как хорошо известно, дал название роману Достоевского. Закон, долженствующий порицать убийство, рассуждал Беккариа, сам поощряет его, усматривая высшую меру наказания в смертной казни. Раскольников берет себе в пример великих законодателей Руссо, признавая аналитическую правоту суждений Беккариа об убийственности человеческой юстиции, но не следуя его критике смертной казни. В отличие от Раскольникова, дополняющего доктрину Руссо лишь однобоко усвоенным учением Беккариа, Достоевский опровергает первого, подхватывая моральный пафос, солидаризуясь с общим направлением мысли второго. Но для Достоевского нет разных «преступлений и наказаний», как для Беккариа. Есть только один деликт — разрыв человеком альянса с Богом. И лишь одна расплата за это вероломство — самоубийственное и одинокое терзание души у поправшего договор куда более высокого ранга, чем социальная сделка.

В «Основных чертах философии права» (1821) Гегель вступил в диспут с доказательствами, которыми оперировал Беккариа, призывая к отмене смертной казни (впрочем, Гегель считал, что этой карой нельзя злоупотреблять). Государству у Гегеля предназначается не столько брать под защиту собственность и жизнь индивидов, как то постулировал Гоббс, сколько жертвовать единичным в пользу всеобщего (выполняя ту же миссию, что и философия). Действия преступника диктуются волей единичного лица, заявляющего свое право быть частнозначимым. Каким бы ни было возмездие за ломку социального порядка, вытекающее из примата общезначимого над частнозначимым, оно закономерно, ибо выводимо из того права, которым руководствуется сам преступник. Наказание признает это право, так что «...преступник *честуется* как разумное существо» («...wird der Verbrecher als Vernünftiges geehrt»²⁹). Раскольников игнорирует нравственную сторону в идейном построении Беккариа, потому что руководствуется диалектической казуистикой Гегеля, идя на преступление «для себя одного», дабы убедиться, что на него «право имеет» (6, 322). Убийство старухи совершается по рассудку, поскольку разыгрывает преступный акт по Гегелю. Герой Достоевского вторгается в рассчитанную на вековечность реальность Священного Писания, где

²⁹ Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Frankfurt a/M., 1986. S. 191.

социальный контракт гарантирован и инициирован Всевышним, в качестве исторического человека, который отзывается на сменяющиеся вразнобой одна другую теории права.

3

О воскрешении Лазаря расспрашивает Раскольникова еще до посещения им Сонечки Порфирий Петрович. Призывая затем Раскольникова к явке с повинной и побуждая его найти веру в Бога и в новую жизнь, пристав следственных дел оказывается равносильным христоролюбивой героине романа, что Достоевский подчеркивает, обращая читательское внимание на «что-то бабье» (6, 192) во внешнем облике Порфирия. Еще одна черта этого героя — его способность к экзегезе, к выявлению скрытого смысла чужой речи; он замечает о статье Раскольникова: «...каждое-то слово ваше вдвойне принимаешь, точно другое под ним сидит!» (6, 346). Последнее, что надлежит сказать об этой загадочной фигуре перед тем, как перейти к ее разгадке, касается склонности Порфирия к перевоплощениям: он разыгрывает Разумихина, то уверяя его, что идет в монастырь (и, стало быть, бросает службу), то сообщая ему о своей предстоящей женитьбе (можно сделать отсюда вывод, что следовательно пребывает в безбрачии); позднее он объявит Раскольникову: «Я <...> человек холостой...» (6, 257)).

Перечисленные признаки делают дознавателя, добирающегося до сути исследуемого им преступления, сравнимым, как это ни покажется маловероятным на первый взгляд, с апостолом Павлом, исполняющимся Святого Духа по пути в Дамаск и прозревающим истину, толкующим Ветхий Завет, переживающим преображение, в результате которого он отказывается от имени Савл и должности сборщика налогов ради служения Христу. Разумеется, Достоевский был далек от того, чтобы прибегать при обрисовке Порфирия к технике романа à clef. Речь идет не о том, что Павел был прототипом Порфирия, а о создании Достоевским повествования с вторым планом, в котором действующие лица романа, несмотря на всю свою принадлежность к злободневной для автора современности, получают дополнительное религиозно-философское измерение, историческую глубину, подключаются к мировой культуре. Как будто вовсе не обязательные для понимания романного сюжета детали в портрете Порфирия и в данной ему характеристике насыщаются смыслом, как только мы проецируем их на тексты Павла. Неженатое положение следователя связывает его со словами апостола, сказанными им о себе в Первом послании к Коринфянам: «Безбрачным же и вдовым говорю: хорошо им оставаться, как я» (1 К. 7: 8), — а короткая стрижка Порфирия отвечает сформулированному в том же Послании поучению: «...если муж растит волосы, то это бесчестье для него» (1 К. 11: 14). Так же, как Павел, согласно Деяниям святых апостолов, проповедует среди афинян Страшный суд и исповедание в грехах («Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную...» (Де. 17: 30–31)), Порфирий увещевает Раскольникова явиться с повинной, аргументируя это тем, что у его собеседника нет никакого иного пути: «...не убежите <...> *Без нас вам нельзя обойтись*» (6, 352). Суд, подразумеваемый следователем, неизбежен, равен Божьему. И Порфирий, и Павел — апологеты страдания. Первый советует Раскольникову: «Пострадайте» (6, 351), — и действительно мучает его своими допросами. Второй обосновал в Послании к Филиппийцам теорию кенозиса Христа и требовал от адресатов подвижнически претерпеть, как и Тот, унижения

и скорбь: «...вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него» (Фл. 1: 29).

У Порфирия есть (как и у остальных главных протагонистов романа) двойник — мещанин, бросающий Раскольникову обвинение: «Убивец!» (6, 209). Этот персонаж наряжен во что-то «вроде халата», подобно Порфирию в момент первого визита к нему Раскольникова, и, как и следовало, походит «на бабу» (6, 209). В. Е. Ветловская ведет происхождение наряда, в который облачен мещанин, от халата Плюшкина. Ее предположение выглядит вполне правдоподобным, если взять в расчет, что Чичиков у Гоголя при знакомстве с Плюшкиным никак не может разобрать, баба перед ним или мужик.³⁰ Трактовка Ветловской тем более вероятна, что «Преступление и наказание» трансформирует тему гоголевской «поэмы», показывая не мнимое, как там, возвращение к жизни «мертвых душ», а подлинную реанимацию центрального героя. Но безымянный двойник Порфирия не только литературен по своей родословной. Он не имеет ничего общего со скульпстью и бессмысленным накопительством Плюшкина. Нужно принять во внимание, что его одеяние лишь напоминает халат, что он носит также «жилетку» и что по профессии он «скорняк» (6, 275). Скорняжное ремесло (наряду с портновским делом) было одним из главных занятий еврейского населения, составлявшего большинство жителей торгового квартала в Зарядье («Московского Гетто»),³¹ что было, наверняка, хорошо известно москвичу Достоевскому. В этой связи подобие халата в сочетании с жилеткой подразумевает не опознанный Раскольниковым длиннополый еврейский сюртук (лапсердак). Как и самоубийство Свидригайлова, изобличение Раскольникова в совершении им преступления (повторю уже цитированное его признание: «Я себя убил, а не старушонку») ассоциировано в романе с персонажем еврейской национальности. Двойник Порфирия подтверждает сходство пристава следственных дел с Павлом, писавшим о себе прежнем в Послании к Галатам: «И преуспел в Иудействе более многих сверстников в роде моем...» (Гл. 1: 14). После самоговора Миколки мещанин казнится перед Раскольниковым за якобы возведенный на него поклеп. Обвинитель убийцы предпринимает как будто ошибочный шаг, но на самом деле он поступает в духе христианского всепрощения, которое возвещал Мармеладов: «пожалает нас тот, кто всех пожалел <...> он единый, он и судия <...> всех рассудит и простит...» (6, 21). В перемене мнения аналогичный Порфирию персонаж воссоздает метаною Павла, уверовавшего в Христа. Раскольников воспринимает мещанина как существо, «вышедшее из-под земли» (6, 210), и затем снова думает о том же (6, 274), помещая, таким образом, своего судью в контекст последних времен, когда мертвые восстанут из могил, о чем Павел пророчествовал в Первом послании к Коринфянам: «...не все мы умрем, о все изменимся. Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся...» (1 К. 15: 51–52).

Общий смысл подспудно намеченной в романе параллели между Порфирием и апостолом станет ясным, если принять к рассмотрению отношение обоих к закону — устанавливаемому людьми для одного, предписанному ветхозаветным Богом для другого. По (антигегельянскому) убеждению Пор-

³⁰ Ветловская В. Е. Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («Мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 201–204. Ветловская, однако, явно ошибается, утверждая, что под мещанином нужно разуметь самого Порфирия (Там же. С. 196–201). Как тогда мещанин мог сидеть за перегородкой в кабинете Порфирия, когда тот во второй раз допрашивал Раскольникова, готовя ему «сюрприз»? Пред нами равносильность двух персонажей, догадавшихся о вине Раскольникова, а не их совпадение.

³¹ См. подробно: Белоусов И. А. Ушедшая Москва. М., 1927. С. 18–24.

фирия, направляющего Раскольникова на христианскую стезю, право, на котором держится государство, не обладает достаточной разрешающей силой, отвлечено от реальности, являющей себя всегда в особом, единичном: «...ведь общего-то случая-с, того самого, на который все юридические формы и правила примерены и с которого они рассчитаны и в книжки записаны, вовсе не существует-с по тому самому, что всякое дело, всякое, хоть, например, преступление, как только оно случится в действительности, тотчас же и обращается в совершенно частный случай-с; да иногда ведь в какой: так-таки ни на что прежнее не похожий-с» (6, 261). Порфирий, блюститель правопорядка, не желает — вопреки своей профессиональной роли — придерживаться буквы закона по почину, завещанному Павлом: «Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить (Богу) в обновлении духа, а не по ветхой букве» (Рм. 7: 6).³² Павел призывал участников христианских общин зайти за черту ветхозаветного законопослушания, аллегорически трактуя в Послании к Галатам историю свободной Сарры и рабыни Агари. Христианину надлежит жить по обетованию, вольным, как Сарра, а не в кабале, как Агарь, не в «нынешнем Иерусалиме», а в «вышнем» (Гл. 4: 21–31). Последняя свобода есть для Павла избавление от власти тела, от смерти, каковое произойдет в момент Второго пришествия Мессии и апокатастасиса. Но текущее время — это лишь преддверие вечности.³³ Поэтому христианин, переступив грань закона, еще не эмансипируется полностью, как о том говорится в Первом послании к Коринфянам: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 К. 6: 12). Человек современности находится, по Павлу, уже по ту сторону закона, но еще по эту от конечной благодати.

Если Соня, оглашающая рассказ о чудесном спасении Лазаря от смерти, персонифицирует благодать, то предназначение Порфирия в романе — быть, с одной стороны, носителем идеи недостаточности закона, а с другой — противником принципа вседозволенности, тем лицом, которое обращает преступника от самоволия к самопреодолению (к явке с повинной). Порфирий интересуется, верит ли Раскольников в Новый Иерусалим (6, 201), проверяя таким образом, отвечает ли тот толкованию Сарры и Агари у Павла. Новозаветная религия предоставляет человеку свободу воли, ставшую стержневой темой писаний Павла. Эта свобода двусмысленна, она означает как грядущее спасение от смерти, так и возможность сеять смерть в злоупотреблении суверенностью, обретенной человеком. В «Братьях Карамазовых» Достоевский обяжет цитировать Первое послание к Коринфянам Ивана, извращающего его смысл, сведенный к утверждению одного лишь беззакония: «...всё будет позволено, даже антропофагия» (14, 65).³⁴ Раз за пределом закона человек оказывается неоднозначным, и живущим ожиданием благодати, и ломающим нормы общежития, отвергающим, подобно Ивану, мир Божий, проникновение в души людские делается ненадежным предприятием, на что сетует Порфирий, сокрушаясь по поводу «психологии о двух концах» (6, 346). Задача, которую решает Порфирий, не психологического, а одновременно религиозного и инженерного свойства. Следовательно должен определить, есть

³² Об отрицании Павлом универсальной приложимости закона к фактическому положению дел см. также: *Schweitzer A. Die Mystik des Apostels Paulus. Tübingen, 1930. S. 73–75.*

³³ О понимании Павлом времени сего часа см. подробно: *Ibid. S. 91 ff.; Агамбен Д. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам / Пер. С. Ермакова. М., 2018.*

³⁴ Цитата из апостола Павла в речи Ивана была уже давно опознана: *Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 41* (впервые опубли. 1931); *Sandoz E. Political Apocalypse. A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge, Louisiana State University, 1971. P. 134 ff.*

ли в Раскольникове, помимо злоупотребления свободой воли, зачаток благодати, и указать ему на способ, каким он мог бы выйти из «помрачения» (6, 350): таким техническим средством перерождения будет служить философствующему преступнику добровольная отдача себя в распоряжение суда. Подлинная загадка «Преступления и наказания» не Раскольников, который становится по мере развертывания повествования все яснее и яснее читателю, а притворщик Порфирий, следовательно на службе вовсе не государства, как он представлен в открытую, а апостольского христианства, заместитель автора, понимавшего свою современность так же, как Павел осмысливал свою, — как исполненное амбивалентности время, оставшееся до Второго пришествия.³⁵

Раскольников не желает подчиняться ветхозаветному закону не по Павлу, а в акте самоуправства, стремится властвовать не над собой, а над другими, жаждет придать людскому существованию ультимативную форму еще до возвращения в мир сей Христа. Вот почему он должен отступить в эпоху Авраама. Отсюда ему предстоит проделать тот путь, который привел Павла к разграничению ветхозаветной необходимости в лице Агари и воплощенной Саррой христианской свободы — свободы от первородного греха в плодovitости из-смерти, а не от кары за кровопролитие, на котором должен был бы покоиться идеальный общественный строй, самочинно возведенный людьми. Искупая первородный грех своей мученической смертью, Христос переиначивает ветхозаветную ситуацию, в которой прощение предоставляется человеку милостью Божьей. В Новом Завете человек сам, в кровном родстве с Богом, избавляет первовину в гибели-воскресении, в подобии-расподоблении со смертным Адамом. В Посланиях к Римлянам и к Коринфянам Павел придал искуплению Христом Адамова падения вид выкупа людей из пленения смерти: «...и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рм. 8: 21); «Вы куплены дорогою ценою» (1 К. 7: 23). Раскольников святотатственно извращает Христов подвиг тем, что делает выкуп, о котором толкует апостол, из самопожертвования насильственным изъятием у процентщицы вещей, отданных ей в заклад, подлежащих возвращению их владельцам за плату. Раскольников лишает жизни «никому не нужную» старуху, руководствуясь утопической доктриной Ш. Фурье, предлагавшего избавить общество от паразитов, которые не приносят ему пользы. Но этот фурьеристский радикализм оказывается в своей последней глубине контрапозиционированным к трактовке христианства у апостола Павла, что и исправляет Порфирий.

Остается надеяться, что и к романам, последовавшим за «Преступлением и наказанием», будет найден подход, отправляющийся от книг Торы, с которыми Достоевский соизмерял современность, отклонившуюся, по его представлениям, от евангельского выхода из ветхозаветной истории.

³⁵ В объективном освещении «Преступление и наказание» оспаривает основоположное (можно сказать, фатальное) для восточнославянской социокультуры «Слово о Законе и Благодати» (XI век), в котором митрополит Иларион, опираясь на Послание к Галатам, представил благодать как уже грянувшую на Руси: «...богъ нашъ помилова и насъ не презрѣ въсхотѣ и спасены...» (Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 89).

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-45-55

© В. В. ФИЛИЧЕВА

Ф. СОЛОГУБ И НАЧИНАЮЩИЙ ПОЭТ В. И. КОРЕХИН*

С тех пор как в 1896 году Сологуб выступил в печати с отдельными изданиями («Стихи. Книга первая», «Тяжелые сны» и «Тени: Рассказы и стихи»), к нему стали обращаться молодые авторы с просьбами высказать мнение об их произведениях (мнение мэтра, «любимого поэта» или просто более опытного в этом деле человека). Один из примеров таких корреспонденций мы рассмотрим в настоящей статье.

Сологуб сам прошел через период неуверенности и поиска, находясь в провинции, без возможности покупать книги, в продолжение десяти лет не имея литературного общения и сомневаясь в собственном таланте, страстно желая выбраться в Петербург.¹

В «Северном вестнике» (с февральского номера 1892 года) Сологуб начал печататься благодаря протекции Н. М. Минского, с которым познакомился в 1891 году и которого просил в письме от 12 марта 1892 года «просмотреть прилагаемые при этом стихи и сообщить <...> мнение о них». И далее: «Если некоторые из этих стихотворений Вам понравятся, то я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы передали их, как Вы мне обещали это в июне, в редакцию того журнала, который Вам угодно будет избрать».² Помимо Минского, Сологуб обращался с подобной просьбой и к К. Н. Льдову, о чем становится известно из записи в реестре исходящих писем, где за 8 июня 1895 года указано: «К. Н. Льдову. Прилагаю три тетради стихов и прошу просмотреть».³ В дальнейшем Сологуб и сам становится таким же помощником для молодых поэтов.

Среди писем с просьбой о поддержке и присланных книг одни из самых ранних — Василия Ивановича Корехина (1872 — не ранее 1919). В архиве сохранились письма Корехина к Сологубу и его сестре, Ольге Кузьминичне, с сентября 1896 по 1917 год, именно из них и с их подсказки восстанавливаются немногочисленные факты из биографии писателя.⁴

Корехин был в дружеских отношениях с Сологубом и О. К. Тетерниковой, записи о нем в «Тетрадах посещений» Сологуба встречаются с августа

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

¹ Об этом свидетельствуют письма Сологуба к В. А. Латышеву, который по просьбе будущего писателя критически просматривал присланные стихотворения, делал замечания, а затем передавал их кому-нибудь из литераторов для прочтения и возможной публикации (стихотворения и фрагмент поэмы «Одиночество» (1880-е годы) предлагал О. Ф. Миллеру). Подробнее см.: Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 70–72.

² Цит. по: Там же. С. 44.

³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 82. Л. 21.

⁴ Там же. Оп. 3. № 352 а-б; Оп. 8. № 12. Письма О. К. Тетерниковой и Ф. Сологуба к В. И. Корехину не сохранились.

1893 года.⁵ Именно тогда Корехин поступил в Санкт-Петербургский учительский институт, студентом которого был до 1896 года.⁶ (Вполне вероятно, что Корехин был знаком с Сологубами еще в Крестцах, поэтому, приехав поступать в столицу, пришел к нему.) Сохранилась биография Корехина, написанная при поступлении (датирована 2 августа 1893 года): «Я родился 25-го января 1872 года в небольшом селе, называемом Шанг-Остров, Олонецкой губернии и уезда.⁷ Родители мои живы и занимаются земледелием, как и все крестьяне этой местности. Кроме того, отец мой занимает должность лесного сторожа, сторожá ближайший обход Важинского лесничества. Детство свое я провел в кругу своих родных на родине; здесь же я начал и свое первоначальное образование в местной земской одноклассной школе. По выходе из нее я несколько времени жил дома, а потом был отправлен родителями в Соловецкий монастырь на один год (по обещанию их). Вернувшись из монастыря, я около года жил дома, а потом поступил в подготовительный класс Вытегорской учительской семинарии, в которой пробыл четыре года и окончил курс в 1892-м году, получив свидетельство на звание начального учителя. В этом же году по предложению г. Инспектора 3-го района Олонецкой губернии я поступил на должность помощника учителя Устьвольского земского училища. В случае поступления моего в С.-Петербургский Учительский Институт летнее вакационное время предполагаю проводить на родине, но буду ли иметь средства на проезд домой и обратно, — об этом утвердительно сказать не могу.⁸ Помощник учителя Устьвольского земского училища Василий Корехин».⁹

После окончания учительского института Корехин был определен в Великий Новгород. Сам город и место службы произвело на него угнетающее впечатление.¹⁰ Но именно там, видимо, начинающий автор активно занялся литературной работой,¹¹ о которой неоднократно упоминает в своих письмах. Корехин бывал у Сологуба в Петербурге всякий раз, когда приезжал в столицу. Отношения поддерживались и Ольгой Кузьминичной, которая переписывалась также и с младшим братом Василия Ивановича Александром.¹² Брат также пробовал силы в литературном творчестве и обращался за советом к Сологубу.¹³

⁵ Первая запись, в которой указан Корехин, — от 5 августа 1893 года («Тетради посещения» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 34).

⁶ Аттестат об окончании училища см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 9.

⁷ Ныне деревня Шангостров Подпорожского района Ленинградской области.

⁸ Судя по письмам, Корехин каждое лето проводил на родине.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 412 (Санкт-Петербургский учительский институт). Оп. 1. № 732. Л. 3.

¹⁰ См.: «Сюда я приехал 5-го сентября, вечером часов около 5-ти. Погода была неважная и, вероятно, поэтому город мне тогда не очень понравился. Небольшой и грязный вокзал, кирпичная стена кремля, мутные воды Волхова, какой-то серенький вид на побережье реки, грязная улица, сонные и скучающие лица...» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 1 об.); «В училище дела мои идут неважно — воюю с учениками, кстати, — какой это преподный народец! Это даже не „вольница новгородская“, а — сволочь никому не нужная. <...> Есть здесь и гимназия, и реальное училище, а наше исполняет роль помойной ямы, куда сваливаются отбросы, не годные в эти учебные заведения, или же роль исправительных рот для нарушителей порядка, бывших в вышепоименованных заведениях» (Там же. Л. 3–3 об.).

¹¹ Ср.: «Начато два рассказа, роман и еще нечто драматическое, написано несколько стихотворений... Их теперь набралось 50, если бы еще удалось написать столько же, то можно бы издать книжечку. Вы просите прислать что-нибудь из написанного, — ничего серьезного прислать не могу, вот Вам два стихотворения» (Там же. Л. 48).

¹² См. письма В. И. Корехина О. К. Тетерниковой (Там же. Оп. 6. № 74). Судя по письмам к ней же 1906 года Александр Иванович переехал в Чикаго (Там же. № 73; Оп. 8. № 12).

¹³ См. письмо А. И. Корехина от 4 июня 1899 года: «Странная штука случилась сегодня со мной, многоуважаемый Федор Кузьмич, шел я к Вам переговорить об одной штуке и по дороге обнаружилось, что этот предмет я позабыл дома. Извините, что обращаюсь к корреспонденции,

Осенью 1899 года Корехин был переведен в Рождественское городское мужское начальное училище (6-я Рождественская ул., 13),¹⁴ где до этого служил и Сологуб (скорее всего, Корехин получил освободившееся место Сологуба, так как тот в 1899 году занял должность учителя-инспектора Андреевского городского мужского четырехклассного училища; Корехин неоднократно просил писателя узнать о вакантных местах и новости об изменениях в штатных расписаниях петербургских учебных заведений, напомнить о нем В. И. Латышеву и т. п.).

С поступлением на службу становились реже упоминания о литературной работе и окончательно пропали в 1909 году, когда Корехин женился. О событии известно из письма к Сологубу: «Ждал с нетерпением Вашего письма, чтобы узнать Ваш адрес и послать приглашение на мою свадьбу... наконец, получил сегодня. Зин<аида> Ал<ександровна> и я просим Вас и Анастасию Николаевну пожаловать на наше венчание. Оно будет 26-го апреля в церкви (еще точно не решено) Училищного дома на Прудах, или в приютской о. Персикова. Поздравление же будет в нашем Рождественском училище. М. Л. Щербацевич будет за архитрикллина. От души желал бы видеть вас на свадьбе, но успеете ли вы и захотите ли вернуться к тому времени? Завидую Вам, что Вы свободны и разгуливаете по заграницам».¹⁵

В дальнейшем и эпистолярное общение с Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской постепенно к 1917 году сошло на нет, ограничиваясь приглашениями в гости: посетить на летнем отдыхе в Пидьмозере или на даче Сологуба, «на блины», на новогодний обед.¹⁶

В 1914/1915 учебном году Корехин преподавал в Санкт-Петербургском высшем начальном училище историю во всех классах, географию во втором — четвертом классах, естествознание (в первом классе) и геометрию (в третьем).¹⁷ В 1918 году, когда количество и учителей, и учеников в училище увеличилось, за Корехиным из предметов остались история и география.¹⁸ В 1919 году Корехин еще преподавал в училище, так как его имя указано в протоколе заседания Школьного совета Рождественской Советской школы второй ступени от 20 февраля 1919 года. Он должен был сопровождать учеников на экскурсии в Суворовский музей, Этнографический музей, Детское Село, Исторический музей.¹⁹ Сведений о дальнейшей судьбе Корехина разыскать не удалось.

Участие в творческом дебюте Корехина — случай уникальный для Сологуба (исключение составляет только И. Северянин). Впоследствии, в 1910-х годах, многочисленные «просители» помощи и совета часто оставались без ответа, а если Сологуб и отвечал малознакомым и незнакомым авторам, то не сразу. Часто отчаявшийся корреспондент успевал написать еще одно письмо, и только после этого Сологуб откликнулся (об этом можно судить по

и позволяйте высказаться, что по рассеянности не мог исполнить лично, в письме. Дело вот в чем: я занимался бумагомаранием, да беда-то не в том, а в том, что куда их не принимают для напечатания. Не будете ли Вы добры прочесть прилагаемое при этом письмо и высказать Ваше откровенное мнение: стоит ли мне продолжать писать или бросить это и заниматься делами более практическими. Думаю, что Ваш художественный вкус отличит, разумеется, если она есть, искру таланта» (Там же. Оп. 3. № 351. Л. 1–1 об.). Корехин-младший указан также среди посетителей Сологуба с июля 1899 по январь 1900 года («Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 73–76).

¹⁴ В письме от 8 декабря Корехин приглашал Сологуба на новоселье повторно, так как, судя по письму, в предыдущий раз Сологуб не смог посетить знакомого (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 47).

¹⁵ Там же. Л. 53 (письмо от 17 апреля 1909 года).

¹⁶ См.: Там же. Л. 54, 59; № 352 б. Л. 23, 29.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 125. Оп. 1. № 27. Л. 37 об. — 38.

¹⁸ Там же. Л. 117.

¹⁹ Там же. Л. 129–129 об.

карандашным записям дат на письмах). Настойчивость просителей не всегда приносила им пользу, судя по реакции начинающих поэтов в следующих письмах, писатель в ответ бывал груб. Нередки случаи, когда молодые авторы так и не добивались публикации, оставив после себя только тексты, сохранившиеся в архиве Сологуба.

О том, как Сологуб мог встретить посетителя, говорят и такие высказывания, записанные в 1924 году П. Н. Медведевым: «Не нужно помогать молодым. Что такое „начинающие писатели“? Или — одно, или другое. Писатель помощи не требует; начинающим — вредно ее оказывать»; «Не люблю „поэтов“ и тем более — начинающих»; «Приходит: „Я — поэт“. Что такое?! Разве может быть такая профессия? Поэтом можно быть только в редкие минуты. И афишировать это нечего. Начинать? — Ну так сиди дома, пиши, учишься и не лезь».²⁰

Однако в противоположность этому находится множество подтверждений того, что Сологуб принимал и поддерживал молодых авторов. Для Корехина Сологуб, как кажется, сыграл особую роль. Нам же этот случай важен, поскольку по письмам Корехина восстанавливается процесс подготовки «первого шага», который Сологуб уже прошел на собственном опыте, что отражает стратегию писателя в 1890-е годы.

Разговоры о литературе велись и вне переписки. На один из них Корехин ссылается в письме от 29 октября 1896 года, сообщая о своих литературных планах: «Думаю предпринять большой поход в литературу с моим маленьким войском; но т <ак> к <ак> отличаюсь неопытностью юнкера, то обращаюсь за советом к Вам — опытною литературному полковнику (помните: Вы когда-то так себя называли, — когда у нас зашла речь о том, что Достоевский и еще не помню кто-то называли себя литературными генералами). <...>

Нет, в самом деле, меня сильно подмывает желание издать свои стихи... Пожалуйста или отсоветуйте от этого или же дайте советы, как это сделать. Где удобнее напечатать, в Питере или здесь? Самому или подыскать издателя?.. Во что приблизительно обойдется издание такой книжки, как Ваша 1-я? На ком лежит обязанность цензуровать, корректировать и проч. и проч.».²¹

Однако издание отложилось на год, вновь о нем упоминается в письме от 5 декабря 1897 года:

«Благодарю Вас,
Дорогой Федор Кузьмич,

за Ваше любезное письмо, где так подробно изложили все, что касается издания и печатания книги. Я не премину воспользоваться Вашими добрыми советами, коль скоро представится к тому возможность. Теперь же я не могу напечатать своих стихотворений по следующей простой причине:

Не особенно давно я снова увлекся чтением книги, издаваемой в пользу воспитательного дома, да так, что пожертвовал на это сумму далеко превосходящую стоимость моего предполагаемого издания; а это при нашем грошовом жалованьи знаете что значит. Уж как это случилось, и сам не знаю; когда после долгого поста я стал играть, мне сначала везло, потом стал проигрывать понемножку, понемножку, потом побольше и больше и наконец вчера в Собрании соединенного общества оставил ровно столько, сколько по Вашему расчету требуется для издания книжки (более 60-ти рубл.). Сегодня я сижу дома и пародирую Ваши стихи:

Я обыгранный шел из собрания жадных людей,
В опустелом кармане последнюю гривну храня.

²⁰ Павел Медведев о Федоре Сологубе / Публ. и вступ. статья Ю. П. и Д. А. Медведевых; прим. М. М. Павловой // Звезда. 2013. № 7. С. 110–111.

²¹ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 9 об. — 10 об.

Только небо сверкало миллионами светлых рублей,
И тихонько звеня отгоняло тоску от меня... и т. д.»²²

Сологуб стал для Корехина главным советчиком на литературном поприще: «В Ваших замечаниях на мои стихотворения Вы совершенно правы; их (стихи) надо подвергнуть тщательной обработке. Некоторые выражения у меня и раньше были изменены согласно Вашим указаниям и иные надо еще применить. А все-таки мне иногда кажется, что не хуже, если оставить иные так, как они вылились в первый раз; особенно те, которые прямо и непосредственно возникли из настроения минуты».²³

Сологуб настаивает также на необходимости учиться и развиваться, к чему, видимо, призывает Корехина, когда тот проигрался в карты и не смог приехать в Петербург встречать Новый 1898 год: «Философией и словесностью займусь с удовольствием, и что касается книг, то я прочел их много, но, право, затрудняюсь сказать, были ли они настоящие или нет: я читал без всяких указаний, без системы и правил; если можете по этому поводу дать какие-нибудь указания, — пожалуйста, не откажите, приму с благодарностью».²⁴

Как видно из дальнейших писем Корехина, Сологуб не только выступил в роли консультанта для поэта, но и активно участвовал в выходе его первого сборника. Он помог Корехину с выбором псевдонима, названием книги, отбором и порядком стихотворений внутри сборника, отослал подготовленную им рукопись в издательство (для этого была избрана та же типография, в которой был опубликован первый сборник Сологуба, — тип. М. Меркушева) и вел переговоры о количестве экземпляров и цене, а также отправил сборник для отзыва. В благодарность за это автор хотел посвятить сборник Сологубу: «За Ваши труды по моему делу не знаю, как и благодарить Вас, дорогой Федор Кузьмич; лучшею благодарностью было бы, конечно, посвящение Вам этой книги, но теперь это не будет ли поздно? Если еще возможно устроить, то примите и поместите на 1-й странице после обложки или же на самой обложке такое посвящение:

Посвящается
Ф. К. Т.»²⁵

Однако его было слишком поздно вставлять, и оно появилось на следующем сборнике стихотворений: «Посвящается Ф. К. Т-у (С.....у)». Там же помещено стихотворное послание «Тебе, суровый мой учитель, / Свои огни я посвятил... / Какой-то гений-искуситель / Меня с тобою породил».²⁶ В библиотеке писателя изданий с дарительными надписями Корехина Сологубу не выявлено, однако в ней находились две книги с автографами, обращенными к сестре Сологуба.²⁷ Во второй книге также есть текст, посвященный, скорее всего, сестре Сологуба — О. К. Т.: «Пролог (Отрывок из неоконченной повести)».²⁸

²² Там же. Л. 19–20. Корехин пародирует стихотворение Сологуба «Я осмеянный шел из собрания злобных людей...» («От людей», 1895).

²³ Там же. Л. 15 об. (письмо Корехина от 24 марта 1897 года).

²⁴ Там же. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 33 об.

²⁶ Корин В. Зарницы. СПб., 1901. Вып. 2. С. 7–8.

²⁷ «Ольге Кузьминичне Тетерниковой от автора 3 июня 1898 года»; «Глубокочитимой Ольге Кузьминичне Тетерниковой. Автор» (ИРЛИ. Библиотека. 19376/279 (1, 2)). В библиотеке Пушкинского Дома находятся также экземпляры с дарительными надписями на обоих выпусках Ф. Ф. Фидлеру от 31 октября 1904 года (ИРЛИ. Библиотека. 73.6/61, 73.3/40) и второго выпуска — М. Л. Щербаевичу (с 1906 года директор Рождественского городского училища) от 5 октября 1906 года (Там же. 8.5/54).

²⁸ Корин В. Зарницы. Вып. 2. С. 57–58.

Сологубу были присланы тексты, из которых необходимо было отобрать стихи для помещения в книгу: «В рукописи моей Вы найдете с лишком 80 стихотвор<ений>; их можете напечатать или все, или же выбрать 50–60 стихотв<орений>, отбросив остальные. Какие отбросить, Вы увидите сами. Я уже свой выбор сделал и из всех имеющихся у меня отбросил стихотв<орений> 20; остальные посылаю Вам для окончательной проверки... Порядок тоже их можете изменить, как найдете лучше... Да имя... Имя можете наречи: „Стихи и песни“ или „Стихотворения“, или же просто „Стихи“, как у Вас...».²⁹

Также предстояло определить количество экземпляров и цену: первоначально Корехин предлагал выпустить 300–500 экземпляров, назначить цену в 25 копеек, исходя в своих рассуждениях из таких соображений, что «затраченных денег не вернуть (да и печатается она не в виду пользы... материальной по крайней мере), а если цена ее будет незначительна, — смотришь иной соблазнится и купит...»³⁰ Сологуб на это, имея уже опыт публикации первых изданий тиражами в 1200 и 800 экземпляров, которые необходимо было и самому распространять, посоветовал уменьшить количество экземпляров и увеличить цену.³¹

В итоге в книге Корехина оказалось 48 стихотворений. Название «Стихи» Сологуб счел не подходящим и настаивал на выборе другого заглавия. В ответном письме Корехин рассуждает: «Что касается названия, то трудно придумать „красивое и невычурное“, которое бы еще не встречалось в литературе... Может быть, Вам удастся напасть на такое?.. Тогда не стесняйтесь выставить его, ибо (в этом отношении) „дадеша Вам всякая власть“... <...> С своей стороны, я предпочел бы для большего выбора несколько названий, если бы многие из них не были так тривиальны... Вот они: Цветы и травы, Искры, Росинки, Зарницы, Зерна, Крупинки, Кристаллы (не будет ли это слишком притязательно?), Ключи, Блуждающие огни, Весенние входы, Молодые побеги, Волны, Звенящие струны, Весенние грезы и т. п.».³²

Во второй книге Корехин ввел несколько разделов с названиями в духе предложенных: «Ночные тени», «В келье», «В стране озер», «Слезы роз». Выбранное Сологубом название для первого сборника «Зарницы» подкрепляется повторением его в стихотворении, открывающем по выбору Сологуба книгу, — «Небеса мои одеты...»: «Лишь зарница в отдаленье / Вспыхнет вдруг». По той же логике книга могла бы называться и «Вешние грозы» и «Светлые грезы» — именно такие «тривиальные» образы использует Корехин в этом стихотворении.

Еще до публикации первого выпуска «Зарниц» Сологуб отправлял и отдельные стихотворения Корехина в редакции с просьбой напечатать: 26 апреля 1897 года — И. И. Ясинскому («Биржевые ведомости»),³³ 13 мая — А. А. Коринфскому («Север»).³⁴ Однако тексты не были помещены в этих изданиях.

Корехин не хотел огласки своего имени в педагогических кругах, о чем писал Сологубу, прося помощи и в выборе псевдонима: «...только фамилию автора, пожалуйста, не печатайте полностью. Можете поставить начальные

²⁹ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Там же.

³³ «Стихи Корехина: Друг мой, счастье наше сами. — Просьба напечатать»; о деньгах» (Там же. Оп. 6. № 82. Л. 39 об.). На страницах «Биржевых ведомостей» в 1897 году регулярно помещались поэтические произведения Сологуба, а также рассказ «Шаня и Женя». Стихотворение Корехина в подшивке 1897 года не выявлено.

³⁴ См.: «3 ст<ихотворения> Корех<ина>»: 1. Кто-то злобною рукой. 2. Мы катались с тобой на заре. 3. Видишь: степью голубою» (Там же). На страницах «Севера» стихотворения Корехина не появлялись.

буквы В. К. или же В. К-н, все это зависит от Вашего усмотрения». На недошедшее до нас ответное письмо Сологуба автор в письме от 10 апреля 1898 года предложил еще несколько вариантов: «В. К-ин тоже нехорошо, как Вы говорите <...> лучше всего такой, который будет иметь отношение или ко мне или к моей фамилии. В виду этого я предложил бы несколько псевдонимов... Вот они: Корн — это с одной стороны сокращение моей фамилии, с другой довольно выразительное слово, встречающееся в иностранных языках (немецк. и франц.); Корин — русская фамилия и сокращение моей; Викин — тоже русская фамилия, которую можно получить и из моей таким образом В. И. К-ин».³⁵ Также Корехиным назывались и псевдонимы — Шанг-Островский и Пидьмозерский «по месту рождения». Но из предложенных вариантов Сологуб выбрал один — самый простой — Корин. Примечательно, что начинающему писателю Ф. К. Тетерникову псевдоним был придуман в редакции журнала «Северный вестник» А. Л. Волынским и Н. М. Минским.³⁶

1 мая 1898 года Корехин обратился к Сологубу с еще одной просьбой — послать книгу на рецензию: «...если книга выйдет раньше моего приезда в Петербург, то закупите, пожалуйста, бандеролей и отправьте ее без отзыва в некоторые редакции (в какие найдете нужным)».

Сологуб выполнил и ее, препроводив 16 мая две книги «Зарниц» А. А. Коринфскому (сотруднику журнала «Север» в тот момент): «Мой юный друг, живущий в Новгороде, просил меня заняться напечатанием книжки его стихов. Исполнив это, посылаю Вам два экземпляра книжки для отзыва, питая надежду (хотя и слабую, ибо поэты — строгие ценители) на Ваше благосклонное к ней отношение».³⁷ А 27 мая Корехин уже благодарил Сологуба «за сообщение приятной новости»: «Очень рад, что Коринфский усмотрел в моих стихах проблески настоящей поэзии и выделил мой сборник из массы других. Буду ждать других рецензий».³⁸ Свои экземпляры Корехин забрал только 3 июня, когда появился у Сологубов, и тогда же подписал экземпляр О. К. Тетерниковой.³⁹

Помимо книг нужны были и связи литературные. Сологуб на помощи в печатании не остановился и по собственному почину попробовал пропагандировать его имя, процитировав еще неопубликованное стихотворение Корехина «Сбылось! — По всей Руси великой...» по находящемуся у него автографу⁴⁰ в рецензии «К Всероссийскому торжеству», посвященной столетию со дня рождения Пушкина:

³⁵ Там же. Оп. 3. № 352 а. Л. 31.

³⁶ См.: Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. С. 69.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 257. Оп. 1. № 72. Л. 3 об.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 40. В рецензии Коринфского отмечается подражательность начинающего автора: «Будучи умудрен до известной степени житейскими невзгодами, он, однако, еще очень неопытен в искусстве стихосложения. Прежде всего, он — не чужд (и даже весьма и весьма не чужд) подражательности. В большинстве его стихотворений (наиболее удачных по форме и по замыслу) чувствуется сильное влияние талантливого поэта Ф. К. Сологуба: тот же мистицизм, та же символика, — но только все это лишненное той яркости красок и той самобытности, как в первообразе... Подражательность — почти общий удел всех начинающих; но от нее можно скоро избавиться при малейшей самостоятельности дарования. <...> Местами его стих даже и не нуждается ни в какой дополнительной технической обработке. Все это выделяет сборник г-на Корина из массы других, подобных ему, исчезающих из литературы немедленно при своем появлении. Автору ее недостает еще — правда, — многого, чтобы по праву именовать себя поэтом, но при дальнейшей самостоятельной работе над своими творческими порывами, он может достигнуть этого. Пожелаем ему влагать в свои „стихи и песни“ поменьше напускного холода и побольше огня...» (Кор. А-н [Коринфский А. А.]. Библиографический обзор. СХХХ. В. Корин. Зарницы. Стихи и песни. С.-Петербург, 1898. Цена (62 стр.) 50 к. // Север. 1898. № 21 (24 мая). Стлб. 670).

³⁹ «Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 60.

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 78.

Сбылось! — по всей Руси великой
 Крылатый стих твой облетел!
 И в сердце черни полудикой
 Он смутным эхом прогудел!

И вот: кощунственно играя
 Священным именем твоим,
 Тебе несет толпа слепая
 Своих кадилыниц чад и дым...

Встань, поэт! Как прежде, смело
 Возвысь пред ними мощный глас:
 «Подите прочь! — Какое дело
 Поэту мирному до вас!»⁴¹

Сологуб уже читал стихотворение и на вечере у Случевского 27 марта 1899 года: «...Сологуб прочитал стихотворение Корина (к которому Сологуб покровительствует), и Мережковский принялся его восторженно расхваливать...».⁴² Оно было опубликовано автором только во втором выпуске «Зарниц» (1901) с названием «Пушкину» и подзаголовком «На 26-е мая 1899 г.». Это стихотворение точно выразило мысль Сологуба в короткой рецензии, а может быть, отчасти и натолкнуло на ее написание: «Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманные поминки, вызванные не свободным и неудержимым подъемом общественного духа, а простою календарною справкою литературных гробохраниелей. / Вот стихотворение молодого поэта Корина, которое в немногих словах, но точно передает это наше чувство обиды и возмущения против нового бесчинства толпы».⁴³

Схожим образом Сологуб поступал и ранее, называя имена своих близких по духу друзей. Предпринятой ранее попыткой «рекламы» книг можно считать две рецензии в «Северном вестнике» — на книги его наставника и друга В. И. Латышева «Руководство к преподаванию арифметики»,⁴⁴ первое издание которой автор подписал для Сологуба («Федору Кузьмичу Тетерникову от автора 1896–1897 г.») и на «Раздельную азбуку» Я. Душечкина, редактора журнала «Учительское дело», также сопроводившего вручение книги надписью («Дорогому товарищу Федору Кузьмичу Тетерникову. Я. Душечкин. 22 декабря 1896 г.»).⁴⁵

В мае 1898 года Корехин обращается с очередной просьбой: «Снова присылаю Вам мой рассказ в несколько исправленном виде. Пожалуйста, посмотрите его и скажите: годен ли он для печати». И тут же просит совета относительно его поэтических штудий: «Вы мне еще обещали сказать, — какие стихотворения мне лучше удаются и в каком роде продолжать писать...».⁴⁶

В 1901 году, после выхода второго выпуска, появилась еще одна рецензия на две книги «Зарниц». На страницах журнала «Мир искусства» вновь отмечалась подражательность автора и говорилось, что стихотворение «Сбы-

⁴¹ Корин В. Зарницы. Вып. 2. С. 31. Впервые опубликовано в составе статьи Сологуба: Мир искусства. 1899. № 13–14. С. 37–40.

⁴² Фидлер Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подг. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 261–262.

⁴³ Мир искусства. 1899. № 13–14. С. 40.

⁴⁴ Латышев В. Руководство к преподаванию арифметики. 2-е изд. М., 1897; ред. см.: Северный вестник. 1897. № 4. С. 73–74.

⁴⁵ Раздельная азбука: Объяснения и доп. к ней / Сост. Я. Душечкин. Новгород, 1895 // Северный вестник. 1897. № 4. С. 72. Обе надписи воспроизведены в публикации: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 439 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. X).

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 а. Л. 37.

лось! — По всей Руси великой...» как «едва ли не единственное в двух книжках, вполне выдержанное и с самостоятельной мыслью. В остальном „Зарницы“ — отблески гулких гроз».⁴⁷

Через Сологуба Корехин также связался с В. Я. Брюсовым: «Я передал о Вашем желании Корину. Он послал Вам свои книжки».⁴⁸ Это произошло весной 1901 года, а 3 октября Корехин напоминал о себе поэту и просил прислать последнее его издание — «Tertia Vigilia».

Тогда же Брюсов включил книгу Корехина в опубликованный по-английски обзор русской литературы последних лет, где, оценивая ее в числе сборников К. Р., И. А. Бунина, М. Горького, отмечал, что молодой поэт «сохранил строго классическую форму, но стремится вдохнуть в нее все многообразие современных произведений».⁴⁹

В письме Корехин благодарит Брюсова: «Шлю Вам три благодарности в одном письме: благодарность за письмо, благодарность за книги и благодарность за отзыв в Athenaeum'e. Из них самая большая благодарность — вторая; сказать ли Вам, как я „опьянялся“ Вашими стихами? — Так я опьянялся уже давно — когда впервые знакомился с Тютчевым и Фетом, но Фет очень сладок и однообразен, Вы же по духу родной сын Тютчева, а у него от всякого вина по капле есть. Я не враг печати, хотя печать ко мне враждебно относится... На днях vyšлю для „Северных цветов“ несколько стихотворений; буду рад, если „скорпионы“ найдут что-либо по своему вкусу».⁵⁰ И действительно, в «Северных цветах» за 1902 год среди произведений В. Розанова, Брюсова, Сологуба, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Н. Минского, К. Бальмонта и др. были помещены и два стихотворения Корина — «В лабиринте» и «Среди болот».⁵¹ В 1902 году в письме Брюсову Корехин вновь благодарит его за присланные издания — «Северные цветы» и каталог издательства «Скорпион».⁵² Однако при личном знакомстве в феврале 1902 года поэт произвел на Брюсова отталкивающее впечатление: «Был у Корина. Ожидал встретить юношу и вместо того увидел немолодого учителя, гнусного вида, обедавшего и просившего позволения „воздать честь стомахе“. Бежал от него».⁵³

Позже Корехин также предлагал свое участие в «Северных цветах на 1904 год», для чего отправил Брюсову «что-то около 15-ти» стихотворений, однако ни один из текстов Корина в новом выпуске альманаха не появился.⁵⁴

⁴⁷ Шестаков Д. Корин В. Зарницы. Стихи и песни. Выпуски I–II. СПб., 1898. 1901 // Мир искусства. 1901. № 11–12. С. 323.

⁴⁸ Письма Федора Сологуба к В. Я. Брюсову / Подг. текста и комм. А. Л. Соболева // Соболев А. Л. Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 326. Второй выпуск «Зарниц» сохранился в библиотеке Брюсова: РГБ. Ф. 386. Книги. № 1144.

⁴⁹ «A young poet, V. Korin, has published a second volume of his „Flashes“ («Zarnitsi»). He has preserved a strictly classical form, yet endeavours to breathe into it all the variety of contemporary productions» (The Athenaeum. 1901. July 20. Issue 3847. P. 85–87).

⁵⁰ РГБ. Ф. 386. Карт. 90. № 19. Л. 3–4.

⁵¹ Северные цветы на 1902 год. М., 1902. С. 125–126. Во втором стихотворении оказалась пропущена одна строка (РГБ. Ф. 386. Карт. 90. № 19. Л. 6 об.).

⁵² Там же. Л. 5–6.

⁵³ Брюсов В. Дневники 1891–1910 / Подг. к печати И. М. Брюсова; прим. Н. С. Ашукина. М., 1927. С. 117. За эту несколько вычурную высокопарность Корехина укорял и рецензент «Мира искусства», комментируя строки «Я иду, и гуду, и пою, — / Лес угрюмый злорадно молчит, / Только голос на песню мою / из-за леса чуть слышно звучит: / „Вещих птиц и теней не буди, / напроорочит невзгоду их грай“»: «„Гуду“ — слишком „стихийно“ для одинокого мечтателя <...>. „Грай“ — что-то хохлацкое и, во всяком случае, высоко-провинциальное...» (Шестаков Д. Корин В. Зарницы. Стихи и песни. С. 323).

⁵⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 90. № 19. Л. 7–8 (письмо от 26 ноября 1903 года). В частности, среди них был цикл из шести стихотворений, объединенных названием «Усталость» и общим посвящением Брюсову (Там же. Л. 7). Стихотворения сохранились в архиве поэта: РГБ. Ф. 386. Карт. 128. № 34.

На правах друга Сологуба Корехин часто бывал у него на вечерах, а также попадал и на Вечера Случевского (см., к примеру, запись Ф. Ф. Фидлера от 6 марта 1905 года).⁵⁵ 14 декабря 1905 года присутствовал на башне Вяч. Иванова. В письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал он охарактеризован как «плох<ой> поэт».⁵⁶

Упомянут Корехин с ошибкой в написании фамилии и в «Кукхе» А. М. Ремизова (запись от 2 октября 1905 года): «Вечером ездили к Ф. К. Сологубу на В. О. в училище, где он инспектором. Ивановы, Сюннерберг, Чулков, Кондрачев, Зоргенфрей и, конечно, Василий Иванович (Коренев)».⁵⁷

Корехин пытался связаться и с Блоком, отправив тому в благодарность за присылку его последнего издания оба выпуска «Зарниц» с дарительными надписями:⁵⁸ «Благодарю Вас очень за присылку Вашей последней книги. Я получил ее и жадно перечитываю. Много находить отзвуки в моей, ко всему охладевшей, душе... Эта книга — пышный расцвет Вашего дарования».⁵⁹

В фонде Сологуба собралось большое количество неопубликованных стихотворений Корехина. В письмах и отдельными листами остались: «В темнице», «Сфинксу» («Ни на земле, ни над землей...»), «Счастье мое у тебя на устах...», «Проходил я лесом...», «Полдень горячий меня опалил...», «Еще томлюсь душой усталой...», «Я устал любить и ненавидеть...», «Целый день сегодня дождь...», «Призрак» («Я прихожу к тебе незримо...»), «Окно» («Окно открытое с цветами...»). Одно из стихотворений («Умиряющая») было вложено в книгу «Зарниц».⁶⁰ А также у Сологуба хранились две тетради с текстами Корехина: первая содержит рассказ в стихах «В глуши лесов» с правкой автора и, возможно, с правкой и пометами Сологуба простым и синим карандашами. Во второй тетради (на обложке: «Стихи. № II-й») помещено 14 стихотворений также с правкой автора и правкой Сологуба синим карандашом.⁶¹

Среди текстов и два коротких стихотворения, посвященные Сологубу: первое датировано 23 декабря 1895 года — «Федору Сологуб (По прочтении первой книги его стихов)», второе написано на листке карандашом «Ф. К. Сологубе (экспромт)» («На солнце брошены цветы...») — и могло быть создано в любое время, когда Корехин бывал у Сологуба, приезжая в Петербург.

В дальнейшем Корехин еще не раз связывался с Сологубом и обращался за литературной помощью. Известно, что в 1906 году Сологуб и Корехин совместно под псевдонимом «Горицвет» опубликовали в первом номере журна-

⁵⁵ Фидлер Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. С. 392. Записи Сологуба о литературных вечерах в период с апреля 1900 года до февраля 1906-го неизвестны.

⁵⁶ Цит. по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 144.

⁵⁷ Ремизов А. М. Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 21 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁸ «Многоуважаемому Александру Александровичу Блок <так!> на добрую память автор. СПб., 23го декабря 1908 г.»; «Александру Александровичу Блок <так!> — Поэту белоснежных снов и неживых очарований на добрую память от автора. СПб., 23 дек. 1908 г.» (Библиотека А. А. Блока: Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1985. Кн. 2. С. 36).

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 287. Л. 1.

⁶⁰ Ныне находится в фонде Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 115.

⁶¹ «Я пережил желанья всех творений...», «Серенада» («Ночь взошла... Легла прохлада...»), «Не говори, что жизнь обманывает нас...», «Долог путь мой утомительный...», «Среди развалин» («Я стою среди забытых развалин...»), «Я устал любить и ненавидеть...», «Сегодня снились мне родные берега...», «Странник (Легенда)» («О, странник, ты шел издалече!..»), «У двери» («Опять стою пред этой дверью...»), «Глушцы я ненавижу...», «Я слышу свистки паровоза...», «Сию и считаю мгновенья...», «Люблю я лица томные...», «Война» («Мужайся Русь! — На подвиг славы...»), «Похоронная песнь» («Тихий звон...»), «Мы — корни сожженных растений...», «Добро и зло мое ты взвесил...» (Там же. № 25).

ла «Зритель» за 1906 год стихотворение «Веселая деревенская песня» (датируется 4 декабря 1905 года). Авторство указано Сологубом в алфавитной картотеке стихотворений: «С Корехин <ым>», и в погодичной росписи опубликованных произведений.⁶²

В 1907 году Корехин вновь просил Сологуба помочь с устройством текстов: «Присылаю Вам еще два моих стихотворения и прошу Вас предложить для напечатания в какую-нибудь из знакомых Вам редакций».⁶³ В сентябре 1908-го Сологуб упоминает Корехина в письме к А. Ф. Ярославцеву, секретарю редакции журнала «Метеор» и сотруднику редакции журнала «Волжские дали» (Казань): «Многоуважаемый Авенир Федорович <...> мне будет приятно следить за развитием Вашего столь интересного предприятия. — Посылаю Вам при этом 2 стихотворения, — одно мое, и второе одного из моих друзей. Гонорар за первое 40 рубл.; за стихи В. И. Корина прошу уплатить по существующей у Вас оценке».⁶⁴

Это, пожалуй, все, что известно нам о литературной карьере Корехина.

Начальный этап — этап вхождения в писательский мир, важный для литературной репутации писателя — характеризуется не только первым впечатлением, которое он производит на публику. Окружение зачастую определяет дальнейший путь автора: издания, в которых он печатается, «друзей» и «врагов». Некоторые впоследствии пробивают себе дорогу дальше, но многие, оказавшись в свите «литературного генерала», в воспоминаниях современников фигурируют только как их протеже. Несмотря на помощь Сологуба и удачные, казалось бы, попытки связаться с Коринфским, Брюсовым, Блоком и войти в круг литераторов, посещая литературные вечера, Корехин так и остался малоизвестным автором двух сборников стихов, печатавшимся по большей части в периодических изданиях (куда зачастую попадал по протекции Сологуба).

⁶² Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 634 (сер. «Литературные памятники»).

⁶³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 б. Л. 6.

⁶⁴ Там же. № 800. Л. 5. Журнал «Волжские дали» выходил в Казани в 1908 году, всего появилось 18 выпусков. Стихи Сологуба помещены в двух октябрьских номерах: «Под сенью тилий и темал...» (Вып. 12. С. 15) и «Сладко ты благоухаешь...» (Вып. 13. С. 11). Там же было опубликовано стихотворение Корехина «Ах, зачем одним намеком...» (Вып. 13. С. 12).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-55-66

© А. С. АЛЕКСАНДРОВ

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — СОТРУДНИК И РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» В 1911–1917 ГОДАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)*

Сотрудничество А. Л. Волынского (1861–1926), известного теоретика искусства, балетного, театрального и литературного критика, с газетой «Биржевые ведомости» — ведущим массовым изданием начала XX века — не

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

становилось еще предметом всестороннего специального исследования.¹ Между тем начиная с 1911-го вплоть до начала 1918 года его творческая деятельность тесно связана с литературно-критическим и театральным отделом этого печатного органа. В настоящей статье на основе архивных разысканий мы сделаем ряд важных уточнений о работе Волынского в «Биржевых ведомостях» с момента вступления в ряды сотрудников этого издания, но главным образом сосредоточим фокус нашего исследования именно на последнем периоде участия в газете, приблизительно с середины 1916 года, когда Волынский стал во главе литературно-критического отдела, сменив на этом посту А. А. Измайлова, проработавшего в отделе с 1898 года.

Постоянное сотрудничество Волынского в «Биржевых ведомостях» начинается с предложения о работе в этом печатном органе, по части написания обзорных и критических статей о балетных спектаклях, которое Волынский получил в начале 1911 года от одного из редакторов газеты В. А. Вонди. Примерно полгода, по словам критика, ушло на обдумывание поступившего к нему предложения,² и в итоге оно было принято.

Редакционная политика в газете «Биржевые ведомости» — либеральном массовом издании — была ориентирована на самые широкие читающие слои городского населения. Издание давало своим читателям самую широкую информацию о культурной, литературной и театральной жизни столицы. Беллетристический отдел был представлен именами первого ряда прозаиков и поэтов начала XX века; в литературно-критическом отделе публиковались обзорные фельетоны и рецензии на все книжные новинки; театральный отдел, специализирующийся прежде всего на драматических спектаклях, предлагал читателям обзор не только серьезных постановок крупных театральных площадок Петербурга, но нередко и рецензии на спектакли театров миниатюр и кафешантанов.

Отдельного раздела, посвященного музыкальным, оперным и балетным премьерам, в газете не было. Случайные редкие разборы постановок Мариинского театра, получивших мировое признание, безусловно, не могли удовлетворить крупное массовое издание. Появление в газете с сентября 1911 года постоянного раздела, освещающего хореографические новинки, позволило изданию заполнить существующую лакуну в информационном освещении культурной жизни столицы, а также привлекло к колонкам издания новых читателей, интересующихся миром танца.

Волынский к этому времени — известный литератор, имеющий большой опыт работы редактором ряда периодических изданий, и обозреватель ряда газет и журналов по широкому кругу вопросов литературы, искусства и театра. В писательских кругах хорошо знали об увлечении Волынского балетом, поэтому поступившее деловое предложение было вполне закономерным.³

¹ Отдельные эпизоды взаимодействия Волынского с «Биржевыми ведомостями» рассматриваются в монографии Е. Д. Толстой «Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского» (М.; Иерусалим, 2012; см. параграфы «Балет» и «Возвращение в литературу»), а также во вступительной статье Г. Н. Добровольской «Поэт и летописец русского балета» (*Волынский А. Л. Статьи о балете: [Очерки, эссе] / Сост., вступ. статья, комм., список статей Г. Н. Добровольской. СПб., 2002. С. 5–38.*)

² Об этом Волынский сообщил в письме к С. М. Пропперу от 3 ноября 1914 года (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1).

³ См., например, в воспоминаниях М. М. Фокина: «Думая все более о балете и ведя о нем беседы как с артистами, так и с учениками, я пришел к заключению, что если привлечь к обсуждению вопросов балета людей высокообразованных, литераторов, ученых, хотя бы и не специалистов по данному искусству <...>, то это может взбудоражить наш балетный мир и способствовать более сознательному отношению к искусству. Такая мысль возникла у меня еще и потому, что мой приятель С. Осипов рассказал мне, как в семье режиссера Александринского театра Ю. Озаровского <...> он встречался с писателем А. Л. Волынским. Волынский, по его словам, любил говорить и прекрасно говорил о балете» (*Фокин М. М. Против течения: Воспоминания балетмей-*

Дебютной и одновременно программной статьей Волынского в «Биржевых ведомостях» становится его теоретическая работа «Священнодействие танца», где продвигается мысль о смысловой наполненности хореографического искусства: «Нет па без мыслей, или вернее сказать, каждое балетное па, сочетанием своих линий и движений, несет с собою определенную идею, из мира души и фантазии. <...> Так называемые классические танцы с их особенными формами, от первой буквы балета пуанта, до головокружительно-сложного и стихийно-увлекательного фуэте, являются средоточием огромного богатства пластических идей, еще не изученных и не разгаданных в своем действительном содержании».⁴ С этого времени и вплоть до закрытия газеты в 1917 году Волынский становится летописцем балетной жизни Петербурга, не пропуская ни одного значимого события в мире танца. Он пишет о классических постановках на императорской сцене («Баядерка», «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Дон Кихот»), посвящает свои статьи солистам А. П. Павловой, М. Ф. Кшесинской, Т. П. Карсавиной, О. О. Преображенской, О. А. Спесивцевой, А. Я. Вагановой, пишет обзорные и теоретические материалы, полемизирует с новациями М. М. Фокина, А. А. Горского, Б. Г. Романова, Ф. В. Лопухова и др. в области хореографии.

Начиная с сентября 1911 года Волынский педантично готовит по 3–4 статьи в месяц. Несмотря на всю эксклюзивность подготавливаемых критиком материалов нередко они несправедливо «задвигались». После очередной задержки срочного материала Волынский направляет письмо к Бонди, изливая подробно свои ламентации и в том числе описывая специфику работы: «Вот уже в третий раз за последний месяц, как Вы откладываете срочные статьи мои, писанные сейчас после спектакля. Размер их поистине мизерабельный, так что явление это приходится считать выражением известного индифферентизма к моему литературному труду. Но сотрудничество в газете устанавливает определенные моральные обязательства по отношению к публике, ее читающей и приобретающей полезные и для газеты, и для писателя привычки. Это тот контакт между литератором и читателем, от которого, если говорить правду, больше всего выигрывает, в конце концов, издатель или редактор. Во всяком случае, только ради этого установившегося союза с читателем я и пишу после спектакля, иногда до утра, сплю по два-три часа не раздеваясь, ревизую корректуру, чтобы на страницу „Биржевых ведомостей“ не допустить и лишней запятой».⁵

Это письмо — важное свидетельство о тех сложных мыслительных процессах и усилиях, которые Волынский предпринимал, составляя свои обзоры балетных спектаклей. Работать приходилось по ночам, чтобы, придя вечером со спектакля, успеть записать свои впечатления от постановки, не упустив важных деталей мимолетного танца, сохранив его словесный образ для читателей газеты, артистов и постановщиков. В силу своего характера, одной из главных черт которого была исключительная точность и аккуратность, Волынский в работе для «Биржевых ведомостей» сталкивался с несправедливым отношением к своему труду. Отдавая приоритет общественным и политическим новостям, редакторы издания нередко отодвигали на второстепенные позиции материалы, касающиеся культурной жизни. Такие публикации

стера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма / Вступ. статья и комм. Г. Н. Добровольской. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1981. С. 80). Ср. также запись в дневнике Ф. Ф. Фидлера: «Встретил на Аничковом мосту Волынского-Флексера <...> и спросил его: „Значит, Вы пишете в «Биржевых Ведомостях» о балете?“ — „Да, я уже много лет увлекаюсь балетом“» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008. С. 564).

⁴ Волынский А. Л. Священнодействие танца: Балет // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1911. 17 сент. № 12536. С. 4–7.

⁵ Волынский А. Л. Письмо к В. А. Бонди // РНБ. Ф. 90. Ед. хр. 3. Л. 1 (предположительная датировка — конец 1911 года).

могли откладывать от номера к номеру, нередко сокращать в угоду новостям насыщенной политической жизни 1910-х годов.

В письме от 27 июня 1913 года к редактору «Биржевых ведомостей» М. М. Гаккебушу Волынский на очередную несправедливость по отношению к его работе в ультимативной форме заявил: «Я хочу просить Вас либо совсем не печатать моих статей, либо печатать их целиком, ибо всякое хотя бы и незначительное на взгляд метранпажа сокращение вносит в мою работу невозможную дисгармонию. Так, из вчерашней статьи выброшено около двенадцати строк, от чего последовательность и доказательность изложения в двух принципиально важных местах пострадала. При этом я не говорю уже о пропавших оттенках стиля. Вы должны знать, Михаил Михайлович, что до сдачи статьи в редакцию я просматриваю ее внимательно, переписываю, безжалостно уничтожаю все, без чего можно обойтись. А то, что остается, то нужно для дела. Конечно, я предпочел бы увидеть статью на следующий день, чем в срок, но с абсолютно для меня неудобными купюрами».⁶

Конфликт Волынского с редакцией газеты постепенно нарастал. Задержки написанных материалов, бесосновательное сокращение статей рефреном повторяются в немногих сохранившихся письмах к руководителям «Биржевых ведомостей». Очевидно, таких претензий было на порядок больше, многие высказывались устно, а письма отразили наиболее острые случаи, которые стоило решать через официальное обращение. Прикладывая немалые усилия, опыт, знания, талантливый критик вывел обзор балетных спектаклей на небывалый уровень, подняв интерес у широкой читательской аудитории к хореографическому искусству. Особую роль Волынский сыграл в профессионализации балетной критики в журналистике, задав своими обзорами высокую планку анализа балетного спектакля и привив моду на подобные рецензии в информационном поле. Между тем к началу Первой мировой войны, после четырех лет сотрудничества в газете, положение Волынского в редакции оставалось не очень прочным. Он был внештатным сотрудником на почасочной оплате — и с таким положением дел было сложно примириться. Трезво оценивая свой вклад в развитие газеты, Волынский пишет обстоятельное письмо издателю «Биржевых ведомостей» С. М. Пропперу, ходатайствуя об изменении своего положения: «Я хотел просить Вас пересмотреть и решить в окончательной форме вопрос о моем постоянном сотрудничестве в „Биржевых ведомостях“. Своей теперешней конструкции сотрудничество это сохранить не может. Начать с того, что получаемый мною гонорар обидно мал и не идет ни в какую параллель с гонораром, получаемым мною в других изданиях. Пятнадцать копеек со строки можно платить бойкому репортеру, а не литератору, который вкладывает в свою работу не только сложные знания и строгую научную подготовку, но и кровь нервов, потому что на пути балетной критики — смею Вас уверить — „Биржевым ведомостям“ пришлось не только разяснять публике, что она стоит здесь лицом к лицу с одним из подвигов славянского гения, но и, просто говоря, прокладывать честные дороги среди протестуационного кошмара, окутавшего Мариинский театр. <...> Четыре года труда, как один день. Отдав жизнь искусству и борясь на протяжении всей моей карьеры за идеалистический пафос русского творчества, я считал и считаю высоким делом — на живом примере показать, каких высот оно достигло здесь, какую целомудренную красоту и прелесть оно проявило тут по соседству с литературой. По соседству с литературой, кстати сказать, из года в год терявшей свой иконописный лик. Но сейчас статьи о балете стали уже появляться во всех столичных изда-

⁶ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. 27 июня 1913 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 1. Речь идет о сокращении статьи «Красносельские спектакли: О. А. Спесивцева в балете „Рыцарь и фея“» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1913. 27 июня. № 13613. С. 4–5).

ниях. Благодаря инициативе „Биржевых ведомостей“ общество прислушивается ныне к тому, что говорится в разъяснение пластических форм танца разумного и обоснованного. Лично я располагаю доказательствами, что статьи мои читаются не только в кругах балетоманских, среди буржуазии столицы, но и в классах общества, стоящих гораздо выше ее по своему социальному весу, по своей интеллектуальной воспитанности. Даже в официальном журнале Театра было еще в прошлом году указано на значение предпринятой мною в „Биржевых ведомостях“ критической работы.

Пишу Вам все это, Станислав Максимилианович, без самолюбивой оглядки на собственный труд. Просто, как сотрудник газеты, считаю своим долгом использовать повод и рассказать Вам о некоторых, уже одержанных нами победах на чистом пути критики. Общество стало слушать нас. Оно читает наши обзоры. Многие деятели из административного аппарата театра даже шевельнулись нам на встречу. Стало быть, мы трудились все это время не напрасно.

И однако положение мое в газете я считаю для себя сейчас почти не переносным. Гонорар невозможно мал. М. М. Гаккебуш ссылаясь на Вас кроме того и говорил на этих днях, что Вы находите критику балета в настоящее время как бы даже и не нужною совсем. Пишу я для „Биржевых ведомостей“ сейчас в минимальном размере: всего лишь два раза в месяц. Но, может быть, Вам хотелось бы в самом деле и совсем положить крест на этот отдел газеты, упразднить в конец завоеванную ею позицию. Тогда мне это необходимо знать немедленно. С чувством горькой досады на обстоятельства пришлось бы перенести всю свою литературную деятельность в другое издание. <...> Не допускаю даже и мысли, что вопрос идет в сущности об упразднении отдела балетной критики в Вашей газете совсем из-за войны. Стрельба немецких пулеметов одержала бы в таком случае настоящую победу — ужасную победу — если бы ей удалось истребить хотя бы на короткое время в душе русского человека интерес к искусству. Но — слава Богу — несмотря ни на что, несмотря на льющуюся кровь, в тылу русской армии работа не только кипит по-старому, но даже осложняется новыми задачами. Иные прозрения и догадки. Иные упоения и восхищения. Дух поднимается. И кто не воюет мечом, раздувает сильнее прежнего угли внутри себя».⁷

Несмотря на такое обстоятельное и аргументированное письмо, положение Волынского в газете не изменилось. С 1914 по 1916 год он по-прежнему оставался на построчном окладе. Но разрыва с изданием не произошло отчасти потому, что, по заверениям И. И. Ясинского, в „Биржевых Ведомостях“, до конца их бытия, гонорар и заработная плата стояли выше, чем в других периодических изданиях».⁸ При всех недостатках, неизбежных при работе в газете, Волынскому предоставляли печатные площади для его обзоров, в иные месяцы ему удавалось опубликовать до восьми статей и заметок.

Разразившаяся война внесла коррективы в информационную повестку дня и редакционную политику ведущих общественно-политических периодических изданий. По решению Проппера, считавшего, что «когда гремят пушки, имеет значение только газета»,⁹ был закрыт ежемесячный журнал-приложение к «Биржевым ведомостям» «Новое слово», а в самой газете основные полосы отданы сводкам с театра военных действий. Столбцы газеты запестрели заметками с фронта, аналитическими обзорами военного положения, политическими и экономическими новостями. Однако и в этом потоке

⁷ Волынский А. Л. Письмо к С. М. Пропперу. 3 ноября 1914 года // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1–2.

⁸ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 517.

⁹ Там же. С. 565.

актуальной информации находилось место освещению литературной, культурной и театральной жизни города. Интеллектуальная жизнь столицы шла своим чередом, на представителей творческих профессий возлагалась особая ответственность в столь сложный для страны момент. В одном из писем к Гаккебушу Волынский высказал свое видение функции газеты, ее назначения, в частности, отмечая: «Сами видите, как сенсационны мои темы по настоящему моменту. Завтрашняя статья подкрепит сегодняшнюю. Ведь сегодняшняя только вывод из нее. Трудно сейчас сделать учет впечатлений. Но будущее покажет, что мы трудились с Вами не даром. Чтобы прочно стоять на высоте, надо говорить и к той интеллигенции, которая ищет в газете касаний к струнам существенной культуры. Да и победа на поле сражения ведь зависит не от пуль, шрапнелей, артиллерийского огня. Если Европа вся целиком до сих пор не может победить Германию, то это потому, что там наука и знания, каких нигде нет. Россия же погружена в невежество по горло. Пафос ее пока только эмоциональный. А чтобы быть могучим, он должен одухотвориться прежде всего элементом интеллектуальным. Давайте же работать в этом направлении. Сейчас именно это нужно. Публика ловит каждое обдуманное слово, особенно если оно связано с горением лучей волевых. Собственные же Ваши мысли — я замечал это не раз — часто возносятся над заурядным газетным содержанием, которому цена грош».¹⁰

В этом письме речь идет о летнем цикле статей, первую из которых Волынский посвятил итальянскому философу Винченцо Жиоберти, подвергнутому в свое время «критике гальские элементы европейской культуры», противопоставив их германским. В четырех статьях был представлен анализ шедевров Микеланджело Буонарроти — скульптуры «Моисей» и изображения пророков на плафоне Сикстинской капеллы. В заметке «Сеется тело душевное» автор рассуждал о религиозных войнах еврейского народа, направленных в первую очередь на защиту не территории, а духовного бытия. В заключительной статье летнего цикла, вышедшей в середине сентября перед началом нового театрального сезона, Волынский в пандан своему письму к Гаккебушу рассуждал о роли прессы в период войны, отмечая ее особое значение.¹¹

С сентября 1915 года были возобновлены обзоры балетных спектаклей. При достаточной высокой публикационной активности Волынский так и не стал штатным сотрудником газеты и не имел постоянного оклада — это обстоятельство вносило определенный нерв в его отношения с редактором Гаккебушем. 13 декабря 1915 года Волынский направил ему развернутое письмо, которое проливает свет на работу критика и положение в газете в конце 1915 года: «Нет надобности вести разговор по существу. Но держась даже только формальной стороны дела, я мог бы сказать, что раз не упразднены на время войны театры и газеты уделяют им внимание, статья моя о Фокине имела право появиться в определенный срок. Даже о „Кривом Зеркале“, учреждении сейчас никому не нужном, я находил у Вас статьи, размером своим превосходящие мои заметки. Но это, конечно, дело Ваше. Пишу же я настоящие строки единственно для того, чтобы просить Вас не ждать от меня никаких статей по общекультурным вопросам. Вот та атмосфера, в которой мне работать трудно. Аккуратность моя известна всем. Пакеты с моими заметка-

¹⁰ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. Июль 1915 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 7.

¹¹ Волынский А. Л. 1) Жиоберти // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 4 июня. № 14883. С. 2; 2) Вождь народный // Там же. 8 июня. № 14891. С. 2; 3) Лучи света // Там же. 9 июня. № 14893. С. 3; 4) Кедр Ливана // Там же. 22 июня. № 14919. С. 2; 5) Сеется тело душевное // Там же. 8 июля. № 14951. С. 3; 7) Гимн Солнцу // Там же. 9 июля. № 14953. С. 2; 7) «Quos ego!» // Там же. 16 сент. № 15091. С. 2.

ми кладутся на Ваш стол в определенные часы. Так было летом со статьями об искусстве. Так было бы и в течение этой зимы. Но Вы с самого начала взяли по отношению ко мне линию, охладившую мой пыл, парализовавшую мою работу. Не забудьте, пожалуйста, что я просил Вас фиксировать ее определенным образом, ввести в рамку, назначить мне определенный оклад. Тогда я писал бы, сколько Вам захотелось бы. Могу по совести сказать: мозг мой объят пламенем. Столько тем, столько горений и волнений. Будьте психологом и поймите меня: я пишу к Вам в последний раз. Но я не добился от Вас ничего. Поэтому не подавал Вам никаких статей общелитературного характера. Трудно было перешагнуть через обиду, которая чувствовалась остро. Ограничивался и ограничиваюсь балетом. С этого же дня буду и о балете писать еще реже, еще короче, откликаясь только в минуты необходимости. Вообще сведу мое участие в „Биржевых ведомостях“ к минимуму».¹²

Вряд ли все эти ламентации Волынского привели бы к кардинальному улучшению его положения, если бы не кадровые перемены, произошедшие в издании в 1916 году.

В марте–апреле становится известно об уходе на пост редактора в «Петроградский листок» бессменного (с 1898 года) театрального и литературного критика А. А. Измайлова, ведшего литературно-критическую фельетон в газете и «обслуживавшего» все наиболее важные события и даты литературного мира.¹³ Сложившееся в редакции газеты положение позволило Волынскому обратиться к Гаккебушу с деловым предложением: «Уполномочьте меня оборудовать в „Биржевых Ведомостях“ литературно-критический отдел с систематическим обзором новинок журнального и книжного рынка. Могу при этом со спокойной совестью заверить Вас, что, при широком знакомстве с кругом пишущих людей, мне удастся организовать в газете такую библиографию, какую другие столичные издания до сих пор не располагают. Я выдвину вперед темы для пересмотра всего, что сделано за последние 20 лет в области культуры духа, для справедливого суда над последними этапами беллетристического творчества в России и т. д. Конечно, трудно в письме очертить весь мой план полностью: для обсуждения этого вопроса требуется разговор обширный, лицом к лицу, при снятой даже с аппарата телефонной трубке. Но я пишу эти строки только для того, чтобы предложить Вам свои услуги и познания. Имею в виду при этом — само собой — не один лишь собственный труд литературно-философского критика, но и участие многих других лиц под бдительным моим контролем».¹⁴

Кадровое положение в «Биржевых ведомостях» весной 1916 года осложнилось тем, что вслед за Измайловым газету покинул Гаккебуш, перешедший в «Русскую волю».¹⁵ Предложение Волынского было принято. Дальнейшие

¹² Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. 13 декабря 1915 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 4.

¹³ О его работе в «Петроградском листке» см.: Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

¹⁴ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 7 (предположительно от марта–апреля 1916 года).

¹⁵ Причины ухода Гаккебуша Ясинский проясняет в письме к Измайлову от 30 апреля 1916 года: «Относительно „Биржевых Ведомостей“ темна вода во облаках. Гаккебуш хотел, по видимому, выпереть Проппера и устраивал всю эту комбинацию при посредстве Стембо. Но потеря власти Пропперу не улыбается. Еще не далее, как третьего дня, Проппер накупил на миллион с четвертью акций бумажной фабрики. Гаккебушем недовольны все Пропперы. Высокие цифры тиража — дутые цифры. Тираж всего 40–50 тысяч. И это было бы хорошо, если бы он принудительно не набирался за счет Второго издания, смысла которого совершенно не понимает Гаккебуш, человек бездушный. Соответственно уменьшился тираж Второго издания, которое быстро падает. Убыток от 1 издания равняется уже 700 т<ысячам> (точная цифра). Между прочим, особенно заинтересовало Проппера, как мне сообщил Макс<имилиан> Станиславович, честолюбивое мечтание Гаккебуша сделаться через газету членом Государственной Думы. Так как, мне

переговоры об организационной работе библиографического и литературно-критического отдела Волынскому пришлось вести напрямую с Проппером. В архиве критика сохранилось обстоятельное письмо к владельцу газеты, где он подробно излагает свои планы, приведем его полностью.

«Глубокоуважаемый Станислав Максимилианович,

Чтобы не откладывать дела на неопределенный срок, я хотел бы сегодня же сообщить Вам, в общих чертах, все, что предпринято мною в интересах литературно-политического отдела газеты, редактором которого Вы были любезны пригласить меня. Прежде всего, я позволю себе начертать тот план, которого я намерен держаться в своей работе в „Биржевых ведомостях“. Критический отдел газеты распадается на 3 основных рубрики: отдел библиографический, отдел литературного фельетона и, наконец, отдел художественной критики. Из них отдел библиографический является совершенно новым для газеты. Таким разделением я обнимаю всю литературно-художественную жизнь и имею возможность наилучшим образом пользоваться сотрудничеством литературных и умственных сил, известных мне в данное время, по вопросам специально их интересующим — в отделе библиографии, как и по вопросам более общего характера — в отделах фельетона и художественной критики. Как Вам известно, нами был разослан ряд приглашающих писем наиболее видным и ценным работникам в области литературы, науки и искусства, и, несмотря на краткость срока, мною уже получены в высшей степени сочувственные ответы от 60 лиц, что исчерпывает весь список, мною предварительно составленный.

В интересах дела я прошу Вас ознакомиться с полным списком литераторов, изъявивших готовность работать под моей редакцией: Булгаков, Бердяев, Гершензон, С. Маковский, Либрович, проф. Котляревский, Рерих, Лернер, Долгов, проф. Люблинский, Брюсов, проф. Карташов, Э. Браудо, Болдырев, проф. В. Струве, Р. Вальтер, д-р Погорельский, проф. Ветров, Переферкович, А. П. Нурок, проф. Зелинский, А. А. Блок, А. А. Подгаевский (Москва), проф. Б. А. Тураев, проф. Н. Лосский, Н. Л. Шапир, прив.-доц. Гвоздев, проф. Волков, кн. В. В. Кекуатов, проф. Ф. Батюшков, С. А. Андреевский, прив.-доц. гр. И. И. Толстой, М. Глинский, М. Кузмин, Б. Шлецер, В. А. Дмитриев, проф. Кутыловский, пр.-доц. Леонтьев, Ек. Максимова, Н. Э. Радлов (художник), Н. Гумилев, проф. В. Тотомианц, П. Этингер (Москва), прив.-доц. Викентьев, П. Столпянский, Сергей Радлов (филолог), проф. М. К. Названов, С. П. Семенов (секретарь Родзянко), проф. Сокольский, Б. Томашевский, Я. Тугендхольд, Я. Тетин, ген. Опушкин, П. А. Виленский, И. И. Ясинский, П. Д. Успенский, Г. И. Чулков, Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский.

От всех этих лиц, кроме 2–3 человек, с которыми я говорил лично, мною получены письменные извещения, в полной мере подтверждающие их готовность регулярно работать для газеты.

Список этот еще не закончен. Я держусь того мнения, что необходим возможно большой набор сотрудников, чтобы придать отделам полноту и разнообразие содержания, зависящего от индивидуальной оценки различных сотрудников. Так, например, в нашем списке имеется ряд литературных и художественных критиков. Мережковский, Батюшков, Волынский, Гершензон, Блок, Брюсов, Кузмин и т. д. Для художественного отдела — Тугендхольд,

кажется, это мечта Проппера. То можно представить, какой тут конфликт» (Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / Отв. ред. А. А. Холиков. М., 2021. С. 392). В письме упомянуты журналист Александр Лазаревич Стембо (1879–1917) и Максимилиан Станиславович Проппер — сын издателя и редактора газеты «Биржевые ведомости».

Маковский, Ясинский, Радлов, Тепин и т. д. По вопросам польской литературной критики — Кутыловский и Глинский. Представителями исторических наук являются: проф. Тураев, проф. Волков, Викентьев и друг. Филологи — гр. Толстой, Зелинский, Радлов, Гвоздев и др. Кроме того, просматривая список, Вы не могли не заметить, что в нем имеются видные представители юриспруденции, экономической науки, естествознания (в данной области список будет значительно расширен), наук социальных (подлежит еще расширению) и т. д.

Я не даю характеристики отдельным лицам, но могу с уверенностью утверждать, что тут нет ни одного имени, взятого только для вывески, и что мы имеем дело с выдающимися работниками в отдельных областях науки, литературы и искусства. Сотрудники были мною подобраны с чрезвычайной тщательностью, после долгих обдумываний, и я очень дорожу и даже считаю это за *condition sine qua non*,¹⁶ чтобы их ансамбль не был замутнен никакими случайными и посторонними примесями. В настоящее время на мое имя поступило, кроме сданных уже в печать и появившихся в „Биржевых ведомостях“, следующие 21 статья: Ветрова, Бердяева, Гершензона, Лятского, Рериха, Долгова, проф. Волкова, проф. Тотомианца (3 статьи), Либровича (2 статьи), Шледера (2 статьи), Вальтера, О. Шапир (о Толстом), Нурок, Дмитриева, проф. Люблинского (2 статьи), Волковича и Столицы (о детской литературе).

Однако, большинство авторов, и среди них те, которые меня особенно интересуют, обещали прислать свои статьи и библиографические отзывы лишь по возвращении в Петроград, после летних каникул. К последней категории относятся: проф. Лосский, проф. Тураев, Ф. Батюшков, Д. С. Мережковский, С. Маковский, Булгаков, Зелинский, Котляревский, гр. Толстой, С. Андриевский, А. Блок и др. Как видите, организация, представлявшая большие трудности, — трудности эти я надеюсь преодолеть в полной мере — еще не закончена и не может быть закончена по условиям летнего времени. О своих собственных работах и работах ближайших сотрудников говорить не приходится. Само собою разумеется, что все необходимое для процветания отдела будет сделано с возможной тщательностью и быстротой. Лично я буду давать по 2 фельетона в месяц, рассчитывая впоследствии довести количество их до 4-х за тот же промежуток времени. Этот обычай еженедельного фельетона относится к добрым традициям русской газетной критической литературы и признается мною вполне целесообразным.

Вот почему я не могу полностью присоединиться к Вашему желанию приступить немедленно к выпуску новых отделов. Я сам горю нетерпением увидеть осуществленными в Вашей газете наши общие реформаторские планы, но необходимо все же накопить еще некоторые литературные резервы, чтобы впоследствии в процессе труда черпать из них щедрой рукой и, главное, не быть в зависимости от статей случайных авторов и случайного характера. По моим соображениям и судя по письмам моих корреспондентов, я могу рассчитывать к концу августа на полный сбор необходимых статей. К этому времени и возможно будет приступить к работе по выпуску номеров.

Значительным реформам я намерен подвергнуть и театральную часть. Обычную хроникерскую осведомленность я уже заменяю — и впредь намерен делать то же самое — интеллигентной художественной информацией, идущей из первоисточников. Я заручился в этом отношении содействием целого ряда частных и казенных учреждений, что даст нам возможность обставить этот отдел, с начала сезона, с небывалой полнотой. Думаю, что подобного рода театральная хроника окажется влиятельным, живым и интересным элементом

¹⁶ неперемное условие (*лат.*)

газеты. Кроме того, несколько лиц, внушающих мне полное доверие своей работоспособностью, предложили мне свое участие в отделе „Театр и музыка“ в качестве информаторов и рецензентов. Должен признаться, что есть одно большое место, о котором, к сожалению, не могу умолчать в этом конфиденциальном письме. Этот больной пункт — полная отсталость музыкальной критики, не отвечающей даже отдаленным потребностям газеты в ее настоящем виде. Если бы и в этом щекотливом вопросе я чувствовал себя вполне свободным, то я не усомнился бы немедленно заменить крайне небрежные, временами недобросовестные, как мне кажется, даже написанные чужой рукой, репортерские заметки более подходящим и достойным „Биржевых ведомостей“ материалом. Но в данном вопросе я продолжаю ждать инициативы от Вас.

Как видите, короткое время моего редакторства проходит в чрезвычайно напряженной работе. Я полагаю, что она могла бы дать гораздо более скорые результаты, если бы в моем распоряжении, кроме превосходного и культурного помощника Е. М. Браудо, соединяющего в своем лице знание литературного мира с исключительной работоспособностью и умением чутко выполнять мои требования и замыслы, касающиеся газеты, если бы в моем распоряжении были еще 3 фактора:

- 1) телефон, что абсолютно необходимо в интересах быстрого осведомления театрального и литературного отдела;
- 2) пишущая машинка;
- 3) барышня, дежурящая специально для моих распоряжений от 5–8 час <ов> вечера.

Последнего требует огромная, постоянная и все возрастающая переписка, и — главное — быстрота работы, необходимая в интересах газеты».¹⁷

Обстоятельно изложенные Волынским планы по реформированию литературно-критического отдела были в полной мере осуществлены. 2 сентября в газете был опубликован анонс отдела «Критика и библиография», в котором кратко были изложены планы и задачи отдела и уточнен круг привлеченных авторов.¹⁸ Началась интенсивная работа, собранные за лето внушительные материалы редакционного портфеля стали регулярно появляться на столбцах газеты. Как правило, «подвальные» фельетоны шли по пятницам и субботам, а рубрика «Критика и библиография», наполняемая небольшими библиографическими заметками, выходила по воскресеньям. В первые месяцы работы Волынского сразу наметился определенный стиль отдела. В фельетонной части стали доминировать историко-литературные статьи («Л. Н. Толстой и его брат» М. О. Гершензона, «Английские писатели о русской культуре» акад. П. Г. Виноградова, «Критика наших дней и Некрасов», «Две забытые годовщины (Новые материалы для биографии Д. И. Писарева)» В. Е. Максимова (публиковавшего в «Биржевых ведомостях» под псевдонимом В. Евгеньев), «Новооткрываемый Пушкин» В. Я. Брюсова, «О Мицкевиче: генезис Гражины» Ф. Ф. Зелинского, «К. Н. Леонтьев (К 25-летию со дня его смерти)» В. Сперанского), а также публикации с философским уклоном («Очарования отраженных культур» Н. А. Бердяева, «Новое религиозное сознание» А. А. Мейера, «Бергсон» Н. О. Лосского).¹⁹

¹⁷ Волынский А. Л. Письмо к С. М. Пропперу. Начало августа 1916 года // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 15–17. Отдельные уточнения сделаны нами по черновику письма (Там же. Л. 5–19).

¹⁸ См.: [Волынский А. Л.]. Критика и библиография: От редакции // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 2 сент. № 15777. С. 3.

¹⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 9 сент. № 15791. С. 2; 5 окт. № 15845. С. 2; 14 окт. № 15861. С. 3; 21 окт. № 15903. С. 2; 4 окт. № 15843. С. 2; 1 нояб. № 15931. С. 3; 25 нояб. № 15945. С. 3; 30 сент. № 15875. С. 2; 29 окт. № 15889. С. 3; 23 дек. № 16001. С. 3.

Раздел «Критика и библиография», составляемый из рецензий авторов разных направлений и школ, представлял читателю широкую палитру книжных новинок. Здесь прошли рецензии на последние издания модернистов: Жирмунский откликнулся на выход «Anno mundi ardentis» М. А. Волошина, Б. Ф. Шлецер дал рецензию на «Борозды и межи. Опыты эстетические и критические» Вяч. И. Иванова.

И. И. Ясинский в нескольких заметках о новинках современной беллетристики и публицистики задел своим колким пером А. В. Амфитеатрова и его новую книгу «Свет и сила», откликнулся на книги «Записки декабриста» И. И. Горбачевского, «Ремесло сатаны» Н. Н. Брешко-Брешковско-го. Здесь же прошли рецензии на книги И. С. Шмелева «Суровые дни», Б. К. Зайцева «Земная печаль» (обе — А. А. Гвоздева), Г. В. Адамовича «Облака» (В. М. Жирмунского).²⁰

Среди прочих материалов в отделе библиографии выделялись новизной статьи молодых исследователей, составивших впоследствии цвет отечественной филологической науки, Б. М. Эйхенбаума («Н. М. Карамзин», «М. А. Кузмин», «Литература в средней школе», «К вопросу о звуках стиха»),²¹ В. Е. Максимова («В. И. Семевский как редактор»),²² В. М. Жирмунского («Англичанин на русском фронте» о книге Гью Вальполя «Темный лес»).²³

Практически все наиболее заметные книжные новинки философии, юриспруденции, социологии, поэзии и прозы 1916 года были отмечены в выразительных рецензиях блестящего авторского коллектива. Такое разнообразие достигалось еще и тем, что Волынский старался давать «голос» в газете новым авторам, «придерживая» время от времени материалы бывалых хроникеров, интенсивно поставлявших свои материалы в редакцию. На этой почве возникали небольшие конфликты, которые, впрочем, быстро умирялись в объяснительных письмах, сохранившихся в архивах авторов-сотрудников, по ним можно составить представление о работе Волынского в «Биржевых ведомостях». Показательно в этом отношении письмо Волынского к Ясинскому от 15 октября 1916 года: «Никаких авторов я не только не собираюсь мариновать, но, напротив того, я горячо заинтересован в скорейшем появлении их статей в „Биржевых ведомостях“. Предметом моих самых тщательных забот явится также сжатая, но осведомленная хроника — вне пятницы — о новейших событиях науки, искусства, театра и литературы. Как имела уже возможность редакция убедиться, я все газетные даты стараюсь обслужить статьями даже в таких случаях, которые, в сущности говоря, не входят в круг моих непосредственных обязанностей. Единственное, что всегда меня беспокоило до сих пор, это свобода литературной работы, как моя собственная, так и ближайших моих сотрудников по отделу критики и библиографии. Но будем надеяться, что все препятствия в этом направлении устранятся с течением времени. Больше прибавить, кажется, нечего. Все мы вместе заботимся о процветании газеты, и, в конце концов, всякие недоразумения при сознании общности этого интереса — интереса литературного достоинства органа, в котором мы работаем — могут быть легко и гармонически разрешены к общему удовлетворению. Во всяком случае, я лично пришел в „Биржевые ведомости“ с желанием поднять отделы, вверенные моим попечениям, до возможной высоты. Не могу не выразить Вам, дорогой Иероним Иеронимович, моей сердечной благодарности за Ваше глубокое дружеское участие в этом деле. Но дело это наше общее — дай Бог, чтобы долгие годы и для укрепления наших связей

²⁰ Там же. 7 окт. № 15847. С. 5; 9 дек. № 15973. С. 5; 14 окт. № 15861. С. 5.

²¹ Там же. 2 дек. № 15959. С. 5; 11 нояб. № 15917. С. 7; 16 дек. № 15987. С. 5.

²² Там же. 7 окт. № 15847. С. 5.

²³ Там же. 16 дек. № 15987. С. 5.

с „Биржевыми ведомостями“. Что же касается Вашей готовности писать и работать для моего отдела, то я приветствую ее от всего сердца. Помогите, чем хотите и как хотите».²⁴

В этом письме уточняется круг обязанностей Волынского, редактировавшего пятничные фельетон, кроме этого — составление раздела «Критика и библиография», ведение рубрик науки, искусства, театра и литературы, а также редактирование беллетристического отдела. Большая организационная работа, обширная переписка с авторами практически не оставляли времени на собственное творчество. Между тем Волынский продолжал писать небольшие заметки-впечатления о балетных спектаклях. Критик надеялся на долгое и плодотворное сотрудничество с изданием, строил большие планы в отношении вверенного ему отдела. Но всем этим задумкам не суждено было сбыться.

Чуть больше полугодом просуществовал отдел «Критика и библиография» под редакцией Волынского, после Февральской революции вся масштабная деятельность была свернута. В газете появилась рубрика «Искусство в дни революции», объем которой не превышал двух столбцов газетного листа. В основном здесь публиковались короткие рецензии на театральные постановки, сообщалось о новостях из мира искусства; литературная критика была представлена по большей части обзором юбилейных дат. По-видимому, в перспективе Волынский замыслил возрождение литературно-критического отдела. Накануне Октябрьской революции в «Биржевых ведомостях» появилось обращение редактора с просьбой к издателям и авторам книг и брошюр «доставлять таковые для помещения сведений о них в особой рубрике настоящего отдела».²⁵ Но политическая обстановка в стране не позволила воплотить задуманное: в октябре 1917 года «Биржевые ведомости» после выхода «Декрета о печати», наряду со многими другими буржуазными изданиями, прекратили свое существование.

Оценка преобразований, осуществленных Волынским в «Биржевых ведомостях», не однозначна. Ясинский, например, считал, что газета велась в «серых тонах»: «...профессора разводят скуку, а малодаровитые репортеры возведены в передовики и фельетонисты, соперничают друг с другом в банальной фразеологии».²⁶ Неоднозначно высказался Эйхенбаум, познакомившийся с Волынским в 1916 году, когда, по его мнению, «судьба довела его (Волынского. — А. С.) до Проппера»: «От него уже тогда веяло сухим жаром пустыни, и мне было жутко смотреть на него и слушать его нервную и странно-торжественную речь. Я постарался скорее уйти из душной <...> комнаты „литературного отдела“, хотя Аким Львович говорил мне комплименты».²⁷

В ином ключе откликнулся Э. Ф. Голлербах, отмечавший, что Волынский «много сделал для улучшения и расширения» литературного отдела газеты. Такого же мнения придерживаются современные исследователи, положительно оценивая преобразования, отмечая, что литературно-критическая часть печатного органа производила впечатление «превосходного <...> отдела толстого журнала, а не газеты».²⁸

²⁴ Волынский А. Л. Письмо к И. И. Ясинскому. 15 октября 1916 года // РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 555. Л. 1–2.

²⁵ Волынский А. Обращение // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 17 сент. № 16147. С. 5.

²⁶ Переписка Л. Н. Андреева с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 83.

²⁷ Эйхенбаум Б. Из впечатлений об А. Л. Волынском // Памяти Акима Волынского: Сборник / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. С. 44.

²⁸ Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2012. С. 392.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-67-78

АВТОБИОГРАФИЯ И. С. ШМЕЛЕВА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© Э. К. АЛЕКСАНДРОВОЙ)*

В 1913–1914 годах С. А. Венгеров проводил масштабную кампанию по сбору материалов для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»: ¹ были разосланы полторы тысячи официальных обращений с просьбой прислать биографические сведения в соответствии с предложенной анкетой. ² Публикуемая автобиография И. С. Шмелева ³ представляет собой развернутый ответ на типовую анкету и написана специально по этому случаю. При создании документа Шмелев использовал более ранние материалы. Речь идет об автобиографии, сохранившейся в НИОР РГБ, ⁴ в 1973 году она была опубликована А. П. Черниковым в журнале «Русская литература». ⁵ Автор публикации выдвинул предположение, что «автобиография написана Шмелевым в мае 1913 года по просьбе С. А. Венгерова», установив эту дату «на основании ответного письма И. С. Шмелева С. А. Венгерovu от 26 мая 1913 года». Во вступительной статье к публикации также указано, что «сокращенный и незначительно измененный вариант автобиографии был Шмелевым послан Венгерovu вместе с этим письмом и находится в Рукописном отделе Института русской литературы». ⁶

Однако проведенные разыскания позволяют сделать важные уточнения в датировке и назначении опубликованной автобиографии из НИОР РГБ. Ее обширные описательные части отсылают к тексту критической статьи В. Львова-Рогачевского «Художник обездоленных», опубликованной в ноябрьском выпуске «Современного мира» за 1912 год. ⁷ В основу этой статьи положена личная беседа ⁸ либо предоставленный критику-интервьюеру текст, написанный самим Шмелевым. Содержание объемных пассажей о детских впечатлениях, родных, «о нашем дворе», «влияниях», переменах, вызванных событиями 1905 года, переданных в статье Львова-Рогачевского как

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

¹ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915–1918. Т. 1, 2.

² Подробнее см.: Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова? // Русская литература. 2014. № 4. С. 184–193.

³ Иван Сергеевич Шмелев. <Автобиография>. Авторизованная машинопись, с подписью-автографом. 1913 // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3927. Л. 3–5 об.

⁴ Шмелев И. С. Автобиография, без конца. Машинопись с авторской правкой (не ранее 1912?) // РГБ. Ф. 387. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–4.

⁵ Шмелев И. С. Автобиография / Публ. А. П. Черникова // Русская литература. 1973. № 4. С. 141–146.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ См.: Львов-Рогачевский В. Художник обездоленных (Ив. Шмелев) // Современный мир. 1912. № 11. С. 308–321. Здесь помимо критического обзора произведений Шмелева приведены биографические и библиографические сведения. Статья составила главу с одноименным названием в книге: Львов-Рогачевский В. Л. Снова накануне: Сборник критических статей и заметок. М., 1913. С. 190–202. Переработанная статья впоследствии включена в книгу: Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература. М., 1919. С. 94–102.

⁸ Ср. в статье при введении цитат о детстве писателя: «Вот, что рассказывал он (Шмелев. — Э. А.) мне об этой „светлой странице“ своей жизни»; «рассказывал нам художник» (Львов-Рогачевский В. Художник обездоленных. С. 310, 311).

прямая речь Шмелева, практически идентично автобиографии, опубликованной в «Русской литературе».⁹ Эти текстуальные совпадения позволяют говорить о том, что текст, опубликованный А. П. Черниковым, написан не в мае 1913 года, но как минимум на полгода раньше для критической статьи Львова-Рогачевского, а не как ответ на письмо Венгерова.

История создания двух автобиографий проясняется в письме Шмелева от 6 октября 1915 года заведующему литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей»¹⁰ А. А. Измайлову, который обратился к писателю с просьбой дать сведения для включения в свой фельетон.¹¹ Отвечая Измайлову, Шмелев выражал недовольство тем, как были использованы данные, которые он некогда предоставил Львову-Рогачевскому: «Ваше желание написать обо мне — прямо скажу — меня тронуло. Всегда интересно узнать, что думают о твоих работах. <...> Только меня смущает, — да нужны ли биографич<еские> данные? Некрологом пахнет. Мне кажется, что и право *особенное* нужно иметь литератору на это. А мне жутко. Я до сего времени каюсь, что имел неосмотрительность высказать кое-что о себе Львову-Рогачевскому. Потом со стесненным сердцем читал в его статье о себе и испытывал такое чувство, будто меня выводили пред публикой в домашнем платье и показывали пальцем — а вот брюки, а вот тут носовой платок, а эти сапоги он купил за 7 целковых. Жуть. Больше я никому не давал сведений о себе. Впрочем, посылал С. А. Венгеру на его запрос — для словаря. Воля Ваша, если найдете нужным это — покорюсь. Биографич<еские> сведения сообщены у Львова-Рог<ачевского> в книге его — „Снова накануне“, изд<ание> Книг<оиздательства> писателей.¹² Приблизительно верные».¹³ После выхода измайловского фельетона, который очень порадовал Шмелева, он, вероятно отвечая на повторную просьбу о биографических материалах, сообщал: «У меня не сохранилось черновика от материала, посланного Венгеру. Я писал, помню, кратко, как письмо».¹⁴

Автобиография из собрания С. А. Венгерова представляет собой полноценный самостоятельный законченный текст, но не «сокращенный и незначительно измененный вариант автобиографии», как она охарактеризована в публикации А. П. Черникова.¹⁵ Отвечая на просьбу собирателя, Шмелев

⁹ Ср.: *Львов-Рогачевский В.* Художник обездоленных. С. 310–311; *Шмелев И. С.* Автобиография / Публ. А. П. Черникова. С. 142–143, 145.

¹⁰ В этой газете Шмелев сотрудничал с 1914 года.

¹¹ См.: *Измайлов А.* Темы и парадоксы: Иван Шмелев // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 19 окт. № 15157. С. 2.

¹² Здесь речь идет о статье «Художник обездоленных». Львов-Рогачевский посвятил творчеству Шмелева серию статей в периодических изданиях; см.: *Львов-Рогачевский В.* 1) Писатель в ресторане и «Человек из ресторана» // Живое слово. 1911. № 10. С. 2; 2) XXXVI сборник тов-ва «Знание»: Рассказы Ив. Шмелева // Современный мир. 1911. № 10. С. 334–335; 3) Издательское товарищество писателей: Сб. 1 // Там же. 1912. № 3. С. 327–328; 4) Ив. Шмелев: Рассказы. Т. II. СПб., 1912 // Там же. № 5. С. 311–313; 5) Осенние сборники // Современник. 1913. № 12. С. 288–298; 6) Ив. Шмелев. Рассказы. Т. V // Русские записки. 1915. № 21. С. 359 (перепеч.: Ежемесячный журнал. 1915. № 6. С. 155–156); 7) Великое ожидание // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. С. 156–180.

¹³ Цит. по: А. А. Измайлов: Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; преамбулы, подг. текста и комм. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грыкаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 658.

¹⁴ Письмо И. С. Шмелева А. А. Измайлову от 24 октября 1915 года. Цит. по: Там же. С. 661. Шмелев сообщал также подробные сведения о своих публикациях и критических откликах на них. Черновик варианта, посланного Венгеру, датированный 23 мая 1913 года, сохранился в фонде Шмелева: *Шмелев И. С.* Автобиография с библиографическими сведениями о напечатанных произведениях. Машинопись с авторской правкой, приписками и подписью-автографом // РГБ. Ф. 387. Карг. 10. Ед. хр. 1. Л. 1–3.

¹⁵ *Шмелев И. С.* Автобиография / Публ. А. П. Черникова. С. 142.

воспользовался ранее созданным для других целей текстом, в значительной степени переработав его стилистически, многократно сократив описательные части, структурируя материал согласно плану венгеровской анкеты: «Биография: 1) Имя и отчество. 2) Год, месяц и число рождения. 3) Место рождения. 4) Кто были родители? 5) Вероисповедание. 6) Краткая история рода. Главным образом: были ли в роду выдающиеся в каком-либо отношении люди? 7) Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило. 8) Начало и ход деятельности. 9) Замечательные события жизни».¹⁶

В автобиографии для Венгерова нет ярких подробностей о жизни предков Шмелева, в частности, опущен колоритный эпизод о причине разорения деда (отказ платить взятку за получение подряда), нет описания болезни и смерти отца. Значительно переработан пассаж с детскими впечатлениями о жизни двора, описательные части сокращены, сжато изложены литературные влияния. В ответе на анкету нет подробного описания детских и юношеских проб пера (о которых Шмелев пространно пишет в автобиографии, отложившейся в НИОР РГБ — здесь он, к примеру, подробно пересказывает содержание своего гимназического рассказа «Городовой Семен»), однако в варианте из ИРЛИ упомянуто одно из его первых сочинений — рассказ «Рыболовы».¹⁷ Здесь же глубже раскрыто значение религиозного обряда для будущего писателя: «Церковные зрелища-службы, малопонятные церковные слова, множество обрядов в семье, ряд торжественных семейно-церковных моментов годовых — все это давало своеобразное питание душе, развивало чувство внутренних созерцаний, иногда чудесных подъемов. За отсутствием культуры в семье это являлось как бы заменой эстетического воспитания. Думаю, что в малопонятных, но красиво звучащих словах молитв я впервые учуял красоту слова».¹⁸

В автобиографии из ИРЛИ подробно рассказана история публикации первой книги Шмелева, отягощенная рядом цензурных запретов. Писатель с обидой перечисляет и издателей «На скалах Валаама», воспользовавшихся в корыстных целях неопытностью начинающего автора, чего нет в варианте из НИОР РГБ, где эта история передана достаточно сухо.

Вторая часть публикуемого документа представляет собой обширный библиографический список. Шмелев дал перечень своих произведений по хронологии их выхода в свет, указывая название, год и номер издания. В список закрались ошибки в датировке и нумерации некоторых выпусков, не приведены подзаголовки к названиям большинства рассказов. В случаях, когда автор не был уверен в точности датировки, он оставлял в этом месте знак вопроса в качестве сигнала (для своего адресата) о том, что сведения нуждаются в проверке. Документ снабжен перечислением отдельных критических откликов на произведения с указанием на характер публикации, сведениями о переводах его произведений на иностранные языки, что также в полной мере соответствует формату предложенной анкеты.¹⁹ Шмелев также отметил

¹⁶ Подробнее о типовой анкете см.: Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова? С. 184–193.

¹⁷ Этот рассказ, первоначально отвергнутый редакцией журнала, позже был опубликован под заглавием «Однажды ночью» (Юная Россия. 1910. № 6. С. 635–648).

¹⁸ Ср.: «В доме я не видал книг, кроме евангелия, которое нас, детей, заставляли читать великим постом, и молитвенников, по которым я изучал молитвы, не понимая смысла церковных слов. В многочисленных поминаньях были картинки, где изображалось шествие душ по мытарствам, черти в огне, грешники, старающиеся вырваться из пламени. Это оставило впечатление страха и жуткой тайны» (Шмелев И. С. Автобиография / Публ. А. П. Черникова. С. 143).

¹⁹ Ср. в анкете Венгерова: «Библиография: 1) Перечень *всего* написанного или переведенного с точным обозначением: а) если речь идет о *книге*: года, места, формата и количества страниц, б) если о *журнальной или ряда газетных статей* — года и №№ период. издания, где они

подчеркиванием рассказы, которые впоследствии вошли в книги или были изданы отдельно.

Автобиография сопровождается письмом:

26/V 1913 г.

Житная, 10
1018

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Простите, что, б<ыть> м<ожет>, слишком замедлил ответить на запрос Ваш — когда еще получил! Да главная причина — непривычно писать о себе. Вот и оттягивалось все. А тут еще забота, нездоровье. Извините за <неуклюжее?> сообщение. Что смог — написал. Карточки у меня не имеется. Какие есть — очень плохи.

Если зададите какие вопросы, постараюсь ответить по возможности скоро. Примите уверение в глубоком уважении к Вам.

Ив. Шмелев.²⁰

Публикуемый ниже текст (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3927. Л. 3–5 об.) приведен к современным орфографическим и пунктуационным нормам. В ряде случаев сохранена авторская пунктуация. Подчеркнутое Шмелевым передано курсивом.²¹

Иван Сергеевич Шмелев

<Автобиография>

Родился 21 сент<ября>¹ 1875 г. <так!>² в Москве. Отец,³ купец 2 гильд<ии>, занимался строительными подрядами и баннным делом. Мать⁴ — из купеческого рода. Прадед жил уже в Москве,⁵ прапрадед вышел из деревни Богородского у<езда>.⁶ Выдающихся в каком-либо отношении людей из моих предков не было. Были предприимчивы. Дед⁷ со своим отцом ездил из Москвы на телеге с товарами (щепной товар) далеко, к хохлам. Люди были малограмотные, «серые», но это не помешало деду до страсти любить театр и исторические романы. Говорили мне, что дед был большой балагур, «разговорщик». За свою долготелную работу капиталов не нашли. Разве только отец мой укрепил благосостояние семьи, выстроив бани.

Семи лет я потерял отца.⁸ Учился дома, затем — пансион, гимназия (6<-я> Моск<овская>), Моск<овский> университет, который окончил по юридическому факультету в 1898.

появились. 2) Перечень рецензий и отзывов о произведениях с возможно точным обозначением № и года периодического издания, где эти отзывы появились. Очень важно было бы получить указания на отзывы, находящиеся в книгах — учебниках, курсах, обзорах и т. д. 3) Не было ли (где, когда и кем) что-нибудь переведено на иностранные языки? 4) Не появились ли где-нибудь биографические сведения? 5) Не были ли помещены где-нибудь портреты? 6) Псевдонимы» (цит. по: Хохлова Н. А. Может ли быть завершен работой капиталов не нашли. Разве только отец мой укрепил благосостояние семьи, выстроив бани. Семи лет я потерял отца.⁸ Учился дома, затем — пансион, гимназия (6<-я> Моск<овская>), Моск<овский> университет, который окончил по юридическому факультету в 1898.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3927. Л. 1–1 об. Автограф чернилами, сверху над обращением написано синим карандашом (скорее всего, Венгеровым) «Шмелев».

²¹ Приведенные Шмелевым сведения о его публикациях сверены по библиографии, составленной Д. А. Шаховским: *Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev / Ét. par D. Schakhovskoy. Paris, 1980 (Bibliothèque Russe de L'institut d'études slaves. T. LIV. Série: Écrivains russe en France)*; в необходимых случаях приводятся дополнения и уточнения. Рецензии и критические отклики на произведения Шмелева проверены de visu, недостающие сведения помещены в примечаниях.

Влияния? Пожалуй, самое значительное влияние на меня было оказано той простой обстановкой, в которой жил я с детских лет — наш двор был полон народу. Приятелями моими были ремесленники всякого мастерства — сапожники, скорняки, бараночники, маляры, плотники, штукатуры, кирпичники, дворовые. Наезжали и деревенские — угольщики, веничники. Много получил я от них. Что полюбил в них, затрудняюсь сказать, но полюбил. Много хорошего видал от них. И ласку, и шутку, и рассказы. Вспоминаешь их теперь и думаешь — хорошо было. Видал и бедность их, и сердечность, и радость, и слезы. Среди них многое узнал о жизни. Как живая книга были они для меня. Не думая, учился. Думаю, не будь у меня нашего двора, другое было бы внутри, иной был бы душевный склад. Думаю, что близкое общение с широкой народной струей должно являться важнейшим предметом воспитания и обучения... чему? Тут больше чувствуешь, чем скажешь. Когда впоследствии читал Гл. Успенского, многое было уже знакомо, и потому Успенский явился для меня страшно знакомым, живым и близким. Думаю, что значительное влияние на строй духовной стороны моей оказало суровое и «церковное» воспитание. Семья не баловала, требовала строгого выполнения давно заведенного. До пятнадцати лет хождение в церковь было обязательным, как чтение Евангелия, говенье, соблюдение постов. Это не сушило души, напротив, сообщало много толчков, углубляло, вводило как бы в соприкосновение с иным, что таится где-то и что страшно важно. Будило мысли. И разбудило. Церковные зрелища-службы, малопонятные церковные слова, множество обрядов в семье, ряд торжественных семейно-церковных моментов годовых — все это давало своеобразное питание душе, развивало чувство внутренних созерцаний, иногда чудесных подъемов. За отсутствием культуры в семье это являлось как бы заменой эстетического воспитания. Думаю, что в малопонятных, но красиво звучащих словах молитв я впервые учуял красоту слова.

Первыми книгами моими были листовки-сказочки, которые впервые увидел я у обитателей двора. Они да песни и сказки, слышанные во множестве от дворового народа, да рассказы о работах и о деревне неволью давали толчки — знать, знать еще. За этими книжечками пошли Жюль Верн и проч.⁹ Рано, лет десяти-одиннадцати читал Гоголя, Пушкина кое-что, много Загоскина, Печерского, Григоровича. К пятнадцати-шестнадцати годам полюбил до страсти Успенского, Короленку, которым не изменял.¹⁰ Так они и остались любимыми. В универс<итете> читал главным обра<зом> научно-популярные книги — больше по естествознанию. Юридические науки не увлекали. И жалел, и жалею, что случайно выбрал юридический факультет. А все думал пойти в Петровскую академию.¹¹ Попутчиков из товарищей не было.

Событий замечательных в моей жизни не было. Лет двенадцати тонул в деревне — откачали мужики. Когда было мне лет двадцать, посетил я у Троицы проходцем старца Варнаву. Предсказал мне, что «превознесусь талантом»...¹² Думал, буду знаменитым оратором, адвокатом. Этого не случилось. Недельку сидел «на Бутырках» за студенческие беспорядки,¹³ рано же женился.¹⁴ Вот и все замечательные события. Писать начал лет с двенадцати. Сперва роман под Майн Рида, потом подражал Печерскому, потом Гл. Успенскому.¹⁵ Написал чувствительный рассказ о городовом, помню, пожалел городового и его узенькую жизнь в его будке. Лет восемнадцати написал рассказ «Рыболовы», отнес в «Детское чтение». Сказали — ничего, и язык хороший, но для детей не интересно. Потом этот рассказ был напечатан (сильно обработанный) в том же журнале — «Юная Россия» в 1910 («Однажды ночью»)¹⁶ В 1894 г. написал рассказ «У мельницы», наудачу понес в «Русское обозрение» — на глаза попала вывеска журнала — был тогда в восьмом классе гимназии. Совершенно неожиданно для меня напечатали.¹⁷ На первом

курсе университета женился, поехал на Валаам, и осенью написал книгу — «На скалах Валаама». Отнес в «Русское обозрение», но там редактор, помнится — Анат<олий> Александров,¹⁸ предложил мне изъять половину — он со многим не соглашался — а кроме гонорара предлагал мне еще до 400 отписок — оброшюруете и будете продавать. Меня обидело, что требовали выбросить половину работы, и в горячности, не посылая более никуда, я издал книгу на свои средства.¹⁹ Меня нажгли на издании этом, взяли вдвое-втрое дороже (и сейчас один из этих господ здравствует).²⁰ Книга должна была выйти без предварительной цензуры, но и тут нажгли меня. Покойный Шаховской,²¹ тогда цензор, по знакомству, как сам говорил мне, дал почитать полученную цензурным комитетом книгу своему приятелю драматургу Невежину,²² тому понравился народный язык, и книга попала по-приятельски прокурору Синодальн<ой> конторы Ширинскому-Шихматову,²³ а этот направил ее своему начальнику Победоносцеву,²⁴ а этот телеграммой распорядился — задержать и изъять. Так рассказал мне сам Шаховской.²⁵ Он, скажу, меня пожалел, и из книги были вырезаны страницы — до тридцати, и заменены. Книга вышла поздно, в конце января. Села. Может быть, и один из нажегших меня согрешил чем-нибудь здесь, может быть, сама книга никуда не годилась. Прошли самые пустяки — экз<емпляров> триста. Остаток — мне советовали напечатать 2400 — я продал за гроши, и книжка пошла гулять, и теперь, кажется, затерялся след ее. Пошла по ярмаркам. Ее отметила хорошим отзывом «Русская мысль» (февр<аль> 1897 г.)²⁶ и резко раздражительным «Новое слово» (помню, красная обложка) — обозвало меня бойким репортером²⁷ и что-то толковало насчет «общины».²⁸ Этим и закончилась моя тогдашняя литературная деятельность. Духом упал я и забросил писательство. Ровно десять лет не писал ничего и не посылал. Были вспышки, попытки, ни желания прочного, ни веры в свои силы не было.

Окончил университет, отбыл воинскую повинность, года два был пом<ощником> прис<яжного> поверенного. Надоело, и материальное положение было невыносимо. Приходилось за десятку давать урок — ходить три раза в неделю от Калужских ворот к Красным. Тогда я пошел на службу во Владим<ирскую> казенную палату.²⁹ Тяжело было служить, но зато служба дала мне многое: я хорошо узнал провинцию, чиновничество, деревню, фабрику, многое. Исправлял иногда должность под<атного> инспектора, поездил по губернии, повидал.³⁰ Становилось неловко служить. Подошел 1905 г. Искал я выходов. И тут, осенью 1905 года, написал рассказ для детей — «К солнцу». «Детское чтение» взяло и еще просило.³¹ Написал осенью же повесть для юношества — пошла.³² Потом стал писать и для общих журналов. Увидал, что вот он выход, и бросил службу, отказался от под<атного> инспектора. Служил семь с половиной лет, распатал здоровье, зато приобрел много знания людей и жизни. С лета 1908 года занимаюсь исключительно литературной работой (только беллетристика), ею же и живу.

Где и когда что напечатано?

1906 год

1) «Служители правды», пов<есть>, «Детское чтение» («Юная Россия»), март–декабрь, 2) «Жулик», 3) «Вахмистр», рассказы, «Русская мысль», декабрь, 4) «Гассан и его Джедди», рас<сказ>, «Детское чтение», май–июнь.³³

1907 год

5) «В новую жизнь», пов<есть>, «Юная Россия», весь год?³⁴ 6) «К солнцу», рас<сказ>, «Юная Россия», янв<арь>–апр<ель>,³⁵ 7) «Мэри», пов<есть>, детский журнал «Друг детей», изд<ававшийся> <И. Д.> Сытиным, лето,³⁶

8) «По спешному делу», рас<сказ>, «Русская мысль», июнь, 9) «Распад <Из воспоминаний приятеля>», пов<есть>, «Русская мысль», авг<уст>-сент<ябрь>, 10) «Иван Кузьмич», рас<сказ>, журнал «Трудовой путь», изд<ававшийся> <В. С.> Миролюбовым, вм<есто> «Ж<урнала> д<ля> вс<ех>», декабрь.

1908 год

11) «Письмо без марки и штемпеля», рас<сказ>, «Юная Россия», осень <№ 3, 4>, 12) «Последний выстрел», рас<сказ>, «Юная Россия», осень? <№ 10, 11>, 12)³⁷ «В милой Полесовке», рас<сказ>, «Русские ведомости», № 272 <6 нояб.>, 13) «Гражданин Уклейкин», пов<есть>, «Русская мысль», май-июнь.

1909 год

14) «О чем иногда колокола поют», юморист<ический> рас<сказ>, — «Будильник», — получил премию на конкурсе журнала (рассказ был написан в 1893 году, отнесен в журнал «Будильник», набран, и редакция переслала мне гранки, перечеркнутые красным карандашом цензора. Через шестнадцать лет я его послал на ура — добывать мне деньги), № 8 <1 марта>, 15) «В Супесочинске <Провинциальные силуэты>», журнал «Лебедь», изд<ававшийся> в Москве С. А. Попереком, № 2, 16) «Полочка <Из воспоминаний моего приятеля>», рас<сказ>, «Юная Россия», январь, 17) «В норе», пов<есть>, «Русская мысль», июнь.

1910 год

18) «Под небом», «Русское богатство», март, 19) «Под горами», пов<есть>, сборник <товарищества> «Знание», XXXI, 20) «Комары», рас<сказ>, «Русские ведомости», № 89 <18 апр.>, 21) «Переживания <Этюд>», рас<сказ>, «Наш журнал», изд<ававшийся> И. А. Белоусовым <1911, № 1>, 22) «Романическая история», рас<сказ> в еженед<ельном> журнальчике «Кинематограф» <№ 12>, изд<ававшемся> <В. А.> Анзиминовым, под ред<акцией> Н. А. Скворцова, 23) «Липа и пальма», рас<сказ>, сборник книгоизд<ательства> «Утро» <сб. 2>, изд<ававшийся> Белоусовым для юношества, 24) «Светлая страница <Памяти отца посвящая>», пов<есть>, «Юная Россия», 10–11, 25) «Мой Марс», пов<есть>, «Юная Россия», лето? <№ 11>, 26) «На морском берегу», пов<есть>, «Родник», март.

1911 год

27) «На том берегу», рас<сказ>, «Наш журнал», № 7, 28) «Человек из ресторана», пов<есть>, сборник <товарищества> «Знание», XXXVI, 29) «Паточка», рас<сказ>, «Современный мир», декабрь, 30) «Пластика», рас<сказ>, «Речь», от 11 декабря <№ 340>, 31) «Черная звезда», рас<сказ>, «Речь», № 354 <25 дек.>, 32) «Рванный барин <Из воспоминаний моего приятеля>», пов<есть>, «Родник» в двух книжках (?) <№ 5, 6>, 33) «Пряник <Рассказ доктора>», рас<сказ>, «Юная Россия», № 5, 34) «Однажды ночью», «Юная Россия», лето, или 1910 г.³⁸

1912 год

35) «Тени», рас<сказ>, «Речь», от 12 февр. <№ 41>, 36) «Пугливая тишина», <рассказ>, лит<ературно>-худож<ественный> сборн<ик> Изд<ательского> тов<арищест>ва писателей, С<анкт>-Петербург, 37) «Стена»,³⁹ повесть, «Современный мир», № 11–12, 38) «Одной дорогой», повесть, «Юная Россия», январь, 39) «В ненастье», рас<сказ>, «Речь», от 25 декабря <№ 354>.

1913 год

40) «Поденка», «Заветы», январь, 41) «Весенний шум», «Речь», от 14 апреля <№ 102>.

Кажется, все пока. Подчеркнутые рассказы вошли в книги или были изданы отдельно.

Книги:

1) «На скалах Валаама <За гранью мира. Путевые очерки>», Москва, 1897, 261 стр., 2) «Служители правды <Повесть>», «Юн<ая> Р<оссия>» и «Педагогический листок», Москва, 1906, 194 стр., 3) «В новую жизнь», Москва, 1908, 149 стр., «Юн<ая> Рос<сия>» и «Педагогический листок», 4) «Рассказы», т. I, изд<ание> <товарищества> «Знание», Петербург, 1910, 266 стр., 5) «К светлой цели <Первая книга рассказов>», Москва, 1910, 96 стр., «Юн<ая> Р<оссия>», 6) «Они и мы <Вторая книга рассказов>», Москва, 1910, 147 стр., «Юн<ая> Р<оссия>», 7) «Рассказы», т. II, изд<ание> Издат<ельского> тов<арищест>ва писателей, Петербург, 1912, весна, 288 стр., 8) «Рассказы <Человек из ресторана. Патока>», т. III, изд<ание> Книгоиздательства писателей в Москве, Москва, 1912, осень, 229 стр., 9) «На морском берегу <Из воспоминаний моего приятеля. Рассказ>», пов<есть?>, Москва, 81 стр., 1913, изд<ательство> <С.> Курнина, 10) «Рванный барин <Рассказ>», изд<ательство> <С.> Курнина, Москва, 1913, 79 стр., 11) «К солнцу», изд<ание> «Юн<ой> России», Москва, 1912,⁴⁰ 39 стр., 12) «Липа и Пальма», изд<ание> «Юн<ой> Р<оссии>», Москва, 1912, 45 стр., 13) «Светлая страница <Рассказ>», изд<ание> «Юной России», Москва, 1912, 72 стр., 14) «Последний выстрел <Рассказ>», изд<ание> «Юн<ой> Рос<сии>», Москва, 1912, 44 стр., 15) «Одной дорогой», изд<ание> «Юн<ой> Рос<сии>», Москва, 1912, 48 стр., 16) «Пряник <Рассказ доктора>», изд<ание> «Юн<ой> Рос<сии>», Москва, 1912, 31 стр., 17) (печатается и выйдет осенью <1913 года>) «Рассказы <Стена. Пугливая тишина. Поденка. Ненастье>», т. IV, Москва, изд<ание> Книгоиздательства писателей в Москве. Вот пока.

Очень мало знаю, что обо мне писалось — вырезок не получаю.⁴¹ Биографич<еские> заметки? Слышал я, что в истории литературы Владиславлева (кажется) есть что-то обо мне.⁴² Было еще в ст<атье> Львова-Рогачевского, «Соврем<енный> мир», 1912, кн<ижка за> ноябрь.⁴³ Был очень неудачный, данный для юбилея журнала «Юная Россия» (40 л<ет>) портрет, неприятный. Январь, 1909 г.⁴⁴

Отзывы о моей работе? Случайно попадались, присылали знакомые иногда. Были обо мне как о работавшем для детей в педагогических журналах, в статьях Саввина о детск<ой> литерат<уре> — кажется, в «Педагогическом листке».⁴⁵

Вот какие заметки и статейки у меня имеются (о моих работах):

1) «Русское слово», перв<ая> полов<ина> окт<ября> 1911 г., ст<атья> Д. Философова,⁴⁶ 2) «Утро России», <№> 251, 1910,⁴⁷ 3) «Новое время», 24 февр<аля>, 1912, «Человек», ст<атья> А. Бурнакина,⁴⁸ 4) «Голос Москвы», 9 дек<абря> 1912 г., № 284,⁴⁹ 5) «Голос Москвы», 21 дек<абря> <19>12 г., № 294,⁵⁰ 6) «День», 17 ноября <19>12, № 46,⁵¹ 7) «Нижегородский листок», 1911 г., № 278,⁵² 8) «Волгарь», № 329, 1910 г.,⁵³ 9) «Россия», 29 февр<аля>, 1912, № 1930,⁵⁴ 10) «Голос Москвы», № 225, 1911, 11) «Волынь», 8 дек<абря> 1911 г.,⁵⁵ 12) «Против течения», от 29 окт<ября> 1911 г.,⁵⁶ 13) «Речь», 3 декабря <1912>, № 332, ст<атья> Е. Колтоновской,⁵⁷ 14) «Живое слово», от 17 окт<ября> 1911 г., ст<атья> <В. Л.> Львова-Рогачевского «Писатель в ресторане и „Человек из ресторана“», <с. 2>, 15) «Московская газета»,

19 окт<ября>, 1911 г.,⁵⁸ 16) «Сибирская жизнь», № 268, 4 дек<ября> 1911 г., ст<атья> <Е. А.> Колтоновской,⁵⁹ 17) «Утро России», 27 окт<ября> 1912 г. — «Задворки жизни», ст<атья> Н. К<лесто>ва,⁶⁰ 18) «День», 16 февр<аля> 1913 г., 19) «Новое время», 9 марта 1912,⁶¹ 20) «Современный мир», № 11 (ноябрь) 1912 г., ст<атья> Львова-Рогачевского «Художник обездоленных» <с. 308–321>, 21) «Ежегодник „Речи“ на 1912 г.» <статья> К. Чуковского,⁶² 22) «Речь», март–апрель–май? <1912> (ст<атья> <Д. Н.> Овсяннико-Куликовского) о сборнике «Издат<ельского> тов<ариществ>а писателей»,⁶³ 23) «Русская мысль», апр<ель> 1913, ст<атья> Антона Крайнего,⁶⁴ 24) «Русское богатство», март, о П т<оме> рассказов,⁶⁵ 25) «Современный мир», ноябрь или декабрь 1910 г. о П т<оме> рассказов — <рецензия> <В. М.> Волькенштейна?⁶⁶ 26) «Современный мир», апрель или май 1912 г., <статья> Львова-Рогачевского о «Пугливой тишине»,⁶⁷ 27) «Русская мысль», периодичес<кие> заметки Антона Крайнего,⁶⁸ 28) «Новое слово» (прилож<ение> к «Бирже-в<ым> ведом<остям>») <статья> <А. А.> Измайлова о «Поденке» (апр<ель>–май? <1913>),⁶⁹ 29) «Россия», 3 марта 1913, № 2239,⁷⁰ 30) «Весы», 1912, ст<атья> <М.> Кузмина, или в «Аполлоне»?⁷¹ 31) «Ежегодник „Речи“ на 1913 г.», <статья> Люб<ови> Гуревич.⁷²

Что переведено на иностранные яз<ыки>?

Знаю, что детские мои рассказы переведены на чешский яз<ык> (в Праге).⁷³ Меня об этом уведомили, сказали, что и еще переводят, а на мою просьбу прислать, хоть поглядеть — ни слова. Весной переводчица на нем<ецкий> яз<ык> Н. Штрассер⁷⁴ просила разрешения на перевод «Человека из ресторана» для двух изданий, в Мюнхене и еще в каком-то городе. Сведений не имею. На французском языке, слыхал я, шли в журналах многие мои рассказы (детские).⁷⁵

Ив. Шмелев.

¹ 3 октября по н. с.

² И. С. Шмелев родился в 1873 году, в 1875 — родился его брат Сергей, умерший в младенчестве (подробнее см.: *Осьмнина Е.* Возвращение Ивана Шмелева // Москва. 2000. № 6. С. 173–174; *Грико Т.* Шмелевы // Там же. С. 174–187).

³ Сергей Иванович Шмелев (1842–1880).

⁴ Евлампия Гавриловна Шмелева (урожд. Савинова; 1844–1934).

⁵ Иван Иванович Меньшой (1785 – после 1823).

⁶ Село Гуслицы.

⁷ Иван Иванович (1819 – после 1872).

⁸ С. И. Шмелев умер в 1880 году.

⁹ Ср.: «С поступлением в гимназию мне стала доступной книга. Жюль Верн, Майн Рид, потом Марриэт и Эмар были любимыми писателями. Они открыли передо мной прекрасный мир недостижимого. Океан и тропические леса. Льды и пустынные берега, просторы и тишина. Отважные честные люди. Благородные храбрецы, герои-индейцы и старые охотники. Там не было холодных мертвых стен, злых глаз, фраков с золотыми пуговицами, пропитанных табаком. Я мечтал быть там с моими любимцами из плотников, ломовиков, сапожников. Там нам было бы славно» (*Шмелев И. С.* Автобиография / Публ. А. П. Черникова. С. 144).

¹⁰ Было: ни разу не изменял.

¹¹ Петровская сельскохозяйственная академия (с 1889 года, ранее — Петровская земледельческая и лесная академия).

¹² В 1895 году Шмелев женился на Ольге Александровне Охтерлони (1875–1936); совершая свадебное путешествие на Валаам, Шмелев посетил Троице-Сергиеву лавру и получил благоговение известного подвижника, иеромонаха Варнавы Гефсиманского.

¹³ 18 ноября 1896 года в Москве прошла демонстрация в память жертв Ходынской трагедии. Около пятисот студентов были загнаны полицией в манеж, там переписаны и отпущены, за исключением «зачинщиков». В дни после акции в университете состоялись сходки, за которые студенты также были арестованы и отправлены в Бутырскую тюрьму. Согласно «правительственному сообщению», в тюрьму было отправлено 711 студентов (см.: Студенческие беспорядки // Неделя. 1896. 8 дек. № 46). В разных источниках количество дней, проведенных Шмелевым

в заточении, варьируется от одной (здесь) до двух (в автобиографическом рассказе «Первая книга») и трех недель (в автобиографии 1912 года).

¹⁴ См. прим. 12.

¹⁵ Ср.: «Одиннадцати лет я поступил в гимназию. <...> С поступлением в гимназию мне стала доступной книга. Жюль Верн, Майн Рид, потом Марриэт и Эмар были любимыми писателями. <...> Короленко и Успенский <...> Я решил посвятить себя литературе, закинул учебники и принялся за самообразование. Ночью писал, а днем валялся на кровати, сказавшись больным, и читал до одури. Это было какое-то внежизненное существование. Я писал роман из сибирской жизни, стихи на тридцатилетие освобождения крестьян, драму, в которой он и она помирали от чехотки. Так продолжалось недели две. Меня грозили выкинуть из гимназии за манкировки. Гимназия мне опротивела. Я заявил, что буду учиться сам, один. И все же пришлось подчиниться. И я бросил свое писание» (Шмелев И. С. Автобиография / Публ. А. П. Черникова. С. 144–145).

¹⁶ См.: Юная Россия. 1910. № 6. С. 635–648. Журнал «Детское чтение» выходил под названием «Юная Россия» с мая 1906 года.

¹⁷ Опубл.: Русское обозрение. 1895. № 7. С. 353–373.

¹⁸ Александров Анатолий Александрович (1861–1930) — литератор, поэт, в 1892–1898 годах издавал и редактировал журнал «Русское обозрение».

¹⁹ Книга «На скалах Валаама: За гранью мира (Путевые очерки)» вышла отдельным изданием в Москве в 1897 году (тип. Е. Гербек).

²⁰ Истории публикации посвящен рассказ Шмелева «Первая книга» (1934).

²¹ Шаховской Николай Владимирович, кн. (1856–1906) — с 1894 года цензор Московского цензурного комитета, с 1898-го — председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета.

²² Невежин Петр Михайлович (1841–1919) — драматург.

²³ Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, кн. (1862–1930) — государственный, общественный, церковный деятель, монархист, публицист. Прокурором Московской конторы Святейшего синода назначен в 1894 году.

²⁴ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — государственный деятель. В 1880–1905 годах занимал пост обер-прокурора Святейшего синода.

²⁵ Цензурное донесение кн. Н. В. Шаховского, рекомендовавшего признать книгу «вредною и распространение ее в публике нежелательным», приведено в заметке: Блюм А. Запрещенная книга о Валаама // Север. 1971. № 2. С. 109–110.

²⁶ Ср.: «...автор обнаруживает достаточную наблюдательность, чуткость к виденному и слышанному, умение обратить внимание на более существенное и рассказать обо всем, им отмеченом, в занимательной для читателя форме <...> Несмотря на указанные нами ошибки, „Путевые очерки“ г. Шмелева прочтываются с большим интересом и, в общем, дают достаточно ясное представление о жизни на Валаама» (Русская мысль. 1897. № 2. С. 73–74 (без подписи)).

²⁷ Ср.: «Все это написано тем бойким и так называемым в обиходе легким языком, в котором не встретишь ни одного оригинального образа, ни одного меткого слова. Так плохие провинциальные журналисты уверенно и развязно пописывают „путевые картинки“. Я не знаю, печатал ли где-нибудь г. Шмелев свои писания под рубрикой „путевые картинки“, но характер их мне кажется таковым. В плохих газетах, как известно, стиль заменяется пошибом. <...> об этой книжке не стоило бы и говорить, если бы автор не был так молод. <...> Но одной молодости тоже было бы недостаточно, если бы у автора не проскальзывало кое-где некоторой наблюдательности, впечатлительности, искренности» (Новое слово. 1897. Кн. 6. Март. Отд. 12. С. 62–63 (без подписи)).

²⁸ На самом деле тема общины затронута в отзыве «Русской мысли»: «„Работа для Бога — могучий двигатель Валаамской обители. Не будет ее — и все мастерские развалятся, и иноки валаамские исчезнут с лица земли. Но пока идея валаамского монаха жива, он сохранит в себе аскета, и валаамская духовная община едва ли вырождается в артель, едва ли явит когда общину с социальным устройством“ ... Не то что „едва ли“, а никогда этого не будет и быть не может, „пока жива идея“, да еще — пока есть, кому поддерживать эту идею так же убежденно и твердо, как то делают отцы игумены Дамаскин, Ионафан и Гавриил. Не станет таких сильных духом, право правящих начальников, и Валаамскую обитель постигнет такая же духовная немощь, какую автор видел в Коневецком монастыре на том же Ладожском озере...» (Русская мысль. 1897. № 2. С. 73–74).

²⁹ В 1901–1908 годах Шмелев служил чиновником особых поручений.

³⁰ С 1899 года сфера деятельности податных инспекторов была значительно расширена, как ближайшие исполнительные органы казенных палат, эти должностные лица содействовали водворению более правильных приемов при исчислении и взимании податей.

³¹ Опубл.: Юная Россия. 1907. № 1. С. 38–44; № 2. С. 160–167; № 3. С. 319–324; № 4. С. 442–448.

³² Повесть «Служители правды» напечатана в № 3–12 за 1906 год журнала «Детское чтение» («Юная Россия»). В том же году вышла отдельным изданием в Москве.

³³ Ошибка Шмелева: рассказ опубликован в № 4 и 5.

³⁴ Повесть помещена в номерах второго полугодия: № 6–12.

³⁵ См. прим. 31.

³⁶ Опубликована с подзаголовком «Маленькая повесть» в № 11 (1 июня) и 12 (15 июня).

³⁷ Здесь и далее ошибка Шмелева в нумерации, оставлено без исправления.

³⁸ Опубликована в № 6 за 1910 год.

³⁹ Пункты 36 и 37 были подчеркнуты, затем подчеркивание снято.

⁴⁰ Здесь и далее Шмелев ошибочно указывает год издания — 1913, нами исправлено.

⁴¹ Шмелев не пользовался услугами Бюро газетных вырезок, работа которого заключалась в просмотре периодической печати, подборе и рассылке газетных статей по определенным темам своим клиентам.

⁴² См.: *Владиславлев И. В.* Русские писатели XIX–XX ст.: Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книгоиздательство «Наука», 1913. С. 113. Приведены сведения о повестях и рассказах «Служители правды», «В новую жизнь», «К светлой цели», «Они и мы», о первом и втором томе сочинений, о статье Львова-Рогачевского «Художник обездоленных» (Современный мир. 1912. № 11. С. 308–321), некоторых рецензиях.

⁴³ См. прим. 7 к вступ. статье.

⁴⁴ В юбилейном номере журнала представлены портреты сотрудников, фотографический портрет молодого Шмелева помещен после его рассказа «Полочка (Из воспоминаний моего приятеля)» (Юная Россия. 1912. № 40. С. 124).

⁴⁵ См., например: *Саввин Н. А.* Наша детская литература: И. С. Шмелев (Критический этюд). Н. Новгород, [1913]. 13 с.; см. также заметки о рассказах Шмелева (без подписи) в журнале «Новости детской литературы» (1912. № 3; 1913. № 5, 8; 1915. № 5); *Соболев М. В.* [Рец. на:] «В новую жизнь»: Повесть И. Шмелева // Педагогический сборник. 1909. № 8. С. 145; *Леонидов О.* [Шиманский О. Л.]. Детская литература // Голос Москвы. 1912. 21 дек. Ср. в письме Шмелева к Измайлову от 24 октября 1915 года: «Как о детск<ом> писателе обо мне говорили больше. Здесь я прочно стоял. От детей и народн<ых> учителей у меня есть памятки» (цит. по: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 662–663).

⁴⁶ В выпуске от 9 октября (№ 232) на с. 3 помещена рецензия на повесть «Человек из ресторана», без подписи.

⁴⁷ В выпуске от 18 сентября — статья И. Ф. Василевского (под псевд. «Аз») «И. Шмелев. К светлой цели».

⁴⁸ Статья на с. 5 под рубрикой «Литературные заметки».

⁴⁹ Заметка О. Л. Шиманского (под псевд. О. Леонидов) помещена на с. 2.

⁵⁰ Статья «Детская литература» О. Л. Шиманского (с. 2).

⁵¹ На с. 5. в разделе «Новые книги» помещена заметка В. М. Боголюбова (с подп. «В. Б.») «Ив. Шмелев. Рассказы. Т. III. Изд. Книгоиздательства писателей. М., 1912».

⁵² В выпуске от 12 октября под рубрикой «Литературные новости» помещена заметка А. А. Дробыш-Дробышевского под псевдонимом «А. У-ский» о 36-м сборнике товарищества «Знание». «Человек из ресторана» здесь назван «рассказом <...>, в котором с большой точностью скопированы литературные приемы М. Горького, но, конечно, с меньшим блеском и талантливостью, с еще большей „выдумкой“. Это уже вполне Михайлов-Шеллер» (с. 2).

⁵³ В выпуске от 28 ноября под рубрикой «Библиография» помещена рецензия за подписью «Н. М.» на первый том рассказов Шмелева (Издание товарищества «Знание», 1910): «Характерной литературной физиономии у этого писателя нет. <...> Впрочем, у Ив. Шмелева заметна большая склонность к психологическому анализу, но достигнуть особенной глубины ему не удается» (с. 4).

⁵⁴ Рубрика «Литературный дневник» А. К. Бороздина (с подп. «Б-н А.»).

⁵⁵ Заметка «XXXI сб. „Знание“ за 1911 г.», без подписи.

⁵⁶ Заметка Б. Шуйского (наст. имя: Б. П. Лопатин) «Талантливая повесть» (о «Человеке из ресторана») помещена в разделе «Художественная летопись Москвы» (с. 4).

⁵⁷ На с. 4–5 помещена статья «Иван Шмелев».

⁵⁸ Заметка «Человек из ресторана», без подписи.

⁵⁹ В разделе «Новости беллетристики» помещен очерк «Рассказы: „Человек из ресторана“ Шмелева и „Отец“ Жилкина» (с. 4).

⁶⁰ Статья Н. С. Клестова (псевд. «Ангарский») «Задворки жизни» (с. 7).

⁶¹ Статья А. Бурнакина «Сомнения и надежды («Пугливая тишина»)».

⁶² Статья «Русская литература в 1911 году» (с. 430–449; о Шмелеве — на с. 441).

⁶³ См., в частности, отрывок о «Пугливой тишине» в разделе «Литературные беседы»: «...все это рассказано живо и колоритно, без заметного злоупотребления диалогом <...> от этого — внешнего — недостатка Шмелев, видимо, избавляется. Пожелаем молодому писателю поскорее овладеть своим талантом и достичь необходимой экономизации художественных средств. А талант у него, бесспорно, значительный» (1912. 28 апр. № 115. С. 3).

⁶⁴ Фельетон З. Гиппиус «Журнальная беллетристика» помещен на с. 24–29.

⁶⁵ В третьем номере журнала в отделе «Новые книги» помещена отрицательная рецензия А. Г. Горнфельда, сильно взволновавшая Шмелева. По поводу этой рецензии у писателя завязалась переписка с редактором издания В. Г. Короленко, который выразил согласие с критикой Горнфельда. См. подробнее: Письма В. Г. Короленко разным лицам / Публ. И. А. Желваковой // Новое и забытое. М., 1966. С. 130–131, 144.

⁶⁶ Рецензия В. М. Волькенштейна помещена в № 12 (с. 133).

⁶⁷ Статья «Ив. Шмелев: Рассказы» (№ 5. С. 311–313).

⁶⁸ См., например, заметки З. Н. Гиппиус (под псевд. Антон Крайний) «Книги, писатели и читатели» (Русская мысль. 1911. № 4. С. 17–23), «В литературе» (Там же. 1911. № 11. С. 26–31), «Журнальная беллетристика» (Там же. 1913. № 4. С. 24–29).

⁶⁹ Статья «„Буржуи“ и ищущие» (№ 4. С. 119–123).

⁷⁰ Заметка Ф. Ямниковского о январской книжке «Заветов» (в рубрике «Из журналов»): рецензент в целом положительно оценивает рассказ «Поденка», но добавляет, что «есть что-то тяжелое, невыработавшееся в манере автора <...> есть в его письме какая-то разряженность <так!>» (с. 3–4).

⁷¹ В 1912 году в журнале «Аполлон» вышли два сообщения М. Кузмина под рубрикой «Заметки о русской беллетристике»: о 36-м сборнике издательства «Знание» (СПб., 1912), в который вошла повесть Шмелева «Человек из ресторана» (№ 1. С. 68), и о первом сборнике «Издательского товарищества писателей» (СПб., 1912), в который включен рассказ «Пугливая тишина» (№ 3/4. С. 104).

⁷² Статья «Художественная литература» (с. 372–393).

⁷³ См.: *Šmeljov I. Za světlým cílem: Dvě povídky / Z ruštiny přeložil Jindřich Veselovský. [Praha], 1912.*

⁷⁴ Штрассер Надя (1871–1955) — переводчица, писательница, русская по происхождению, перевела на немецкий язык произведения Ф. М. Достоевского, В. Я. Брюсова, Андрея Белого. Перевод Н. Штрассер, о котором идет речь, не выявлен.

⁷⁵ Переводы рассказов Шмелева на французский язык, относящиеся к этому времени, не обнаружены. О переводах произведений Шмелева на французский язык см. по указателю: *Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev. P. 25, 27, 29–31, 40.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-78-87

© А. А. ЧАБАН

КОНЦЕПЦИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: ПОЗИЦИЯ С. К. МАКОВСКОГО*

Осмысление историко-культурной ситуации предреволюционного времени стало одной из главных тем русской эмиграции первой волны. Литераторы неоднократно стремились определить причины катастрофы, запечатлеть свое видение ушедшей эпохи¹ и предложить при этом собственную систему литературной иерархии.

Любопытным примером выстраивания литературного пантеона 1900–1910-х годов уже постфактум, в эмигрантской среде, может послужить мемуаристика С. К. Маковского, искусствоведа, поэта, главного редактора

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rsf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

¹ См. об этом обстоятельное исследование: *Долинин А. А. Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952 // Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX — первой половины XX вв.: К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц / Отв. ред. Л. Пильд и Т. Степанищева. Тарту, 2018. С. 13–27 (Acta Slavica Estonica; вып. X / Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; вып. XVI).*

журнала «Аполлон», в эмиграции — одного из редакторов газеты «Возрождение».

Первые подступы к формированию целостной картины литературного поля начала века Маковский совершает, создавая книгу мемуаров «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955), где последовательно излагает свои воспоминания, начиная с рубежа XIX–XX веков (гл. «Отец и мое детство») и заканчивая предреволюционными годами (гл. «Гамлет-Качалов»). Несмотря на название, главным действующим лицом в книге оказывается сам автор, подчеркивающий каждый раз элитарность того общества, в котором ему довелось расти, а позже трудиться. Во второй книге мемуаров, «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962) Маковский вновь следует по преимуществу хронологическому принципу, но в оценке литературных репутаций современников делает больший акцент на их положении в собственной системе художественных координат, демонстрируя тем самым свое представление об эволюции русской литературы 1900–1910-х годов. Как представляется, обращение именно в конце 1950-х годов к более широкой проблематике, касающейся вопросов иерархии и эволюции, для Маковского было далеко не случайным: в это время литератор начинает воспринимать себя как официального представителя уходящей эпохи, «последнего из могикан»,² поэтому во многом стремится своими мемуарами поставить точку в осмыслении феномена Серебряного века и его основных представителей. К созданию воспоминаний он подходит чрезвычайно основательно, пользуясь не только тем, что сохранилось в его памяти, но и поступательно прорабатывая уже написанное предшественниками. Известно более двадцати³ записных книжек Маковского, каждая из которых полна его конспектов или выписок из текстов современников.

Так, довольно эклектичное, на первый взгляд, содержание тетради «С. К. Маковский. Заметки и выписки. Андрей Белый. I»⁴ на самом деле раскрывает четкий план литератора: «1. Андрей Белый. „Записки Чудака“, 1922. 2. Андрей Белый. Начало века. 1933 (о Гиппиус). 3. Ин. Анненский „Они“ (Аполлон № 3). 4. М. Кузмин „О прекрасной ясности“. 5. Н. Гумилев „Сон Адама“. 6. René Ghil. 7. Жирмунский. О современниках (Гумилев, Мандельштам, Ахматова, Зайцев). 8. Булгаков „Искусство и литургия“».⁵ Наряду с конспектами текстов, помогающих создать литературные портреты символистов, вошедших во вторую книгу воспоминаний («Религиозно-философское общество»; «Иннокентий Анненский»), основной акцент здесь сделан на постсимволистах — в частности на Гумилеве, самостоятельный очерк о котором выйдет также во второй книге.⁶ Противостояние символизма и постсимволизма определит тем самым суть представлений Маковского о концепции Серебряного века.

Среди помещенных в записной книжке конспектов обращает на себя внимание переписанная от руки статья В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм», многочисленные маргиналии в которой дают понять, насколько Маковский разделял точку зрения Жирмунского и какова была его собственная позиция.

² См. характерную цитату Г. Струве из рецензии на «Портреты современников»: «С. К. Маковский — едва ли не последний из могикан — после смерти в 1949 г. Вячеслава Иванова — того периода русской литературы, который с недавних пор стало принято называть „серебряным веком“» (Струве Г. Летописец русского Ренессанса // Грани. 1955. № 25. С. 208). Как замечает А. Долинин, рецензию Струве Маковский не только читал, но и, судя по всему, именно оттуда мог заимствовать заглавие для своей второй книги (Долинин А. А. Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952. С. 23).

³ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 68–92.

⁴ Там же. Ед. хр. 76.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Первая публикация — журнал «Грани» (1957. № 36. С. 132–152).

Чтобы лучше определить позицию Маковского, позволим напомнить несколько общеизвестных фактов о «Преодолевших символизм». Статья вышла в 1916 году, вслед за прочитанной в том же году лекцией «О новой поэзии».⁷ В докладе, а затем и статье разбиралось по преимуществу творчество трех поэтов, составивших основной центр акмеизма — Ахматовой, Гумилева и Мандельштама. Описывая как индивидуальные, так и общие черты поэтики названных авторов, Жирмунский пытался ответить на вопрос о ведущих тенденциях литературного процесса 1910-х годов.

В символизме исследователь выделяет три поколения поэтов: первое, для которого «символизм был прежде всего <...> освобождением от односторонней аскетической морали русской либеральной общественности»,⁸ связано с именами Бальмонта и Брюсова; эстетические взгляды второго поколения зиждились на «внесении в поэзию мистического чувства»⁹ (Белый, Блок, Вяч. Иванов); третий этап, по мысли Жирмунского, определяется фигурой М. Кузмина, в поэзии которого намечается путь к преодолению символизма. По сравнению с символистами акмеисты, как полагает Жирмунский, идут дальше предшественников в своих художественных поисках, обращаясь к простому обыденному языку (в противоположность музыкальности символистов) и земному миру, сознательно изгоняя оттуда хаос и невыразимое.¹⁰ Вместе с тем ученый отмечает и ряд слабых сторон в позиции молодых поэтов: так, по его мнению, неореалистическая тенденция, наметившаяся в творчестве акмеистов, реализована лишь частично, поскольку их поэзия не преодолела индивидуализма и в ней «нет действительного смирения, подчинения отдельной личности объективной правде мира и вещей».¹¹ Более того, оценивая историко-литературный потенциал поэтов, ученый отмечает больший масштаб сделанного символистами.¹²

С выводами относительно роли акмеистов Жирмунский, однако, не торопится, допуская, что впоследствии они смогут занять достойное место в истории литературы, и отмечая главную заслугу этой школы на момент середины 1910-х годов: акмеизм, по мнению исследователя, выразил основную потребность времени в поиске новых форм. Справедливость суждений ученого высоко оценили те, кому была посвящена статья. Так, широко известно восклициание Ахматовой «Он прав!»,¹³ сказанное поэтессой после лекции. Впоследствии Ахматова не изменила свое мнение и продолжала называть наблюдения Жирмунского «первым настоящим об акмеизме».¹⁴

⁷ Доклад был прочитан в «Неофилологическом обществе» 31 октября 1916 года.

⁸ Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. С. 364.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ См. у Жирмунского: «Но это формальное совершенство, это художественное равновесие в стихах поэтов „Гиперборей“ достигается рядом существенных уступок и добровольным ограничением задач искусства, не победой формы над хаосом, а сознательным изгнанием хаоса. Все воплощено, оттого что удалено невоплотимое, все выражено до конца, потому что отказались от невыразимого» (Там же. С. 402).

¹¹ Там же. С. 401.

¹² См.: «В этой намеренной незавершенности своих произведений, нарушающей, по мнению теоретиков акмеизма, царственное равновесие произведения искусства, символисты несравненно богаче, интереснее и содержательнее, как поэты, чем „гиперборейцы“; и если бы Александр Блок владел искусством выразительного слова в менее совершенной форме, чем младшие „акмеисты“, он все же был бы неизмеримо значительнее их, как поэт, дающий предчувствие до конца невоплощенных и невоплотимых душевных миров огромной напряженности и неизмеримого протяжения» (Там же. С. 403–404).

¹³ Эткинд Е. Г. Память и верность (Вместо предисловия) // Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 7.

¹⁴ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 377.

Маковский вполне мог присутствовать на лекции¹⁵ и наблюдать реакцию аудитории, однако, вопреки этому, почти через полвека в своих мемуарах он предлагает собственное видение роли акмеизма и символизма (а также его представителей), не соглашаясь с ученым по ряду принципиальных положений.

Из записных книжек следует, что Маковский не считает Мандельштама акмеистом. Возле замечания Жирмунского о том, что «участие в новом поэтическом движении не изменило стихов Мандельштама в смысле большего приближения к реальной жизни», в записной книжке Маковский оставляет свой комментарий: «еще бы! При чем тут акмеизм Гума?».¹⁶ Примечательно, что в эссе о Мандельштаме, напечатанном в книге «Портреты современников», Маковский также излагает похожие суждения, причисляя поэта к младшим символистам: «Началось во Франции, на смену описательной четкости Парнасцев, со Стефана Маллармэ, углублявшего, насыщавшего скрытым содержанием стихи до того, что сплошь да рядом приходится их разгадывать, как ребусы. <...> В русской „новой“ поэзии последователями этого словесного герметизма сделались символисты: Блок, Анненский, Вячеслав Иванов. В этом смысле и Осип Мандельштам — символист прирожденный, хотя и не в том мистическом и даже эзотерическом духе, какой придавали этому понятию Андрей Белый и, отчасти, Блок».¹⁷

Подобное мнение высказывалось Маковским не единожды. Так, в следующем фрагменте воспоминаний литератор объясняет суть мандельштамовского видения акмеизма, которое, по мысли автора, остается в сугубо символистских рамках: «Создалась эта „школа“ в среде „Аполлона“ как противодействие мистическому символизму, возглавляемому Вячеславом Ивановым. Гумилев требовал „заострения“ словесной выразительности, независимо от каких бы то ни было туманных идеологий. <...> Хоть и далекий от В. Иванова, Мандельштам становился символистом чистой воды каждый раз, когда „заострялось“ до предельной выразительности его слово-звук и слово-образ. Не надо забывать, что словесную фонетику он называл „служанкой серафима“».¹⁸

В конспекте многие наблюдения Жирмунского, касающиеся различий поэтики Мандельштама и символистов, Маковский встречает также крайне скептически. К примеру, замечание, что «сужение душевного мира» акмеистов «опять дает возможность быть графичным, четким и рассудительным», Маковский раздраженно парирует: «Это Мандельштам?!»,¹⁹ полагая, что четкость и рассудительность — черты, не свойственные поэтике Мандельштама. Повышенная эмоциональность, присущая поэту в жизни, о чем неоднократно писал Маковский в воспоминаниях,²⁰ также являлась, по мысли

¹⁵ Осенью 1916 года С. Маковский еще находился в Петрограде. См., например, его письмо матери от 7 сентября 1916 года (ИРЛИ. Ф. 230. Ед. хр. 616. Л. 56).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 22.

¹⁷ *Маковский С. К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 383.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 30.

²⁰ См., например, характерный эпизод, полностью воспроизведенный Маковским в своей книге: «Покойный К. Ю. Мочульский рассказал, по моей просьбе, читателям „Встречи“ (№ 2) о том, как он давал когда-то Осипу Эмильевичу уроки древнегреческого: „Он приходил на уроки с чудовищным опозданием, совершенно потрясенный открывавшимися ему тайнами греческой грамматики. Он взмахивал руками, бегал по комнате и декламировал нараспев склонения и спряжения. Чтение Гомера превращалось в сказочное событие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне, и он вступал с ними в загадочные личные отношения. Когда узнал, что причастие прошедшего времени от глагола «пайдево» (воспитывать) звучит «пепаидевкос», он задохнулся от восторга и в этот день не мог больше заниматься» (цит. по: *Маковский С. К.* Портреты современников. С. 379–380).

автора, и ведущей чертой его поэтики, роднящей с символистами. Поэтому и следующий абзац из «Преодолевших символизм» Маковский сопровождает подчеркиваниями с вопросительными знаками: «Элемент эмоционального, лирического содержания в непосредственном песенном выражении отстывает у него, как и у других „акмеистов“ на задний план (?) <...> С молодым поколением поэтов Мандельштама роднит *отсутствие личного, эмоционального (?)* и мистического элемента в непосредственном песенном отражении». ²¹

Наибольшее напряжение возникает, когда Жирмунский указывает на черту поэтики Мандельштама, ставшую программной, которую сам поэт называет «тоской по мировой культуре»: ²² «Мандельштаму свойственно вчувствоваться в своеобразие чужих поэтических индивидуальностей и чужих художественных культур, и эти культуры он воспроизводит по-своему, проникновенным творческим воображением».

Комментарий Маковского полон экспрессии: «Боже мой! Да как его <Жирмунского. — А. Ч.> терпели поэты?». ²³ Судя по воспоминаниям, для Маковского любовь к разным культурам, воспринятая через звучание слов, — это часть мистического постижения мира, свидетельствующая о близости к символистам, а не к поэтам нового поколения: «Никогда не встречал я стихотворца, для которого тембр слов, буквенное их качество, имело бы большее значение. Отсюда восторженная любовь Мандельштама к латыни и особенно к древнегреческому. Можно сказать, что античный мир он почувствовал до какого-то ясновидения через языковую стихию эллинизма. Но и к России, к русской сути, к царской Москве и императорскому Петербургу, он прикоснулся тоже, возлюбив превыше всего — русскую речь, богатство ее словесных красот, полнозвучие ударных гласных, ритмическое дыхание строки». ²⁴

Как представляется, за настойчивым видением в Мандельштаме поэта символистского склада кроется более сложная система соотношений, направленная не столько против Мандельштама-акмеиста, сколько на концепции символизма и акмеизма в целом. И если в итоговом тексте мемуаров эта мысль оттеняется событийной канвой, то в записных книжках доминирует, характеризующая в целом подход мемуариста и к другим поэтам.

Так, в другой части статьи, где Жирмунский рассуждает уже об ахматовской лирике, вновь наблюдается негодование Маковского относительно тех же категорий поэтики (музыкальность, эмоциональность, мистицизм): «В противоположность этому стихи Ахматовой не мелодичны, не напевны (?), при чтении они не поются (?), и не легко было бы положить их на музыку (вздор!). Конечно, это не значит, что в них отсутствует элемент музыкальный, но он не преобладает, не предопределяет собой всего словесного строения стихотворения (?), и он носит иной характер, чем в лирике Блока и молодого Бальмонта (почему?). Там — певучесть песни, мелодичность <...> (?); здесь — нечто сходное по впечатлению с прозрачными и живописными гармониями Дебюсси (?), с теми неразрешенными диссонансами и частыми

²¹ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 25–26. Здесь и далее в цитатах из конспекта знаки вопроса и комментарии, данные в скобках, принадлежат Маковскому; подчеркивания переданы курсивом.

²² См. в статье «Слово и культура» (1921): «В священном испуге поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного. Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим. Идите и берите. Все доступно: все лабиринты, все тайники, все заповедные ходы. Слово стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханием всех веков» (*Мандельштам О. Слово и культура: Статьи / Сост. и прим. П. Нерлера; вступ. статья М. Я. Полякова. М., 1987. С. 42–43.*)

²³ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 23.

²⁴ *Маковский С. К. Портреты современников. С. 379.*

переменами ритма (?), которыми в современной музыке заменяется обычная (?) мелодичность, уже переставшая быть действенной (?). Поэтому у Ахматовой так редки аллитерации (?) и внутренние рифмы (?).²⁵

Помимо оценки музыкальности, Маковский не разделяет мнение Жирмунского о специфике изображения внутреннего мира лирической героини Ахматовой. Большим знаком вопроса и пометой «Наоборот!» он комментирует и следующий абзац конспекта: «Нельзя также говорить о лирическом, эмоциональном вчувствовании в предметы внешнего мира, при котором внешний мир живет отдельной жизнью с душой; такое вчувствование всего обычнее в лирике природы (например, у Фета). У Ахматовой явления душевной жизни вполне отчетливо отделены от факторов внешней жизни; душа <...> не затопляет собою внешнего мира». ²⁶ Религиозность поэтессы, являющаяся, по мысли Маковского, следствием стремления к трансцендентному и мистическому, также роднит ее с символистами.²⁷

Приведенные полемические фрагменты из записной книжки напрямую повлияли на воспоминания Маковского, где литератор отстаивает как музыкальность стихотворений Ахматовой, так и преимущество изображенного ею внутреннего мира перед внешним: «Вкус у нее куда безусловней его (Гумилева. — А. Ч.) вкуса, поэтический слух, не говоря об уме, гораздо тоньше. Ее строки всегда поют, и в них глубоко пережитого чувства больше, чем внешне-го блеска». ²⁸

Таким образом, перечисленные Жирмунским художественные особенности Ахматовой-акмеистки Маковский или не признает, или выводит их генезис из символизма. Эту принципиальную позицию красноречиво демонстрирует следующий фрагмент конспекта, где литератор вступает в полемику с исследователем именно по вопросам различий в поэтике двух направлений: «Черты, принципиально (?) новые, принципиально отличные (?) от лирики русских символистов, заставляют нас видеть в Ахматовой лучшую и самую типичную (?) представительницу молодой поэзии». ²⁹ Судя по всему, как и в случае с Мандельштамом, Маковский также не захотел признавать Ахматову «преодолевшей символизм». ³⁰

Наконец, литературная репутация вождя новой школы, Н. Гумилева, формируется Маковским по той же схеме. Плюсом мемуарист выделяет строку, где отмечается связь поэта с символизмом: «еще в эпоху расцвета символизма началась литературная деятельность Гумилева». ³¹ В воспоминаниях о Мандельштаме (1955) Маковский уже писал о нерасторжимом единстве Гумилева с символизмом: «Гумилев требовал „заострения“ словесной выразительности, независимо от каких бы то ни было туманных идеологий. Но и он, в таких стихотворениях, как „Дракон“, например, оставался верен языку символов». ³² В конспекте литератор вновь не соглашается с тем,

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 33.

²⁶ Там же. Л. 39.

²⁷ См. также соответствующий фрагмент в конспекте с характерным комментарием: «более!» и подчеркиваниями: «В особенности это ясно по отношению к религиозному чувству, которое играет большую роль в лирике поэтов-символистов. <...> В стихах Ахматовой религиозность не менее подлинная; но она носит характер не мистического озарения, а твердой и простой веры» (Там же. Л. 40).

²⁸ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века / Вступ. статья В. В. Нехотина. М., 2000. С. 226.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 32.

³⁰ Финальный абзац конспекта помечен большим вопросительным знаком: «Это душевное своеобразие заставляет нас причислить Ахматову к преодолевшим символизм, а ее поэтическое дарование делает из нее наиболее значительного поэта молодого поколения» (Там же. Л. 22).

³¹ Там же. Л. 25.

³² Маковский С. К. Портреты современников. С. 383.

что лирика Гумилева менее музыкальна и эмоциональна, чем поэзия символистов.³³

В целом Маковский поступательно создает портрет Гумилева — трагического лирика, а не «поэта-воина», как по преимуществу изображал его Жирмунский; в конспекте возле замечания литературоведа об отсутствии любовной и пейзажной лирики у поэта он замечает на полях: «в сущности только о них и говорит».³⁴ В эссе Маковский также возвращается к этой теме, уже открыто споря с ученым: «Недавно попалась мне на глаза написанная перед самой революцией статья весьма осведомленного В. М. Жирмунского о поэтах, „преодолевших символизм“. Вот как он характеризует гипербопейца-Гумилева: „Уже в ранних стихах поэта можно увидеть черты, которые сделали его вождем и теоретиком нового направления. От других представителей поэзии «Гиперборея» Гумилева отличает его активная, откровенная и простая мужественность, его напряженная душевная энергия, его темперамент“. <...> Эта характеристика неверна, если только не поверить поэту на слово, если вдуматься в скрытый смысл его строф (может быть, до конца и не осознанный им самим). Многие хоть и звучат, на первый слух, как мажорные фанфары, но когда внимательнее их перечтешь, прикровенный смысл их кажется безнадежно печальным».³⁵

Большим знаком вопроса в конспекте Маковский помечает и следующий отрывок, подчеркивая, с одной стороны, генезис Гумилева, а с другой — не соглашаясь, что поэтика Гумилева слабее художественных приемов его учителя: «Гумилев справедливо называл себя учеником Валерия Брюсова, хотя у Брюсова гораздо определеннее и ярче индивидуалистическая окраска мечты поэта, породившей экзотическое повествование, гораздо отчетливее и ощутимее (?) его единообразный лирический корень».

Итак, многочисленные маргиналии в конспекте «Преодолевших символизм» показывают, что Маковский расходится с позицией ученого по ряду принципиальных вопросов: как с тем, что анализируемых поэтов можно назвать преодолевшими символизм, так и с тем, что поэтический талант представителей старшего поколения значительно ярче. Тем самым, настойчиво рассматривая акмеизм как один из изводов символизма, Маковский, как кажется, предлагает новый взгляд на эволюцию символизма, идущую не через его преодоление, а логическое продолжение. Акмеисты в этом случае оказываются не разрушителями традиции, а теми, кто ее сохраняет, что, заметим, также очень близко эстетике эмиграции. Для самого же Маковского (примыкавшего в 1900-х годах к символистам и официально от него не отрекавшегося) такая концепция Серебряного века имеет еще несколько личных следствий.

Существенно смещая акценты в генезисе акмеистов, Маковский, судя по всему, стремится также изменить и литературный пантеон Серебряного века. Как известно, с 1920-х годов начинают появляться мемуарные очерки, где фигуры Гумилева и Блока так или иначе оказываются соположенными вместе (П. Струве,³⁶ В. Ходасевич,³⁷ Г. Иванов³⁸ и др.).

³³ См. фрагмент: «Его стихи бедны эмоциональным и музыкальным содержанием (?)» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 26).

³⁴ Там же. См. также продолжение этого фрагмента: «...как большинство поэтов „Гиперборея“, он избегает лирики любви (? А Синей звезды?) и лирики природы (?), слишком индивидуальных признаний и слишком тяжелого самоуглубления».

³⁵ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. С. 212–213.

³⁶ Струве П. In memoriam. Блок — Гумилев // Русская мысль (София). 1921. Кн. 10–12. С. 88–91.

³⁷ Ходасевич В. О Блоке и Гумилеве // Дни (Париж). 1926. № 1069. С. 5–10.

³⁸ Иванов Г. Блок и Гумилев // Сегодня (Рига). 1929. 6 окт. № 277. С. 5.

В мемуарах Маковского Блок представлен как поэт, утрачивающий свое первенство перед энергичным натиском Гумилева: «Балованный успехом, он жестоко страдал, чувствуя, что от него ускользает „первенство“ среди поэтов младшего поколения. И позже, на вершинах славы, уже при большинстве (после «Скифов» и «Двенадцати») он, по-видимому, так же болезненно ощущал утрату этого первенства и умер, глубоко уязвленный давнишним своим соперником (не менее, если не более честолюбивым, чем он сам)...».³⁹ Если о Гумилеве Маковский высказывается не только положительно, но порой и сочувственно, то о Блоке — резко негативно, акцентируя внимание на ряде речевых и стилистических ошибок в его стихотворениях и подводя читателей к мысли, что этого поэта напрасно считают одним из лучших лириков своего времени: «Расстаться с мыслью о „гениальности Блока“ нелегко... Долгое время старался я не замечать плохих его стихов (ведь есть и хорошие!), брался неоднократно за „полные собрания сочинений“ Блока, но каждый раз многое на многих страницах приводило меня в отчаяние... Еще совсем недавно перечитывая Блока, — его сочинения „в одном томе“, изданные в 1946 году Госиздатом, вместе с пояснительными „приложениями“ (более 600 страниц in-quarto, мелким шрифтом), — я поражаюсь тому, как могли когда-то эти стихи не озадачивать, прежде всего, прямым искажением русской речи! Эту безусловную несостоятельность Блока-стихотворца я, главным образом, и имею в виду, утверждая, что его никак нельзя причислить к большим поэтам, мастерам слова».⁴⁰

Судя по записным книжкам, идея низвержения прежних ориентиров символизма содержалась уже в плане главы о Блоке: «Знакомство с ним в 1903 году в редакции „Журнала для всех“ (под ред. Миролюбова). „Стихи о Прекрасной Даме“ и „Балаганчик“. Аполлоновская „Поэтическая академия“ и выступление Блока = за символизм (1910 год). „Итальянские стихи“ и мое выступление в Поэтической Академии. „Двенадцать“ Блока. Плохой русский язык Блока⁴¹. [Преувеличе]».⁴² В конспекте «Преодолевших символизм» каждое замечание Жирмунского о Блоке также не обходится без язвительной пометы Маковского. Так, например, имя Блока в перечне ярчайших представителей второго этапа русского символизма сопровождается вопросительным знаком, как и следующий пассаж: «...символисты несравненно богаче (?), интереснее и содержательнее как поэты, чем „Гиперборейцы“: и если бы Александр Блок владел искусством выразительного слова в менее совершенной форме (?), чем младшие „акмеисты“, он все же был бы неизмеримо значительнее (!!?) их как поэт, дающий предчувствие до конца невоплощенных и невоплотимых миров огромной напряженности и неизмеримого протяжения».⁴³

Тем самым в мемуарах Маковский предлагает радикальную трактовку литературного пантеона дореволюционной России, где Гумилев и все «поэты-гиперборейцы», которых он относит именно к младшим символистам, стоят на несколько ступеней выше творчества Блока и в целом других младших символистов (А. Белый, Вяч. Иванов). Выскажем здесь осторожное предположение, что в подобной позиции можно заметить своеобразно преломившийся

³⁹ Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. С. 166–167.

⁴⁰ Там же. С. 170.

⁴¹ См. также два письма Блока к Маковскому от 29 декабря 1909 года (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 300–301), где Блок довольно раздраженно отвечает на замечания адресата о речевых ошибках в своих стихотворениях. Тема русского языка была для Маковского довольно острой. См. его статьи «Берегите русский язык», «Слово и разум» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 60); «Модернисты и порча языка» (Там же. Ед. хр. 59).

⁴² Там же. Ед. хр. 62. Л. 3.

⁴³ Там же. Ед. хр. 76. Л. 36.

след известной полемики 1910 года о развитии русского символизма.⁴⁴ Пренная дискуссия развернулась на страницах «Аполлона» и заставила всех литераторов выбрать наиболее подходящую для них сторону. Как известно, редакция журнала присоединилась к позиции Брюсова⁴⁵ и не приняла доводы младших символистов. Примечательно, что почти пятьдесят лет спустя Маковский продолжает именно этот давно оконченный спор, основывая на нем значительную часть своих рассуждений, о чем вспоминает и в плане главы о Блоке («Аполлоновская „Поэтическая академия“ и выступление Блока = за символизм (1910 год)»).

С другой стороны, на столь радикальную позицию Маковского могло повлиять также его неприятие поэмы «Двенадцать». Пункт о «Двенадцати» в плане главы о Блоке предваряет два последних раздела, прямо свидетельствующих об установке мемуариста поколебать авторитет Блока. Как большинство эмигрантов, Маковский не принял поэму, посчитав ее литературной фальшью.⁴⁶

Наконец, «продвигая» акмеистов вверх по литературной иерархии, Маковский каждый раз отмечает свою ключевую роль в карьере всех названных поэтов, что неоднократно подчеркивается в его мемуарах. Так, именно он выносит вердикт юному Мандельштаму — о его поэтическом даре,⁴⁷ уговаривает молодую Ахматову вопреки воле мужа опубликовать стихотворения в «Аполлоне» (и тем самым открывает ее творческий путь)⁴⁸ и проницательно распознает в неопытном Гумилеве будущего редактора литературного отдела «Аполлона» и талантливое поэта.⁴⁹ Включая в мемуары эти

⁴⁴ См. подробнее: *Богомолов Н. А., Кузнецова О. А.* Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 158; *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 204.

⁴⁵ См., например, письмо Н. Гумилева к В. Брюсову от 2 сентября 1910 года: «Ваша последняя статья в „Весах“ («Аполлоне»). — А. Ч.) очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче» (Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. статья и комм. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова; публ. Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 2. С. 500–501).

⁴⁶ *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века. С. 179. Обратим внимание, что в мемуарах и записных книжках отношение Маковского к сотрудничавшему с советской властью Брюсову также довольно прохладное, и в сопоставлении с Гумилевым Маковский снова отдает предпочтение более молодому поэту. (См., например, прим. 37).

⁴⁷ См.: «Вошедшая представила мне юношу: / — Мой сын. Из-за него и к вам. Надо же знать наконец, как быть с ним. <...> Сделайте одолжение — скажите, скажите прямо: талант, или нет! Как скажете, так и будет... / <...> Помню, эти юношеские стихи Осипа Эмильевича (которым он сам не придавал значения впоследствии) ничем не пленили меня, и уж я готов был отделаться от мамыши и сынка неопределенно-поощрительной формулой редакторской вежливости, когда — взглянув опять на юношу — я прочел в его взоре такую напряженную, упорно-страдальческую мольбу, что сразу как-то сдался и перешел на его сторону: за поэзию, против торговли кожей. / Я сказал с убеждением, даже несколько торжественно: / — Да, сударыня, ваш сын — талант. / Юноша вспыхнул, просиял, вскочил с места и начал бормотать что-то, потом вдруг засмеялся громким, задыхающимся смехом и опять сел. <...> / Новичок стал заходить в „Аполлон“ чуть не ежедневно, всегда со стихами, которые теперь он читал вслух с одному ему свойственными подвываниями и придыханиями, — почти что цел их, раскачиваясь в ритм всем своим щуплым телом» (цит. по: *Маковский С. К.* Портреты современников. С. 377–379).

⁴⁸ См.: «Как-то Гумилев был в отъезде, зашла она (Ахматова. — А. Ч.) к моей жене, читала стихи. Она еще не печаталась в журналах, Гумилев „не позволял“. Прослушав некоторые из ее стихотворений, я тотчас предложил поместить их в „Аполлоне“. Она колебалась: что скажет Николай Степанович, когда вернется? Он был решительно против ее писательства. Но я настаивал: „Хорошо, беру на себя всю ответственность. Разрешаю вам говорить, что эти строфы я попросту выкрал из вашего альбома и напечатал самовластно“» (цит. по: *Маковский С. К.* На Парнасе Серебряного века. С. 210).

⁴⁹ «Особенно протестовал Вячеслав Иванов, авторитет для аполлоновцев непререкаемый. Сколько раз корил он меня за слабость к Николаю Степановичу! Удивлялся, как мог я поручить

фрагменты, слабо соотносящиеся с реальностью,⁵⁰ Маковский выстраивает и собственную репутацию: первооткрывателя талантов, пронизательного и успешного организатора, по сути — ключевую фигуру литературной жизни России 1910-х годов.

Расчет автора на распространение столь революционной концепции Серебряного века мог быть в первую очередь подпитан надеждами на наметившуюся смену поколений: представители старшего поколения уже умерли, а оставшиеся принадлежали скорее постсимволистскому периоду (Г. Адамович, Н. Берберова, И. Одоевцева). Планы Маковского, однако, не удалось: в среде литераторов по поводу содержания эссе о Блоке поднялась настолько сильная волна негодования, что Маковскому пришлось написать открытое письмо, поясняющее свою позицию.⁵¹ Этот отпор общественности свидетельствует о том, что к концу 1950-х годов концепция Серебряного века и его поэтическая иерархия устоялись уже настолько, что мнение такого авторитетного литератора, каким стал Маковский в то время, не смогло ее поколебать.

ему „Письма о русской поэзии“, иначе говоря — дать возможность вести в журнале „свою линию“. „Ведь он глуп, — говорил Вячеслав Иванов, — да и плохо образован, даже университета окончить не мог, языков не знает, мало начитан“» (цит. по: Там же. С. 210).

⁵⁰ Так, полностью фикциональным (и несколько анекдотичным) является эпизод о появлении Мандельштама со своей матерью в редакции «Аполлона». Вопреки изложенному Маковским, к 1909 году молодой поэт уже имел ряд литературных контактов (Вяч. Иванов, С. Каблук) и вполне был уверен в своем таланте. В «Аполлон» Мандельштама ввел, по всей видимости, Гумилев (см. об этом: *Драницин В. Н.* Осип Мандельштам и Николай Гумилев: к истории первых лет знакомства (1908–1912) // Осип Мандельштам и XXI век: материалы международного симпозиума. М., 2016. С. 198–199). Ахматова также опровергала все, что написал о ней Маковский (см.: *Ахматова А. А.* Записные книжки. М.; Torino, 1996. С. 313–342).

⁵¹ См. статью «Еще о Блоке» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 24).

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-88-99

© Д. М. Буланин

К ИСТОРИИ КНИЖНОГО ОБМЕНА НОВГОРОДА И ЛИТОВСКОЙ РУСИ В КОНЦЕ XV ВЕКА («БИБЛИОТЕКА ЕРЕТИКОВ»)*

Кто только не писал о новгородско-московской ереси конца XV века, заклеяемой ее гонителями как ересь «жидовская мудрствующих»! А из числа писавших кто только не высказывался по поводу одного из малочисленных известий, причем, на первый взгляд, самого объективного, очерчивающего круг интересов вольнодумцев! Имею в виду перечень книг, которые «у еретиков все есть» и которые называет Новгородский архиепископ Геннадий в послании Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому (1489). В свое время А. И. Соболевский категорично заявил: «Вопрос о сущности ереси жидовствующих, при скудости наличных данных, должен считаться неразрешимым».¹ Хотя слова ученого до сих пор остаются в силе, автор этих строк осмелился вернуться к интерпретации пресловутого перечня, не забывая о том, что над ним ломали голову знаменитые предшественники. Храбрости мне придает впервые замеченная мной важная деталь по одному из пунктов перечня, а отчасти введенная в научный оборот серия новонайденных памятников письменности, которые ассоциируются историками с подрывной деятельностью еретиков или, наоборот, с отпором, который они получили со стороны блюстителей русского православия. Не остались незамеченными и книги, упоминаемые Геннадием. Разумеется, совокупность высказываемых дальше суждений не претендует на большее достоинство, чем гипотеза, однако же, хочу надеяться, она предполагает меньше не подтвержденных фактами допущений, чем доселе конструировавшиеся в связи с перечнем теории. Вот сам отрывок из Послания Геннадия по единственному его списку (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 730, л. 253), где номера книг проставлены на поле писцом: «Да есть ли у вас в Кирилове, или в Фарофонтове, или на Каменном книги (1) Селивестр папа Римский, да (2) Афанасей Александрийский, да (3) Слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да (4) Послание Фотея патриарха ко князю Борису Болгарскому, да (5) Пророчества, да (6) Бытия, да (7) Царства, да (8) Притчи, да (9) Менандр, да (10) Исус Сирахов, да (11) Логика, да (12) Деонисей Ареопагит²? Зане же те книги у еретиков все есть».

Начнем с обещанного указания на важную деталь. Она касается № 4 — Послания Константинопольского патриарха Фотия. Послание, обращенное к Болгарскому князю Борису, только что принявшему крещение с именем Михаила и крестившему своих подданных, датируют 865 годом. Перевод на славянский язык этого важнейшего для истории Болгарии источника сохранился только в восточнославянских списках не ранее XVI века. Перевод получил широкое распространение в рукописях и неоднократно публиковался. Еще недавно шла оживленная дискуссия между славистами о происхождении перевода: кто-то доказывал, что Послание переведено в России, в то время как другие относили его к эпохе, не слишком далеко отстоящей от 865 года, а третьи при-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект РНФ № 20-18-00171.

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 396.

² Испр., в рукописи: Ареопагит.

числяли к среднеболгарским памятникам XIV века.³ На сегодняшний день спор исчерпал себя, ибо обнаружено ясное указание, когда и кто этот перевод осуществил. След его отыскан в списке Кормчей Вассиана Патрикеева из Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № 5636/399. Список отражает поздний этап работы составителя над памятником, к созданию его приложил руку и Максим Грек. Этап этот не был завершен из-за репрессий, обрушившихся в 1525 году на последнего, а через несколько лет и на Вассиана. Такими печальными событиями обозначается *terminus ante quem* для тех новаций, которые отличают Кормчую Вассиана. К числу их относится и глава 34-я в указанном списке, содержание которой, как видно, находилось в процессе обсуждения, и она в итоге осталась незаконченной. Главу предполагалось отнести переводным «княжеским зеркалам», среди которых свое место должно было занять и Послание Фотия. Сам перевод Послания в Кормчей не воспроизводится, но к нему дана недвусмысленная отсылка: «...ища обрящещи в новой книзе Максимова перевода» (л. 631).

Вывод ясен: дошедший до нас перевод выполнен Максимом Греком. Как же согласовать приведенное в Кормчей указание с тем фактом, что архиепископ Геннадий упоминает Послание Фотия в своем тексте, написанном без малого за тридцать лет до приезда в Россию ученого старца? Присмотримся к заголовку и начальным строкам памятника в переводе Максима Грека: «Фотиа, патриарха Константина града, послание учителное о седмех соборех, и о православней вере, и какову подобает быти князю. Пресветлейшему, и обозрительному, и възлюбленному духовному нашему сыну Михаилу, от Бога князю Болгарскому, радоватися». И в оригинале, и в переводе Фотий обращается к адресату, называя его христианским именем. Что касается перечня книг, составленного Геннадием, там произведение фигурирует как Послание князю Борису, т. е. предпочтение отдано имени, которое правитель носил до крещения. Конечно, дотошный древнерусский книжник, при некоторых усилиях, установил бы, что под именами Борис и Михаил разумеется одно и то же лицо. Для этого ему достаточно было прочитать Житие Стефана Пермского или даже запись Тудора Доксова к переводу, значащемуся в цитированной сводке Геннадия под № 2. Но кажется маловероятным, чтобы, составляя свой перечень, архиепископ занимался какими-то специальными историческими разысканиями. Ясно, что он ориентировался на те имена и те ключевые слова, которые стояли в заголовке книг и произведений. Следовательно, имя Бориса присутствовало в том самом переводе, о котором пишет Геннадий, откуда с непреложностью следует, что это был другой перевод — по-видимому до нас недошедший и отличный от принадлежащего Максиму Греку.

Самый контекст, в котором мы встречаем перевод афонского старца в старших его списках, с одной стороны, и в который попало Послание Борису в перечне Геннадия, с другой стороны, служит подспорьем для расподобления двух текстов. Фотий предусмотрел для своего Послания двойную функцию. Первая — катехизация адресата, для чего до половины текста отведено подробному рассказу о семи вселенских соборах и их борьбе с еретическими движениями. Вторая, панегирическая, ориентирована на византийские «княжеские зеркала». В качестве «княжеского зеркала» отобрал и перевел Послание Максим Грек для Кормчей Вассиана. В таком же качестве, вскоре после осуждения переводчика, его труд, образовав тематический блок с некоторыми другими текстами в жанре «княжеского зеркала» из незавершенной главы 34-й, стал переписываться в сборниках Волоколамского монастыря.⁴ Какая же функция Послания побудила Геннадия включить утраченный перевод памятника в свой перечень? Забегая вперед, скажу, что Новгородского архиепископа привлекла в писании Фотия первая — церковно-историческая тема. Это явствует из содержания текстов, идущих

³ Списки Послания, ссылки на его издания, посвященную ему научную литературу и публикацию текста см.: *Славова Т.* Славянскит превод на посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил. София, 2013.

⁴ *Буланин Д. М.* К интерпретации символов Московского царства (Александр Македонский как идеал правителя) // «Комплексный подход в изучении Древней Руси»: Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 38–39.

в перечне Геннадия под остальными номерами, а также из той общей цели, которую ставил перед собой архиепископ, обращаясь к Иоасафу Ростовскому. К обсуждению таких непростых вопросов мы и обратимся.

Обсуждение, ввиду ограниченности объема статьи, придется представить в виде тезисов, с надеждой, что со временем появится возможность подробно остановиться на каждом из них. Первым тезисом, от которого зависит убедительность прочих, должна стать констатация того, что пейоративное прозвище «жидовствующие», издавна смущавшее писавших о ереси и до сих пор не утратившее своей магической силы, не имеет прямого отношения к еврейству ни в каких его видах. Оно не связано с этническим фактором и не касается еврейского языка, к которому на Руси относились с должным почтением как к священной. Даже с подлинной иудейской религией, о которой на Руси имели весьма смутные представления, оно прямо не соприкасается.⁵ Правильным определением феномена будет примерно следующее: «жидовская мудрствующие» — это группа православных, которую Геннадий и его единомышленники заподозрили в религиозном вольнодумстве. Признаки вольнодумства, набор которых вообще довольно стандартный для большинства еретических течений средневековья (непризнание воплощения Спасителя и догмата о Троице, отрицание христианских таинств и обрядов, надругательство над иконами и другими священными предметами, отвержение иноческого пострига, те изменения в переводах библейских книг, в особенности Псалтири, которые затушевывали их прообразовательный смысл, и др.), Геннадий оценил как улики того, что вольнодумцы подпали под влияние иудейской религии. Руси никогда прежде не доводилось участвовать в религиозной полемике, познания русских книжников о царящем в мире многообразии конфессий были исключительно книжного происхождения. Еретиками считались не только веротступники, но и представители любой неправославной религии. Поэтому список прегрешений «жидовствующих» против догматики и обрядов православной церкви перекликается с обвинениями иконоборцев и даже с разномастными каталогами «латинских вин». Кстати, иконоборцев и католиков тоже клеймили за «жидовство», а один недоброжелатель обижал насельников самой обители Иосифа Волоцкого, говоря, что они «не осифовляны, но жидовляны». Инвективы Геннадия и Иосифа Волоцкого обращены не против реальных еретиков (если таковые существовали), а против врагов, какими их рисовало воображение обличителей. Понятно, что опирающиеся на инвективы реконструкции, будь то отождествление еретиков с гуманистами или признание их орудиями «иудейского заговора», воссоздают в разных вариантах иллюзорных злодеев, имеющих мало общего с реальными историческими лицами, на которых навесили ярлык еретиков.⁶ Сами они вообще могли быть чисты перед церковью, в чем, вспоминая о расправах 1504 года, еще в середине XVI века не сомневался Артемий Троицкий: «Сожгли Курицына да Рукавого и нынеча того не ведают, про что их сожгли».⁷

По мере того, как антиеретическая кампания набирала силы, рождалась и обрстала подробностями легенда о начале ереси и о диссеминации ее тлетворного влияния в Новгороде, а потом в Москве. Предание оперировало стереотипами, закрепленными в христианской традиции за рассказами об очередных прозябших в православном мире плевелах: объявляется имя ересиарха, указываются его эмиссары, уточняется, откуда они проникли в богохранимое государство, какова была площадка для распространения лжеучения, и др. Как известно, окончательную форму легенда обрела под пером Иосифа Волоцкого в его «Просветителе». Здесь впервые назван «жидовин» Сха-

⁵ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 75–203.

⁶ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Л., 1988; Taube M. The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers. Is There a Connection? // *Speculum Slaviae Orientalis*. Moscow, 2005. P. 185–208.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 252.

рия, который явился в Новгород в свите Киевского князя Михаила Олельковича и которого публицист представляет как «диаволов съсуд, и изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи». До недавнего времени личность Схарии почиталась вымышленной. Однако в работах М. Таубе представлены довольно убедительные доказательства того, что прототипом Схарии послужил подвизавшийся в Киеве ученый еврей Захария бен Аарон га-Коген. Сохранился ряд рукописей, частично им переписанных, частично снабженных его объяснениями. По косвенным признакам Таубе и его последователи связывают с трудами Захарии и действовавшей при нем «переводческой школы», в которую входили не только иудеи, но и православные христиане, целую серию переводов с еврейского. Отдельные из переводов проникли позднее в Московское государство и даже активно переписывались благочестивыми книжниками, другие не вышли за границы Литвы. Получается, что под «культурным слоем» предания, как это нередко случается, лежат разрозненные и переосмысленные, но исторически достоверные реалии. Отсюда не следует, что и вся легенда о генезисе «жидовствующих» заслуживает доверия. Не устранено базовое противоречие между догматическими и обрядовыми прегрешениями, найденными во взглядах еретиков Геннадием и Иосифом Волоцким, и, с другой стороны, сделанными в «школе» Захарии переводами, по большей части далекими от болезненных для православной церкви тем. Вообще, каким бы ни был смутьяном Захария, в каких бы эзотерических науках он ни упражнялся, в своих книгах он не посягал на основоположения христианской религии. Те, кто в Литве действительно переводили тогда и правили отдельные книги Ветхого Завета, тоже не ставили целью ревизовать анагогическое их прочтение христианами. А если предположить, что кто-то вынашивал такие помыслы, его достижения остались за границами Руси. Переводчики Литвы и обличители руководствовались разными культурными кодами и говорили на разных культурных языках. Вывод о том, что обличители ереси боролись с плодами собственного воображения, остается в силе.

Сказанное не отменяет значимости библиографических разысканий, в том числе о переводах с еврейского, локализуемых в Киеве или других городах Литовского княжества. Они значимы и для истории письменности соседнего Русского государства. Пускай ересь была фикцией, для нас проясняется направление одного из путей миграции книжных памятников на Русь, хотя эти памятники, за редким исключением, суть не подвергшиеся изменениям старые переводы с греческого. Важный путь, считаю я, лежал в конце XV века в направлении от Литовского княжества к Новгороду, быть может, при посредническом участии Пскова. Эпицентр заразы, который оказался одновременно хранителем или временным пристанищем для книжных богатств, вызвавших живой интерес Новгородского владыки, обличители отыскивали за кордоном. Перечень книг, которые «у еретиков все есть», может служить путеводителем к репертуару литературы, пришедшей на Русь по литовскому маршруту и связанной с конфронтацией охранителей и «жидовствующих». Однако, чтобы он послужил пользе дела, этот источник следует понимать как систему со своей внутренней логикой. Помимо прочего, финальной наградой за системный подход может стать дополнительная информация относительно потерянного перевода Фотия. Но сначала предстоит избавиться от прижившихся в историографии заблуждений, которые касаются общей идеи, связующей составляющие перечня, и которые обусловлены все тем же туманом, плотно окутывающим ересь «жидовствующих». По поводу того, с какой целью Геннадий включил его в Послание, мнения разделились: предупреждал ли он своего корреспондента о книгах, какими вооружились еретики против православных, или, наоборот, обсуждал, каким идеологическим арсеналом следует запастись для отпора этим еретикам? Если разуместь под еретиками «чернокнижника» Захарию и завербованных им «злоумышленников» (в Литве, Пскове или еще где-то), трудно представить, как они могли воспользоваться, допустим, включенными в перечень сочинениями Афанасия Александрийского или Дионисия Ареопагита. Если брать фантомных врагов, с которыми сражался архиепископ, надобность для них в подобных сочинениях еще менее понятна. Стало быть, перечисленные книги рассматривались как антидот против ере-

тической пропаганды, каким надлежит обзавестись всем охранителям. Следующая альтернатива: поднимал ли автор Послания вопрос о книгах для того, чтобы получить их в свое распоряжение или, наоборот, чтобы обеспечить ими своих потенциальных союзников, подвизавшихся в дальних монастырях? Поскольку существует несколько случаев целенаправленной отправки сотрудниками Геннадия в такие монастыри рукописей, соответствующих названиям перечня, и ни одного примера изъятия их из монастырей, отдаем предпочтение второму варианту.⁸

Более проблематично найти ответ, почему вообще архиепископ заинтересовался книжными ресурсами своих противников, если интересы последних не распространялись на ортодоксальную литературу. На мой взгляд, объяснение кроется в том, что эти ресурсы отсутствовали в Новгородском архиерейском доме, а владевшие ими, а скорее — лишь имевшие к ним доступ распорядители иудейско-христианской «переводческой школы», они же воображаемые инспираторы «жидовствующих», находились вне пределов досягаемости владыки, в Литве. Набор названий из перечня не вяжется с предполагаемой сферой занятий «чернокнижников», зато он соответствует профилю монастырской библиотеки. Монастырь с такой библиотекой нужно искать за рубежом, в Киеве или в другом центре книжности, который бы находился под юрисдикцией отделившейся от Москвы западнорусской митрополии. Многоконфессиональная среда благоприятствовала там контактам православных с адептами других религий, не исключено было и взаимодействие с иудеями. Геннадий, по-видимому, спешил поделиться с Иоасафом и другими сочувствующими ему иерархами новостью о книжных редкостях, добытых им из дальних краев или взятых оттуда на подержание. Он готов был снять с полученных редкостей копии. Важно понимать, что добыча архиепископа попала к нему в руки *in corpore*, а если и несколькими партиями, то из одного внешнего источника или от одного комплектователя. Книги — и вошедшие в перечень, и родственные им, но по какой-то причине оставшиеся за его рамками, будучи объединены тематически, а отчасти даже формально, не подбирались поштучно для полемических и апологетических выступлений обличителей. Показательно, что Геннадий и Иосиф Волоцкий редко апеллируют к авторам памятников, охваченных перечнем (если не считать библейских книг), иных они вовсе игнорируют. И наоборот: обличители то и дело прибегают к авторитетам, не охваченным перечнем (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий и др.). Иными словами, перечень не является списком рекомендуемой литературы. Напротив, во взаимном притяжении книг интересующей нас партии налицо элемент случайности. Они складываются в группы из нескольких единиц по ряду «первичных» признаков (называю их так, потому что они не предполагают дополнительных разысканий). Среди таких признаков отметим: 1) встречающиеся следы пребывания книг в Литве, 2) частый случай восхождения всех списков к одному протографу, 3) отражение механических утрат протографа, часто приходящихся на начало и конец памятника, 4) потеря этих самых протографов. Каждый из признаков как бы наугад сшивает все (таков последний признак) или по несколько кодексов, но совокупность перекрывающих друг друга швов образует прочное соединение, которое трудно объяснить иначе, как общностью происхождения всей партии. Для реконструкции этой партии, помимо названий из перечня, надлежит учитывать не охваченные им кодексы, переписанные сотрудниками Геннадия, а также рукописные книги из собрания Досифея, настоятеля Соловецкого монастыря. Досифей не участвовал в обличении ереси, перед ним стояли более широкие задачи, связанные с обеспечением монастыря книгами первой необходимости. Однако большинство из книг его собрания копировалось в Новгороде, и прибывшая туда новая партия кодексов, о которой сообщил Геннадий в Послании Иоасафу, сразу попала в поле зрения Досифея.

Библиографический стандарт Древней Руси требовал указывать либо название всей книги, если она обладала относительно устойчивой структурой, либо начальную статью, если описывался сборник. Прочие параметры (формат, имя вкладчика и др.)

⁸ Томеллери В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // *Russica Romana*. 1999. Т. 6. С. 11–26.

могли опускаться. Перечень Геннадия более всего напоминает реестр манускриптов, изготовленных для Соловецкого монастыря, который приведен во вкладных записях Досифея.⁹ Геннадий тоже маркирует рукописи или по общему названию, или, если он дает заголовок небольшого по объему произведения, переписывавшегося обычно в сборниках, — по первой статье. Каждый номер соответствует отдельному кодексу, исключением являются две библейские книги (№ 9, 10). Получается, что перечень охватывает десять кодексов, комментировать его удобно, начиная именно с книг библейского раздела. Перечень составлялся, когда идея библейского свода еще не успела кристаллизироваться, и части будущей Библии распространялись как самостоятельные книги. Чтобы понять, чем привлекли внимание архиепископа перечисленные им книги и как они могли уберечь владельцев от происков еретиков, нужно учесть следующее. Вообще говоря, поднять тревогу по поводу «жидовствующих» Геннадий с присными имели некоторые основания, зная общую обстановку, сложившуюся тогда в Литовской Руси, откуда предположительно поступили книги. Работа там над совершенствованием славянских переводов Ветхого Завета, сопоставлявшихся с еврейскими оригиналами, в буквальном смысле кипела. На Руси безусловно осуждению подвергались перемены только в тех стихах, которые были наделены христианами пророческим смыслом. Прежде всего, это касалось Псалтири. Напротив, некоторые из явившихся из-за рубежа библейских сборников с толкованиями и даже исправлениями, сделанными по еврейским источникам, не пугали охранителей, по-видимому не видевших в том еретических происков и даже приветствовавших пополнение книжного корпуса. Против еврейского языка они ничего не имели. Играло роль и то, что о существовании некоторых типов библейских сборников русский читатель узнал впервые из этой самой подоспевшей литовской партии книг, так что опасавшимся крамолы просто не с чем было их сравнивать. Только неизлечимые конспирологи могут вообразить, что коварные иудеи Литвы скрыли в этих книгах и контрабандой переправили на Русь свои зловерные мысли. Переходя к комментариям, напомним еще, что книга воспринималась тогда на Руси не только как носитель информации, но и как материальный, причем сакральный артефакт. Вариации в расположении толкований, в конфигурации стандартного текста и даже в формате кодекса травестировали хорошо известный памятник в новый.

Начинаем с № 5 («Пророчества»), который давно уже опознали как популярный у славян библейский сборник — «Толковые Пророки», болгарский перевод, переписанный впервые в 1047 году в том же Новгороде, а потом исчезнувший из круга чтения русских грамотеев. Четыреста лет спустя он вновь объявился в Новгороде — тогда же, когда там началась война с «жидовствующими». На происхождение списков от одного протографа указывает общая для них и давно замеченная механическая ошибка — перестановка фрагмента из Книги Иезекииля. В горячие годы борьбы с ересью кодекс с текстами пророческих книг Библии и их толкованиями закономерным образом оказался самым востребованным из перечисленных Геннадием. Еретиков обвиняли как раз в мизинтерпретации ветхозаветных пророчеств, в списках «Толковых Пророков» читается маргиналия с руководящим указанием: «Сими претися с жиды». Сборником в спешном порядке обзавелся уже в 1488–1489 годах Иосиф Волоцкий, а еще московские книжники, в том числе дьяк Василий Мамырев, в ближайшие годы его копию получил и Досифей. Традиционное объяснение неожиданного успеха сборника, будто бы открытого в закромах владычных палат, представляется менее правдоподобным, чем предположение о его импорте из-за литовского рубежа. Приняв во внимание такой успех, не можем исключить и многократное прохождение книги через русско-литовскую пограничную заставу в разных направлениях. Личиную зависимость между списками, при той их концентрации на коротком промежутке времени, какая имеет место в случае с «Толковыми Пророками», редко удастся выстроить. Неизбежно воз-

⁹ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). М.; Л., 1962. Т. 18. С. 294–304; Бобров А. Г. К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–61.

никают контаминации, особенно, когда речь идет о неустойчивой композиции, вроде цепочек толкований — катен.¹⁰ Под следующим в перечне № 6 («Бытия»), несомненно, разумеется Пятикнижие. К упоминаемому Геннадием несохранившемуся протографу восходит, напрямую или через промежуточные звенья, набор других рукописей, озаглавленных «Книга бытειαкая». Старшей из них является список 1494 года (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 8), которым, как считают, пользовался Иосиф Волоцкий. Еще один список относят к собранию Досифея. В южнославянской письменности Пятикнижие не принято было обособлять, что само по себе ограничивает поле, в пределах которого можно искать протограф. В чем же Геннадий усматривал ценность книги? Судя по производным от несохранившегося протографа рукописям, в нем присутствовала довольно обильная правка по еврейским и тюркским источникам.¹¹ В пользу моего толкования ереси «жидовствующих» как продукта фантазии ее обличителей говорит тот факт, что ни один из переписчиков таких рукописей не усомнился в ортодоксальности книги. Они остерегались не еврейского языка, а инфильтрации ереси, определяемой по ими же разработанной симптоматике. Параллели из славянских памятников, связанных с Литвой, указывают маршрут, по которому Пятикнижие принесено было на Русь, и исключают домыслы об очередной находке в книжной казне Новгорода. Пока не поддается спецификации № 7 («Царства»): мне не известна маркированная традиция русских библейских сборников, которые начинались бы с Книг Царств и подходили бы под определение Геннадия. Ясно лишь, что определением «Царства» (возможно, перевод самоназвания оригинала «Тетравасилион», под которым фигурирует эта часть Библии в Иудейском Хронографе и в Индексе) обозначен отдельный кодекс. Идущие следом «Притчи» (№ 8) довольно уверенно возводятся к рукописи, пришедшей из Литовского княжества. Под таким заголовком обычно объединялись библейские книги гномического содержания, куда, конечно, входили и следующие в перечне № 9–10. Наличный материал не позволяет ответить на вопрос, почему идущие под этими номерами книги обособились от включающего их № 8 (единственный случай в перечне). На то, что они являются его органическими элементами, указывают многочисленные аналогии — русские сборники библейских книг тождественного состава XV–XVI веков.¹² Генезис кодекса того образца, какой выделял Геннадий, проясняется постольку, поскольку там читалась Книга монастихов Менаандра («Менаандр»), а инкорпорация ее между текстами Библии случилась в Литовской Руси XV века.¹³ Быть может, именно присутствие в кодексе «Менаандра» обусловило интерес ко всей книге архиепископа, не встречавшего такой составной части сборника в русских списках. Последовательность библейских книг, включенных в сборник типа «Притч», разнится от одной рукописи к другой. В связи с этим стоит, пожалуй, обратить внимание на РНБ, собр. Погодина, № 78, так как здесь на последние позиции вынесены те же разделы, что и в списке, рекламируемом Геннадием. Любопытно, что здесь же сохранилась, хотя и поздняя (1646 года), владельческая запись, свидетельствующая о пребывании кодекса на территории Польско-Литовского государства (в Купятицком монастыре).

Переходим к оставшимся книгам из перечня. № 1 («Селивестр папа Римский») получил сборник, известный как «Диалоги» Псевдо-Кесария и организованный в виде вопросов-ответов, касающихся разнообразных богословских материй, в том числе относящихся к православной догматике. Понятно, почему этот сборник, переведенный в Симеоновской Болгарии, возбудил интерес у Геннадия. Перевод сохранился

¹⁰ Ср.: *Калугин В. В.* Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки Академии наук.* СПб., 2020. Вып. 8. С. 396–430.

¹¹ *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века. М., 2018. Протографом не мог быть единственный более ранний список Пятикнижия (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 1).

¹² *Алексеев А. А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. С. 13–15.

¹³ *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916. С. 39.

только в русских списках. Списки объединяет общий дефект — утрата первых 36 вопросов-ответов, из-за чего возникло ложное надписание произведения, усвоенного Сильвестру и Антонию Великому. Как показано в исследовании Я. Милтенова, все списки перевода восходят к одному протографу с чертами новгородского диалекта.¹⁴ Поскольку достоверных следов использования «Диалогов» в русской письменности до конца XV века не обнаружено,¹⁵ ясно, что этот протограф представлял собой копию, снятую с кодекса, упоминаемого в перечне. Вывод подкрепляется наличием рукописи с «Диалогами», отправленной в 1489 году лично Иосифу Волоцкому Герасимом Поповкой, самым активным из трудившихся при архиепископе литераторов (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 505). Рукописная книга «Селивестр», до сих пор не разысканная, фигурирует в перечне рукописей из собрания Досифея.

Литературной жемчужиной, лежавшей будто бы без движения «в хваленых софийских подвалах» до антиеретической кампании Геннадия, всегда считалась книга из перечня № 2 («Афанасей Александрийский»). За этим обозначением угадывается перевод слов против ариан Афанасия Александрийского, причем освоение славянской письменностью не известного ей ранее памятника начинается как раз с экземпляра, пропагандируемого Геннадием. Туда, судя по копиям, входили и дополнительные статьи, объединенные именем Афанасия. Вообще, его догматико-полемическое наследие высоко ценил архиепископ. По-видимому, именно он, помимо забот о распространении слов против ариан, инициировал перевод «Прения» псевдо-Афанасия с Арием, выполненный кем-то из московских Палеологов совместно с Благовещенским протопопом Феодором. На обеспечение монастырей сборником слов против ариан соратники Геннадия было положено более всего трудов. Самая известная копия, сделанная в 1489 году Дмитрием Герасимовым (РНБ, собр. Погодина, № 968), предназначалась для Кирилло-Белозерского монастыря. Еще два списка изготовил тогда же Тимофей Вениаминов, из них один (РГБ, собр. Волоколамского мон., № 437) попал в обитель Иосифа Волоцкого, а другой (ГИМ, Синодальное собр., № 20) — в Новгородский Вяжицкий монастырь. Сборник был скопирован и для собрания Досифея. В ряде списков воспроизводится находившийся в архетипе памятника колофон Тудора Доксова, сообщающий, что перевод сделан Константином Преславским в начале X века при князе (царе) Симеоне. Кроме того, в рукописи Герасимова Герасим Поповка, его брат и куратор его работы, от своего имени извещает, что копировался кодекс «с старые книги с болгарские» (ср. помету на л. 219 Волоколамской рукописи: «в старом Афанасии писано так»). В славистике, на основании заявлений новгородских книжников, сложилось прочное убеждение, что они держали в руках подлинный фолиант, изготовленный в X веке. Полагаю, что экспертиза двух братьев не может служить решающим аргументом при датировке использованного ими оригинала. Понятно ведь, что данная книжником XV века характеристика этого оригинала основывалась на колофоне Тудора Доксова, который здесь же аккуратно переписан. «Старой» болгарской книгой Герасим Поповка вполне мог наречь любой промежуточный список древнего перевода, где находилась уже копия колофона.

Литературная история древнеболгарского сочинения под № 3 («Слово Козмы прызвитера на новоявляшующя ересь на богумилю») складывалась сходным образом с историей сборника слов Афанасия. В том смысле, что полный текст произведения впервые появляется в книжном обиходе после объявления о нем, сделанного Геннадием. Считалось, что «Беседу» Козмы Пресвитера, как обычно называют его творение, тоже отыскивали среди местных новгородских антиков, спешно готовясь к противоборству с еретиками. Поняв, что «Беседа» обычно переписывалась в составе сборников и что архиепископ обозначил сборник по первой статье, мы узнаем причину его актуальности в XV веке. Сохранился кодекс из собрания Досифея (РНБ, собр. Соловецкого

¹⁴ Милтенов Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006. С. 72–77.

¹⁵ Отрывок из «Диалогов» (2–3 вопроса-ответы), видимо, отделился от перевода на ранней стадии его бытования (Корогодина М. В. Неизвестный отрывок славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария // Palaeobulgarica. 2013. Т. 37. № 2. С. 23–33).

мон., № 856/966), который открывается «Беседой» и большая часть которого отведена переводам текстов, отражающих религиозную полемику. Сначала идет перевод «Многосложного свитка», посланного тремя восточными патриархами императору-иконоборцу Феофилу, на который, кстати, ссылался и Иосиф Волоцкий в «Просветителе». Далее следует внушительный блок антилатинских статей. Надежность реконструкции оригинала Геннадия по Соловецкой рукописи обеспечивается следующей заметкой копииста на л. 4 об.: «Книгу сию взял на список владыкы, „Беседа на новоявившуюся ересь“, а писана на харатии, есть ей за пятьсот лет». К сведениям переписчика нужно подходить критически: если в его способностях отличить пергаменный список от бумажного нет оснований сомневаться, то датировка антиграфа, скорее всего, высчитана по сведениям, находящимся в самой «Бесede». Наличие антилатинского комплекса в рукописи Геннадия наводит на мысль, что она попала к нему в руки из Литовского княжества, ибо именно там, по причине близкого соприкосновения с католическим миром, активно формировалось это направление древнерусской литературы. Западнорусским признается по происхождению известный Толстовский сборник антилатинских статей (РНБ, О.п.І.7), который роднит с книгой Геннадия еще и то, что он тоже писан на пергамене в годы, когда этот материал выходил из употребления.

Интересная головоломка возникает при поисках следов рукописи, соответствующей № 12 («Деонисей Ареопагит»). Геннадий, скорее всего, был осведомлен, что сербский перевод XIV века Корпуса Ареопагита довольно широко разошелся по Руси. Зачем же понадобилось его особо пропагандировать? По-видимому, из двух групп русских списков Ареопагита, тождественных по содержанию, но различающихся по форме, Геннадий впервые увидел рукопись из менее распространенной группы, представителем которой своей структурой точно воспроизводит кодекс, признаваемый оригиналом перевода (РНБ, собр. Гильфердинга, № 46).¹⁶ В понимании архиепископа это была новая книга, отличная от списка Корпуса (РГБ, собр. Румянцева, № 93), относящегося к первой группе и вложенного его бывшим сотрудником Герасимом Поповкой в Пафнутиев Боровский монастырь в 1503 году (к тому времени этот сотрудник успел стать игуменом некоего Богоявленского монастыря, без документальных подтверждений и, скорее всего ошибочно, признаваемого часто Московским). Наш вывод зиждется на том, что рукопись с раритетным вторым типом находилась в собрании Досифея (РНБ, собр. Соловецкого мон., № 115/115), активно копировавшего книги по номенклатуре перечня. Старший список этого типа происходит из Дерманского монастыря (Харьковская научная библиотека, № 819168). Трудно не увидеть тут очередной намек на Литву как поставщика книг для Геннадия. Указание в рукописи Досифея «а писана книга сия с островского Дионисея Ареопагита» (л. 1) вполне может соотноситься не с русскими географическими реалиями, как думали до сих пор, а с литовскими (ср., например, Остров, имение Михаила Гарабурды в Слонимском повете).

Осталось разобраться с самыми сложными для осмысления № 4 и 11. Под последним номером значится «Логика», и никто еще не указал однозначно на ту книгу, к которой можно было бы применить это заглавие. Наиболее приемлемым в качестве кандидатуры выглядит перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, хотя само по себе сочинение никогда не называлось «Логикой».¹⁷ Однако «Диалектика» сохранилась в большом количестве списков, причем ее неизменно переписывали вкупе с богословскими, грамматическими, герменевтическими и даже магическими статьями. Нередко «Диалектику» предваряло приписанное Иоанну Дамаскину сочинение «О восьми частях слова», а ему, в свою очередь, иногда предшествовало «Лаодикийское послание» и литорея в квадратах. Рукописи с подобным началом могли называться «Книга философская...». Рукописная традиция указанных памятников нуждается в дальнейшем изучении, есть надежда, что сборник, подходящий под указанное в № 11 обозначение и включающий, среди прочего, «Диалектику», еще будет обнаружен. Нельзя умолчать

¹⁶ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 42–56.

¹⁷ Григоренко А. Ю. «Лаодикийское послание» и его литературное окружение // ТОДРЛ. СПб., 1990. Т. 43. С. 324–329.

также, что некая рукопись «Ивана Дамаскина», утраченная или не найденная, упоминается в списке вкладов Досифея. Важнее всего вот что: обсудив остальные номера в перечне книг, рекомендуемых православным как церковную ограду от еретиков, мы не видим места в таком окружении для не столь уже редких списков «Книги, глаголемой Логика». Применения для этого неудобопонятного западнорусского перевода с еврейского в русской религиозной письменности XV века не находится, а списки его ранее XVII века не известны. Уверен, что тогда именно «Книга, глаголемая Логика», популяризирующая философию перипатетиков, и была воспринята московской книжностью вместе с другими пособиями по словесным наукам. Отождествить книгу, упоминаемую Геннадием, с этим памятником «переводческой школы» Захарии оказывается критически важно только для тех, кто, идя по следу «иудейского заговора», стремится материализовать призрачных «жидовствующих», связав их разрушительную деятельность с конкретными памятниками иудейско-христианской «переводческой школы». Поборники данной концепции предпочитают не замечать контекста, окружающего «Логика» в перечне, потому что, отказавшись от ее отождествления с литовским памятником, они утрачивают единственный аргумент в свою пользу. Другой их аргумент — ссылка на критику, какой подверг Геннадий «Шестокрыл», еще один перевод из «школы» Захарии, не работает. Архиепископ обсуждает какую-то таблицу из «Шестокрыла», откуда не следует, что он читал текст самого перевода. Первая ссылка на «Тайную Тайных», перевод тоже западнорусский, отыскивается лишь в Послании Грозного Курбскому. Даже «Лаодикийское послание», изъятые, как доказал М. Таубе, из «Тайной Тайных», не поддерживает концепцию заговора, потому что изъятие было произведено в Литве.¹⁸ Вопрос о книге, которую подразумевал Геннадий под № 11, до поры до времени остается открытым. Вопреки конспирологическим теориям, русских книжников XV века трудно заподозрить в терпимости по отношению к текстам, в которых они увидели бы угрозу православию.

Прежде чем высказаться по поводу возможного происхождения № 4, т. е. Послания Фотия Борису-Михаилу, стоит чуть расширить поле для наблюдений за счет нескольких кодексов, которые оказались за бортом перечня Геннадия, но, скорее всего, полностью или частично воспроизводят книги из той же партии, какую он рекомендовал для монастырей в Послании Иоасафу. Укажем рукопись РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 710, в которой л. 1–140 переписаны в 1493 году по распоряжению Геннадия, вероятно, специально для обители Сергия (происхождение оставшейся части кодекса требует отдельного исследования). На отмеченных листах читается полный текст Египетского патерика в соединении с приписанными Василию Великому «Словесами» черноризцам и еще несколькими дополнениями. Параллельным списком (или копией указанного) с такой же комбинацией переводных текстов является кодекс РНБ, собр. Соловецкого мон., № 635/693, относящийся к собранию Досифея. К антиграфу идентичного состава восходит первая половина рукописи РГБ, Волоколамское собр., № 657, содержащая один только Египетский патерик и копированная в 1487 году неутомимым Герасимом Поповкой для Иосифа Волоцкого. Сходство с рассмотренными прежде памятниками заключается в том, что протограф Геннадия утрачен, но он явился зачинателем русской традиции. К этому протографу прямо или через посредников восходят имеющиеся списки, по предварительным данным, с протографом их роднят довольно грубые ошибки.¹⁹ Ценность книги в противостоянии с еретиками, отрицавшими иноческий чин, не требует доказательств. С большой долей вероятности к той же партии можно отнести полный южнославянский перевод «Шестоднева» Севериана Гавальского, датируемый обычно XIV веком (оставляем без внимания более ранние переводы фрагментов из сочинения Севериана, одни — в «Шестодневе» Иоанна Экзарха, другие — в рукописи РНБ, Софийское собр., № 1285). В рукописной книге РНБ, собр. Соловецкого мон., № 873/983 памятник занимает первую половину кодек-

¹⁸ Taube M. The «Poem on the Soul» in the «Laodicean Epistle» and the Literature of the Judaizers // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Т. 19. Р. 671–685.

¹⁹ Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 48.

са, причем эта половина входила в собрание Досифея, а переписана была, как следует из пометы на л. 106 об., с оригинала, принадлежавшего Герасиму Поповке («а писана книга сия с Герасимова Шестодневника»). «Шестодневы» служили средневековому человеку пособиями по догматике, а никак не природоведческими энциклопедиями, чем и определяется значение данного перевода для охранителей XV века. Хотя текстологического исследования перевода не существует, есть основания думать, что творение Севериана пришло на Русь тем же путем, что и вся партия книг Геннадия. История его в русской письменности начинается не ранее конца XV века, тогда именно, когда новгородский скрипторий был мобилизован для антиеретической пропаганды. Характерно, что в русских списках, включая список Досифея (л. 1), в самом начале текста пропущено несколько строк — дефект механический, подобный тем, которые мы применили в рассмотренных прежде книгах, и явно восходящий к протографу.

Любопытные выводы можно сделать, обратившись еще к одной рукописи Досифея (РНБ, собр. Соловецкого мон., № 858/968), переписанной по заказу Досифея в 1493 году и содержащей компилятивную Кормчую. В приписке на л. 609 об. — 610, где сообщается об отправке кодекса на Соловки и перечисляются другие высланные туда фолианты, манускрипт ошибочно назван книгой «Крѣмчий душам». Это ошибка симптоматичная, потому что так именовался довольно популярный сборник переводных аскетических произведений и выписок, сложившийся в Болгарии X века. Сборник, с несколько иной комбинацией составляющих его статей, и прежде был известен на Руси, но он фигурировал тогда под другим названием («Книги, глаголемыя Кормчий, рекше правитель душевный»). Судя по всему, исконным является название, которое употребил Досифей. Сходство заглавий, применявшихся для Номоканона и для аскетического сборника, порождало путаницу.²⁰ Можно думать, что Досифей хотел заполучить как раз «Крѣмчий душам» (поскольку в его собрании есть другой Номоканон — РНБ, собр. Соловецкого мон., № 1056/1165), но исполнители не поняли смысл заказа, изготовив вместо того Кормчую-Номоканон. Существенно, что под своим первоначальным названием аскетический сборник, точнее особая его редакция, включен фрагментарно в рукопись РГАДА, собр. Мазурина, № 616. Эту рукопись XVI века, судьба которой, как и судьба ее предшественников, связана с Литвой, в последнее время часто вспоминают, потому что в ней отыскали редкие и очень древние славянские тексты.²¹ Досифей, по-видимому, заинтересовался ее протографом или каким-то старшим по времени аналогом. Перед нами очередной след, ведущий к западному соседу Русского государства. Мы не включаем в наш список южнославянский перевод «Стефанита и Ихнилата», хотя он появляется в русской письменности в те же примерно годы, когда развернулась антиеретическая кампания, и его роднит с книгами Геннадия ряд формальных (происхождение всей традиции от одного исчезнувшего и дефектного протографа) и смысловых признаков (атрибуция Иоанну Дамаскину, вставленные на Руси «приточные» толкования, обличающие еретиков).²² Предыдущие комментарии относились к памятникам, которым отводился в тогдашней практике переписчиков целый кодекс или которые открывали собой отдельный том, в то время как «Стефанит и Ихнилат» переписывался всегда в составе сборников. Отсутствуют и приметы, позволяющие предполагать западнорусское посредничество в доставке текста на Русь.

Задача предложенных комментариев заключалась не в том, чтобы иллюстрировать общеизвестную истину о тесном взаимодействии русской и западнорусской литератур в XV веке, а в том, чтобы восстановить ассортимент книг, полученных Геннадием для укрепления идеологических позиций церкви. Отвлекаясь от обсуждения ереси,

²⁰ Буланин Д. М. «Кормчая книга» и «Книга Кормчий» (Семантика названий двух древнерусских книг) // Русская литература. 2017. № 2. С. 5–18.

²¹ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2020. Вып. 3. С. 68–84.

²² Едва ли не к Тимофею Вениаминову относится скрытое тайнописью имя писца «Тимофей» с датой 1482 год, известное нам по позднему, но близкому к архетипу списку «Стефанита и Ихнилата» в РГБ, собр. Гранкова, № 45.

позволю себе все же отметить, что сортировка импортированных в XV–XVI веках произведений и книг по выделенным здесь «первичным» признакам может и в других случаях существенно конкретизировать картину международных связей русской книжной культуры этой эпохи. В качестве примера укажем новую редакцию сборника слов Григория Богослова, которая вытеснила из обихода древнейший перевод и которая восходит к занесенному на Русь и утраченному потом сербскому кодексу. Этот кодекс содержал лишь половину новой редакции, вторая половина так на Руси и не появилась.²³ Сходную картину наблюдаем в судьбе популярнейшей на Руси «Сербской Александрии», все списки которой происходят от одного исчезнувшего протографа. В знаменитых сборниках Ефросина, в одном из которых находится старший список «Сербской Александрии», представлены и другие тексты с похожей предисторией (Сказание об Индийском царстве, Повесть о Дракуле). Аналогичные случаи, касающиеся русской письменности XVI века, хорошо известны (тексты в сборнике Ферапонта Обухова, Хроника Манассии, Житие Саввы Сербского).

Заканчивая комментарии к перечню Геннадия, осмелюсь сформулировать довольно рискованное предположение о происхождении № 4 («Послание Фотея патриарха ко князю Болгарскому»), с которого мы начали свой экскурс и который, как было сказано, нельзя путать с позднейшим переводом Максима Грека. Рукопись начала XV века Румынской Академии наук, № 296 содержит вторую часть южнославянского перевода антиеретической энциклопедии, составленной византийским писателем Евфимием Зигабеном («*Panoplia dogmatica ad Alexium Comnenum*»). В единственном сохранившемся сербском списке второй части находится запись на л. 2а: «Паратитло. Фотиа, патриарха Константина града, от его же къ Михаилу, кнезу болгарскому, посланиа о святыхъ седмих и вселенскихъ съборахъ». Сам обещанный заголовком текст в рукописи отсутствует, но едва ли можно сомневаться, что он содержался в протографе рукописи, ибо в греческом подлиннике соответствующая статья — фрагмент Послания, рассказывающий о вселенских соборах (гл. 6–20), сопровождает «*Panoplia*» в качестве приложения.²⁴ Полагаю, что под № 4 Геннадий подразумевал утраченный для нас список «*Panoplia*», в котором, как и в румынской рукописи, «паратитло» было вынесено в начало кодекса, но не ограничивалось заголовком. Значение перевода для русских публицистов вполне прозрачно. Хотя в румынской рукописи, как и в русском переводе XVI века, адресат Послания назван Михаилом, для балканских книжников не было секретом языческое имя царя. Увы, в связи с отсутствием русских списков перевода, приведенные доводы остаются умозрительными.

Резюмируя представленные в статье факты, считаю постулированную в ней идею, что полученная Геннадием партия книг пришла из Литовского княжества, имеющей право на существование. Поставщиком, скорее всего, выступил православный монастырь в Киеве (Печерский?), с которым сотрудничали члены «переводческого кружка» Захарии. Достоин при этом внимания, что русские охранители тщательно фильтровали пришедшие из Литвы книжные поступления. Как явствует из наших комментариев, особенного внимания удостоились южнославянские тексты и переводы, иные из них перенесенные из Болгарии и чудом уцелевшие со времен киевских князей, иные поновее, а иногда старые в слегка обновленной форме. Целая их серия влилась тогда в русскую литературу при литовском посредничестве. Важно осознать, что в русской письменности, по крайней мере до XVI века, не осталось никаких книг со следами религиозного вольнодумства и даже конфессионально нейтральных трудов, продуцировавшихся киевским «переводческим кружком», но не представлявших ценности для русских начетчиков. Отказываясь от модернизации конфликта внутри русской церкви, возникшего при Иване III, мы одновременно получаем драгоценные сведения о спровоцированном этим конфликтом книжном сотрудничестве Новгорода и Литовской Руси.

²³ Буланин Д. М. Мифологические толкования к Словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. СПб., 2019. Т. 66. С. 12–59.

²⁴ Цибранска-Костова М. Вележки върху славянския превод на «Паноплия догматика» в BAR Ms. Slav. 296 и неговия преводач // *Palaeobulgarica*. 2017. Т. 41. № 4. С. 3–26.

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В «СТРАШНЫХ ВИДЕНИЯХ» КРЕСТЬЯНИНА ЯКОВА ЛАНШАКОВА

«Страшныя видѣнья, бывшія крестьянину Восточной Сибири Якову Ильичу Ланшакову» (далее — Сказание) рассказывают о видениях, явленных повествователю во время болезни в «тонком сне», которые с его слов были записаны в Киево-Печерской лавре. Первым внимание на этот рассказ обратил Герасим, епископ Ладожский: он опубликовал фрагмент текста и отметил популярность повествования как назидательного чтения — «доныне ходит по рукам в рукописи».¹ Об интересе к Сказанию Якова Ланшакова свидетельствуют и известные сегодня три рукописных списка второй половины XIX века, сохранившие его текст: список из собрания Валаамского монастыря № 296 (шкаф 30; далее — Валаамский список) указан Т. Н. Белоловой (Украинской),² два списка — НИОР РГБ. Ф. 214 (Собр. Оптиной пустыни). № 453 (далее — Оптинский список) и НИОР РГБ. Ф. 304/II (Собр. Троице-Сергиевой лавры, Дополнительная библиотека). № 250 (далее — список Троице-Сергиевой лавры) — введены в научный оборот А. В. Пигиным.³ Им же впервые опубликован полный текст Сказания Якова Ланшакова по Валаамскому списку с дополнениями по Оптинской рукописи (с. 302–348, 401).

Композиция Сказания состоит из трех частей: «Краткое предисловие от писателя» (с. 303–306), где изложены обстоятельства знакомства с Яковом Ильичем и запись его рассказа в Киево-Печерской лавре. Сам рассказ сибирского крестьянина — вторая часть повествования — поделен на две неравные части. Первая имеет заголовок «Сказание» и повествует о болезни и «тонких снах» Ланшакова, об обеде посетить Иерусалим и поклониться гробу Господню, об обстоятельствах, препятствовавших его исполнению (с. 304–344). Вторая называется «Дополнение» и содержит «нѣкоторыя добавления» Якова к изложенному им ранее (с. 344–347). Завершает Сказание «Заключение», где объяснены причины, по которым был записан рассказ Якова Ильича (с. 347–348). «Заключение» передают два списка — Оптинский и Троице-Сергиевой лавры.⁴ Не вызывает сомнения, что эта часть Сказания появилась во время обработки записи рассказа Ланшакова, а в Валаамском списке была опущена, вероятно, потому, что имеет факультативный характер по отношению к основному сюжету.⁵ Предисловие и заключение, «обрамляя» рассказ Якова Ильича, придают ему стройность, цельность и гармонизируют повествование, части которого были записаны в разное время. К тому же они содержательно значимы для наших рассуждений, что покажем ниже.

О рассказчике — Якове Ланшакове — в тексте содержится немного сведений. Уже в первых строках сказано, что он — заводской крестьянин, родом из «Восточной Сибири Нерчинского горного округа, Аргутинской волости, села Манкечерского».⁶ Как

¹ Герасим, епископ Ладожский. Замечательная рукопись. Рассказ крестьянина Восточной Сибири Якова Ланшакова // Странник. 1865. Т. 4. Отд. 5. С. 35.

² Белолова (Украинская) Т. Н. Валаамское собрание рукописей в Финляндии // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). СПб., 1993. Т. 48. С. 399.

³ Об этом см.: Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 401 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера страницы). Как отметил исследователь, Герасим, епископ Ладожский, опубликовал фрагмент рассказа сибирского крестьянина «по рукописи, написанной до 17.2.1860» (с. 401, прим. 10), но ее современное местонахождение не установлено.

⁴ Об этом см.: с. 401.

⁵ Отметим, что в списке Троице-Сергиевой лавры эта часть текста передана не в полном объеме: содержит только его «покаянную» часть за «простое изложение», обилие «неискусственных ошибок» и не имеет специального заголовка (л. 428–428 об.).

⁶ Первые строки рассказа сибирского крестьянина стали подзаголовком Валаамского списка Сказания (с. 303–304). Составной характер заголовочного комплекса, как он известен по публикации А. В. Пигина, позволяет реконструировать историю создания Сказания и говорить, что

заводской крестьянин, Яков занимался не только земледелием, но и работал на Нерчинском сереброплавильном заводе — первенце российского сереброплавильного дела.⁷ Из самого рассказа следует, что в 1850 году, когда страннику был выдан заграничный паспорт для поездки на Святую Землю, ему было 47 «лѣтъ отъ роду» (с. 304). Время паломничества в тексте не названо, но, можно думать, что оно произошло в 1850–1851 годах.⁸ Странник происходил из многодетного и «притомъ небѣднаго» семейства (с. 306), его собственная семья состояла из жены, дочерей и сына. Переломным моментом в обыденной и духовной жизни Якова Ильича стала «повальная болѣзнь въродѣ горячки», постигшая его «въ 1837 или въ 1838 году» (с. 306).

А. В. Пигин рассмотрел повествование сибирского крестьянина как образец видений, так как большую часть текста занимает их описание, и отметил, что «видения Ланшакова можно отнести к особому „райско-палестинскому тексту“» (с. 182).⁹ Остановимся подробнее на реализации в Сказании Якова Ланшакова паломнического сюжета.

Уже в «Кратком предисловии от писателя» паломническая тема становится сюжетообразующей. «Писатель», а из «Заключения» следует, что рассказ Якова Ланшакова записал иеромонах Киево-Печерской лавры Алипий (с. 348), признавался, что до принятия монашества он сам был странником по русским святым местам и посетил Соловецкую обитель «для поклонения почивающимъ тамъ мощамъ преподобныхъ угодниковъ Зосимы и Савватия, по пути посѣщаль и другія мѣста святыхъ обителей» (с. 303–304).

Сам сюжет паломничества по русским святым местам в отечественной литературе получил оформление достаточно поздно, в книге А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским».¹⁰ Закономерным кажется и то, что запись рассказа сибирского крестьянина проходила в стенах Киево-Печерской лавры, где он останавливался на пути в Иерусалим и обратно. Посещение Ланшаковым лавры отражало не только реальную картину его богомолья в Иерусалим, но и соответствовало общерусской паломнической практике на Святую Землю, как она сложилась к 1850-м годам, когда сибирский крестьянин предпринял свое странничество. Как можно судить по сохранившимся источникам, в Новое время путь богомольцев из разных губерний на Святую Землю проходил через Киев, в котором они стремились посетить общерусскую святыню — Киево-Печерский монастырь.

Тема паломничества по русским святым местам характерна и для основной части Сказания, для рассказа самого Ланшакова. Поклониться святым местам Москвы предлагал ему генерал-губернатор города А. А. Закревский (с. 341). В скорбную для странника минуту, когда было отказано в выдаче заграничного паспорта для поездки в Иерусалим, Яков Ильич пришел в Успенский собор Московского Кремля: «Отъ

его текст формировался в несколько этапов. Сначала был записан рассказ Якова Ланшакова, который после его возвращения из Иерусалима был дополнен сюжетами, составившими часть «Дополнение». Вероятно, во время обработки этих частей текста появились «Предисловие» и «Заключение». Показательно сообщение Троице-Сергиева списка Сказания, где отмечено, что «Дополнение» было «набѣло переписано» спустя «дѣсять мѣсяцевъ» после пребывания Ланшакова в Киево-Печерской лавре (л. 425).

⁷ Нерчинский завод // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 20. Наказный атаман — Неясыти. С. 912–913.

⁸ Из рассказа сибирского крестьянина следует, что Пасху 1850 года он встречал в Москве, где хлопотал о получении заграничного паспорта (с. 403). На паломничество в Иерусалим, как свидетельствуют описания богомолей середины XIX века, уходил, как правило, год.

⁹ Исследователь отметил, что использовал понятие, предложенное М. В. Рождественской, которая рассматривает описание Иерусалима в древнерусской паломнической литературе как рая (с. 182).

¹⁰ *Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским.* СПб., 1836. В этой связи стоит обратить внимание на описание паломничества по России, предпринятого в 1813–1822 годах устюжским мещанином П. И. Типухиным, сохранившееся в рукописи: ОПИ ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 961-1¹. Подробнее об этом и публикацию фрагментов текста см.: *Юхименко Е. М.* Неизвестный памятник поздней паломнической литературы. Хожение по России Устюжского мещанина Петра Ивановича Типухина в 1813–1822 гг. // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 404–435.

избытка скорби ноги мои не держали уже меня. Какъ дотащился я потомъ до Успенскаго собора, не помню» (с. 342). И это кажется не случайным, а символичным. Как известно, Успенский собор был одной из величайших русских святынь, здесь же находились самые почитаемые иконы со всей России. С XVII века в соборе хранились восточнохристианские реликвии: риза Господня, доставленная в Москву в 1626 году из Персии шахом Аббасом; крест, содержащий камень с горы Голгофы и камень от гроба Богоматери, а также часть ризы Божией Матери, принесенная князем В. В. Голицыным из крымского похода. Около 1715 года, по указу Петра I, в соборе появился ковчег с гвоздем Господним, находившийся в приделе Св. апостолов Петра и Павла.¹¹ И хотя к моменту посещения Успенского собора Яковом Ильичем не все его реликвии после пожара 1812 года сохранились, храм не утратил значения духовного центра страны и оставался кафедральным собором московских митрополитов и патриархов.

Побывал Яков Ильич — сперва в видении, затем и наяву — в Иркутске, где поклонился «угоднику Божию святителю Христову Иннокентию», канонизированному в начале XIX века.¹² Само описание паломничества к мощам Иннокентия, первого епископа Иркутского, отвечает традиции повествования о таких богомольях, хотя рассказано о нем схематично. В этой части текста сообщается о дороге в Иркутск, как и было предсказано Якову в видении: через Нерчинск, обретя там проводника — мещанина Леонтия Забродина, он пришел в Иркутск. Увиденная позднее наяву икона святителя Иннокентия¹³ поразила Якова Ильича тем, что на ней он узнал монаха, который в видении проводил его до Петербурга и Казанского собора (с. 334).¹⁴ И то, что в видении проводником сибирского крестьянина был святитель Иннокентий, тоже кажется неслучайным. Из жизнеописания святого следует, что Петербург первому епископу Иркутскому должен был быть хорошо знаком: туда он был вызван в 1719 году в Александро-Невский монастырь со званием соборного иеромонаха и получил назначение на службу на корабле, позднее в Троицком соборе Александро-Невской лавры в присутствии Петра I Иннокентий был рукоположен в епископа Переяславского.¹⁵ Отметим, что и для жанра видений, и для паломнической практики и ее описаний характерно присутствие проводника — «вожа добраго», как писал игумен Даниил, для паломнических рассказов — и «душеводителя», сопровождавшего визионера в его путешествиях.¹⁶ В рассмотренном фрагменте Сказания монах-проводник выполняет обе функции — и «душеводителя», и проводника к святыне.

Итак, тема паломничества по русским святым местам в Сказании имеет многоаспектную реализацию, но последовательного рассказа о богомолье в тексте нет. Однако наличие этой темы в повествовании Якова Ильича не только отражает проделанный им путь в видениях и наяву, но и отвечает тенденции, оформившейся в паломнической

¹¹ Об этом подробнее см.: Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора и о возобновлении первых трех московских соборов: Успенского, Благовещенского и Архангельского, сочиненное протоиереем Александром Георгиевым Левшиным. М., 1783. С. 85; [Снегирев И.]. Памятники Московской Древности. М., 1842–1845. Тетрадь 3. С. 21–22; *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997. С. 75–77.

¹² Подробнее о св. Иннокентии Иркутском см.: *Здравомыслов К. Я.* Иннокентий (Кульчицкий) // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 109; *Борис Пивоваров, прот., Павлова О. А.* Иннокентий (Кульчицкий) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 716–721.

¹³ По тексту трудно понять, какой именно храм Иркутска посетил наш паломник и какую икону святителя Иннокентия Иркутского видел, так как после канонизации «было создано большое количество его икон, преимущественно в Сибири» (*Крючкова Т. А.* Иннокентий (Кульчицкий). Иконография // Православная энциклопедия. Т. 22. С. 722). Но можно предположить, что Яков Ильич посетил Вознесенский монастырь, где находилась рака святителя и несколько его икон (Там же).

¹⁴ Очевидно, рассказ крестьянина Ланшакова стоит считать одним из первых письменных свидетельств о паломничестве к мощам Иннокентия Иркутского.

¹⁵ *Здравомыслов К. Я.* Иннокентий (Кульчицкий). С. 108–109. Об этом прямо сказано в видении Якова Ланшакова. Когда вместе с монахом-проводником он оказался в Петербурге, то проводник «знакомил меня съ названьемъ улицъ и замѣчательныхъ зданій» (с. 329).

¹⁶ Подробнее об этом см.: с. 176–177.

литературе с XVIII века: включать в рассказ о богомолье на Святую Землю повествование о русских святых местах, посещенных паломником на пути к Палестине и обратно.

Причина паломничества в Иерусалим «странника Ланшакова» — данный по болезни обет — широкого распространения в паломнической практике на Руси не имел, хотя для христианского мира он не уникален.¹⁷ С другой стороны, обетное паломничество по русским святым местам в XIX веке не было исключительным явлением. Как отмечают специалисты, в XIX веке преимущественно обетным было богомолье на Соловки.¹⁸ Можно полагать, что по обету посетил остров и иеромонах Алипий, записавший рассказ Ланшакова. В предисловии к Сказанию он оговорился, что его странничество на поклонение мощам прп. Зосимы и Савватия Соловецких было совершено «по принятию <...> намѣрению» (с. 303). Возможно, этим описательным оборотом был обозначен обет богомолья в монастырь. И если наше толкование слов иеромонаха Киево-Печерской лавры верно, то можно говорить, что уже в первых строках Сказания Якова Ланшакова задана не просто тема паломничества по святым местам, а *обетного паломничества*, которое так стремился осуществить сибирский крестьянин.

День, когда Яков Ильич дал обет, он называл памятным (с. 318), так как ему было видение «самого Создателя», записывавшего людей «въ книгу живота» (с. 326).¹⁹ На просьбы крестьянина тоже быть записанным в книгу, он получил наставление сходить в Иерусалим, поклониться гробу Господню и облобызать «мѣста земнаго странствия моего» (с. 326–327). Отметим эту формулировку и напомним, что ее использовали паломники в своих описаниях начиная с XII века, с игумена Даниила, поэтому ее можно отнести к топосам русского паломнического текста.

С момента принятия обета до его исполнения прошло двенадцать лет:²⁰ сначала будущему страннику мешала болезнь, во время которой продолжались «тонкие сны», затем — различные жизненные обстоятельства. В этой части Сказания особое значение для реализации паломнического сюжета имеет образ Божией Матери «Казанской». Обратим внимание на ситуации, в которых содержится упоминание об одной из самых почитаемых икон Русской православной церкви. К «чудотворной иконѣ Божией Матери Казанской» в Петербург отправил крестьянина сам Спаситель (с. 327).²¹ Крестный ход, увиденный Яковым в видении, шел «по селу съ иконою Казанской Божией Матери» (с. 336). Увольнение в паломничество он получил «июля 8 числа, в день праздника Казанской Божией Матери» (с. 337). И наконец, в рассказе о явлении крестьянину во сне умершей матери отмечено, что ее «лице <...> имѣло совершенное

¹⁷ См. об этом: *Добиаш-Рождественская О.* Западные паломничества в средние века. Пг., 1924. В качестве примера назовем паломничество последней трети XVI века польского князя Николая Радзивилла Сиротки, описанное им самим и дважды переведенное на русский язык в XVII и XVIII веках: из-за болезни польский магнат также дал обет совершить паломничество в Иерусалим, по разным причинам откладывавшееся в течение нескольких лет. В эпоху русского Средневековья, в XVII веке, обетное паломничество совершил купец Василий Гагара (Хождение Василия Гагары) и Василий Полозов (Челобитная Василия Полозова). Первого на обет подвигли жизненные неудачи, второй поклонялся иерусалимским святыням, освободившись от турецкого плена.

¹⁸ *Ведерникова Н. М.* Соловецкие паломники // Святыни и святые северорусских земель: Сб. по материалам VII научной региональной конференции. Каргополь, 2002. С. 133–141. С. Е. Никитиной отмечено, что Соловки как сакральное место «больше всего осмысляются в народных рассказах о посещении монастыря по „обету“ или в надежде получить исцеление» (*Никитина С. Е.* Соловецкий монастырь и народная вера // Там же. С. 130).

¹⁹ Обратим внимание на переосмысление понятия «книга жизни» в рассказе Якова Ланшакова. Согласно Библии (Флп. 4: 3; Откр. 3: 5; 13: 8, 17: 8, 20: 12–15, 21–27), это книга, куда Бог вписывает имена праведников, которые наследуют вечную жизнь. А в видении крестьянина Якова — это люди из его окружения, которые вскоре, после видения, умерли.

²⁰ Об этом см.: с. 326, прим. 1.

²¹ «Программу» исполнения обета, как рассказывал Яков Ланшаков, озвучил сам Спаситель, отправив будущего странника в Нерчинск к мещанину Леонтию Леонтиевичу Забродину, который должен был довести его до Иркутска и представить «преосвященному»: «А владыку проси, чтобы онъ далъ тебѣ проводника въ С.-Петербургъ до Казанскаго собора, не объявляя ему о томъ, что ты имѣешь намерение слѣдовать въ Иерусалимъ, а скажи, что ты общаешься поклониться чудотворной иконѣ Божией Матери Казанской» (с. 327).

сходство съ тѣмъ лицомъ, какимъ изображается она на иконахъ Казанской Божией Матери» (с. 340). Учитывая, что иконография образа относится к типу Одигитрии (Путеводительницы),²² то в контексте рассказа Якова Ильича образ получает глубоко символическое значение: сама Богородица-Путеводительница побуждает его отправиться в путь,²³ способствует исполнению обета и помогает благополучно совершить богомолье в Иерусалим.²⁴

Специалисты, исследующие жанр видений, отмечают особую роль в них Божией Матери и Николая Чудотворца, которые, выступая заступниками, помогают решать проблемы героя.²⁵ В развитии паломнического сюжета Сказания Якова Ланшакова образ Николая Чудотворца тоже актуален. Так, в одном из видений крестьянину являлся сам чудотворец, требуя от него искупления греха за то, что тот продал его икону идолопоклоннику (с. 319): побуждаемый святителем Николаем к покаянию, Яков Ильич горячо молился, тогда ему и было видение самого Творца, отправившего крестьянина в Иерусалим. В образе солдата приходил чудотворец Николай в другом видении Ланшакова, когда в одну из ночей тот оплакивал свои неудачные попытки отправиться в Святой Град, и ситуация разрешилась в пользу визионера (с. 335–336). Таким образом, реализацию паломнического сюжета в Сказании организует не только череда событий, связанных с темой паломничества, но и образная система повествования, которая углубляет его и проявляет не всегда очевидные смыслы.

Богомолье в Иерусалим Яков Ланшаков предпринял дважды: первый раз «не двинувшись съ мѣста»: «Яснѣ же сказать: путешествие это совершалось въ видѣнии» (с. 327). Второй раз — наяву, когда на пути в Иерусалим и обратно рассказчик остановился в Киево-Печерской лавре. Ни полносюжетного рассказа о пути к Иерусалиму, ни описания самого города, его окрестностей и главной святыни — храма Гроба Господня, т. е. традиционных описаний, составляющих содержание паломнического текста, в Сказании нет. Однако есть описания отдельных ситуаций, образы и темы, характерные для паломнического текста и являющиеся для него константными. Так, из рассказа Якова Ильича о его мысленном паломничестве читатель знает, что, выходя из Петербурга, он встретил группу людей, идущих в Иерусалим, и продолжил путь с ними (с. 329). Для жанра видений это сообщение не имеет содержательной нагрузки, но актуально для реализации в Сказании паломнического сюжета: в нем отражена практика странствования на Святую Землю из Руси группами, или «дружинами»,²⁶ о чем известно еще со слов игумена Даниила. Сохранилась она и в Новом времени.

Также в тексте говорится о трудностях дороги, которых не вынесли попутчики Ланшакова, и сообщается о его приходе к Иерусалиму.²⁷ Обобщая свой рассказ о видении, повествователь свидетельствовал: «Оно кончилось, какъ казалось мнѣ, обыкно-

²² Кратко об этом см.: *Чугреева Н. Н.* Казанская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. 29. С. 198–199. Там же см. библиографию вопроса.

²³ Показательны слова, которыми покойная мать упрекала рассказчика, откладываявшего начало богомолья: «...очень прискорбно, что ты съ давнихъ лѣтъ далъ обѣтъ сходить въ Иерусалимъ, но былъ удержанъ от того начальством, не изъявлявшимъ своего согласія на то. Теперь же, когда получилъ ты увольнение на слѣдование твое туда, скажи, что тебя еще удерживаетъ?» И, как следствие этого видения, решение Ланшакова: «Въ тотъ же день оставилъ родину свою, пустился въ дорогу...» (с. 340).

²⁴ В том, что дорога к Иерусалиму была спокойной, рассказчик видел участие Царицы небесной, спасшей Якова Ильича в лесу от встречи со сбжавшими каторжниками (с. 340).

²⁵ Подробнее об этом см.: *Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра «видений») // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 148.

²⁶ Параллельно этому сообщению крестьянина Ланшакова может быть ситуация, описанная в Житии Феодосия Печерского, когда будущий святой, мечтая о паломничестве в Иерусалим, ушел из отчего дома вместе с группой паломников, проходивших через Курск.

²⁷ Концепт «пути» занимает особое место в паломнической литературе и является обязательным элементом паломнического текста. Преодоление пространства можно рассматривать и как способ испытания богомольца, достигаемая им цель — Иерусалим — награда. Отметим, что и в апокрифических «хождениях», как, например, Хождение Зосимы к рахманам, описание трудностей пути занимает значительную часть повествования и несет на себе не только смысловую нагрузку, но и становится важным структурным элементом текста.

веннымъ порядкомъ, то есть въ путешествии этомъ проходилъ я разныя по пути лежавшия мѣста и посѣщаль нѣкоторыя лица, вель съ ними о чемъ нужно было разговоры и быть очевидцемъ многихъ произшествий, неизбѣжныхъ въ каждомъ путешествии» (с. 327). В видении Якова Ланшакова Иерусалим — это *образ* Небесного Царствия, Нового Иерусалима,²⁸ символом которого становится древо. Остановимся подробнее на этом эпизоде Сказания.

В видении Ланшакова, «когда святыи градъ сей началъ все болѣе и болѣе показываться» в нескольких шагах от него, визионер был остановлен обращенным к нему голосом, доносившимся из чудесного дерева. В первый момент рассказчик его не узнал, а затем, «припомнивъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ пречистою плотию своею былъ распятъ на крестѣ, составленномъ изъ трехъ деревъ, началъ я кричать: „Это певга, кедръ и кипарисъ!“» (с. 331). Читателей Сказания, как и слушателей Якова Ильича, эта реплика отсылала к церковному преданию о Животворящем древе. Сюжет о древе, из которого был сделан Крест для распятия Спасителя, в нескольких апокрифических версиях был известен еще в книжности русского Средневековья. Его в своих паломнических рассказах приводили отечественные писатели-паломники начиная с XII века, с игумена Даниила, так как, по преданию, на месте произрастания древа был основан монастырь Святого Креста, входивший в паломнический маршрут богомольцев с древних времен.²⁹ В Сказании Якова Ланшакова, на наш взгляд, этот сюжет, переданный, как и у средневековых писателей-паломников, в форме топографической заметки, олицетворяет собою и главное событие Евангелия — невинную жертву, распятого Христа, местам жизни и страдания которого в Палестине и приходили поклониться богомольцы разных времен, что предсказывал пророк Исайя: «Слава Ливана придет к тебе, кипарис и певг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего» (Ис. 60: 13).

Образ древа в Сказании оказывается полисемантическим. Его красота, по словам Ланшакова, «составляет важность только второстепенную», главное — «сияние или свѣтъ», исходившее от трех лиц, увиденных визионером в древесной кроне, которые «окружены были такою славою несказанною и сияниемъ поразительнымъ», а лица были подобны «человѣческимъ по очертанию» (с. 331). Эти детали рассказа сибирского крестьянина заставляют вспомнить о другой палестинской святыне — дубе Мамврийском, под которым, согласно Библии, Авраам принимал трех ангелов, явившихся ему в образе странников, и предложил им «отдохнуть под сим деревом» (Быт. 18: 1–4). Посещение Мамврийского дуба также входило в маршрут богомольцев по Святой Земле, о чем еще с XII века известно по тексту Хождения игумена Даниила, где впервые в истории отечественной паломнической литературы эта хевронская святыня была описана. В XIX веке в память об этой ветхозаветной встрече среди богомольцев получили распространение реликвии-сувениры, представлявшие собою спил дуба, на котором изображалась Святая Троица.³⁰ По свидетельству архимандрита Леонида (Кавелина), с помощью проводников паломники также добывали себе на память реликвию от Мамврийского дуба: отрезали от него сучья или отламывали куски коры.³¹ Свою «реликвию» от древа в видении получил и наш повествователь — «небольшой уломокъ отъ сияющей коры того чуднаго дерева или кусокъ вѣтки». Нереальность происходящего подчеркивало замечание визионера о том, что «вещь эта неосязаема для рукъ плотскихъ» (с. 332).

О реальном посещении Ланшаковым Иерусалима и храма Гроба Господня становится известно только из «Дополнения» к Сказанию: два фрагмента этой части

²⁸ См. об этом: *Рождественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 11.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Федорова И. В.* Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII–XIX вв. I. Апокрифы о Крестном древе // Русская литература. 2012. № 3. С. 88–107.

³⁰ Об этом см.: *Юхименко Е. М.* «Для памяти и благословения»: вещественный мир русского паломника // Тысяча лет русского паломничества: Каталог. М., 2009. С. 30.

³¹ *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности: Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 493.

произведения напрямую связаны с богомольем Якова Ильича в Иерусалим. Из первого «Дополнения» узнаем о посещении странником храма Гроба Господня, но вместо рассказа о нем повествователь сосредоточился на «стенном писании» с картинами Страшного суда и архангела Михаила, в изображении которого паломник узнал «путеводителя моего по мѣстамъ мучений» (с. 346). Под «местами мучений» Ланшаков понимал свое видение загробного мира, которым начинается его Сказание (с. 307–317). Таким образом, тема Страшного суда объединила в себе обе сюжетные линии рассказа сибирского крестьянина — паломническую и видений.

Реальное странничество Ланшакова в Иерусалим в Сказании отражено и в рассказе о схождении Благодатного огня на гроб Господень в Великую субботу. Стать свидетелем этого чуда в храме Гроба Господня стремились все паломники, проводившие в Иерусалиме Великий пост, поэтому рассказ о Великой субботе является обязательной частью паломнического текста XII–XIX столетий. Исполнок веков христиан волновал вопрос и о том, как происходило это таинство, в каком «образе» сходил Свет небесный? Еще игумен Даниил опровергал личным свидетельством бытовавшие в его времена слухи о том, что Свет небесный на гроб Господень сходил голубем или молнией, уверяя, что «то есть лжа и не правда: ничтоже бо есть не видѣти тогда, ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходитъ съ небеси благодатию Божию». ³² Яков Ланшаков свидетельствовал, что сперва видел небольшое облако, затем ему казалось, «будто пролѣтель голубь бѣлый, какъ снѣгъ», а Благодатный огонь сошел «наподобие свѣтлой капли, свѣтомъ своимъ похожей на свѣтъ луны» (с. 347); у других писателей-паломников такого сообщения ранее не встречалось. ³³ Иеромонах Алипий, обрабатывая записи рассказа сибирского крестьянина, сожалел, что не расспросил Ланшакова о том, «въ какомъ расположении духа былъ онъ въ Иерусалимѣ и какия чувства преобладали имъ тогда», но тут же оговорился, что почитал себя «отчасти <...> вознагражденнымъ тѣмъ, что слышалъ отъ другихъ» (с. 346). Под «другими» иеромонах, очевидно, понимал не только богомольцев, посещавших лавру на пути из Иерусалима и рассказывавших о своих странничествах, но и лаврских монахов, также совершавших богомолье на Святую Землю: некоторые из них оставили об этом воспоминания. ³⁴ И так как паломнические описания содержательно однотипны, то рассказ о схождении Благодатного огня был в них одним из наиболее востребованных и интересных. ³⁵

Бинарную природу Сказания Якова Ланшакова лучше всего отразил заголовок списка Троице-Сергиевой лавры — «*Видения и путешествие во Иерусалим какого-то заводского крестьянина Иакова*» (л. 408; курсив мой. — И. Ф.). Тогда как в опубликованном тексте Валаамского списка повествование, помимо заголовка «Страшныя видѣния, бывшия крестьянину Восточной Сибири Якову Ильичу Ланшакову», имеет еще и подзаголовок: «Сказание, списанное со словъ казеннаго заводскаго крестьянина Восточной Сибири, Нерчинскаго горнаго округа, Аргутинской волости, села Манкечерскаго Якова Ильича Ланшакова, о бывшихъ ему во время болѣзни его видѣнияхъ то въ тонкомъ снѣ, то въявѣ. Причемъ подробно списаны показанныя ему мѣста адскихъ мучений, начатки которыхъ испыталъ онъ надъ самимъ собою, и о проч.» (с. 303). Если в обеих частях заголовочного комплекса Валаамского списка внимание акценти-

³² Житье и хоженье Даниила русьскыя земли игумена. 1106–1108 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1885. С. 126–127 (Православный Палестинский сборник. Вып. 9).

³³ См. сообщения об этом разных писателей-паломников, собранные Ф. М. Авдуловским: *Авдуловский Ф. М. История Святого Огня, исходящего от Гроба Господня и Спаса нашего Иисуса Христа, или День Великой Субботы в Иерусалиме на Гробе Господнем, по сказаниям древних и новых путешественников*. М., 1883.

³⁴ Обратим внимание на одно из таких богомолий, хронологически близких паломничеству Якова Ланшакова, предпринятое иеромонахом Киево-Печерской лавры Иерофеем, о чем известно по его описанию. См.: Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Киево-Печерской лавры иеромонаха Иерофея в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863.

³⁵ Свидетельством этого является глава «О Свете небесном, како сходит на гроб Господень» из Хождения игумена Даниила, которую книжники разного времени переписывали отдельно от всего памятника. Подробнее об этом см.: *Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст.* // *Летопись занятий Археографической комиссии*. СПб., 1884. Вып. 7. С. 94.

ровано на видениях сибирского крестьянина, то в списке Троице-Сергиевой лавры обе сюжетные линии уравновешены. Этому, на наш взгляд, способствуют и особенности текста Сказания в этом списке. Как отметил А. В. Пигин, оно сокращено и кратко пересказано (с. 401),³⁶ в результате этого некоторые подробности повествования оказались опущены, а паломническая тема «зазвучала» сильнее. Хотя соединение в одном повествовательном поле видений с другими жанрами не является уникальным примером, Е. К. Ромодановская писала, что жанр видений может «оттеснять все другие жанры», т. е. доминировать в произведении, или как «малая форма» играть «лишь вспомогательную роль в больших сочинениях».³⁷ В случае со Сказанием Якова Ланшакова, на наш взгляд, обе формы уравновешивают друг друга, рождая произведение, одинаково интересное и для истории жанра видений, и для паломнической литературы.

Для истории русской паломнической литературы Сказание Якова Ланшакова показательно несколькими моментами. Во-первых, оно продолжает традицию народных богомолий и их описаний, оформившуюся еще в эпоху Средневековья. Среди произведений того времени есть и такие, которые, как и рассказ сибирского крестьянина, записаны со слов богомольцев: это Хождение Арсения Солунского³⁸ — памятник XV века, а от начала XIX века сохранилось повествование о паломничестве 1819 года девицы Анны Алексеевны, записанное «от ее уст» священником Кондратом.³⁹ Во-вторых, речь идет о богомолье в Иерусалим из отдаленного от паломнических путей Нерчинского округа Иркутской губернии, откуда, судя по реакциям разных людей на сообщение Якова Ильича о стремлении посетить Святую Землю, богомольцев в первой половине XIX века не было. Показательна реакция самого сибирского крестьянина на слова «глаголавшего» ему о паломничестве: «Господи! Да какъ возможно мнѣ исполнить это? Страна эта малослыханная у насъ, далека, за морями и границами. Да и какъ мнѣ, челоуѣку простому, казенному суцу крестьянину, приступить къ такому предпріятию? А если бы и рѣшился на это, то кто мнѣ путь туда укажетъ?» (с. 327). Нестандартность ситуации подчеркивает и реакция управляющего заводом на просьбу крестьянина отпустить в Иерусалим: «...немало удивлялся такому требованию моему, едва ли когда слыханному в нашей сторонѣ» (с. 335). Его ответ просителю не менее показателен: «Иди-ка, братъ, домой да дома молись Богу — везде Иерусалим» (с. 334). А иеромонах

³⁶ Добавим, что автором изменений текста Сказания в списке Троице-Сергиевой лавры следует считать послушника Киево-Печерской лавры А. Суспежского, переписавшего его с рукописи иеромонаха Алипия 18 августа 1854 года, как об этом сообщает запись на л. 428 об. И хотя рукопись из собрания Троице-Сергиевой лавры — конволют, содержание позволяет связать ее происхождение с Киево-Печерским монастырем. Большую часть сборника занимают агиографические произведения, посвященные подвижнической деятельности насельников обители разного времени: от патериковых рассказов, выписанных из Киево-Печерского патерика, памятника XIII века («Из патерика Киево-Печерскаго» (л. 1–41)), до житийных описаний XIX столетия. Назовем некоторые из них: «Сказание о жизни Феофила, иеросхимонаха Китаевской пустыни, принадлежащей Киево-Печерской лавре» (л. 263–319), краткое «Сказание о жизни схимонаха Киево-Печерского монастыря Лаврентия» (л. 362–370), «Жизнеописание иеросхимонаха Киево-Печерского монастыря Михаила» (л. 371–375), «Сказание (краткое) о жизни схимонахини Евфросиньи, „по фамилии Михановской“, жившей при Киево-Печерской лавре» (л. 376–386), а также «Чудеса от мощей в Киево-Печерской лавре» (л. 440–459 об.) и др.

³⁷ Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях. С. 144.

³⁸ Существует предположение, что Арсений был греком, родом из Салоник, прожил в Иерусалиме 17 лет и прибыл в Москву в составе монастырского посольства для сбора милостыни. В Москве (или Новгороде) при допросе он рассказал о святых местах, и его рассказ, переданный переводчиком по-русски, был записан дьяком или подьячим (см. об этом: *Соболевский А. И.* Два слова о «Хождении» Арсения Солунского // Известия Отделения русского языка и словесности. Пг., 1915. Т. 20. Кн. 1. С. 289). Большинство списков, сохранивших Хождение Арсения Солунского, содержат фразу, указывающую на устное происхождение текста: «Се азъ, раб Божий смиренный Арсеній дьяконъ Селуня града <...> и то все вамъ, братие, истину *изреку* предъ Господомъ Богомъ. Всю Тайну свою скажу, а не солгу ни мало...» (ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 859. Л. 482).

³⁹ Подробнее см.: *Федорова И. В.* «Путешествие в Иерусалим девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны» (РНБ, собр. Титова А. А., № 1307) в контексте русской паломнической литературы // Сборник материалов IX Чтений по истории и культуре Древней и Новой России. Ярославль, 25–27 сентября 2014 года. Ярославль, 2016. С. 244–263.

Алипий, записавший рассказ Ланшакова, называл его странничество «малослыханным подвигом» (с. 304), что, вероятно, обусловлено как дальностью и трудностями пути, пройденного сибирским крестьянином, так и тем, что само странничество воспринималось как духовный подвиг ради постижения премудрости Божией.

В этой связи обратим внимание на то, что в Сказании рассказчик последовательно называется «странником» или «странником Ланшаковым». А сам повествователь обозначает свои передвижения, наряду с путешествием, *странствованиями*, что также подчеркивает роль паломнического сюжета и отсылает к другому произведению XIX века, ставшему излюбленным чтением православной России, — «Откровенным рассказам странника духовному своему отцу». В настоящей статье мы не ставим задачу типологического сопоставления этих произведений, но обратим внимание на формальные моменты, позволяющие говорить об их сходстве. В «Откровенных рассказах...» герой-повествователь тоже отправляется в паломничество в Иерусалим, который, по мысли исследователей произведения, становится целью всех его странствий по России и Сибири.⁴⁰ Но если паломничество странника в Иерусалим должно было стать финалом его земной жизни,⁴¹ то богомольем крестьянина Ланшакова его жизненный путь не заканчивался, хотя именно оно давало ему надежду на жизнь вечную — быть записанным в «животную книгу». Напомним и о том, что герой «Откровенных рассказов...» — крестьянин, как и Яков Ильич, побывал в Иркутске и молился у мощей прп. Иннокентия Иркутского,⁴² а странничество его начиналось от Киево-Печерской лавры. Оба произведения сближает и их устная природа, и история бытования: тексты распространялись в рукописных копиях.⁴³ И хотя Сказание, в отличие от «Откровенных рассказов...», в свое время не было опубликовано, его «душеполезность» отмечалась одним из слушателей Ланшакова — митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), который считал нужным «все это списать да напечатать» (с. 344). Особенности Сказания, как мы пытались показать, позволяют говорить о его соответствии традиции паломнических описаний. Продолжение литературной традиции средневековых «хождений» некоторые исследователи видят и в «Откровенных рассказах...»,⁴⁴ а святитель Игнатий (Брянчанинов) рекомендовал их паломникам, считая, что это произведение может стать им «духовной пищей в пути».⁴⁵ Таким образом, Сказание Якова Ланшакова, как и «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», могут быть рассмотрены еще и как один из образцов русской духовной литературы XIX столетия.

Обобщая наши наблюдения над Сказанием Якова Ланшакова, еще раз отметим, что паломнический сюжет становится сквозным в произведении и реализуется двояко — и как паломничество по русским святым местам, и как богомолье на Святую Землю. На разных уровнях проявился он и в тексте произведения: через последовательность описанных событий, образную систему, темы и мотивы. Характерный для произведения «сюжетный параллелизм», при котором сначала событие показано рассказчику в видениях, затем аналогичный опыт он переживал в реальной жизни, является тем структурным элементом, который также повлиял на двоякую природу повествования и способствовал гармонизации жанра видений и паломнического рассказа в Сказании Якова Ланшакова.

⁴⁰ *Басин И. В.* Образ Небесного Иерусалима в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу» // Иерусалим в русской культуре. С. 219.

⁴¹ Об этом см.: Там же.

⁴² Об этом см.: *Паусий, игумен.* Вместо предисловия // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1883. С. 3.

⁴³ Подробнее о рукописных копиях «Откровенных рассказов...» см.: *Пентковский А. М.* История текста и автор «Откровенных рассказов странника» // Богословские труды. М., 2018. Вып. 47–48. С. 343–448.

⁴⁴ *Басин И. В.* Образ Небесного Иерусалима в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу». С. 221–222.

⁴⁵ *The Way of a Pilgrim and The Pilgrim Continues His Way / Transl. from the Russian by O. Sivin.* Shambhala Publications, 2001. С. VII–VIII.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-109-114

© С. Г. Тамбовцева

**МОРДОВСКИЙ СЛЕД В ДУХОБОРЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ:
ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ***

Инородческое влияние на религиозные течения Поволжья и Тамбовщины пока мало изучено. В настоящей работе оно будет рассмотрено в контексте колониальной истории — как точка пересечения двух обычно не пересекающихся процессов — внешней и внутренней колонизации. И та, и другая касались населения территорий, на которых возникло духоборчество. Если внутренняя колонизация¹ выражалась в низведении еще недавно свободных служилых людей до положения тяглого сословия, то внешняя — в христианизации и закреплении инородцев бывшего южнорусского фронта.

Известно, что в конце XIX — начале XX века духоборцы мордовского² происхождения не до конца ассимилировались и держались особняком в закавказской общине, говорили друг с другом и знали «некоторые псалмы и стишки» только на мордовском языке.³ Наша информантка из села Архангельское Тульской области, которая родилась в грузинской деревне Гореловка, рассказывала, что духоборцы, вышедшие из мордвы, жили в соседней деревне Спасовка. По воспоминаниям ее старших родственников, между собой пожилые спасовские духоборки говорили по-мордовски, сидя на завалинке и покуривая, а их костюм отличался яркими цветами, в первую очередь характерным красным.⁴

От одного из мордовских духоборцев, выходца из той же Спасовки Николая Назарова, В. Д. Бонч-Бруевич записал в Канаде легенду «о Тюхтянь-боге»⁵ — персонаже, которого можно соотнести с героем мордовского эпоса царем Тюштя. Эта легенда, не в пример другим духоборческим нарративам, подробно повествует о прошлом мордовских духоборцев. В данном варианте мудрый правитель Тюхтянь предстает борцом с идолопоклонством. В старости он прощается с народом и, несмотря на просьбы остаться, отправляется в путь, сопровождаемый старшинами и почетными старичками. Попиравав с ними, Тюхтянь вновь садится на коня, отпускает старшин к народу, а старичков, сопровождающих его пешком «для почета», по одному отправляет за недопитой бутылкой кумыса, которую никто из них не может взять и принести — «стол к земле прирос, а бутылки и стаканы к столу приросли».⁶ Это удается сделать лишь последнему, четвертому старичку. Вернувшись, они не застают Тюхтяня и только видят следы его коня, которые поднимаются вверх к вершине дуба, где виднеются

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90020 («Религиозный фольклор духоборцев: история и ритуальный контекст») на базе ИРЛИ РАН. Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90020 («Doukhobor Religious Folklore: History and Ritual Context»), based at the IRLI RAS.

¹ Подробнее об этом см.: *Ethind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011.

² Мы используем этноним «мордва», поскольку непонятно, к какой из групп: мокша, терюхане или эрзя, — принадлежали финно-угорские духоборцы, о которых идет речь. По той же причине нет возможности употреблять и самоназвания.

³ *Ольховский Владимир* [В. Д. Бонч-Бруевич]. Заметка об устной духоборческой литературе. II. Духоборческая легенда о Тюхтянь-боге. [1904, 1905] // НИОР РГБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич). Карт. 40. № 8. Л. 25 об. Эта вторая часть единицы хранения представляет собой корректуру с авторской правкой. Указанный в конце текста псевдоним Владимир Ольховский раскрыт от руки в скобках: «(Владимир Бонч-Бруевич)». Нам не известно, была ли статья напечатана, так как обнаружить следы данной публикации в библиографиях Бонч-Бруевича не удалось. Далее ссылки на нее даются сокращенно: Заметка об устной духоборческой литературе, с указанием номера листа.

⁴ Запись сделана в ходе экспедиции ИРЛИ РАН, состоявшейся 3–15 августа 2021 года и посвященной духоборцам-иммигрантам из Закавказья (проект «Религиозный фольклор духоборцев»). Все информанты анонимизированы из этических соображений.

⁵ Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 23 об. — 28 об.

⁶ Там же. Л. 27.

серебряные подковы: «Смотрят, и дуб кончился, а за дубом так, точно легкий дымок, облачко курится; дальше, больше, кверху да выше, — смотрят старички, и-и-и!.. Далеко-далеко, чуток виден, конь по небесам шествует, а Тюхтянь на коне сидит, да коня того направляет, с пути его не сворачивает. Дальше — больше, кверху да выше, и совсем пропал конь из глаз, только облачко этакое вьется за ним, как небесная пыль поднимается».⁷

Важным шагом в дальнейшем изучении взаимовлияния финно-угорского населения Поволжья и религиозного диссидентства стала книга И. А. Бессонова, посвященная эсхатологическому движению новокрещенного мордовского крестьянина Кузьмы Алексеева.⁸ Исследователь отметил ряд черт, которые сближают его проповедь грядущего мордовского царства с духовным христианством, прежде всего с молоканами и субботниками. Однако многие из этих параллелей можно отнести и к духоборцам, чьи мордовские корни обойдены вниманием в специальной литературе.

Так, очевидно, что их объединяет «оптимистическая», или «триумфалистская», как ее называет Бессонов, эсхатология — представление о грядущем конце света как о торжестве и царстве собственной группы. Вместе с тем трудно согласиться с мнением исследователя, что хилиастические представления и самоотжествление с Израилем не характерны для православия: политическая традиция Московского государства после Ивана III строилась вокруг идеи спасения Руси как единственного царства, которое хранит праведную веру после падения Константинополя, являясь также и новым Иерусалимом.⁹ Можно предположить, что актуализация идеи коллективного спасения носителей праведной веры и избранного народа может быть связана и с более широким контекстом раннего Нового времени.

При этом отмеченные явления были характерны именно для зоны русско-мордовских контактов. Там, где внутренняя колонизация смыкалась с внешней, дело не ограничивалось уже не раз отмеченным исследователями поражением однодворцев в правах.¹⁰ Как писал еще П. И. Мельников-Печерский, «...искони вольная Мордва, ради крещения, вернее сказать, ради обрусения поступила в частное владение служилых людей московского царства».¹¹

Есть основания полагать, что мордовские сюжеты, в которых мессианский образ избавителя Тюшти выходит на первый план, более поздние и развились под влиянием соответствующих русских легенд. Бонч-Бруевич склонен однозначно трактовать Тюхтяня как духоборческого вождя — легенда оказывается для него «ценна еще и в том смысле, что дает нам ясную картину взаимоотношений предков „духоборцев“ к своему руководителю».¹² Ее поздние версии отмечены также библейскими аллюзиями на «выступления народа против Моисея во время Исхода». Вместе с тем «в мокшанских преданиях мотив ухода предшественников современного мордовского народа вовсе редуцируется до таинственного ухода Тюшти перед смертью „неизвестно куда“ <...>, предполагающего возможность возвращения и соответственно окрашенного в социальное-утопические тона».¹³

При этом более ранние версии сюжетов о Тюште, по мнению Бессонова, сформировались под влиянием финно-угорского фольклора о древней чуди. Исследователь видит одно из подтверждений этой версии в обряде братчины в его честь, напоминающем поминки по древнему народу — и финно-угорские, и севернорусские. И предлага-

⁷ Там же. Л. 27 об.

⁸ Бессонов И. А. Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева. Мировоззрение, обрядность, историческая эволюция. СПб., 2015.

⁹ См. об этом: Rowland D. B. Moscow-The Third Rome or the New Israel? // The Russian Review. 1996. Т. 55. №. 4. P. 591–614.

¹⁰ См., например: Clay J. E. Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Blackearth Frontier: The First Heresy Trials of the dukhobors in the 1760s // Russian History. 2013. Vol. 40. № 2. P. 221–243; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

¹¹ Цит. по: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 33.

¹² Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 28.

¹³ Бессонов И. А. Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуди // Традиционная культура. 2016. №. 4. С. 60.

ет соответствующую этимологию имени Тюштя — «чудской старейшина».¹⁴ Другие известные варианты легенд о Тюште заканчиваются тем, что, избегая завоевания, мордовский князь уводит свой народ в далекие земли — тогда как у духоборцев правитель уходит один, а его учение чтут безымянные мученики.

Бессонов сравнивает движение Кузьмы Алексеева с нативистскими и милитаристскими религиозными движениями: например, реакцией коса на христианизацию Конго и карго-культами Меланезии. Колониальный аспект европейской экспансии выходит здесь на первый план. Эти и схожие случаи зачастую объединяет эсхатологический характер проповеди, нативизм и отождествление группы с Израилем как с избранным народом. Но отличительной чертой мордвы, как утверждает исследователь, является то, что ее культурная дистанция с русскими колонизаторами была невелика: «мордва практически не отличалась от русских крестьян по социальному положению и образу жизни» и была «наиболее русифицированным народом Поволжья».¹⁵ Именно поэтому, полагает Бессонов, движение Кузьмы Алексеева было единичным явлением, а в ходе экспансии возникали предпосылки, скорее, для присоединения мордвы к русским сектам.¹⁶ Духоборчество в их ряду не перечислено, хотя и упоминается о большом влиянии мордовской культуры на молоканство. Однако можно предположить, что случай духоборческой мордвы, менее заметный еще и за скудостью опубликованных материалов, остался невидимым именно по причине плотного и длительного взаимодействия с собственно русским окружением, не приведшего к полной ассимиляции мордовского элемента, но породившего группу, для которой доминирующей стала духоборческая самоидентификация.

Характер этого взаимопроникновения может быть раскрыт с помощью ряда примеров. Так, среди заговоров, до сих пор бытующих в духоборческой среде, нам удалось записать «мордовскую молитву», которой лечит от сглаза духоборка-певчая из села Архангельское Тульской области, родившаяся, как и предыдущая информантка, в деревне Гореловка, в Грузии. Для этой молитвы характерен высокий уровень «семантической темноты» — сама исполнительница может объяснить значение только последнего слова: «„Инкельтас“ — это значит „выходи“!» Тем не менее начало заговора, без сомнения, является обращением к «лихорадка», чьи славянские названия образованы по распространенной модели при помощи форманта «-ица» (окационально расширенного до «-орница»): «териборница, дякорница, мукорница» (ср. «трясовица», «притошница», «полуночница»). Слово «териборница», возможно, восходит к глаголу «теребить» (и является параллелью к названию «трясовица»). Этимология слова «дякорница» не поддается однозначной интерпретации. Однако оно вызывает ассоциации со словом «дяконица», переосмысленным по устойчивой модели образования имен лихорадок. В качестве предположения можно было бы говорить о том, что в заговоре отразилась демонизация низшего духовенства. Наконец, обозначение «мукорница» образовано с использованием мордовского корня «мукор», который фонетически близок слову «мука», и славянского форманта.

Согласно рассказанной Николаем Назаровым легенде, отбытие Тюхтяня предшествует нарастающему влиянию «московского царства», представителями которого являются названные им «мотылями» православные миссионеры. Бонч-Бруевич записал объяснение этого слова, апеллирующее к его внутренней форме: «священники да монахи, это и есть мотыли, — по свету они мотают, людей пугают; древоделию, рукоделию заучают, на то и молятся».¹⁷ Их стратегия аккультурации входит в противоречие с истинным идолборческим обычаем, завещанным Тюхтянем, — хоть «мотыли» и пытаются использовать его образ в своих целях:

«Мотыли принесли доски, накрашили доски разнокрасьем и стали народу говорить:

— Ваш Тюхтянь на небо уехал, образ свой нам прислал и через нас вам послал на поучение, да на смирение.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Бессонов И. А. Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 157–158.

¹⁷ Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 28.

Многие из наших предков поверили этим темным речам и стали доскам тем кланяться, а Тюхтяня за Бога почитать. На досках тех нарисован был прекрасный юнош; на коне сидит, по облакам скачет».¹⁸

Описывая мордовское население Российской империи в XIX веке, Мельников-Печерский счел нужным развеять распространенное представление об идолопоклонстве некрещеной мордвы как «совершенно несправедливое».¹⁹ Кроме того, он отметил всепроникающее влияние христианства в обрядах терюхан, мокшан и эрзи: «Как славяне, приняв христианство, приручили своего громовержца Перуна к Илье Пророку, а Волоса, скотьего бога, к Св. Власию и т. д., так точно и Мордва приручила свои божества к христианским святым еще до принятия христианской веры. Самого Чам-Паса, своего верховного бога, Мордва отождествила с Господом Саваофом и в молитвах к нему называла его „Свят Господь Саваоф“».²⁰

Г. А. Корнишина отметила, что, реконструируя мордовскую мифологию, Мельников-Печерский «подгонял» ее под «библейский образец».²¹ Как агента государства его, безусловно, нельзя назвать самым надежным источником, однако по той же причине трудно заподозрить в стремлении, по крайней мере, сознательно, христианизировать верования инородцев. Скорее, с учетом длительного сосуществования на одном культурном фронтире, сама задача приписать этим группам наличие в их ритуальном обиходе оставшихся в неприкосновенности архаичных сюжетов обречена на неудачу.

Можно также предположить, что именно стратегия аккумуляции породила эффект автокоммуникации, на котором, согласно А. Л. Львову, строится герменевтика духовных христиан.²² Так, по мнению Бонч-Бруевича, в духоборческой легенде описание Тюхтяня восходит к иконографии Георгия Победоносца,²³ а то, как герой посекал идолов, уподобляет его православному крестителю.

Образ Тюхтяня вбирает в себя черты Христа и Моисея. А в конце своей легенды Николай Назаров стремится интегрировать еще и нарратив о духоборческих мучениках. По схожей модели в проповеди Кузьмы Алексеева выстраивается собственный образ мессии: для мордовского пророка, как и для духоборцев, особенно важна идентификация с царем Давидом, так как именно он будет вершителем судеб на Страшном суде.

Псалом «Исповедание духоборцев» отсутствует в «Животной книге», но часто читается до сих пор: «...мы так признаем пришествие Его во плоти, что все не содержится в Евангелии, а должно совершиться у нас таким образом, что сам Иисус Христос должен у нас зачатся и родиться, возрастать и учить, страдать и умереть, и воскреснуть и вознестися...»²⁴ Согласно эсхатологическому учению Кузьмы Алексеева, Страшный суд произойдет в мордовском святилище у ключа Рахлейке,²⁵ после чего все люди будут носить мордовскую одежду.

След мордовской ритуальной культуры, связанной с почитанием деревьев в сакральных локусах, можно увидеть и в духоборческой легенде. В ней упоминается, что дуб, по которому конь Тюхтяня взобрался на небо, стал впоследствии местом паломничества. Люди начали ходить к этому дубу в ожидании возвращения Тюхтяня из «вышних долин» — ведь перед тем, как спуститься на землю, ему понадобится подковать своего коня серебряными подковами: «Подивился народ, замутился, подхватились братья и сестры, и старый и малый, все как есть к тому дубу пошли, а дуб тот двести лет на земле

¹⁸ Там же. Слово, выделенное курсивом, вписано от руки.

¹⁹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. С. 44.

²⁰ Там же. С. 59. Ср. формулу «Свят Господь Саваоф» в молоканских псалмах.

²¹ См.: Корнишина Г. А. Обрядовая культура мордвы в отечественной историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 2 (26). С. 33.

²² Подробнее об этом см.: Львов А. Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011. С. 50–53. В своей монографии исследователь применяет лотмановский термин к восприятию Библии крестьянами XVIII века.

²³ Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 28.

²⁴ Текст записан со слуха в конвенциональной орфографии. Экспедиция в рамках проекта «Лингвистические идеологии закавказских духоборцев», 15 июня — 29 августа 2016 года, деревня Гореловка, Грузия.

²⁵ Бессонов И. А. Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева. С. 27.

стоит. <...> И стали говорить в народе, что нужно Тюхтяня у того дуба ждать. С тех пор к тому дубу народ бесперечь день и ночь идет, Тюхтяня ждет, на подковы чиста серебра поглядывает, потому сказано было им, как приедет Тюхтянь из вышних долин, из неведомых краев, должон Тюхтянь коня подковать, подковы чиста серебра коню дать».²⁶

Интересно, что в период жизни в Закавказье духоборцы продолжали наделять деревья сакральным смыслом.²⁷ Поэтому они росли в особых местах, например, на территории так называемого Сиротского дома, где жили руководители общины и проводились моления. Так, упомянутая ранее духоборка, переехавшая из грузинской Гореловки в Россию, с недоумением вспоминала о запрете сажать деревья: «И притом еще что, вот так! Обрати внимание — деревья. Это я уже в Гореловке это все узнала. Около Сиротского дома — яблоки, около Сиротского дома — ивы, и старые ивы притом очень, выломались, поросль пошла, выросли еще ивы. Каревы сады — над речкой... и одно дерево в селе было у Тереховых, Гриши Терехова. Всё! Почему? Не положено сажать. Мы — люди простые, вот Сиротский дом — там положено, святое место, а простым людям не положено, вот как это?»²⁸

Конечно, между духоборческими садами и мордовскими святынями можно предполагать лишь весьма отдаленную и непрямую связь. Однако именно контактом с финно-угорским населением Поволжья объясняются многие характерные практики духоборческой общины. Например, еще в 1880-е годы В. Н. Майнов отмечал склонность к заключению браков между мордовским населением и религиозными диссидентами: «Браки с раскольниками, и в особенности с теми, которые принадлежат не к догматическим, а к так называемым буквенным сектам, очень желательны мордве, по той простой причине, что раскольники живут очень зажиточно и во всяком случае гораздо зажиточнее православных; со своей стороны и раскольники довольно охотно выдают своих дочерей и женят сыновей среди мордвы, как вследствие того, что мордва очень склонна к прозелитизму, так и потому, что раскольники весьма ценят мордовскую охоту к труду».²⁹

Проводы старого года, отмечаемые у духоборцев гулянием со «свечками» (факелами), напоминают мордовский обряд. Ср.: «Один из любимых мордвой праздников — Новый год. <...>. В этот день (накануне Нового года. — С. Т.) прощаются со старым годом: делают факел (в какую-либо посуду кладут золу, добавляют керосин и поджигают) и ходят вокруг деревни. Таким образом, прощаются со старым годом и, как говорят информаторы, прогоняют чертей, сжигают все беды».³⁰

Значимым и всеобъемлющим является отсутствие в духоборческом ритуальном обиходе креста. До самого последнего времени у духоборцев не было ни нательных крестов, ни крестного знамения, ни крестов на могилах. Более того, некоторые черты духоборческой традиционной культуры напоминают о пограничном положении мордвы, наряду с обрусением подверженной отатариванию. Так, духоборческие надгробия традиционно обращены на внешнюю сторону. Современные духоборцы, переселившиеся в Россию, рассказывают об удивлении местных работников ритуальных агентств, сравнивающих их с мусульманами. Сюда же можно добавить и практику молений на открытом воздухе, в частности, на кладбище (на «могилочках»), распространенную в Закавказье.

Это заставляет предположить значительное, но неуловимое влияние мордвы на формирование духоборческой ритуальной и текстуральной культуры. Материальная культура (например, пока не вполне изученная традиция духоборческой вышивки) тоже могла бы стать источником интересных открытий в этой области.

Записанная от Николая Назарова легенда о Тюхтяне повествует и о множестве безымянных страдальцев за веру среди мордвы: «И вот мы, — то есть наши предки, <...>

²⁶ Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 27 об.

²⁷ Отметим также старое «дендрологическое» название Спасовки — деревни, где обосновались духоборцы мордовского происхождения, — Дубовое.

²⁸ Записано в селе Архангельское Тульской области (экспедиция ИРЛИ РАН, проходившая с 3 по 15 августа 2021 года).

²⁹ Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 62.

³⁰ Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Авдошкина Н. Н., Савка В. П. Мордва Дальнего Востока. Саранск, 2009. С. 227.

не приняли новых идолов от мотылей, за что и пошла на нас всякая стражда. Очень мучали наших предков за эти дела: живых резали, огнем жгли, в столбы сажали, голодом и холодом морили. Долго мучили нас так. С тех пор вот и зачалось в нашем народе духоборчество». ³¹ С подобными преданиями о первых духоборцах этнографы встречаются и сегодня: «Наши (предки) в столбах сидели, мхом зарастали, выработывали закон». ³²

Интересно, что «столб» — это легендарное место пленения царевича-избавителя. К. В. Чистов выделяет его как один из вариантов мотива заточения: «D. „Избавитель“ скрывается, странствует или оказывается в заточении. Варианты: <...> D3 — заточен в тюрьму («закладен в столб»)). ³³ Так, например, согласно одной из легенд, Петр II был заточен в столбе в Италии. ³⁴ Именно это наказание остается и самым устойчивым элементом духоборческой легенды. Таким образом, благодаря мотиву заточения в столбе устанавливается связь между легендами о праведном государе и о первых страдальцах-духоборцах. При этом речь в них идет не о конкретном духоборческом лидере или отце-основателе, а как бы о коллективном теле первых мучеников.

Легендарные покойники, основоположники «закона» не имеют имен, а их жития редуцированы до повествований о специфических телесных страданиях, которые как предшествуют появлению духоборчества, так и следуют из него, более того, являются причиной и контекстом его существования. В этом смысле легенда длится, продолжаясь в более поздних прецедентах мученичества духоборцев и подкрепляя собой духоборческий закон.

«Праведные родители» — легендарные духоборческие предки, учредители духоборчества и страдальцы за него. К этим значимым покойникам относятся умершие вожди, их семьи и приближенные, а в широком смысле — все умершие духоборцы. Однако следует уточнить, что устойчивый эпитет «святые праведные» однозначно отсылает к вождям, а «родители», скорее, к предкам в целом. Духоборческие покойники образуют и индивидуальную династическую последовательность, и безымянную коллективность. Можно сказать, что одни метонимически оттеняют других.

Сюжет о легендарном правителе-избавителе взаимодействует с сюжетом о безымянных предках-мучениках и их «учредительном» страдании. Более того, в качестве сюжетных функций предки и избавитель создают своеобразный симбиоз, происходит, пусть и не окончательное, слияние двух культов. Характерно, что современные легенды о первых духоборцах не имеют центральной фигуры: закон и сама Духобория ³⁵ в них — продукт коллективного и анонимного творчества, как фольклор.

В легендах о возвращении Тюшти контаминированы христианская эсхатология, «народная социальная утопия» и антиколониальный фольклор финно-угорских инородцев Поволжья. По мнению Бессонова, здесь переплелись сюжеты об ушедшей чуди, царь-избавителе и библейском Моисее. ³⁶ Нельзя недооценивать и влияния мордовской ритуальной культуры на формирование внецерковных коллективных молитвенных практик.

Внутренняя и внешняя колонизация и политика Российской империи в этой области оказались не только импульсом к появлению духоборчества как формы религиозного диссидентства. Они стали неотъемлемой частью его истории — в отношении к духоборческой «секте» сочетались презрение к ереси, считавшейся иностранной, и в то же время преследование группы за неподчинение православной иерархии. Колонизационная драма многократно повторялась в истории духоборческой общины на Молочных водах, в Закавказье, в Канаде и в России.

³¹ Заметка об устной духоборческой литературе. Л. 28.

³² Запись сделана от уроженки деревни Гореловка (Грузия) в поселке Малый Снежеток (Новый) Тамбовской области (экспедиция ЕУСПб в рамках проекта «Герменевтика и ритуальные практики в истории духоборчества», 14–24 июня 2018 года).

³³ Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб., 2003. С. 55–56.

³⁴ Там же. С. 162.

³⁵ Среди закавказских старожилов бытует топоним «Духобория» (в источниках также зафиксирован в варианте «Духоборье»), обозначающий все духоборческие поселения на Кавказе.

³⁶ Бессонов И. А. Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуди. С. 63.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-115-123

© Фу Хэн (КНР)

РЕПЕРТУАР ПЕРЕВОДОВ А. Д. КАНТЕМИРА

Переводы А. Д. Кантемира во многих аспектах заложили основы переводческой деятельности для России Нового времени. Он первым в России упомянул Никола Буало, причем перевел из него больше всех остальных переводчиков в XVIII веке,¹ первым в России перевел Вольтера. Также Кантемир сыграл важную роль в знакомстве русских читателей с Горацием и Анакреоном. Наряду с этим он сделал переводы тех сочинений, которые уже давно были известны на русской почве: Хроника Константина Манассии, «Энхиридион» Эпиктета. Обзор репертуара переводов Кантемира не только демонстрирует его личный литературный вкус, но и показывает общую тенденцию интеллектуальной жизни в России в начале XVIII века, поскольку выбор Кантемира не был свободен от культурного контекста этой эпохи. Мотивы, побудившие Кантемира заниматься переводами, до сих пор не изучены систематически и всесторонне. Х. Грасхоф в своей монографии «А. Д. Кантемир и Западная Европа»² рассматривает все переводы Кантемира, но вопрос о выборе произведений в его работе затронут лишь отчасти, поскольку исследователь не ставил себе такой задачи. В связи с появлением новейших материалов и развитием филологической науки, некоторые суждения Грасхофа требуют пересмотра, уточнения и корректирования. Эта статья посвящена вопросу о причинах выбора Кантемиром текстов для переводов. Вероятно, иногда он мог носить случайный характер, но наряду с выявлением определенных поводов для конкретных переводов мы стремимся обнаружить общие, инвариантные элементы среди отобранных им текстов.

В 1725 году Кантемир перевел с латыни «Синопис историческую» Константина Манассии, византийского историографа и поэта XII века. В 1729 году Кантемиром был предпринят перевод «Истории» Марка Юниана Юстина с латинского языка. Эта работа не была закончена в России, она была продолжена в Лондоне в 1735 году. В предисловиях к обоим сочинениям Кантемир сам признавался, что переводил их для того, чтобы практиковать латынь: «Сию книгу аз преведох, ово да тем ексерцицию возимею в латинском языке»;³ «Перевод Иустиновой истории я начал в самых молодых своих летех, когда обучался латинскому языку, узнав чрез искусу, что к скорому приобретению чужестраннаго языка лучшей способ есть перевод».⁴

Перевод исторического сочинения как вид упражнения при изучении латинского языка соответствует киевской традиции образования духовенства, которая в XVIII веке сложилась по образцу Киево-Могилянской академии, а затем варьировалась вследствие различных указов и реформ. До начала XIX века «Духовный регламент» 1721 года, составленный Феофаном Прокоповичем по поручению Петра I, служил основным руководством для образования духовенства, которым утверждены порядок обучения и его содержание.⁵

¹ Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 17.

² Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966.

³ Господина философа Константина Манассиса синопис историческая, зачало творящая от создания мира и ведущая историю даже до царствования Никифора Вотаниата. Предисловие к августейшей и державнейшей Ирине, невестке царя Мануила и с братом его господином Андроником. С латинского языка на славенороссиский диалект князем Антиохом Кантемиром переведенная в царствующем граде Ст. Петра. Лета господня 1725 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 25. Л. 2.

⁴ Иустинова повсемственная история из Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена с латинского трудами князя Антиоха Кантемира. В Москве. 1729 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 382. Л. 2.

⁵ Кислова Е. И. Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та имени Ярослава Мудрого. 2020. Вып. 30. № 5. С. 1.

«Духовный регламент» рекомендует перевести Юстина как упражнение в латинском языке.⁶ Имел ли возможность Кантемир познакомиться с «Духовным регламентом» или принять киевскую традицию? Согласно списку выпускников Славяно-греко-латинской академии, скорее всего, сразу после окончания учебы (1711).⁷ И. Ю. Ильинский работал у Д. К. Кантемира как секретарь молдавского господаря и учитель его сыновей.⁸ После ухода Ильинского (1725) Антиох Кантемир сохранил тесную связь со своим бывшим воспитателем. В 1718 году Кантемир сам провел некоторое время в Славяно-греко-латинской академии.⁹ С началом XVIII века, после краткого времени ректорства Палладия Роговского (1700–1703), ученика братьев Лихудов, обязанности преподавателей в Славяно-греко-латинской академии выполняли киевские ученые.¹⁰ Так что киевская традиция, вероятно, оказала влияние на обучение Кантемира латинскому языку.

Согласно наблюдению В. Я. Стоюнина, в примечании Кантемира к стиху «Приходит в безбожие, кто над книгой тает»¹¹ из Сатиры I есть отзвуки «Духовного регламента» (1, 9).¹² Помимо этого, бывший учитель Кантемира И.-Г. Фокеродт перевел на немецкий язык «Духовный регламент» в 1724 году.¹³ Со своим бывшим воспитанником Фокеродт долго поддерживал связь.¹⁴ Таким образом, Кантемир имел возможность познакомиться с «Духовным регламентом» либо самостоятельно, либо через своего бывшего учителя.

Если наше предположение о влиянии киевской традиции на Кантемира верно, то почему Кантемир решил перевести Хронику Константина Манассии, которая не упомянута в «Духовном регламенте»? В начале XVIII века в России были распространены и употреблялись для «домашнего пользования» рукописные учебно-справочные пособия. Например, одно из них («Краткое родословие от Адама до потопа и до Христа, также о царях египетских и о России, откуда князи начались и кто потом княжили и царствовали») было создано в 1725 году.¹⁵ В нем содержатся библейская история, сведения о светских царях и духовных правителях древности, данные о церковной истории и изложение русской истории.¹⁶ Сопоставляя основную структуру этого справочного пособия с Хроникой Константина Манассии, можно отметить, что первое во многом походит на последнюю. Этим и объясняется общий учебный интерес той поры ко всеобщей истории.

Во-вторых, выбор Кантемира, вероятно, связан с популярностью Хроники в аристократической среде. Хроника широко использовалась при составлении в начале XVI века Хронографа Русского как главный источник по истории Византии.¹⁷ Нико-

⁶ Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 6. С. 333–334.

⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1901. Т. 10. Стб. 1313.

⁸ *Моисеева Г. Н.* Ильинский Иван Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1. С. 353. В словарной статье Моисеевой представлены две версии отчества Ильинского, но сейчас отчество установлено. В одном из писем 1732 года начальство дает ему задание, а письмо начинается с обращения, в котором стоит «Иван Юрьевич». См.: *Материалы для истории Императорской академии наук.* СПб., 1886. Т. 2. С. 110; *Лебедев А. Л.* «Ярославец» Иван Ильинский — переводчик Академии наук // *Ярославская старина.* 1994. Вып. 1. С. 25–30.

⁹ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 247.

¹⁰ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 78.

¹¹ *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы / Статья и прим. В. Я. Стоюнина; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы. Ранняя редакция: «В безбожие приходит, кто над книгой тает» (1, 190).

¹² Примечания ранней и поздней редакций Сатиры I к этому стиху не имеют принципиального различия. См.: 1, 26, 197.

¹³ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 14.

¹⁴ *Ibid.* S. 10.

¹⁵ *Пеутич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 216.

¹⁶ См.: *Краткое родословие от Адама до потопа и до Христа, также о царях египетских и о России, откуда князи начались и кто потом княжили и царствовали* // БАН. 33.12.10.

¹⁷ *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 495.

новская летопись с рисунками представляет собой одно из учебных пособий для обучения царских детей в XVII — начале XVIII века.¹⁸ Хронограф 1512 года входит в состав основного источника этой летописи. Среди оставшихся после царевны Наталии Алексеевны печатных книг и рукописей встречается Хронограф Русский.¹⁹ Он имелся в библиотеке А. П. Волынского, Б.-Х. Миниха и В. Н. Татищева.²⁰

С 1726 по 1730 год Кантемир интенсивно занимался переводами франкоязычных сочинений: памфлет «Письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов, писанное от некоего сицилианца к своему приятелю» итальянского писателя Джованни Паоло Марана (1726), четыре сатиры и «Речь королю» Никола Буало (1727–1729), отрывок французской комедии²¹ (1728), франкоязычное издание трактата «Картина» Кебета Фиванского (1729), «Разговоры о множестве миров» французского философа-просветителя Бернара Фонтенеля (1730). Мы полагаем, что, вероятно, один из важнейших поводов для переводов этих сочинений заключается в практике французского языка; тут следует учесть, что в 1725–1726 годах Кантемир был занят переделкой французско-латинского словаря в славено-французский словарь.²²

Некоторые из выбранных Кантемиром текстов имели характеристики учебных. По нашим наблюдениям, оригиналом перевода «Письма» Мараны был сборник «*Élite des bons mots et des pensées choisies*»,²³ опубликованный в Амстердаме у издателя Депорта в 1704 году. Второй том, анонимный, как и первый, вышел в свет у того же самого издателя в 1706 году. В нем представлены многочисленные произведения, небольшой объем которых подходил для упражнения в языке.²⁴ Еще одним аргументом для его характеристики как учебного пособия служит то, что в «Присовокуплении втором» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова встречаются материалы, совпадающие с текстом «*Élite des bons mots...*», хотя В. Д. Рак, исследовавший «Письмовник», не относит к его источникам данный сборник.²⁵

Текст «Картины» Кебета связан с учебником греческой грамматики, распространенным в это время. Перед уходом братьев Лихудов из Московской академии как основные учебники по греческой грамматике использовались «Греческая грамматика» Константина Ласкариса и составленные на ее основе собственные грамматические труды Лихудов (Малая и Пространная грамматики). В конце «Граматики» Ласкариса помещен текст «Картины» Кебета. В одном из экземпляров «Граматики» Ласкариса (РГАДА. Ст/ин 270), дошедшем до нас, после греческого текста «Картины» на вpletенных в книгу листах находится его русский перевод, который был выполнен Козьмой Ивиритом в декабре 1697 года.²⁶ Списки учебных курсов братьев Лихудов

¹⁸ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 75.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976. С. 175, 198, 217.

²¹ На обороте майского листа календаря на 1728 год, принадлежащего Кантемиру, находится отрывок комедии, написанный его рукой. Согласно предположению П. Н. Беркова, фрагмент, вероятно, представляет собой перевод французской комедии «Курьер из Бордо» итальянского актера и драматурга Эвариста Герарди. См.: *Берков П. Н.* Из истории русско-французских культурных связей (Гастроли французского ярмарочного театра в Петербурге в 1728–1729 гг.) // Романо-германская филология: Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева. Л., 1957. С. 57.

²² *Бабаева Е. Э.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. М., 2004. Т. 1. С. XI–XII.

²³ См.: *Руднев Д. В., Хэн Фу.* «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // *Slovène*. 2019. Vol. 8. № 1. С. 227–229.

²⁴ *Wild F.* Naissance du genre des Ana (1574–1712). Paris, 2001. P. 462 (Études et essais sur la Renaissance; XXIX).

²⁵ *Рак В. Д.* «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 218, 223–224.

²⁶ *Рамазанова Д. Н.* Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце XVII века // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015. С. 44–45, 50–51.

еще распространялись в начале XVIII века. Согласно данным И. А. Вознесенской, в РНБ сохраняется один из списков Краткой грамматики, принадлежавший крупному медицинскому чиновнику Петербурга Панайотису Кондоиди. Он был племянником греческого священника Афанасия Кондоиди²⁷ и перед поступлением в Академическую гимназию получил домашнее образование у своего дяди. Вероятно, Афанасий Кондоиди использовал списки учебных курсов Лихудов и «Граматику» Ласкариса при преподавании греческого языка. Известно, что до 1721 года Афанасий Кондоиди обучал Антиоха Кантемира греческому, латинскому и итальянскому языкам, латинской и итальянской литературе. Согласно дневнику П. Д. Апостола, второго сына гетмана Д. Апостола, со второй половины 1725 года по начало 1727 года²⁸ Кантемир еще поддерживал связь со своим бывшим учителем.²⁹ Можно предположить, что одним из возможных способов знакомства Кантемира с текстом Кебета оказалось посредство пособия Ласкариса. Вместе с тем для упражнения во французском языке Кантемир выбрал франкоязычное издание текста Кебета. На этот процесс, скорее всего, оказал влияние Афанасий Кондоиди.

Еще одной из характеристик франкоязычных сочинений, переведенных Кантемиром в этот период, является диалогичность. Итальянский филолог Бенедетта Кравери в своей монографии «Культура беседы» показывает, что в истории французской аристократической культуры и французского общества XVII–XVIII веков искусство беседы становится существенным признаком *savoir vivre*.³⁰ В эту эпоху жанры «бесед» (*entretiens*), «речей» (*discours*), «писем» или «диалогов» оказываются весьма распространенными. Выбор переводов Кантемира перекликается с духом эпохи во Франции. Причем ориентация на беседу, диалог проявляется и в его собственном творчестве, особенно в сатирах.

Обратимся к отдельным переводам Кантемира с французского.

Кроме того, что «Письмо» Мараны удобно для упражнения в языке и имеет диалогическую структуру, мы наблюдаем в собственных сочинениях Кантемира переклички с содержанием «Письма». Адресант «Письма» Мараны излагает свое отношение к нужде, носящее стоическую окраску: «Нужды мои всегда те же суть: хлеб, постелья и платье. Не желаю я таких яств, которые едят богатые и деликатнейшие мене. Исходя из великих палат вельмож, не стыжуся входить в мою малую избушку. Платья золотая и серебряная не лутче облекут тело мое, неже и шерстяная одежда. Буде же я лишаяся чего либо, ищу оное в книгах Сенеки (и абие найду): „хочешь ли быть богат, и ничтоже желай“» (2, 360). Сходный смысл содержится в Сатире VI Кантемира: «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, <...> Малый свой дом, на своем построенный поле» (1, 138).

Кантемир, как правило, подчеркивает «пользу» и нравственность своих переводных сочинений в предисловиях. Мы предполагаем, что его мораль, вероятно, ориентируется на этику стоицизма. Взгляд адресанта на умеренный достаток и его благотворное занятие как раз соответствуют ориентации Кантемира на переводимый им текст. Кроме того, согласно наблюдениям С. И. Панова, распорядок дня Кантемира в Париже совпадает с изложением своей жизни адресантом «Письма». И в трактате Кантемира «Письма о природе и человеке» находят сходные ситуации.³¹

Решение выбрать сочинение Буало для перевода, скорее всего, связано с общим интересом Кантемира к его творчеству. В комментариях к стиху 54 сатиры IV (оконча-

²⁷ Вознесенская И. А. Рукописные учебники братьев Лихудов начала XVIII в. в петербургских хранилищах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 371.

²⁸ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. С. 7–8.

²⁹ Берков П. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726–1729) // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 196–198.

³⁰ См.: Craveri B. *L'Âge de la conversation*. Paris, 2002. 680 p. Издание впервые появилось на итальянском языке: Craveri B. *La civiltà della conversazione*. Milan, 2001. Итальянский оригинал был нам недоступен, поэтому мы пользуемся его французским переводом.

³¹ Панов С. И. А. Д. Кантемир и «Анакреонта Тиейца песни»: у истоков русской анакреонтики // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. С. 124, прим. 20.

тельная редакция) Кантемир дает Буало следующую оценку: «В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает» (1, 95).³² Кантемир следует образцу сатир Буало, чтобы создать собственные сатиры, это наглядно выявляется в его примечаниях к ранней редакции сатир.

Х. Грасхоф, опиравшийся на дневник П. Апостола, предполагал, что Апостол играл важную роль в процессе переключения интереса Кантемира с античных писателей на западноевропейских.³³ Летом 1725 года Апостол приехал из Москвы в Петербург, в дороге он читал для развлечения французские и итальянские книги. Среди них были три франкоязычные комедии «*Ésopé*», «*Les filles errantes*» и «*Les deux arlequins*». Все комедии входят в состав сборника Герарди «*Théâtre Italien*».³⁴ Выше указывалось, что П. Н. Берков соотносит отрывок комедии, созданный Кантемиром в 1728 году, с переводом комедии «*Курьер из Бордо*» Герарди. Что касается влияния Апостола на выбор «*Курьера из Бордо*» для перевода, то у нас есть сомнения. Апостол познакомился с Кантемиром уже в 1725 году,³⁵ почему же Кантемир начал переводить фрагмент комедии в мае 1728 года? Все прочитанные Апостолом комедии находятся в третьем томе шеститомного издания «*Théâtre Italien*» 1701 года, кроме того, «*Ésopé*» и «*Les deux arlequins*» — в четвертом томе восьмитомного лондонского издания 1714 года, а «*Les filles errantes*» — в третьем томе. Если Апостол оказал влияние на выбор Кантемиром предмета перевода, почему тексты были взяты не из прочитанных им комедий или томов? «*Курьер из Бордо*», на котором остановил свой выбор Кантемир, отсутствует в изданиях как 1701 года, так и 1714-го.³⁶ Таким образом, мы относимся к предположению Грасхофа с большой осторожностью. Как убедительно показывает З. И. Гершкович, имена действующих лиц, французское обозначение («*Acte I*»), правки — все демонстрирует, что сохранившийся отрывок комедии Кантемира представляет собой перевод какой-то французской комедии.³⁷ Однако текст отрывка представлен всего одной сценой одного акта, дополнительных сведений об источнике вне перевода у нас нет. В таком случае мы затрудняемся определить французский оригинал, использованный Кантемиром. Предположение Беркова, как нам кажется, еще требует уточнения.

Около 1726 года воспитатель царевича Алексея Петровича барон Генрих фон Гюйссен отправил письмо с биографией Дмитрия Кантемира в Берлин, в нем он упомянул о том, что Антиох Кантемир «в Петербургской академии завершает курс философии, теперь обращает внимание на алгебру и астрономию».³⁸ Если слова Гюйсена верны, то это значит, что около 1726 года Кантемир начал заниматься астрономией. В это время в Академическом университете астрономию преподавал французский ученый Жозеф Никола Делиль. Ж. Делиль приехал в Петербург в начале марта 1726 года. До нас дошел составленный Делилем список литературы, рекомендованной для подготовки астрономов и геодезистов. «*Entretiens sur la pluralité des mondes*» Фонтенеля входит в этот список. Кроме того, по подсчету Н. И. Невской, Кантемир прочел в Москве в 1728 году 18 книг, 13 из которых можно найти в списке Делиля.³⁹ 2 марта 1728 года состоялось собрание, на котором Делиль выступил с речами, в которых пропагандировалось гелиоцентрическое учение.⁴⁰ Хотя в этот день Кантемир

³² В первоначальной редакции: «Сатиры и письма его, если не превосходят всех тех, которыми древность хвастает, подлинно соравняться им могут» (1, 253).

³³ *Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 61–66.*

³⁴ *Ibid. S. 61.*

³⁵ *Ibid. S. 63.*

³⁶ *Берков П. Н. Из истории русско-французских культурных связей. С. 54. При рассмотрении отрывка Берковым пятый том «Théâtre Italien» 1701 года не был доступен исследователю.*

³⁷ *Кантемир А. Д. Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 501 (Библиотека поэта. Большая сер.).*

³⁸ Цит. по: *Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 23.*

³⁹ *Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С. 35.*

⁴⁰ Там же. С. 40. В. Босс указывает, что Кантемир отнесся к этим речам с сочувственным интересом. См.: *Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. Cambridge, Mass., 1972. P. 119.*

уже был в Москве, возможно, он познакомился с программой собрания. 26 февраля 1728 года Кантемир брал экземпляр «Entretiens sur la pluralité des mondes» у П. М. Голицына⁴¹ (2, 345). Таким образом, можно предположить, что Делиль, вероятно, оказал влияние на этот выбор Кантемира. Но нам кажется, что не следует преувеличивать роль влияния Делиля в выборе всех франкоязычных сочинений Кантемира за 1726–1730 годы, как это делает Н. И. Невская.⁴² В это время вокруг Кантемира много людей, знающих французский язык (например, Апостол, И. С. Горлицкий,⁴³ Х.-Ф. Гросс, Фокеродт) или являющихся носителями этого языка (например, аббат Жюбе).⁴⁴ Кроме того, в списке рекомендуемой литературы Делиля несколько сотен книг, поэтому большое число совпадений с кругом чтения Кантемира за 1728 год не удивительно. Если все сложилось так, то, как предположила Невская, почему Кантемир перевел Кебета, а не кого-либо из французских философов? Мы разделяем мнение Невской о том, что Кантемир перевел Фонтенеля, может быть, под влиянием Делиля, но не можем согласиться с тем, что Делиль оказал влияние на выбор всех франкоязычных сочинений.

2 марта 1732 года Кантемир прибыл в Лондон и до конца своей жизни не возвращался в Россию. Служебные занятия отнимали у него много времени, но на досуге Кантемир занимался литературным творчеством: оригинальным и переводным. По сравнению с русским периодом мотивация перевода изменилась. Основным отличием, с нашей точки зрения, является переход от упражнений в языке к заботе о своих читателях, особенно о тех, которые учились языкам в России. Поэтому список выбранных Кантемиром произведений более или менее перекликается со списком рекомендуемой литературы, используемой в учебной практике в России, особенно это касается античных авторов (Гораций, Корнелий Непот, Эпиктет). Что касается западноевропейских писателей, то Кантемир также стремился принести пользу своему читателю.

В 1736 году Кантемир перевел с греческого языка 55 стихотворений, в ту пору приписываемых Анакреонту. Как показывает Х. Грасхоф, этот выбор, может быть, связан с итальянским поэтом Паоло Антонио Ролли,⁴⁵ который был приглашен в Англию в 1715 году и преподавал итальянский язык и литературу королевской семье и другим знатым семьям.⁴⁶ Вместе с тем Ролли был учителем итальянского языка Кантемира. В 1736 году Кантемир уже познакомился с Ролли, которым в то время также был предпринят перевод анакреонтических песен на итальянский язык.⁴⁷

К 1742 году Кантемир закончил перевод с латинского языка двадцати двух посланий Горация. В предисловии к читателю Кантемир пишет: «Я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке Письма Горациевы, по латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь» (1, 386). Как церковные,⁴⁸ так и светские школы⁴⁹ включают Горация в список рекомендуемых авторов. Конечно, Гораций не является единственным латинским поэтом в этих списках,⁵⁰ но для Кантемира

⁴¹ «У князя Petrum (sic!) Michaelidis Gallicinum» (2, 345). Мы проверили календарь Кантемира, там тоже «Petrum». См.: Дневник А. Д. Кантемира // БАН. Собр. тек. пост. № 403. В монографии Н. И. Невской указано «Д. М. Голицын». См.: *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. С. 35.

⁴² Там же. С. 33–36.

⁴³ *Бабаева Е. Э.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники. С. XIII, прим. 19.

⁴⁴ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 66–69.

⁴⁵ *Ibid.* S. 119–120.

⁴⁶ *McGeary T. N.* Rolli Paolo Antonio // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 47. P. 626.

⁴⁷ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 119–120.

⁴⁸ *Кислова Е. И.* Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. С. 2.

⁴⁹ *Костина Т. В., Кирикова О. А.* Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 198.

⁵⁰ Вергилий встречается в «Каталоге тех книг, что испрашиваются для Гимназии в книжной лавке» от 7 сентября 1732 года и «Списке книг, обязательных для использования в Гимназии после объявления ее Регламента» от 1739 года (см.: Там же. С. 198, 208).

«между всеми древними латинскими стихотворцами <...> Гораций одержит первейшее место» (1, 385). Обильные нравоучения в «Посланиях» Горация соответствуют личному вкусу Кантемира. С его точки зрения, «почти всякая строка (Горация. — Ф. Х.) содержит какое-либо правило, полезное к учреждению жития».

В 1742–1743 годах Кантемир создал философский трактат, получивший в науке название «Письма о природе и человеке». Трактат состоит из одиннадцати писем, среди них главная часть представляет собой перевод сочинения Ф. Фенелона «Доказательство бытия Бога» и небольшой отрывок из «Мыслей, размышлений и моральных правил» графа Оксеншерны.⁵¹

Почему Кантемир ориентировался на Фенелона? Опираясь на опись библиотеки Кантемира, Х. Грасхоф рассмотрел книги, приобретенные после его отъезда в Париж и до сочинения «Писем о природе и человеке». Исследователь пришел к выводу, что все эти книги описывают моральный упадок и распад феодального общества. Это способствовало тому, что Кантемир искал спасения в природе и добродетельном образе жизни.⁵² У нас нет непосредственных сведений об отношении Кантемира к этим работам, поэтому трудно сказать, какое влияние на него они оказали. М. Эрар в своей статье выражает недоумение выбором Кантемира. Во-первых, Кантемир является поклонником Ж.-Б. Боссюэ, который был оппонентом Фенелона. Во-вторых, Эрар полагает, что в трактате Кантемира выявляется тенденция, направленная против «вольнодумства» и особенно против философии Эпикура и Лукреция. В этот период в Англии и во Франции имелось много работ, посвященных этой теме, а Фенелон не лучший выбор.⁵³ На основании мнений Грасхофа и Эрар мы можем заключить, что содержание сочинения Фенелона, наверное, не является единственным побудительным мотивом перевода Кантемира. Мы попытаемся разыскать причину создания этого перевода под другим углом зрения.

Одна из причин, как нам кажется, заключается в популярности Фенелона в это время во Франции и в России. При жизни Фенелона в 1712 году впервые было опубликовано «Доказательство существования Бога, извлеченное из познания природы». В 1718 году вышло в свет его дополненное издание, вторая часть которого являлась ранним наброском Фенелона на ту же тему. Оба издания были многократно перепечатаны. В книге А. Шерель мы находим указание на подражание труду Фенелона — «Настоящее применение созерцания Вселенной для убеждения атеистов и неверующих»⁵⁴ голландского философа, математика Б. Ньювента, а также сведения о том, что во влиятельном академическом журнале «Mémoires de Trévoux» 1719 года утверждалось, что «Бытие Бога...» было переведено на все европейские языки.⁵⁵ Это свидетельство важно для осмысления цели перевода Кантемира. Желая включить Россию в контекст интеллектуальной жизни Европы, он в самом начале предисловия к «Разговорам о множестве миров» подчеркивает, что «книжка сия, как скоро от господина Фонтенелла издана, почти на все языки переведена, и от разных народов с подобным наслаждением и жадностью читана, к не малой славе сочинителя».⁵⁶

М. Эрар считала, что красота языка искупает слабость содержания в сочинении Фенелона.⁵⁷ Мы полагаем, что Эрар недооценивала влияние этой стороны текста

⁵¹ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir* // *Revue des études slaves*. Paris, 1957. Т. 34. P. 51–56; Grasshoff H. *Kantemir und Fenelon* // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1958. Bd III. H. 2–4. S. 369–383.

⁵² Grasshoff H. *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa*. S. 217–218.

⁵³ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir*. P. 52–53.

⁵⁴ *Nieuwentyt B. Het regt gebruik der werelt beschouwingen, ter overtuiging van ongodisten en ongelovigen*. Amsterdam, 1720. По французскому переводу этой книги «Le véritable usage de la contemplation de l'univers pour la conviction des athées et des incrédules» мы переводим название книги Ньювента как «Настоящее применение созерцания Вселенной для убеждения атеистов и неверующих».

⁵⁵ Chérel A. *Fénelon au XVIIIe siècle en France: 1715–1820*. Paris, 1917. P. 258.

⁵⁶ Фонтенель Б. *Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла, парижской Академии Наук секретаря / С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году*. СПб., 1740 (без пагинации).

⁵⁷ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir*. P. 52.

Фенелона на выбор Кантемира, для которого были важны оба аспекта. Вспомним, например, его слова в предисловии к переводу «Истории» Юстина: «Правду сказать, я не лучшего из латинских историков выбрал, но однакож Иустина ученые люди не презирают за его слог красивый, и для того, что в нем одном содержится то, что в других историках сыскать не можно».⁵⁸

В конце письма Кантемира к графу М. Л. Воронцову от 17 октября 1743 года помещен перевод стихотворения «О двух любвях» Вольтера («Les deux amours») вместе с французским оригиналом.⁵⁹ Кантемир в письме сообщал: «...для забавы вашей (Воронцова. — Ф. Х.) при сем прилагаю изрядных стишков перевод».⁶⁰ Основываясь на предыдущих исследованиях об отношениях между писателями, П. Р. Заборов утверждает, что, хотя Кантемир не имел дружеской связи с Вольтером, это не мешает обращению к его творчеству.⁶¹ Кантемира могла привлечь высказанная в этом стихотворении приверженность искренней и устойчивой любви.

В конце своей жизни (1744) Кантемир обратился к греческому философу Эпиктету и перевел его «Энхиридион». Вероятно, внимание переводчика привлекло стоическое содержание этой книги. Он сам писал в предисловии о пользе «от чтения сей книжицы к исправлению нравов».⁶²

До появления перевода Кантемира «Энхиридион» уже был известен на Руси. Можно полагать, что выбор Кантемира определился под влиянием его бывшего учителя — Ильинского, также переведившего эту книгу. Хотя в начале XVIII века византийские парафразы XI–XVI веков сменялись новолатинскими парафразами, профессиональный подход по-прежнему многое определял в восприятии античности. Несмотря на то, что выбор текста Кантемира не отходит от схоластической традиции, манера перевода отличается от предыдущих версий.⁶³ Древнеславянские списки стремятся извлечь те части «Энхиридиона», которые совпадают с православной доктриной.⁶⁴ Перевод Кантемира не христианизует оригинал. Стремлением дать такую версию более или менее и можно объяснить появление перевода Кантемира.

Несколько переводов этого периода не сохранилось или они пока не обнаружены: не найдены переводы текстов «Ньютонианство для дам» итальянского писателя Ф. Альгаротти, «Персидские письма» Ш. Монтескье и сочинение Корнелия Непота.⁶⁵

В. Босс полагает, что Кантемир обратился к работе Альгаротти вследствие интереса к ньютонианству, а трудом Вольтера об этом вопросе он не удовольствовался. По данным Босса, Кантемир перевел «Ньютонианство для дам» до публикации этой книги.⁶⁶ В письме от 10 июля 1738 года к маркизе Монконсель Кантемир утверждает, что стиль Альгаротти приближен к «Разговорам о множестве миров», автор очень хорошо работает с предметом, ясно излагает мысли.⁶⁷ И. З. Серман предполагает, что труд Альгаротти оказал влияние на позднюю редакцию V сатиры Кантемира.⁶⁸

⁵⁸ Иустинова повсемственная история из Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена с латинского трудами князя Антиоха Кантемира. В Москве. 1729 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 382. Л. 2 об.

⁵⁹ Архив кн. Воронцова. М., 1870. Кн. 1. С. 371–372.

⁶⁰ Там же. С. 371.

⁶¹ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978. С. 7–8.

⁶² Перевод Антиоха Кантемира Епиктетов Энхиридион. Перевод с греческого. Присовокуплена Таблица Кевикова. В Париже 1744 г. // РГБ. Ф. 756. № 25. Л. 1 об.

⁶³ Николаев С. И. Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8. С. 258–259.

⁶⁴ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 96–137.

⁶⁵ Байер Г.-З. История о жизни и делах князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с российским переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров. М., 1783. С. 357.

⁶⁶ Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. P. 124–125.

⁶⁷ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 110.

⁶⁸ Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 53–61. Укажем на допущенную И. З. Серманом неточность: «Как показал В. Босс, прибавлен-

В Париже Кантемир перевел «Персидские письма» Монтескье. Вокруг вопроса о возможном знакомстве Кантемира с Монтескье до сих пор идут споры. В содержательной статье М. П. Алексеева «Монтескье и Кантемир» была предпринята попытка ответить на этот вопрос. Проведя обзор предыдущих исследований, Алексеев склонялся к утверждению, что Монтескье принадлежал к парижскому окружению Кантемира. Вместе с тем Монтескье участвовал в издании французского перевода кантемировских сатир, сделанного аббатом Гуаско.⁶⁹ Е. Н. Васильева привела новые аргументы в пользу их знакомства.⁷⁰ Вероятно, их личные контакты побудили Кантемира перевести «Персидские письма».

Еще один перевод, выполненный Кантемиром во время проживания в Париже, это перевод из Корнелия Непота. Одна из причин выбора этого писателя, вероятно, заключается в стремлении принести пользу людям, обучающимся древним языкам, поскольку Корнелий Непот является одним из любимых авторов в учебной практике этого времени. Так, его имя постоянно присутствует в списке рекомендуемых авторов для Академической гимназии, несмотря на то что ее учебная программа подвергалась изменениям в течение первой половины XVIII века.⁷¹

Как многие его современники, Кантемир начинал переводческую деятельность с упражнения в языках. В первой трети XVIII века еще не сложился исчерпывающий список авторов, рекомендуемых для усвоения французского языка в церковных и светских училищах. Выбор Кантемира давал полезный в этом отношении опыт, откликался на дух французской культуры этой поры и демонстрировал всесторонние читательские интересы поэта. В зрелый период творчества культурно-просветительная направленность переводов Кантемира, снабженных насыщенными примечаниями, находит соответствие в изречении «Усладительное соединял полезному» (2, 384). Соединение художественного достоинства с нравственностью постепенно становилось главным принципом при выборе текстов для перевода. Собственные произведения Кантемира были тесно связаны с его переводными работами. В ранний период творчества он во многом следовал образцу античных и западноевропейских авторов (главным образом, Горация и Буало), затем он стремился создать более оригинальные сочинения, но их темы и формы в основном перекликались с его античными и западноевропейскими предшественниками. Наконец, мы должны подчеркнуть, что трудно с полной уверенностью ответить на вопрос, чем же привлекли Кантемира переведенные им произведения в каждом конкретном случае. На выбор могли повлиять многочисленные случайности, вызывающие неопределенность при поиске ответа, и, помимо представленных нами, возможны иные толкования.

ная Кантемиром строфа, которая содержит параллель двух, по его мнению, величайших открытий — Нового Света Колумбом и всемирного тяготения Ньютоном, представляет собой заимствование из Седьмого диалога книги Альгаротти „Il Newtonianismo per le Dame“» (Там же. С. 60). Здесь должен быть упомянут не седьмой диалог, а шестой. См.: *Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 55.* Кроме того, книга Альгаротти состоит из шести диалогов.

⁶⁹ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 140–146.

⁷⁰ Васильева Е. Н. Монтескье и Россия. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 46–61.

⁷¹ Костина Т. В., Кирикова О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. С. 197–209.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-124-135

© Е. А. Аксаментова

СКУЛЬПТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЕКСАНДРА I И СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ»

Александр I избегал установки своего памятника. Избрав репрезентационную стратегию скромного и человеческого государя, русский император чуждался пышных почестей и церемониальных торжеств,¹ и прижизненный памятник не мог быть вписан в этот монархический сценарий. На протяжении своего правления император оставлял без внимания проекты своих публичных статуй² и игнорировал настойчивые предложения подданных возвести на русской территории памятные сооружения, имеющие коннотации с имперским Римом (а следовательно, с наполеоновской Империей).³ Память о событиях Отечественной войны он решил окрасить в христианские тона. В 1812 году Александр подписывает манифест об основании храма-памятника в честь Христа-Спасителя⁴ и выпускает медаль со словами «Не нам, не нам, а имени твоему», которые взяты из 113-го псалма и предшествуют одной из ветхозаветных инвектив против идолопоклонства.⁵ Когда же позиция государя, выраженная в символической форме, была не понята и в 1814 году Синод, Сенат и Государственный совет торжественно предложили воздвигнуть прижизненный памятник Благословенному русскому монарху, Александр официально отказался от этой почести в ответном указе.⁶

Воля государя в итоге была принята его подданными. Образ царя-христианина, отказывающегося от памятника, закрепился в русской культуре. К примеру, Д. П. Глебов в «Элегической песне на кончину государя императора Александра...» так представил почившего монарха:

И тот, Кто бодрственный, незримо осенен
Щитом Всесильного, сражал врагов закона,
Победой искупил царей постыдный плен
И стер гордыни рог с чела Наполеона;
Кто славой принесен Лютеции к стенам,

¹ О сценарии «добротного и кроткого монарха», последовательно осуществлявшемся Александром, см.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 260–269 (сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры»; вып. 8).

² К примеру, в 1808 году был предложен проект скульптурной группы в Кремле: статуя молодого монарха должна была стоять рядом со статуями Петра I и Екатерины II. См.: Рязанцев И. В. Скульптура в России: XVIII — начало XIX века. М., 2003. С. 100–101.

³ В 1812 году на рассмотрение императора было представлено три проекта памятников-антиподов наполеоновской Вандомской колонне. См.: Кириченко Е. И. Вандомская колонна в Париже и Александровский столп в Петербурге: символика уподоблений и противопоставления // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 1995. С. 90–92.

⁴ Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 32. № 25296. С. 488. А. Л. Зорин показал, насколько сильно отразились мистико-христианские искания Александра I на его внутренней и в особенности внешней политике в 1812–1815 годах. См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 263–329. Фигура Христа играла большую символическую роль в мистических построениях русского императора: Александр соотносил победу над Наполеоном с эсхатологическими представлениями о рождении нового Христа (Там же. С. 318–320).

⁵ Напомним текст этого псалма: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей. Для чего язычникам говорить: „где же Бог их“? Бог наш на небесах [и на земле]; творит все, что хочет. А их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих» (Пс. 113: 9–12).

⁶ Указ Святейшему Правительствующему Синоду, Государственному Совету и Правительствующему Сенату от июня 30 дня 1814 // Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 157–158.

Не жаждал мщения, не требовал кумира,
 Но проповедовал Евангелие мира,
 Простя своим врагам...⁷

Скульптурные изображения Александра I в полный рост не были популярны в России первой четверти XIX века.⁸ Этот почти единодушный отказ от возведения православного царя в статус кумира принципиально отличается от поведения подданных Екатерины II. Императрица, как известно, также отказалась от установки прижизненного памятника, пожелав почтить память Петра I. Однако монумент великого предшественника был снабжен очень лестной для совершившей государственный переворот правительницы надписью «Petro Primo Catharina Secunda».⁹ Современники хорошо понимали смысл такой дипломатической скромности, и у скульпторов не было недостатка в заказах на различные статуи Екатерины, которые устанавливались повсеместно как в общественных заведениях, так и в частных резиденциях.¹⁰

Запрет на памятник Александру I не распространился, однако, на его бюсты, ставшие популярными во второй половине его правления. Так, А. А. Аракчеев никогда не заказывал статуи своего благодетеля, но хранил целый ряд его бюстов в специальном мемориальном кабинете в Грузии.¹¹ Даже в грандиозном памятнике, который он установил после смерти Александра I, облик государя ограничивался одним портретным бюстом.¹²

На первый взгляд, это кажется данью скромности императора: несмотря на то что бюст в силу своей связи с античностью обладал более высоким статусом, чем обычный портрет, он все же считался второстепенным скульптурным жанром, занимающим в академической иерархии положение гораздо более низкое, чем парадная статуя и публичный памятник. Одновременно осторожное отношение к скульптуре в России можно объяснить общеевропейской политико-культурной ситуацией начала XIX века. Традиция установки прижизненного памятника монарху, столь престижная в XVII–XVIII веках, практически прекратилась после эпохи наполеоновских войн. В XIX веке памятники правителям стали преимущественно посмертными и устанавливались преемниками. По-видимому, эта модификация мемориализационных практик была следствием демонстративных расправ со статуями монархического режима в конце XVIII века. Уничтожение скульптурных памятников королей во Франции (революционная толпа не пощадила даже изваяние народного любимца, «доброего короля»

⁷ Новости литературы. 1826. Кн. 15. С. 91–92.

⁸ Единственная известная нам статуя, изображающая Александра в полный рост, — это работа Х. Д. Рауха, выполненная по заказу графа А. И. Остермана-Толстого (1821, Государственный Эрмитаж). Скульптор изобразил Александра вынимающим меч из ножен, одетым в современный мундир, поверх которого была накинута горностаевая мантия; у ног императора сидел двуглавый орел. Эта статуя не получила одобрения у современников. Так, В. А. Жуковский, посетивший в 1820 году мастерскую Рауха, отмечал, что «памятник Государя менее других удачен» (Карчева Е. И. Западноевропейская скульптура XIX–XX веков: каталог коллекции. СПб., 2016. С. 160). П. П. Свиньин также был недоволен программой произведения: «...если представить себе, что герой сей изображает Императора Российского, великодушно Победителя Наполеона, то нельзя ни согласиться, ни быть довольным мыслию художника. Это выражение гнева и быстроты неприлично примирителю Европы» (Свиньин П. П. Мраморная статуя Государя Императора Александра I-го, работы Рауха // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 141).

⁹ Проскурина В. Ю. Мифы Империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 132–133.

¹⁰ О мифологических воплощениях Екатерины II, в том числе скульптурных, см.: Рязанцев И. В. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» и Екатерина II в зеркале античной мифологии // Рязанцев И. В. Российская дань классике. М., 2018. С. 376–399.

¹¹ Судя по описи Н. Врангеля начала XX века, там были копии бюстов работы П.-Ф. Томира, К. Д. Рауха и Б. Торвальдсена, также одной из достопримечательностей усадьбы являлись часы работы мастерской В. Ледора, заказанные Аракчеевым после смерти императора. Эти часы были украшены бюстом Александра, справа от которого стояла фигура скорбящего воина, имеющая портретное сходство с самим Аракчеевым. См.: Врангель Н., Маковский С., Трубников А. Аракчеев и искусство // Старые годы. 1908. Июль–сентябрь. С. 456.

¹² Фотографию этого несохранившегося памятника работы С. И. Гальберга (1830) см.: Там же. С. 440–441 (вклейка).

Генриха IV)¹³ и в других охваченных освободительными восстаниями странах,¹⁴ очевидно, произвело глубокое впечатление на роялистскую Европу, и нужно было обладать смелостью и уверенностью Наполеона, чтобы решиться на повсеместную установку своих статуй. Однако, как известно, Александр I в 1814 году был свидетелем падения и этих кумиров.¹⁵

Тем не менее значение наполеоновской культурной политики для России трудно переоценить. Образ скромного русского царя был сформирован в условиях противостояния России и Франции,¹⁶ и в то время, как император французов умело пользовался монументальной пропагандой,¹⁷ Александр демонстративно отказывался от явной прижизненной монументализации.

Но какой статус имели бюсты Александра I? Чтобы понять это, сначала кратко рассмотрим ближайшую историю этого жанра. Во второй половине XVIII века во Франции наблюдается процесс демократизации бюста. Если раньше его удостоивались представители правящей династии, государственные деятели и прославленные предки, то с середины века становятся популярными бюсты философов, деятелей искусств, еще живых членов семьи и детей. Стиль скульптурного портрета меняется: теперь скульптор не ограничивается репрезентацией социального статуса изображенного, но стремится отразить его индивидуальность, благодаря тщательной проработке лица, прически и детализации костюма. В это время претерпевают изменение даже бюсты монарха: они начинают представлять собой не только символическое воплощение государственности, как это было в эпоху Людовика XIV, но короля-человека, доступного и благожелательного, нередко одаривающего подданных благосклонной улыбкой.¹⁸ Самым прославленным мастером этого жанра был Ж.-А. Гудон, создавший множество точных психологизиро-

¹³ О судьбе французских памятников королям см.: *McClellan A. The Life and Death of a Royal Monument: Bouchardon's Louis XV // Oxford Art Journal. 2000. Vol. 23. № 2. P. 3–27; Thompson V. E. The Creation, Destruction and Recreation of Henri IV: Seeing Popular Sovereignty in the Statue of a King // History and Memory. 2012. Vol. 24. № 2. P. 5–40.*

¹⁴ Символические расправы над памятниками монархов неизменно сопутствовали революционным и повстанческим движениям до и после Французской революции. Так, в 1776 году борцы за независимость Соединенных Штатов ритуально расправились со статуей Георга III после прочтения Декларации независимости с ее пьедестала (*Coutu J. Persuasion and Propaganda: Monuments and the Eighteenth-Century British Empire. Montreal et al., 2006. P. 3.*)

¹⁵ Александр присутствовал при попытке парижан сбросить статую Наполеона с колонны на Вандомской площади. Об этой статуе русский император будто бы сказал: «Я боялся бы, что у меня закружится голова, если бы я был поставлен так высоко» (*Шильдер Н. К. Император Александр I: его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1905. Т. 3. С. 232.*)

¹⁶ Об апелляциях к божьему промыслу в александровском «сценарии власти» в рамках противостояния претенциозной репрезентационной политике Наполеона см.: *Уортман Р. Сценарии власти. Т. 1. С. 294–295.*

¹⁷ Напомним, что Наполеон рассматривал градостроительные и монументальные проекты как часть своей государственной политики. Назовем некоторые публичные статуи, созданные во время его правления: статуя императора в образе Цезаря, венчающая Вандомскую колонну (А.-Д. Шодэ, 1808), статуя Наполеона-законодателя, установленная в зале законодательного корпуса (Шодэ, 1804–1805); «Наполеон I Триумфатор» (Ф.-Ф. Лемо, 1808) на триумфальной арке площади Каррузель, мраморная статуя Наполеона в образе античного бога (Л. Бартолини, 1810–1814) для установки в публичном пространстве Ливорно (в настоящее время — площадь Св. Николая, Бастия). О политике художественной репрезентации Наполеона в скульптуре см.: *Lentz T. Leroy-Jay Lemaistre I., Dion-Tenenbaum A., Laveissière S. Napoléon et le Louvre. Paris, 2004. P. 47–57.* О портретной скульптуре Наполеона, выполненной итальянцами, см.: *Hubert G. La sculpture dans l'Italie napoléonienne. Paris, 1964.* Отдельно отметим, что Наполеон настойчиво добивался портретной статуи от знаменитого А. Кановы, однако законченное произведение, которое представляло императора в образе Марса-Миротворца (1806, Собрание Веллингтона в Лондоне), не удовлетворило ожиданий заказчика: мифологическая программа и нагота, навязанные скульптором (сам Наполеон хотел быть изображенным в современном костюме), были сочтены неуместными, и статуя была закрыта для публики. См. об этом: *Johns Ch. M. S. Portrait Mythology: Antonio Canova's Portraits of the Bonapartes // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28. № 1. P. 115–129.*

¹⁸ Подробнее об идеологической трансформации жанра бюста во Франции см.: *Milano R. The Portrait Bust and French Cultural Politics in the Eighteenth Century. Leiden; Boston, 2015.*

ванных портретов своих современников.¹⁹ Во второй половине XVIII века в России был свой Гудон — Ф. И. Шубин, среди работ которого есть несколько бюстов Екатерины II, имевших популярность в то время: на одном из ранних (мрамор; начало 1770-х годов, Государственная Третьяковская галерея) императрица изображена с милостивой улыбкой, а атрибуты власти редуцированы до лаврового венка и небольшой короны.

Несмотря на то, что в России скульптура еще долго сохраняла стойкую ассоциацию с официальной государственностью,²⁰ на рубеже веков появляются стихи, свидетельствующие о личном, интимном характере восприятия скульптуры, расположенной в пределах частного жилища. Так, И. И. Дмитриев в стихах на бронзовую статую П. А. Румянцева,²¹ установленную в имении П. В. Завадовского Ляличи, видит в прославленном полководце прежде всего достойного человека и доброго покровителя хозяина усадьбы.

...здесь не герой в тебе блистает,
Прославивший себя единою войной,
Обрызган кровию врагов среди сражений,
Но друг, но ближний мой
И благотворный гений!²²

Отметим, что Дмитриев в этих стихах игнорирует реальный облик статуи, которая отличалась характерной для государственных памятников условностью: полководец был изображен в облачении римского воина, а пьедестал статуи был украшен сценами Кагульской битвы.

Но большинство подобных стихов было обращено к бюстам, украшавшим кабинеты, гостиные, усадебные сады и другие части приватного пространства русского дворянина. Поэты в этих текстах «беседовали» с изображенными в камне друзьями и покровителями, известными современниками и историческими деятелями. Рассмотрим несколько примеров.

В «Оде к бюсту Суворова» для Д. И. Хвостова отправной точкой оказывается ситуация воображаемого разговора с бюстом полководца. Поэт подчеркивает важность того, что столь почтенный образ украшает его скромную обитель.

Сует, мечтаний удаленный
Доволен я наедине —
Твои черты изображенны,
Иракл почтенный, миру, мне!
Кичусь, здесь образ твой устроя!
Лице преславного героя
Мне кажется редки красоты —
Я к ним питаю удивленье...²³

О значимости обладания скульптурным портретом уважаемого человека говорит и М. В. Милонов в стихах на бюст И. И. Дмитриева.²⁴ Лицо старшего собрата по перу становится для поэта залогом личной веры в бессмертие:

¹⁹ О творчестве скульптора см.: *Арнасон Г. Г.* Скульптура Гудона / Пер. П. В. Мелковой. М., 1982.

²⁰ Так, культура установки мемориальной скульптуры в пространстве частных усадеб в XVIII — первой трети XIX века преимущественно была связана с желанием почтить государственные со- бытия. См.: *Кириченко Е. И.* Запечатленная история России: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 171–191.

²¹ Эта статуя работы Ж.-Д. Рашетта утрачена, однако представление о ней можно составить по уменьшенному авторскому повторению (мрамор; 1793, Государственный Русский музей).

²² *Дмитриев И. И.* И мои бездельки. М., 1795. С. 7.

²³ Друг просвещения. 1806. Ч. 3. № 7. С. 3.

²⁴ По-видимому, стихи написаны на бюст работы И. П. Мартоса (1800-е годы, бронзовая копия 1838 года хранится в отделе рукописей РНБ). См.: *Карпова Е. В.* Произведения изобразительного искусства в стихах и письмах Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб., 2010. С. 148–151.

Храню я образ твой, любимец муз и славы,
 Чтоб быть уверенным бессмертия в судьбе;
 Отечество под ним, зрю, пишет о тебе:
 Краса моих певцов и перл моей державы!²⁵

Концентрация внимания на лице изображенного была одной из главных особенностей таких стихов. Вглядываясь в переданные скульптурой черты, поэт нередко стремился понять психологию модели, как, например, Н. Д. Иванчин-Писарев в надписи на бюст Марка Аврелия:

Почто печален так сей лучший из царей?
 Ужель черты его столь мрачный вид имели?
 Ах! вспомните, Аврелий
 Любил и знал людей!²⁶

П. И. Шаликов обращается к каноническому образу эпохи сентиментализма — бюсту Ж.-Ж. Руссо.²⁷ Поэт находит в лице автора «Эмиля» и «Новой Элоизы» черты созданных им героев и дает эмоциональную оценку творчеству писателя:

Эмиль в твоих очах, в улыбке — Элоиза;
 На сердце — твоего бессмертного девиза
 Священные слова...²⁸ и ты передо мной:
 Могу ли брать перо холодной рукой!²⁹

В надписи «К бюсту Ж.-Ж. Руссо, поставленному в яминной беседке на даче Е. А. Дадьянова» автор — вероятно, тоже Шаликов — размышляет о трагичности личной судьбы французского писателя:

Природы сын и друг, но меж людьми пришлец,
 Но странник на земле, в потомстве незабвенный,
 Кумир чувствительных сердец —
 Да осеняется здесь образ твой священный.³⁰

Традицию разговора с бюстом, изображающим близкого по духу человека, можно проследить и далее. Так, в 1829 году М. Д. Деларю обращается к бюсту Державина:

Державин! Державин! твой лик предо мной,
 Богато облитый огнем вдохновенья,
 Как призрак чудесный святого виденья,
 Сверкает и блещет небесной красой,³¹ —

а в 1842-м А. А. Фет внимательно разглядывает скульптурное лицо Пушкина в стихотворении «Бюст».

Во всех рассмотренных нами текстах имитируется ситуация близкого, хотя и одностороннего общения: поэты обращаются к изображенному во втором лице и выражают свое отношение к его личности и судьбе. Нельзя сказать прямо, что в России

²⁵ Благонамеренный. 1818. Ч. 3. С. 282.

²⁶ Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 17. С. 15.

²⁷ Вероятно, поэт обращается к бюсту работы Гудона, созданному в 1778 году, сразу после смерти писателя. Помимо широкого распространения копий, существовало большое количество гравированных изображений этого бюста.

²⁸ «Vitam impendere vero. Т. е. преданный истине» (прим. Шаликова. — Е. А.).

²⁹ Московский зритель. 1806. Ч. 1. С. 55; перепечатано: Шаликов П. И. Соч.: В 2 ч. М., 1819. Ч. 2. С. 263.

³⁰ Дамский журнал. 1823. Ч. 1. № 2. С. 66.

³¹ Царское село: Альманах на 1830 год. СПб., 1829. С. 130.

традиция интимного восприятия бюстов задана непосредственно скульптурой, так как в рассмотренных нами случаях поэты обращаются к бюстам разных стилей: мы видели, что поэтическая реакция на античный бюст Марка Аврелия не слишком отличается от стихов на бюст Руссо. Однако генезис этой традиции, очевидно, восходит к идеологической трансформации портретной скульптуры во второй половине XVIII века, времени, когда Д. Дидро писал: «Я смотрю на картину; я должен поговорить со статуей».³²

Эта традиция, в рамках которой бюст воспринимался как частный жанр, могла бы оправдать распространение бюстов Александра при запрете на установку памятника. Создание скульптурных портретов могло быть инициировано личным желанием подданных, которые хотели видеть смягченный образ своего «обожаемого» монарха. Однако художественная форма, которую скульптурные портреты Александра приняли с начала 1810-х годов, определенно наследовала исключавшему сентиментальные обертонны духу изображений Наполеона.

Помимо осуществления грандиозных архитектурно-скульптурных проектов, Наполеон вводил в культурное пространство большое количество своих бюстов.³³ Призванные быть воплощением Первой империи, эти бюсты снова обрели условный характер: император изображался в образе античного полководца, с обнаженной грудью или в римском одеянии, часто в лавровом венке. Лицо было передано довольно обобщенно, без особого стремления к сходству, однако с неизменным воспроизведением типических черт — пряди волос, спадающей на лоб, и хмурого выражения лица. Наиболее показательным примером таких изображений является бюст, разработанный А.-Д. Шодэ, который стал официальным портретом императора и распространялся во множестве повторений и копий в разных материалах,³⁴ сделав лицо Наполеона одним из самых узнаваемых и популярных в Европе на протяжении XIX века.³⁵ В это время возрождается монументальная форма скульптурного портрета. Так, в 1805 году у входа в музей Наполеона был установлен огромный бронзовый бюст императора работы Л. Бартолини (1,55 × 0,91 × 0,76 м; 1805, Лувр): обобщенный образ триумфатора в лавровом венке был представлен в форме бюста-гермы (с обрезанными плечами), который был установлен на довольно высоком постаменте.³⁶

Скульптурные портреты Александра выполнили многие известные ваятели того времени,³⁷ но наиболее популярными в России были работы И. П. Мартоса. Эти произведения, которые тиражировались «во многочисленных повторениях и вариациях»,³⁸ напоминали бюсты Наполеона: Александр был представлен в образе величественного

³² «Je regarde un tableau; il faut que je m'entretienne avec une statue» (Oeuvres complètes de Diderot / Ed. J. Assézat. Paris, 1876. Vol. 13. P. 41).

³³ Hubert G. Les sculpteurs italiens en France sous la Révolution, l'Empire et la restauration 1790–1830. Paris, 1964. P. 342–344; Lentz T., Leroy-Jay Lemaistre I., Dion-Tenenbaum A., Laveissière S. Napoléon et le Louvre. P. 49.

³⁴ В 1805 году Шодэ предоставил модель бюста императора в Севрскую мануфактуру, где на ее основе создавались копии из разных материалов на протяжении всего наполеоновского правления. См., например, бюст из бисквита (1811, Лувр): Ibid.

³⁵ О популярности бюстов Наполеона в Англии на протяжении всего XIX века см.: Bainbridge S. Battling Bonaparte after Waterloo: Re-enactment, Representation and 'The Napoleon Bust Business' // Tracing War in British Enlightenment and Romantic Culture. New York, 2015. P. 132–150.

³⁶ Позднее бюст был расположен в гостиной Аполлона, где выставлялась трофейная скульптура. Этот зал был запечатлен на акварели Б. Зикса, ставшей основой для гравюры Ш.-П.-Ж. Нормана (1807, Лувр). До 1835 года бюст оставался в Лувре (Hubert G. Les sculpteurs italiens en France... P. 68–69). Гравюра Нормана перепечатана: Lentz T., Leroy-Jay Lemaistre I., Dion-Tenenbaum A., Laveissière S. Napoléon et le Louvre. P. 178.

³⁷ Приведем несколько примеров бюстов Александра, сделанных при его жизни: Ф. И. Шубина (1802, Воронежский областной художественный музей им. И. Н. Крамского), Л.-М. Гишара (1808, Государственный Эрмитаж), В. И. Демут-Малиновского (1815, РНБ), Б. И. Орловского (1822, Государственный Эрмитаж), Б. Торвальдсена (после 1820-х, Государственный Эрмитаж), Х. Д. Рауха (1822, Государственная Третьяковская галерея).

³⁸ Карпова Е. В. Иван Мартос. Известный и неизвестный...: портрет в творчестве скульптора. СПб., 2005. С. 23.

римского триумфатора. В высшей степени конвенциональные, эти скульптурные портреты не претендовали ни на портретное сходство, ни на раскрытие индивидуальности государя.³⁹ Рассмотрим два монументальных образца работы скульптора.

Первый из них был выполнен Мартосом по заказу Абоского университета (ныне — университета Турку) в 1814 году. Бронзовый бюст⁴⁰ был установлен на высоком постаменте в зале торжественных заседаний университета, повлияв на все архитектурное убранство зала, специально оформленного в «римском» стиле.⁴¹ Произведение определенно напоминает уже описанную нами работу Бартолини из Лувра. «Колоссальный» размер (130 см в высоту), обрезанные плечи, условность портрета Александра, изображенного с лавровым венком на голове, — все это, вероятно, восходит к знаменитой работе итальянца. Очевидно, руководство университета хотело создать в стенах главного здания нечто подобное мемориального помещения, обставленного с «наполеоновской» пышностью.

Второй монументальный бюст императора был создан при схожих обстоятельствах в Петербурге. Это еще более впечатляющее своими размерами произведение (1,46 × 1,10 × 0,84 м, мрамор; 1822, Государственный Русский музей) было выполнено по заказу петербургского купечества для украшения большого зала Биржи.⁴² Несмотря на то что бюст снова был установлен не на открытом месте, а в здании, церемония установки 2 сентября 1822 года, описанная в газетах, а также монументальность самого портрета не дают сомневаться в том, что практически это было фактом прижизненной мемориализации монарха. Но в этом случае к антиклизированному образу «наполеоновского» типа были добавлены христианские мотивы: на латах Александра было изображение Спасителя, а элементы обмундирования были украшены христианской символикой. Произведение Мартоса заслужило похвалу в печати⁴³ и вызвало восхищение современников: показательно, что впоследствии жители Таганрога, пожелавшие установить памятник скончавшемуся в их городе императору, первоначально хотели видеть на одной из своих площадей именно копию бюста из Биржи.⁴⁴

Стихи на бюсты Александра I кардинально отличались от рассмотренных стихов на частную скульптуру. Все они имели более дистанцированный характер: император всегда именовался в третьем лице, что исключало какой-либо диалог, поэты не стремились выразить свои личные мысли и чувства по отношению к государю, а концентрировались на его заслугах и исторической роли.

Начнем обзор с известной панегирической надписи П. А. Вяземского, которая перепечатывалась много раз, сочетаясь как с портретом Александра,⁴⁵ так и с его скульптурным изображением:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель.
Какой венец Ему? Какой Ему алтарь?

³⁹ Бюсты работы Мартоса, несмотря на признание их достоинств, по-видимому, не считались похожими. Так, И. И. Дмитриев в переписке с П. П. Свиным по поводу заказа бюста Александра I пишет: «...я хотел бы иметь его [бюст] похожим на мартосов (разумеется, не в сходстве, а в расположении) без лавров с открытой шеею и в мантии» (цит. по: Карпова Е. В. Произведения изобразительного искусства в стихах и письмах Дмитриева. С. 160).

⁴⁰ Сейчас расположен во дворе библиотеки Хельсинкского университета.

⁴¹ Карпова Е. В. Иван Мартос. С. 25–26.

⁴² Бюст был вырезан Б. И. Орловским по терракотовой модели Мартоса. Об истории этого памятника см.: Коваленская Н. Н. Мартос. М.; Л., 1938. С. 113–114; Карпова Е. В. Иван Мартос. С. 20–27.

⁴³ См., например, хвалебный отзыв П. П. Свинына: критик вовсе не затрагивает проблему сходства и сосредоточен на символической программе бюста, а также на отделке, которые оцениваются им как большая удача художников (Свиный П. П. Торжественное открытие мраморного бюста Государя Императора в Биржевой зале // Отечественные записки. 1822. Ч. 11. С. 422–423).

⁴⁴ Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Т. 2. С. 262–263.

⁴⁵ Например, эти стихи использованы в портретной гравюре, описанной Д. А. Ровинским. См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. СПб., 1886. Т. 1. А–Д. С. 79.

Вселенная! Пади пред Ним, Он твой спаситель,
Россия! Им гордись: Он сын твой, Он твой Царь!⁴⁶

Эти стихи были использованы в рамках театрального представления, данного на празднике в честь взятия русскими войсками Парижа. Кульминацией действия стало венчание бюста императора лавровым венком в «Храме Славы»: пьедестал был украшен драгоценными камнями, по бокам его стояли гении, а рядом курились фимиамы.⁴⁷ Однако надпись Вяземского, выложенная «огненными литерами»,⁴⁸ контрастировала с обилием антично-языческой символики этой инсталляции: поэт отрицал языческое прославление венками и алтарями как недостаточное и, говоря о том, что «вселенная» должна «упасть» (по-видимому, здесь имеется в виду «преклонить колени») перед своим спасителем, актуализировал ассоциацию Александра I с Христом.⁴⁹ Добавим еще одну аналогию: эта постановка обнаруживает сходство с практиками, популярными в пореволюционное время во Франции. Различные перформансы и процессии, использующие бюст великого человека в качестве знака, вокруг которого развевалось символическое действие, восходили к знаменитому чествованию бюста Вольтера в Комеди Франсез в 1778 году. Сохранилось множество гравюр с изображением похожих церемоний: на них аллегорическая женская фигура (например, Франция или Свобода) венчает бюст великого человека лавровым венком.⁵⁰ Эта традиция, совершенно гражданская по своей природе, в России приобрела сакрально-монархические оттенки: стихи Вяземского привнесли в описанное нами театральное действие элементы панегирической традиции, связанной с обожествлением русских монархов.

Традицию сакрализации продолжает М. М. Севринов, который в своей надписи на бюст Александра соединяет богоподобную сущность и могущество русского монарха с христианским милосердием:

Наружность смертного — но качества Богов;
Быв силен покорить — Он милует врагов.⁵¹

М. В. Милонов, хотя и вводит противопоставление русского царя и истукана-Наполеона (бюст Благословенного монарха, очевидно, имеет для поэта совсем другую природу), все же создает надпись, которая хорошо бы подошла публичному памятнику:

Им свету низложен грозивший истукан
И царствам прежняя возвращена свобода;
Он Благостью в свой век возвысил царский сан,
Любимец и Отец великого народа.⁵²

В стихах, пропетых на церемонии открытия бюста в Бирже, снова объединяются мотивы кротости и величия; Александр заслуживает и христианскую любовь, и триумфальные лавры победителя:

⁴⁶ Цит. по: *Вельяшев А. П.* Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 обществом благородных людей, по случаю взятия российскими войсками Парижа и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы. М., 1814. С. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Об устойчивой традиции обожествления монархов в русской культуре см.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 1. С. 205–337. Эта традиция была особенно актуальна в описываемый нами период: Александра I называли Христом даже в проповедях (Там же. С. 245). Подобные ассоциации встречаются и в поэтической культуре. Так, В. А. Жуковский в послании «Императору Александру» (1815) прямо уподобляет вступившего в Европу русского императора Христу, входящему в Иерусалим. См. об этом: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... С. 291.

⁵⁰ См. об этом: *Scherf G.* Jean-Jacques Rousseau et la révolution: les avatars d'un représentation sculptée // Jean-Jacques Rousseau et son image sculptée 1778–1798. Lyon, 2012. P. 49–57.

⁵¹ Сын отечества. 1814. Ч. 16. № 33. С. 25.

⁵² Благонамеренный. 1819. Ч. 5. № 2. С. 71.

О час, о миг для нас блаженный,
 Открылся нам Монарха лик!
 Бессмертной славой озаренный,
 Наш Царь и кроток и велик!
 Парил орел Его державный
 К спасенью царств, на страх врагов:
 Он в мире кроткий, в брани славный,
 Стяжал и лавры и любовь!⁵³

В экспромте на бюст, написанном после смерти Александра, А. М. Мартынов не упоминает о человеческих качествах почившего государя. Вместо этого он повторяет один из государственных «сценариев», согласно которому русский император репрезентируется как покорный Богу христианин и миротворец, а его правление противопоставляется эгоистичной завоевательной политике Александра Македонского, за образом которого отчетливо просматривается образ Наполеона.

Вот Он — России честь и слава, дар небес,
 Великий Александр, полночный Геркулес!
 Не мира древнего надменный повелитель,
 Но кроткий счастья народного зиждитель.

Восточный Александр державы разрушал,
 А Северный — царям престолы возвращал;
 Восточный — был бичом и ужасом вселенной,
 А Северный — щитом Европы, Им спасенной...⁵⁴

Вероятно, все эти стихи были написаны на бюсты «типа Мартоса», так как условность текстов коррелирует с условностью образа, созданного скульптором. Бюсты, которые могли бы символизировать скромность отказавшегося от памятника императора, становятся способом прижизненной монументализации государя, подобной той, которую осуществлял Наполеон. Эту двусмысленность подкрепляют рассмотренные нами стихи, которые также балансируют на совмещении противоположных характеристик. С одной стороны, поэты признают силу и мощь Александра, а иногда даже говорят о его божественной природе почти языческого характера; с другой — они указывают на его христианскую кротость и миролюбие. Иногда две эти тенденции противопоставляются, но чаще дополняют друг друга.⁵⁵

Тем не менее среди довольно однородного ряда скульптурных портретов Александра I выделяется работа Б. Торвальдсена. Скульптору в этом произведении удалось объединить два разных модуса бюста: он создал антикизированный портрет государя, но одновременно с большой точностью передал лицо императора⁵⁶ и тем самым отразил индивидуальность последнего. Своеобразие этого бюста довольно четко обозначил П. П. Свинын. Критик с неудовольствием отмечал, что в изображении не хватает чего-то «недостающего, чего-то ускользнувшего из-под резца знаменитого артиста».⁵⁷ Этим упущением было отсутствие «характеристического отличия, напечатленного рукою Всевышнего на Помазаннике Своем!», т. е. недостаток героической идеализации.⁵⁸ По-видимому, в своем произведении Торвальдсен довел сходство портрета до того уровня, который мешал привычной реакции на бюсты государя.⁵⁹

⁵³ Сын отечества. 1822. Ч. 80. № 37. С. 178.

⁵⁴ Мартынов А. М. Ода на кончину императора Александра I. СПб., 1826. С. 13.

⁵⁵ На объединение христианских и античных мотивов в поэтическом образе Александра I обращал внимание Б. М. Гаспаров. См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского языка. Вена, 1992. С. 102–105.

⁵⁶ Напомним, что Торвальдсен был одним из немногих художников, кому Александр I позировал.

⁵⁷ Свинын П. П. Бюст Государя Императора // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 461.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Невероятное сходство бюста с обликом императора подчеркивается также в другом отрывке: «Ничего не удавалось никогда видеть мне столь похожего, как этот бюст: очертание лица,

Зато в художественных кругах работа датского скульптора была оценена по достоинству.⁶⁰ В 1825 году Общество поощрения художников инициировало снятие гипсового слепка с бюста для копирования, и примерно в это же время О. А. Кипренский, высоко оценивший мастерство Торвальдсена, использовал бюст для создания, пожалуй, наиболее известных гравированных портретов Александра I.⁶¹ Помимо художников, выделил этот бюст среди других и Аракчеев, вероятно также оценив большое сходство: в своем мемориальном кабинете в Грузине, наполненном изображениями его покровителя, копия бюста Торвальдсена отмечена особым пьедесталом — серебряной тумбой работы И. Бореля с выразительной предостерегающей надписью.⁶²

Неудивительно, что именно это произведение стало объектом пушкинского «К бюсту Завоевателя» (1830): нетипичический образец искусства стимулировал поэта на создание столь же оригинальной поэтической интерпретации.

К бюсту Завоевателя

Напрасно видишь тут ошибку:
 Рука искусства навела
 На мрамор этих уст улыбку,
 А гнев на хладный лоск чела.
 Недаром лик сей двуязычен.
 Таков и был сей властелин:
 К противочувствиям привычен,
 В лице и в жизни Арлекин.⁶³

Эта маленькая надпись в основном изучалась в контексте биографии поэта⁶⁴ и в связи с установлением прототипа стихотворения.⁶⁵ Не имея возможности остановиться на

взгляд, улыбка, расположение волос, чуть приметное склонение головы вперед и вправо, мужественная стройность плеч, — на коих, кажется, точно покоятся царства, и груди — защиты оных: все таково, что не найдешь и пожелать чего-нибудь сходственнее» (*Е. Ф-ий*. О бюсте Торвальдсена, представляющем Государа Императора // Украинский журнал. 1825. Ч. 6. С. 33–34).

⁶⁰ *Кока Г. М.* Стихотворение «К бюсту завоевателя» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 328–331.

⁶¹ В письме к Гальбергу от 21 ноября 1825 года Кипренский писал: «...нынешнего Государа надобно будет Торвальдсенова держаться более всех, один только сей портрет и похож» (цит. по: Там же. С. 330).

⁶² Вот текст этой надписи: «Подножие сие к изображению незабвенного Императора Александра Благословенного сделано после его кончины верноподанным слугою графом А. Аракчеевым: да пребудет оно в сем доме и в сих самых комнатах для сего назначения во веки веков аминь. А если кто осмелится оно обратит на другое какое употребление, то да будет ему наказание Божие как в сей, так и в будущей жизни» (цит. по: *Врангель Н., Маковский С., Трубников А.* Аракчеев и искусство. С. 457).

⁶³ Мы цитируем это стихотворение по факсимильной копии: *Гофман М. Л.* Неизданные рукописи Пушкина: из трудов Пушкинского Дома при Российской Академии наук // Окно: Литературный сборник. Париж, 1924. Вып. 3. С. 360. Эта копия показывает, что текст имел первоначальное заглавие «Кумир Наполеонов». Однако Пушкин впоследствии решительно зачеркнул «Наполеонов», написав сверху «Завоевателя» и добавив слева «К бюсту».

⁶⁴ *Альтшуллер М. Г.* Между двух царей: Пушкин 1824–1836. СПб., 2003. С. 50–51; Г. М. Кока сосредотачивается прежде всего на отношениях Пушкина с кругом художественных деятелей: *Кока Г. М.* Стихотворение «К бюсту завоевателя».

⁶⁵ По мнению Я. Л. Левкович, этот текст, в соответствии с первым вариантом заглавия, мог быть направлен против Наполеона. Исследовательница утверждает, что император французов также воспринимался современниками как человек двуличный, и это отразилось в том числе в его скульптурной репрезентации (*Левкович Я. Л.* К бюсту Завоевателя // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2. С. 337). С последним аргументом трудно согласиться, так как скульптурная иконография Наполеона, как мы писали выше, была совершенно недвусмысленной, и в полной мере это касается приводимого Левкович примера — статуи «Наполеон-Законодатель» работы Шодэ (1804–1805). Сделанная автором классического бюста Наполеона, эта статуя в портретном отношении не отличалась от большинства скульптурных образов императора и, вопреки мнению исследовательницы, изображала его как хмурого античного мужа без тени улыбки

истории интерпретаций этого текста подробно, оговоримся, что нам кажется вполне убедительной гипотеза, высказанная еще П. И. Бартеневым,⁶⁶ согласно которой этот текст связывался с бюстом работы Торвальдсена. Ее поддерживает наиболее веский аргумент — известное дневниковое замечание Пушкина, датированное концом 1820-х годов: «Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх нахмуренный, грозный, низ же выражающий всегдашнюю улыбку».⁶⁷

Также кажется верным предположение М. Г. Альтшуллера о том, что зачеркнутый вариант заглавия «Кумир Наполеонов» был сознательной автоцензурой.⁶⁸ Пушкин изначально указывает в названии ложного адресата надписи (Наполеон), вероятно рассчитывая на то, что сам текст прояснит читателю истинный объект критики (Александр I), при этом привычное сопоставление русского и французского императоров сохранится. Однако вскоре он удаляет упоминание Наполеона как слишком прямолинейное, заменяя его на более емкое «Завоеватель».

Попытаемся отойти от биографических обстоятельств написания этого текста. Короткая надпись представляет для нас интерес как наиболее глубокий отклик на практики мемориализации Александра I. Стихотворение демонстрирует сумму всех двусмысленностей, сопутствующих этим практикам, и «двуязычие» скульптурного «лика» оказывается не только осуждением двуличия и коварства Александра I,⁶⁹ но одновременно воплощением двуязычия в репрезентации государя.

Слово «Завоеватель» в заглавии помогает поэту встроить свой текст в ряд стихов на бюсты императора — оно указывает на историческую роль изображенного лица и как будто сигнализирует о том, что текст должен раскрыть значение этой роли. Именование императора в третьем лице также вписывается в традицию отстраненных «официальных» надписей. Однако текст не оправдывает своего заглавия: его основное содержание вписывается в совсем другую традицию. Пушкин, как авторы стихов на частные бюсты, концентрирует свое внимание на скульптурном лице: внимательно рассмотренные, черты этого лица вызывают язвительную оценку характера изображенного. Но одновременно этот текст демонстрирует тонкое разграничение двух типов бюста, описанных нами выше: улыбку «на мраморе уст» можно ассоциировать с «очеловеченным» бюстом монарха второй половины XVIII века, тогда как «гнев на холодном лоске чела» отсылает к римскому типу «хмурого» бюста Наполеона, на который, как мы это показали, ориентировались наиболее популярные скульптурные портреты русского императора. Здесь скептическое название «К бюсту Завоевателя», которое противоречит привычным ха-

на лице. Если же говорить о восприятии Наполеона современниками, то сама Левкович, приводя высказывание де Сталь о неискренней улыбке Наполеона, противоречащей выражению его глаз, добавляет, что в такой оценке могло не быть ничего специфического, так как подобные физиогномические характеристики были традиционны для описания неугодных деспотов (Там же). Тем не менее двуличие и неискренность, по широко распространенному мнению современников, были характерными чертами Александра I. Этот факт позволил Ю. М. Лотману без сомнения отнести рассматриваемую нами надпись на счет русского императора. См.: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л., 1983. С. 398. К этому можно добавить, что после смерти Наполеона отношение Пушкина к нему было далеко не столь негативным, чтобы дать императору французов такую уничижительную характеристику. Ни в одном пушкинском тексте Наполеон не описан как актер/лицемер. В. А. Кошелев в целом поддерживал мнение Левкович, однако полагал, что под «Завоевателем» Пушкин мог подразумевать собирательный образ, от Александра Македонского до Наполеона (*Кошелев В. А.* Пропущенное «болдинское» стихотворение Пушкина // Учен. зап. / Музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино». Арзамас; Большое Болдино, 2018. Вып. 6. С. 128–138).

⁶⁶ *Бартенев П. И.* О стихотворении Пушкина «Памятник» // Русский архив. 1881. Т. 1. С. 234.

⁶⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 178.

⁶⁸ *Альтшуллер М. Г.* Между двух царей. С. 51. Показательно, что впоследствии, желая напечатать надпись, Пушкин меняет название на «К портрету завоевателя», что, однако, противоречит тексту, определенно посвященному скульптуре.

⁶⁹ Как упоминалось выше, по многочисленным свидетельствам современников, государь действительно обладал этими качествами, и Пушкин не раз становился жертвой его мстительности (Там же. С. 11–25).

рактистическим Александру I,⁷⁰ оказывается особенно уместным, так как оно со всей полнотой выражает аналогию между репрезентациями Александра и Наполеона — аналогию, которую сам император и его приближенные хотели устранить, но которая постоянно актуализировалась в описанном нами мемориализационном процессе.

Надо отметить, что Пушкин, в отличие от других авторов стихов на бюсты Александра, оказался довольно внимателен непосредственно к скульптурному произведению, и здесь для него очень удобной оказалась еще одна модель описания — традиция античного экфрасиса, хорошо известная в его эпоху.⁷¹ Основными чертами этой описательной стратегии было превознесение искусства художника и восхищение натуралистичностью созданного им образа.⁷² Часто такие тексты имитировали диалогическую форму и могли начинаться с ответной реплики, что мы видим и в надписи Пушкина. Вообще, в русской литературной традиции эта модель редко использовалась в стихах на памятники: поэты предпочитали обращаться к великим делам изображенного, избегая упоминания скульптурного произведения. Но для Пушкина, который избирает путь описания, а не прославления, выбор этой модели вполне закономерен: подобно античным эпиграмматистам, поэт восхищается безошибочной точностью («напрасно видишь тут ошибку»), с которой искусство отображает реальную действительность («таков и был сей властелин»). Использование этой «наивной» модели позволяет свободно фиксировать взаимоисключающие черты государя, несомнимые к идеальному, благородному образу. Слово *арлекин* становится созвучно слову *лик*, которое в этом контексте вызывает однокоренное *личина*. Но это оценка не только личности государя, но и той репрезентационной маски, которая, как мы старались показать, была создана усилиями многих акторов, действующих не всегда в согласии с волей Александра I.

⁷⁰ Пушкин уже совершал подобное проецирование на Александра I черт, традиционно приписываемых Наполеону. В неоконченном тексте «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1823) русский император, названный «владыкой севера», перед которым «все пало — под ярем склонились все главы», произносит монолог, где сравнивает себя с Кесарем, которому не грозит Брут (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 94–95).

⁷¹ О распространенности переводов текстов из греческой антологии (в том числе экфрасиических) см.: *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990.

⁷² О структуре античных экфрасисов см.: *Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточные параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 259–283; о литературной традиции описаний в европейской поэзии см.: *Hagstrum J. H.* The Sister Arts: The Tradition of Literary Pictorialism and English Poetry from Dryden to Gray. Chicago; London, 1958. P. 3–170.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-135-142

© С. А. Степина

Н. М. КОНШИН — СОТРУДНИК «УЧЕНОЙ РЕСПУБЛИКИ»*

Николай Михайлович Коншин (10 (21) декабря 1793 — 31 октября (12 ноября) 1859) — один из второстепенных литераторов конца 1810-х — начала 1840-х годов, прошедший характерную эволюцию от поэта-элегика до писателя-романиста и археографа, участвовавший, пусть и несколько на периферии пушкинского круга, в целом ряде кружковых и журнальных проектов 1820–1830-х годов, а впоследствии стремившийся запечатлеть в мемуарах историю литературного поколения, к которому принадлежал.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00306 А: «Литературное общество как культурный, политический и социальный институт (Вольное общество любителей российской словесности, 1816–1825)».

Внимание исследователей к Коншину объясняется прежде всего его личными связями с Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом и А. С. Пушкиным.¹ Между тем вхождение Коншина в литературу во многом было обусловлено его участием в Вольном обществе любителей российской словесности, которое, как представляется, сыграло свою роль в становлении Коншина-литератора, а также способствовало и его внелитературным успехам. Коншин, как и многие авторы не «первого» ряда, интересен не столько литературной продукцией, в большей степени эпигонской, сколько своей социальной траекторией, на примере которой можно проследить, как занятия литературой, не ставшие определяющими для его жизненной стратегии, сопоставлялись с карьерно-служебными устремлениями и общественным статусом. Подобные случаи ярко иллюстрируют те социальные возможности, которые могли дать образованному дворянину публичные выступления на литературном и/или научном поприще. Обращение к истории сотрудничества Коншина с ВОЛРС позволяет не только более подробно описать его литературную стратегию и уточнить эпизоды его ранней биографии, связанные с переводческой деятельностью, о которой до сих пор практически ничего не сказано в научной литературе, но и показать «символическую ценность» участия в ВОЛРС в начале 1820-х годов.

Прежде чем переходить к интересующим нас сюжетам, коротко опишем биографические или, точнее, служебные обстоятельства, предшествовавшие вступлению Коншина в ВОЛРС.

В 1805 году, по окончании курса в Вологодской гимназии, Коншин отправился в Петербург для определения в корпус, но из-за отсутствия документов, доказывающих его дворянское происхождение, его зачислили в роту для разночинцев. После выпуска из корпуса Коншин был переведен юнкером в гвардейскую конную артиллерию (1 ноября 1811 года); через два месяца, 25 декабря 1811 года, он держал офицерский экзамен и был произведен в прапорщики, но из-за бюрократических проволочек с документами не поступил в гвардию и был направлен в армию.² Коншин не участвовал непосредственно в военных действиях, а потому не получил награды за боевые заслуги, что могло бы способствовать продвижению по службе: в 1812 году он находился с 20-й конной ротой под Смоленском; заболев незадолго перед Бородинским сражением, смог вернуться в роту только в конце 1812 года; в 1813 году служил в Брянске. В 1844 году Коншин вспоминал: «В 1811 году я служил прапорщиком в конной артиллерии. Пока продолжалась последняя великая лихорадка Европы с XII до XV года включительно, естественно, продолжались и блистательные надежды всех прапорщиков. Однако же мир Европы застал меня в этом же чине, но уже больным и сердитым».³

Весной 1814 года вместе со своей батареей Коншин выступил в заграничный поход на Варшаву и Краков, а затем в Шклов. Здесь познакомился с учителем французского языка Александром Старынкевичем, который, по заверению самого Коншина, оказал огромное влияние на становление его мировоззрения и интеллектуальное развитие. Об этом известно из его автобиографических записок «Для немногих»:

¹ См., например: *Лонгинов М. Н.* Баратынский и его сочинения // Русский архив. 1867. Вып. 2. С. 253–255; *Медведева И.* Ранний Баратынский // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. 1. С. L–LXVII; *Вацуро В. Э.* 1) «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 176–178; 2) Из литературных отношений Баратынского // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 342–349; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 12–20, 36–37, 100–109 и др.; Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. С. 95, 150, 153, 162–163.

² Здесь и далее биографические сведения о Коншине приводятся по следующим источникам: *Кирпичников А. Н. М.* Коншин 1793–1859 гг. Эпизод из истории русского романтизма, по неизданным документам // Русская мысль. 1897. № 5. С. 144–170; *Вацуро В. Э.* Коншин Н. М. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 61–62.

³ *Коншин Н. М.* Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1958. Вып. 2. С. 389–390.

«...он первый развернул мои понятия, и первый дал мне существенное право на некоторую самонадеянность и благородную свободу мыслей. <...> с ним прочитал я и философов, и мечтателей; и признаюсь, что особенная нежность ко мне этого редкого человека внушила в меня большее к себе уважение, и я устыдился прежней слепоты своей».⁴

Кружок Старынкевича состоял в основном из молодых дам. Здесь Коншин обратился к чтению философии, увлекся классической и современной поэзией и, по-видимому, приободренный наставником, стал пробовать собственные силы в литературном творчестве.

В начале 1816 года Коншин отправился в Петербург, чтобы «проситься в гвардию» или «армию, стоящую на Турецкой границе»,⁵ но получил везде отказ, 10 февраля 1818 года вышел в отставку в чине поручика. Неудачи в военной карьере разочаровали Коншина, но не разрушили его мечты о славе и высоком положении в обществе. При протекции отца он поступил в Департамент мануфактур и внутренней торговли, однако служба мелким чиновником казалась ему занятием скучным, недостойным и мало приближающим к заветной цели — получению дворянства.

Чтобы обратить на себя внимание и продвинуться в служебной карьере, Коншин, вероятно осознавая связь между литературой и социальными привилегиями, решил прибегнуть к архаичной модели патронажа⁶ и преподнести императору «серьезный» литературный труд. 29 июля 1818 года Коншин обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с письмом, в котором просил дозволения преподнести императору свой перевод книги французского историка Пьера-Николя Ружрона «Царствование Карла Великого, короля французского, императора западного»,⁷ а также ходатайствовал о монаршей милости в уважение прежних «благороднейших подвигов» и «невозвратной потери здоровья на службе отечеству, в бывшую 1812 года кампанию».⁸ В случае признания книги достойной некоторой награды Коншин «желал бы, чтоб высочайше повелено было, при вступлении его в статскую службу, переименовать его в 10-й класс, соответственно пожалованному ему при отставке артиллерии поручика чину».⁹

Не дождавшись ответа в течение четырех с половиной месяцев, в декабре 1818 года¹⁰ Коншин написал еще одно письмо Голицыну. Только после этого началось движение рукописи, которая была отправлена для дальнейшей экспертизы пошечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову, а тот в свою очередь поручил составить отзыв о ней профессору кафедры общего права Санкт-Петербургского университета А. П. Куницыну.

Несмотря на в целом одобрительный отзыв Куницына и рекомендацию книги к публикации после исправления некоторых переводческих погрешностей и стилистических

⁴ РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 11 об.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ Подчеркнем, что и в дальнейшем модель патронажа в служебных делах и стремление к «конвертации» символического ресурса литературного имени в социальные блага останутся релевантными для Коншина. В 1836 году он обратится к Пушкину с просьбой убедить В. А. Жуковского ходатайствовать за него перед С. С. Уваровым для назначения на должность директора училищ Тверской губернии (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 16. С. 201–202). С искажением подробностей эта история «со слов Коншина» представлена в статье: *Рогозинников И.* Литературные труды бывшего директора училищ ярославской губернии Н. М. Коншина // *Ярославские губернские ведомости.* 1864. №17–18. 23 и 30 апр. С. 127; републ.: *Трефолов Л. Н.* 1) Рассказы об ярославской старине (IX. Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев) // *Русский архив.* 1877. № 12. С. 402–403; 2) Крылов. — Пушкин. — Коншин // *Русская старина.* 1887. Т. 55. № 8. С. 464–465; *Кирпичников А. Н.* М. Коншин 1793–1859 гг. С. 162–163 (с пояснениями).

⁷ *Rougeron P. N.* Le règne de Charlemagne roi de France. Et empereur d'occident. Paris, 1807; 1817.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. № 29. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 3 (помета о получении письма с датой «16 декабря 1818», сам Коншин указал только месяц и год).

неточностей, 12 марта 1819 года последовала резолюция: «...Господин Министр по изъяснении ему сей книги содержания не находит приличным посвящать и подносить оную Государю Императору».¹¹ Такой ответ означал, что первая попытка Коншина воспользоваться патронажной моделью и укрепить свою социальную позицию оказалась неудачной.

Сам Коншин, по-видимому, понял это раньше получения официального решения, поскольку начал искать более быстрого карьерного роста в армейской службе, и уже в марте 1819 «по высочайшему приказу» вернулся в полевые полки, намереваясь, по его словам, «в короткое время получить майорский чин».¹² Однако, опираясь на автобиографические записки Коншина, можно предположить, что переход в армию не ослабил его желания войти в литературный круг: «В скромном армейском мундире я стал более уважать себя и точно стал более, нежели прежде, достоин уважения. Я потерял фанфаронство в словах и в образе жизни: прилепился к занятиям полезным; словесность и науки были товарищами моего уединения; химерический, необыкновенный идеал будущего рассыпался в мозгу моем мало-помалу, ограничился уже моим — *сегодня и завтра*; и ничем неутолимая жажда чего-то неизвестного, но великого превратились в тихое желание достижения цели определенной и возможной. Товарищи жизни, о которой и теперь еще с восторгом вспоминаю!..»¹³

Это признание Коншина говорит о том, что литературные занятия в этот период были осознаны им не только как средство «достижения цели определенной и возможной», но и как важная составляющая частной, душевной жизни. Не случайно тогда же изменяются и принципы литературно-бытового поведения Коншина: он ищет не внелитературного покровительства, но дружеской поддержки изнутри литературного мира.

Литературный дебют Коншина состоялся благодаря его знакомству с Баратынским в Нейшлотском пехотном полку в Финляндии. В жизни Коншина Баратынский стал тем, кем для него в свое время был Дельвиг, — другом и, несмотря на разницу в возрасте (а Коншин был даже старше Баратынского на 7 лет), поэтическим наставником, который уже обладал литературным опытом и репутацией и, заметив талант приятеля, способствовал его развитию и продвижению.¹⁴ Примечательной траектории: в силу разных обстоятельств они оба оказались, так сказать, «дворянами без дворянства» и для них обоих литература, помимо прочего, была тем полем, которое давало возможность улучшить свое положение.¹⁵

Для своих дебютных сочинений Коншин избрал жанр дружеских посланий, которыми обменивался с Баратынским и в которых неизменно ему подражал. Первой публикацией Коншина стало послание «Баратынскому» («Куда девался мой поэт?...», 1 августа 1820), помещенное в сентябрьском номере журнала «Благонамеренный»,¹⁶ где в первой половине прошлого, 1819 года, дебютировал сам Баратынский.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14 об. Ср.: «В 1818 году я вышел в отставку поручиком и целый год придумывал, что делать с своей персоной. Жар головы простыл, я решил вступить в гражданскую службу; но как неучам чин коллежского асессора не давался, то предварительно решил, поправ всякую гордыню, идти в армейскую пехоту, стоящую в Финляндии (где от скуки множество шло в отставку и потому производство было скорое), и дослужиться во фронте до этого заповедного чина» (Коншин Н. М. Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823. С. 390).

¹³ РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14 об. — 15.

¹⁴ О тактике литературного дебюта и стратегии литературного поведения Баратынского см., например: Хитрова Д. М. Литературная позиция Е. А. Баратынского 1820 — первой половины 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 16–78.

¹⁵ Подробнее о связи между творческой позицией Баратынского и его военной службой, а также о попытках привлечь «символический капитал» литературных занятий для карьерного продвижения см.: Бодрова А. С. Военная служба Е. А. Баратынского: между биографией и поэзией // Чины и музы: Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина. СПб.; Тверь, 2017. С. 131–155.

¹⁶ Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 17. С. 329 (с цензурной заменой ст. 21–23, помета: «1 августа 1820, К. Валькиала»).

Хотя документальных подтверждений этому нет, вероятно, не без участия Баратынского (в это время члена-корреспондента ВОЛРС) на заседании Общества 29 ноября 1820 года были представлены как «сочинения неизвестного» два послания Коншина: «Баратынскому (при вступлении из лагеря в деревню)» («Забудем, друг мой, шумный стан...», май–июль 1820) и «Баратынскому (ответ)» («Поэт, твой дружественный глас...», 1820). Оба стихотворения были одобрены, но первое по неизвестным причинам осталось неопубликованным, а второе появилось в последней книге «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1820 год без подписи.¹⁷

Впоследствии Баратынский, будучи уже действительным членом ВОЛРС (с 28 марта 1821 года) и имея по Уставу «право предлагать в Члены Общества особ, достойных и могущих быть полезными»,¹⁸ выдвинул кандидатуру Коншина в члены ВОЛРС, о чем имеется запись от 16 мая 1821 года в «Делах по части секретаря Общества». ¹⁹ Из этого же документа известно, что 31 мая 1821 года большинством голосов Коншин был избран в сотрудники, а 19 декабря — в действительные члены ВОЛРС.²⁰

Такой, можно сказать, быстрый перевод из сотрудников в действительные члены Общества²¹ объясняется тем, что, с одной стороны, с июня 1821 года Коншин относительно регулярно мог посещать собрания Общества,²² поскольку Нейшлотский полк дислоцировался в Петербурге с апреля 1821 года по июль 1822 года для несения караульной службы;²³ с другой стороны, как того и требовал Устав, он аккуратно представлял на рассмотрение ученого комитета свои творческие «упражнения».

Анализ архива Коншина²⁴ открывает любопытный факт: многое из его поэтического наследия 1820–1825 годов, куда входят не только послания и элегии, но и в большом количестве альбомные стихи, лирические миниатюры, могло составить сборник, но при этом даже не было обнаружено. Будучи членом ВОЛРС, Коншин не делал ставку на эти жанры. В начальный период своего сотрудничества с «ученой республикой» из более чем двадцати написанных посланий и элегий он предложил на обсуждение лишь несколько текстов. Помимо уже упомянутых посланий Баратынскому, в 1821 году Коншин представлял в Общество послание «Барону К...» («Любимец дружбы и Харит...», 1820), адресованное полковому товарищу К. Г. Клеркеру, которое было одобрено и опубликовано в «Соревнователе»,²⁵ а также элегии «Умиравший» (1820–1821) и «Воспоминание к Р...» («За рубежом владычества мечты...», 1821), последняя из которых появилась в «Новостях литературы»²⁶ А. Ф. Воейкова только в 1823 году — на одном развороте с любовными элегиями «Размолвка» («Прости, сказать ты поспешаешь мне...», 1823), «Безнадежность» («Желанье счастья в меня вдохнули боги...», 1823) Баратынского и «К Лиле» («О, чародейство красоты...», 1823) Дельвига. В более ранних номерах этого же издания обнаруживаются другие поэтические произведения Коншина, через ВОЛРС не проходившие: лирическая миниатюра «К ручью» («Тебя приветствую, домашний друг

¹⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 12. С. 324.

¹⁸ Устав С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1819. С. 15 (утвержден 19 января 1818 года).

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л. 4.

²⁰ Там же. Базанов ошибочно указывает 13 мая как дату избрания Коншина в сотрудники ВОЛРС (Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 444).

²¹ О сроках перевода в действительные члены ВОЛРС близких Баратынскому литераторов см.: Мартыненко А. Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. 6. Тарту, 2020. Вып. 2. Пушкинская эпоха. Pushkin's Era / Отв. ред. Р. Лейбов, Н. Охотин. С. 40–42 (Acta Slavica Estonica XII).

²² Согласно рукописным отчетам Общества за 1821–1822 годы, Коншин, став сотрудником ВОЛРС, во второй половине 1821 года участвовал в 7 заседаниях из 15 (ИРЛИ. Ф. 58. № 49. Л. 113), а в первые 7 месяцев 1822 года, до отъезда в Финляндию, посетил только 5 из 24 собраний (Там же. № 50. Л. 25 об.).

²³ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 105–106, 118.

²⁴ Автографы и авторитетные копии стихотворений Коншина в рукописных тетрадах: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 53; ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 247.

²⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 2. С. 242–243.

²⁶ Новости литературы. 1823. Кн. 5. № 38. С. 191–192.

села...», 1821)²⁷ и элегическое стихотворение «Поход» («Звучит призывный барабан...», 1822),²⁸ посвященное выступлению Нейшлотского полка из Петербурга обратно в Финляндию. В главном печатном органе Общества появится только одна элегия «К Лиде» («Вы, юный друг мой, не забыли...», 1823).²⁹ Хотя доля опубликованных Коншиным элегий в начале 1820-х годов невелика, именно тогда он обретает репутацию элегика, о чем свидетельствует, например, выразительное сопоставление, которое Пушкин использовал в письме Жуковскому от 17 августа 1825 года: «...согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина».³⁰ Такова авторитетная читательская рецепция ранних сочинений Коншина, сложившаяся за пределами институционального поля.

Показательно, однако, что, вступив в ВОЛРС, Коншин не стремился представлять в роли поэта-элегика, а напротив, видимо, хотел расподобиться с Баратынским, литературная стратегия которого в первой половине 1820-х годов была связана в основном с жанрами элегии и послания.³¹ В качестве нового сотрудника Общества Коншин, в свою очередь, ставит акцент на переводную ученую прозу и беллетристику.

В 1821 году он препровождает в ВОЛРС три перевода с французского языка. Первый текст — объемный фрагмент из «Истории правления императора Карла V» У. Робертсона.³² В реестре произведений, доставленных в Общество, он значится как «Отречение императора Карла V от престола, и — причины его к тому побудившие — торжественность сего отречения — отъезд в Гишпанию, — образ его новой жизни — его смерть — его характер»;³³ это сочинение Коншина было зачитано на заседаниях 24 октября и 7 ноября 1821 года и в начале 1822 года появилось в «Соревнователе» под заглавием «Отречение императора Карла V».³⁴ Второй перевод — «Отрывок из Парни (путешествие)», рассмотренный 22 ноября 1821 года (резолюция: «12 избр., 5 не избр.»),³⁵ остался неопубликованным. Третьим переводным текстом, снискавшим всеобщее одобрение на заседании «соревнователей» 6 июня 1821 года, была книга «Царствование Карла Великого...», уже упомянутая как несостоявшееся в 1818 году подношение Александру I.

Характерно, что после представления этого раннего перевода в ВОЛРС, Коншин вернулся к идее высшего подношения своего *opus magnum*. 27 января 1822 года, как следует из служебных формуляров, Коншин был пожалован бриллиантовым перстнем «за перевод истории Карла Великого» и в этом же году получил долгожданное дворянство.³⁶ Можно предполагать, что литературная институционализация Коншина в ВОЛРС способствовала тому, что его вторая попытка конвертировать переводческий ученый труд в репутационный статус увенчалась успехом. Этот труд Коншин даже намеревался выпустить отдельным изданием, о чем известно из объявления в весеннем номере «Соревнователя» за 1823 год, где среди достоинств сочинения отмечались широта охвата и уникальность исторического материала, ранее в переводе на русском языке не представленного, и говорилось о том, что «книга сия печатается хорошими литерами на белой бумаге, в 8 долю листа; цена за все три час-

²⁷ Там же. № 27. С. 15.

²⁸ Там же. Кн. 4. № 26. С. 107.

²⁹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 27. Кн. 1. С. 10–11. При этом в реестре произведений, читанных на заседаниях ВОЛРС в 1824 году, элегия не числится. Перепеч.: Новости литературы. 1826. Кн. 16. Май. С. 118–120 (под заглавием «К Делии», без 8 стихов, которые, как говорится в примечании, заменены на точки самим автором). Позднейшая редакция, под заглавием «Финляндия»: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 360–361.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 211.

³¹ Подробнее о ставке Баратынского на жанр элегии в ВОЛРС см.: Мартыненко А. Е. А. Баратынский и «Ученая республика». С. 42–48.

³² Robertson W. L'histoire du règne de l'empereur Charles Quint. Amsterdam; Paris, 1771. Т. 1–2.

³³ ИРЛИ. Ф. 58. № 49. Л. 126.

³⁴ Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 1. С. 3–32.

³⁵ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 406.

³⁶ См., например, об этом же: Кирпичников А. Н. М. Коншин 1793–1859 гг. С. 155.

ти 10 рублей».³⁷ Однако издательский проект, вероятно не собрав достаточный бюджет за счет подписки, так и не был осуществлен.

В течение 1823 года в «Соревнователе» были опубликованы еще два переводных текста Коншина: «Орден иезуитов»³⁸ и «Почему французский язык сделался всеобщим языком в Европе?».³⁹ Таким образом, из пяти французских переводов, которые Коншин отправлял в Общество, всего лишь один не имел успеха. В целом, как кажется, исторические «ученые» переводы Коншина оказались востребованными на волне интереса к достижениям различных наук, европейской и русской истории, политическим событиям современности⁴⁰ и, наряду с другими переводами нехудожественных текстов, в немалом количестве представленными на заседаниях ВОЛРС, отвечали просветительским установкам «ученой республики».

Коншин выступал в ВОЛРС не только как переводчик, но и как прозаик, правда, менее успешно. Его опыты в прозе начала 1820-х годов связаны с Финляндией, к которой — из-за личных обстоятельств и из-за повсеместного внимания к культуре и истории Северной Европы и Скандинавии⁴¹ — он проявлял интерес. 13 марта 1822 года ученое собрание, ознакомившись с сочинением Коншина «Берег дикого человека (финляндское предание). Повесть», вынесло решение: «исправить, сократить подробности излишние, выкинуть повторения».⁴² По-видимому, это было первое обращение Коншина к финской теме в рамках большого эпического жанра, которое не завершилось публикацией.⁴³

В последние годы существования ВОЛРС Коншин не был активным участником собраний. Согласно «Журналу ученых упражнений», в 1824 году он не представил ни одного сочинения,⁴⁴ а в 1825 году сначала в «Соревнователе»,⁴⁵ а затем и отдельным изданием вышла лишь его поэма «Владелец волшебного хрусталька (аллегорическая сказка)».

³⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 21. Кн. 3. С. 364.

³⁸ Там же. Кн. 2. С. 147–173.

³⁹ Там же. 1824. Ч. 27. Кн. 3. С. 255–289.

⁴⁰ Базанов считал, что, наряду с другими статьями и заметками об Испании, появившимися в «Соревнователе» в 1821–1822 годах, перевод Коншина «Отречение императора Карла V» был инициирован особым интересом участников ВОЛРС к революционным событиям 1820–1823 годов в Испании (Базанов В. Г. Ученая республика. С. 243).

⁴¹ Помимо многочисленных переводных и оригинальных художественных произведений, имеются в виду, например, циклы публикаций в «Соревнователе» и отдельные исторические работы, с которыми Коншин мог быть знаком: Лбо [Лобойко И.]. Об источниках Северной истории // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 4. Кн. 2. С. 231–242; Брыков И. И. История Одина, победителя, законодателя, наконец бога древних Скандинавов // Там же. 1819. Ч. 8. Кн. 11. С. 59–79; Ч. 9. Кн. 12. С. 57–71; Брайкевич В. И. О северной поэзии, ее происхождении и характере // Там же. 1820. Ч. 9. Кн. 3. С. 249–269; Ч. 12. Кн. 12. С. 257–272; 1821. Ч. 16. Кн. 1. С. 26–65; Гак К. О походе новгородцев в Финляндию, упоминаемом в русских летописях (сочинение А. Гиппинга) // Там же. 1820. Ч. 10. Кн. 4. С. 35–54; Кн. 5. С. 110–131; Р. А. [Рихтер А.]. Нравы и обычаи древних норвежцев // Там же. 1822. Ч. 18. Кн. 2. С. 139–157; Рухтер А. О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков. СПб., 1821; Лобойко И. Взгляд на древнюю словесность скандинавского Севера. СПб., 1821.

⁴² Базанов В. Г. Ученая республика. С. 413.

⁴³ Более поздние «Две повести (из записок о Финляндии): Густав Верт. Тайна» (СПб., 1833), возможно восходящие к «Берегу дикого человека», также были сдержанно встречены критикой. По выражению «Московского телеграфа», «...все это кажется <...> составлено из чужих впечатлений, не выдержано, обременено излишними вставками и не естественно» (Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 11. С. 469). В этом единственном печатном отклике на «финскую» прозу Коншина его упрекали также в необоснованном использовании эпитафий из Баратынского, Дельвига и Пушкина, по мнению критиков, никак не связанных ни с повествованием, ни с так называемой экзотикой места действия.

⁴⁴ При этом в «Мнемозине» (1824. Ч. 2. С. 155–156) Коншин публикует «Послание к Р....ву» («Люби и пой, товарищ мой...», до 1824), которое, судя по стилистике и автобиографическому подтексту, написано еще в начале 1820-х и, по-видимому, адресовано сослуживцу Ратицеву, о котором Коншин упоминает в записках «Для немногих» (РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14).

⁴⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 30. Кн. 2. С. 177–198.

Столь низкая творческая продуктивность в сравнении с весьма плодотворным предшествующим периодом, по всей видимости, объясняется биографическими, бытовыми обстоятельствами. В ноябре 1823 года Коншин вышел в отставку «с повышением», дающим право на чин коллежского ассессора, и вскоре вступил в статскую службу: в 1824–1825 годах он числился в костромской казенной палате и, располагая весьма ограниченными средствами, вынужден был посвящать большую часть времени служебной карьере, чтобы обеспечить достойную жизнь своей семье (в сентябре 1824 года Коншин женился на дочери генерал-майора Авдотье Яковлевне Васильевой). К тому же к началу 1824 года Коншин реализовал ту социальную стратегию, которую сформулировал для себя еще в конце 1810-х годов: получив дворянство и нужный офицерский чин, он оставил военную службу,⁴⁶ успев при этом составить себе и литературную репутацию, которая способствовала служебному и социальному продвижению.

Таким образом, как видно на примере Коншина, ВОЛРС не только решало литературно-просветительские задачи, но и было значимым социальным институтом. Участие в «ученой республике» стало для Коншина важным этапом в начале творческого пути, когда формировались его личностная и литературная идентичность, связанные с идеологией институционального сообщества и дружеского круга, принадлежности к которому он будет искать и в дальнейшем. В конце 1820-х — начале 1830-х годов Коншин сблизится с молодыми литераторами, группировавшимися вокруг Дельвига, а в конце 1840-х будет заниматься археографическими разысканиями, подготовит несколько публикаций для Императорского Московского общества истории и древностей российских и на почве интереса к средневековой русской истории установит связи с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и Н. М. Языковым.

⁴⁶ Впоследствии сходным образом поступит и литературный наставник Коншина Баратынский: получив долгожданный чин прапорщика в апреле 1825 года, он отправится в четырехмесячный отпуск, а в декабре подаст прошение об отставке (Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 157, 163, 169).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-142-151

© А. А. Карпов

А. С. ПУШКИН У О. И. СЕНКОВСКОГО («ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ БАРОНА БРАМБЕУСА»)

Беллетристические отклики Сенковского на произведения Пушкина не раз привлекали к себе внимание исследователей творчества обоих авторов. Кажется, первое по времени наблюдение такого рода принадлежало В. А. Каверину и касалось опубликованной в начале 1833 года «статьи» Сенковского «Незнакомка».¹ В сумбурном многоголосном разговоре посетителей книжной лавки с торговцем Каверин выделил обмен репликами, практически уравнивающими пушкинский роман в стихах и одно из сочинений лубочного писателя Александра Анфимовича Орлова: «Извините, сударыня, все экземпляры „Онегина“ разобраны. — Так дайте мне „Угнетенную Невинность, или Поросенок в мешке“».² Нетрудно заметить, что комичное сближение Сенковским двух очевидно не равнозначных произведений представляет собой зеркальное отра-

¹ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 51.

² Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Незнакомка. Статья для моего хозяина // Новоселье. СПб., 1833. С. 32–33.

жение полемического приема Пушкина, который в своем памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831) уравнивал роман Булгарина «Иван Выжигин» с трагическими «Выжигинами» Орлова,³ представляя этого «классика» низовой литературы достойным соперником знаменитого прозаика и журналиста.

Косвенное обвинение Пушкина в несправедливой оценке все того же романа Булгарина содержит и другой пассаж «Незнакомки». Превознося «Ивана Выжигина» в качестве одной из вершин русской сатирической литературы, ставя его рядом с «Горем от ума» Грибоедова, Сенковский упрекает критиков Булгарина (к числу наиболее активных из них принадлежал Пушкин) в несправедливости: «Вы кричите против двух этих произведений <...?>.. Кричите, кричите! — тем не менее, они сделали большой переворот в ваших нравах и понятиях».⁴

Оскорбительным по отношению к одной из знаменитых «южных» поэм Пушкина был фрагмент «Незнакомки», включающий «Цыган» в ряд явлений русской массовой ультраромантической литературы: «Прежние наши гости, вновь выходявшие русские книги, были вообще особы хорошего тона и строгих правил <...> теперь большею частью приходят к нам (т. е. в библиотеку для чтения Смирдина. — А. К.) Цыганы, воры, игроки, черти, колдуны, ведьмы, каторжные и непотребные женщины. О времена!.. О словесность!..»⁵

Новый выпад Сенковского против Пушкина относится уже к эпохе их открытой конфронтации, наступившей после того, как поэт принял решение о выпуске собственного периодического издания. В повести Сенковского «Записки домового» черт журналистики Бубантес, рассказывает: «...в нашем городе есть одна упавшая репутация, которая издает новую книгу: решено было поднять ее и поставить на ноги. Собралось человек тридцать ее приятелей, все из литераторов. Когда я пришел туда, они миром поднимали ее с земли, за уши, за руки и за ноги. <...> Ни с места! Ну, любезнейший, ты не можешь себе представить, что значит упавшая литературная репутация! В целой вселенной нет ничего тяжелее».⁶ «Упавшей литературной репутацией, — комментирует приведенный фрагмент Каверин, — была в середине 30-х годов репутация Пушкина», а под новой книгой, которую намерился издавать поэт, подразумевается его будущий журнал «Современник».⁷

Наибольшее внимание исследователей литературных отношений Пушкина и Сенковского традиционно привлекают три произведения последнего, опубликованные в «Библиотеке для чтения» в 1835–1836 годах под псевдонимом «А. Белкин», скандально соединившим имя пушкинского циклизатора с инициалом создателя этого образа, — «Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка» и «Джулио» (в последнем

³ Орлов А. А. 1) Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отродками. Нравственно-сатирический роман: В 4 ч. М., 1831; 2) Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина. М., 1831; 3) Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. Сатирический роман. М., 1831, и др.

⁴ Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Незнакомка. С. 15.

⁵ Там же. С. 25–26. «Цыганы, воры, <...> каторжные и непотребные женщины» — это, конечно, новые соседки «Незнакомки» по книжной полке поэмы «Цыганы» и «Братья-разбойники» Пушкина, а также «Наложница» Баратынского («...при первом разговоре они сами объявили мне, что одна из них „Разбойник“, а другая „Наложница“. Прошу покорно вообразить мой стыд, ужас, негодование!..» (Там же. С. 26)). Аналогичный прием дискредитации ранее использовал Булгарин, в «сатирической повести» которого «Предок и потомки» проспавший двести лет во льду столыжник царя Алексея Михайловича Свистушкин узнает, что его далекий потомок, поэт Никандр Сергеевич Свистушкин, является автором «двух тоненьких книжонок», одна из которых называется «Воры» (имеются в виду «Братья-разбойники»), а другая — «Жиды» (подразумеваются «Цыганы») (Булгарин Ф. Соч. СПб., 1830. Ч. 12. С. 57–59).

⁶ Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Записки домового. Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печью во время перестройки. Статья первая // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. Отд. I. С. 32–33.

⁷ Каверин В. Барон Брамбеус. С. 82.

случае в качестве соавтора псевдо-Белкина указан активный участник «Библиотеки», представитель русского «низового» романтизма А. В. Тимофеев). Однако в рамках выделенной темы не меньший интерес представляет и самое известное сочинение Сенковского — вышедшие в свет в 1833 году «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса».

Книга Сенковского-Брамбеуса состоит из четырех частей. Первая из них — «Осенняя скука» — мотивирует желание автора-повествователя совершить свои «фантастические» поездки. Далее следуют описания трех видов подобных вояжей: «Поэтическое путешествие по белу-свету», «Ученое путешествие на Медвежий остров» и «Сентиментальное путешествие на гору Этно».⁸

К «Поэтическому путешествию по белу-свету» Брамбеуса побуждает жажда «сильных ощущений», пробудившаяся в нем под воздействием «творений новой поэтической школы», — мечта «о страшном, мрачном, отвратительном, ужасном» (с. 6). Так, уже с первых страниц книги обнаруживается ее литературно-полюемический характер, связанный с критикой не только современных французских («неистовая словесность»), но и русских авторов.

Истинную поэзию повествователь вначале находит в опасном двухнедельном «плавании» на бричке по океану грязи во время своего «поэтического путешествия» «из Малороссии, чрез Новороссию, на край всея Руси, в Одессу». «Теперь я постигаю поэзию грязи, которую малороссы так страстно любят переносить в свои романы,⁹ — заявляет Брамбеус. — Если когда-либо ворочусь в Петербург, то сочиню роман в стихах, то есть поэму, в которой напишу грязью величественную картину моего странствования и моих ощущений» (с. 15). Исследователь литературы путешествий А. Шёнле справедливо обнаруживает в приведенной цитате явную отсылку к одной из «одесских» строф «Отрывков из Путешествия Онегина»:¹⁰

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать, в Одессе грязной —
И тут бы, право, не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд,
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.¹¹

⁸ [Сенковский О. И.]. Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб., 1833. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. Здесь и далее курсив мой. — А. К.

⁹ Возможно, Сенковский имеет в виду роман В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825) («Ужасная гроза свирепствовала на летнем полуденном небе. <...> В сие время <...> два молодые странствующие философа <...> пробирались по глинистой дороге через лес дремучий. Почти на каждом шаге они останавливались, чтобы <...> смывать со щек и выжать из усов жидкую грязь» (Нарезный В. Т. Соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 316; курсив мой. — А. К.) или же «Монастырку» Антония Погорельского (А. А. Перовского), первая глава которой, недавно опубликованная в «Литературной газете» (1830. Ч. I. № 14. С. 107–109), содержит описание поездки повествователя под дождем, по ужасной дороге, правда, не грязной, а песчаной. Отдельное издание первой части романа вышло в свет в 1830 году (Монастырка. Сочинение Антония Погорельского. СПб., 1830. Ч. 1), в 1833 году роман был опубликован полностью.

¹⁰ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании литературы путешествий, 1790–1840. СПб., 2004. С. 43, 239 (прим.).

¹¹ Пушкин А. Евгений Онегин. Роман в стихах. СПб., 1833. С. 282–283.

Смысл этой аллюзии может быть истолкован различным образом: как попытка повествователя представить свое «поэтическое путешествие» шутливой параллелью странствию пушкинского героя либо как намек на подчеркнутую прозаичность, свойственную и другим строфам «Путешествия Онегина» («Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный косогор, / <...> Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи / <...> Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака. / <...> Порой дождливою наемни / Я, завернув на скотный двор...»).¹² С другой стороны, планы Брамбеуса «написать грязью роман в стихах» могут восприниматься и как пародийная характеристика *всего* произведения Пушкина, якобы уже осуществившего нечто подобное. Такую интерпретацию косвенно подкрепляет провозглашение (в той же части «Фантастических путешествий») Виктора Гюго — автора «Собора Парижской богоматери», включающего несколько глав, рисующих низменные стороны жизни, — творцом «поэзии помоев». ¹³ Если принять эту версию, то пародийная техника Сенковского предстанет как карикатуризация чужого текста, гиперболизация черт, присутствующих в упоминаемых или подразумеваемых произведениях в значительно более слабом виде и ином функционально качестве. Именно так он поступает, приписывая роману Погорельского «Монастырка» гипертрофированное внимание к низменным подробностям быта¹⁴ или говоря о творчестве Бальзака, якобы основывающего свои «псевдофилософские» построения на поверхностных наблюдениях над «грязными», «примитивными» сторонами жизни и проявлениями человеческой природы.¹⁵

Более определенное истолкование предполагает заключенная в «Поэтическом путешествии» аллюзия на другое пушкинское произведение — «Пир во время чумы», незадолго перед тем опубликованный в альманахе «Альциона». Оказавшись в Константинополе, Барон влюбляется в «божественную коконницу» (т. е. барышню) Дуду (с. 44). Однако долгожданная встреча с ней принимает неожиданный оборот: выясняется, что красавица смертельно больна: «Наши уста встретились в первый раз в жизни. <...> Трепеща от радости, от восторга, от блаженства, от роскошного смятения и судорожно прижимая к сердцу любезную, я мог произнести одно только слово — слово, в котором было сосредоточено, сжато и заключено все мое существование, — слово: — Я счастлив!

— Я зачумлена!.. — сказала она, дрожа и пряча за моим лицом свои пламенеющие ланиты» (с. 59–60).

¹² Там же. С. 279. Впервые: *Пушкин А.* Отрывок из VIII главы «Евгения Онегина» // Литературная газета. 1830. 1 янв. Т. 1. № 1. С. 2–3.

¹³ Облитый из окна нечистотами в тот момент, когда он спешит на свидание, Барон восклицает: «Наконец, увидел я, что утопаю в поэзии помоев. <...> Моя любовь обдана кипятком!.. <...> Счастье мое засорено бараньими костями, куриными перьями, кусками мяса, луку, моркови, капусты!.. Прочитайте несколько глав неподражаемого романа „Церковь Парижской богоматери“, ежели хотите получить ту *высокую тошноту*, какую ощутил я, углубляясь взором и мыслью в подробности *романтического* моего приключения. Я долго смотрел на себя, погруженный в отвлеченное созерцание *мерзости*» (с. 55).

¹⁴ «Я <...> ничего не примечаю, кроме арбузов, блох и клопов, которых можно найти и в „Монастырке“» (с. 12).

¹⁵ «Среди мечтаний и сладких надежд, на повороте одного темного переулка я неожиданно попался в собачье сражение. Собаки смежной улицы поссорились за выброшенную в окно кость с соплеменниками своими, живущими на мостовой переулка, ополчились на них поголовно и напали с намерением завоевать их отечество. Как жалко, что тут не было со мною г. Бальзака! Вот глава для философского романа!.. Здесь он нашел бы, немножко *покопавшись в грязи*, первоначальное понятие о собственности, отечестве и войне. Но между тем, как я сожалел об отсутствии великого наблюдателя в желтой обертке, обе враждующие стороны, оставив кость, накинудись на меня с неслыханным ожесточением» (с. 50–51). Яркий пародийный характер имеет и намек Сенковского на сборник «Кукарача» («La Coucaratcha», 1832) еще одного представителя литературы «юной Франции» — Эжена Сю: во время своего морского путешествия Брамбеус задумывает «состряпать морской роман» в четырех томах под «бурным заглавием» «Куракакубарабурачья» (с. 31) (см.: *Дроздов Н. А.* Французская «нейстовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 145–146).

Роковое признание не умаляет любовного пыла Брамбеуса: «— Ангел мой! — воскликнул я, плача, подобно ей, — наша судьба решена. Поцелуй меня еще раз: мы умрем вместе. Я воображаю себе всю прелесть умереть от чумы на твоих устах, испить смертельный яд из твоего дыхания» (с. 61).

Нетрудно увидеть, что приведенные слова Барона представляют собой реминисценцию из пушкинского «Пира во время чумы»: «...девы-розы пьем дыханье, — Быть может... полное чумы»,¹⁶ что уже было отмечено и лаконично интерпретировано А. Е. Новиковым. «Монолог барона Брамбеуса, произносимый в объятиях зачумленной коконицы Дуду, — пишет он, — пародирует мысль Пушкина об упоении, находимом и в „дуновении чумы“, получившем воплощение в „Гимне <...>“ Вальсингама».¹⁷ Однако характер осуществленной Сенковским трансформации источника нуждается в более подробном комментарии.

Экзальтированное восклицание влюбленного Брамбеуса, намеревающегося испить «полный чумы» поцелуй Дуду, представляет собой не только ироническую парافразу знаменитого гимна Вальсингама, парадоксально поэтизирующего «неизъяснимы наслажденья» всем, «что гибелью грозит».¹⁸ Доводя его пафос до абсурда, Сенковский издевательски натуралистично реализует романтическую метафору «смертельного поцелуя»: «Не станем, друг мой, сожалеть о жизни: она, быть может, приготавлила нам чашу уксусу и желчи. Подумай, какое счастье, какое неземное ощущение: мы еще живы и уже разлагаемся внутри наших тел!.. мы тут говорим с тобою о наших чувствах, обожаем, клянемся вечно обожать друг друга, и уже мертвы, уже гнием, и наши внутренности, наши сердца превращаются в смрадную гробовую материю!.. Поцелуй меня еще раз!.. еще раз!.. и еще!.. Теперь одного лишь остается желать — чтоб немногие предоставленные нам минуты жизни могли мы посвятить ласкам нашей страсти, а с последним поцелуем расплыться в гной, который люди подберут осторожно и выкинут с отвращением... — Ты страдаешь, любезная Дуду?..

— Нет, я очень, очень счастлива!.. — отвечала она с восхищением.

И все эти слова были прерываемы частыми, сильными, *раскаленными сугубым огнем* любви и чумы, поцелуями, а последние поцелуи были расторгнуты внезапным кружением голов и смертельною тошнотой» (с. 61–62).

В «Поэтическом путешествии» реализуется и другая романтическая метафора — «пламенная страсть»: пылки лобзанья Барона и Дуду становятся причиной знаменитого константинопольского пожара 1820 года, свидетелем которого Сенковский стал во время своего восточного путешествия.¹⁹ «Наши души, чувства, мысли, — пишет Брамбеус, — вдруг соединились с такою же жадностью, с таким же кипением, <...> как серная кислота с известью, и образовали одну плотную массу любви и счастья. Мы молчали, горели, были без памяти, <...> и только чувствовали, что нам жарко и приятно. <...> Мы с коконицей Дуду сожгли нашей любовью 9580 домов» (с. 56–57).

«Смертельная» во всех смыслах любовь Барона к Дуду наконец-то полностью удовлетворяет его потребность, как он заявлял в начале «Поэтического путешествия», «согреть душу новыми, неизвестными ей чувствами, упоиться выспременно, недоступною для обыкновенных умов сладостью» — подсказанными литературой «юной Франции» наслаждениями. «Прелесть умереть от чумы <...>, испить смертельный

¹⁶ Пушкин А. С. Пир во время чумы // Альциона. Альманах на 1832-й год / Изд. бароном Розеном. СПб., 1832. Стихотворения. С. 28. Курсив мой. — А. К.

¹⁷ Новиков А. Е. Пушкин и Сенковский (К постановке проблемы) // Пушкин и русская культура: Доклады на Междунар. конф. в Новгороде (26–29 мая 1996 г.). СПб.; Новгород, 1996. С. 107.

¹⁸ Пушкин А. С. Пир во время чумы. С. 28.

¹⁹ «Однажды — могу похвастаться, — вспоминал впоследствии Сенковский о своем давнем пребывании в Турции, — удалось мне видеть <...> такой великолепный пожар, какому в тех странах, после пожара Трои, не бывало подобного: восемь тысяч домов горело вдруг, одним пламенем <...> в виду золотых куполов и крыш серая. Зрелище невообразимое и невыразимое!» ([Сенковский О. И.]. Листки барона Брамбеуса. СПб., 1858. Ч. 2. С. 769–770).

яд» (с. 61), которым полно дыхание пораженной болезнью возлюбленной, естественно вписывается в ранее приведенный повествователем перечень аномальных «восторгов», наполняющих сочинения писателей «неистой школы»: «...я воображал себе роскошь быть посаженным на кол; иногда мне хотелось скитаться по свету с отсеченным языком и руками и сочинять стихи в этом положении или видеть себя зажво запертым в гробу и съеденным червями <...> — или, затворясь в больнице неизлечимых, быть схваченным вихрем кашля, стона, колик, <...> ран, гноя, паралича, падучей болезни и антонова огня <...> — или провалиться внутрь кладбища и лежать среди бесчисленных остовов на груде перебитых черепов и ребр, тогда как по мне плясали бы мертвецы, черти, ведьмы, вампиры, змеи, ящерицы, жабы и все, что составляет прелесть жизни, прекрасное и высокое в природе <...> Тогда, по крайней мере, <...> я <...> был бы <...> приятно измучен, растерзан и счастлив» (с. 6–7).²⁰ Тем самым автор пародийно интерпретированного фрагмента «Пира во время чумы» включается в ряд «неистовых» певцов кошмарного, разрушительного...

Основную часть «Сентиментального путешествия на гору Этну» — заключительного раздела книги Сенковского — составляет описание подземных приключений Барона, попавшего вглубь нашей планеты через жерло вулкана. Однако в связи с темой настоящей статьи особого внимания заслуживает другая часть текста — рамочный рассказ о *наземных* итальянских похождениях Брамбеуса. В нем идет речь о внезапном браке Барона, его скорой и продолжительной разлуке с женой, затем о новой — неожиданной и невероятной — встрече поначалу не узнающих друг друга супругов, возникшей между ними симпатии, их соединении... Связь общей схемы изложенного сюжета с историей отношений героев пушкинской «Метели» — Бурмина и Марьи Гавриловны — кажется вполне очевидной. Это впечатление подкрепляется и сходством многих ситуаций, мотивов, деталей обоих произведений.

Ретроспективно оценивая свой проступок — женитьбу на незнакомой девушке — Бурмин считает его проявлением преступного легкомыслия, непростительной шало-

²⁰ Н. А. Дроздов следующим образом раскрывает намеки, содержащиеся в приведенной цитате: «Сенковский практически приводит опись мотивов современной французской прозы: чахоткой болеет чуть ли не каждый второй персонаж, на кол сажали одного из героев „Мертвого осла и гильотинированной женщины“ <Ж. Жанена>, язык и руки отрубали поэту в „Изувеченном“ Сентина <...>, картины гроба и червей отсылают к роману А. Карра „Под липами“, а больницы и страшные смертельные болезни встречаются в „Молодой маркитантке“ С. Макера. Несмотря на возможность соотнести почти каждый указанный мотив с первоисточником, для Сенковского важнее создать некую объемную панораму „юной словесности“, включающую в себя целый набор отличительных признаков. Нагнетание большого количества узнаваемых мотивов становится типичным приемом „Фантастических путешествий Барона Брамбеуса“, призванным обозначить главных „врагов“ благонамеренной и пристойной литературы: „Я кричал, визжал, прыгал вверх на аршин и приходил в иступление. Что значит быть без рук и без языка!.. Вздор — мучения человека, приговоренного к смерти, в последний день его жизни!.. Что за мудреная уловка удавить свою жену для сильнейшего выражения угрызения совести или при всяком новом желании видеть кусок ослиной кожи уменьшающимся в его объеме и чахотку усиливающейся в своей груди!..“ (<с. 35>). Помимо уже упоминавшегося романа Сентина Сенковский ссылается здесь на „Последний день приговоренного к казни“ В. Гюго, „Исповедь“ Жанена и „Шагреневую кожу“ Бальзака, то есть на ключевые произведения „неистой словесности“» (Дроздов Н. А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. С. 141). В рецензии на русский перевод романа Сентина Сенковский писал: «Когда недавно французская словесность или книжная торговля объявила премию тому, кто выдумает ужаснейшее истязание для человека, некто г. Сентин, весьма посредственный писатель, <...> перецеголял всех тогдашних чернильных палачей, представив словесности или торговле юношу, разумеется, поэта <...> с бурным сердцем и высокими поэтическими вдохновениями, которому за стихи в защиту „прав народа“ отрезали язык и руки, который хочет писать стихи и не может управиться с пером, который силится импровизировать поэму и издает только пронзительное мычание. Эта выдумка имела большой успех как идея новая, очень жестокая, отличная <...>. Но скоро другие распилили человека надвое, третьи содрали с него кожу, четвертые повесили его за ноги, и „Изувеченный“ г. Сентина был помрачен изящнейшими картинами страданий, оставлен, забыт» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. Отд. VI. Литературная летопись. С. 5–6).

стью.²¹ Вместе с тем рассказ Бурмина заставляет видеть в совершившемся и до времени неясную для героя волю некоей высшей силы.²² В отличие от Бурмина, действия Брамбеуса определяются лишь одним, главным его свойством — необыкновенным женолюбием. Просматривая в начале повествования свои недавние дневниковые записи, Барон приводит ряд лаконичных единообразных заметок: «Парма. Я приехал сюда 15 октября и в тот же вечер влюбился в дочь моего трактирщика. <...> Флоренция. <...> Какое множество прекрасных женщин! Какие глаза!.. Я влюблен в половину города... <...> 19 декабря. <...> я получил записку в розовой бумаге от моей прелестной болоньезки <...>. 20 декабря. Я счастлив!.. и проч. 21 декабря. Я ранен кинжалом в бок, и проч. ...» (с. 268–269).

Продолжая чтение, Барон натывается на неожиданную для себя самого запись, впервые прямо намекающую читателю на сходство его походов с историей Бурмина: «2 марта. Я женился, в двух станциях от Неаполя, на божественной синьоре Патапуччи... — Черт побери!.. *Русские всегда женятся, не доехав до последней станции*» (с. 270).

Смысл этого странного суждения Брамбеуса об отечественных не то традициях, не то чудачествах проясняет его сопоставление с рассказом пушкинского героя: «В начале 1812 года <...> я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная мятель... <...> отъехал от церкви, <я> заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции».²³ Несомненно, перед нами интертекстуальный сигнал, указывающий на пушкинский претекст истории женитьбы Барона. Именно сопоставление с ним позволяет интерпретировать скрытый смысл рамочного сюжета Сенковского.

Своему неожиданному браку Бурмин поначалу не придает никакого значения: «...не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я <...> мало полагал важности в преступной моей проказе».²⁴

В случае Брамбеуса подобное беспамятство доводится Сенковским до предела: «Как же это случилось, — спросил я самого себя, — что я забыл о своей женитьбе?.. Оно, однако ж, должно быть так, что я женился: я вел свои путевые записки с чрезвычайной аккуратностью!.. Только синьора Патапуччи названа здесь божественною?.. Это никак описка. Или она в то время казалась мне такою?..» (с. 270).²⁵

Подобно герою «Метели», Барон в скором времени покинул супругу и, позабыв о ней, отправился на прогулку в окрестности Этны, где и провалился в земные недра²⁶ от пинка ревнивого шведа — поклонника очаровательной Джульетты, очередного объекта притязаний любвеобильного Брамбеуса.

Почти трехлетнее пребывание Барона в глубинах планеты (рассказ о нем и составляет основную часть «Сентиментального путешествия»²⁷) завершается так же внезапно, как и началось. Подхваченный потоком газов, он вылетает на поверхность земли и с непостижимой точностью попадает в карету с какой-то незнакомой дамой (вскоре выяснится, что это синьора Брамбеус) и ее спутником, толстым английским лордом, нечаянно раздавленным Бароном при падении и вслед за тем выброшенным им из коляски.²⁸

²¹ «Непонятная, непростительная ветреность...» (Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1938. Т. 8. Кн. 1. С. 86).

²² «...Непонятное беспокойство овладело мною; казалось, меня кто-то так и толкал» (Там же. С. 85).

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 86. Курсив мой. — А. К.

²⁵ Ср. в рассказе Бурмина: «Девушку подняли. Она показалась мне недурна...» (Там же).

²⁶ В буквальном смысле «сквозь землю провалился!»

²⁷ Стоит отметить, что под землей Барон вновь женился и при этом столь же неожиданно, как и во время своей итальянской поездки (с. 358–359).

²⁸ «...Я воспылил нетерпением <...> вытащил за воротник своего усопшего предшественника, <...> выкинул его из коляски и сам занял его место» (с. 370).

В пушкинской повести случайно встретившиеся Марья Гавриловна и Бурмин проникаются друг к другу глубоким чувством, которое отягощает сознание невозможности этой любви. У Сенковского путешествующая итальянка и исторгнутый из земных глубин Барон немедленно начинают флиртовать: «Я <...> приметил, что <...> моя спутница, закрытая белою кисейною вуалью, тайно бросает на меня взгляды <...> Врожденные ее полу любезность и желание нравиться <...> преодолели в ней все прочие чувства. <...> Я счел это время удобным, чтоб ей отрекомендоваться.

— Я желал, сударыня, — сказал я робко и умильно, <...> извиниться перед вами, что имел несчастье раздавить в этой коляске... этого... этого... этого англичанина» (с. 372–373).

В отличие от «девственной Артемизы»²⁹ Марья Гавриловны, легкомысленная кокетка Сенковского проявляет поразительное безразличие к судьбе своего покойного спутника (он может быть рассмотрен как пародийный аналог Владимира Николаевича, устраненного с пути Бурмина самой судьбой) и мгновенно переключает внимание на его невольного убийцу: «— Нужды нет! — отвечала она равнодушно, <...> легонько кланяясь мне бочком. — Прошу не беспокоиться!

— Может статься, моим падением я помял почтенного вашего супруга?..

— Все равно!.. Оно почти не стоит того, чтоб говорить! <...> прошу, не женируйтесь из-за такой безделицы!» (с. 373).

Драматичное объяснение Марья Гавриловны и Бурмина, завершающееся раскрытием тяготящей их тайны и обоюдным узнаванием супругов, у Сенковского замечается подчеркнуто примитивным и пошлым диалогом героев: «Мне непременно хотелось сблизиться с моею спутницею. <...> Я увидел, что она вертится, хочет о чем-то спросить и не знает, с чего начать: она, очевидно, терзалась любопытством узнать, каким случаем попался я к ней в коляску и откуда. <...>

— Сударыня, я не скажу вам, ни каким чудом упал я в вашу коляску, ни кем заронен сюда, ни почему так страшно замаран!

— Ах, сделайте одолжение, скажите!.. — воскликнула она, быстро поворачиваясь ко мне. — У меня ум из головы вон. Я не постигаю, что такое это значит...

— Не скажу!.. Ей-ей, не скажу!.. <...>

— Заклинаю вас, не мучьте меня! Я умру, если не узнаю этой тайны.

— Умирайте; не скажу — хотя это очень, очень любопытно!

— Ах, какие вы жестокие!.. Итак, я отышусь с просьбою не к вам, но к вежливости благородно воспитанного мужчины. Надеюсь, что после этого воззвания вы не откажете даме в ее... — сказала она приятным голосом, который внезапно пресекла, чтобы, как будто ненарочно, откинуть вуаль, чтоб обнаружить моим взорам свежее, молодое, небесное лицо <...>. Я потерял ум и глаза и <...> в одно и то же время произнес два совсем различные восклицания — одно мысленно, раздавшееся в целом странстве моей души: „Ах, какая красавица!.. <...>“, — другое словесно, которое ударило в тимпан ее беленького, прозрачного уха и потрясло ее как бы электрическою искрою: „Мое почтение, синьора баронесса Брамбеус!..“

— Вы меня знаете? — спросила изумленная дама, услышав свое имя.

— Как не знать! — воскликнул я. — Я, кажется, имел счастье быть коротко знакомым с вами.

— Ваше лицо мне не чуждо, — сказала она с беспокойством и с некоторым напряжением любезности, — но я никак не вспомню, где мы виделись с вами. <...> — Да я синьор барон Брамбеус! — вскричал я, прерывая вежливое оправдание. — Я все тот же Брамбеус, к вашим услугам! Как же вы меня не узнали?..» (с. 375–377).

С пушкинскими героями читатель расстается в момент их соединения, движения навстречу друг другу: «— Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

²⁹ «Соседи <...> дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы» (*Пушкин А. С. Метель*. С. 83).

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...».³⁰

У Сенковского та же ситуация узнавания приводит к противоположному результату: раскрыв связывающую их тайну, ловелас и кокетка немедленно утрачивают интерес друг к другу: «Дама мигом закинула вуаль на лицо и оборотилась ко мне спиной. Я замолчал, и она не сказала ни слова» (с. 377).

Финал «Метели» имеет психологически многозначный, «недоговоренный» характер. О будущем героев повести читатель может лишь догадываться. В своей версии того же сюжета Сенковский предпочитает внести полную ясность в историю дальнейших отношений чудесно соединившихся супругов. Поэзия легкого флирта сменяется прозой семейной жизни — ревностью, ссорами, взаимными обвинениями... Баронесса жестоко мстит мужу и за то, что он когда-то покинул ее, и за то, что вернулся. По ее доносу Брамбеуса заключают в тюрьму, откуда он выходит только после развода, на котором настояла злопамятная итальянка.

Замечено, что манера, говоря словами Пушкина, «вышивания» «новых узоров» «по старой канве»³¹ была характерной чертой Сенковского-писателя.³² При этом соотносимость создаваемых им текстов со своими источниками далеко не всегда была очевидна для читателя. Подобно многим другим аллюзивным произведениям, рамочная история «Сентиментального путешествия на гору Этну» предполагала разные уровни восприятия. Внешне выглядящая как смешная история походов незадачливого волокиты, она имела игровой характер, была полна остроумных переключек с текстом пушкинской «Метели». Несомненно, одной из задач этого соотнесения была литературная полемика. В критических отзывах, последовавших за выходом «Повестей Белкина», не раз отмечалось неправдоподобие содержания многих из них, в особенности же — именно «Метели». «...В повестях „Выстрел“, „Метель“ и „Барышня-крестьянка“ нет даже никакой вероятности, ни поэтической, ни романической, — писал, к примеру, «Московский телеграф». — Это фарсы, затянутые в корсет простоты без всякого милосердия».³³ «Вторая повесть («Метель». — А. К.) уж чересчур неправдоподобна, — отмечала «Северная пчела», откликаясь на второе издание цикла. — Прапорщик (кажется, прапорщик) подговаривает провинциалку бежать и обвенчаться. <...> В этой повести каждый шаг — неправдоподобие. Кто согласится жениться мимоездом, не зная, на ком? Как невеста могла не разглядеть своего жениха под венцом? Как свидетели его не узнали? Как священник ошибся? Но таких „как“ можно поставить тысячи при чтении „Метели“».³⁴

Казалось бы, предпринятое в «Фантастических путешествиях» пародийное переосмысление мотивов и сюжетов ряда пушкинских созданий свидетельствует о негативном отношении Сенковского к творчеству писателя. Однако в своих литературно-критических выступлениях он не раз говорит о Пушкине как о «великом поэте», обладателе «огромного, разнообразного и всегда необыкновенного поэтического дара»,³⁵ в рецензии на посмертное издание сочинений Пушкина называет его великим национальным поэтом, одним «из первых лирических поэтов нынешней Европы»,³⁶

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. С. 50.

³² См. об этом, например: Крачковский И. Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей О. И. Сенковского // Тр. Военного института иностранных языков. 1946. № 2. С. 5–28; Рифтин Б. Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века: Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. С. 22–26.

³³ [Полевой Н. А.]. Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. № 22. С. 256.

³⁴ Р. М. [Строев В. М.]. «Повести, изданные Александром Пушкиным» // Северная пчела. 1834. 27 авг. № 192. С. 51–52.

³⁵ С. О. [Сенковский О. И.]. Новоселье. Книга вторая // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд. V. С. 31.

³⁶ [Сенковский О. И.]. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // Там же. 1840. Т. 39. Отд. V. С. 3.

в романе «Идеальная красавица» ставит Пушкина рядом с Байроном как равного ему гения.³⁷ Доброжелательно, а порой и восторженно отзывался Сенковский и о пушкинской прозе,³⁸ ценил Пушкина как историка.³⁹

Наряду с полемической составляющей, осуществленная в «Фантастических путешествиях Барона Брамбеуса» перелицовка пушкинских произведений должна быть воспринята и как проявление особого, важнейшего свойства мышления Сенковского-художника — его обостренной чуткости к комическому потенциалу любых, в том числе и самых серьезных тем и сюжетов.⁴⁰ Его собственным созданиям часто присуща своего рода амбивалентность. Так, в своеобразной фантастической дилогии о любви за гробом он вначале разрабатывает эту романтическую тему в мистической повести «Любовь и смерть. *Ночное мечтание*» (1834),⁴¹ а затем травестирует ее в гротескных «Записках домового» (1835). Напротив, изобразив в «Поэтических путешествиях по белу-свету» (1833) смерть Дуду в зачумленном Константинополе в манере «черного юмора», писатель в «Турецкой цыганке» рисует аналогичное событие (возлюбленная героя-повествователя Меймене умерла в Одесском карантине от привезенной из Константинополя чумы) как трагическое. Иронически интерпретировав проблему несовместимости литературного успеха и личного счастья художника в «китайской» повести «Чин-Чун, или Авторская слава» (1834), Сенковский спустя несколько лет раскрывает ее драматизм в первой части романа «Идеальная красавица».⁴² Так возникали пары произведений, противоположным, на первый взгляд, образом представляющих одно и то же предметно-тематическое содержание, но в действительности не отрицающих, а дополняющих друг друга. Аналогичным образом дело обстоит и в «Фантастических путешествиях», где пушкинские претексты юмористически варьировались, обретая своих травестиальных двойников.

³⁷ Там же. 1841. Т. 49. Отд. I. С. 174.

³⁸ См., например, его известное письмо к Пушкину от января — начала февраля 1834 года, посвященное первым главам «Пиковой дамы» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 109–111, 321–322).

³⁹ [Сенковский О. И.]. «История пугачевского бунта» // Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. V. С. 21–38.

⁴⁰ «...Шутка — болезнь его, страсть его, — с раздражением писал Н. А. Полевой о «страсти» Сенковского шутить. — Читая „Библиотеку“, уверяетесь, что ему недоступны другие страсти и ощущения — он бесстрастен и беспристрастен, пока не вздумает шутить, а, к несчастью, он только о том, по-видимому, и думает. <...> Библиография „Библиотеки“ для чтения» — непрерывная шутка. Редактору надобности нет, какова книга, хороша ли, дурна ли она — он смотрит только, смешна ли она?» (Полевой Н. Очерк русской литературы за 1837 год // Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. Отд. IV. С. 64. Курсив Полевого. — А. К.).

⁴¹ Об автобиографичности этой повести см.: Каверин В. Барон Брамбеус. С. 98, 238–239; Новиков А. Е. «Любовь и смерть» барона Брамбеуса (Факты биографии О. И. Сенковского и их творческое переосмысление) // Документальное и художественное в литературном произведении: Межвузовский сб. науч. тр. Иваново, 1994. С. 48–61.

⁴² Примечательно, что, разрабатывая в этом романе тему конфликта писателя и светского общества, к которому он принадлежит по рождению, Сенковский подробно развивает мотивы и ситуации, лаконично намеченные в двух пушкинских произведениях — незавершенной повести «Египетские ночи» и отрывке «Несмотря на великие преимущества...», которые могли стать известными ему по их публикации в журнале «Современник» (1837). «Тема отношений Пушкина и Сенковского чрезвычайно интересна и требует особого исследования, — отмечает А. В. Шаронова. — <...> несмотря на ряд выпадов, связанных с намерением Пушкина издавать „Современник“, а отчасти и в связи с ними, можно сказать, что Сенковский относился к нему с большим уважением и осторожностью, не только как к потенциальному автору, но прежде всего как к личности. Кроме того, было бы интересно проследить ряд совпадений в их взглядах и оценках, в том числе и литературных явлений, а также проанализировать совершенно пушкинские фрагменты в прозе Сенковского» (Шаронова А. В. К проблеме взаимоотношений редактора и авторов «Библиотеки для чтения» // Русская литература. 2000. № 3. С. 94).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166

**ВОКРУГ РОМАНА «ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ»:
ПЕРЕПИСКА Д. В. ГРИГОРОВИЧА И А. А. КРАЕВСКОГО 1850–1852 ГОДОВ*****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. Е. КОЗЛОВА)**

В начале 1850-х годов, завершив повесть «Неудачи» о жизни художников и быте рисовальных классов,¹ Д. В. Григорович начал работу над первым в своей литературной карьере крупным произведением. О его замысле знали М. М. Достоевский и А. А. Краевский, которому Григорович предложил опубликовать тогда только начатый роман. Изначально названный «Между проселочными дорогами», снабженный подзаголовком «роман без интриги», текст привлекал автора новизной идеи и самой возможностью отойти от очерков и рассказов из простонародного быта.

Несмотря на то что провинциальная жизнь нашла отражение во многих значимых предшествующих текстах: «Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Записки одного молодого человека» и «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова, «Тарантас» В. А. Соллогуба и др.,² — это казалось Григоровичу занимательным и новым. По-видимому, новизна заключалась не в фабуле (истории заносчивого провинциального помещика, который, проиграв губернские выборы, отказывается от своих амбиций и становится скромным семьянином), а в форме и композиции. Неслучайно одним из ориентиров для писателя выступают «Посмертные записки Пиквикского клуба» («The Posthumous Papers of the Pickwick Club», 1836–1837). Как известно, Ч. Диккенсу удалось создать произведение, близкое к его «Очеркам Воза» («Sketches by Voz», 1833–1836), однако выходящее далеко за пределы журнального фельетона. Викторянцы узнали в героях книги себя, и в скором времени «Записки» стали книгой, в которой специфические черты национального менталитета воспринимались в контексте общечеловеческой проблематики. Подзаголовок «роман без интриги», очевидно, связан с другой, не менее актуальной для читателя сороковых годов книгой — «Ярмаркой тщеславия» У. Теккерея («Vanity Fair: A Novel without a Hero», 1847–1848).³

В «Литературных воспоминаниях» Григорович так описывает свое намерение: «Мне давно хотелось попробовать свои силы в работе большего размера. Я набросал план пространного романа из провинциального быта, сообщил об этом письменно Краевскому и вскоре получил ответ с просьбой поместить роман в „Отечественных записках“, на что я охотно согласился.

Писать вторую часть романа в то время, как печатается первая часть, было для меня невозможно; одна мысль об этом парализовала мои способности, лишила меня

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта 21-78-00011 Российского научного фонда. — The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-78-00011.

¹ В письме к Краевскому Григорович так описывал замысел этой повести: «Главная мысль, заключающаяся в том, что часто на поприще искусства молодые люди с замечательным талантом пропадают от недостатка средств и поощрения, сохранилась теперь в полусвете. Оговорка в конце о благотворном обществе поощрения художников и отдаленное время, в которое происходит действие, т. е. первый год появления Брюллова в Петербурге, — скажут все. Если цензор запнется, укажите ему, пожалуйста, на эти два пункта. Любовная интрига (т. е. нравственное направление) разбавлена водою, точно так же как постоянный стыд героя за подлое и гнусное семейство, — чувство, которое было проведено прежде во всей повести. Теперь другой вопрос: буде повесть придется вам собственно не по вкусу, — возвратите ее мне, как можно скорее, — у меня есть для нее место, — а я взамен пришлю вам другие» (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 579–580).

² См. о провинциальном тексте русской литературы: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства: материалы к словарю. Тверь, 2014; Lounsbury A. Life Is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Northern Illinois University Press, 2019.

³ Выполненные И. И. Введенским переводы обеих книг: «Замогильные записки Пиквикского клуба» и «Базар житейской суеты» — печатались в журнале А. А. Краевского в 1850 году.

той энергии, которая необходима, когда дело идет о большой, продолжительной работе. Я решил написать весь роман и печатать его не прежде, чем окончу последнюю главу. Я писал его более года, в течение зимы и лета не выезжая из деревни».⁴

Первоначально печатание романа не предвещало особых трудностей. Краевский безоговорочно принял все условия своего сотрудника (включая и те, что выходили за пределы обязанностей издателя: согласился выплачивать сверх писательского гонорара 120 рублей серебром ежемесячно — в течение срока, составляющего время пребывания Григоровича в Петербурге; снабжал деньгами А. П. Стефанову, приходившую от имени своего покровителя). Отвечая на письма Григоровича, издатель «Отечественных записок» высоко оценил первую часть произведения, поздравив его с тем, что он наконец-то вышел за пределы того узкого круга, который определяли рассказы из простонародного быта.

Письма свидетельствуют о прагматике, лежавшей в основе отношений адресата и адресанта: Григорович видел в Краевском, в первую очередь, *покупателя* своего романа, а потом уже компетентного *читателя*. Вероятно, по этой причине он регулярно ссылается на другие периодические издания, рассказывая о своих планах публиковать повести и очерки в «Современнике», «Москвитяине» и «Библиотеке для чтения». Краевский вынужден был принимать условия Григоровича (или, во всяком случае, делать вид, что он их принимает).

Понадеявшийся на свои силы и возможности, Григорович отказался от долгой и напряженной работы, связанной с переписыванием произведения по многу раз. Катастрофа произошла в августе 1851 года: тогда уже набранные к печати «Проселочные дороги» оказались «заподозренными», и печатание произведения пришлось приостановить. Григорович, пропустив несколько писем Краевского, узнал об этом обстоятельстве слишком поздно. Как он вспоминает в своих мемуарах, «с печатанием романа „Проселочные дороги“ вышла почти такая же история, как с повестью „Антон Горемыка“, — цензура остановила его после первой части; предлог на этот раз был тот, что дворянство выставлялось здесь в слишком карикатурном виде и этого допустить было невозможно. После долгих и неуспешных переговоров Краевского с цензором меня надоумили обратиться лично к Мусину-Пушкину, тогдашнему попечителю и управляющему цензурой. Мусин-Пушкин, человек мрачного и желчно-раздраженного вида, принял меня, однако ж, довольно милостиво. Убедившись, вероятно, из моих объяснений, насколько я был далек от намерения осмеивать русское дворянство, он согласился дозволить печатание романа, но с тем условием, чтобы я вставил страницу, в которой было бы сказано, что все лица романа принадлежат исключительно к поэтической вымыслу, не больше, как преувеличенная карикатура против существующей действительности».⁵ Страница была написана, приложена к тексту, и роман продолжал печататься».⁶

⁴ Григорович Д. В. Литературные воспоминания / Под ред. Г. Г. Елизаветиной. М., 1987. С. 67.

⁵ Вероятно, речь идет о следующем фрагменте романа: «Цель автора заключалась в том, чтобы провести читателя в самые глухие и отдаленные захолустья проселочных дорог, куда не успели еще проникнуть просвещение и образование. Многим покажется, вероятно, странным и даже невероятным, чтоб изображенные нами лица могли составлять в действительности одно общество. В самом деле, было бы отчего прийти в отчаяние, если б Васильковы, Кокуркины, Бобоховы, Дрянковы и пр., и пр. совокупно населяли одну и ту же местность. Горшковский уезд играет здесь роль вогнутого зеркала, к которому автор подводит фантастические лица, заслуживающие насмешку. <...> Благодаря просвещению, разливающему благодатные лучи по всему пространству нашего отечества и проникающему даже в самые отдаленные закоулки проселочных дорог, таких оригиналов у нас очень мало; но все же кой-где на них наталкиваешься, и цель нашего романа состоит в том, чтоб познакомить с ними читателя. Приглашая его смотреть на Горшковский уезд, как на панораму, составленную из самых исключительных типов, над которыми, право, подчас не грешно посмеяться, и не считая лишним заметить, что весь роман не что иное, как собрание забавных сцен, автор раскланивается на все стороны и продолжает свой рассказ...» (Григорович Д. В. Проселочные дороги. Роман без интриги // Отечественные записки. 1852. Т. 80. № 1. С. 129).

⁶ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 67–68. Этот факт подтверждают воспоминания А. Ф. Кони: «Подозрительное отношение к Григоровичу, вероятно, под влиянием

Неудача с цензором Петербургского цензурного комитета А. И. Фрейгангом, несмотря на протекцию председателя комитета М. Н. Мусина-Пушкина, отразилась на дальнейшем восприятии романа, появившегося в печати в 1852 году.⁷ Теперь Краевский избегает каких-либо оценок (сохранились не все письма, но, судя по ответам Григоровича, были и жалобы), а, завершая работу над четвертой частью, Григорович и сам был готов принести извинения. Он признает, что роман не удался, но возлагает надежды на будущие свои произведения.

Одновременно недовольство со стороны Григоровича вызвало то обстоятельство, что печатание «Проселочных дорог» растянулось на большее, чем он ожидал, время. Вероятно, этому есть двойное объяснение: в течение всей работы, жалуюсь то на прогрессирующую болезнь, едва не приведшую его к слепоте, то на разлив Оки, Григорович постоянно задерживал высылку рукописей и гранок, тем самым ставя издателя в безвыходное положение. С другой стороны, прохладный прием, оказанный «Проселочным дорогам» в толстых журналах,⁸ вынуждал издателя искать новые, привлекательные для публики произведения — каким и стала повесть или роман В. А. Вонлярлярского «Ночь на 28-е сентября». Второе произведение, освещающее мещанский и провинциальный быт, снижало эффект цельного впечатления, на который рассчитывал Григорович, конкурировало с его незаконченным романом. Несмотря на взаимное недовольство автора и издателя, оно не привело к разрыву или прекращению отношений. Обозреватель «Отечественных записок» в начале 1853 года пытался указать на сильные стороны романа, сочувственно описывая неудачу писателя: «Он хотел подражать „Пиквикскому клубу“ Диккенса, и представил нам ряд сцен из нашего быта, как Диккенс представил много сторон английского общества, воспользовавшись путешествием своего знаменитого археолога, но более привлекательного добряка — Пиквика. Может быть, оттого, что Григорович слишком понадеялся на юмор своей наблюдательности, может быть и оттого, что, читая роман г. Григоровича, часто вспоминаешь оригинал — Диккенса; может быть, и вследствие отсутствия завязки роман его не произвел того впечатления, которое должен был произвести по множеству верно подмеченных сторон нашей жизни и по многим характерам, верно задуманным и отчетливо исполненным. <...> Вся тяжесть и требовательность внимания читателя легли на умение автора создавать характеры, и при отсутствии быстрого действия и интриги, требования эти сделались гораздо строже; не довольствуясь тем, что во всех сценах много меткой наблюдательности, что сцены эти верны действительности, многие требовали постоянной художественной выработки характеров, чего не представил нам еще ни один русский роман, задуманный в таких больших размерах».⁹

После «Проселочных дорог» сотрудничество Краевского и Григоровича продолжится. В течение 1855–1856 годов он опубликует в «Отечественных записках» своих «Переселенцев», «окончательно упорчивших» его «литературное положение».¹⁰

Публикуемые далее письма, охватывая период с 1850 по 1852 год, позволяют составить представление о формировании замысла писателя и специфике отношений

запоздалого сознания значения его двух повестей продолжалось и в первой половине пятидесятих годов. Для пропуска его „Проселочных дорог“ — большого бытового романа с оригинальным отсутствием любовной интриги — ему было предъявлено требование вставить целую страницу с указанием на совершенно вымышленные им, а не почерпнутые из действительной жизни типы и обстоятельства» (*Кони А. Ф. Памяти Д. В. Григоровича // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 105*).

⁷ «Проселочные дороги» публиковались с января по июль 1852 года.

⁸ См. о восприятии романа в современной журналистике: *Лотман Л. М. Григорович. Роман из народной жизни // История русского романа: В 2 т. / Под ред. Г. М. Фридендера. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 439–443; Отрадин М. В. Творчество Д. В. Григоровича 1850-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; Мещеряков В. П. Григорович: писатель и искусствовед. М., 1985; Журавлева А. И., Некрасов В. Н. Григорович в русской литературе // Григорович Д. В. Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 15–20.*

⁹ [Б. п.]. Русская литература в 1852-м году // *Отечественные записки. 1853. № 1. С. 19.*

¹⁰ *Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 140.*

А. А. Краевского и Д. В. Григоровича, объединенных общим делом печатания «Проселочных дорог». Поскольку роман был признан неудавшимся и писателем, и читателями, он практически не переиздавался после смерти Григоровича и остается малоизученным. Публикация писем Григоровича и его патрона отчасти заполняет образовавшуюся в этом вопросе лауну.

Письма Д. В. Григоровича хранятся в фонде А. А. Краевского (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 542–543, 548–557, 560–561); письма А. А. Краевского — в фонде Д. В. Григоровича (РНБ. Ф. 222. № 10. Л. 1–19). Хронология писем Григоровича и присвоенная им архивная пагинация при этом не совпадают.¹¹ Письма печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова передаются курсивом.

Благодарю за помощь в расшифровке писем А. А. Краевского старшего научного сотрудника Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС Светлану Михайловну Волошину; за помощь в расшифровке писем Д. В. Григоровича — научного сотрудника ИТПМ СО РАН Светлану Алексеевну Вальгер.

1

<не позже ноября 1850 года>

Милостивый государь
Андрей Александрович,

Не стану говорить вам о том, насколько досадно и грустно было читать «Неудачи» — соболезнованием ровно ничего не сделаешь, прошлого не воротить, лучше поэтому говорить о настоящем.¹ Вы, вероятно, слышали от Достоевского, что я пишу новый роман.² В нем будет 4 части. Половина первой части уже написана, 4-я глава поступит даже на днях в сборник Щепкина.³ Весь роман окончится в июле. Смело скажу вам, что по сю пору ничего еще не писал лучшего. Все мы напрасно думаем, что в настоящее время трудно извернуться.⁴ По-моему, вся задача в том, какую дать форму и какой избрать предмет.

У меня являются на сцену исключительно одни помещики, приживальщики, экономки, но не с какой-нибудь непростительной стороны их земного бытия, — избави боже! — а попросту изображены физиологические черты и мелочи их повседневной жизни. Главная забота моя состоит в том, чтобы лица, освобожденные от всего гнусного, являлись однако ж забавными и по возможности национальными типами.⁵ Провинциальный быт получит в первый раз в этом романе художественную отделку и тем самым, мне кажется, вспыхнет яркими красками. Драмы и интриги не будет. Я взял форму, сходную с формой «Пиквикского клуба», — форма, как вам известно, самая невинная, но вместе с тем и самая выгодная для этого рода повестей. Если вам нужен будет роман мой, можете смело отказаться от всяких русских повестей на сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, ибо я распорядился так, что в каждой части будет у меня 8 печат<ных> листов. Зная, что такое исправность в деле издания журнала, — я не погрешу ни за что против того пункта. Роман будет готов в июле. В объявлении «Отечественных записок» можете, следовательно, смело печатать: «*Между проселочными дорогами*». Впрочем, думаю на днях быть в Петербурге и лучше переговорю с вами об этом с глазу на глаз. Вот еще какое обстоятельство, Андрей Александрович. Во время пребывания моего в Петербурге выдавайте мне, пожалуйста, каждое первое число месяца на прожитые 100 целковых, как это делал в былое время «Современник». Выдача продлится недолго, ибо в феврале я уеду обратно в деревню. Деньги же вместе с тем,

¹¹ Наиболее полное описание эпистолярного наследия Григоровича представлено в публикации: Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 5–79.

что я вам должен, облегчат сумму, которую должен <буду> получить за роман в 1851 году. Пожалуйста, согласитесь на такое предложение, и если да, то напишите мне скорее письмо в Москву. Мне здесь делать нечего, и я жду только вашего ответа, чтобы сесть в дилижанс.

Да вот еще: Щербина⁶ дает мне порядочную тетрадь своих стихотворений и представляет их на мою волю. Если вам нужны они, отвечайте скорее, потому что все эти стихотворения в моих руках, но он может взять их по случаю издания в Москве многого множества альманахов и сборников. Он думает теперь писать <в прозе?>, кажется, даже начал что-то, и не худо бы поговорить ему от вашего имени. Отвечайте же, пожалуйста, на все это и Бога ради скорее.

В ответ очень готов вам услужить.

Преданный Вам Григорович

Письменный адрес:

Его Высок<облагородию> Болеславу Михайловичу Маркевичу,⁷ между Воздвиженской и Знаменской на Ваганьковском переулке. Дом Левашова, управляющему Московской аукционной коллегии — Григоровичу Дмитр<ию> Васильев<ичу>.

¹ Повесть Д. В. Григоровича была опубликована в сентябрьском номере журнала «Отечественные записки» (1850. № 9). В дальнейшем неоднократно переиздавалась под названием «Неудавшаяся жизнь» (см.: *Степина М. Ю.* К атрибуции «Рассказов о житейских глупостях» в некрасовском «Современнике» // Русская литература. 1995. № 2. С. 153–162).

² Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) — писатель и переводчик. Как и его брат Ф. М. Достоевский, был сотрудником «Отечественных записок», лично знакомым с А. А. Краевским. После ареста брата М. М. Достоевский продолжал общение с Григоровичем в 1850-е годы; в одном из писем он даже просит своего собеседника навестить его и «взять серебряных ложек» (см.: РНБ. Ф. 222. № 8. Л. 1) — что красноречиво свидетельствует о приятельских отношениях двух литераторов, имени которых Даровое и Дулебино находились в одном Зарайском уезде. Следует отметить, что публикация путевых очерков из цикла «Корабль „Ретвизан“» в журнале «Время» также согласовывалась с Михаилом Михайловичем, а не с его братом.

³ Вероятно, речь идет о литературном сборнике Н. М. Щепкина и К. Т. Солдатенкова «Комета» (1851; ценз. разрешение: 11 ноября 1850 года). Обещанный фрагмент романа так и не был там напечатан.

⁴ Имеется в виду ужесточение цензурных правил, последовавшее после ареста петрашевцев, в период, вошедший в историю как время «мрачного семилетия».

⁵ С начала 1850-х годов усиливаются упреки критики в сторону произведений Д. В. Григоровича как искажающих дух народного «первообраза».

⁶ Щербина Николай Федорович (1821–1869) — поэт и переводчик. Как и Григорович, сотрудничал с различными изданиями: «Москвитянином», «Современником» и «Отечественными записками», не делая исключения для какого-либо из них и позиционируя себя как сторонник «чистого искусства». В 1850 году Щербина получил место помощника редактора газеты «Московские губернские ведомости».

⁷ Маркевич Болеслав Маркович (1822–1884) — критик и беллетрист консервативного толка. Занимал в Москве должность присутствующего в аукционной камере и чиновника особых поручений при военном генерал-губернаторе А. А. Закревском. Интересуясь театром и вопросами эстетики, входил в общий с А. В. Дружининым и И. С. Тургеневым круг: «Болеслав, несомненно, умный человек, а кроме того, его лицо живо напоминает мне брата, — я к таким мелочам довольно чувствителен» (*Дружинин А. В.* Дневник / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 231 (сер. «Литературные памятники»)).

2

9 декабря 1850 <года;> Санкт-Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Васильевич,

Только что получил Ваше письмо, спешу отвечать на него в коротких словах, чтобы не опоздать на почту. Совершенно соглашаюсь на все ваши условия, т. е. 1) отка-

заться от печатания всех повестей на сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, предоставив в эти месяцы место вашему роману; 2) во время вашего пребывания в Петербурге нынешнею зимою выдавать вам в первое число каждого месяца по 120 р. сер<ебром>. С моей стороны покорнейшая просьба — помнить сроки и держать *слово твердо*, как говаривали старики. А главное — не разглашать о нашем взаимном условии и даже о том, что у вас пишется роман. Иначе, вы знаете здешних комеражистов... я больше смерти боюсь комеражей,¹ к которым здесь много охотников.

Душевно сожалею, что в объявлении не мог назвать вашего романа: объявление об издании «О<течественных> З<аписок>» в 1851 году разошлось уже в числе 15,000 экз. по всей России. Что бы вам пораньше меня уведомить о своем намерении!

Вы очень обязали бы меня, если бы привезли или прислали всю тетрадь стихотворений г. Щербины, не соря ими в Москве, а равно как упростили бы г. Щербину считать «От<ечественные> Записки» родственным ему журналом, которому он может отдавать все, что ни напишет в стихах и прозе. Я в нем вижу большой талант и глубоко уважаю его. Пожалуйста, познакомьте меня с ним.

Вполне разделяю ваше мнение, касательно возможности и при теперешних обстоятельствах изворачиваться в романах и повестях, как изворачиваемся и мы в хрониках и рецензиях. Одни только лентяи втайне радуются затруднениям и опускают руки. Да притом эта лень для меня всегда становилась признаком если не бесталанности, то слабости, ограниченности таланта. Сильный талант пронизывает паутину, мелкий вязнет в ней. Пример — Тургенев: уж его ли не урезают и не перерезывают, а он все-таки продолжает и перед отъездом своим в Москву еще-таки написал прекрасную комедию...² Но скоро два часа, я опоздаю на почту.

Жму вам руку. До скорого свидания в Петербурге.

Ваш Краевский

¹ От *comméragé* (фр.) — светское злословие, сплетни, пересуды (*устар.*). Комеражист — тот, кто распространяет эти слухи. А. А. Краевский, очевидно, не намерен был уступать роман Григоровича другим изданиям и особенно «Современнику».

² Одноактная комедия И. С. Тургенева «Провинциалка» была опубликована Краевским в начале следующего года (Отечественные записки. 1851. № 1–2).

3

16 апреля 1851 <года; с.> Дулебино

Милостивый государь
Андрей Александрович,

С тех пор как я уехал из Петербурга, много утекло воды, но зато много, и даже очень много, ушел вперед мой роман. Время не пропадало даром. Вот уже кончил вторую часть. Скажу вам, однако ж, что как ни радует меня это обстоятельство, но, тем не менее, ставит оно меня в затруднительное положение. Я предполагал, соображаясь с планом, поместить 10 глав в каждой части, но что прикажете делать с борзописанием,¹ так разохотился, что вышло 17 глав одной первой части. Теперь не знаю, как быть: эти 17 глав разделить трудно, почти невозможно, и между тем, они займут верных 15 листов печатных, что неудобно для одной книжки журнала, особенно при тридцати листах теперешних.

Если ничего, то и слава Богу. Во второй части меньше глав и меньше листов. Что же касается до достоинства написанного мною романа, — то не уступит хорошим повестям любого из нас, т. е. молодых, хотя форма его и самый предмет совершенно нов и не подходит ни к одной повести из провинциального быта. Весь эффект рассчитан на этой новизне. Я признаюсь, не думал прежде, что останусь им так доволен, впрочем, так всегда бывает с теми из нас, которые работают без усталости и любят свое дело не из

одних карманных расчетов. Этот роман должен закрепить меня окончательно в литературе, и я употреблю на него все свои силы. «Современник», конечно, запоет вечную свою песню о том, что я лучше пишу повести из крестьянского быта, упирая на повесть, которую им дам будущую зиму.² Но дело в том, что повесть будет дана не иначе, как если они не ограничатся общими фразами и скажут о романе беспристрастное и отнюдь не зазорное мнение. Мысль о неспособности моей писать повести принадлежит Белинскому, который, впрочем, отрекся в моих глазах от своего мнения после «Антон Горемыки».³ Я приготовлю им повесть к ноябрю. Прислал бы вам теперь первую часть, но хочется прочесть и выправить в то же время, как буду писать третью. В июне, как условлено было, получите обе первые части. Письмо о том, что нет личностей, пришлось к этому времени. Итак, если можно вам 15 листов в одну книжку, скажите; тогда я разобью роман на 3 части и начнем печатать к октябрю, — если же нет, постараясь как-нибудь извернуться, убавлю что ли главу, или прибавлю, — и начнем печатать к 1-му сентября вплоть до 1-го декабря. Старался устроить по возможности так, чтобы цензуре не за что было уцепиться; да, кстати, какова-то цензура, и есть ли впредь надежда хоть какая-нибудь на снисхождение? Да, вот еще что, Андрей Александрович, к вам на днях завернет М-лле Стефанова⁴ (отношения мои с нею вам известны), ссудите ее пятьюдесятью целковыми, а то очень нуждается в деньгах. Расписку о получении я посылаю с письмом. Мне бы не хотелось, да и неловко было бы идти ей к Ба<рген?>еву.⁵ Жду от вас письма. Прощайте, будьте здоровы, желаю вам доброго, ведренного лета и веселой дачи.

Весь ваш
Д. Григорович

¹ Слово из поэтического языка Н. Ф. Щербины, используется в его «Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому». Песня зафиксирована в записной книжке Григоровича, фрагменты которой публиковались после смерти писателя (Из записной книжки Д. В. Григоровича // Литературные приложения к «Ниве». СПб., 1901. № 11. С. 380).

² В 1852 году в «Современнике» был опубликован рассказ «Смедовская долина» (Современник. 1852. № 2. С. 89–107).

³ В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинский писал: «„Антон-Горемыка“ — больше, чем повесть: это роман, в котором все верно основной идее, все относится к ней, завязка и развязка свободно выходят из самой сущности дела. Несмотря на то, что внешняя сторона рассказа вся вертится на пропаже мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антон — мужик простой, вовсе не из бойких и хитрых, он лицо трагическое, в полном значении этого слова. Эта повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные. Желаем от всей души, чтобы г. Григорович продолжал идти по этой дороге, на которой от его таланта можно ожидать так многого...» (Современник. 1848. № 3. С. 138–139).

⁴ Стефанова Александра Петровна — близкая знакомая Д. В. Григоровича, по-видимому, содержанка. «Во вторник произошла штука, обнаруживающая то, что прежде называли симпатиею сердец. Я заехал по условию к Григоровичу, для того чтоб познакомиться с Стефановой и ехать на обед с доннами, — но не застал никого», — писал А. В. Дружинин (Дружинин А. В. Дневник. С. 301). Годы ее жизни и род деятельности неизвестны, однако в письмах И. И. Панаеву сохранилось следующее красноречивое признание: «Или она действительно замечательная девочка, или в то время воображение мое было уже так настроено, но я увлечен был ею, как не увлекался в последние 10 лет. Вы не поверите, как я обрадовался, когда попал уже в деревню. Меня в Петер<бурге> точно, право, обошел какой-то леший во образе Приапа. <...> Вам и Дружинину это ничего, ибо вы попилите да и отстанете, — а для меня такие особы опасны, ибо я к ним тотчас же привязываюсь» (цит. по: Письма Д. В. Григоровича к И. И. Панаеву // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 80).

⁵ Бартнев Юрий Никитич (1792–1866) — отставной чиновник, писатель. В 1850 году М. П. Погодин и Д. В. Григорович заключили соглашение об издании сочинений Григоровича. После многочисленных проволочек Погодин передал права на издание Бартневу. Издание этого собрания сочинений так и не состоялось — Григорович был вынужден вернуть все деньги, полученные им в качестве аванса (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15. С. 423; Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 87).

30 мая 1851 <года;> Царское село

Собирался я писать к вам, Дмитрий Васильевич, целый месяц, а собрался только теперь. Впрочем, вслед за вашим письмом, была у меня г-жа Стефанова (которой я, по глаголу вашему, выдал 50 сер<ебром>) и сказала, что будет писать к вам тотчас же, я и попросил ее написать мой ответ, но не знаю, толково ли я объяснил ей дело. А дело вот в чем: 15-ть листов поместить в одной книжке не вижу никакой возможности. Да и зачем это? Разве нельзя разбить первую часть на две книжки? Публика уже так привыкла к этому, что не вознегодует, будьте уверены. Начать же печатать надо непременно с 9-й книжки. Я уже и все распоряжения делаю в этом смысле, т. е. отказал одному господину в помещении его трехчастного романа с сентября и попросил другого отложить писание романа по присланной мною программе. Все это уладил я в полной надежде, что последние четыре книжки нынешнего года будут заняты вашим романом. Следовательно... и прочее (как выражается Погодин).¹ Что роман будет хорош, в этом я не сомневаюсь, потому более, что вы сами отрицаете мнение об исключительной якобы способности вашей писать повести из крестьянского быта. Не люблю я этих повестей — грешный человек, хоть и знаю, что вы были бы способны написать хорошую повесть в этом роде. При настоящем положении дел эти повести должны быть идеализированы в пошлом значении слова, т. е. нарумянены, переслащены, благоуханны, — а вы сами знаете, много ли сладкого, а тем более благоуханного в жизни русского мужика! Следовательно, вам приходится лгать, творить против собственного убеждения, писать картинки и портреты, каковым вы сами не верите. А нет ничего досаднее и оскорбительнее лжи в художественном произведении. Скорее можно согласиться, чтоб оно написано было грубо, самым варварским языком, но чтоб было искренно, не лживо. Вот почему — бог с ними, с вашими «Прохожими» и «Воскресениями»!² Не нравятся они мне — хоть сердитесь, хоть нет! Мне давно казалось, что таланту вашему следовало выбрать себе другую дорогу. Удалась «Деревня» — и довольно; больше тут нечего делать, на этом поле. Если вы хорошо узнали русского человека в зипуне, то наверно уже хорошо знаете его и в сибирке, и в вицмундире, и в собольей шубе: пора приняться за эти костюмы, сколько возможность позволяет, а зипун и курную избу можно оставить до удобнейшего времени... Тогда, без всякого сомнения, ваши повести из крестьянского быта — да из настоящего крестьянского, со всеми его красками, со всем его духом — будут иметь великое значение, а теперь... зачем лгать?

Всю эту речь клоню я к тому, чтоб вы не смотрели на мнение тех господ, которые говорят вам обратное. У них, может быть, свои цели, свои побуждения, которые, может быть, окажутся очень гадкими, если пораскопать их. Повторяю: душевно рад, что вы не держитесь их мнения о самом себе.

Итак, в июне я жду первую часть романа. Пожалуйста, не запоздайте. Надо еще прочесть; придется, может быть, потолковать с цензором, поторговаться, а там, в августе, вы, вероятно, и сами приедете. Бога ради, не забудьте прислать для цензора план всего романа и письмо о безличности его. Это необходимо. Цензура все такая же, как была. Обещают каждый день улучшение, смягчение, но пока ничего не видно.

Я живу в Царском селе и 20 мая был обсыпан снегом. Очень приятное время!

Прощайте. Желаю вам быть радостным и не лениться.

Ваш весь
Краевский

¹ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, литератор, профессор Московского университета, издатель «Москвитянина». В 1846 году были опубликованы его «Исследования, замечания и лекции о русской истории», вызвавшие полемику в периодике, в том числе в «Отечественных записках». Оппонент Погодина, историк, юрист и публицист Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) писал в критическом отзыве о спекуляциях автора «Исследований»: «И проч. не должно сбивать нас: между прочими нет ни одного города, поименованного в договоре» (Отечественные

записки. 1847. № 2. С. 57). Таким образом, употребление Краевским слов «и прочее» носит иронический характер, в то же время оно ориентирует собеседника на разговор о «Москвитянине».

² Святочные рассказы Д. В. Григоровича «Прохожий» и «Светлое Христово Воскресение» публиковались в «Москвитянине».

5

6 июля 1851 <года; с.> Дулебино

Вместе с этим письмом получите и первую часть моего романа, почтенный Андрей Александрович. Раньше я не мог этого сделать, и причина заключается в том, что чуть было не ослеп. Опасаясь остаться в таком положении долгое время, я уже решил не посылать вам первой части, раздумывая, чтобы не вышло каких-нибудь недоразумений с четвертою частью, которую далеко еще не кончил. Но теперь, слава богу, все прошло, и я снова сел за работу. Июнь-месяц прошел в совершенном бездействии, все это сделало то, что я, очевидно, не успею кончить романа в деревне и принужден буду засесть в Петербурге. Ручаюсь, однако ж, что ни под каким видом и предлогом не задержу печатание. Слепота моя не дала мне возможности прочитать второй раз первой части, т. е. проследить с подобающим вниманием запятые, но тут беды еще нет большой; я уверен даже, что корректор это исполнит лучше меня. В первом чтении я следил только за тщательною отделкою моих героев, и в этом отношении сделал все, что мог. Бога ради, Андрей Александрович, не исправляйте ничего (кроме слога, разумеется, тут делайте то, что заблагорассудится вам); дайте полную волю цензуре. В этом замечании авторское самолюбие не играет ровно никакой роли; дело в том, что малейшая черта, выброшенная из первой части без моего ведома, может весьма легко уничтожить смысл некоторых мест в последующих частях и особенно может сбить меня с толку в четвертой части, где, как известно, приводится все к одному общему знаменателю.

Если поправки найдены будут необходимыми вами или цензурой, — 15 августа сам приеду, и тогда, сообщая со мной, мы переклеим, все что можно. По той же самой причине прошу вас не переменять заглавие «Проселочные дороги», в случае необходимости сам придумаю другое название. Желая от души, чтобы роман вам понравился. Я плохой судья своих собственных произведений, скажу только, что роман не лишен веселости и представлен в совершенно новой форме, которая не напоминает повести и романы, наводнившие наши журналы в последнее время. Письмо для цензуры (которое вы найдете в первых листах первой части),¹ объясняет достаточно смысл и содержание романа. Не пугайтесь за добродетель жены моего героя; она лицо третьестепенное и является исключительно как громово-цензурный отвод. Сцены между нею и мужем — крупны и грубоваты, служат только <для того>, чтобы резче выставить его неискренность и ее добродетель. Да вот еще что, Андрей Александрович, все, что прислано вам, составит 1-ую часть и ни в каком случае не может быть разделено, потому что последующие части так же точно солидного объема. Надеюсь тоже, что вы не сделаете для меня исключения и будете печатать мой роман тем же порядком и шрифтом, каким печатаются повести Лазаревского и последние части «Старого дома».² Это составляет одно из условий, точно так же, чтобы не зачеркивать: (*роман без интриги*); интриги нет, и вам не советую лгать перед публикой. Если пришлете мне на отъезд (как можно скорее) 100 руб. серебром, почту вас самым благонамеренным человеком, который когда-либо существовал на свете. Братя негде, гроша нету, и достать неоткуда. Плохо. Объемистый вид 1-ой части и последующих затем частей ручается вам за то, что вы в скором времени их напечатаете. Не лгу — заставьте за себя молить Бога — треть еще не написана, <засел как раки на мели?> — пришлите денег.

Прощайте, Андрей Александрович, до свидания.

Желаю от всего сердца быть здоровым,
Ваш весь
Григорович

¹ Письмо не сохранилось.

² Лазаревский Василий Матвеевич (1818–1890), Зотов Владимир Рафаилович (1821–1896) — беллетристы, сотрудничавшие с А. А. Краевским и поддержанные им в период «мрачного семилетия». Авантюрный роман В. Р. Зотова «Старый дом» был посвящен приключениям графа Калиостро (Отечественные записки. 1850. № 10–12; 1851. № 1–8); отдельные произведения В. Р. Зотова из цикла его очерков «Мои старые знакомцы» отражали картины из простонародного быта (Отечественные записки. 1851. № 3, 6).

6

23 июля 1851 <года;> Санкт-Петербург

Получил я вчера первую часть вашего романа, Дмитрий Васильевич, и нынче спешу отвечать на ваше письмо. Но, увы! Ответ мой (по одной части) покажется вам не совсем удовлетворителен. Что же делать! Не моя вина. У меня теперь денег всего-навсего 150 р<ублей> сер<ебром>, отрываю треть и посылаю вам 50 р<ублей>. Душевно буду рад, если эта сумма хоть сколько-нибудь облегчит ваше затруднительное положение, о котором пишете.

Что же касается до назначенного вами срока приезда в Петербург, напрасно вы его так надолго откладываете. Роман ваш поступит в цензуру 5-го, 6-го, словом, до 8-го числа. В это-то время, т. е. около 10-го, вам очень бы не мешало повидаться с цензором и посверлить эту упрямую голову. Иначе дело может испортиться непоправимо. Шрифт в романе, разумеется, будет тем же, что и в «Старом доме»; заглавие сохранится вполне, но объем первой части немного пугает меня: вы забываете о 30 листах и о *восьми* отделах журнала. Для отдела Словесности я не могу назначить более 15 листов, т. е. половину книжки. На этих 15 листах нужно напечатать русский роман и два английские: «Копперфильда» и «Пенденниса», которого у меня перебила «Библиотека», как «Копперфильда» перебил «Современник». ¹ Но «Копперфильд» кончится с 10-й книжки, следовательно, в 11-й и 12-й прибавится места на 5 листов. Тогда управимся.

Итак, подумайте да погадайте, да собирайтесь-ка в дорогу пораньше, не останавливайтесь на этот раз в Москве, когда можете зимою съездить хоть 20 раз по железной дороге, имеющей открыться в августе. ²

Ваш
А. Краевский

¹ Перевод романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» печатался в 1851 году в «Современнике», «Отечественных записках» и «Москвитяине»; перевод «Истории Пенденниса» У. Теккерея в 1852-м — в «Отечественных записках», «Современнике» и «Библиотеке для чтения», что вызывало дополнительные трения между редакциями (см. об этом: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 110–144).

² Имеется в виду Николаевская железная дорога, соединившая Москву и Петербург. Дорога была открыта в ноябре 1851 года.

7

1 августа 1851 <года;> с. Дулебино

Вот оно что значит загадывать вперед, почтеннейший Андрей Александрович. Думал, убежден был, что в первых числах августа буду в Петербурге, а на поверку вышло, что вряд ли исполнится это в сентябре. Дело в том, что я решительно боюсь приехать в Петербург с неоконченным романом. Успею ли там дописать его к сроку, это еще Бог весть, вернее просидеть в деревне и довести до вожделенного конца. Тут, по крайней мере, я смогу сказать наверное, что последняя часть начата вовремя

и не причинит никакой путаницы. К тому же хочется отделать ее тщательнее. Конец венчает дело. Скажите же хоть одно слово о том, как действует цензура в отношении к моему детищу?¹ Соображаясь с этими действиями, я буду знать, по крайней мере, как поступать в четвертой части. Малейшие благоприятные известия естественным образом будут способствовать к тому, что 4-я часть будет писаться с большею силою, следовательно, лучше. Прошу вас вторично: если паче чаяния понадобится привести роман в христианскую веру (в чем я, однако ж, не вижу большой надобности), Бога ради, предоставьте всё цензуре; будьте лишь в таком случае восприимчиком у купели, т. е. пройдите потом для смягчения и отглаживания ушибов. Смерть не люблю говорить об условиях, однако ж это необходимо сделать для того, чтобы их знали потом — *a quoi nous en tenir*.² Перед отъездом редакция «Современника» предлагала мне 50 руб. серебром за лист. Настоящий лист «Отечественных записок» не менее листа «Современника», и верно вы согласитесь на те же условия. Прошу вас также, Андрей Александрович, отдать приказание в типографию, чтобы по мере отпечатания моего романа отпечатывали особо лишних 10 экземпляров. Один следует мне уже по праву, за остальные девять я, как водится, заплачу все, что следует, при общем нашем расчете. Чтобы избавить вас от лишнего беспокойства, я написал два слова к фактору типографии; скажите только адрес типографии m-lle Стефановой. Прощайте, почтеннейший Андрей Александрович, будьте здоровы и не забывайте преданного Вам Д. Григоровича.

P. S. Я убавил несколько вторую часть для уравнивания числа листов с другими частями.

¹ Ср.: «Согласно моему обещанию, я постарался обгесать и исправить ее так, чтобы каждая ее строчка входила по возможности плотнее в пазы нашей цензуры. Разумеется, повесть сильно от этого пострадала, да делать было нечего; из двух зол одно: пусть лучше окривеет родное детище, чем вовсе умрет!» (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 543).

² За что мы выступаем (*фр.*).

8

18 августа 1851 <года;> Санкт-Петербург

Вот видите ли, что значит не слушаться добрых советов, Дмитрий Васильевич. Я просил вас приехать к 10 августа для вашей же собственной пользы: вы не послушали — и вышло нехорошо. Цензурный комитет нашел содержание «Проселочных дорог» *сомнительным*, и, не зная ни продолжения, ни окончания романа, повелел цензору не пропускать его до тех пор, пока роман ваш не будет кончен. Если б вы сами были здесь, то могли бы в подробности объяснить председателю, что и как будет, и дело само собою уладилось бы. Теперь вот что вышло: до 10 печатных листов, набранных из первой части, надобно наскоро разобрать, чтоб поспешить набором чего-нибудь другого вместо «Проселочных дорог»; время и труд пропали, а роман остался каким-то заподозренным, как увидите из прилагаемого здесь письма цензора.¹ Пожалуйста, поспешите окончанием романа и привезите его сюда в таком виде, чтоб цензор мог прочесть его в рукописи.² Этот роман ни в коем случае не должен погибнуть, потому что он очень хорош. Я прочел первую часть с истинным наслаждением и заочно поздравляю вас в том, что вы выросли и далеко ушли от всех ваших «Антонов», «Прохожих», «Воскресений» и пр.

Напишите, сделайте одолжение, когда вы приедете. Присутствие ваше здесь *необходимо*, иначе весь труд пропадет ни за грош.

Ваш Краевский

¹ Фрейганг Андрей Иванович (1806–1855) — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета. Письмо, о котором пишет Григорович, не сохранилось.

² Роман начал печататься в 1852 году.

9

24 августа 1851 <года;> с. Дулебино

Почтеннейший Андрей Александрович,

Сделайте барскую милость, постарайтесь выслать мне как можно скорее отгиск первой части; роман мой не переписывался, второго экземпляра у меня нет, и первая часть необходима мне для окончания четвертой части. Без этого, чего доброго, хвост и голова могут разбежаться в разные стороны.

Да вот еще что: скажите мне ваше личное мнение о романе. Разругайте меня или похвалите. В первом случае я постараюсь написать лучше конец четвертой части, во втором случае, естественным образом само уж собою будет писаться хорошо. Без этого или другого я пишу, как попало, скучно и невнятно.

Сам я приеду к 10 октябрю наверное, ибо к этому сроку (не позже), должен представить вам 3-ю часть, которая находится теперь в отделке. Не сокращайте первые две части, ибо, соображаясь с вашими словами, я переложил все, что только можно в 3-ю и четвертую, т. е. ноябрь и декабрь. В первых числах октября роман будет кончен, раньше нельзя, требуется много еще поработать, дабы не удариться лицом в грязь. Пожалуйста, вышлите первую часть, как можно поспешнее, в противном случае могу засесть в конце.

Прощайте, напишите мне
слова два, за то скажу вам от души спасибо,
Ваш весь

Д. Григорович

10

17 декабря <1851 года>, пол-5 часа пополудни

Сейчас получил я от Фрейганга 12 форм¹ «Проселочных дорог». Спешу известить вас, чтобы вы не ездили к нему понапрасну.

Ваш Краевский

¹ Вероятно, здесь и далее подразумеваются гранки либо отдельные тетради еще не сшитого книжного блока.

11

25 декабря 1851 <года>

Вот вам последняя форма «Проселочных дорог». Фрейганг болен, не выходит и просил вас побывать у него для того, чтобы взять у него какие-то формы и представить Мусину-Пушкину.¹ Не побываете ли вы у него нынче?

Ваш Краевский

¹ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) — попечитель Петербургского учебного округа, председатель Петербургского цензурного комитета.

28 апреля 1852 <года>; с. Дулебино

Любезнейший Андрей Александрович,

Считаю непременно долгом объявить вам как можно скорее причину, задержавшую так долго высылку рукописи. Вот ровно нет недели как прекращены, и *решиительно* прекращены все сообщения между мною и Москвою. Никто не запомнит, чтобы разлив Оки и других рек был так продолжителен. Лед уже прошел, но дожди и ливни сделали дороги до того непроходимыми, что даже почта остановилась. Я был в отчаянии все это время и, поверьте, не мог не проклинать себя за то, что взял рукопись с собой. Теперь открылась возможность переправить с Зарайска, и я спешу выслать окончание романа. Надеюсь, не опоздаю к сроку: роман выслан во вторник, 29 апреля, следовательно, поступит к вам никак не позже 2-го и 3-го мая. Располагайте окончанием, как вам заблагорассудится, т. е. марайте, сокращайте, черкайте и уничтожайте, но только нельзя ли Бога ради кончить его в июне. Если б знать, что печатание будет так продолжительно, я, конечно, не обещал бы Печаткину,¹ что отдельный выпуск романа начнется четырьмя месяцами позже «Отеч<ественных> Зап<исок>», т. е. в октябре или сентябре. Нельзя ли устроить так, чтобы не пострадал Печаткин, или, лучше сказать, не пострадали бы и вы в отношении к этому джентльмену?² Пишу теперь роман в «Современник» из простонародного быта³ (за что отдал меня так жестоко рецензент «Отечественных записок» за простонародные рассказы?).⁴ Впрочем, в последующих повестях идиллии почти не будет, и надеюсь, он смягчится тогда. После «Современника» сяду за повесть в «Библиотеку для чтения»: не браните, сам знаю, что делаю худо. Ветреность, решительно, во мне неисправима. Обещал, надо держать слово. В промежутках времени набросал несколько эскизов и планов. Мне хочется заняться людьми дна, изображением городских нравов. Для этого я придумал написать ряд небольших статей — листа два, тут будут абрисы разных фигур с Невского и Тверского бульвара, картины чердаков, кабаков и других увеселительных мест, быт гаеров, лакеев без места, нищих, приказчиков. На такое дело я, кажется, способнее, чем на огромные предприятия вроде нескончаемых романов. Что вы скажете? Если мысль моя вам понравится, — скажите, и очерки мои к вашим услугам. Я, конечно, приложу к ним такое же старание, какое прилагал к рассказам из простонародного быта, которых вы так не любите. Сроки не могу назначить, повесть, вероятно, начну и отправлюсь нынешним летом в Крым. При рукописи посылаю вам таблицу истории гравирования, историю составил между делом для Гаевского.⁵ Гаевский придет к вам за нею, я пишу ему. Простите за такое своевольное распоряжение, но я сделал это, во-первых, к тому, чтобы не делать именного номера, во-вторых, чтобы вы уговорили Гаевского написать статью об Эрмитаже. Он и Майков — единственные люди, которые могут это сделать.⁶

Если роман «Просел<очные> дороги» наносит неприятности вам, так же точно, как многим из общих наших знакомых, — обещаю исправить рано или поздно дурное впечатление. Сознаюсь вам чистосердечно, Андрей Александрович, что все сделанное мною до сих пор — самому же кажется довольно слабым, но я все равно уверен, однако ж, что со временем пойдет лучше и лучше. Есть факты, которые доказывают, что раннее развитие наших талантов и дарований не обещает ничего прочного в будущем. Покуда еще не унываю, работаю и тружусь честно и весело.

Прощайте, любезный Андрей Александрович, будьте здоровы и кланяйтесь от меня Лизавете Яковлевне.⁷

Готовый к услугам
Д. Григорович

P. S. Деньги, следующие за остальные части романа, получит Стефанова, я передал ей расписку.

¹ Печаткин Вячеслав Петрович (1819–1898) — книгопродавец и фабрикант, занимавшийся изданием отдельными книгами повестей и романов, напечатанных в толстом журнале.

² Отдельное издание романа, отпечатанного в типографии Штаба военно-учебных заведений, появилось в том же году.

³ Роман «Рыбаки» был опубликован в 1853 году (Современник. 1853. № 3–6, 9). В отличие от «Проселочных дорог» он был тепло встречен журнальной критикой.

⁴ В мартовском номере рецензент «Отечественных записок» упрекал Григоровича за однообразие его произведений: «Действительно, не нужно много времени, чтобы притупить вкус к совершенно однообразным блюдам... Бедный мужичок, бедная старушка, бедный мальчик, бедная девочка, бедная лошадка, бедный песик, бедная избушка, продранные лаптишки... В самом деле, все эти бедные предметы, если встретишь в одном рассказе, а потом в другом, то в третьем не захочешь и встречать их. А всего досаднее то, что все они плачут, или говорят так, как будто плачут. Плачет и мужичок, мычит и коровка, стонет и песик, грустит и березка, скрипит и сосенка» (Отечественные записки. 1852. № 3. С. 67). Предыдущим произведениям Григоровича («Прохожий», «Мать и дочь») рецензент противопоставлял «Смедовскую долину», отмечая проработку сюжета и сцен, он указывал на мастерство рассказа в описании деталей, в том числе пейзажа. В начале 1853 года этот отзыв повторится: журнал назовет «Смедовскую долину» «маленьким, но прекрасным рассказом» (Отечественные записки. 1853. № 1. С. 19).

⁵ Гаевский Виктор Павлович (1826–1888) — писатель, критик, искусствовед. Апологет «чистого искусства», входивший с И. С. Тургеневым, А. В. Дружининым, В. П. Боткиным и Д. В. Григоровичем в общий круг.

⁶ В 1860-е годы, отказавшись от продолжения литературной деятельности, Григорович публикует путеводитель по Эрмитажу (Прогулка по Эрмитажу. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865).

⁷ Краевская Елизавета Яковлевна (1818–1893) — сестра умершей жены А. А. Краевского Анны Яковлевны, бывшая домашним человеком и воспитывавшая детей Краевского. Упоминается в дневниках А. В. Дружинина в одном кругу с И. С. Тургеневым, С. С. Дудышкиным и Григоровичем.

13

2, 3 мая 1852 <года>, с. Дулебино

Почтеннейший Андрей Александрович,

Получил четвертую часть «Отечественных записок» и пришел в ужас, когда увидел в отделе словесности начало романа Вонлярлярского — три листа,¹ всего три листа — собственного романа. Не лучше ли было бы окончить прежде «Проселочные дороги»? Роман Вонлярлярского, отпечатанный в осенних номерах большим числом листов, без сомнения, сохранил бы тогда большую целостность и, сверх того, стал бы некоторым образом новостью для читателя. Не говорю вам о том неприятном впечатлении, какое испытывает каждый читатель, когда после месячного ожидания получает в журнале короткий отрывок начатой уже вещи. Прочитав в одно утро два-три отрывка из двух-трех романов, начатых в одном и том же журнале, иногородний подписчик в полном праве сказать, что читать нечего.² Иногородний подписчик, сколько я мог заметить, любит или повесть с концом и началом, или роман, но такой только, который бы появлялся большими кушами. Не говорю вам также о том предубеждении, которое существует в нашей журналистике, будто бы летние номера имеют меньшее значение против зимних, могу уверить вас, что появление журнала в конце месяца — событие, что, следовательно, на него также охотно бросаются потом, как на зимние. Деревенская скука, поверьте, нимало не изменяется от времени. Скажу вам теперь два слова о самом себе: я нарочно рассчитывал на окончание романа к июню, чтобы иметь возможность отправиться в июле в Крым. «Проселочные дороги», столкнувшись с Вонлярлярским, протянутся теперь, по всей вероятности, до осени.³ Неужто мне отложить мою поездку? Бога ради, Андрей Александрович, нельзя ли как-нибудь уладить это дело? Дайте мне хоть какой-нибудь ответ по этому поводу. Придет случай, и я, может статься, буду в состоянии оказать вам точно такую же немаловажную услугу.

Прощайте, желаю вам хорошего лета и здоровья,
весь ваш
Григорович

¹ Вонлярлярский Василий Александрович (1814–1853) — писатель, автор значительного количества беллетристических произведений, печатавшихся преимущественно в последние годы его жизни. Повесть «Ночь на 28-е сентября» публиковалась в апрельском и майском номерах журнала (Отечественные записки. 1852. № 4–5).

² Не лишена интереса ссылка Григоровича на мнение иногороднего подписчика. Наряду с воображаемым и наиболее очевидным адресатом — провинциальным читателем, такая номинация прямо или опосредованно отсылает к одному из наиболее известных псевдонимов критика и беллетриста А. В. Дружинина. Нельзя исключать, что роман в английском духе обсуждался Дружининым и Григоровичем, во всяком случае, большинство произведений, опубликованных им в «Библиотеке для чтения», носят скетчевый и фельетонный характер, близкий к «Проселочным дорогам».

³ Печатание романа завершилось в июле 1852 года (Отечественные записки. 1852. № 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-166-180

© Н. П. Генералова

«ЭТО ЧЕРТОВСКИ ЗАПУТАННОЕ И НЕПРИЯТНОЕ ДЕЛО» (А. А. ФЕТ И СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА 1860–1861 ГОДОВ)

Истории прижизненных изданий собраний сочинений И. С. Тургенева, начиная с «Повестей и рассказов» 1856 года в трех частях и заканчивая Собранием сочинений в десяти томах, вышедшим в Москве в издательстве наследников братьев Салаевых в 1880 году, можно с уверенностью отнести к наименее изученным вопросам тургеневедения. Между тем эти истории раскрывают многие детали творческой биографии не только самого Тургенева, но и целого ряда лиц из его ближайшего окружения, давая при этом обильный материал для изучения книгопечатания и цензуры, не говоря о том, что они содержат немало сведений о творческой истории отдельных произведений и о работе Тургенева как редактора собственных сочинений.

Собрание сочинений Тургенева в четырех томах, о котором пойдет речь, вышло в Москве в 1860–1861 годах и было к тому времени наиболее полным. В его первый том были включены (в отличие от предыдущего, 1856 года) «Записки охотника», причем только здесь знаменитый цикл был дополнен двумя произведениями, впоследствии исключенными — «Поездкой в Полесье» и очерком «О соловьях».¹ Его

¹ Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные / Изд. Н. А. Основского. М., 1860. Т. 1. Записки охотника (ценз. разр. 30 сентября 1860 года; цензор Н. П. Гиляров-Платонов). В трехтомное собрание 1856 года (право на его издание было доверено Тургеньевым П. В. Анненкову) «Записки охотника» не были включены, поскольку выходили отдельным изданием, право на которое было передано Тургеньевым Н. А. Некрасову. Таким образом писатель оказывал в том числе и материальную поддержку друзьям. В письме к Е. Я. Колбасину от 14 (26) декабря 1856 года он спрашивал по поводу трехтомных «Повестей и рассказов»: «А как идет моя книга? Анненков зашиб копейку — но не останется ли Базунице в накладе?» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 164. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: *Тургенев*, с указанием серии, тома и страницы). Известный книгопродавец и издатель А. Ф. Базунов заплатил Анненкову за «Повести и рассказы»: «А как идет моя книга? Анненков, по его словам, «нажил» 2500 рублей, вдобавок «дав нажить Колбасину (Д. Я. Колбасину. — *Н. Г.*) 250 р.». Кроме того, по договоренности с Тургеньевым Анненков выплатил некий «капитал» Ф. П. Волковой, с которой писатель был близок в 1851–1853 годах и которая, по словам Анненкова, «столько же молит Бога за вас, как и за меня» (см. письмо Анненкова к Тургеньеву от 7 (19) ноября 1856 года: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеньеву: В 2 кн. / Изд. подг.

принято называть изданием Основского, по имени издателя Нила Андреевича Основского.²

Достоверными сведениями о том, когда Тургенев познакомился с Основским, мы пока не располагаем, однако можно предположить, что это произошло в начале 1850-х годов. Во всяком случае, в письме к Н. А. Некрасову от 15 (27) октября 1854 года Тургенев упоминает об Основском как о хорошем знакомом и выполняет его просьбу.³ Не исключено, что дружеские отношения завязались на совместной охоте. Как бы то ни было, Основский был вхож в литературные круги, в частности литераторов, близких к журналу «Современник».

О том, что отношения Тургенева и Основского были вполне приятельскими, свидетельствует, например, тот факт, что в 1859 году писатель уступил Основскому право на отдельное издание «Дворянского гнезда» (издание книгопродавца А. И. Глазунова), от которого Основский, по собственному признанию, получил «барыши» в размере 800 рублей, что дало ему возможность существовать целых два года.⁴ В 1860 году Основский передал через Тургенева гонорар для Ф. М. Достоевского, чьи сочинения в двух томах были изданы им в Москве. Тургенев выполнил просьбу и по приезде из Москвы в Петербург вручил Достоевскому причитающийся ему гонорар (600 рублей серебром).⁵ Можно предположить, что именно на встрече с Основским в Москве Тургенев получил от него предложение выпустить собственное собрание сочинений в четырех томах.

Момент для такого издания был чрезвычайно удачным. К тому времени трехтомное собрание сочинений 1856 года уже разошлось. После выхода в свет «Дворянского гнезда» (Современник. 1859. № 1) и вслед за ним романа «Накануне» (Русский вестник. 1860. Кн. 1–2. Январь) имя Тургенева стало весьма популярным. Можно с уверенностью говорить о том, что к концу 1850-х годов писатель по праву занял место ключевой фигуры в общественно-литературном процессе. Журналы и газеты пытались заручиться его поддержкой и наперебой просили поместить на своих страницах какое-либо произведение. Е. М. Феоктистов, основавший в 1861 году с графиней Е. В. Салиас де Турнемир газету «Русская речь» (просуществовавшую всего год), просил Тургенева поддержать это начинание и откровенно писал ему: «Комплименты были бы между нами неуместны, но Вам самим известно, каким почетом теперь пользуется Ваше имя и что оно почти необходимо для успеха журнала. Вы пишете, конечно, мало, а желающих получить Ваши произведения — весьма много...».⁶

На волне общественного подъема в ожидании решающих перемен в жизни русского общества Тургенев испытывает небывалый прилив творческих сил. Он как никогда активен: не только много (вопреки мнению Феоктистова) пишет и печатается, но и читает публичные лекции, участвует в различных общественных мероприятиях, среди

Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852–1874. С. 48 (сер. «Литературные памятники»). Базунов издал в 1856 году и «Записки охотника», заплатив за это Некрасову 2500 рублей, в то время как Тургенев уступил Некрасову это издание за 1000 рублей.

² Н. А. Основский (1816–1871) был довольно известным литератором и издателем, к тому же заядлым охотником. Он начал литературную карьеру с книги «Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакою» (1852, в соавторстве с К. Ф. Рулье; при переизданиях на обложке значился лишь Основский). Вскоре в периодике стали появляться его охотничьи рассказы, в которых современники не без основания увидели подражание «Запискам охотника» Тургенева и произведениям С. Т. Аксакова (см.: *Бокова В. М.* (при участии М. М. Одесской). Основский Нил Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 455–456).

³ «...я получил от Основского письмо, в котором он мне говорит, что послал тебе еще статью, и просит, чтобы ты следующие ему, по твоему расчету, деньги выслал на имя Александра Михайловича Купфершмита...» (*Тургенев. Письма. Т. 2. С. 301.*)

⁴ ИРЛИ. Ф. 7 (П. В. Анненков). Ед. хр. 149. Л. 13 об. (письмо к И. С. Тургеневу от 3 января ст. ст. 1861 года).

⁵ См. записку Тургенева к Ф. М. Достоевскому от 9 (21) февраля 1860 года (*Тургенев. Письма. Т. 4. С. 150–151.*)

⁶ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851–1861). Ч. II. 12 сент. 1852 — 24 дек. 1861 / Публ. Э. Г. Гайцовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 143.

которых в первую очередь следует назвать создание Литературного фонда, или Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, выступает инициатором учреждения Общества грамотности и первоначального образования, даже делает попытку создать свой «проект конституции», написанный в форме адреса Александру II.⁷ Несмотря на напряженный творческий процесс — а именно в этот период (с первой декады августа 1860-го по 30 июля ст. ст. 1861 года) Тургенев задумывает и пишет свое вершинное произведение, роман «Отцы и дети», — писатель активно публикуется в новых и старых периодических изданиях, поддерживает нарождающуюся украинскую литературу, сближаясь в Петербурге с малороссийским кружком, сгруппировавшимся вокруг журнала «Основа», переводит произведения Марко Вовчка (М. А. Маркович) и способствует устройству ее сочинений и даже личной судьбы. Наконец, поддерживает и расширяет связи с зарубежными литераторами, принимая участие в переводах собственных сочинений на иностранные языки.

Судя по тому, что в апреле 1859 года вышел в свет первый том второго (после 1852 года) отдельного издания «Записок охотника», трудно предположить, что Тургенев заранее планировал указанное четырехтомное собрание своих сочинений. Скорее всего, эта мысль пришла в голову Основскому, который очень надеялся упрочить тем самым свое материальное положение. Для Тургенева, застрявшего в Париже в связи с назревшей необходимостью выдать замуж свою внебрачную дочь Пелагею и оказавшегося в довольно сложной финансовой ситуации, идея издать Полное собрание своих сочинений была более чем приемлемой.⁸ На деле все вышло иначе. Более того, история с собранием сочинений Тургенева в четырех томах обернулась настоящим скандалом, лишь частично просочившимся на страницы периодических изданий. Вольно или невольно в него оказались втянуты близкие писателю люди — П. В. Анненков, И. П. Борисов, И. И. Маслов, И. В. Павлов, Н. Х. Кетчер, наконец, А. А. Фет, на долю которого выпала самая незавидная роль.

Еще в 1908 году один из первых биографов Тургенева Николай Михайлович Гутьяр (1866–1930) опубликовал в «Русской старине» статью, в которой попытался на основе доступных ему документов, в частности личной переписки, воссоздать непростую историю Полного собрания сочинений Тургенева 1860–1861 годов.⁹ Однако при всем желании он не мог ознакомиться со многими материалами, имеющими прямое отношение к делу. Выводы, к которым пришел Гутьяр, не вполне отражают истинное положение и требуют корректировки.¹⁰

Свою статью Гутьяр начинает с утверждения, что Тургенев продал Основскому право на издание своих сочинений в середине 1860 года. В действительности это произошло по крайней мере на полгода раньше. Уже в марте–апреле 1860 года новость разошлась в литературных кругах. Газета «Северная пчела» сообщала: «Мы слышали о выходе всех произведений Тургенева, в 4-х томах; тогда мы скажем о всей его деятельности, о его значительнейших вещах...».¹¹ А 2 (14) июня Тургенев настойчиво про-

⁷ См. об этом: Генералова Н. П. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бенни) // Русская литература. 2019. № 4. С. 29–52.

⁸ В письме к Анненкову от 19 ноября (1 декабря) 1860 года Тургенев признавался: «А деньги мне крайне нужны, при теперешних моих больших расходах — и при оказавшемся нежелании моих мужичков платить мне оброк, — тот самый оброк, за который они хотели быть благодарны *по гроб дней*» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 265).

⁹ Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева // Русская старина. 1908. Т. 135. Кн. 8. С. 229–240. Эта работа почему-то не включена в библиографию к статье Боковой в словаре «Русские писатели» (см. выше, прим. 2).

¹⁰ Отметим, что общие выводы Гутьяра продолжают фигурировать в современных исследованиях, в том числе в комментариях к первому и второму академическому Собранию сочинений и писем Тургенева.

¹¹ Н. Н. [Блюммер Л. П.]. Письма о русской журналистике // Северная пчела. 1860. 21 апр. № 89. С. 353. На это сообщение обратил внимание В. А. Громов, он же обнаружил и другое сообщение — в мартовской книжке «Светоча» за тот же год. См.: Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева // Восьмой межвузовский тургенев-

сил А. И. Герцена прислать ему журнальные публикации «Поездки в Полесье» и «Аси» и сообщал: «Мне эти повести крайне нужны — я продал полное издание своих сочинений и взялся все пересмотреть, а срок уже проходит».¹² Очевидно, что по договоренности с Основским писатель должен был представить ему исправные тексты уже к июню 1860 года. Частично это было сделано лишь к 19 (31) августа, когда Тургенев выслал поправки, о которых писал в не дошедшем до нас письме к Основскому. На него издатель отвечал 22 августа (3 сентября) 1860 года. Из этого письма следует, что к тому времени полностью укомплектованы были первый и четвертый тома, включавшие, как уже говорилось, «Записки охотника» и три романа («Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне»), причем для «Рудина» Тургеневым был написан новый эпилог, в котором герой погибал в Париже на баррикадах 1848 года.¹³

Несомненно, Тургенев опасался, что этот эпилог не будет пропущен цензурой. Может быть, потому он спешил с четвертым томом, в который входил обновленный роман. Но цензура в лице Н. П. Гилярова-Платонова оказалась на этот раз снисходительной, и уже 30 сентября 1860 года цензурное разрешение на тома 1, 3 и 4 было получено.

Нелишним будет подчеркнуть, что в издании 1860–1861 годов впервые были выделены в отдельный (четвертый) том три романа Тургенева, хотя в подзаголовке тома этот факт отмечен не был. Напомним, что роман «Рудин» вошел в издание сочинений 1856 года в третий том под общим подзаголовком «Повести и рассказы». Судя по всему, после «Дворянского гнезда» и «Накануне» Тургенев определился с жанровой принадлежностью этих произведений, которые, впрочем, и позже часто называл «повестями». Лишь в 1880 году в «Предисловии к романам», опубликованном в третьем томе салаевского издания, он с уверенностью назвал все свои шесть романов романами и поделился некоторыми деталями их творческой истории.¹⁴

К 22 августа 1860 года первый том нового издания с «Записками охотника» был уже, по свидетельству Основского, отпечатан. С нетерпением ожидая от Тургенева присылки портрета, в помеченном этой датой письме он писал, что портрет «необходимо поместить при „Записках охотника“, то есть в первом томе, который уже отпечатан», и всячески расхваливал «свое» издание.¹⁵ При этом издатель выражал надежду, что и дописанный эпилог к «Рудину» «проскочит».¹⁶

Правда, нужно отметить, что с сообщением об «уже отпечатанном» первом томе Основский несколько поторопился, о чем свидетельствует следующее его недатированное письмо, написанное в ответ на полученное от Тургенева. В нем речь идет о том, что «Записки охотника» «печатаются», осталась лишь «Поездка в Полесье».¹⁷

Как уже говорилось, сначала было решено издать первый и четвертый тома, однако в процессе подготовки планы изменились. Из приведенного выше письма видно, что в это время Тургенев занимался правкой пьес, которые собирался поместить во

ский сборник: И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1980. С. 90–91. Благодаря В. И. Симанкова за указание на эту статью В. А. Громова.

¹² Тургенев. Письма. Т. 4. С. 202.

¹³ См. об этом: Генералова Н. П. «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому (О втором эпилоге романа «Рудин») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 19–57.

¹⁴ Тургенев. Соч. Т. 9. С. 390.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 1. «Издание выходит очень миленьким; корректуры проходят сквозь три пары рук, и, надеюсь, ошибок почти не будет, разве какая запятая проскользнет; а уж сколько ошибок было в прежнем издании — числа нет!» (Там же). Попутно отметим, что, неоднократно напоминая о портрете, Основский настаивал, чтобы Тургенев не только напечатал на 200 экземпляров больше условленных 4800 (поскольку 200 экземпляров будут наверняка испорчены в процессе брошюровки), но и привез с собой доску, очевидно, для того, чтобы с нее можно было отпечатать, в случае необходимости, дополнительные экземпляры.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁷ Хотя это письмо Тургенева не дошло до нас, можно утверждать, что оно было написано в ответ на послание Основского от 22 августа, т. е. приблизительно в середине последней декады августа. Во всяком случае, в упомянутом письме Основского вновь говорится о том, что «Записки охотника» «печатаются и приходят уже к окончанию; недостает одного „Полесья“, то есть собственно хвостика» (Там же. Л. 3).

втором томе.¹⁸ Сам же том издатель намеревался напечатать последним по счету. Однако, приступив к третьему тому, он обнаружил, что повести и рассказы, которые должны были войти в его состав, по объему значительно превышают предыдущие тома и никак не вмещаются в один том. Тогда он предложил разместить их в двух томах, а комедии напечатать в дополнительном пятом томе.

Вот как Основский описывал Тургеневу 21 октября 1860 года ситуацию с изданием: «Оба письма Ваши, дорогой Иван Сергеевич, а равно и поправки к комедиям, я получил. Но из обоих писем Ваших я вижу, что Вы не получили моего письма, которое было мною послано в конце августа или в начале сентября. Но делать нечего, приходится вторично писать о том, что, я полагал, Вам уже известно.

„Записки охотника“ (1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: „Поездка в Полесье“ и „О соловьях“. 4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня. Остается напечатать 3-й и 2-й томы, которые к 1 декабря будут окончены. Деньги, сколько будет возможно, я Вам пошлю в последних числах ноября (по нашему старому стилю). Полагаю, что вышло две тысячи, а может и более, по крайней мере — постараюсь выслать более.

Теперь приступлю к главному. Я рассчитывал по „Запискам охотника“, думая, что и повести напечатаны точно таким же шрифтом; но когда начал печатать, увидал, что, вынув из них „Рудина“ и прибавив в них „Асю“ и „Первую любовь“, не будет возможности упрятать их в один том, ибо одни они составят 50¹⁹ листов. Следовательно, выключая комедий, выйдет 4 тома, потому что „Повести“ будут состоять из двух томов. Главное в том, что расчет потерян. Остается сделать следующее: выпустить 4 тома, а комедии печатать уже особо — пятым томом. Я их напечатаю и пушу в продажу по рублю. Вычту за бумагу и печать, а все вырученные деньги за них уже будут все <так! — Н. Г.> принадлежать Вам. Пускать же в продажу 5 томов за 5 р. нет возможности, что Вы увидите из счета, который я к Вам вышлю, а Вас прошу земно отвечать мне поскорее».²⁰

Нет сомнений, что полученное письмо должно было не на шутку встревожить Тургенева. Из него следовало, что предыдущие планы, сулившие столь необходимые писателю деньги, рухнули. Труд, потраченный на вычитку комедий для второго тома, оказался напрасным, а печатанье дополнительного тома с пьесами выглядело почти авантюрой. Даже если предположить, что Основский гораздо раньше (по его утверждению, в конце августа или начале сентября) оповестил писателя об изменении издательских планов, очень странно, что он не озаботился отсутствием ответного письма от Тургенева, который непременно должен был утвердить или опровергнуть его намерения.²¹

Более того. На томе 3 стоит дата цензурного разрешения 30 сентября 1860 года, та же, что на томах 1 и 4. Цензором значится тот же Н. П. Гиляров-Платонов. Это означает, что Основский подал в цензурный комитет сверстанный третий том с «Повестями»

¹⁸ «Посылаю Вам недостающие страницы „Безденежья“, — писал Основский, — а „Холостяка“ пришло в Париж» (Там же).

¹⁹ К этому месту Основский сделал примечание: «1-й том 22 листа, а 4-й вышел в 30 листов». Не можем согласиться с датировкой этого письма, предложенной В. А. Громовым (не позже конца апреля 1860 года). См.: Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева. С. 91. К такому выводу исследователя привели не вполне точно понятое слова о присылке «Холостяка» в Париж, куда Тургенев приехал в последних числах апреля, выехав из Петербурга 24 апреля ст. ст. Однако после Парижа писатель вскоре отправился на воды в Соден, где пробыл с 25 мая до начала июля ст. ст., затем провел две недели в Куртавнеле, а с конца июля по конец августа был в Англии, о чем Основский мог знать из не дошедших до нас писем Тургенева к нему. Все это время писатель работал над собранием сочинений.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 5–6 об.

²¹ Трудно согласиться с мнением Громова, что Основский самостоятельно и как бы с разрешения Тургенева определял «как общее количество томов, так и объем и даже структуру каждого из них» (Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева. С. 90). Ссылка на письмо Основского от 3 января 1861 года, в котором он напоминал писателю, что между ними не было письменного соглашения, не меняет дела и имеет совершенно иной смысл.

до того, как получил на то одобрение Тургенева. Очень возможно, что, пытаясь скрыть свое самоуправство, он и придумал версию о своем письме с предложением изменить состав томов, которое было написано якобы еще в конце августа или начале сентября. Разумеется, Основский хорошо помнил о договоренности выплатить половину суммы за издание (т. е. 4000 рублей) до выхода его в свет, однако названная им сумма (2000 рублей), которую он обещал выслать в конце ноября по старому стилю, т. е. почти в середине декабря по новому, никак не соответствовала денежным расчетам Тургенева.

Повторяя то, что было уже известно по поводу первого и четвертого томов, издатель обещал, что обновленные второй и третий будут выпущены к 1 декабря, что также не могло не насторожить Тургенева, а уже вышедшие первый и четвертый тома Основский обязался выслать «на днях». Решение писателя сэкономить «несколько сот рублей» и не помещать в первом томе портрет явно огорчило Основского («с портретом издание пошло бы быстрее, а одно другого стоит»)²².

И уж совсем странным выглядело сообщение в конце письма о том, что «бесконечно преданный, любящий и уважающий» издатель видит каждую почти ночь Тургенева во сне и «даже был у Вас в Париже на квартире». Вряд ли подобное известие сильно растрогало писателя, с нетерпением ожидавшего присылки положенных денег. Что же касается финансовой стороны дела, то обещание Основского звучало не слишком обнадеживающе: «В генваре вышлю Вам еще денег»²³.

Следующее письмо Основского было написано в конце декабря 1860 года, а именно 22 числа. В нем он безо всяких извинений сообщал: «Посылаю Вам, дорогой Иван Сергеевич, все, что имею в настоящее время. Хотя я и думал, что к декабрю выйдут все 4 части, но выпущены только две; завтра готова и третья, а четвертая часть выйдет не ранее первых чисел февраля: бумаги задержали, а прислать такого же формата было нельзя. Книги вышлю Вам на днях. Относительно денег скажу Вам следующее: 3-го или 4-го января вышлю Вам еще 1000; к 1-му марта 2000; а остальные 2000 уже осенью. Напишите мне об этом разделении: может удастся сделать и лучше. Дело в том, что книжная торговля идет плохо и я едва, едва успел навязать (с уступкой 25%) 1000 экз. книготорговцам, и то деньги в рассрочку. Издание стоит с лишком 6000. Я впрочем буду к Вам писать подробно с второй отправки денег...»²⁴ Как видим, обещанная ранее сумма в две тысячи сократилась наполовину, а выплата оставшихся денег растягивалась почти на год.

Скажем сразу, что вопрос о дополнительном пятом томе с комедиями был Тургеньевым снят. Издание вышло в четырех томах, причем третий и второй тома, несмотря на неоднократные печатные заявления о поступлении их в продажу в «самом непродолжительное время», появились значительно позже, лишь в мае следующего 1861 года, в то время как первый и четвертый поступили в продажу 3 декабря 1860 года.²⁵ Таким образом, издание было завершено с перерывом в полгода. Вместо условленных четырех тысяч Тургеньев к концу года получил лишь две и понял, что надо действовать.

Именно в этот период и развернулось то, по слову Фета, «чертовски запутанное и неприятное дело», которое позволило П. В. Анненкову позднее утверждать, что Основский погубил «целое предприятие»²⁶.

²² ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 6 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 7–7 об.

²⁵ Первое объявление о поступлении в продажу томов 1 и 4 в московские книжные магазины, «а равно у издателя Н. А. Основского, в Старой Конюшенной, у Успения на Могильцах, в д. Рышкова» было напечатано в № 263 газеты «Московские ведомости» от 3 декабря 1860 года. При этом в объявлении было обозначено содержание томов, а также анонсировался скорый выход томов 2 и 3: «Третий том будет выпущен в скором времени и состоит из следующих рассказов: „Дневник лишнего человека“, „Два приятеля“, „Переписка“, „Яков Пасынков“, „Фауст“, „Ася“ и „Первая любовь“. / Второй том будет отпечатан в конце января» (С. 2096). Повторно напечатано: Там же. 11 дек. № 269. С. 2151; 22 дек. № 278. С. 2232. Впоследствии в объявлениях сообщалось, что на второй и третий тома выдаются билеты (см., например: Там же. 14 дек. № 271. С. 2167; 1861. 4 янв. № 3. С. 24).

²⁶ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 454.

Трудно с уверенностью сказать, когда у Тургенева появились первые подозрения в том, что Основский ведет себя с ним не совсем честно. Подобными подозрениями мог поделиться с ним кто-то из знакомых, или же он сам, не получая от своего издателя своевременных отчетов, стал догадываться, что дело не вполне чисто. Так или иначе, но в неизвестном письме к верному другу Анненкову писатель упомянул о недавнем третейском суде, где в качестве главного обвиняемого фигурировал Основский, и просил узнать, что же тот делает с изданием его сочинений. «...вы уже знаете, — писал Анненков в ответном письме от 12 ноября 1860 года, — что Основский имел гадкую историю с редакторами „Моск<овского> вес<тника>“. Плещеев обвинял его в утайке подписчиков для собственного употребления, а Плещеев не лгун, и третейский суд, слышно, лгуном его не назвал. Таким образом ко всем своим запахам Основский присоединил, кажется, еще пикантный запах, названия коего приводить не хочу. Что он делает с вашим изданием — узнаю на днях».²⁷ 19 ноября (1 декабря) Тургенев отвечал: «Если Основский, которого я считал честным человеком, выкинул такую штуку с „Московским вестником“ — то кто ж ему помешает выкинуть такую же и со мной, — т. е. вместо 4800, как сказано в условии, напечатать 6000 и денег мне не выслать? А деньги мне крайне нужны...».²⁸ Ввиду сложившихся обстоятельств писатель предлагал Анненкову взять на себя хлопоты по этому делу, прося друга собрать сведения об Основском и советуя обратиться за помощью к Н. Х. Кетчеру и И. В. Павлову.

Пока Анненков собирал сведения о деятельности Основского, Тургенев, не дождавшись существенных подробностей о ходе дел, принял решение прибегнуть к содействию А. А. Фета. 17 (29) декабря 1860 года он написал Фету «чисто деловое письмо», в котором сообщал, что до него дошли слухи, будто подготовленное Основским издание его сочинений поступило в продажу, «а между тем обещанные деньги им не высылаются». Сообщал Тургенев и о том, что уже два месяца не получает от издателя писем. «Так как это дело для меня важное, — писал Тургенев, — и так как (это между нами) я имею причины сомневаться в совершенной честности Основского — то я покорнейше прошу Вас взять *на себя* все хлопоты и вообще вступить в мои права, сделаться моим „alter ego“ — в удостоверение чего посылаю Вам записочку для представ-

²⁷ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 90. Вскоре сам Основский в исповедальном письме к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года красочно опишет этот третейский суд, который стал, по его словам, для него «торжеством» (ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 10 об.). Любопытно, что, по желанию Павлова и Плещеева, среди судей должен был быть Н. Г. Чернышевский, однако Основский отвел его кандидатуру «как жителя Петербурга». Со стороны Павлова и Плещеева, обвинивших Основского в утаивании в свою пользу 300 экземпляров газеты «Московский вестник», издававшейся ими на паях, судьями были избраны Ф. В. Чижов и А. Н. Островский, а со стороны Основского Н. П. Гиляров-Платонов. В результате разбирательства Основский был оправдан (см. об этом споре: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1961. Вып. 6 / Под ред. М. П. Алексеева. С. 263–264; комм. Л. С. Пустильник к письму А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому). Уже после суда Основский послал инициатору разбирательства Плещееву вызов, который не был принят (см.: ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 10). По-видимому, Тургенев наводил справки об Основском и у других знакомых. «Теперь спешу Вас успокоить насчет Основского, — писал И. П. Борисов Тургеневу 19 (31) декабря 1860 года, — до нас дошли слухи с закрытой стороны этой грязной истории. Я Ивана Васильевича Павлова еще прежде расспрашивал об „Мос<ковском> в<естнике>“ по случаю получения мною их журнала, который так и пропал для нас. Вот что он мне сказал, что дела их расстроились от безденежья, т. е. *потери подписчиков*, и от *множества хозяев*, и ни словом не винул Основского. — Но вот что я узнал от *Островского*, который был у них *посредником* в этом деле: Щепкин и К<етчер> успели *мало-помалу* рассорить Павлова с Основским и главное Плещеева, который и довел Основского до необходимости просить их выбрать посредника для суда между ними. Выбрали *Гилярова-Платонова*, *Чижова* и *Островского*. Конец был тот, что посредники единогласно были за *Основского*. Иван В<асильевич>, не ожидая конца их приговора, ушел, а Плещеев *извинился* перед Основским, который однако не захотел уже вести с ними дело журнала, а работает в своей типографии и ведет это дело *отлично*, и это-то именно и было причиною, что Щепкин ему старался нагадить» (<Письма И. П. Борисова к И. С. Тургеневу> / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3 / Ред. Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова. С. 343).

²⁸ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 265.

ления г-ну Основскому».²⁹ Условия, заключенные между автором и издателем, были таковы: «...он имел право печатать 4800 экземпляров — и за это должен был мне заплатить 8000 руб., из коих половина должна была быть представлена до издания в свет, другая — 4 месяца после».³⁰

Тургенев не помнил, сколько он уже получил от Основского, 1500 или 2000 рублей серебром (судя по письму Основского от 3 (15) января 1861 года, он выслал в Париж всего 1000 рублей), уточнить это он просил Фета. Что касается оставшейся части первой половины суммы, то здесь Тургенев был неумолим: «Остающиеся 2000 или 2500 руб. он должен немедленно выслать. Мне это все очень неприятно — и особенно неприятно мне Вас утруждать; но Вы можете сказать ему, что у нас есть с Вами счеты».³¹ К письму прилагалась следующая доверенность:

«Париж.
17/29-го дек. 1860.

Я прошу Афанасия Афанасьевича Фета взять на себя все сношения с Нилом Андреевичем Основским по делу издания моих сочинений — и прошу г-на Основского выдавать следуемые мне деньги г-ну Фету, который вступает вполне во все мои права.

Иван Тургенев.

Р. С. Поручаю также г-ну Фету получить от г. Основского следуемые мне экземпляры.

Прошу Н. А. Основского выдать А. А. Фету следуемое мне количество экземпляров нового издания моих сочинений.

Ив. Тургенев.

Париж.
17/29 дек. 1860».³²

Разумеется, Фет согласился. Почему Тургенев выбрал на роль посредника именно Фета, остается только гадать. По-видимому, он был уверен в его неподкупной честности и умении вести дела твердо и ответственно. Однако в данном случае эти качества Фета скорее навредили, нежели помогли ему. Будучи обязанным Тургеневу многим, в частности заинтересованным участием в издании его собственного поэтического сборника 1856 года, в неизменной поддержке его как переводчика (Тургенев издал на свой счет переведенные Фетом Оды Горация в том же 1856 году), Фет не мог отказать человеку, с которым его связывало не только чувство благодарности, но и глубокая симпатия. Недаром спустя много лет Фет начнет свои мемуары со времени знакомства с Тургеневым.

Несомненно, Фет взялся за дело горячо и по получении письма тотчас отправился к Основскому, предъявив ему присланную Тургеневым доверенность. Свою реакцию Основский воспроизвел в уже упомянутом письме-исповеди от 3 (15) января 1861 года: «Накануне нового года ко мне приехал Фет с Вашей запиской. Я показал ему дубликат, что 1000 р. посланы Вам 21-го декабря; что я немного промедлил, зная, что Вы от этого не пострадаете, и думая, что извините меня за неаккуратность. Говорю Фету, что к 3-му числу января привезу еще денег, сколько могу. Но появление Фета с Вашей запиской меня уже убило, и я заболел».³³

Отметим, как непринужденно Основский решил, что задержка с выплатой денег не нанесет урона Тургеневу, и как он был заранее уверен в том, что писатель извинит

²⁹ Там же. С. 272–273.

³⁰ Там же. С. 273.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 273–274.

³³ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 12.

его за неаккуратность. Эта установка заметна и в приведенном выше письме от 22 декабря 1860 года, написанном тотчас после высылки Тургеневу 1000 рублей в Париж.

Между тем доверенность Тургенева, предоставившая Фету право действовать от его имени, наделала много шума и явилась причиной ожесточенного столкновения между заинтересованными сторонами. Этими заинтересованными сторонами были прежде всего Н. А. Основский, поэт А. Н. Плещеев и Иван Васильевич Павлов, врач и литератор, известный своими радикальными взглядами.³⁴ Связанные взаимными обязательствами по «Московскому вестнику», судьба которого к тому времени была предрешена, они оказались связанными и по изданию собрания сочинений Тургенева, поскольку все трое были пайщиками издания, причем Плещеевым в качестве жеста доброй воли был оплачен пай Павлова. Именно от Плещеева и Павлова писатель получил в начале 1861 года письма, в которых Основский обвинялся в мошенничестве, иначе говоря, в воровстве.³⁵ Детали его проделок с завышением стоимости бумаги, занижением количества отпечатанных экземпляров, перепродажей на сторону паев и т. д. подробно описывались участниками событий, однако вопреки очевидным фактам Основскому удалось убедить сначала Фета, а потом и Тургенева в своей полной невиновности. Впрочем, можно предположить, что Тургенев догадывался, что в разъяснениях Основского остается много темных мест, однако по получению части денег не нашел нужным продолжать это дело, грозившее обернуться большим скандалом, тем более что все задействованные им участники были готовы идти на крайние меры. Не последнюю роль в решении Тургенева играл и тот факт, что в руках его не было юридических документов, т. е. договора, по которому можно было предъявить какие-либо претензии нечистоплотному издателю. На это намекал и Анненков в своих воспоминаниях.

«Как удивились приятели Тургенева, рассчитывавшие на его поддержку в их расчете с Основским, когда получили от него формальный отказ участвовать в каких-либо заявлениях и протестах против издателя, нанесшего такой ущерб ему и погубившего целое предприятие! <...> Павлов разорвал дружелюбные отношения с Тургеньевым, не понимая, как можно потворствовать явному нарушению своих обязанностей и покрывать их молчанием и своим именем. Но у Тургенева были и логические, а всего более гуманные причины поступать так, как он сделал. Прежде всего первой причиной неудачи „издания своих сочинений“ был он сам: он поручил дело человеку, не отвечавшему идеалу литературного деятеля, но очень хорошо отвечавшему старой привычке Тургенева предполагать в простых, малоразвитых людях основы иногда тупой и досадной, но всегда стойкой и неизменной честности».³⁶

Серьезным аргументом в пользу Основского было для Тургенева письмо надежного друга И. П. Борисова, который тоже, поневоле, оказался втянутым в эту историю. В письме от 19 декабря 1860 года он изложил свой взгляд на Основского, которого назвал «человеком честнейшим, благородным и слишком добрым <к> врагам его».³⁷ И конечно, мнение Фета, о котором речь пойдет впереди.

³⁴ Друг М. Е. Салтыкова, разделявший идеи Петрашевского, приятель А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Т. Н. Грановского, И. В. Павлов (1823–1904) позднее сблизился со славянофилами. С Тургеньевым познакомился в 1853 году в период окончания спасской ссылки, будучи соседом писателя по имени. Тургенев помог Павлову в организации еженедельника «Московский вестник», основанного в 1859 году. Писатель интересовался судьбой «Вестника» и опубликовал в нем главу из неизданного романа «Два поколения», а также очерк «Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А. Основскому)». См.: *Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева* // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Ред. М. П. Алексеев. Л., 1982. С. 143–158.

³⁵ Письмо А. Н. Плещеева с припиской И. В. Павлова к Тургеневу было написано 25 декабря 1860 года; опубликовано Г. М. Фридендером: *Литературный архив*. Вып. 6. С. 308–310. Кроме того, в подробных комментариях здесь было воспроизведено письмо Плещеева к Анненкову примерно того же времени и содержания. Оба приятеля утверждали, что Основский «гнусный мошенник», и считали необходимым припугнуть его с тем, чтобы вынудить уплатить Тургеневу причитающуюся сумму.

³⁶ Анненков П. В. *Литературные воспоминания*. С. 454–455.

³⁷ См. выше, прим. 27.

Если бы действующие лица назревшего скандала пожелали устроить третейский суд, подобный тому, что состоялся над Основским в связи с обвинениями Плещеева по делу «Московского вестника», или тому, что имел место 29 марта 1860 года на квартире И. А. Гончарова по обвинению Тургенева в плагиате,³⁸ то судьей пришлось бы, несомненно, выступать Павлу Васильевичу Анненкову. В отсутствие Тургенева он оказался в самом центре разворачивающихся событий и именно к нему обращались за советом все участники. Таким образом, в архиве Анненкова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, сосредоточилась большая часть переписки, связанной с делом об издании Собрания сочинений Тургенева в четырех томах. Однако именно эти документы остались вне поля зрения Н. М. Гутьяра, который, оценивая воспоминания Анненкова, решил, что «память изменила» ему «при передаче подробностей дела, как изменила она ему и в рассказе о происшедшем будто бы разрыве дружеских связей Ивана Сергеевича с И. В. Павловым».³⁹

Теперь, когда письма Павлова к Тургеневу, хранящиеся в архиве Анненкова, опубликованы, нет никаких сомнений в том, что отношения были действительно прерваны по инициативе Павлова. То, что они спустя годы в какой-то степени восстановились, на что ссылался Гутьяр, свидетельствует лишь о том, что Тургенев, как и сам Павлов, проявил отходчивость и понимание.

Оставляя в стороне вопрос, полагался ли Анненков при написании воспоминаний на память или все-таки пользовался находившимися в его распоряжении документами, что гораздо более вероятно, обратимся к выводам по поводу дела Основского, к которым мемуарист пришел в своих воспоминаниях, публикуя письма Тургенева. Характеризуя в целом 1861 год как «замечательный», Анненков писал, что первые месяцы его принесли Тургеневу «дурные предзнаменования». «Начать с того, что второе издание его сочинений, порученное г. Основскому, окончилось третейским судом издателя со своими займодавцами в Москве и полным фиаско. Тургенев роптал, не получая ничего от издателя, а вместо следующих ему сумм к нему беспрестанно приходили жалобы на недобросовестность издателя, занимавшего кругом деньги, чтобы исполнять свои обязательства перед подписчиками, на запоздалые или неудовлетворительные его счета, даже на некоторые издательские его приемы, имевшие некрасивый вид. Тургенев был раздражен. Впрочем, история с Основским началась еще ранее, и уже можно было предвидеть, чем она кончится».⁴⁰ Надо отметить, что при публикации в 1885 году в «Вестнике Европы» писем Тургенева, Анненков опускал некоторые наиболее скандальные фрагменты. Сами же оригиналы писем до нас не дошли.⁴¹

Из приведенного выше отрывка воспоминаний заслуживает внимания упоминание о третейском суде. Если это не аберрация памяти (третейский суд над Основским был ранее и связан был, как уже говорилось, с делом «Московского вестника»), то очень может быть, что после того, как Тургенев, получив при помощи друзей, и прежде всего Фета, значительную часть положенных денег и решительно прекратив свое участие в этом деле (о чем оповестил Фета и Борисова в письме от 2 (14) января 1861 года⁴²), неудовлетворенные сложившейся ситуацией участники нелицеприятных разборок решились все же каким-то образом привлечь Основского к ответственности. О своих финансовых претензиях к нему и Павлов, и Плещеев упоминали неоднократно.

³⁸ См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862)* / Отв. ред. Н. П. Генералова. СПб., 2018. С. 222–228.

³⁹ *Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева*. С. 237.

⁴⁰ *Анненков П. В. Литературные воспоминания*. С. 451.

⁴¹ «Между тем раздражение Тургенева против Основского выросло до такой степени, что разрешилось ругательствами, которые мы выпускаем, хотя Тургенев продолжал молчать великодушно о собственных потерях» (Там же. С. 453).

⁴² «...теперь я только хочу вам сказать, что я получил от Основского хотя не все деньги, которые он должен был выслать — однако половину; и потому положите под сукно все, что я вам сообщил по этому поводу — и приостановитесь; я душевно рад, что все распушенные слухи оказались ложными — рад и за себя, а главное за Основского, которого мне было как-то дико вообразить не совершенно честным человеком» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 278).

Характерно, что в письме Тургенева к Анненкову, отправленном через три дня после письма к Фету и Борису с запретом дальнейшего участия в деле Основского, оценка его деятельности звучит совсем иначе: «...Основский меня надул». ⁴³ Подробное письмо А. Н. Плещеева от 25 декабря 1860 года, полученное Тургеневым 6 (18) января следующего, 1861 года, разъяснило детали этого надувательства и побудило обратиться с ответным (неизвестным) письмом к Плещееву, содержащим совет связаться с Фетом «для обоюдоострого действия». ⁴⁴ В письме же к Анненкову от 7 (19) января Тургенев откровенно признается: «...кажется, я останусь в дураках». ⁴⁵

Дело в том, что между Основским и Тургеневым не существовало никакого письменного соглашения, договоренность носила исключительно изустный характер. Этим не преминул воспользоваться Основский, когда Плещеев и Павлов стали угрожать ему полицейским преследованием. Не забыл упомянуть предусмотрительный издатель это обстоятельство и в упомянутом уже исповедальном письме к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года. Причем сделал это в своеобразной, почти драматургической форме. ⁴⁶ Между делом он осмелился не только указать Тургеневу на бессмысленность юридических претензий к нему как к издателю, но и намекнуть, что писатель мог бы даже «подарить» ему все издание.

Вообще, не раз уже упомянутое письмо Основского к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года представляет собой любопытнейший с психологической точки зрения документ. ⁴⁷ Почти на 14 страницах Основский изложил в красках не только историю с третейским судом по поводу «Московского вестника», но и перипетии с изданием Собрания сочинений Тургенева, стараясь выставить своих врагов в самом черном свете и как можно чище обелить собственные поступки. Начиналось письмо патетически: «Я любил (и люблю) Вас. Как не любил никого в мире: я боготворил Вас, Вы были для меня кумиром, идеалом человека. (Ради всего милого для Вас — не примите это за фразу, за лесть). И вдруг... Но, лучше, расскажу Вам все исторически, не щадя ни себя, ни моих *доброжелателей*. Письмо это есть — исповедь и должно остаться между мной и Вами — этого я прошу». При этом автор не оставлял надежды когда-нибудь рассказать Тургеневу историю своей жизни, «которая может послужить великолепной канвой для превосходной повести». Для вящей убедительности к письму прилагались некоторые частные письма, предназначенные скомпрометировать их авторов. Особенно обеспокоен был этим Павлов, который в некоторых письмах позволял себе весьма ругательные высказывания по адресу приятелей, в частности Плещеева, которому был обязан своим паем в предпринятом издании. ⁴⁸

⁴³ Там же. С. 279.

⁴⁴ Там же (письмо к П. В. Анненкову от 7 (19) января 1861 года).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «2-го января вечером я получаю от Плещеева письмо, в котором он пишет, что от Вас получены 2 письма: одно Анненковым, другое Фетом, в которых Вы пишете, что денег от меня не получили и что предоставляете и уполномочиваете Анненкова принять против меня самые строгие *полицейские* меры. Иван Сергеевич Тургенев и полицейские меры!!.. Я ничего не понял. Что было со мной по прочтении этой гнусной записки — я не помню. Удивляюсь, как я не поседел, как я не умер. Правая рука, Вы видите, как пишет. Я простоял на месте, без движения, с полчаса. Вы, конечно, поймете, что меня поразила не фраза: *полицейские меры*, потому что подобные меры принимает тот, кто вооружен контрактом, векселем, условием и т. п.; я же имел с Вами условие на словах, и потому доказать юридически (если б я был мерзавец и хотел обмануть Вас): получили ли Вы от меня деньги, сколько именно, или, быть может, подарили мне издание — невозможно. Слов нет, что в целой России мне бы никто не поверил, но, повторяю, обвинить юридически меня было бы невозможно. Нет, меня поразила не фраза, а то, что Иван Сергеевич Тургенев, который был и теперь есть для меня святыней, решил написать подобную вещь Анненкову, и Анненков передал это Плещееву. Не помню, что я отвечал Плещееву, кажется, что-то не слишком лестное, но, впрочем, помнится, благодарил его за участие, которое он принимает в моих делах относительно Вас. Вслед за этим я бросился достать денег, разумеется, не к приятелям, а к ростовщику и достал 2500 р. за ужасные проценты. На другой день я передал деньги Фету» (ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 12–12 об.).

⁴⁷ Полностью письмо впервые опубли.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 387–392.

⁴⁸ См.: *Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева*. С. 156 (письмо Павлова от 28 января 1861 года).

Зная натуру Тургенева и, вероятно, догадываясь, что угроза Плещеева применить к нему «полицейские меры» исходила не от писателя, Основский умело обыграл и задел чувствительные струны его сердца. Недаром Тургенев позже просил Анненкова написать Основскому, что ничего подобного он, Тургенев, ему, Анненкову, не поручал.⁴⁹ Из ответного письма Анненкова мы узнаем, что «клевета», а именно так Анненков назвал слухи о «полицейских мерах», якобы исходящих от Тургенева, была им опровергнута гораздо ранее полученного только что письма. Более того, Анненков сообщал: «...и только чтоб не заводить нового скандального дела, не дал я Фету позволения на публичное ее опровержение».⁵⁰

Подводя итоги едва отшумевшего скандала, Анненков продолжал: «Можете об этом написать Основскому, если считаете нужным, но советовал бы не раздувать пламя, которое от нынешнего *нейтрального* печатания 2-го тома ваших сочинений должно само собой потухнуть».⁵¹

Следует признать, что упоминание «полицейских мер», которыми Тургенев якобы грозил Основскому в письмах к Фету и Анненкову, остается целиком на совести Плещеева и Павлова. Не зная, каким образом «прижать» Основского, они попросту выдумали такой ход, надеясь напугать оппонента и заставить его заплатить по несуществующим *de jure* счетам не только Тургеневу, но и им самим. В этом недвусмысленно признался сам Плещеев в письмах к Тургеневу и Анненкову.⁵² 18 января 1861 года он писал Тургеневу: «...я прямо объявил Основскому — что если мне не будет доставлен оригинал (имеется в виду второй том сочинений Тургенева, который Плещеев взялся печатать сам. — Н. Г.), то я буду действовать путем юридическим и начну с того, что подам докладную записку Ober-Полицмейстеру. — (Я писал это и Анненкову.) Основский струсил; тем более что я просил содействия Кетчера, которого он боится как огня; потому что это не только честный, но и энергичный человек. — Он бросился к Павлову — рыдал перед ним и умолял пощадить его; потому что общий голос был против него, после отказа его мне в праве печатать — и после реплики Фета».⁵³

Итак, возвращаясь к письму Анненкова, подводящему итоги этой печальной истории, которая, впрочем, завершилась для Тургенева не самым плохим образом, обратимся к той роли, которая выпала в ней на долю Фета.

Воспроизводя много лет спустя «деловое письмо» Тургенева в своих мемуарах, Фет сопроводил его следующим комментарием: «Тип людей, совершенно равнодушных к материальным своим средствам, готовых горстями разбрасывать свое добро и в то же время скупых на копейки и неразборчивых в источниках нового прилива денег, — далеко не новый. Если бы Тургенев самым решительным образом не

⁴⁹ «Я получил длинное письмо от Основского, — писал Тургенев Анненкову 16 (28) января 1861 года, — и оказывается, что он действительно был оклеветан — и достоин сожаления. До него, между прочим, дошли слухи — будто я поручал Вам употребить против него *полицейские* меры; будьте так добры, напишите ему в двух словах, что я ничего подобного Вам не поручал: это поднимет этого придавленного человека, который в одно и то же время разорен и опозорен. Зная Ваше доброе сердце, я не сомневаюсь в том, что Вы немедленно это сделаете. Я не мог не усомниться в нем, вследствие писем от его же приятелей, но я *никогда не позволил бы себе осудить окончательно человека бездоказательно*» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 285).

⁵⁰ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 98.

⁵¹ Там же.

⁵² Письмо к Анненкову от 3 января 1861 года воспроизведено в примечаниях к письму Плещеева к Тургеневу от 18 января 1861 года (Литературный архив. Вып. 6. С. 316; публ. Г. М. Фридендера). Анненкову Плещеев писал: «Я <...> советовал Вам пострадать Основского гласностью. Но мне самому здесь посоветовали, когда я уже отправил Вам письмо, написать ему, что я получил от Вас уведомление, что Вы уполномочены Тургеневым принять относительно его решительные меры; я так и сделал. Он отвечал мне, что с ним *нельзя* принять мер полицейских, ибо он никаких обязательств формальных с Тургеневым не делал; обязательства существовали только на словах; но что, впрочем, он деньги Тургеневу послал (6 тысяч) и завтра же отправляет к Вам квитанции — от банкира Марка. <...> Извините, если я употребил Ваше имя *всуе*; но так как это побудило, однако ж, Основского поторопиться уплатой, то может Вы и не рассердитесь на меня. Мне кажется, воров следует пугать *полицейскими* мерами» (Там же).

⁵³ Там же. С. 313.

принадлежал к этому типу, я не стал бы говорить о его счетах с О<сновским>. Дело в том, что когда я попросил у О<сновского> денег и книг, то солидарное в его предприятности лицо напечатало в „Московских ведомостях“ отрицание моего полномочия. Я попросил, в оправдание свое от самозванства, — у Тургенева подтверждение моего полномочия телеграммой и напечатал последнюю с буквальным русским переводом. На другой день по выходе номера мой антагонист прислал ко мне секунданта, и дело приняло бы трагикомический оборот, если бы старый Ник<олай> Хр<истофорович> Кетчер, со всегдашнею своею честностью и беспощадною грубостью, не разъяснил задорным петухам, что тут они дело имеют не со мною, а с Тургеневым. Тем не менее я переслал Тургеневу 2000 руб. в Париж, а когда позднее я спросил его, чем кончилось дело, он сам, превратив рассказ в мимическое представление, отнесся к нему комически. Он совершенно забыл о моей трагикомедии по его же милости». ⁵⁴

Именно этот комментарий дал повод Н. М. Гутьяру упрекнуть мемуариста в искажении фактов: «Если бы Фет действительно ограничился только требованием „денег и книг“, как он пишет, то никакого „отрицания своего полномочия“ он, разумеется, не встретил бы, и ему не пришлось бы инсинуировать по адресу Тургенева в своих воспоминаниях». ⁵⁵ Подлинным источником возникшего позже недоразумения, переросшего в скандал и чуть не доведшего до дуэли между Фетом и Павловым, Гутьяр считает публикацию в № 9 «Московских ведомостей» от 12 (24) января 1861 года открытого письма Фета, опровергающего помещенное в № 51 «Искры» от 30 декабря (11 января) объявление Плещеева о том, что он, как владелец 5/8 всего издания, предлагает всем желающим приобрести Полное собрание сочинений Тургенева у себя, а последний том этого собрания будет печататься под его непосредственным наблюдением. ⁵⁶ При всей внешней правдоподобности обвинения Гутьяра, источник конфликта крылся гораздо глубже. Стоило бы упомянуть, что ко времени появления «контр-объявления» Фета им была выполнена главная задача — получение от Основского большей части суммы, которую должен был обрести Тургенев от продажи своего собрания сочинений.

11 (23) января 1861 года Тургенев писал Фету: «Какими словесами достойно воспою я Ваше многомилостивое обо мне попечение, драгоценнейший А<фанасий> А<фанасьевич>! Воображение немеет и язык отказывается выразить избыток чувств. Я сейчас получил Ваше письмо со вложенным векселем в 9250 фр. — Я порадовался и за себя, и за Основского; авось он мне весной заплатит остальные деньги...». ⁵⁷ К письму была приложена расписка следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что из следуемых мне с Н. А. Основского за издание моих сочинений в 4800 экземплярах — 8000 рублей серебром (восемь тысяч) получил 5500 р. (пять тысяч пятьсот). / Ив. Тургенев. / Париж, 11-го/23-го янв. 1861». ⁵⁸ Таким образом, Фет полностью выполнил свои обязательства как перед Тургеневым, так и перед Основским, передав ему расписку в получении денег.

Недаром Анненков, сообщая Тургеневу о высылке ему денег, отдельно отметил роль Фета: «С особенным чувством принимаюсь я нынче за перо, Иван Сергеевич. Во-первых, я имею Вам сказать, что Вам посылается 6000 р. из Москвы через банкира Марка за „Сочинения“. Подробности всего дела издания напишет Вам Фет, который исполнил дело московского вашего адвоката самым добросовестным и блестящим образом. Оказывается, что крики и жалобы Плещеева были преувеличены, что Основский не так гадок, как выставила его молва, но... но все *но* эти лучше разъяснены будут временем, чем кем-либо». ⁵⁹ Упомянутое Анненковым разъяснительное-сопроводительное письмо Фета до нас не дошло, но дошло другое, до последнего времени

⁵⁴ Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889. М., 1890. Ч. 1. С. 356–357.

⁵⁵ Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева. С. 231.

⁵⁶ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 383, 399.

⁵⁷ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 283.

⁵⁸ Там же. С. 284.

⁵⁹ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 97.

известное лишь фрагментарно.⁶⁰ В данной статье имеет смысл воспроизвести это письмо целиком:

«Москва, 15/27 января.

Воображаю, дорогой Иван Сергеевич, как ошеломила Вас моя бестолковая телеграмма; но ответ Ваш, слава Богу, получен, и я обязан растолковать Вам, насколько позволяет рамка письма, это чертовски запутанное и неприятное дело. Начало Вы знаете. — Ко мне приехал Плещеев и привез объявление в „Искре“ о том, что он всенародно будет единственным источником Вашего издания и 2-ю часть будет печатать под своим личным наблюдением. Основский привез деньги и по срокам более чем следовало в назначенный им самим день и час. — Когда я посмотрел на этого Геркулеса, убитого и со слезами на глазах говорящего о бесчестии, которым его покрыли и покрывают Павлов и Плещеев, мне стало тяжело. Тогда, обратив мое внимание на 2-й пункт объявления Плещеева, он просил меня со слезами снять с него этот позор, не заслуженный им перед моим доверителем, т. е. перед Вами и всей публикой. „Я согласен и обещал на словах (говорит он) передать Плещееву право контролировать меня 2-ю частью, так как у Павлова и Плещеева кошмар, будто я напечатал 6000 вместо 4800, но отнюдь никогда не давал ему права публично выставлять меня человеком, неспособным или недостойным продолжать издание. Дозволить себя поверить не значит дозволить себя опозорить. Вот объявление, составленное Гиляровым [в смысле], не угодно ли Вам его подписать для печати?“

Смысл объявления: Плещеев объявил, что 2 том будет издаваться под его наблюдением. Ни автор, ни я не давали ему на это разрешения, и потому прошу объявление считать недействительным.

На другой день, в день отправки к Вам телеграммы два объявления.

1-е. Плещеев объявил с согласия Основского и вызывается представить письменные доказательства.

(У него, по словам Основского, два письма Основского. Одно, где Основский не дает рукописи, потому что она будто еще неисправна, в другая <так! — Н. Г.>, где он говорит, что Фет ему этого не позволяет.)

Под объявлением Основского объявление Павлова:

„Я читал письмо Тургенева и могу наверно объявить, что по содержанию его Фет не имел ни малейшего права на такое странное объявление“. — Какова штука! Во-первых, объявлять всенародно, что он читал Ваше письмо, которое я, советовавшись с ним как с человеком, которого считал Вашим приятелем, показал ему, предупрежденный общим слухом и даже Вами не в пользу Основского. А во-вторых, обвинять человека публично в самозванстве. Этих двух черт довольно, чтобы обрисовать степень деликатности человека. В конце объяв<ления> он вызывает Тургенева подтвердить его слова. Вот почему я послал телеграмму. Не предупреди я Вас, Вы по мягкосердию своему могли бы поддаться на его толкование доверенности только в отношении получения денег, а не в смысле полномочия, давшего мне возможность хотя отчасти вступить за человека публично обесчещенного из-за нашего же дела. Раскусив дикую натуру Павлова, я очень хорошо видел, что подвергаю себя лично незаслуженным гадостям, но что ж мне было делать? Неужели и мне, видевшему, подобно Островскому, Гилярову и Чижову, правоту Основского в отношении к Вам, должно было отвернуться от него. Несмотря на все хлопоты и трату времени, которые навлекла на меня вся эта сальная чушь, я радуюсь, что Гиляров, на вопрос мой, как бы он поступил на моем месте, отвечал, что не уважал бы меня, если б я поступил иначе. То же самое сказал мне сегодня и Маслов, и я просил его написать эти слова Вам в мое оправдание. Несмотря на то, что чувствую себя совершенно правым и перед совестью и перед Вами, — я трепещу, как бы Вам это не показалось в другом свете. Павлову я сегодня написал, что, не желая вредить Плещееву и предоставляя ему контроль над изданием 2-го тома — предлагаю передать печатание этого тома в третьи руки — и приглашаю Плещеева

⁶⁰ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 403–405.

и Основского на совещание, а с ним после его неуместной выходки считаю наши личные отношения прерванными. Скажу Вам более, дорогой Иван Сергеевич, — я Вас давно и искренно люблю и помню Ваше добро — и ни для кого в мире не взял бы на себя разбирательства в этом грустном деле. Но в нашей литературе кабак есть нормальный status quo. Павлов, говорят, еще намерен кидать в меня печатной грязью. На здоровье. Он вызывал Вас на ответ. Я напечатаю телеграмму, но он и ее истолкует, как ему хочется. Нельзя ли Вам прислать по почте несколько слов, которые не оставляли бы никакой возможности сомневаться в смысле alter ego во всем, что касается этого дела. Я не прошу Вас, чтобы Вы сделали выбор между мной и Павловым, которого решительно не считаю достойным Вашего расположения — а прошу только справедливости. Если я и тут ошибусь, чему, однако, не поверю, пока не увижу своими глазами и не услышу своими ушами, то это будет горькое разочарование, но, конечно, последнее. Если то, что мне кажется честным, Вам кажется иным, то говорить тут нельзя ни слова.

Что за чепуха? Что это за народ? Но я и забыл было, что это изящная словесность. Решительно не знаю, куда это дело пойдет. Во всяком случае буду уведомлять Вас об его ходе. Я писал Анненкову и жду его ответа. Будьте здоровы и верьте, что я готов сделать для Вас то же, что сделал бы для себя.

Душевно преданный Вам

А. Фет.

<Далее приписка рукой И. И. Маслова:>

Любезнейший Иван Сергеевич! Спешу прибавить тебе от себя, что дело по изданию твоих сочинений я вполне знаю и свидетельствую, что Фет не мог поступить иначе, как он поступил, иначе он был бы человек нечестный. На его месте я то же самое сделал бы, что и он.

Весь твой

И. Маслов».⁶¹

Упомянутая Фетом телеграмма, посланная Тургеневу, как и его ответная телеграмма, до нас не дошли, однако сомневаться, как это сделал Гутьяр, назвав тургеневскую телеграмму «мифической» и тем самым обвинив Фета во лжи, не приходится, поскольку приведенное письмо является ответом на эту телеграмму. Спустя много лет, когда отношения Тургенева и Фета пришли к разрыву, Фет вновь вспомнил историю с Основским и вновь упомянул о телеграмме, напечатав которую он на следующий день получил вызов от И. В. Павлова.

«Из-за Ваших денег, — писал Фет 12 (24) января 1875 года, — я принял вызов Павлова за французскую телеграмму. Только [deus ex machina] Кетчер заставил Павлова сочинить примирительную статью. Я выслал Вам деньги. Вы и спасибо мне не сказали, точно гладиатору, обязанному драться не за Вашу честь, а даже за Ваше удобство или удовольствие».⁶² Единственное, в чем Фет в сердцах ошибся, так это в том, что Тургенев не поблагодарил его за присланные деньги.

Увы, остальных денег Тургенев так и не увидел. Смирившись с потерей около 2500 рублей, он, казалось, забыл об этой истории. Стоит, однако, отметить, что с определенного момента писатель избегал вести переговоры с Основским напрямую, а действовал через доверенных лиц — Анненкова и Фета. Неизвестно даже, ответил ли он на упомянутое исповедальное послание Основского. Думается, отсутствие этого персонажа в дальнейшей биографии Тургенева говорит само за себя. Писатель получил горький урок, но следующее собрание сочинений он уже доверит в 1865 году профессиональному издателю Ф. И. Салаеву и будет сотрудничать с ним, а затем с его наследниками два десятилетия вплоть до прижизненного издания 1880 года.

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 153. Л. 1–3 об.

⁶² Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 460 (публ. Т. П. Головановой).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-181-196

© *К. А. Баршт*

**«РУССКАЯ ПОЧВА» И «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР».
КОНЦЕПЦИИ И. В. КИРЕЕВСКОГО В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Иван Васильевич Киреевский был одним из самых близких Ф. М. Достоевскому мыслителей, скрытые и явные аллюзии на его тексты в значительном количестве были зафиксированы комментаторами Полного собрания сочинений писателя;¹ такие темы, как «почвенничество», идеи о «православном образовании» в его глубоком отличии от образования «западного», рассуждения о реформах Петра I, геополитические мечты о Константинополе и проч. не могут быть объяснены без обращения к творческому наследию И. В. Киреевского. Журнал братьев Достоевских «Время» (1861–1863), а затем его преемник, издание с синонимическим названием «Эпоха», постоянно касались на своих страницах тем, затронутых славянофилами.

Не исключено, что сами названия этих печатных органов, предназначенных для проведения в жизнь «почвеннической» общественно-культурной программы, связаны со звучавшей в русской периодике мыслью о наступающем времени перемен, которые имеют эпохальный характер для русской истории. Киреевский писал о наступлении времени, когда будет решен важнейший «жизненный вопрос, над всеми преобладающий, все другие в себе вмещающий, <...> об отношении Запада к тому незамеченному до сих пор началу жизни, мышления и образованности, которое лежит в основании мира православно-словенского»,² от чего, согласно его мнению, зависит «направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений».³ В унисон с этим А. И. Герцен в своей книге «С того берега» провозглашает, что на наших глазах «наступает новая эпоха», отличительной чертой которой должно стать «свободное русское слово»;⁴ посвящая свою книгу сыну, он пророчесствует о «религии грядущего общественного пересоздания», благословляя его «на этот путь во имя человеческого разума, личной свободы и братской любви».⁵

Мысль о наступлении эпохи преобразований и глубоких изменений в социальной и духовной жизни людей является центральной в «<Объявлении о подписке на журнал „Время“ на 1861 год>», где декларируется: «Мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем исключительно указывать, для доказательства нашего мнения, на те новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные всею мыслящею его частью в последние годы. <...> явления и признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться мирно и согласно во всем нашем отечестве, хотя он и равносильен, по значению своему, всем важнейшим событиям нашей истории и даже самой реформе Петра. Этот переворот есть слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни, — народа, <...> жившего отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» (18, 35). Статья Киреевского «О характере просвещения...» была помещена в 1852 году в «Московском сборнике»,⁶ распространялась в виде отдельных

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 233. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

² *Киреевский И. В.* Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861. Т. 2. С. 26.

³ *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е. Е. Комаровскому) // Там же. С. 229.

⁴ *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 146.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Московский сборник. М., 1852. Т. 1.

оттисков⁷ и с высокой степенью вероятности попала в сферу интересов редакции «Времени», в частности Ф. М. и М. М. Достоевских. Последний, в отличие от брата, уже имел опыт журналистской деятельности, опубликовав статью о драме А. Н. Островского «Гроза», где звучали любимые идеи Киреевского о «всепримпрямости» русского человека, его развитой способности прощать зло, встречающееся на пути к истине. Двухтомное Полное собрание сочинений Киреевского (М., 1861), как свидетельствует В. Аксакова,⁸ поступило в продажу в первые недели 1862 года; помимо названной статьи 1852 года, Достоевский знакомился с творческим наследием Киреевского начиная с 1862 года. С другой стороны, после смерти Киреевского (1856) и А. С. Хомякова (1860) и благодаря существенному ослаблению во второй половине 1850-х годов цензурного давления в периодических изданиях страны появилось множество публикаций о славянофильстве, где обильно цитировались их произведения.

Среди людей, окружавших Достоевского в период создания журнала, следует также назвать А. П. Милюкова, немало слов в своих писаниях посвятившего «новой судьбе» России, и сочувственно относившегося к славянофилам издателя журнала «Светоч» (1860–1862) Д. Д. Минаева. Н. Н. Страхов свидетельствует, что, помимо названных, в числе группы писателей, «затевавших» новый журнал, был А. А. Григорьев, вне сомнений знакомый со статьей Киреевского.⁹ Эти люди образовали круг единомышленников, редакцию нового журнала, задачей которого была намечена проповедь обновления религиозной и общественной жизни в стране. За фактом его возникновения просвечивала мысль А. С. Хомякова: «...может быть, и теперь найдутся души избранные, в которых зародыш жизни, положенный Св. Писанием <...> дремлет под слоем наследственных заблуждений, и подобно зерну, которому кора бесплодной земли мешаает прозябнуть, ждет лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды, угодные Богу».¹⁰ Таким образом, не только за «почвеннической» идеологией, заложенной в основу тематики журнала «Время», но и за самим названием, избранным братьями Достоевскими, видна мысль о наступившем времени коренного изменения русской жизни, освобождающей от рабского копирования чужих культурных моделей и выстраивающей свое бытие на отечественной почве: «...время для полного и общего переворота русского мышления уже недалеко».¹¹ Мысль о приближающемся времени реформ не только в социальной, но и в культурной и духовной сферах жизни, принятая от славянофилов, сформировала названия журналов «Время» и «Эпоха».

Следует также отметить, что идея об установке не только духовной, но и социальной жизни России на христианские основания прошла через весь жизненный путь Достоевского, от письма брату Михаилу 31 октября 1838 года (28-1, 53–54) до «Пушкинской речи» (1880), связываясь с мечтой о том, чтобы жизнь каждого человека управлялась нравственно-религиозным чувством, немалые ресурсы которого он видел в русском народе, в первую очередь — в староверах. В этом Достоевский шел за Киреевским, настаивавшим, что новая русская христианская культура в будущем непременно состоится с помощью новой системы образования, в которой формальная логика займет подчиненное место по отношению к живому чувству сопричастности к жизни

⁷ На издание монографической статьи Киреевского типография Александра Семена получила отдельное цензурное разрешение 10 апреля 1852 года, цензурное разрешение ранее изданного Московского сборника — 17 марта 1852 года.

⁸ «Надеюсь, что на днях выйдут наконец Сочинения Хомякова и Константина, а вскоре и Киреевского» (ИРЛИ. № 10628. Л. 138 об.; письмо к сестре В. Карташевской от 14 декабря 1861 года); «Получила ли ты том сочинений Константина? Иван передаст тебе от меня сочинения Хомякова, мой милый друг. Вышли также сочинения Киреевского. Теперь еще более чувствуется, что сделали они; но как мало людей прочтут со вниманием и оценят» (ИРЛИ. № 10629. Л. 1 об.; письмо ей же от 5 января 1862 года).

⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. 1821–1864. С. 297–298.

¹⁰ Хомяков А. С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. 3-е изд. М., 1886. Т. 2. С. 257.

¹¹ Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 333.

Вселенной. Достоевский понимал, что это не может произойти немедленно, но лишь в течение жизни нескольких поколений: «Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках)» (21, 268). Мысль о завершенности эпохи реформ Петра I запала в душу Достоевского, окрепла на каторге в общении со староверами и получила свое воплощение в трудах писателя в 1860–1870-е годы. Нелучайно журнал «Время» записывает на своем знамени имена славянофилов, в частности Ивана Киреевского, утверждая «светлую и чистую» память о нем.¹² Сходство между пророчествами Киреевского о наступившей эпохе глубокой реформы русской жизни и обещаниями проведения ее в действительности в «Объявлении» братьев Достоевских не укрылось от внимания современников, было замечено и самими славянофилами. В связи с этим М. П. Погодин написал С. П. Шевыреву 20 октября 1860 года, что идеология нового журнала напоминает ему «Москвитянин».¹³

Все писания Киреевского проникнуты отвращением к суровому деспотизму законов, выведенных «из отвлеченных понятий» при игнорировании ценности непосредственного восприятия «живого познания сущности вещей и бытия», ведущего к настоящему пониманию вещей, а не одному только «отрицательному опыту». Киреевский делает пророчество, что в ближайшее время придет эпоха нового соединения жизни с философией и религией, на этом «историческом», как он пишет, этапе наступает время для «философии положительной».¹⁴ Можно себе представить, с каким волнением читал эссе «Девятнадцатый век» Достоевский, только что вернувшийся из ссылки и жаждущий литературной и общественной деятельности. Задуманный братьями Достоевскими журнал «Время» буквально цитирует фразу Киреевского: для «философии положительной, исторической, для которой теперь только наступает время».¹⁵ А идеология «почвенничества», важнейшим тезисом которого является идея жизненного строительства на основе религиозного чувства, заповедованного многими мыслителями, во многом совпадает с тем, что писал Киреевский о необходимости сблизить, свести в одно целое «весь круг умозрительных наук с жизнью и действительностью», в «направлении, какое господствует и в новейшей литературе». Достоевский также стремился в эти годы к воплощению «существенности», которая, как писал Киреевский, сближает «духовную деятельность с действительностью жизни».¹⁶

Двухтомное собрание сочинений Киреевского не могло пройти мимо внимания Достоевского, осуществлявшего в 1860-е годы проект «почвеннического» журнала, во многом идеологически согласного с «Москвитянином». На страницах «Времени» Киреевский фигурировал как обладатель «глубокого мышления», чье имя «дорого» редакции журнала.¹⁷ В своих «Примечаниях» к статье Н. Н. Страхова об Ап. Григорьеве Достоевский указывает на неполноту, искаженность, а иногда и ложность взгляда современников на славянофилов, в частности на Киреевского и Хомякова,¹⁸ и за этими словами слышна мысль о необходимости исправить это положение. Он сетует, что значительное число читателей не знает о них ничего, кроме того, что они «ретрограды»: «Следовало знакомить с ними читателей, но знакомство это делать осторожно, умеючи, постепенно, более проводить их дух и идеи, чем губить их на то время громкими и голословными похвалами» (20, 134).

В письме от 8 (20) сентября 1863 года брату Михаилу Михайловичу Достоевский сообщает: «...с прилежанием славянофилов читаю, и кое-что вычитал *новое*» (28-2, 46), это косвенно свидетельствует о том, что подобного рода штудирование имеет свою

¹² Время. 1861. № 12. С. 191.

¹³ РНБ. Ф. 850. № 445. Цит. по: Кулешов В. И. Славянофилы и романтизм // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 328.

¹⁴ Киреевский И. В. Девятнадцатый век // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 69.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Страхов Н. Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве // Эпоха. 1864. № 9. С. 9, 46.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Примечание // Эпоха. 1864. № 9. С. 9, 46, 52.

историю. Вероятно, к этому моменту он был знаком с посланием Киреевского Б. Б. Комаровскому (26, 176–178). И далее, в 1870-е годы, это отношение не изменилось, среди набросков к «Дневнику писателя» за 1876 год содержатся высокая оценка славянофильской идеологии (24, 106) и утверждение, что его личные убеждения «во многом <...> чисто славянофильские» (25, 195). Вне сомнения, существенную роль в формировании этих взглядов Достоевского сыграли Хомяков и Ю. Ф. Самарин, особенно в части критики католицизма, однако именно Киреевским был глубоко проработан тезис о свободе религиозного чувства как условия преодоления синдрома «внешнего» управления духовной жизнью человека, легший в основание «поэмы» Ивана Карамазова.

В творческом наследии Достоевского обнаружены три прямые ссылки на Киреевского: в рукописях к роману «Бесы» (11, 64, 186)¹⁹ и в «Примечании <к статье Н. Стрехова „Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве“>» (20, 134), выявлен также аллюзивный план в других текстах писателя, связанных со статьями Киреевского «Девятнадцатый век» и «Жизнь Стефенса» (27, 287), программной статьей «Нечто о характере поэзии Пушкина», которая во многом стала основой для известной «Речи о Пушкине» Достоевского (26, 466), «О необходимости и возможности новых начал для философии» (20, 557), «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (18, 255), «Обозрение русской литературы за 1831 г.» (12, 551) и с рядом других текстов. Постановку этого вопроса нельзя назвать новой,²⁰ то, что в воззрениях Достоевского и Киреевского действительно немало общего, причем общего в «моментах существенных», отмечено В. А. Котельниковым,²¹ «генетическую связь произведений Достоевского» с «философско-интеллектуальной прозой 30–50-х годов XIX века», включая Киреевского, отметил Г. М. Фридендер.²² Формулирование свойств русского национального характера в повести «Вечный муж», по мнению Кирпотина, также проходило не без участия философских трудов Киреевского.²³ У. А. Гуральник отметил сочувственное отношение Достоевского к оценке Киреевским творческого наследия Пушкина и похожее отношение к теме Петровских реформ, утвердив тем самым принципиальное родство между «почвенниками» и славянофилами.²⁴ Сегодня уже ни у кого не возникает сомнений, что в 1860–1870-е годы Достоевский находился в состоянии активного диалога с Киреевским, оспаривая его «славянофильство» как «барскую затею» и одновременно заимствуя из его творений очень многое для строительства своих критических статей и художественных произведений. При этом нельзя утверждать, что творческие связи между двумя выдающимися писателями учтены вполне и описаны с исчерпывающей полнотой, на наш взгляд, стоило бы обратить внимание на идейную близость главы «Великий Инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» (14, 224–241) некоторым высказываниям Киреевского, а также на ряд других смысловых совпадений в их произведениях.

Вначале хотелось бы остановиться на «Поэме» Ивана Карамазова о Великом инквизиторе. А. С. Долинин отмечал связь этой главы романа Достоевского с докладом Н. С. Кашкина «Идеалистический и позитивный методы в социологии» на собрании

¹⁹ Работая над романом «Бесы», Достоевский записывает: «Слова Киреевского об иконе» (11, 64); «Они не веруют (Киреевск<ий>, икона)» (11, 185). Достоевский имеет в виду свидетельство Герцена, оставленное им в «Былом и думах», в главе 30-й четвертой части, посвященной славянофилам, где рассказывается о посещении Киреевским Оптиной пустыни и его монологе перед чудотворной иконой.

²⁰ Астров В. Не нашли пути. Из истории религиозного кризиса. Станкевич — Белинский — Герцен — Киреевский — Достоевский. СПб., 1914. С. 98–104, 281–291.

²¹ Котельников В. А. Достоевский и Иван Киреевский // Русская литература. 1981. № 4. С. 57–74.

²² Фридендер Г. М. 1) О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 15; 2) Наука о Достоевском сегодня // Русская литература. 1971. № 3. С. 7–8.

²³ Кирпотин В. Я. Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., 1980. С. 212.

²⁴ Гуральник У. А. Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский, художник и мыслитель. М., 1972. С. 427, 429, 436, 442.

кружка петрашевцев.²⁵ Этот замысел возник у Достоевского в середине 1870-х годов, работая над «Дневником писателя», он помечает: «Великий Инквизитор и Павел. Великий Инквизитор со Христом. В Барселоне поймали черта» (17, 14). Ценный вклад в изучение этого вопроса сделала Э. Вольф, указав на сатирический листок периода Реформации с текстом: «Если бы Христос вновь появился на свет, то на этот раз его предали бы, обвинили, подвергли мучениям и распяли на кресте собственные его слуги» (15, 464).

В поэме Ивана Христос появляется среди народа «с тихой улыбкой бесконечного сострадания <...> лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью» (14, 227). Достоевский в любимом им жанре скрытой аллюзии называет три ключевых понятия, которые находятся в центре идеологии «почвенничества», одновременно связывая ее с писаниями Киреевского. Словосочетание «лучи Просвещения», которые «текут из очей Его», заставляет снова вспомнить о статье Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», где проводится мысль о специфическом христианском Просвещении, традиции которого выработаны в России и которое коренным образом отличается от формально-логического «западного» Просвещения тем, что в центре его стоят не опытные знания, но утвержденный христианский взгляд на мир. Односторонняя, с упором на формальную логику система видения мира в равной степени отрицалась и Киреевским, и Достоевским, вероятно, не без влияния хорошо известной последнему статьи о «Христианском просвещении». Кроме того, Достоевский солидаризировался с претензиями Киреевского к такого рода системе знаний, где царствует «односторонность логического разума», который дошел до осознания своей ограниченности и чья «самодвижная сила не простирается далее отрицательной стороны человеческого знания». В этой ситуации, по мнению и Достоевского, и Киреевского, необходимы иные источники знаний — прежде всего, знание религиозное.²⁶ Эта идея об отрицании тотальной власти «арифметики» в познании окружающего мира звучала и в статьях Достоевского начала 1860-х годов, в значительно более острой форме — в его романах этого периода: «Записки из подполья» (5, 105, 117), «Игрок» (5, 291), «Преступление и наказание» (6, 54, 211). «Арифметическое» знание подвергается унификации и контролю, в отличие от личного религиозного чувства, неподвластного внешним влияниям.

Инквизитор обещает сжечь своего пленника «на костре, как злейшего из еретиков» (14, 228), ставя его в ряд сожженных на кострах тысячах искателей истины, пути которых не понравились церковным авторитетам. Этот мотив развивался Киреевским, который писал, что «для православного христианина всегда будет равно непонятно и то, как можно жесть Галилея за несогласие его мнений с понятиями церковной иерархии».²⁷ Основной упрек, адресованный Христу Инквизитором, заключается в том, что в рамках провозглашенной Христом свободной, ненасильственной веры отнюдь не все в состоянии принять Бога вместе с грузом ответственности за себя и других и остаются один на один со своими мучениями, связанными с неустойчивым в условиях безверия онтологическим статусом, к тому же неизбежно приводящим к безнравственному образу жизни и деланию зла. Он упрекает Христа за то, что не сошел с креста, «чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты так стоял, когда был на

²⁵ Долинин А. С. Зарождение главной идеи Великого Инквизитора // Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 1921. 30 окт. С. 16–17; см. также: Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. 3-е изд. СПб., 1906; Лапшин И. И. Как сложилась «Легенда о Великом Инквизиторе» // О Достоевском: Сб. статей. Прага, 1933. Вып. II. С. 127; Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 369–370; Евнин Ф. И. Достоевский и воинствующий католицизм 1860–1870-х годов (к генезису «Легенды о Великом инквизиторе») // Русская литература. 1967. № 1. С. 29–41; Туниманов В. А. О литературных и исторических «прототипах» Великого инквизитора // Учен. зап. Чечено-Ингушского педагогического ин-та. Сер. филологическая. 1968. Вып. 15. № 27. С. 28–36.

²⁶ Киреевский И. В. Отрывки. С. 233–234.

²⁷ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 308.

земле», так как «свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“. Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей» (14, 229). Причина «ошибки» Христа, по мнению Инквизитора, заключается в том, что Тот «судил о людях слишком высоко <...> человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли он исполнить то, что и ты?» (14, 233). Таким образом, Инквизитор признает ценность свободной веры и связанной с этим ответственности, готов мучиться «вековыми вопросами» вместе с другими «избранными» (имеет, по его словам, опыт монашеской схимы), однако, как настоящему гуманисту, ему жаль всех остальных, не готовых к свободной вере, не требующей оборудованного специальной атрибутикой церковного быта, мучающихся без помощи идеологических протезов, способных им если не заменить, то как минимум заслонить ими необходимость веры в Бога и тем самым освободить их от терзаний из-за нерешенного вопроса о своем месте в Мироздании. В черновике романа Инквизитор говорит Христу: «Я люблю человечество больше *тебя*» (25, 230).

В данном случае принципиально важны следующие убеждения Инквизитора: 1) подразделение отношения к Богу на «свободную» и «несвободную» веру, со своими плюсами и минусами у каждой, 2) в соответствии с этим разделение людей на «сильных», способных к религиозному чувству («несколько тысяч») и неспособных к нему «слабых» («все остальные»), 3) проведение внутри себя простого количественного сравнения и отрицание возможности жертвы большинством ради интересов меньшинства, фактически — осуществление демократического принципа, 4) отказ от учения Христа о любви и личной ответственности и создание института Церкви, способного с помощью специального инструментария, обрядов и ритуалов дать лишенным веры ощущение, что они на самом деле верят в Бога.

Указанная дилемма была в центре внимания Киреевского, который многократно критиковал Римскую Церковь, требующую «бессознательной веры» и безропотного послушания, глубоко противных, по его мнению, духу христианства. Он писал: «Народ не должен был мыслить, не должен был понимать богослужения, не должен был даже читать Божественного Писания. Он мог только слушать, не понимая, и слушаться, не рассуждая; он почитался бессознательной массой, на которой стояло здание Церкви и которая должна была оставаться бессознательной, чтобы Церковь стояла. Поэтому, почти всякое самобытное мышление, искренно и естественно возникшее внутри Римской Церкви, по необходимости обращалось в оппозицию против нее».²⁸ Инквизитор полагает, что правильно выполняет задачу, поставленную Христом, включая Его мысль о «блаженстве нищих духом», формулируя Его «уход» и передачу «дела нам» (14, 229). Однако, пишет Киреевский, даже попытка с помощью доводов разума, при отсутствии настоящей боговдохновенности, истолковать Священное Писание провалилась: «Римская Церковь оторвалась от Церкви Вселенской вследствие вывода разума формально-логического, искавшего наружной связи понятий и из нее выводившего свои заключения о сущности. <...> Но как разум человеческий, особенно рассудочный, может различно постигать Божественное, согласно различию личных понятий каждого, и как противоречия в богословских рассуждениях не могли уже разрешаться внутренним согласием всей Церкви, видимой и невидимой, Церкви всех веков и народов, — то единомыслие западных христиан должно было ограждаться внешним авторитетом иерархии. Таким образом внешний авторитет, независимо от внутреннего, сделался последним основанием веры».²⁹ Это последнее основание в романе Достоевского олицетворяет Великий Инквизитор, своего рода бюрократ государственной машины, учредившей департамент религии с необязательностью (и даже нежелательностью) наличия веры в Бога. Мысль о вероятности такого рода уродливой институции развивается в трудах Киреевского. Он фиксирует в современности «промышленное направление умов», которое захватило все сферы жизни, и, столкнувшись с проблемой в унификации религии и науки, «выдумывает себе новую религию без

²⁸ Там же. С. 287.

²⁹ Там же. С. 285.

церкви, без предания, без откровения и без веры».³⁰ Возможно, когда Киреевский писал эти строки, он держал в уме слова своего учителя теологии Ф. Шлейермахера: «...высокая и прекрасная сущность религии часто бывала удаляема от своего назначения и, лишённая свободы, пребывала в низком рабстве у схоластического и метафизического духа варварских и холодных эпох».³¹ Логика тут следующая: свободная религия разделяет людей, ведь выходит, что сколько людей, столько и религий, а людей нужно соединить в «беспорный общий и согласный муравейник», мотивируя это новым гуманистическим тезисом о «потребности всемирного соединения» (14, 234–235). Будто отвечая на этот тезис Инквизитора, Киреевский писал: «Заботясь более о наружном единстве и о внешнем владычестве над умами, чем о внутренней истине, Рим сохранял для своей иерархии монополию разума и не мог действовать иначе <...> Почти все замечательные мыслители отвергались ею и преследовались. Каждое движение ума, несогласное с ее (Церкви. — К. Б.) условными понятиями, было ересью; ибо ее понятия, заклеянные авторитетом иерархии, официально проникали во все области разума и жизни».³² Формируя аллюзию на идеологию Родиона Раскольникова из «Преступления и наказания», Инквизитор беспокоится о том, «что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного», предполагая, что они «должны лишь послужить материалом для великих и сильных» (14, 231).

Сходную мысль выдвигал Киреевский. Описывая европейскую Реформацию, он делает вывод: одной из причин ее возникновения было то, что христианская истина оказалась недоступна всем и каждому, «совокупление всех познавательных способностей в одну силу, внутренняя цельность ума, необходимая для сознания цельной истины, не могли быть достоянием всех».³³ Таким образом уничтожается свобода выбора, и «слабый человек» становится беспочвенным и безморальным существом, ориентирующимся на чудо, тайну и авторитет, становясь жертвой грубого обмана — основная «тайна» такого рода Церкви заключается в том, что «истины нет, Бога», отмечает Достоевский, работая над романом (15, 230).

Анализируя состояние современной католической церкви, Киреевский намечает контуры той парадигмы, внутри которой развивается речь Инквизитора: «...единомыслие западных христиан должно было ограждаться внешним авторитетом иерархии. Таким образом внешний авторитет, независимо от внутреннего, сделался последним основанием веры. Потому, отношения веры и разума приняли тот характер, что разум должен был *слепо* покоряться вероучению, утверждаемому внешнею властью видимой Церкви; слепо — потому что нельзя было искать никакой внутренней причины для того или другого богословского мнения, когда истинность или ложность мнения решалась случайным разумением иерархии», и это приводило к тому, что возникало «бесчисленное множество еретических систем и толкований»,³⁴ каждое из которых было плодом свободного религиозного опыта, заведомо несовместимого с любым утверждением «слепой» религии.

В качестве образца такого рода извращенного отношения Церкви к свободному мышлению человека Киреевский называет Галилея.³⁵ Критикуя за это католицизм, Киреевский указывает, что «вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм, одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма». Согласно его представлениям, такие явления, как книга Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1836–1837), а также «индустриализм» Европы

³⁰ Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы. С. 7.

³¹ Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб., 1994. С. 59.

³² Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 287.

³³ Там же. С. 288.

³⁴ Там же. С. 285.

³⁵ Там же. С. 288.

прямо связаны с этим процессом наступления бездушного рационализма.³⁶ Итогом развития Церкви в отрыве от нормальной деятельности человеческого сознания была, по его мнению, Реформация, которая предложила выход из тупика, спасение «разума от совершенного ослепления или от совершенного безверия», в которое его загоняла своими «догмами» Римская Церковь.³⁷ Когда Киреевский писал об этом, вероятно, он вспоминал поразившие его слова Шлейермахера: «...если вы сосредоточились лишь на религиозных догматах и мнениях, то вы еще совсем не знаете самой религии», и то, что вы о ней думаете, «не есть она сама».³⁸

Согласно уверенности Киреевского, лучшие из христиан всегда в глубине жизни «искали живой связи между верою и разумом, выше сферы наружного сцепления понятий». К числу таких мыслителей Киреевский относит Б. Паскаля, «его неоконченное сочинение не только открывало новые основания для разумения нравственного порядка мира, для сознания живого отношения между Божественным Промыслом и человеческою свободою, но еще заключало в себе глубокомысленные наведения на другой способ мышления»,³⁹ равно близкий и Ф. М. Достоевскому.⁴⁰ Отвергая «слепую веру» и надеясь на «христианское просвещение» народа, которое поможет всем и каждому обрести веру настоящую, что и является центральной мыслью проекта «почвенничества», Киреевский писал, что свободное развитие человеческого разума «не может быть вредно для веры» мыслящего человека, вера придет к нему как данность его бытия, а неверие может быть только следствием слабого образования и интеллектуальной неразвитости, «его коренные понятия о вере и разуме предохраняют его от этого несчастья. Вера для него не слепое понятие <...> она также не один внешний авторитет, перед которым разум должен слепнуть; но авторитет вместе внешний и внутренний, высшая разумность, живительная для ума».⁴¹

Достоевский не раз высказывался на эту тему, проповедник «почвенничества» Князь, персонаж первой версии романа «Бесы», указывает: «Каяться, себя созидать, Царство Христово созидать. Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа — надо православной дисциплиной и смирением. Несть раб, все свободны. Земли свободы, христианство, исходить, благословляя. Папа — антихрист. Не в промышленности, а в нравственном перерождении сила — нужно иметь полную силу, чтоб высказать всю идею»,⁴² — повторяя мысль Киреевского: «...под громким вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все <...> и минутные события дня, и вечные условия жизни, и политика, и философия, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религия...»; лишение людей свободы, ведущей к возможности возникновения «здоровой нравственности», сопровождается их «умственным одичанием».⁴³

В унисон с мечтами Киреевского об антиавторитарной Церкви тему порочности феномена авторитета в сфере религии разрабатывал Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». Сюжет «Поэмы» Ивана Карамазова, в которой Христос вступает в идеологическое столкновение с Церковью, олицетворенной ее жестким администратором в лице епископа, был предугадан Киреевским, который в одном из частных писем создал описание конфликта между Христом и Церковью, представленной плохо

³⁶ Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 191.

³⁷ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 286.

³⁸ Шлейермахер Ф. Речи о религии. С. 60. Киреевский поддерживал мысль своего учителя, указывая, что полнота и правильность деятельности Церкви разрушаются «вмешательством внешнего авторитета» (Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 307).

³⁹ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 289.

⁴⁰ Барит К. А. Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 129–169.

⁴¹ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 310–311.

⁴² Текст приводится по статье: Барит К. А. «...исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 116–131.

⁴³ Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы. С. 4–5, 20.

понимающим Новый Завет священником: «Если предположить себе весь Запад как одно лицо, тогда католицизм в общей судьбе Церкви явится нам таким же искажением христианства в личном понимании одного человека, какое в православной Церкви представляет каждый развратный и вовсе не понимающий или криво понимающий поп».⁴⁴ Конечно, такой поп будет опираться на авторитет Церкви, изображать из себя хранителя тайны и свидетельствовать о чуде, иного способа скрыть свое безверие у него просто нет. Именно такой вывод делает Алеша, выслушав «Поэму» Ивана: «Никакого у них нет такого ума и никаких таких тайн и секретов... Одно только разве безбожие, вот и весь их секрет» (14, 238).

Вторая претензия Инквизитора к Иисусу: он отверг предложение Сатаны о совершении публичного чуда. Объясняя нежелание Христа совершить чудо, Инквизитор трактует это в русле дихотомии «настоящая/слепая» вера, развиваемой в статьях Киреевского: «Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом» (14, 233). Единственное благо, которое Инквизитор находит в деятельности Иисуса, это передача власти «нам», понимающим, что с этой властью делать (14, 229). Возвышение власти и авторитета над умами и душами людей, по Достоевскому, неизбежно уводит христианскую Церковь от направления к Богу, присоединяя ее к государству, где об идеалах братской любви можно забыть. Говоря о католическом мире, он писал: «...церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство» (26, 167), и, как и Киреевский, он не хотел такой участи для Церкви православной.

Опасность отхода церковной практики от реальных нужд ищущих Бога людей хорошо осознавал Киреевский, который предположил, что в таком случае они будут искать альтернативные пути реализации своего религиозного чувства, включая участие в террористических организациях, и никто этого им запретить не может. Процесс, описанный Киреевским в истории средневековой Европы, сводился к тому, что «уважение к форме» начинает преобладать над «уважением духа. Может быть, начало этого неравновесия должно искать еще и прежде; но в XVI веке оно уже становится видимым».⁴⁵ Церковный формализм, по Киреевскому, отвращает мыслящих людей от веры, привлекая фактически неверующих, лишенных религиозного чувства и заменяющих его «правильным» исполнением требований церковного календаря. Это «раздвоение» губительно для культуры, в пределах которой оно развивается, и, чтобы разум человека пришел в соглашение с верою, необходимо соединение в одно целое всех сил человека, стремящегося к истине. Особого рода мистическая интуиция, обеспечивающая связь с Богом, возникает в единстве разума и чувства на основе «не формального, живого воззрения на мир и самого себя».⁴⁶ В борьбе за настоящую христианскую религию, свободную от «чуда, тайны и авторитета», Киреевский ищет и находит средства преодоления «болезненного противоречия между умом и верою», обнаруживая пути «согласия» между истиной научной и истиной духовной, связывая их «в одну живую мысль».⁴⁷ Вероятно, размышляя над этой дилеммой, Достоевский помечает в черновике романа: «— Пробный шар пущен. „Верь тому, что сердце скажет“» (15, 230). Подобного рода пиетическими настроениями, ставящими во главу угла «религию сердца», были проникнуты все писания Киреевского, который испытал в юности влияние своего берлинского профессора теологии Шлейермахера, проповедовавшего доктрину «чувства религии» как основы формирования веры в Христа.⁴⁸

⁴⁴ *Киреевский И. В.* [Письмо] Неизвестному // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 296. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римской и страницы арабской цифрой.

⁴⁵ *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы... С. 278.

⁴⁶ *Киреевский И. В.* Обзорение современного состояния литературы. С. 45.

⁴⁷ [Киреевский И. В.]. Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского (1852–1856 г.) // Русская беседа. 1857. Т. I. Кн. 5. Отд. «Науки». С. 8, 10.

⁴⁸ *Киреевский И. В.* Обзорение русской словесности за 1829 год // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 41–47.

Эти тенденции фактически были направлены на строительство новой религиозной культуры, реформацию Православия, и неслучайно Киреевский так много говорил о европейской Реформации как пути освобождения народа от духовного идеологического и религиозного закрепощения со стороны авторитарной Церкви. Заметим, что ничгласе и Добного в адрес Православной Церкви цензура не пропустила бы, и нужно понимать: все, что сказано им о формализации религиозной жизни на Западе, относится и к Востоку. В основе Церкви Киреевский видел «личность человека в ее перво-зданной неделимости», ищущую свой путь к Богу изнутри своего существа и в пределах своего духовного ресурса.⁴⁹ Такого рода бытийный статус, по его мнению, насущно необходим в опасной для всего общества ситуации, когда «естественный разум, на котором должна была утвердиться Церковь, перерос веру народа».⁵⁰ С этой мыслью был согласен и Достоевский. Развивая ее, не стоит удивляться, что несостоявшаяся в России церковная реформа конца XIX века привела к социальным потрясениям начала XX века, вплоть до Октябрьского переворота.

Неверие Инквизитора в людей, неспособных, по его мнению, подняться духовно для принятия в свою душу видения мира, какое было присуще Иисусу, противостоит пониманию Киреевского и Достоевского, уверенных в обратном. Причем, заметим, в словах Инквизитора: «...много ли таких, как Ты? И неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение?» (14, 233) — звучит важная мысль. Он фактически утверждает, что на свете есть люди, обладающие подлинным новозаветным восприятием действительности. Эту мысль развивал в своих писаниях о «христианском просвещении» Киреевский, продолжая идею о том, что полноценно образованный христианин человек может подняться до такого видения мира, каким обладал Христос. Князь, персонаж первой редакции «Бесов», «новый человек», говорит: «Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности. Вообразите, что все Христы, — ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин» (11, 192–193). Согласно этой точке зрения, Иисус Христос есть божественное мировое начало, отлитое в человеческую личность; исходя из этого, Он есть первое и важнейшее Откровение, Истина в своем непосредственном воплощении. Отличие его от всех других людей лишь в абсолютном слиянии с Богом, непосредственном бытии Бога в Нем. Согласно Киреевскому, ценностью является не только достижение высокого уровня духовности, приближающего человека к хриstopодобному существу, но и любое движение духа человека в этом направлении. «Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира».⁵¹ Отсюда, разумеется, следует, что «если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28-1, 176), как написал Достоевский в своем письме-исповеди Н. Д. Фонвизиной.

В связи с этим, чтобы не приводить Церковь к прямому столкновению с христианством, олицетворенным Иисусом, всем, что он говорил и требовал, к ситуации, описанной в «Поэме» Ивана Карамазова, Киреевский выдвигал тезис о необходимости проведения в жизнь новой модели народного просвещения, основанной на установлении гармонии в отношениях между знанием и верой. Возможное возражение, согласно логике Инквизитора, о «слабости» простого человека он отвергал, настаивая, что русский народ способен усваивать и нести христианскую свободу. Эта мысль о христианском просвещении глубоко внедрилась в сознание Достоевского, собственно, на ней и строилась вся его система «почвенничества» как создания христианской культуры по-новому образованного русского человека. Глубокое уважение к средневековой Руси

⁴⁹ Киреевский И. В. Отрывки. С. 337.

⁵⁰ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 305.

⁵¹ Киреевский И. В. Отрывки. С. 339.

со стороны Киреевского, над которым издевались некоторые современники, называя это пристрастием к «квасу» и «кафтанам», было признанием высоких достижений духовной культуры допетровского времени, которое начало вытеснять или заслонять эти ценности достижениями рационального знания, заимствованного из Европы. Киреевский писал о «глубоко значительном смысле древнерусского просвещения, который оно приняло от свободного воздействия христианской веры на наш народ», не закованный, по его мнению, «в языческую греко-римскую образованность», которую он характеризует как поверхностную, «внешнюю» образованность, идущую параллельно и вдалеке от христианства.⁵² Разрушение национальной «почвы», по Достоевскому, губительно не только для государственного устройства, вырождающегося в полицейскую машину насилия над людьми, но и для института семьи. Киреевский со всей ясностью указывал, что в этом вопросе о «русской почве» «целью и пружиной» является «цельность семьи», новое время, по его мнению, характеризуется разложением семейных устоев, когда отдельные члены семьи работают только на себя, не заботясь о семье в целом, в то время как в прошедшие эпохи семьи сохраняли свою цельность даже при значительном размножении рода. Тема «случайного семейства» как одного из признаков ухода страны с родной «почвы», поднятая Киреевским на страницах его «Письма Комааровскому», была развита Достоевским в последних двух романах 1870-х годов, «Подростке» и «Братьях Карамазовых», в ряде статей «Дневника писателя».

Принятие Достоевским этих мыслей Киреевского не означало, что он был со всем согласен. В публицистических сочинениях писателя содержится и ряд полемических ответов на идеи Киреевского, например его утверждение, что Господь принес некое «учение».⁵³ Мысль о догматической основе текста Священного Писания оспаривает персонаж первой редакции романа «Бесы»: «Они все на Христа (Ренан, Ге), считают его за обыкновенного человека и критикуют его учение как несостоятельное для нашего времени. А там и учения-то нет, там только случайные слова, а главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение» (11, 192). Киреевский писал, что любое знание о мире, которое получает или вырабатывает человек, исходит из его наличной религиозной модели, которая есть у всех, включая все вариации неверующих и атеистов. Согласно его мнению, характер религиозно-философской модели человека и общественного философского тренда «зависит от характера господствующей веры <...> рождается из того особенного настроения разума, которое сообщено ему особенным характером веры. Тот же смысл, которым человек понимал Божественное, служит ему и к разумению истины вообще».⁵⁴ Эта мысль прямо противоположна идее огосударствления Церкви, любой версии унификации личных религиозных взглядов человека в его свободном соединении с Богом, отрицая целесообразность жестких ранжиров в области духовной жизни человека.

Киреевский многократно высказывался по поводу недопустимости смешения мирской и церковной власти. Позитивную сторону жизненного уклада допетровской Руси он видел в том, что Церковь «оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством» и ее монастыри не являли собой «схоластические и юридические университеты», но были центрами «живого и цельного познания».⁵⁵ Тенденция к огосударствлению Церкви вызывала у Киреевского глубокую тревогу, и он требовал, чтобы государство отказалось от отношения к религиозной жизни граждан как ресурсу административного управления, как «средству к своему удобнейшему существованию, но, напротив, в своем существовании <государство должно> видеть только средство для полнейшего и удобнейшего водворения Церкви Божией на земле» (II, 271; письмо к А. И. Кошелеву от 15 октября 1853 года).

⁵² Киреевский И. В. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Письмо в Белев (к А. П. Зонтаг) // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 194.

⁵³ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 288.

⁵⁴ Киреевский И. В. Отрывки. С. 306.

⁵⁵ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы... С. 275.

Эта мысль Киреевского получила отражение в словах Ивана Карамазова, объясняющего смысл своей статьи: «Я иду из положения, что это смешение элементов, то есть сущностей церкви и государства, отдельно взятых, будет, конечно, вечным, несмотря на то, что оно невозможно и что его никогда нельзя будет привести не только в нормальное, но и в сколько-нибудь согласимое состояние, потому что ложь лежит в самом основании дела. <...> церковь должна заключать в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол, и что если теперь это почему-нибудь невозможно, то в сущности вещей несомненно должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества» (14, 56–57). Выбирая между внутренним ограничением зла в человеке за счет веры в Бога и внешним его ограничением с помощью полицейского надзора, Достоевский, вслед Киреевскому, выбрал первое. Эту идею В. С. Соловьев, находившийся во время создания «Братьев Карамазовых» в живом диалоге с писателем, назвал позже «свободной теократией».⁵⁶

В «Поэме» Ивана сформулированы генеральные пункты конфликта Христа как нравственного идеала и воплощения Бога в человеческом образе с административно управляемой Церковью, обратившейся из свободного единения людей на основе принципов любви и братства в государственный институт, некое «министерство религии». Эта мысль заявлена в самом начале главы (14, 227). В своем романе Достоевский ставит вопрос о праве человека на истину, которую узурпировали религиозные руководители, и в случае встречи с самим Иисусом Он воспринимается ими как «еретик»: «Зачем же ты пришел нам мешать? <...> завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков», — говорит Инквизитор (14, 228). С неприятием любого внешнего ограничения человеческой свободы связаны были опасения Достоевского о демократии как власти большинства над меньшинством. Как и его герой, Великий Инквизитор, писатель понимал, что худших людей всегда большинство, и потому власть худших над лучшими — это грозная опасность для нравственного состояния человечества. Эту мысль Достоевский также мог встретить в трудах Киреевского, который с иронией относился к попыткам отождествить с человечеством «единственно материальное большинство людей»⁵⁷ и задавал вопрос: «Как и чем удержишь ты эту свободу в таком устройстве, которое не признает другой законности, кроме господства большинства, т. е. перевеса силы?» Называя такую власть реализующей «относительное и отрицательное понятие о свободе политической», Киреевский предлагает заменить ее на общественную организацию, основанную на идее уважения «к свободе нравственной и к достоинству человека», что возможно только в русле «начал религиозных». Таким образом он формулирует мысль, которую воспроизводит Иван — о замене государства единением верующих в нравственном законе. Согласно мысли Киреевского, базис такой общественной системы будет держаться на «святости вечных нравственных истин», источником которых является вера. Только такое сообщество людей способно развиваться, не мешая свободному раскрытию творческого потенциала личности, «свободно и живительно согласуясь с духом народа...» (II, 280; письмо к А. И. Кошелеву; октябрь–ноябрь 1853 года).

Этот внутренний мир человека, «живительно согласованный с Богом и духом народа», и есть та самая «почва», которую проповедовал Достоевский в своих статьях и произведениях 1860–1870-х годов. Ему была близка мысль Киреевского о крайней неудовлетворительности ситуации, когда «господствующая вера народа не господствует в государственном устройстве», в направлении преодоления этого «несчастья» (II, 270; письмо А. И. Кошелеву от 15 октября 1853 года). Развивал Достоевский свою программу, начиная с «Объявления» о журнале «Время» (18, 92–93) и ряда статей начала 1860-х годов (19, 148), указывая, что «двухсотлетняя оторванность от почвы и от всякого дела не спускаются даром», предлагая «лекарства» в народном христианстве, его способе верить в Христа, «в святынях его и в нашем соединении с ним» (24, 52).

⁵⁶ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Русский вестник. 1879. Т. 141. № 5–6. С. 550–551.

⁵⁷ Киреевский И. В. Деятельный век. С. 63.

Идея строительства сообщества людей, объединенных нравственным идеалом Христа, унаследованная Достоевским от Киреевского и других славянофилов, была, по его мнению, выходом из тупика противоестественной «административной» модели, которая не дает развиваться лучшим качествам русского народа и навязывает религиозной жизни страны концепцию «чуда, тайны, авторитета», дурную форму демократии, где худшие получают власть над лучшими. В своей тетради Достоевский записывает мысль о «точке опоры» для строительства нового общества и возникающей отсюда «новой форме демократии» (20, 179), основанной на христианской связи людей между собой (20, 180). «Почвой», на которой может возникнуть новое человеческое сообщество, Достоевский называл непримиримость русского человека к разрыву связи с Богом и настойчивый поиск этой связи, пусть даже путем трагических ошибок. Об этом писал Киреевский: «...почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми, что он одного только просит у Бога, чтобы другие люди все были на него похожи, <...> русский человек <...> всегда живо чувствует свои недостатки, и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою».⁵⁸ О новом типе сознания, идущем из русской традиции богомыслия, рассуждал Киреевский и в других своих работах, постоянно делая акцент на том, что общественная нравственность может быть основана только на принципе свободы духовной жизни, альтернативой ему является полицейское государство, ограничивающее свободу человека с помощью системы запретов: «Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут сознаваться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека»,⁵⁹ разумеется всегда тесно связанных с национальными традициями.

Словосочетание «русская почва» в смысле общественно-культурной основы для движения к построению подлинно христианской культуры впервые употребил Киреевский в своей статье о Пушкине,⁶⁰ многие положения которой совпадают с известной «Речью о Пушкине» Достоевского (1880). Широко пользуется он этим термином в значении «общественно-культурное основание» в «Жизни Стефенса»,⁶¹ в «Речи Шеллинга»,⁶² в «Письме неизвестному», говоря о перспективе возрастания идеи в «почве Церкви», поясняет, что имеет в виду не общественно-государственную институцию, но «сознание людей» (II, 291; письмо неизвестному), утверждая, что «все общественное устройство Русской земли должно было в своем развитии принять <...> направление христианское».⁶³ Вероятность развития русского общества в таком направлении, по Киреевскому, заключается в особенности ментальности русского человека: его «стремления к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественно-го и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного».⁶⁴ Достоевский совсем не пытался скрыть, что его «почвенничество», фиксирующее эту «особенность» русского общества, имеет отчетливый аллюзивный адрес в писаниях Киреевского, он указывал: «...наше общество <...> оторвалось от почвы. <...> Славянофилы ведут к истинной свободе, примиряя» (24, 221). Исходя из этого, мысли Достоевского о «христианской модели просвещения», в отличие от просвещения логического и энциклопедического, развиваемые им в «Дневнике писателя», совпадают с тезисами Киреевского о «живом, полном, всечеловеческом и истинно христианском просвещении».⁶⁵

⁵⁸ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы... С. 274.

⁵⁹ Киреевский И. В. Отрывки. С. 343.

⁶⁰ Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 15.

⁶¹ Киреевский И. В. Жизнь Стефенса // Там же. Т. 2. С. 82, 106, 129.

⁶² Киреевский И. В. Речь Шеллинга // Там же. С. 183.

⁶³ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы... С. 262.

⁶⁴ Там же. С. 276.

⁶⁵ Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы. С. 45–46.

И Достоевского, и Киреевского не переставала волновать твердость веры раскольников, веками приносящих свое благополучие или жизнь в жертву свободе своего религиозного чувства. Достоевский много писал о староверах, с которыми близко сошелся в Омском остроге, во время работы над «Бесами» обращался к личности и творчеству К. Е. Голубова, собираясь сделать его одним из главных персонажей романа, создал в своих произведениях целую плеяду «странников» и «старцев», своим поведением и речами выбивающихся из руслу официальной церкви — это Тихон («Бесы»), Макар Иванович («Подросток»), Зосима и Алеша («Братья Карамазовы»). Тема раскола многократно возникала и в «Дневнике писателя». Интерес и большое внимание, которое уделял Достоевский староверам,⁶⁶ не совпадают с мнением Киреевского, который не был адептом старой веры, однако много писал о высокой ценности «нашей древней образованности», которая сегодня «должна служить необходимым дополнением образованности европейской <...> очищая (ее. — К. Б.) от характера исключительной рациональности и пронизывая новым смыслом».⁶⁷ В своих произведениях Достоевский создавал образ священника нового типа, служителя того обновленного христианства, о котором мечтал в связи с идеей «почвы», образ которого формировался в его сознании под непосредственным влиянием идеологии старообрядчества и мыслей об идеале «апостольского православия». Неслучайно отдельную главу в романе «Подросток» составляет «дележ наследства» почившего старца — старинной «раскольничьей» иконы (13, 408), которую, будто бы иллюстрируя исторический путь русского православия, разбивает на две половины об угол печи Версиллов, «русский жентильом» и жертва «европейской образованности». Церковную общину нового типа формируют «русские мальчишки» во главе с покинувшим монастырь Алешей у «Илюшечкиного камня» в романе «Братья Карамазовы». Этот герой для Достоевского — полноценное олицетворение почвеннического идеала, это полноценно христиански образованный молодой человек, будущее России, воспитанный старцем Зосимой во многом по заветам Киреевского. Его выход из монастыря, для того чтобы нести слово Христа в мир, повторяет подвиг архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), выдающегося православного писателя, который отказался от всех чинов и привилегий и вышел в мир, выражая этим протест против засилья казенщины в Церкви.⁶⁸

«Странником» («бегуном») является Миколка в «Преступлении и наказании» — подобно Алеше Карамазову, он жил в иночестве под руководством «старца», вне сомнений, с этим связано его желание взять на себя грех Раскольника. Заметим, что старообрядцы считали себя иноками, находясь в миру, в отличие от никонианцев, которые были погружены в мир, даже находясь в монастыре, по мнению последователей старой веры. Это характерное отношение между мирским и церковным является одной из тем «Братьев Карамазовых», но, как отмечалось, еще ранее, работая над романом «Бесы», писатель думал о введении в роман образа старообрядца. Для Достоевского русская модель христианства («почва») связывалась с идеей «народного христианства», и особую роль в этих взглядах занимали староверы, упорно хранившие свой символ веры, несмотря на жестокие преследования со стороны властей.

Непосредственный контакт с раскольниками Достоевский имел в Омском остроге (1850–1854) и воплотил свои впечатления в «Записках из Мертвого дома». В этом произведении впервые выражена часто встречающаяся в его творчестве мысль, что староверы являются реальными хранителями народной нравственной силы. В книге описан старообрядец Егор Воронов из Черниговской губернии, которому, в силу его абсолютной честности, отдавались на хранение деньги: «Впоследствии у нас открыли способ сохранять деньги с полной безопасностью. Они отдавались на сохранение старику староверу, поступившему к нам из стародубовских слобод, бывших когда-то ветковцев...» (4, 33). Изображение его внешности заставляет вспомнить портрет старца Зосимы из «Братьев Карамазовых»: «Это был старичок лет шестидесяти, маленький,

⁶⁶ См.: Барум К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. 2018. Vol. XXIV. P. 29–46.

⁶⁷ Киреевский И. В. Обозрение современного состояния литературы. С. 45–46.

⁶⁸ Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003. С. 59–161.

седенький. Он резко поразил меня с первого взгляда. Он так не похож был на других арестантов: что-то до того спокойное и тихое было в его взгляде, что, помню, я с каким-то особенным удовольствием смотрел на его ясные, светлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорил я с ним и редко встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни. <...> Он не уступал ничего из своих убеждений; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было в его возражениях. А между тем он разорил церковь и не запирался в этом. Казалось, что, по своим убеждениям, свой поступок и принятые за него „муки“ он должен бы был считать славным делом. Но как ни всматривался я, как ни изучал его, никогда никакого признака тщеславия или гордости не замечал я в нем» (4, 34). Глубокое уважение к староверам определяло отношение Достоевского к русскому народу в целом, подпитывая реальность его «почвеннической» программы преобразования России. Раскольников, сосланный в острог, называет его носителем «великих сил»: «...ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» (4, 231).

По возвращении в Петербург, как издатель журналов «Время» и «Эпоха», Достоевский публикует немало материалов, связанных со староверами, в которых раскол трактуется как форма народного самоопределения в условиях жесткого административного давления.⁶⁹ В. С. Нечаева свидетельствует, что в портфеле редакции находилась также драма «Раскольник».⁷⁰ Расколу посвящена статья во «Времени» «Два лагеря русских теоретиков» (1862), где Достоевский призывает к сочувствию последователям протопопа Аввакума как искренним и честным искателям истины, что на протяжении всей жизни для писателя являлось критерием в его отношении к людям. Раскол Достоевский называет «самым крупным явлением в русской жизни и самым лучшим залогом надежды на лучшее будущее» (20, 21). То, что Достоевский хорошо знал тексты неканонических христианских общин, находя в них «чрезвычайно глубокие и сильные мысли» (22, 99), подчеркивается статьей «Лорд Редсток» (1876). Вероятно, именно староверов имел в виду писатель, указывая: «...западники не хотели пофакирски заткнуть глаз и ушей перед некоторыми непонятными для них явлениями <...> как делали славянофилы; не закрывали глаз для света и хотели дойти до правды умом, анализом, понятием», и именно такой подход породил эстетический феномен реализма: «Западничество <...> обратилось к *реализму*, тогда как славянофильство до сих пор еще стоит на смутном и неопределенном идеале своем, состоящем, в *сущности*, из некоторых удачных изучений старинного нашего быта, из страстной, но несколько книжной и отвлеченной любви к отечеству, из святой веры в народ и в его правду» (19, 60). С большим интересом Достоевский относился и к произведениям коллег по литературе, освещавшим жизнь старообрядцев, сочувственно отзывался о «Страннике» А. Н. Майкова.⁷¹ Согласно воспоминаниям Анны Григорьевны, писатель накопил в своей библиотеке немало «серьезных произведений по отделам истории старообрядчества», в частности «Раскольничьи дела» Г. Есипова, «Историю Выговской старообрядческой пустыни» и «Раскол» А. П. Щапова, «Рассказы из истории старообрядцев» С. В. Максимова.⁷² Художественные образы «новых русских людей», которые мы встречаем в произведениях Достоевского в 1870-е годы и которые, по его мнению, могут избавить страну от грядущего Великого Инквизитора, фактически

⁶⁹ Владиславлев М. И. [Рец. на:] Описание некоторых сочинений... в пользу раскола. Записки Александра Б. СПб., 1861 // *Время*. 1861. № 10. С. 80–100; Аристов Н. Я. [Рец. на:] По поводу новых изданий о расколе // Там же. 1862. № 1. С. 76–98; Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Там же. № 10. С. 319–363; № 11. С. 251–297; Калатузов В. И. 1) Монтаны. 1. Никифорыч. 2. Келейницы // *Эпоха*. 1864. № 8. С. 1–48; 2) Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы // Там же. 1865. № 1. С. 1–38.

⁷⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М., 1975. С. 277.

⁷¹ Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 130.

⁷² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1984. С. 207.

извлекались им из духовных достижений православия допетровского времени и идеологии современных староверов. Он писал А. Н. Майкову в 1868 году: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник <...>, о котором напечатана статья с выписками в июньском номере „Русского вестника“». Достоевский рассматривал этого героя как идеального носителя новой модели христианской веры, в роли одного «из грядущих русских людей» (28-2, 328). Основной сюжетной линией романа «Бесы» должен был вначале стать контакт, а затем конфликт между идеальным хранителем христианских ценностей Голубовым и «представителем Интернационала» Нечаевым: «Нечаев. Приехал тоже устроить дело с Голубовым насчет тайной вольной старообрядческой типографии» (11, 113).⁷³

Суть «почвеннической» реформации Достоевского состояла не в том, чтобы одни книги или обряды заменить какими-то иными, но в том, чтобы отказаться от догматико-авторитарной модели православия, предложить вместо него разработанную Киреевским «свободную», «внутреннюю», «настоящую» религию, основанную на личном ответственном движении души человека к Иисусу Христу — своего рода деятельный ответ на логику Великого Инквизитора. Идея Киреевского о глубоком преобразовании религиозной жизни страны, проводимом изнутри сознания каждого человека, совпадает с «почвеннической» мыслью Достоевского; это требование исходило от обоих мыслителей. «Религия, о которой Киреевский говорил в этот период своей жизни, не являлась православием», — пишет Н. О. Лосский,⁷⁴ однако с этим трудно согласиться, если учитывать не только XIX век, а тысячелетнюю традицию обращения русского человека к Богу, как это подразумевали оба мыслителя.

Свою версию истинной христианской религии Достоевский создавал не без отчетливого влияния трудов Киреевского, в которых базовой ценностью религиозной культуры страны названо допетровское и дониконовское православие, традиции старой веры, позитивно преобразованные в связи с новыми идеями, где религия примирялась бы с философией и наукой и одновременно обращалась бы к конкретному человеку, а не к «чуду» и «авторитету» церковной администрации. В основе строительства этой «новой веры», зачеркивающей для России перспективу Великого Инквизитора, было освобождение верующего от слишком строгих церковных догматов, отказ от густой обрядовости, сосредоточенность не на «букве», но на духе Христовом, реальной этической подоплеке жизни человека, которая естественным образом, а не через абстрактные «правила», выводила бы его к онтологическим устоям бытия и «естественной нравственности». В этом смысле «почвенничество» Достоевского и его горячую проповедь в романе «Братья Карамазовы» можно считать продолжением пророчества Киреевского о новом этапе в жизни русского общества и православия: «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистотой слога. Но чем ограничить наше влияние? Где положишь ты ему предел, сказав *plus ultra*? Пусть самое смелое воображение поставит ему геркулесовы столбы — новый Колумб откроет за ними новый свет. Вот мои планы на будущее. Что может быть их восхитительнее? Если судьба будет нам покровительствовать, то представь себе, что лет через 20 мы сойдемся в дружеский круг, где каждый из нас будет отдавать отчет в том, что он сделал, и в свои свидетели призывать просвещение России. Какая минута!»⁷⁵ Это страстное пророчество по своей тональности напоминает проповедь Алеши «русским мальчикам» у Илюшечкиного камня в финале «Братьев Карамазовых», являясь своего рода прологом к тому глубокому преобразованию русской религиозной жизни, к которому призывал и создатель «Поэмы о Великом Инквизиторе» Иван Карамазов.

⁷³ См.: *Арсентьева Н.* «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 21. С. 56–81.

⁷⁴ *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991. С. 14.

⁷⁵ *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 13 (письмо к А. И. Кошелеву, 1827 год).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216

© М. Л. Спивак

**ЗАПИСИ А. А. БЛОКА 1921 ГОДА
ОБ «АЛКОНОСТЕ» И «ЗАКРЫТИИ ВСЕХ ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ»:
ПРИЧУДЫ ТЕКСТОЛОГИИ, КОНТЕКСТ, ПРАГМАТИКА***

Магия архивной папки

2 февраля 1921 года А. А. Блок в дневнике очень резко отозвался о планах советской власти ликвидировать все частные издательства и объединить все издательское дело в руках государства (эта запись из-за антигосударственной направленности при публикации дневников до сих пор всегда изымалась¹). На следующей странице дневника Блок дал высокую характеристику издательству «Алконост» и объяснил, почему писатели-символисты, чуткие к «духу времени», предпочитают печататься именно в «Алконосте» (эта запись воспроизводилась во всех изданиях дневников² и даже стала ошибочно называться «декларацией издательства „Алконост“»³).

Первая запись заняла всю страницу целиком. Вторая — только часть страницы (низ листа Блок оставил незаполненным) (ил. 1). По тому, как расположены строки на страницах дневника, трудно понять, является запись об «Алконосте» продолжением записи о закрытии частных издательств или отдельным, следующим высказыванием. Зато пустой низ страницы внятно указывает на то, что высказывание об «Алконосте» закончено — следующая запись начинается опять-таки с новой страницы.⁴

Приведем этот текст по верхнему слою правки:

<...> Закрытием всех частных издательств и «объединением» издательского дела в государственном был бы сделан еще один шаг к опрощению жизни, к обеднению ее и к уничтожению последних остатков культуры. Закрытие лавок и рынков уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят массу рабочего времени на хождение пешком с Петербургской стороны на Миллионную и стояние в очередях в «объединенных» лавках. Новый опыт с издательствами долженствует очевидно сделать все человеческие мысли и мечты похожими одна на другую, чтобы вслед за тем объеди-	Издательство «Алконост» не стесняет себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединилась группа писателей, примыкающих к символизму, объясняется, по нашему убеждению, лишь тем, что именно эти писатели оказались по преимуществу носителями духа времени. Группа писателей, соединившаяся в «Алконосте», проникнута тревогой перед развертывающимися мировыми событиями, наступление которых она чувствовала и предсказывала; и потому — она обращена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему, но — к будущему.

* Выражаю глубокую благодарность за неоценимую текстологическую помощь и консультации М. М. Павловой и А. Л. Соболеву, за помощь в написании статьи А. В. Геворкян и В. А. Резвому.

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 39 об. — 40. Впервые в составе дневников ее планирует воспроизвести в готовящемся томе двадцатитомного Полного собрания сочинений А. А. Блока.

² См., например: Блок А. 1) Дневник: В 2 т. / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. Т. 2. 1917–1921. С. 214; 2) Собр. соч.: В 12 т. Л., 1936. Т. 8. С. 247 (прим. на с. 272); 3) Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Автобиография, Дневники / [Подг. текста и прим. В. Н. Орлова]. С. 402–403 (прим. на с. 516); 4) Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 333 (прим. на с. 426).

³ Ср. примечание В. Н. Орлова в 8-томном собрании сочинений Блока: «Набросок декларации издательства „Алконост“, очевидно предназначенной для печати» (Т. 7. С. 516). Название «Декларация издательства „Алконост“» фигурирует в описи фонда Блока и на обложке архивной папки (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 12). Очевидно, что в 1921 году составлять декларацию издательства, организованного в 1918 году, было, мягко говоря, неуместно.

⁴ Со следующей страницы начинаются заметки о Пушкине, легшие в основу речи Блока «О назначении поэта».

нить их одной газетной передовицей и превратить диких лебедей в общую домашнюю общипанную курицу. Своя провинция — посмотришь, вечерком Он чувствует себя здесь маленьким царьком, полагая, что эта партия людей может устроить разрушенную страну. Это в то время, когда особенно чувств<уются> слова Гейне: индивид<уальный> дух исчез, возник дух всеобщий. Это в то время, как в Европе неудержимо растет общественная жизнь с бесконечно усложненными и небывальными формами, и интернационализм дает себя чувствовать конкретно на каждом шагу, в смешении языков разных наций, в воздушных сообщениях между столицами и т. д. К счастью, мечты и мысли у человека устроены гораздо разнообразнее, чем желудок и ноги, а потому опровинциализуются с большим трудом, а у некоторых даже вовсе не поддаются опровинциализации.	Этим определяется лицо Издательства и его название.

Вскоре Блок обе эти страницы переписал. В беловом автографе⁵ пассаж о закрытии частных издательств также занял целую страницу, а пассаж об «Алконосте» — лишь часть страницы.

В конце белового автографа заметки об «Алконосте» появилось важное «наращение»: «Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое оно носит». Есть еще два существенных добавления, и они бросаются в глаза: под записью о закрытии частных издательств Блок поставил свою подпись, тем самым внятно ее завершив (ил. 2). А у заметки об «Алконосте» в новом варианте появилось заглавие «Издательство „Алконост“», но оно вписано рукой С. М. Алянского, владельца издательства и близкого друга Блока (ил. 3).

Эти две вполне орнаментальные добавки (заглавие перед одной записью и подпись после другой) были, очевидно, восприняты при обработке фонда Блока в Рукописном отделе ИРЛИ как маркеры начала и конца единого текста, открывающегося пассажем об «Алконосте», продолжающегося (несмотря на оставленную пустой половину страницы) рассуждениями о частных издательствах и завершающегося подписью автора. Следуя этой сомнительной логике, листы с автографами пронумеровали (пагинация не блокковская) и сложили в архивную папку в порядке, обратном тому, что была в дневнике.

В итоге получилось, что Блок сначала объяснил причины сотрудничества символистов с чутким к «духу времени» «Алконостом» (Л. 1):

«Издательство „Алконост“»

Издательство „Алконост“ не стесняет себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа символистов видит размеры разворачивающихся мировых событий, наступление которых они предчувствовали и предсказывали. Поэтому они обращены лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему. Они с тревогой всматриваются в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое оно носит».⁶

⁵ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 12.

⁶ Там же. Л. 1.

А потом (оставив треть страницы пустой) разразился негодованием по поводу закрытия частных издательств (на следующем листе — Л. 2), которые, к слову сказать, на рубеже 1920 и 1921 годов вовсе не были закрыты:

«Закрытие всех частных издательств и „объединение“ издательского дела в государственном было бы новым шагом к опрощению жизни, к уничтожению остатков культуры. Наблюдения над жизнью, чтение книг — приучили нас понимать, что нищета уродлива.⁷ Новый опыт с издательствами долженствует, очевидно, сделать все человеческие мысли и мечты нищими, подстриженными, похожими одна на другую, чтобы вслед затем объединить их одной газетной передовицей; превратить лебедей в единую курицу:

Своя провинция, посмотришь — вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком,

и полагает, что усилия отдельных людей могут устроить разрушенную жизнь. Это — в то время, когда особенно чувствуются слова Гейне: „индивидуальный дух исчез, возник дух всеобщий“. В то время, когда в Европе неудержимо растет общественная жизнь, ее формы бесконечно усложняются, интернационализм дает о себе знать на каждом шагу — в смешении языков разных наций; в воздушных сообщениях, и т. д.

К счастью, мечта и мысль человека устроены разнообразнее, чем желудок и ноги; у некоторых они даже вовсе не поддаются опрощению.

Александр Блок».⁸

Думается, что сотрудник Рукописного отдела, обрабатывавший материал, не знал о черновом автографе в дневнике поэта. Однако именно принятое при формировании единицы хранения решение оказало определяющее влияние на последующую интерпретацию записей: на первый план выдвинулось «Издательство „Алконост“» и личный, биографический контекст, связанный с публикацией в «Алконосте» книг Блока.

Впервые эти записи по беловому автографу (т. е. в порядке, определенном сотрудником, описывавшим фонд) напечатал в 1964 году И. А. Чернов в составе основополагающей статьи «А. Блок и книгоиздательство „Алконост“».⁹

Он назвал этот материал запиской (или заметкой) об «Алконосте»¹⁰ и предложил считать ключом к пониманию всего комплекса рассуждений Блока историю злоключений третьего тома его стихотворений, дивящуюся с 1918 года: «Издание

⁷ Далее вычеркнуто предложение: «Закрытие лавок уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят рабочее время, силы и подметки на хождение с Большого проспекта на Миллионную и стояние в очереди перед „объединенной“ лавкой».

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. 1]. С. 532, под заглавием, вписанным С. М. Алянским: «Издательство „Алконост“». Републиковано по «Блоковскому сборнику» С. С. Лесневским в подборке материалов к 100-летию поэта: Литературная газета. 1991. 28 нояб. № 48. С. 7; по беловому автографу — в книге Е. В. Ивановой «Александр Блок: Последние годы жизни» (СПб., 2012. С. 378). Фрагмент о закрытии частных издательств с названием «Из рукописи А. Блока „Издательство „Алконост“» по «Литературной газете» включен в учебное пособие для студентов-книговедов: Андреева О. В. История книги. Хрестоматия. М., 1997. Ч. 2. С. 45–46.

¹⁰ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 531. Чернов пользовался не рукописью дневников Блока, а изданием 1928 года, содержащим купюры (в нем была воспроизведена только запись об «Алконосте»), и потому не знал, что черновой автограф записи о закрытии частных издательств так же, как и записи об «Алконосте», находится в дневнике, и пришел к следующему неверному выводу: «Первоначальный набросок заметки сделан А. Блоком в дневнике от 2 февраля 1921 года. Этот же текст воспроизводится в т. 8 Собрания сочинений А. Блока. Позднее Блок переработал его в большую заметку, сохранившуюся в рукописи <...>. Она значительно полнее, чем запись в дневнике» (Там же. С. 532). То есть, согласно Чернову, Блок запись о закрытии частных издательств не переписал из дневника, а сочинил позднее, дополнив и продолжив ею дневниковую запись об «Алконосте».

сочинений Ал. Блока в четырех томах было предпринято Алексеем Ивановичем Имнайшвили, владельцем книгоиздательства „Земля“ в 1918 году. Об этом свидетельствует договор от 14 (1) июня 1918 г., подписанный Ал. Блоком и А. И. Имнайшвили. Однако позднее меньшевик Имнайшвили был арестован и издание приостановилось. К этому времени было уже выпущено три книги: „Стихотворения“, кн. I, II и Ал. Блок, „Театр“. Блок обратился к Имнайшвили с просьбой уступить издание третьего тома „Алконосту“. Письмом от 18.IX.1919 г. Имнайшвили сообщил о своем согласии выполнить эту просьбу. <...> Но почему-то III том в „Алконосте“ в 1919 г. не вышел. И дело началось снова, когда руководитель Петроградского Отделения Государственного издательства И. И. Ионов случайно нашел готовый к печати набор III тома. Он отдал распоряжение печатать его под маркой Госиздата. Блок воспротивился...».¹¹

На январь и февраль 1921 года действительно пришлось обострение конфликта поэта с Ионовым (напомним, что обе заметки были написаны 2 февраля), угрожавшим, в частности, рассыпать набор книги Блока (третьего тома стихотворений), если тот откажется печатать ее под маркой Госиздата. Так, 15 января Блок направляет «Заявление» в Редакционную коллегию Петроградского отделения Госиздата с изложением истории вопроса и своих требований. Копию посылает наркому просвещения А. В. Луначарскому, сопроводив «Заявление» запиской с жалобой на «слишком большое варварство в поступке Иопова» и просьбой «оказать некоторое давление на Иопова, который продолжает преследовать „Алконост“ решительно по каждому поводу».¹² 5 февраля Ионов извещает Блока о том, что Редакционная коллегия, несмотря на его просьбу, постановила все же опубликовать третий том стихотворений в Госиздате, а не в «Алконосте».¹³ Блок опять не соглашается и 7 февраля снова пишет Ионову:

«В ответ на Ваше письмо от 5 февраля за № 338 сообщаю:

Государственное Издательство, насколько мне известно, издает преимущественно партийные и политические книги, вследствие чего партийная и политическая окраска сообщается и всем его изданиям; я же не принадлежу ни к какой партии, и стихи мои не служат политике; потому я не хотел бы издавать их в Государственном Издательстве, о чем уже сообщал устно г. Белопольскому и в заявлении от 15 января.

Прошу Петроградское Отделение Государственного Издательства разрешить мне выпустить III том моих стихотворений в издательстве „Алконост“, наиболее близком по духу к символической школе, к которой я всегда принадлежал».¹⁴

В конце концов Луначарский, по-видимому, смог «оказать некоторое давление на Иопова» (его подчиненного), и Блок с Алянским победили. Книга вышла в «Алконосте»,¹⁵ а Ионову пришлось не только отказаться от своих притязаний, но и извиниться перед Блоком.¹⁶

По Чернову, «главный тезис второй части заметки», посвященной закрытию частных издательств, — «борьба с вульгаризаторскими перегибами отдельных работников книгоиздательского дела на местах, в частности, — И. Иопова».¹⁷ Такая трактовка

¹¹ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533–534.

¹² Динерштейн Е. А. Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–250.

¹³ См. публикацию и анализ этих материалов в статье Чернова: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 534–535.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4–4 об. Белопольский Иосиф (Осип) Романович (1879–1956) — издатель, сотрудник Наркомпроса и Госиздата. Упомянутый телефонный разговор состоялся 9 января 1921 года (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 327).

¹⁵ Блок А. Стихотворения. Книга третья: 1906–1916. 3-е изд., доп. Пб.: Алконост, 1921.

¹⁶ См. его письмо Блоку от 23 апреля 1921 года (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12–12 об.; опубл.: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 535), а также запись в дневнике от 25 мая 1921 года: «Моя переписка с Ионовым, окончившаяся его покаянием в апреле» (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 347).

¹⁷ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533.

(сквозь призму проблем с «Алконостом») стала общепринятой в современном литературоведении.¹⁸

Действительно, намек на Ионова можно увидеть в процитированных Блоком строках из монолога Чацкого: «Своя провинция, посмотришь — вечерком / Он чувствует себя здесь маленьким царьком».¹⁹ Но в целом же содержание записи о закрытии частных издательств гораздо шире этого пусть и очень важного для Блока, но все же локального конфликта: «Алконост» в ней ни разу не упоминается.

Если сложить два листа автографа в одну архивную папку не составило большого труда, то объединить две заметки на разные темы (одна — об «Алконосте», другая — о закрытии частных издательств) в единый текст оказалось сложнее. Практически все, кто этими записями Блока занимался, наткнулись на «сопротивление материала» и пытались возникшую проблему хоть как-то обозначить. Так, Чернов пишет о двух частях одной заметки. Е. В. Иванова указывает на ее «очевидную смысловую разнородность».²⁰ Даже сотрудник Рукописного отдела, породивший, на наш взгляд, эту путаницу, вынес на обложку архивной папки «сложносочиненное» заглавие: «Декларация издательства „Алконост“ и других частных издательств».²¹

Интерпретация Чернова и его последователей не только не объясняет в полной мере этих записей (особенно — записи о закрытии частных издательств), но и не отвечает на вопрос об их назначении: ведь для чего-то Блок переписал две страницы из дневника, авторизовал одну из них и передал Алянскому, добавившему на другой странице заглавие «Издательство „Алконост“».²²

Как кажется, чтобы приблизиться к пониманию смысла и прагматики беловых автографов Блока, надо для начала преодолеть магию архивной папки, объединившей два высказывания в одно, и рассмотреть их как вполне автономные тексты, хоть и связанные между собой «духом времени» и одним днем создания.

Остановимся прежде всего на записи о закрытии частных издательств (все же отношение Блока к Алянскому и его книжному предприятию достаточно хорошо изучено²³). Без контекста понять ее трудно, но только использовать мы будем не личный,

¹⁸ См., например: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 376–379. Эта же версия Чернова легла в основу комментария А. Л. Гришунина, подготовленного для 20-томного Полного собрания сочинений Блока (машинопись; хранится в ИМЛИ РАН — Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века).

¹⁹ См. об этом: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 379.

²⁰ *Чернов И. А.* А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533; *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 378.

²¹ Ошибка в датировке, допущенная на обложке архивной папки и в описи фонда («1919?»), Черновым при публикации исправлена.

²² Если следовать логике Чернова, то это могли быть черновики писем, которые Блок планировал отправить в высокие инстанции, чтобы обуздать аппетиты Ионова и доказать необходимость выпуска своей книги в «Алконосте». Но адресаты этих писем решительно не просматриваются. Вряд ли Блок мог так писать в Госиздат или Наркомпрос, Ионову или Луначарскому, да и чего он мог такими письмами добиться, ведь никакой конкретики и никаких требований в них нет. Предположения о том, что это заготовки для будущей статьи, возможно, в «Записки мечтателей», тоже кажутся не вполне убедительными (см.: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 378). Вряд ли панегирик «Алконосту» мог появиться на страницах журнала, «Алконостом» же и выпускаемого. Еще менее вероятна была вообще публикация такого резкого выпада Блока против государственной политики национализации. Но главное — обе записи выглядят как законченные реплики, причем и содержательно, и по формальным признакам: в одном случае это подчеркивается оставшейся чистой частью страницы, во втором — подписью, закрывающей тему.

²³ Помимо упомянутых выше работ см.: *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 713–725; *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост», 1918–1923. СПб., 2015; *Спивак М. Л.* 1) Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11/08. С. 132–137; 2) «Вы сами не знали, какое имя дали издательству...»: К вопросу об интерпретации названия издательства «Алконост» (С. М. Алянский, Ю. А. Анненков, А. А. Блок и другие) // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства / Сост. И. Е. Светлов, М. А. Ариас-Вихиль, К. Л. Лукичева. М., 2016. С. 478–499; *Таран Е. Г.* Вокруг «Алконоста». М., 2011;

биографический контекст, предложенный Черновым (борьба с Ионовым), а контекст более широкий, общественно-политический, связанный с положением частных издательств на рубеже 1920–1921 годов. Ситуация в книгоиздательском деле в первые годы советской власти детально описана в специальных работах.²⁴ Наша задача — показать, что Блок был хорошо осведомлен о проблемах частных издательств и что анализируемая заметка эти проблемы отражает.

«Результаты, недостижимые для Госиздата»

Частные издательства на протяжении всего послереволюционного периода и вплоть до их окончательного закрытия в конце 1920-х годов испытывали огромные трудности как экономического характера (нехватка бумаги, типографских мощностей и пр.), так и политического (цензура, разного рода запретительные документы и соглашения). Однако их терпели, так как только они хоть в какой-то степени, но могли утолить тот «книжный голод», который охватил страну. К тому же созданное при Наркомпросе в мае 1919 года Государственное издательство РСФСР (Госиздат) оказалось крайне неэффективным. Госиздат в идее своей был призван руководить всем книжным производством и в перспективе «огосударствить» все издательское дело, вытеснив из него частные предприятия. В. В. Воровский, первый руководитель Госиздата,²⁵ относился к частным предприятиям более чем толерантно, и в этом с ним был солидарен нарком просвещения А. В. Луначарский. «Мне кажется, что сейчас отнюдь не своевременно закрывать последние большие книгоиздательства. Если тяжелое время в смысле бумажного и типографского кризиса продолжится, то, я думаю, мы ничего не выиграем от умерщвления частной инициативы, которая хотя как-нибудь умеет бороться с тяжелым временем и все-таки больше помогает, чем вредит работе Государственного Издательства», — писал он Воровскому 24 февраля 1920 года.²⁶

Летом 1920 года руководство Госиздата сменилось и политика по отношению к частным издательствам в очередной раз ужесточилась, но проявилось это больше в цугающей словесной риторике, чем в каких-то реальных действиях. С точки зрения законодательной, в конце 1920 и в начале 1921 года ничего не произошло. Постановления и декреты, регулирующие деятельность частных издательств и их отношения с Госиздатом, появятся только во второй половине 1921 года²⁷ и будут означать наступление НЭПа (Новой экономической политики) в книжном бизнесе, т. е., наоборот, позволяя частным издательствам вздохнуть чуть более свободно. Однако именно на рубеже 1920–1921 годов и книгоиздателей, и — шире — писательское сообщество, научное сообщество, да и всю читающую публику охватила паника. И на то были серьезные основания.

Федотова С. В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151.

²⁴ См.: *Динерштейн Е. А.* Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972; *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994; *Свиценская М. К.* Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: основные этапы государственной политики // Книга: исследования и материалы. М., 1996. Кн. 72. С. 101–128; *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998; *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001, и многие др.

²⁵ «Положение о Государств<енном> Изд<ательст>ве опубликовано было 21 мая 1919 г., а 5-го июня состоялось первое заседание предусмотренной этим положением Редакционной Коллегии Государств<енного> Изд<ательст>ва. <...> Председателем коллегии и заведующим Гос<ударственного> Издательства был со дня его основания т. В. В. Воровский» (Государственное издательство. Отчет о деятельности на 1-е декабря 1920 г. М., 1920. С. 10; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Отчет, с указанием номера страницы).

²⁶ История книги в СССР, 1917–1921: [В 3 т.]. [М.], 1985. Т. 2. С. 111.

²⁷ Постановление Коллегии Народного комиссариата по просвещению о частных издательствах выйдет 18 августа 1921 года; Декрет Совета народных комиссаров «О частных издательствах» — 12 декабря 1921 года.

На конец 1920 года пришлось подготовка VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР (состоялся в Москве 22–29 декабря). К этому важному событию была выпущена брошюра о деятельности «Государственного издательства за полтора года его существования», которая «определялась требованиями пролетарской диктатуры в обстановке все более обостряющегося бумажного голода и развала полиграфической промышленности» (Отчет, с. 3). Успехов, о которых можно было бы победно рапортовать Съезду, явно не хватало, а потому Госиздат публично откестился от прежнего либерального руководства («Организация начала строиться в сущности только с лета текущего года» — Отчет, с. 7), а львиную долю собственных неудач свалил не только на экономическую разруху, но на активно и продуктивно работающие частные издательства: «Одним из тяжелых вопросов, который пришлось решать Госиздату, был вопрос о частных книгоиздательских фирмах» (Отчет, с. 6).

Далее конкретизировалась вина «частников». Прежде всего, они издавали не совсем то, чего ждала от них советская власть: «Выступая за сохранение частных фирм, исходили из предположения, что они проявят особую инициативу, привлекут свежие литературные силы и помогут созданию общеобразовательной и научной литературы. Это предположение не оправдалось. Большинство частных фирм некоторое время существовало преимущественно переизданием старых работ <...>» (Отчет, с. 6).

Но, паразитируя на прежнем ассортименте, частные издательства, по мнению Госиздата, паразитировали еще и на государственном бюджете, мошеннически на нем наживались: «Госиздат отпускал бумагу по твердым ценам, давал наряд на типографии, выплачивал аванс, а потом, когда книга была готова, Центропечатъ разом покупала издание, надбавляя к „себестоимости“ 35%, — на содержание особого, частного издательского аппарата» (Отчет, с. 6).

«Пользуясь 35% надбавкой к заготовительной стоимости книг», частные издательства поставили своих авторов и сотрудников в лучшее с финансовой точки зрения положение, чем мог позволить себе Госиздат: «...более года, до конца лета 1920 г. работники Госиздата не получали никакого пайка и голодали в буквальном смысле этого слова. <...> В то же время частные фирмы, пользуясь 35% надбавкой к заготовительной стоимости книг, могли очень далеко идти в своих „организационных“ расходах: они платили авторам гонорары, в $1\frac{1}{5}$ — 2 и больше раз превышающие установленные Госиздатом, назначали техникам, корректорам, машинистам и т. п. вознаграждение, оставляющее далеко позади ставки всех профессиональных союзов, иногда, кроме того, доставляли некоторое довольствие натурой типографским рабочим» (Отчет, с. 7).

Все эти обвинения вскоре были разоблачены как ложь и напраслина, но именно ими в «Отчете...» Съезду объяснялось то, что частные издательства «получали результаты, недостижимые для Госиздата»: «...такими способами они <...> дезорганизовали все издательское дело и осуждали государственный издательский аппарат на жалкое прозябание» (Отчет, с. 7). В «Отчете...» подчеркивалось, что «такая практика не имеет никакого оправдания» и заставляет «Госиздат решительнее поставить вопрос о частных издательствах» (Отчет, с. 7, 8).

Стыдливо отметив, что «принципам советского строя соответствует признание права на свободное издание всяких произведений, если только в них нет ничего, противоречащего требованиям самообороны рабоче-крестьянской России», Госиздат тем не менее признал, что «в настоящее время необходимость самой суровой экономии бумаги и типографских средств заставляет идти в этой области на большие ограничения» (Отчет, с. 6). Суть этих «ограничений» была очерчена: «Госиздат не может предоставлять типографские средства и бумагу на перепечатку художественных произведений, которые и до революции имели ограниченное значение; на переиздание учебных руководств, которые Наркомпрос не признает необходимыми; на издание научных и философских работ, которые дышат буржуазной ограниченностью и к тому же по своему общему характеру найдут крайне малочисленных читателей» (Отчет, с. 6).

При уже давно национализированных типографиях и изъятой в собственность государства бумаге это грозило частному книгоизданию неминуемой гибелью.

«К чему нам выращивать такие цветки?»

Следом за «Отчетом...», предназначенным прежде всего делегатам VIII Съезда Советов, в журнале «Книга и революция», выпускавшемся Петроградским отделением Госиздата, появилась статья И. Степанова «Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия». ²⁸ Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928; настоящая фамилия Скворцов, литературный псевдоним И. Степанов), профессиональный революционер, партийный и государственный деятель весьма широкого профиля, к концу 1920 года стал заместителем Председателя Центральной редакционной комиссии Госиздата. ²⁹ Его статья фактически играла роль манифеста обновленного Госиздата. И есть все основания полагать, что Блок был знаком с публикацией Степанова, так как журнал «Книга и революция» за 1920–1921 годы (в том числе и интересующий нас декабрьский номер) имелся в его библиотеке. ³⁰

Остановимся прежде всего на тех рассуждениях Степанова, которые могли задеть Блока и косвенно отразиться на его заметке о закрытии частных издательств. А задеть Блока в этой статье могло многое.

Стиль статьи был нарочито эпатажным, даже хамским, о чем читатель открыто предупреждался: «Я преднамеренно пишу топорно, может быть, даже грубо. С одной стороны, я очень грубый, упрощенный коммунист, и нахожу, что диктатура пролетариата и любезный, приветливый либерализм — две вещи несовместимые. А, с другой стороны, мне хочется, чтобы читатели почувствовали всю нелепость положения, в котором находится у нас книгоиздательское дело. Само собой разумеется, моя статья может идти только в дискуссионном порядке. Я не сомневаюсь, что и многие коммунисты, блюстители широкой свободы идейного творчества, борцы против угрожающего нам варварства и т. д., обрушат на меня свое либеральное негодование. Но, с моей точки зрения, это будет куда лучше, чем та нудная канитель, в которой мне, с короткими светлыми передышками, — то командировка на фронт, то болезнь, — приходится участвовать уже полтора года. Что тут поделаешь! Приходится творить так много несуразного, что перерыв даже по болезни кажется светлой передышкой» (с. 4–5). ³¹

Представившись читателю «грубым, упрощенным коммунистом», Степанов так же грубо и упрощенно предлагает взглянуть на ситуацию с частными издательствами,

²⁸ Книга и революция. 1921. № 6. С. 4–9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. См. анализ политической ситуации, сложившейся в это время вокруг частных издательств, и публикаций в журнале «Книга и революция», являвшемся «рупором Госиздата»: *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники»... С. 62–71 (гл. «Тупик революционной юстиции»).

²⁹ «Положение коренным образом изменилось летом 1920 года <...>. Попытка такой реорганизации сделана была в конце июня с назначением редакционной коллегии в составе тт. М. Н. Покровского, Е. А. Преображенского и И. И. Скворцова и с одновременным назначением единоличным заведующим административно-технической частью Гос<ударственного> Изд<ательств> ва т. С. М. Закса-Гладнева <...>. Ввиду командировки т. И. И. Скворцова на польский фронт, в редак<ционную> колл<егию> Гос<ударственного> Изд<ательств> ва введен был т. Н. М. Мещеряков, который оставлен был там и после возвращения т. Скворцова с фронта. <...> В состав распорядит. комиссии в настоящее время входят: члены редакционной коллегии Гос<ударственного> Изд<ательств> ва т. И. И. Скворцов и т. Н. Л. Мещеряков и замест<итель> завед<ующего> адм<инистративно>-тех<ической> частью т. Д. Л. Вейс. В настоящее время председателем Центральной Редакционной Коллегии избран т. Н. Л. Мещеряков, а заместителем его т. И. И. Скворцов» (Отчет, с. 11).

³⁰ Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984–1986. Кн. 3. С. 275 (№ 2640). У Блока были полные комплекты за 1920 и 1921 годы.

³¹ Декабрьский номер вышел 30 января 1921 года (см. график выхода номеров на обложке журнала № 1 (13) за 1921 год).

т. е. как на любые другие капиталистические предприятия, давно советской властью разоренные и национализированные: «Задачи Госиздата, как они определяются декретом 19 мая 1919 г., таковы, что для литературного производства он должен был бы сделаться тем, чем ВСНХ является для промышленного производства. Но как все ясно, просто, отчетливо при построении широкого государственного промышленно-производственного аппарата, и как все запутывают, едва дело коснется литературно-производственного аппарата» (с. 4). Или: «Пока дело идет о промышленном производстве, все признают, что даже современное положение с топливом, с сырым материалом и т. д. вынуждает нас к строжайшему общегосударственному учету и к строжайшему общегосударственному регулированию производства. Мы не можем производить духи, когда у нас нет бельевого мыла, не можем производить торты и пирожное, когда нет вдоль картошки и хлеба, и не можем затрачивать валюту на выписку какой-нибудь солиднейшей капиталистической фирмой устриц из-за границы. Но попробуйте хотя слегка применить эти рассуждения к литературной области, — и вы безвозвратно погибли. На вас градом посыплются негодующие, сострадательные, благородные, либеральные, продиктованные сознанием собственного неизмеримого умственного превосходства фразы, где будет все: „идеи — не вакса“, и „сам Маркс“, и „мы быстро идем к полному безграмотству“, и „мы, убивая творчество, подрубаем сук, на котором сидим сами“, и „к вам не пойдут авторы, которые будут работать с частными предпринимателями“, и т. д., и т. д., — без конца, но с одинаковым жаром, с одинаковой культурностью, способной погрузить в смертельную тоску» (с. 4).

Доводя свою идею до логического конца и предельного упрощения, а также в очевидно провокационных целях Степанов сравнивает книгоиздание с производством ваксы и недоумевает, почему отношение к частным издательствам должно отличаться от отношения к фабрике ваксы и ее продукции: «Когда речь идет о национализации фабрики ваксы, предприниматели нигде в наших кругах не найдут благосклонного уха и сочувственного внимания. Пусть они бегают и распинаются, уверяя, что в мире нет лучше продукта, чем выпускаемый ими: глянец, блеск, устойчивость, высокие смягчительные свойства ставят его вне конкуренции, а грубая национализация понизит ваксу их фабрики до уровня жалкой посредственности. Ни один коммунист не станет вздыхать вместе с ними, либерально соглашаясь, что национализация, мол, точно, иногда действует, как оглобля, уничтожающая и вырывающая многое ценное» (с. 4).

Степанов показно сокрушается, что ему не позволяют отнестись таким же образом к частным издательствам и выпускаемым ими книгам: «Проклятие Госиздата в том, что он производит не ваксу, не бутылки, не самовары, а, так сказать, материализует идеи или, если угодно, размножает идеи, уже материализованные автором. Ну, а где коснется идей, нельзя не сделаться удрученным либералом, который столь широк, столь далек от убивающей живую жизнь коммунистической узости, что не может не поскорбеть вместе с обиженным капиталистическим издателем: ведь это делает таким интересным, широким, культурным и так возвышает над грубой коммунистической толпой» (с. 4).

Именно против такого «упрощения» духовной жизни и ее «опровинциализания» Блок и возражал в своей заметке.

Еще в большей степени поэта могло возмутить то, что вину за нерешительность и медлительность действий Госиздата Степанов возложил на так называемых либералов, определявших до настоящего времени культурную политику: «С либерализмом в издательском деле пока ничего не поделаешь. В ВСНХ мы держим курс на крупную национализированную промышленность, Наркомзему приходится считаться с середняком, а вот Госиздат иногда заставляют держать курс и на капиталиста, причем не всегда разберешь, солидный ли это капиталист, или кулак, или подрядчик, нашедший в поставках на социалистическое государство чрезвычайно благоприятные условия для первоначального накопления» (с. 4). Или: «Нас заставляют исходить из предположения, что частные издательства, действуя тоньше, вызовут к жизни инертные литературные силы. Нас заставляют бережно относиться к этим издательствам и содействовать сохранению их аппарата, т. е. снова и снова их субсидировать и авансировать.

И с умильной откровенностью признают, что некоторые из составных частей этого аппарата с нами работать не будут» (с. 6).

Враги-либералы, покровительствующие издателям-частникам и связывающие руки Госиздату, как можно понять из статьи, засели непосредственно в самом государственном управленческом аппарате или же оказывают на власть давление. Думается, что Степанов здесь целил не только и не столько в В. В. Воровского, но прежде всего в главу Наркомпроса А. В. Луначарского, а также и в А. М. Горького. Несомненно, Блоку эти прозрачные намеки были понятны, ведь заступничеством Луначарского и Горького он активно пользовался при любых проблемах, связанных с выпуском его книг в «Алконосте», в том числе при конфликте с председателем Петроградского отделения Госиздата Ионовым.³²

Для Степанова, растолковывающего новую политику Госиздата, и книгоиздатели, и их сотрудники, и, главное, их авторы — это не производители духовных ценностей, а обычные жуликоватые подрядчики, плохо выполняющие госзаказ, но стремящиеся урвать повышенное финансирование из бюджета страны. «Некоторые из них, — возмущался Степанов, — повышают существующие ставки в полтора, два, даже три раза и, насколько можно раскрыть эту сторону дела, ни одно не „унижается“ до установленных ставок» (с. 5). Более того, частные фирмы и их авторы, согласно Степанову, не скупящемуся на резкие определения, — это и старьевщики (потому что переиздают залежалый товар),³³ и прямые саботажники (потому что отказываются сотрудничать с Госиздатом): «Получается прямо позорное положение. Мы сумели сломать саботаж спецев <так!> в промышленности. <...> Однако, здесь мы не либеральничали, не боялись быть грубыми. Тех, кто не хотел работать с Советской властью, мы хладнокровно лишали продовольственного пайка. А тем, кто срабатывался с нами, охотно повышали ставки, идя в этом направлении очень и очень далеко. В издательском деле мы терпим постыдное положение; мы допускаем премии как раз для тех, кто поворачивается к нам спиной, кто стал на почву очень дешевой оппозиции: я не унижусь до работы с вами, но я буду получать чрезвычайные гонорары *из средств Советской России*» (с. 5). И далее: «В других областях мы выкуривали саботажников, а тут создаем для них теплые уголки на государственный счет» (с. 6).

Действительно, частные издательства привлекали писателей не только умением работать с авторами, не только культурой издания книги, но не в последнюю очередь и повышенными гонорарами. В красочном портрете писателей-саботажников трудно было не узнать и авторов «Алконоста». Лично к Блоку, отказывающемуся печататься под маркой Госиздата, нелестные характеристики Степанова также вполне подходили.

Однако еще в большей степени Блока могли насторожить и даже испугать конкретные примеры критикуемых в статье частных издательств. Рассуждая о неудачном дореволюционном предпринимательстве, Степанов в качестве примера привел издательства, имевшие «дело с новыми исканиями» и работавшие «не для удовлетворения уже существующих потребностей, а для создания новых», на продукцию которых «был нулевой спрос» (с. 6): «Этим новаторам приходилось искать покровительства богатого человека, если только их „искания“ с самого начала не были причудой тоскующего купеческого сынка. Появлялись удивительные по роскоши издания с тиражом в сотню-другую экземпляров. Издатель не столько продавал, сколько дарил эти

³² См. об этом: *Чернов И. А.* Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533–537; *Динерштейн Е. А.* Луначарский, Блок и «Алконост». С. 248–250; *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост»). С. 716–718.

³³ См.: «Еще при романовском режиме они успели выпустить ряд полезных оригинальных и переведенных работ по всеобщей истории, истории рабочего движения, социализма, иногда по естествознанию и т. д. Они и теперь хотят получать проценты — и очень высокие — на капитал, представляемый этими изданиями. Их поощряют по тем соображениям, будто бы только они сумеют привлечь высоко квалифицированные силы и обогатить литературу новыми ценными произведениями. <...> Что касается теперешней деятельности солидных фирм, то на 90, если не на 99 % она является деятельностью старьевщиков» (с. 5).

издания. Над ними смеялись. И сам издатель смотрел на это дело, как на потеху. Пусть себе кувыркаются и вносят новую усладу в богатое существование! Шло время, тот или иной новатор, главной своей задачей поставивший оригинальничанье, находил некий круг то ли почитателей, то ли людей, которые привыкли находить у него забаву для себя, и тогда капитал на общих капиталистических основаниях издавал этого автора» (с. 6–7).

Под эту уничижительную характеристику вполне попадали финансируемые купцами и промышленниками «Скорпион» с «Весами», «Золотое руно», «Сирин» да и другие издательства московских и петербургских символистов. Продолжал их традиции и С. М. Алянский в издательстве «Алконост».

Но главным объектом нападок Степанова стали не старые, а новые мощные издательства, способные составить конкуренцию Госиздату: «...какие-то силы, стоящие вне контроля Госиздата, выдвигают новые предприятия, над которыми приходится ломать голову: в чем разум их существования? Что они представляют: капиталистические ли предприятия, развертывающиеся в условиях, превращающих капиталистический разум во всяческое безумие, или, действительно, колоссальные подрядные фирмы, претендующие занять положение второго Госиздата?» (с. 7).

Степанов был возмущен как «громоздком» требующих финансирования планов («Затеваются бесконечные серии из десятков и сотен книг по десяткам листов в каждой. Быстро раздаются заказы. И, само собой разумеется, всякая книжка признается на редкость талантливой и восполняющей зияющий пробел в нашей литературе...» — с. 9), так и буржуазными специалистами, ставшими из-за материальной нужды «литературными работниками» в таких фирмах: «Большинство из них приветствовало бы всякую реставрацию. Большинство из них только под давлением прямого голода снизошло бы до работы в советских учреждениях. <...> Состав редакционных коллегий — почти сплошь люди, далекие от пролетарской диктатуры России или даже затаенно враждебные ей, не новые, а очень старые, — старые и затхлые люди, — хотя бы по годам они были очень молоды. Как могут дать они книги, действительно необходимые для новой России?» (с. 8).

Все эти описания указывали прежде всего на одно узнаваемое издательство — на организованное Горьким издательство «Всемирная литература», с которым Блок в то время не просто сотрудничал, как с «Алконостом», но в котором с 1919 года состоял на службе.³⁴

Строго говоря, «Всемирную литературу» нельзя было назвать ни частным издательством, ни кооперативным;³⁵ оно было создано в 1918 году при Наркомпросе, но имело большую автономию, своих авторов и редакторов, свою полиграфическую базу, а также — свои гигантские издательские программы, больше всего Степанова и возмущавшие. Не называя поначалу самого издательства (название появится лишь в последнем абзаце статьи), Степанов пересказал и частично переписал (даже заключив цитаты в кавычки) широко рекламируемую программу «Всемирной литературы», сопроводив ее издевательскими комментариями: «...при Госиздате развертывается колоссальное, еще невиданное в России предприятие, которое „ставит своей задачей дать в переводе на русский язык все наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века и до наших дней“. Общее количество книг этой библиотеки — „около 1500 томов. Средний размер тома — око-

³⁴ См. записи Блока 1919–1921 годов о посещении заседаний во «Всемирной литературе» и работе, которую он делал для издательства, в «Записных книжках», а также: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 282–292 (гл. «Издательство „Всемирная литература“ и „интеллектуальный роман“ с М. Горьким»).

³⁵ *Шомакова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193; *Хлебников Л. М.* Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Лит. наследство. 1971. Т. 80. Ленин и Луначарский. Переписка, доклады, документы. С. 668–703; *Ариас-Вихиль М. А., Полонский В. В.* История издательства «Всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 374–393.

ло 20 печатных листов (320 стр.)³⁶. В общем это составит 3000 печатных листов, или 480 000, т. е. почти как раз полмиллиона страниц!

Кроме этой „основной“ библиотеки издается еще „народная библиотека“, имеющая целью познакомить читателя „с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего интернационала“. Эта библиотека, залог либерального интернационала, должна составить 2500 томов, но зато размер каждого тома всего до 4 печатных листов. В общей сложности это даст 10 000 печатных листов, или 160 000 страниц, а с основной библиотекой составит 4000 печатных листов, — 640 000 страниц.³⁶ Наконец-то, русский пролетарий будет насыщен — до тошноты.

К его великому несчастью, его, пожалуй, с самого начала стошнит. Удивительный художник Мопассан, — он выше Чехова, насколько французская буржуазная культура выше русской. Но неужели издатели серьезно думают, что современный русский рабочий ни в чем так не нуждается, как в „Милый друг“ или „Сильна, как смерть“? Или в романах Вальтера Скотта? Или в великом таланте, но и в великой мелкобуржуазной размазне Диккенса? Или для рабочего предназначается „народная библиотека“? Но и там подбор, сделанный людьми, которые живут в прошлом и прошлым. И не пора ли нам хотя бы в области художественной литературы покончить с классовым разделением?» (с. 9).

Приведенные в статье примеры и выкладки, естественно, служат «доводом в пользу быстреего сокращения частных издательств» (с. 6), а также кооперативных издательств и вообще всех издательских инициатив, стоящих «в стороне от Госиздата» и делающих «невозможным регулирование книжного производства» (с. 9). Прежде всего это касалось «Всемирной литературы», которая в конце концов и будет Госиздатом поглощена. «К чему нам выращивать такие цветки?» (с. 7) — гневно вопрошает Степанов. А потом еще раз повторяет вопрос, его конкретизируя: «Нужны ли нам подрядные предприятия, фактически выходящие из-под всякого контроля» (с. 9). Ответ напрашивался сам собой: частные издательства не нужны, либеральная политика по отношению к ним отменяется, Госиздат в деле производства книжной продукции должен обладать полной и безусловной монополией.

А. А. Блок, С. М. Алянский и пропавшая анкета П. Витязева

Отчетный доклад Госиздата, напечатанный к VIII Съезду Советов, и статья Степанова в журнале «Книга и революция», развивающая тезисы доклада, вызвали бурную реакцию в издательских, читательских и писательских кругах. И Блок, несомненно, знал о начавшемся общественном брожении.

Так, с декларацией против закрытия частных издательств выступила собравшаяся по этому поводу Первая конференция московских кооперативных издательств (9 декабря). Ее примеру последовал Всероссийский профессиональный союз писателей (17 декабря), членом которого был Блок. Не осталось в стороне и его Петроградское отделение. 8 декабря Правление Петроградского отделения Всероссийского союза писателей (куда Блок был выбран 10 октября³⁷) поручило П. К. Губеру, работавшему, как и Блок, во «Всемирной литературе», и А. Н. Тихонову, заместителю Горького по руководству издательством, написать ходатайство в Совнарком об улучшении правового и материального положения писателей. 17 декабря было принято решение дополнить представленную декларацию «тезисами о свободе печати». 21 декабря «обсуждается и утверждается окончательный текст декларации. Ее подписывают М. Горький, А. Вольнский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковьский» и др. Все «подписанты» — коллеги Блока по Союзу, «Всемирной

³⁶ Текст (фактически — рекламный проспект), рассказывающий о планах издательства, размещался на обложках первых выпущенных книг. См., например, брошюру «Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева» (Пб.: Всемирная литература, 1919).

³⁷ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 504.

литературе», Дому литераторов и другим культурным начинаниям. И наконец, с протестными открытыми письмами к VIII Съезду Советов отдельно обратились такие мэтры, как П. А. Кропоткин (23 декабря) и Горький (22 декабря),³⁸ с которым Блок в то время тесно общался по делам «Всемирной литературы».

То, что Блок был в курсе происходящего, подтверждается не только его знакомством с большинством участников протеста, но прежде всего его непосредственным присутствием на тех заседаниях, на которых Петроградская декларация обсуждалась и принималась. Это видно при сравнении «Записной книжки» Блока (в ней отмечены места, которые он посещал) с датами заседаний Петроградского Союза писателей, на которых принималась декларация:

А. А. Блок. «Записная книжка» № 61 ³⁹	Петроградское отделение Союза писателей ⁴⁰
8 декабря. На Моховой — заседание с Горьким Союзом писателей. А Горький-то и не пришел.	8 декабря — решено обратиться с соответствующей декларацией; составление текста поручается П. Губеру и А. Тихонову.
17 декабря. Правление Союза писателей. Присутствие Горького <...>.	17 декабря — оглашается текст декларации; решено: дополнить ее тезисами о свободе печати.
21 декабря. «Всемирная литература».	21 декабря — обсуждается и утверждается окончательный текст. Декларацию подписывают М. Горький, А. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский <...>.

Подводя промежуточный, предварительный итог сказанному, можно утверждать, что написанная в феврале 1921 года заметка Блока о губительных для культуры последствиях политики Госиздата в отношении частных издательств была инспирирована не столько личным конфликтом с Ионовым и проблемами «Алконоста», как считалось ранее, а «Отчетом...» Госиздата VIII Съезду Советов, статьей Степанова в журнале «Книга и революция», также реакцией на эти публикации культурного сообщества. Впрочем, если учесть, что Ионов в Петрограде и был полномочным представителем «большого» Госиздата, то и борьбу Блока с ним за право издать свои стихи не под маркой Госиздата, а в символистском, близком по духу «Алконосте» можно рассматривать как часть более масштабного противостояния писателей и частных издателей той власти, которая стремилась их «огосударствить», т. е. «сделать все человеческие мысли и мечты нищими, подстриженными, похожими одна на другую, чтобы вослед затем объединить их одной газетной передовицей» и в итоге «превратить лебедей в единую курицу».

Думается, что в подтексте слов Блока о том, что «в Европе неудержимо растет общественная жизнь, ее формы бесконечно усложняются, интернационализм дает о себе знать на каждом шагу — в смешении языков разных наций», может лежать высмеянная Степановым программа «Всемирной литературы»: «Пользуясь художественной литературой как могучим средством культурного воздействия и международного единения народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное — с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего Интернационала».⁴¹

³⁸ Подробнее см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 675–677, 684–686.

³⁹ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 509–510.

⁴⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 675.

⁴¹ См. прим. 36.

А также мысли Горького, изложенные им во вступительной статье к каталогу издательства: «Область литературного творчества — Интернационал духа, и в наши дни, когда идея братства народов, идея социального Интернационала превращается, по-видимому, в действительность, в необходимость, — в наши дни обязательно приложить все усилия для того, чтобы усвоение спасительной идеи всечеловеческого братства развивалось возможно быстро, проникая в глубины разума и воли масс». ⁴² Или: «Всемирной, единой литературы нет, потому что нет еще языка единого для всех, — но все литературное творчество, в прозе и стихах, насыщено единством общечеловеческих чувств, мыслей, идей, единством священного стремления человека к счастью свободы духа, единством отвращения к несчастьям жизни, единством надежд на возможность лучших форм бытия <...>. В конце концов, все люди, на всех языках говорят всегда об одном и том же — о себе и о судьбе своей. Везде одинаковы люди грубых инстинктов, — бесконечно разнообразен только мир интеллекта». ⁴³

И несомненно, с работой Блока во «Всемирной литературе» по подготовке к изданию семитомного собрания сочинений Г. Гейне связана приведенная в заметке цитата из его «Романтической школы»: «индивидуальный дух исчез, возник дух всеобщий». ⁴⁴

Вместе с тем общего политического контекста явно недостаточно для того, чтобы объяснить жанр и, главное, назначение заметки: для чего она все-таки была написана, переписана и подписана Блоком? Пролить свет на эту загадку помогает история публикации знаменитой брошюры П. Витязева «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921).

П. Витязев (наст. имя Ферапонт Иванович Седенко; 1886–1938), известный библиограф, руководивший издательским товариществом «Колос» и возглавлявший тогда Петроградский союз кооперативных издательств, стал настоящим координатором протестного движения в Петрограде. ⁴⁵ Его книга, отпечатанная в обход всех цензурных разрешений на правах рукописи, ⁴⁶ задумывалась как консолидированный ответ всего книгоиздательского сообщества на «Отчет...» Госиздата и статью Степанова, как аргументированный отпор власти, объявившей этому сообществу войну.

«Борьба ведется слишком неравная. У наших противников вся полнота власти, в их руках вся повременная и периодическая печать. Все попытки автора выступить легально в „дискуссионном порядке“ не дали никаких положительных результатов. И для него осталось только один старый и уже не раз испытанный путь — прибегнуть к помощи „вольного печатного станка“, — объяснял Витязев свою позицию во вступлении.

В этой пафосной преамбуле важно указание на неудавшиеся «попытки автора выступить легально в „дискуссионном порядке“». ⁴⁷ В конце книги Витязев опять-таки заявляет о недопустимости отдать решение вопроса о судьбе частных и кооперативных издательств «в руки Госиздата» и о необходимости вынести его на широкое обсуждение: «Мы не знаем еще, каково будет решение Советской Власти по этому вопросу. Но мы протестуем против того, что этот столь важный для Советской России вопрос разрешается без надлежащего освещения его в печати, без какого бы то ни было обсуждения

⁴² Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / Вступ. статья М. Горького. Пб.: Всемирная литература, 1919. С. 9.

⁴³ Там же. С. 5–7.

⁴⁴ Цитируется перевод П. О. Морозова, сделанный по заказу Блока для «Всемирной литературы». Редактура «Романтической школы» Г. Гейне велась с лета 1920 года (см.: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 496 — см. запись от 19 июля и далее, записи от 22 августа, 24, 26, 27 ноября, 9, 11 декабря 1920 года) вплоть до начала 1921 года (см. запись в дневнике от 24 января 1921 года: «Редакция „Романтической школы“ (последнее чтение)» — Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 400).

⁴⁵ *Батюто С. А.* П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 3 (59). С. 28–41.

⁴⁶ Книга вышла весной 1921 года, скорее всего — в мае. Датировка Витязева в конце книги — «январь 1921 г.» — не может быть верной; в лучшем случае это начало работы, но не конец, так как Витязев активно полемизирует со статьей И. Степанова о частных издательствах из журнала «Книга и революция» (№ 6), напечатанной 30 января (см. прим. 31).

⁴⁷ *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 2.

в широких партийных кругах, без участия целого ряда таких центральных органов, как: ВЦСПС, ВСНХ, ЦК РКП и в особенности без участия Наркомпроса, который более всего ответственен за судьбы русской литературы, русской науки и русской культуры».⁴⁸

Как показал С. А. Батюто, биограф Витязева,⁴⁹ в процессе работы над книгой он составил специальную анкету для известных деятелей отечественной культуры и науки, предполагая выступить широким фронтом против губительной для частных издательств инициативы Госиздата. Текст анкеты или пока не обнаружен, или не уцелел, что, учитывая трагическую судьбу Витязева, не удивительно. Однако в его архиве в РГАЛИ сохранились и были опубликованы в 1990 году три ответа на утерянную анкету.⁵⁰

Выявленными респондентами Витязева оказались знаменитости: философ Э. Л. Радлов, социолог П. А. Сорокин и лауреат Нобелевской премии физиолог И. П. Павлов. По их ответам легко реконструируется основной вопрос анкеты, а в «шапке» ответа Павлова, как кажется, просто повторяется формулировка Витязева: ученый отвечает «на вопрос о своевременности и уместности вообще уничтожения частного издательства и замене его государственным». Радлов, Сорокин и Павлов едины в отношении к планам Госиздата. Однако для нас важно несомненное сходство заметки Блока о закрытии частных издательств с тремя сохранившимися ответами на анкету Витязева.

И. П. Павлов отмечает, что «именно теперь, во время страшного книжного голода», прекратить содействие частным издательствам «вполне нецелесообразно». Однако и в будущем, «и вообще всегда, при нормальном положении вещей» это будет недопустимым решением, преступлением против свободы творчества. Как и Блок, Павлов подчеркивает, что «сосредоточить в сухо официальных, все шаблонирующих, все мертвящих руках государственного чиновничества», облечь «в обязательные формы печати» «свободное по существу, щепетильное, животрепещущее дело облекания знаний, мыслей и чувствований человеческих» — «это плохо думать о высшей стороне человеческой природы и желать подавить и задавить ее».⁵¹

Э. Л. Радлов сравнивает государство с «великим Левиафаном», готовым «подавить всякую свободу граждан, подчинив детальной регламентации духовную и материальную жизнь». Он подчеркивает, что «особенно пагубно всякое принуждение в области духовной, ибо наука и литература только и могут жить в условиях свободы», и приходит к выводу, перекликающемуся с заметкой Блока: «Так как непогрешимостью обладает один лишь папа, а ангельской нравственностью — никто, то ломка жизни во имя идеи государства-левиафана ничем не может быть оправдана. <...> Объединение всякого издательства в руках государства, т. е. лиц, защищающих идею государства-левиафана, есть введение цензуры на произведения человеческого духа; такая цензура может вести лишь к фальсификации науки и литературы».⁵²

П. А. Сорокин более подробно, чем другие, описал пагубные последствия планов Госиздата: «...еще большее падение издательского дела и дальнейшее увеличение книжного кризиса, ибо на место уничтоженных издательств не будет создано ничего, что бы заменяло эту потерю (словесные обещания любителей «социализации» в счет не идут)»; «...дальнейшее подавление научного творчества и распространения его результатов, ибо при ликвидации частных издательств не могут быть опубликованы и те работы, которые до сих пор издавались благодаря им; рост „религиозной ортодоксии и догматизма“ (хотя бы и коммунистического) за счет науки, ибо наука без свободы мысли, критики и борьбы мнений существовать не может, а государственные монополизаторы (будьте покойны!) издавать работы, противоречащие их догме

⁴⁸ Там же. С. 55.

⁴⁹ См.: Батюто С. А. Феррапонт Иванович Седенко (Витязев) (1886–1938): штрихи к биографии известного революционера, исследователя, библиографа, библиофила и издателя // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 1 (57). С. 82–93.

⁵⁰ Батюто С. А. 1) Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // Русская литература. 1990. № 3. С. 165–167; 2) П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921). С. 29 и далее.

⁵¹ Батюто С. А. Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина. С. 165.

⁵² Там же.

и почему-либо им неугодные, не будут». В итоге, по прогнозу Сорокина, «все будет зависеть от „инквизиторов“ государства», чиновник станет «„живым носителем“, „наместником“ научности и истинности. Его мнение — законом. Научная оценка заменится решением комиссара печати. Критика — доносом. <...> „Катехизис“ Филарета, хотя бы в виде „Азбуки коммунизма“, займет место науки, вера и догма — место опыта и наблюдения, невежество — место просвещения и т. д.».⁵³

Практика современного Госиздата приближает, по мнению Сорокина, этот мрачный прогноз: «Усилилось ли издательское дело со времени национализации? Не издает ли весь аппарат Государственного издательства меньше книг, чем издавало их раньше одно частное издательство, например, Сытина? А какова научная ценность издаваемых книг? <...> Большинство изданных до сих пор научных работ принадлежит „Чичиковым от науки“». А «окончательная ликвидация частных издательств — только дальнейший шаг по тому же направлению».⁵⁴

Примечательно, что начало этого пространного эссе Сорокина практически дословно повторяется в первых строках заметки Блока:

П. А. Сорокин	А. А. Блок
«Закрытие частных книгоиздательств и окончательное огосударствление их, с моей точки зрения, будет иметь совершенно определенные последствия и для науки, и для искусства, и для всей общественной жизни». ⁵⁵	«Закрытие всех частных издательств и „объединение“ издательского дела в государственном было бы новым шагом к опрощению жизни, к уничтожению остатков культуры».

И это, как кажется, не оставляет сомнений в том, что Блок и Сорокин, а также Радлов и Павлов отвечали на один и тот же вопрос анкеты Витязева — «на вопрос о своевременности и уместности вообще уничтожения частного издательства и замене его государственным». Кстати, ответы Павлова и Радлова датированы 9 февраля, а ответ Блока (черновой) — 2 февраля,⁵⁶ что косвенно также подтверждает связь этих ответов⁵⁷ и указывает на то время, когда Витязев собирался «выступить легально в „дискуссионном порядке“». Впрочем, весьма резкий характер сохранившихся ответов вряд ли допускал возможность их публикации в советской печати.

* * *

Итак, если рассмотреть заметку Блока о частных издательствах и политике Госиздата как отдельный текст, то становится понятен и ее жанр, и ее прагматика — это ответ на анкету Витязева. Тогда и появление подписи вполне естественно: логично авторизовать свой ответ.

Однако такая трактовка заметки порождает целую серию новых загадок. Прежде всего — как анкета попала к Блоку и как ответ Блока попал (или не попал?) к Витязеву? Каких-либо сведений о контактах поэта и библиографа нам обнаружить не удалось. Однако с большой степенью уверенности можно предположить, что посредником между ними выступал Алянский, связанный с Витязевым профессиональной деятельностью, в том числе по отстаиванию интересов частных издательств.⁵⁸ Они, несомненно,

⁵³ Там же. С. 165–166.

⁵⁴ Там же. С. 166.

⁵⁵ Там же. С. 165.

⁵⁶ Ответ П. А. Сорокина не датирован.

⁵⁷ На содержательную связь опубликованного С. А. Батюто ответа И. П. Павлова на анкету Витязева с «одной из последних, предсмертных статей А. А. Блока, посвященной издательству „Алконост“, обратил внимание А. В. Блюм. Он пользовался публикацией С. С. Лесневского в «Литературной газете». См.: Блюм А. В. За кулисами «министерства правды». С. 75–76.

⁵⁸ Посредником между Блоком и Витязевым мог быть и Иванов-Разумник, печатавшийся в издательстве «Колос», дружески с Витязевым общавшийся и часто переписывающийся. Ср.:

контактировали в период написания Витязевым книги о частных издательствах, ведь в ней содержатся такие сведения о деятельности «Алконоста», которые могли быть получены только из первых рук, от самого издателя.

Витязев, например, очень подробно рассказывает о достижениях «Алконоста»: называет и общее число напечатанных книг — 28, и — чтобы опровергнуть обвинения Степанова в паразитировании на переизданиях — подчеркивает, что перепечаток было всего две. Он дает практически полный перечень выпущенных книг Блока, Андрея Белого, Вяч. И. Иванова, К. А. Эрберга, Иванова-Разумника и других авторов, показывая — в открытой полемике с Госиздатом — «подлинную цену литературного портфеля „Алконоста“»: «Из всех перечисленных изданий „Алконоста“ каждому ясно, какими тесными узами он связан с современной нам литературой. И надо иметь „слишком упрощенную“ логику, которая свойственна руководителям Госиздата, чтобы доказывать, что здесь нет „свежих литературных сил“ и что „Алконост“ не сумел „обогатить“ литературу новыми свежими произведениями» и т. д., и т. д. Впрочем, эта логика нужна Госиздату только тогда, когда идет вопрос о ненавистных ему частных издательствах. На деле же он отлично знает подлинную цену литературного портфеля „Алконоста“». ⁵⁹

Если эти сведения еще могли быть получены из «открытых источников», то информация о внутренней «кухне» издательства, о препятствиях, которые чинила власть «Алконосту», и о том, как эти препятствия преодолевались, — совершенно уникальна. Так, Витязев очень подробно информирует читателя о «тех мытарствах, которые испытал „Алконост“» ⁶⁰ в 1919 году, когда комиссар Петрогиза М. И. Лисовский «запретил этому издательству печатать целых 6 книг», и о том, каким образом (с помощью заступничества Луначарского и Горького) «удалось, наконец, снять запрет с этих книг»: «„Алконосту“ пришлось снарядить для того, чтобы продолжать свою издательскую деятельность, целую депутацию к Комиссару Народного Просвещения т. А. В. Луначарскому, куда вошли: Андрей Белый, Вячеслав Иванов и руководитель „Алконоста“ т. С. М. Алянский. Пришлось просить Максима Горького оказать свое содействие (или, вернее, «воздействие» на Лисовского)». ⁶¹

Указывает Витязев и на то, что у «Алконоста» «еще сравнительно недавно (в 1920 году) вышли трения и тормозы с выпуском книги стихов А. Блока „Седое утро“» ⁶² (иных источников, указывающих на проблемы с получением разрешения на издание «Седого утра», вообще нет). ⁶³ Пишет Витязев и про «попытки Госиздата захватить у „Алконоста“ 3-й том собрания стихотворений А. Блока, вопреки воле самого автора», ⁶⁴ т. е. про самый последний, на тот момент еще не преодоленный конфликт «Алконоста» с Ионовым.

Столь глубокие познания Витязева о тех трудностях, с которыми сталкивался «Алконост» на протяжении всего периода своего существования, могли быть получены только непосредственно от Алянского, из его рассказов и предоставленных им документов. А если Алянский в то время тесно общался и с Витязевым, и с Блоком, то именно через Алянского Блоку могла быть передана анкета Витязева о «закрытии всех частных издательств и „объединении“ издательского дела в государственном».

«В 1919–1926 гг. Витязев-Седенко стоял во главе книгоиздательства „Колос“, в котором издавались и мои книги; по этим издательским делам мне приходилось встречаться с ним часто» (*Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремные и ссылки / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2000. С. 51, см. также — С. 447, прим. 59).*

⁵⁹ Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 5.

⁶⁰ Там же. С. 20.

⁶¹ Там же. Витязев первым напечатал это письмо Горького Лисовскому (от 9 июля 1919 года) в защиту «Алконоста» (С. 20–21). По автографу из Архива Горького (ИМЛИ РАН) оно было опубликовано только в 2007 году. См.: *Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2007. Т. 13. Письма: Июнь 1919–1921. С. 15–16, 309–310 (прим.).*

⁶² Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 21.

⁶³ В поздних мемуарах Алянский о проблемах не упоминает, а только указывает на помощь К. А. Федина в получении разрешения на издание. См.: *Алянский С. М. Первая встреча // Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография / Изд. подг. И. С. Зильберштейн. М., 1966. С. 439–441.*

⁶⁴ Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 5.

Вместо послесловия

Впрочем, много вопросов, связанных с записями Блока от 2 февраля 1921 года, остается и, скорее всего, останется без ответа.

Неизвестно, в какой форме анкета Витязева поступила к Блоку: в письменной или устной (Алянский мог прочитать ее по телефону или пересказать при встрече). И неизвестно, дошел до Витязева ответ Блока на анкету или задержался у Алянского, сохранившего автографы поэта и передавшего их потом в архив Блока.⁶⁵ Самый острый нерешенный вопрос — назначение заметки Блока об издательстве «Алконост» и связь двух текстов между собой: ведь обе заметки написаны в один день и обе прошли через руки Алянского (ко второй заметке он, напомним, приписал заглавие). Можно с большой осторожностью сделать лишь некоторые предположения на этот счет.

Если считать доказанной связь заметки о закрытии частных издательств — через посредничество Алянского — с анкетой Витязева, то логично предположить также и связь заметки об издательстве «Алконост» с попытками Витязева собрать мнения общественно-значимых фигур о деструктивной политике Госиздата, притесняющего частные издательства. Ведь эту заметку Блока можно прочитать не как «декларацию издательства „Алконост“», а как мотивированное объяснение того, почему поэт А. А. Блок и его единомышленники-символисты хотят печататься под маркой «Алконоста» и не хотят — под маркой Госиздата, т. е. как ответ на упрек писателям, содержащийся в статье Степанова из журнала «Книга и революция». Подробно рассматривает это обвинение Госиздата и Витязев. И здесь обращает на себя внимание созвучность заметки Блока этому лейтмотиву брошюры Витязева «Частные издательства в Советской России».

Витязев доказывает, что «если многие писатели и авторы не шли в Госиздат, то вопрос здесь вовсе не в гонорах. Это слишком упрощенное и грубое решение данного вопроса». Для этого, по мнению Витязева, есть другая и «наиболее важная причина» — именно та, на которую указывает и Блок: «Дело в том, что каждое частное, а в особенности общественное издательство в процессе своей работы неизбежно создает вокруг себя определенное литературное наслоение, своеобразное ядро, которое состоит из ряда писателей, органически связанных с самим издательством. У таких писателей рождается особая, чисто-психологическая связь с издательством. Они смотрят на него, как на свое родное, близкое им дело. <...> Не надо еще забывать, что тот круг писателей, который постепенно отлагается около тех или иных издательств, и создает собой литературное направление, превращая эти издательства в особую литературную или культурную индивидуальность. Для писателей этого „круга“ само издательство есть как бы знамя. И не надо искать никаких объяснений, чтобы понять, почему эти писатели предпочитают печататься в своем издательстве, чем идти в Госиздат, который обезличивает собой все литературные направления, всякую писательскую индивидуальность».⁶⁶

Витязев настойчиво подчеркивает, насколько ценна для культуры «индивидуальная литературная окраска каждого издательства» и насколько велик будет ущерб культуре от закрытия частных издательств: «Прежде всего при „вливании“ этих издательств в Госиздат безнадежно погибнет *индивидуальная литературная окраска* каждого издательства. Она обезличится, растворится, рассеется среди разных Отделов и Коллегий Госиздата. Все те литературные направления и течения, которые олицетворялись тем или иным издательством, будут этим самым вычеркнуты из русской литературы. Мало того, целый ряд писателей, литераторов сознательно <...> не будет работать в Госиздате и, следовательно, они также исчезнут для русской литературы».⁶⁷

Именно эту «окраску», объединившую вокруг «Алконоста» писателей символистской ориентации, и описывает в своей заметке Блок.

Наконец, Витязев пытается найти истинную причину стремления Госиздата закрыть частные издательства: «Казалось бы, что еще нужно Государственной Власти от

⁶⁵ Не ясно, передал он автографы вдове поэта Л. Д. Блок или непосредственно в ИРЛИ РАН.

⁶⁶ Там же. С. 31–32.

⁶⁷ Там же. С. 43.

общественных издательств? И само издание, и цену на него оно утверждает. Весь тираж издания берет полностью для своих же нужд. Но оказывается, что всего этого мало для Госиздата: он все-таки хочет их национализировать. В чем же тайна такой политики Госиздата?»⁶⁸ И приходит к выводу, что причина «сводится исключительно к той марке, которая ставится на книгах, выпускаемых общественными и частными издательствами»: «Оказывается, что Госиздат не может смотреть равнодушно на те книги, где стоят, например, пометки: издание „Алконост“, „Былое“, „Колос“, „Задруга“, „Книгоиздательство писателей“, „Наука и Школа“ и т. д. И вот только ради этого „столь важного“ и „серьезного“ мотива Госиздат идет на национализацию всех издательств, на их полное уничтожение. Мы спрашиваем теперь — достойна ли, допустима ли для Государственной Власти такая постановка вопроса? Вся Советская Республика переживает сейчас небывалый книжный голод. А Госиздат только в это же самое время ради только одной марки готов „сорвать“ работу всех частных и общественных издательств и этим *уменьшить* количество книг, издающихся в Республике. Ясно, что политика Госиздата не является „государственной“, ибо для каждой разумной Государственной Власти важно получить в этот трагический момент как можно скорее книгу, а не заниматься „глубокомысленным“ вопросом — какая марка стоит на ее обложке».⁶⁹

Но ведь именно за право поставить марку «Алконоста», а не Госиздата на третьем томе стихов Блока бились в то время Алянский и Блок с руководителем Петроградского Госиздата Ионовым. Думается, что применительно к этой заметке выявленный Черновым биографический контекст совершенно верен. Однако не исключено, что к написанию и этой заметки прямо или косвенно также причастен Витязев. Его рассуждения об издательствах, ставших «знаменем» определенных литературных направлений, выглядят как обобщение взгляда ряда авторов на эту проблему, в том числе и позиции Блока, объяснившего, почему вокруг «Алконоста» «соединилась группа писателей, примыкающих к символизму». Быть может, и эта заметка была написана по просьбе Алянского для передачи Витязеву, чтобы тот мог использовать или учитывать мнение символиста Блока в общей борьбе за права частных издательств.

⁶⁸ Там же. С. 46.

⁶⁹ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-216-227

«НЕ СТАРАЙСЯ ИЗОБРАЖАТЬ САШУ ИКОНОПИСНО»: ПИСЬМО Г. П. БЛОКА К С. Н. ТУТОЛМИНОЙ (1946)

(ПУБЛИКАЦИЯ © С. А. ИПАТОВОЙ)

В архиве Пушкинского Дома хранится невыявленное ранее письмо Георгия Петровича Блока (1888–1962), прозаика, переводчика, издателя, родственника известного поэта, адресованное его двоюродной сестре Софье Николаевне Тутолминой (урожд. Качалова, в первом браке Хрущева; 1880–1967) и имеющее непосредственное отношение к их общему кузену поэту Александру Блоку, с которым оба были близки, хотя и по-разному; общались и состояли в переписке. В 1924 году появились воспоминания Г. П. Блока о брате, озаглавленные «Герои „Возмездия“».¹ В 1936 году Тутолмина опубликовала небольшие «Мои воспоминания об Александре Блоке», повествующие, главным образом, о раннем периоде общения А. Блока с родственниками отца, семьей Качаловых.²

¹ См.: Блок Г. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. № 3. С. 172–186.

² См.: Тутолмина С. Мои воспоминания об Александре Блоке // Литературный современник. 1936. № 9. С. 186–190.

Поводом обращения Г. П. Блока к Тутолминой 19 августа 1946 года стало его привлечение в качестве редактора к работе над сборником воспоминаний о поэте, спешная подготовка и выпуск которого были предприняты издательством «Художественная литература» (Москва), вероятно, к 25-летию со дня смерти А. Блока. 7 августа 1946 года памятная дата была отмечена торжественным собранием в честь поэта, прошедшим в Ленинграде, накануне вышло из печати в большой серии «Библиотеки поэта» двухтомное издание «Полного собрания стихотворений» Блока, шла подготовка блоковского тома «Литературного наследства», которому, как и книге воспоминаний о поэте, редактируемой Г. П. Блоком, не суждено было появиться на свет. Документами, почему проект не состоялся, мы не располагаем, скорее всего, причиной приостановки работы над изданиями стали знаменитые постановления ВКП(б) по так называемым идеологическим вопросам в области гуманитарных наук, призванные «оградить молодежь от тлетворных чуждых влияний». За постановлением «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (от 14 августа 1946 года) последовало организованное осуждение литературной деятельности М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой, и развернулась идеологическая репрессивная кампания, направленная на «оздоровление» в области гуманитарных наук против «безыдейности и аполитичности» в литературе и искусстве.³ Сборник воспоминаний о поэте-символисте, безусловно, не вписывался в атмосферу наступившей идеологической напряженности.

Найденное письмо Г. П. Блока к сестре, не имевшей отношения к литературе (по профессии она была музыкальным работником), — это не только частное письмо брата, но и обращение редактора к родственнице известного поэта, тесно общавшейся с ним, с предложением написать новые, более подробные воспоминания, по сравнению с вышедшими в 1936 году. Автор письма как литератор и профессиональный редактор дает своего рода инструкцию, как писать воспоминания вообще и о А. Блоке в частности. Не исключено — и это придает публикуемому письму особый интерес — что воспоминания Тутолминой, написанные ею в 1946 году в ответ на предложение Г. П. Блока и в соответствии с приложенной инструкцией, были в какой-то мере отредактированы им. Косвенным подтверждением тому служит содержащееся в письме упоминание корреспондента: «Если кое-где что-нибудь подрежу, подчищу или перескажу другими словами — не гневайся».

Новый, расширенный вариант воспоминаний, значительно отличающийся от мемуарного очерка Тутолминой 1936 года, был опубликован в 1980 году, в первой книге блоковского тома «Литературного наследства».⁴ Текст мемуаров, как сообщается здесь, был предоставлен для публикации дочерью Софьи Николаевны — Натальей Николаевной Тутолминой.⁵ Несомненно, что эти воспоминания, не имеющие датировку в публикации, были написаны в 1946 году, в ответ на просьбу Г. П. Блока — в тексте есть тому подтверждение: мемуаристка сообщает, что не стала включать письмо А. Блока к ней от 16 января 1916 года, поскольку оно «напечатано нынче в одготомнике Блока»; т. е. имелись в виду «Сочинения», вышедшие «нынче», в 1946 году, в которых действительно было помещено это письмо.⁶ Предыстория расширенной редакции воспоминаний, а также обстоятельства их написания и датировка оказались неизвестны их публикатору. Письмо Г. П. Блока к Тутолминой, безусловно, восполняет этот пробел.

³ Подробнее см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 3 т. М., 2012. Т. 1. С. 75–105. См. также рецензию В. Э. Молодякова на это издание: *Знамя*. 2013. № 8. С. 225–227. Признательна коллеге Молодякову, указавшему на эту очевидную причину приостановки издания на докладе «Неопубликованное письмо Г. П. Блока к С. Н. Тутолминой, или Как писать воспоминания о Блоке», прочитанном мной в Музее-квартире Блока (Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года).

⁴ Александр Блок в воспоминаниях С. Н. Тутолминой / Публ. М. Б. Плехановой // *Лит. наследство*. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1. С. 293–296.

⁵ Блок в переписке Блоков и Качаловых / Публ. М. Б. Плехановой // Там же. С. 278.

⁶ Речь идет об издании: *Блок А.* Соч. в одном томе. Стихотворения. Поэмы. Театр. Статьи и речи. Письма / Ред., вступ. статья и прим. Вл. Орлова. М.; Л., 1946. С. 559–560.

Что касается воспоминаний мемуаристки 1936 года, то они в том же 1980 году были републикованы В. Н. Орловым в сборнике «Александр Блок в воспоминаниях современников» с «двумя добавлениями по авторизованной копии» из собрания их публикатора.⁷ Вероятно, новая, более полная редакция воспоминаний Тутолминой, составленных ею в 1946 году, осталась за пределами научного внимания Орлова. И так, в напечатанном виде существуют три разных редакции воспоминаний Тутолминой о брате, имеющие существенные отличия по набору эпизодов, но не противоречащие друг другу по описываемым схожим фактам и сюжетам: 1936 года («Литературный современник»), 1980 года («Блок в воспоминаниях современников»; воспоминания 1936 года, дополненные двумя эпизодами), 1980 года («Литературное наследство»; написанные в 1946 году). Наиболее полным из них следует считать последний вариант, по-видимому отредактированный Г. П. Блоком.

Необходимо внести дополнительные сведения в этот перечень: в РГАЛИ хранится еще один вариант воспоминаний Тутолминой, оказавшийся неизвестным предыдущим публикаторам и озаглавленный мемуаристкой «Полвека назад».⁸ Сведениями, по какому поводу и для какого издания готовился найденный вариант, мы не располагаем. Вероятно, находка эта не имела бы особого смысла, если бы не наличие в нем обширных фрагментов текста, отсутствующих во всех трех публикациях. Выскажем осторожное предположение, что текст, озаглавленный «Полвека назад», был написан Тутолминой в 1946 году и тогда же представлен Г. П. Блоку для редактуры, т. е. мы имеем базовый, доредаторский прототекст воспоминаний, опубликованных в «Литературном наследстве».

Приведем лишь некоторые значительные фрагменты, не вошедшие в окончательный текст. Так, в повествовании о визитах А. Блока в семью бабушки Ариадны Александровны Блок зимой 1895–1896 года после слов «обедал с нами» следует продолжение: «При <его> уходе, бабушка, далеко не богатая старуха-пенсиянка, всегда давала ему десятирублевый золотой, который он очень стеснялся брать».⁹ В рассказе о встрече с отцом, после слов «Саша стал подписываться с этих пор иначе» следовало: «Мне было глубоко жаль Александра Львовича, этого одинокого человека, который оттолкнул от себя двух женщин, хотя обеих любил. Но, любя, умел только мучить. Он приезжал 2–3 раза в год в Петроград из Варшавы и тогда „ходил по женам“, как говорил сам с горькой усмешкой. Мне кажется, что дочь он любил больше, чем сына. Сын унаследовал и его замкнутость, и сдержанность, и любовь к одиночеству. Тяжело оно им обоим давалось».¹⁰ При описании посещения Тутолминой квартиры Блока на Офицерской улице в первой половине января 1916 года после слов «прежнего Саши Блока» следовало: «Меня поразило, что в его комнате не было, кажется, ни одного портрета его жены, но об его семейной и личной жизни я, разумеется, не стала его спрашивать».¹¹ И хотя в смысловом отношении эти фрагменты не столь значимы, тем не менее их следует принять во внимание при последующих републикациях воспоминаний Тутолминой.

Вернемся к письму Г. П. Блока. Оно свидетельствует, что в задуманном сборнике 1946 года предполагалось опубликовать, помимо «литературных мемуаристов», воспоминания близких родственников, а именно: двоюродных братьев по матери Кублицких,¹² родной сестры матери поэта и его первого биографа М. А. Бекетовой,¹³

⁷ См.: Тутолмина С. Н. Мои воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Вл. Орлова. М., 1980. Т. 1. С. 91–95, 500 (комм.).

⁸ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. № 96. 24 л. (автограф и авторизованная машинопись; без даты).

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Рукопись воспоминаний Феликса (Фероля) Адамовича Кублицкого-Пиотуха, озаглавленная «Саша Блок (Из воспоминаний детства и юности)», была подготовлена и представлена мемуаристом в издательство «Художественная литература» также в 1946 году. Впервые опубликовано: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 82–90, 499–500 (комм.).

¹³ Г. П. Блоку принадлежит подготовка отрывков рукописи дневника М. А. Бекетовой (выполнена, вероятно, в 1946 году), опубликованных позже в «Литературном наследстве» (см.: Из

а также самого Г. П. Блока, подготовившего новую редакцию своих мемуаров. Орлов, публикуя в 1980 году контаминацию этого варианта с ранней редакцией 1924 года,¹⁴ сопроводил текст следующим комментарием: «В 1940-х гг. Г. П. Блок написал воспоминания об А. А. Блоке заново (рукопись под заглавием «Из семейных воспоминаний» была представлена в 1946 г. в издательство «Художественная литература»). Однако сравнительно с первой редакцией, содержание их заметно обеднено. Поэтому предпочтение нами отдано тексту 1924 года, к которому присоединена общая характеристика А. А. Блока, извлеченная из второй редакции воспоминаний».¹⁵ Итак, новые воспоминания Г. П. Блока должны были войти в несостоявшийся сборник 1946 года, однако воспроизведены были лишь в контаминированном варианте в 1980 году, после смерти мемуариста.

Для полноты картины о составе планируемого сборника, о котором его редактор сообщает: «Выходит интересная книга», — следует добавить, что из «литературных мемуаристов» в него должны были войти написанные в том же 1946 году воспоминания друга Блока и его корреспондента Б. А. Садовского (1881–1852); впервые они были напечатаны лишь в 1968 году, после смерти автора.¹⁶ Мемуары П. П. Перцова «Ранний Блок», опубликованные в этом же сборнике по одноименной книге, вышедшей в 1922 году, Орлов снабдил примечанием, что около 1946 года Перцов «изложил свои воспоминания о Блоке заново в короткой заметке „Блок в синем воротнике“»;¹⁷ однако составитель нашел их малоинтересными и для публикации предпочел ранний вариант. Исходя из приведенных фактов, можно сделать вывод, что часть материалов, подготовленных в 1946 году в «Художественной литературе» при редакторском участии Г. П. Блока, была использована Орловым для двухтомника «Александр Блок в воспоминаниях современников», вышедших в том же издательстве, между тем история планируемого сборника, его состав, принципы и детали редактуры Г. П. Блока, а также комментариев, принадлежащий, вероятно, ему же, до сих пор остаются мало проясненными. О своей работе Г. П. Блок с сожалением упоминает в ответном письме (черновик) от 27 ноября 1948 года к Н. Н. Озеровой, сотруднице Архивного управления в Москве, обратившейся к нему с предложением подготовить к 70-летию юбилею поэта «сборник блоковских материалов» (включая переписку поэта с женой): «Горький опыт работы над сборником воспоминаний о Блоке заставляет меня подходить к подобного рода делам с больш<шой> осторожностью. Повторять этот <нрзб.> эксперимент я не стану».¹⁸

Вернемся к выявленному нами письму и приведем краткие биографические сведения о корреспонденте и его адресате. Георгий Петрович Блок — двоюродный брат А. Блока (по отцу: Петр Львович Блок был родным братом отца поэта Александра Львовича Блока), с которым, повторим, он встречался, состоял в переписке¹⁹ и оставил о нем обширные воспоминания. После окончания Александровского лицея (1909) и Петербургского университета (1917) Г. П. Блок поступил на службу секретарем

дневника М. А. Бекетовой / Предисловие Г. П. Блока; публ. Г. П. Блока и Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 598–634).

¹⁴ См.: Блок Г. 1. Из очерка «Герои возмездия». 2. Из очерка «Из семейных воспоминаний» // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 96–109, 501–503 (комм.).

¹⁵ Там же. С. 501. Под первой редакцией имелись в виду воспоминания Г. П. Блока 1924 года «Герои „Возмездия“».

¹⁶ См.: Звезда. 1968. № 3. С. 182–186 (в конце текста дата: «1946»). По первой публикации они были воспроизведены в издании «Александр Блок в воспоминаниях современников» (см.: Садовской Б. Встречи с Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 47–57).

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 515.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 645 (Г. П. Блок). Фонд находится в научно-технической обработке. Не исключено, что одной из причин, по которой и этот «сборник блоковских материалов» не вышел в свет, была конфликтная ситуация с В. Н. Орловым, о чем глухо упоминается в этом же письме.

¹⁹ Два письма А. Блока (от 22 ноября и 10 декабря 1920 года) Георгий Петрович включил в свои воспоминания (см.: Русский современник. 1924. № 3. С. 181, 185); см. также: Шоломова С. Б. За строчками писем — судьба (из переписки А. А. Блока с Г. П. Блоком) // Звезда. 1980. № 10. С. 178–183 (фрагменты переписки). Четыре письма Г. П. Блока (из известных пяти) к А. Блоку с небольшими сокращениями приведены в публикации С. В. Шумихина «Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921–1922)» (Наше наследие. М., 2007. № 83/84. С. 96–97).

в канцелярию департамента Правительствующего Сената, исполнял обязанности помощника редактора газеты «Сенатские ведомости». В 1920–1922 годах председательствовал в Комитете по делам типографии Академии наук. Занимал должность ученого хранителя рукописей (1921–1923) в Пушкинском Доме. С 1922 по 1934 год (с перерывами) Блок — соучредитель, пайщик и главный редактор кооперативного издательства «Время». В феврале 1925 года был арестован как «участник контрреволюционной монархической организации» (по «делу лицейстов»), приговорен к трем годам и отправлен в Соловецкий лагерь, откуда был этапирован на Северный Урал.²⁰ Вернулся в Ленинград осенью 1928 года. Новый арест последовал в марте 1935-го (чистки в связи с убийством С. М. Кирова). Из ссылки (Казахстан, Саратов) Блок вернулся вначале в Москву (1945), тогда же с него была снята судимость, а затем в Ленинград (1948).²¹ В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию «Пушкин в работе над историческими источниками». Последние годы служил в архиве Академии наук. Блок — автор книг «Рождение поэта: Повесть о молодости Фета» (Пг., 1924), «Одиночество» (Л., 1929), «Каменская управа» (Л., 1935), «Московляне» (Л., 1951).²²

Свой мемуарный очерк о знаменитом брате, озаглавленный «Герои „Возмездия“» (1924), Г. П. Блок предварил следующим признанием: «Несмотря на кровное родство (наши отцы — родные братья), ни родственной, ни другой какой-нибудь близости между нами не было. Не было собственно даже и того, что называется „знакомством“. Был только один очень длинный разговор незадолго до смерти поэта. Мне хочется тем не менее рассказать то малое, что я помню о нем, и кое-что из того многого, что знаю о семейных его корнях».²³ Осознавая немаловажность любых биографических сведений из жизни поэта, включая самые, казалось бы, незначительные детали, Г. П. Блок просит Тутолмину писать «побольше, поподробнее, не стесняясь объемом», так как «дорога каждая мелочь»: его манеры, словечки, высказывания о людях, музыке, театре, «о своих стихах»; интересна его «обстановка, мебель, обои», как «вели себя с ним его мать и отчим, как он относился к ним»; советует «восстановить как можно больше его фраз, хотя бы и незначительных». Такая скрупулезность в отношении подробностей, включая бытовые, безусловно, была мотивирована стремлением редактора через обилие фактографических деталей углубить и уточнить знания о Блоке, дать, по возможности, внутренний портрет поэта и понять его личность.

9 апреля 1921 года Г. П. Блок, отвечая Б. А. Садовскому, вероятно, на его вопрос об отношениях со знаменитым братом, писал откровенно: «Теперь Ал<ександр> Ал<ександрович>. Его я бесконечно люблю. И так спокойно люблю, зная, что от него ничего наглого, ничего грязного и ничего лживого не изойдет. Но он упорно молчит после „Двенадцати“ и хандрит. <...> / История наших с ним отношений очень странная и бедная. Мы — двоюродные братья. Я довольно близко знал и очень любил его покойного отца. Когда он весной каждый год приезжал навещать своих детей, мы подолгу и задушевно с ним говорили. С Ал<ександром> Ал<ександровичем> я познакомился, когда он был студентом I курса, и я 12–13-летним мальчиком „без права голоса“. Это знакомство продолжалось около года. Потом он исчез. Лет через 8, уже лицейстом, бегло встретился с ним в театре на спектакле Дузэ. Потом опять не видались лет 12, до нынешней зимы. Свел нас С. Ф. Ольденбург²⁴ <...>. Свидание наше

²⁰ См.: *Беленкова А. И.* Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицейстов») // Пушкинский музей: альманах. СПб., 2014. Вып. 6 / Под ред. С. М. Некрасова, Р. В. Иезуитовой. С. 185.

²¹ См.: Книга памяти (документы, хранящиеся в ГАРФ) (см.: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Bo.html#bo.5>; дата обращения: 09.09.2021).

²² См.: *Аксененко Е. М.* 1) Г. П. Блок: К истории отечественного фетоведения // А. А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения. Курск; Орел, 2000. С. 299–316; 2) Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1. С. 472–515; см. также: *Маликова М. Э.* «Время»: История ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М., 2014. С. 129–331.

²³ Русский современник. 1924. № 3. С. 172.

²⁴ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — русский востоковед, непреременный секретарь Российской Академии наук (1904–1929), академик (1903), один из лидеров партии кадетов,

произошло на квартире Ал<ександра> Ал<ександровича>, главным образом, на почве Фета. У меня от этого вечера осталось много чудесных воспоминаний, но, расставаясь дружелюбно и ласково, мы чувствовали (и высказали это друг другу), что мы очень разные. Разница, главным образом, в отношении к современности. <...> После этого вечера мы обменялись письмами, длинными, откровенными и дружественными, а на днях я снова бегло его встретил... в очереди. Вот и все».²⁵ Смерть поэта потрясла Г. П. Блока: «К жестоким несчастьям, — писал он в некрологической статье, хранящейся в архиве символиста, — прибавилось еще одно — умер Александр Блок. <...> Неужели, испив чашу стыда, полную до краев, не найдем мы в себе душевной зрелости, чтобы понять, что потеряли мы поэта русского, великого <...>. Хотелось бы, чтобы запомнили его облик покрепче с рыцарскими строгими прекрасными чертами, с серыми глазами, не знавшими сна, с неожиданно светлой мальчишески чистой улыбкой...».²⁶

Адресат Г. П. Блока — Софья Николаевна Тутолмина, двоюродная сестра поэта (по отцу), с которым была дружна, состояла в переписке и оставила о нем воспоминания. Ее отец — Николай Николаевич Качалов (1852–1909) первым браком был женат на Ольге Львовне Блок (1861–1900), родной сестре Александра Львовича Блока (1852–1909).²⁷ Кроме того, дядя поэта Петр Львович Блок (отец Георгия Петровича Блока) был женат на Александре Николаевне Качаловой, родной тетке Тутолминой. Таким образом, семьи Блоков и Качаловых были в родстве дважды.

Софья Николаевна окончила Коломенскую гимназию в Петербурге (1897), в 1903 году музыкальную школу. Во время Русско-японской войны работала сестрой милосердия в санитарном поезде на Дальний Восток, затем в Ялтинской общине Красного Креста (1908–1909). Оставшись вдовой, в 1916 году снова вышла замуж, за врача Николая Николаевича Тутолмина (1877–1943); на венчании, состоявшемся 15 января, А. Блок присутствовал в качестве шафера — эпизод, повторенный во всех имеющихся вариантах воспоминаний Тутолминой, стал поводом к окончательному разрыву со стороны поэта, о чем сообщалось в его письме от 16 января 1916 года. Жила в Порхове Псковской губ. С 1926 года в Ленинграде, затем в Алушке (с 1934-го), работала музыкальным руководителем в школах и санаториях. Во время Великой Отечественной войны была интернирована в Чехословакию, затем во Францию (Париж), вернулась

член Государственного совета (1912–1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917). Ольденбургу принадлежит проникновенная статья-некролог на смерть А. Блока (*Ольденбург С.* «Не может сердце жить покоем» // Начала. 1921. № 1. С. 9–14). Г. П. Блок вспоминал: «Осенью и зимой 1920 года я был в разгаре работы над Фетом и вместе с тем в периоде „первой любви“ к стихам Блока, которых до того не знал. Только что вышла его книжка „За гранью прошлых дней“. Там в предисловии было признание о Фете. <...> Мне настойчиво захотелось увидеться с Александром Александровичем. С. Ф. Ольденбург, давно желавший нас познакомиться, предложил передать мое письмо» (Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 99). Заглавие книжки А. Блока было заимствовано из стихотворения Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (1844). 16 ноября 1920 года Г. П. Блок сообщил поэту: «Мне бы очень хотелось поговорить с Вами о Фете», с «большим увлечением я работаю сейчас над его биографией. Это работа начинающего — робкая и медленная. В Ваших суждениях, мне кажется, я могу найти помощь очень для меня важную» (Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому. С. 97). А. Блок ответил 20 ноября: «Рад буду увидеться с Вами и поговорить о Фете. Да, он очень дорог мне...» (см.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. Письма 1898–1921. С. 453–454). Встреча братьев состоялась 3 декабря 1920 года.

²⁵ См.: Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому. С. 95–96. См. также: Шоломова С. Б. За строчками писем — судьба (из переписки А. А. Блока с Г. П. Блоком). С. 179–180.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 181–182.

²⁷ См. о нем: Березарк И. Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С. 188–191; Сарычев В. А. «...Помню его кровно» (А. Л. Блок в жизни и творческой судьбе А. А. Блока) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2018. Т. 23. № 1. С. 7–28; Краковский К. П. Воспоминания Е. А. Боброва о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета Александре Львовиче Блоке // Вестник юридического факультета Южного федерального ун-та. 2020. Т. 7. № 3. С. 101–112.

на родину в 1945 году.²⁸ Последние годы жизни провела в Ленинграде (вместе с женой брата — известной актрисой Е. И. Тиме-Качаловой)²⁹ и в Комарове, где и была похоронена. Оставила воспоминания о брате и отце, в 2010 году опубликованные ее внуком.³⁰

Из многочисленной семьи Качаловых А. Блок был особенно дружен со своими кузинами, близкими ему по возрасту — Софьей, ее сестрой Ольгой (1878–1940) и братом Николаем (Никс; 1883–1961). Позже Тутолмина вспоминала: «Мы родились в один год. Должно быть, именно потому он был ближе со мной, чем с моей старшей сестрой Ольгой. / Нас связывала еще проявившаяся у обоих с ранних лет любовь к стихам».³¹ Наиболее интенсивным в общении А. Блока с сестрами был период 1898–1902 годов. 18 октября 1898 года поэт писал отцу, по настоянию которого поддерживал эти отношения: «Теперь я довольно часто бываю у Качаловых (по субботам), где все со мной очень мило и любезно. Близко познакомился с кузинами и постоянно провожу с ними время».³² Вскоре общение сошло на нет. Об этом расставании упомянул в своих воспоминаниях Г. П. Блок: «Близость его с семьей Качаловых продолжалась очень недолго — кажется, около года. Он исчез так же внезапно, как появился. Он написал им письмо о причинах своего „ухода“. Я этого письма не читал. Мне передавали, что в нем он говорил о вступлении на новое поприще, требующее разрушения старой житейской рамы. Помнится, это сошло со временем его женитьбы».³³ Это «прощальное» письмо Блока к Качаловым от лета 1903 года неизвестно (венчание состоялось 17 августа); не исключено, что память подвела Георгия Петровича — имелось в виду последнее письмо поэта к сестре от 16 января 1916 года, в котором излагались причины «ухода», т. е. расставания с родственниками.

После случайной встречи в театре в конце 1915 года общение Блока с Тутолминой ненадолго возобновилось: 10 января 1916 года она написала поэту с просьбой о встрече,³⁴ которая состоялась в первой половине января в квартире на Офицерской, и просила кузена быть свидетелем на ее венчании; эта встреча подробно описана в ее воспоминаниях.³⁵ Вскоре, однако, последовал окончательный разрыв, вероятным поводом к которому стало участие Блока в качестве шафера в венчании, состоявшемся 15 января 1916 года. После церемонии в церкви он наотрез отказался от свадебного ужина. Вечером новобрачные заехали на Офицерскую и передали поэту букет и записку: «Шлем привет и цветы / Не забудь нас и ты. / Светлый миг разыщи, / И любви, и любви!»³⁶

На следующий день Тутолмина получила последнее письмо Блока: «Спасибо <...> всем вам за доброе ко мне чувство. / Сегодня меня мучает мысль, что я сделал Вам неприятное своим вчерашним отказом <...>. / Жизнь моя, по тысяче причин, так сложилась, что мне очень трудно быть с людьми, за исключением немногих», «я не чувствую связей родственных»; «дело мое, которое я делаю», требует, «чтобы я был именно таким, а не другим. / Вот ты говоришь „брат“, а я не умею ответить тебе так же горячо и искренно, потому что не чувствую этого слова», я «не понимаю, как ты, например, можешь говорить, что все хорошо, когда наша родина, может быть, на краю гибели», когда «нет общества, государства, семьи, личности, где было бы хоть сравнительно благополучно». Всего «этого ужаса не исправить отдельным людям, как бы хороши они ни были».³⁷ Более они не встречались. В этом же году, оказавшись шафером на

²⁸ См.: Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/t-267/tutolmina->; дата обращения: 09.09.2021.

²⁹ Об этом факте Тутолмина сообщает В. Н. Орлову в 1955 году (см.: РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. № 273).

³⁰ См.: Тутолмина С. Н. Отец и сын Качаловы / Вступление, публ. и комм. Н. В. Тутолмина // Наше наследие. 2010. № 96. С. 37–44.

³¹ Александр Блок в воспоминаниях С. Н. Тутолминой. С. 293.

³² Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 7–8. См. также: *Лесневский Ст.* «Бываю у Качаловых...» // Наше наследие. 2010. № 96. С. 36.

³³ См.: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 98.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 434. Л. 1.

³⁵ Александр Блок в воспоминаниях С. Н. Тутолминой. С. 293.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 434. Л. 2.

³⁷ См.: Блок А. Собр. соч. Т. 8. С. 453–454; впервые: Тутолмина С. Мои воспоминания об Александре Блоке // Литературный современник. 1936. № 9. С. 189.

венчании своего ближайшего друга Е. П. Иванова, Блок отметил в записной книжке 23 мая 1916 года: «Я обвенчал Женю на том же месте, в той же церкви, где венчал С. Н. Тутолмину. Эта свадьба была простая, благообразная и при солнечном свете — в противоположность той. Я менял кольца и держал венец над Женей».³⁸

История этого родственного общения имела продолжение. В марте 1917 года под впечатлением от событий Февральской революции Тутолмина обратилась к Блоку с восторженным письмом: «Дорогой брат Саша, / Ты видишь, пришло светлое время. <...> Наверно, Ты еще ослеплен ярким светом, как человек, привыкший долго сидеть в темной комнате и мужественно решившийся заставить себя примириться (хотя бы внешне) с этой темнотой. <...> Скажи еще, веришь ли Ты, что теперь ясно, что будущее всего мира в руках России? / <...> Я прочитала, что А. К. Глазунов будет писать новый русский гимн, а Тебе поручено составить текст».³⁹ Не сочти за дерзость то, на что я решилась не как поэтесса, а как рядовая русская женщина, горящая желанием поделиться со всеми тем, что поет в ее душе. / Я написала свой текст и посылаю его Тебе (одновременно посылаю и А. К. Глазунову). Мне кажется, теперь все должны сказать свое слово, — недаром мы свободные граждане. <...> / От тебя жду гимна, составленного из одних „золотых“ слов».⁴⁰ В качестве образца восторженного настроения, царящего в обществе, приведем первый куплет «Гимна России», сочиненного Тутолминой:

Россия — мощная орлица,
Россия — гордость всех славян!
Взошла заветная денница,
Воспрянул русский великан!⁴¹

Ответ Блока на это послание неизвестен.

В фонде поэта в РГАЛИ хранится стихотворение Тутолминой «Памяти Александра Блока» с датой: «Август 1955 г.». Приведем его с некоторыми купюрами:

Тебе пишу я, Александр Блок!
Мы связаны с тобой единой кровью,
Но жало мудрое змеи
В уста твои, а не мои, вложил пророк.
Одной любовью
Любили мы страну свою,
Но уголь, любовью раскаленный,
В твоей груди не охлажденный,
До самой смерти ты носил,
Пока тебя он не спалил.
И стих, рожденный в том огне,
Бессмертье подарил тебе! <...>
Мой милый брат! Наш Александр Блок!
Когда б до наших дней дожить ты мог,
Твои б стихи не тоном гнева и печали,
А радостью победы мира зазвучали!⁴²

³⁸ Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965. С. 301.

³⁹ В качестве гимна в первые месяцы после Февральской революции использовалась «Рабочая Марсельеза», музыка к которой была обработана Глазуновым с французской «Марсельезы», на слова П. Л. Лаврова («Отречемся от старого мира...»; 1875). Сведениями об официальном обращении к Блоку составить текст гимна России мы не располагаем.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 434. Л. 3–5.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. № 98; вариант стихотворения с незначительными расхождениями см. также: Ф. 2833 (В. Н. Орлов). Оп. 1. № 273. Л. 2–2 об.

Письмо Г. П. Блока к С. Н. Тутолминой печатается по автографу (ИРЛИ. Ф. 645 (Г. П. Блок). Фонд находится в научно-технической обработке) в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей индивидуального авторского стиля, сохраненных в публикации без изменений (к примеру, обращение «Ты» с заглавной буквы и др.).

19.VIII.1946.

Дорогая Соничка,

Очень Ты удивишься, увидав мою подпись. Кажется, мы никогда с Тобой не переписывались, а когда виделись в последний раз, — даже не вспомню. Вероятно, лет 30 назад.

У меня к тебе литературное предложение. Я сейчас редактирую сборник новых воспоминаний об Александре Блоке.¹ Выходит интересная книга. Помимо литературных мемуаристов, там приняли участие и его двоюродные братья по матери² Кублицкие (воспоминания детства, в деревне),³ и Мура (студенческие ее воспоминания об его публичных выступлениях),⁴ и я.⁵ Я попытался восстановить в памяти его самый ранний, студенческий облик, но, несмотря на хорошую память, мне было трудно это сделать, потому что я тогда был еще очень маленький (10–12 лет), и он, 18–20-тилетний, не устаивал меня, конечно, разговорами.

Другое дело — Ты. Вы были с ним почти однолетки. Еще недавно Никс⁶ мне говорил, что дружнее всех были именно вы с Сашей, что ради Тебя ездил он одно время так часто на Ново-Исаакиевскую.⁷ Так вот Ты и напиши обо всем этом.

Я знаю, что под твоим именем уже появлялось все это в печати, в «Литературном Современнике» 1936 г.,⁸ но, во-первых, то было очень кратко и носило характер комментария к письму, а, во-вторых, по словам Олечки Твоей,⁹ писала это не ты сама, а какой-то корреспондент, что ли. Одним словом, это не должно тебя смущать.

Не знаю, в каком состоянии твоя память. Если она еще свежа, то Ты *обязана* это написать. Пиши побольше, поподробнее, не стесняйся объемом. Дорога каждая мелочь. Припомни все его манеры, ухватки, гримаски, словечки. Расскажи, о чем главным образом Вы разговаривали, как он высказывался о людях домашнего обихода и внешних, об актерах (Далматов,¹⁰ Яворская¹¹), об Ив. Ив. Лапшине,¹² о музыке, о театре, что говорил о своих стихах. Опиши его костюм. М<ожет> б<ыть>, Ты бывала и у него. Опиши и это, какая там была обстановка, мебель, обои и т. д., как вели себя с ним его мать и отчим, как он относился к ним и к дяде Саше. М<ожет> б<ыть>, Тебе случалось быть свидетельницей его встреч с отцом — это особенно интересно. Вероятно, Ты знаешь об его отношениях с румяным студентом Гуном, который потом покончил с собой.¹³ И Гуна опиши. М<ожет> б<ыть>, Саша, если не говорил, то намекал на свою юношескую любовь к Ксении Михайловне Садовской, красивой голубоглазой даме, которая вскружила ему голову в 1897 г. в Бад-Наугейме.¹⁴ Это сверхинтересно. М<ожет> б<ыть>, Ты помнишь его еще и гимназистом — об этой поре никто еще не писал. Я помню, что отношения с вами он порвал тогда как-то торжественно и принципиально, написал вам какое-то мотивированное письмо.¹⁵ Кажется, это было в связи с его злополучной помолвкой. Постарайся припомнить содержание этого письма. Вероятно, он что-нибудь говорил вам о своей будущей жене. Я вспоминаю ваши тогдашние рассказы об его театральных выступлениях. И тут всё дай, что можешь. Необходимо, наконец, подробно рассказать, как он шаферствовал у тебя на свадьбе, как вел себя в церкви и потом на пиру, как был одет и проч.

Не смущайся, что Ты не писательница. Блоковская культура вывезет. Советы мои сводятся только вот к чему. Нагромождать как можно больше конкретных подробностей: — все они важны, как бы мелки ни были (если вспомнишь, какие у него были запонки, или ботинки, или портсигар — и это опиши). Постарайся восстановить как можно больше его фраз, хотя бы и незначащих. Ты, как музыкантша, понимаешь: —

интересно воссоздать, так сказать, тембр его голоса и его интонации, в широком смысле слова. Избегай общих оценок: «красивый», «умный», «добрый». Если Ты считала его умным, то не заявляй об этом голословно, а докажи на каком-нибудь примере. Не очень увлекайся живописанием фона, картинами тогдашнего быта — дай их, но коротенько. Не старайся изображать Сашу иконописно — одни положительные стороны, дай и отрицательные: он от этого только выиграет.

Предвижу, что труднее всего будет даваться Тебе первая фраза. Не задерживайся на ней. Пиши какую попало, а когда всё напишешь, изменишь ее, если понадобится. Лучше обойтись без всяких общих вступл<ени>й, а начать просто так: «Моего двоюродного брата Сашу Блока я увидела в первый раз тогда-то, там-то, при таких-то обстоятельствах».

Ты, наверное, встречалась с Люб<овью> Дм<итриевной>.¹⁶ Охарактеризуй ее и опиши подробно.

Ну вот, кажется, всё.

Эта работа платная. Платят хорошо и скоро. Я за этим сам прослежу, и Тебя не обидят. Расчет примерно такой: за каждую страницу на пишущей машинке, иначе говоря, за 30 строк по 60 букв в строке — около 150 руб. Это деньги.

О переписке на машинке не заботься. Пришли мне опрятную, разборчивую рукопись, а мы тут перестукаем на машинке. Редактировать Твое писание буду только я, т<ак> ч<то> бояться Тебе нечего. Если кое-где что-нибудь подрежу, подчищу или перескажу другими словами — не гневайся.

А самое главное — пришли это как можно скорее. Не раскачивайся — написать это можно в 4–5 дней. Жесткие сроки (знаю по опыту) не мешают, а помогают. Желательно получить это не позже 15–20 сентября.

Шли по моему адресу: — Москва 17, Лаврушинский переулок, д. № 17/19, кв. 40. Мне.

Неприменно заказным. О получении этого письма и о Твоем решении, пожалуйста, напиши мне сразу же два-три слова.

Пишу тебе обо всем этом с легким сердцем, потому что уверен, что эта работа доставит Тебе хорошие минуты здорового душевного напряжения.

Крепко целую и обнимаю Тебя, дорогая Соничка. Очень хотел бы свидеться с Тобой и перебрать общие семейные воспоминания, которых так много и которые так мне дороги.

Твой Г. Блок.¹⁷

Чем длиннее у тебя выйдет, тем лучше.

Адреса на конверте: «Заказное / Крым. Алупка. / Почта / Софье Николаевне Тутолминой. / До востребования. / Москва 17. / Лаврушинский переулок, 17/19, кв. 40. / Г. П. Блок». Почтовые штемпели: «Москва, 20.8.<19>46»; на обороте — «Алупка Крым, 24.8.<19>46».

¹ До 1946 года сборники воспоминаний о поэте выходили дважды: А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах / Сост. Н. С. Ашукин. М., 1924; Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам / Сост. О. Немеровская и Ц. Вольпе. Л., 1930. Попутно отметим, что последнее издание, изъятное Главлитом в спецхран по причине изрядного набора эмигрантских имен, едва ли было доступно широкому читателю.

² Бекетова Александра Андреевна (в первом браке — Блок, во втором — Кублицкая-Пиоттух; 1860–1923) — дочь ректора Санкт-Петербургского университета А. Н. Бекетова, мать поэта.

³ С братьями Кублицкими-Пиоттух Феликсом (Феролем) и глухонемым Андреем А. Блок общался в детские и отроческие годы, их последняя встреча состоялась в мае 1921 года. Здесь имеются в виду воспоминания Феликса Адамовича Кублицкого-Пиоттуха (1884–1970), двоюродного брата А. Блока, сына тетки поэта по матери Софьи Андреевны (урожд. Бекетовой) и А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха, озаглавленные «Саша Блок (Из воспоминаний детства и юности)». См. прим. 12 к вступ. статье.

⁴ Речь идет о Марии Андреевне Бекетовой (Мура; 1862–1938), тетке поэта, родной сестре его матери, писательнице и переводчице, первом биографе А. Блока. Ее перу принадлежат две книги, написанные по материалам семейного архива и личным воспоминаниям: *Бекетова М. А.* 1) Александр Блок. Биографический очерк. Пб., 1922 (2-е изд. — Л., 1930); 2) Александр Блок

и его мать. М., 1925; а также очерк «Веселость и юмор Блока» в сборнике «О Блоке» (М., 1929). Под редакцией М. А. Бекетовой и с ее примечаниями были изданы «Письма Александра Блока к родным» (В 2 т. М.; Л., 1927–1932).

⁵ Подробнее о публикации воспоминаний Г. П. Блока об А. Блоке см. во вступ. статье.

⁶ Качалов Николай Николаевич (Никс; 1883–1961) — родной брат С. Н. Тутолминой, впоследствии выдающийся ученый, член-корреспондент АН СССР. Блок называл его Никсом. Николай Качалов окончил рудничное отделение Горного института. С 1916 года технический руководитель Петроградского фарфорового завода (завод им. М. В. Ломоносова), затем завода оптического сырья (Лензос), профессор и заведующий кафедрой стекла в Технологическом институте; лауреат Государственной премии СССР (1947). Именем Качалова названа одна из улиц Петербурга.

⁷ Отец Софьи Тутолминой Николай Николаевич Качалов с 1895 года был назначен директором Электротехнического института и до 1902 года занимал казенную квартиру в здании института на Новоисаакиевской ул., д. 18 (ныне ул. Якубовича). В 1902 году Электротехнический институт переехал на Аптекарский остров.

⁸ Вместо зачеркнутого: «Архиве Современника».

⁹ Вероятно, имелась в виду дочь Тутолминой от второго брака Ольга Николаевна Тутолмина (1916–1994).

¹⁰ Далматов Василий Пантелеймонович (наст. фам. Лучич; 1852–1912) — русский актер (по национальности серб), режиссер, антрепренер, драматург, прозаик; директор Театральной школы А. С. Суворина. Прославился как актер Александринского театра, в котором служил в 1884–1894 годах и с 1901 года до конца жизни. Г. П. Блок вспоминал о поэте: «Он только что поступил в университет и увлекался сценой. Всем было известно, что будущность его твердо решена — он будет актером. И держать себя он старался по-актерски. Его кумиром был Далматов, игравший в то время в Суворинском театре Лира и Ивана Грозного. Александр Александрович причислялся как Далматов (плоско на темени и пышно на висках), говорил далматовским голосом (сквозь зубы педил глуховатым баском)» (*Блок Г. Из очерка «Герои „Возмездия“*. С. 97).

¹¹ Яворская Лидия Борисовна (урожд. Гюббенет, по мужу кн. Барятинская; 1871–1921) — драматическая актриса.

¹² Лапшин Иван Иванович (1870–1952) — русский философ, публицист, переводчик, педагог, профессор философии в Петербургском университете и на Высших Женских курсах, друг семьи Блоков; состоял в дружеских отношениях с Вл. С. Соловьевым. В 1922 году был выслан из советской России на «философском пароходе». Жил и умер в Чехии.

¹³ Гун Николай (Кока) Васильевич (1878–1902) — гимназический друг А. Блока, в 1902 году покончил с собой «вследствие безнадежной любви» к матери ученика. Поэт откликнулся на его смерть стихотворением «На могиле друга» (см.: Александр Блок во Введенской гимназии / Сообщение К. А. Кумпан и А. М. Конечного // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 608, 616). Тутолмина вспоминала: «Однажды Ал. Блок привел к нам своего товарища, Николая Васильевича Гуна, тоже студента университета, который с тех пор тоже часто стал бывать у нас. Он всегда казался мне загадочным: то веселый, то задумчивый, с ярким румянцем и с болезненно худым лицом. Он, кажется, увлекся моей старшей сестрой, а потом, в самом непродолжительное время, застрелился. От него у нас сохранились записки в наших с сестрой альбомах» (Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 92–93). Двоюродный брат поэта по матери Феликс Кублицкий-Пиоттух, вспоминая о нелюдимости Блока гимназического периода и его случайных друзьях, писал: «Н. В. Гун едва ли мог быть действительно близок Блоку, так как по всем своим привычкам и вкусам был далек от духа и интересов, господствовавших в бекетовской семье» (Там же. С. 82).

¹⁴ В мае 1897 года в немецком курортном городе Бад-Наугейм А. Блок познакомился с Ксенией Михайловной Садовской (1859–1925), с которой встречался вплоть до конца 1899 года. Эта связь оставила глубокий след в творчестве поэта: ряд стихотворений 1897–1900 годов и 1903 года обращены к ней; с воспоминанием о Садовской связан цикл «Через двенадцать лет» (1909–1910), а также отдельные стихи: «Посещение» (1910), «Я вижу блеск, забытый мной...» (1913). Известны двенадцать писем А. Блока к Садовской.

¹⁵ Вероятно, речь идет о письме поэта к Тутолминой от 16 января 1916 года (подробнее см. во вступ. статье).

¹⁶ В 1903 году А. Блок женился на Любови Дмитриевне Менделеевой (1881–1939), актрисе, историке балета, дочери выдающегося ученого-химика Д. И. Менделеева; автор книги мемуаров о муже «И был, и небылицы о Блоке и о себе». Однако союз не был счастливым.

¹⁷ На последнем листе письма красным карандашом приписка Тутолминой бытового содержания, адресованная дочери Наталье (1918–1985) и не имеющая отношения ни к поэту, ни к автору публикуемого письма. После смерти Г. П. Блока (1962) Тутолмина вернула его вдове, Елене Эрастовне Блок (урожд. Штерцер; 1896–1990), сопроводив следующей запиской:

«Четверг.

Дорогая Елена Эрастовна,

Посылаю вам письмо, о котором я говорила во вторник. Я знаю, что строки, написанные дорогой рукой, всегда радостно читать, если даже они адресованы не вам.

Жаль, что там моя запись красным карандашом, но это было очень трудное время для нас с Наташей: жизнь еще была не устроена после возвращения из далеких краев и под рукой не было бумаги. В том же году мы уехали в Ср<еднюю> Азию и по дороге в Москве встретились с Жоржем (Г. П. Блоком. — С. И.) на квартире моей дочки Оли. Целую крепко. Ваша С. Т<уголмина>».

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-227-237

ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ. «ЭТО Я ПОДГОТОВИЛ ОТВЕТЫ...»

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Т. С. ЦАРЬКОВОЙ)

С 2018 года в Рукописном отделе Пушкинского Дома формируется личный фонд (№ 949) поэта второй волны русской эмиграции Дмитрия Иосифовича Кленовского.¹

Из последнего поступления 2020 года обращает на себя внимание его рукопись на 14 линованных листах формата А4. Из них заполнены убористым почерком полностью 6 (1-й с оборотом), частично — 6, два листа чистых, без текста. Листы 1–2 явно переписаны с предыдущего варианта и, судя по неровному краю, вырваны из большого переплета типа амбарной книги, листы 3–14 соединены обыкновенными тетрадными металлическими скрепками. Рукопись не датирована, вместо заглавия на верхнем поле — позднейшая приписка-пояснение: «Это я подготовил ответы на возможные вопросы Иваска (он предупредил, что хочет записать мое сообщение о своем «творческом пути»)». Она позволяет датировать рукопись концом июля — началом августа 1960 года. Именно тогда, как следует из опубликованных писем Кленовского к В. Ф. Маркову и архиепископу Иоанну Шаховскому, он ждал у себя, в Траунштейнском старческом доме, приезда из США Юрия Павловича Иваска. В письме от 5 июля 1960 года Кленовский сообщал Шаховскому: «Возвестил о своем приезде ко мне Иваск. Он хочет записать на магнитофон для Канзасского Университета чтение мною моих стихов и мое повествование о моем „творческом пути“». Пытался уклониться, но тщетно...»² В следующем письме от 4 августа тому же получателю Кленовский снова упоминал Иваска: «У нас сейчас пора посещений. После Глеба Струве были у нас Ржевский с женой (поэтессой Аглаей Шишковой), а в ближайшие дни приезжает Иваск с женой и Чинновым».³ И о том же говорится в письмах к В. Ф. Маркову. От 9 июня: «Жду к себе летом многих посетителей: Берберову, Глеба Струве, Ржевского с женой (из тех, кого вы знаете) и др. Только что известил о своем приезде в июле Иваск (с магнитофоном для записи моих стихов и рассказов о моем творчестве)», от 18 июля: «Иваск еще у меня не был. Я сперва вообще отказался от магнитофонного „интервью“, ибо никакими воспоминаниями об акмеистах не располагаю (а ведь именно собрание таких-то цель его поездки),⁴ к тому же из-за болезни ноги <...> поехать для этого в Мюнхен

¹ Обзор материалов, принятых в 2018–2019 годах, см.: *Царькова Т. С.* Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Дмитрия Кленовского) // *Русская литература.* 2020. № 4. С. 274–277.

² *Странник (Иоанн Шаховской, архиеп.)*. Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 103.

³ Там же. С. 105.

⁴ Ю. Иваск планировал поездку в Европу с целью записать на магнитофон воспоминания писателей первой волны эмиграции об акмеизме; подробнее см.: Проект «Акмеизм» / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова // *Новое литературное обозрение.* 2002. № 6. С. 140–143.

мне затруднительно. Но Иваск ответил, что он всё же приедет ко мне и запишет чтение мною стихов и повествование о моем, как он выразился, творческом пути». И наконец в письме от 29 августа: «Иваск до меня еще не добрался, обещает после 5 сент<ября>. Но магнитофон его сломался, т<ак> ч<то> „увекочить для потомства“ меня нечем. Предлагает подвергнуться этой операции в Америк<анском> комитете в Мюнхене. Но мне съездить туда накладно, да и всей этой затее я не придаю значения».⁵ Говорил, что значения не придает, но к интервью готовился. Доехал ли Иваск до Кленовского, записал ли его рассказы — из опубликованного эпистолярия поэта неясно. В письмах к Маркову последующего 1961 года имя Иваска возникает лишь дважды и оба раза в ироническом контексте, когда речь идет о *заказных* рецензиях: «А там гляди и Иваск подоспеет»;⁶ «Ну а насчет организации хвалебных откликов от Чиннова не отставала Одоевцева. В „Рус<ской> м<ысли>“ была ведь даже вторичная подвальная рецензия (Иваск). Как вам понравилась „лимонадная“ ее концовка? Думаю, что Иваск сослужил ей Одоевцевой плохую службу! Хотя и „вкусным“, но все же быть лимонадом в литературном баре не очень-то лестно. Перед страшным судом тем более. Тут бы водицы живой испить!»⁷

В опубликованной выборочно переписке с Шаховским Иваск упомянут Кленовским только однажды, много лет спустя, и то в цитате из письма третьего лица, чье имя не названо.⁸ Кленовский был обидчив, что отмечали современники.⁹

Утверждать — состоялось это интервью или нет — в настоящее время сложно, эпистолярный Кленовского опубликован в малой его части, а огромный массив пришедших к нему писем и творческих рукописей после смерти поэта поступил в собрание Р. Герра.¹⁰

В жанрово-содержательном аспекте публикуемый документ двучастен. Первая часть (л. 1–7) мемуарно-автобиографическая. В ней описываются и оцениваются жизненные события до середины 1940-х годов. И в этом отношении она сопоставима с автобиографией, написанной Кленовским по просьбе друга, «поэта-акростишиста» (автора более 600 акростихов) Геннадия Панина, и для него.¹¹ Авторская датировка: 12 мая 1946 года, место написания — Зурберг-Берн. Следующим и на долгие годы — 1954–1976 — последним для поэта и его жены пристанищем станет старческий дом в Траунштейне.

Через четырнадцать лет, в 1960 году, снова вспоминая жизнь в России, Европе и начало своего эмигрантского периода, Кленовский дословно не повторяет изложенного ранее. Конечно, факты биографии неизменны: родители, обучение в Царскоесель-

⁵ «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Диаспора. Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 672, 674, 679.

⁶ Там же. С. 685 (о рецензиях на книгу: *Чиннов И.* Линии. Вторая книга стихов. Париж: Рифма, 1960).

⁷ Там же. С. 687 (о рецензиях на книгу: *Одоевцева И.* Десять лет. Стихи. Париж: Рифма, 1961).

⁸ *Странник (Иоанн Шаховской, архиеп.)*. Переписка с Кленовским. С. 234.

⁹ См., например, письмо Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову от 22 сентября 1956 года: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда». Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953–1966) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. № 24. С. 296. Выразительно и замечание В. Ф. Маркова в письме к Г. П. Струве от 3 апреля 1959 года. Оценивая новую книгу Кленовского «Прикосновение» (1959), он писал: «Стилистически он очень уж музеев (насколько современнее принципиальный консерватор Ходасевич!), а главное, в его мировоззрении я чувствую тонкую успокоенность, такую уверенность, что он обрел истину, что мне сразу делается душно. Вот эти 2 вещи меня и холодят. Ему я этого не скажу: он обидчив, а поэтов нельзя обижать, им и так трудно» (цит. по: *Кленовский Д. И.* Полн. собр. стихотворений / Под ред. О. А. Коростелева. М., 2011. С. 619).

¹⁰ Укажем также, что в «списке тех людей, интервью с которыми Иваск записал на магнитофон», имени Кленовского не названо (Проект «Акмеизм». С. 142), однако в цитируемом выше письме Кленовского от 29 августа упоминается, что «магнитофон его (Иваска. — Т. Ц.) сломался».

¹¹ Оpubл.: *Кленовский Д.* Автобиография // Современник (Торонто). 1978. № 37/38. С. 188–195.

ской Николаевской гимназии, длительное пребывание за границей, любимые французские поэты, которых в молодости он знал и любил больше русских, выход первой и единственной в России поэтической книги «Палитра», долговременное вынужденное творческое молчание и др. Но взгляд на прожитое и интонация изложенного все-таки иные. В автобиографической части публикуемого документа встречается меньше русских собственных имен, память именно об этих людях отошла, интонация становится спокойной, не публицистичной. Приведем последний абзац из «Автобиографии» 1946 года: «Отношение к России у меня, как и у многих, двойственное. Я впитал в себя лучшие соки русского искусства, жил им и живу сейчас, считая его прекраснейшим в мире. Мне дорога тоже, как никакая другая в мире, подлинная русская душа. Но не та, что в исковерканном и искаленном большевизмом виде кривляется и кощунствует сейчас во всех смыслах этого слова на просторах СССР. Преклоняться перед любой мерзостью или прощать ее только потому, что она русская — я не хочу. Русский народ не безвиновен в своем падении, точно так же, как и всякий другой. Я слишком близко общался с русскими все эти годы, чтобы слова эти не были результатом выстраданного и пережитого. Бог видит, как тяжело и больно мне придти к такому выводу. Последняя, смутная надежда, что воскресение России возможно. Да хотя бы горсти уцелевших или не окончательно еще погибших русских людей то, что питает тончайшие, незримые артерии этого воскресения — в этом я вижу сейчас задачу русского поэта, а значит, и свою задачу. Я пишу для завтрашней России, для России, которой еще нет, ибо дорог и нужен могу я быть только стране и народу, принимающим мир, жизнь, человека, Бога так, как принимаю их я. Но вместе с тем я же своим творчеством готовлю, строю эту будущую Россию. В этом и трагедия и счастье моего творчества, его сегодняшняя ненужность и ценность».¹²

Если сравнивать этот фрагмент с заключением собственно биографической части представляемого интервью, то для второго текста скорее возникает ассоциация с последними строками позднее написанного также в зарубежье стихотворения И. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» (1980):

Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.¹³

Интервью Кленовского публикуется по автографу (ИРЛИ. Ф. 949 (фонд находится в научно-технической обработке)). Орфография и пунктуация приведены к современной норме.

* * *

Это я подготовил ответы на возможные вопросы Иваска (он предупредил, что хочет записать мое сообщение о своем «творческом пути»).

Рассказать о своем творческом пути — не так просто. Ведь шел ты этим путем, не обдумывая и не запоминая направления, смотря больше на облака или на звезды, а не под ноги. Змеился твой путь тропинками, терялся в чащах или на выжженных пустырях, и как его теперь самому назвать, определить? Лучше всего, вероятно, он виден со стороны. Самому можно лишь кое-что вспомнить, проследить, не придавая ничему четких очертаний, не делая выводов — их, если это покажется нужным, пусть сделают другие.

Я родился в 1893 г.¹ в Петербурге в семье известного в свое время художника-пейзажиста Иосифа Крачковского (Кленовский — мой литературный псевдоним)

¹² Там же. С. 195.

¹³ Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: [В 2 т.] / Вступ. статья, сост. и прим. Л. В. Лосева. СПб., 2011. Т. 2. С. 104 (Библиотека поэта. Большая сер.).

и сызмальства, [как говорится, приобщился <к>] сжился, так сказать <с> искусством в разнообразнейших его проявлениях. Вспоминая свои ребяческие годы, я вижу себя в каком-то постоянном общении с поэзией. Печатными каракулями я записывал свои стихи. Я был издателем, редактором и единственным сотрудником бесчисленных самодельных журналов. Они выходили чуть ли не ежедневно и были заполнены самым разнообразным материалом — от романа с продолжением до ребусов и смеси включительно, но, главным образом, конечно, стихами. Сперва зачитывался сказками Андерсена, самыми поэтическими из всех сказок, затем Жуковским, Пушкиным. К ним еще до гимназии прибавились Лермонтов, Ал. Толстой, Фет, Полонский, и затем подошла встреча с современной поэзией. Этой встрече [помогли два обстоятельства] помогло то, что я учился в царскосельской гимназии. Правда, я был на 6 классов младше Гумилева и только на два года, и притом в младших классах, застал директорство Иннокентия Анненского, и потому ни с тем ни с другим у меня не было личного общения, но некое свежее поэтическое дыхание, витавшее над царскосельской гимназией и над всем городом муз вообще, коснулось и меня. В гимназии издавались литературные журналы, устраивались литературные вечера — и в тех и в других участвовали ученики старших классов, среди которых были талантливые молодые поэты, они декламировали стихи, притом обязательно стихи Анненского.² Это было, конечно, еще очень поверхностное знакомство с современной поэзией, и лишь постепенно в младших классах гимназии, а затем в университете оно углубилось и расширилось, но об этом позже. Сперва упомяну еще об одном обстоятельстве, сыгравшем роль в моем поэтическом образовании. Я имею в виду мое глубокое знакомство с французской поэзией. Мой отец часто уезжал на этюды во Францию, и нередко мы следовали за ним всей семьей. В этих случаях я не посещал зимних гимназических занятий и сдавал переходные экзамены из класса в класс. Из моих отроческих и юношеских лет я провел около семи во Франции. Отлично владея французским языком, я пристрастился к чтению французских поэтов и могу сказать, что знал в те годы французскую поэзию лучше русской. Моими любимцами были Henri de Régnier, Heredia, Albert Samain, Charles Guérin. Я и сам писал стихи по-французски и переводил французских поэтов на русский язык. Я начал тогда и закончил позднее перевод объемистой книги стихов Regnier «Les Yeux Mystiques et divins». Он был принят впоследствии издательством Петрополис, но в связи с прекращением его деятельности в России не увидел света.³ Если докапываться разного рода влияний на мою поэзию, то нужно учесть возможное влияние французских поэтов. Добавлю, что Théophile Gautier и Leconte de L'ysle (вопреки симпатиям к ним Гумилева) были мне чужды — представлялись слишком холодными. В то же время Musset, Coppé, Sully Prudhomme, Rostand казались мне наоборот слишком слащавыми и слезливыми.

Но вернемся к поэзии отечественной. Прежде всего я знакомился, конечно, с символистами — Бальмонтом, Брюсовым, др., но увлечен ими не был. Очаровал меня Блок, но не безоговорочно. Я полюбил Анненского, но горький привкус «Кипарисового ларца» помешал ему стать мне безусловно близким. По мере роста акмеизма и появления новых, все более значительных стихов Гумилева, Ахматовой, Мандельштама мое сердце стало принадлежать этой поэтической плеяде. Личного общения с этими поэтами, участия в акмеистических кружках не произошло, этому помешала сперва разница в возрасте, затем заграничные поездки и, наконец, призыв на военную службу. Никакими личными воспоминаниями об акмеистах я поэтому поделиться не могу. Влияние их на меня было чисто «книжное», а не личное и не программное. Ко всякого рода поэтическим платформам и манифестам я всегда относился равнодушно. Я всегда писал и пишу сейчас так, как подсказывает мне мой художественный вкус, моя человеческая совесть, мое миропонимание, ни на что не оглядываясь. К чему это приводит, какое влияние выступает при этом наружу — меня не только не заботит, но даже не интересует. Такие, нередко противоречивые, поиски представляют мне занятием малосущественным и даже праздным. Не люблю я [при этом] высказываться о разного рода поэтических течениях и школах. Я не отдаю явного предпочтения ни одной из них, ибо в каждой я нахожу свои яркие и свои теньевые стороны. Поэтические мои

вкусы чрезвычайно широки. Для меня интересен и важен поэт как таковой, с его собственными удачами, безотносительно к его поэтическим истокам.

Тут я хочу добавить еще следующее. Формальные достижения поэта (в самом широком значении этого слова) никогда не были для меня сами по себе решающими, хотя я всегда учитывал их необходимость, и отсутствие их сводило для меня на нет всякие благие намерения. При наличии высоких формальных данных решающим было для меня всегда смысловое ядро стихотворения, а в нем — оттенки того религиозно-философского созерцания, которые в той или иной степени там отражались. Это не означает, конечно, что стихи с разного рода другими оттенками мыслей, чувств и настроений не были мне дороги, но все же наиболее пленяло меня в стихах указанная мною выше особенность — опять моя любовь к Боратынскому. В Гумилеве был мне дорог не конквистадор, не африканский охотник, не георгиевский кавалер и не мастер стиха, а тот прикоснувшийся к мирам иным, каким он явился нам в ряде стихов своих двух предсмертных сборников — «Костра» и «Огненного столпа» (назову «Память», «Стокгольм», «Шестое чувство», «Прапамять», «Душа и тело» и др.). В Ходасевиче, со стихами которого я познакомился позднее и который в зрелом моем возрасте стал моим наиболее любимым современным поэтом, мне тоже дороги прежде всего его философские, с мистической ноткой стихи. Эта симпатия объясняется тем, что еще в юности, в Петербурге, я познакомился с антропософской доктриной Рудольфа Штейнера, а впоследствии, в Москве, посещал антропософское общество. Хотя я и не стал убежденным и законченным антропософом, все же именно в этом оккультном учении я нашел единственно правдоподобный и достойный, по моему мнению, ответ на тревожащие меня загадки человеческого бытия и вселенной. Я не собираюсь защищать здесь это учение, но полагаю, что оно оказало значительное влияние как на тематику моих стихов, так и на мои литературные симпатии. Отсюда, например, большая близость мне стихов Максимилиана Волошина, наиболее последовательного антропософа среди русских поэтов. Об оккультных мотивах в стихах русских поэтов нашего века вообще я подробно высказался в моей статье, напечатанной в № 20 журнала «Грани».⁴

Теперь коротко о моей литературной работе.

Мой первый сборник стихов «Палитра», куда вошли мои сугубо юношеские стихи, вышел осенью 1916 г. (датирован он 1917). Хотя Айхенвальд очень благосклонно отметил его в «Речи»,⁵ сборник был, конечно, [очень] весьма наивным и слабым. Несколько более зрелым и, уж во всяком случае, совсем другой «масти» был мой второй сборник «Предгорье». Он тоже был принят издательством «Петрополис», но не увидел света по той же причине, что и мои переводы из R gnier.⁶ С тех пор, т. е. с 1920 г., я перестал писать стихи и замолчал почти на 25 лет, до того дня (я подчеркиваю *дня*, ниже будет видно, *почему* я это подчеркиваю), когда я, вырвавшись из СССР, очутился на свободном Западе.

Что мне сказать о десятилетиях моего молчания в стране Советов? Оно лучше всего определяется двумя словами: я был казнен молчанием. Как понимать эти слова?

«Казненные молчанием» — это в советских условиях те, кто вынужден творчески полностью или частично (в последнем случае в своем заветном) замолчать, вынужден убить или обуздать в себе писателя или поэта. Число таких «казненных молчанием» велико, гораздо больше, чем это себе представляют. В советских условиях перед каждым честным поэтом открывались только два пути: либо перестать писать совсем, либо писать, как говорили тогда, «в стол», для себя, не только не пытаясь продвинуть написанное, как явно неприемлемое, в печать, но даже не делясь написанным с друзьями, среди которых всегда могли оказаться доносчики. Даже записывать стихи было небезопасно: любая рукопись, найденная при обыске, внушала подозрение.

Был еще и третий путь, и некоторые, менее стойкие, по нему пошли: лавировать и маневрировать. Это значило: каждое не имеющее никакого отношения к «правовверным» советским темам стихотворение обеспечивать в десятикратном размере благонамеренными — таким способом можно было протащить в печать крупицу своего, заветного. Какие это были жалкие крупички!

Некоторые пошли по этому пути. Трудно их за это осудить. Но вскоре они стали жертвой этой обязательной благонамеренной нагрузки, под камнем которой подлинное творчество зеленеть не могло. Часть таких поэтов сошла со сцены, часть прозябает на задворках советского Парнаса.

Что касается меня, то я избрал долю полного молчания. Избрал не из какого-то расчета и не после разного рода разногласий, а совершенно естественно и непроизвольно. Не полнейшая безнадежность всякого свободного творчества привела меня к этому. Было еще другое, почти физическое ощущение: не хватало дыхания. Казалось: духовная атмосфера в стране выжжена, выхолощена до предела. Дышать для творчества, для стихов стало абсолютно нечем. Молчание мое, повторю, длилось около 25 лет.

Во время войны я очутился в Германии, в лагере для беженцев из России. Лагерь находился далеко за городом, в здании какой-то одинокой, пустующей по случаю войны сельскохозяйственной школы. Привезли меня в лагерь вечером, а рано утром я вышел побродить по окрестностям.

Оснеженные холмы, медленно понижаясь, мягко спускались к далекому, едва угадываемому на горизонте Дунаю. Между сосульчатými кромками льда звенел ступенчатый ручей. Заячьи следы бежали во все концы по свежему, никем, кроме их, не тронутому снегу. Воздух был упоительно чист и весь какой-то голубой.

И вдруг, после 25-летнего молчания, в душе настойчиво стали слагаться рифмованные и каденсированные строки. Одна за другой, одна за другой... Я вынул блокнот, карандаш и записал:

Лежат холмы, как маленькие груди<,>
Под белоснежным зимним полотном.
Придем сюда и обо всем забудем<,>
И голубого воздуха глотнем.

С тех пор я издал в эмиграции 4 книги стихов.⁷ [Живу в одном из медвежьих углов Баварии вместе с женой.⁸] То, что было нужно для этих стихов, я копил в сердце «там» и привез «оттуда». Но чтобы произнести их, надо было глотнуть голубого воздуха творческой свободы «здесь», — «там» его не было. Независимо от того, что и как я написал — за самую возможность свободной литературной работы, которой я был чужд веками, я не устаю благодарить судьбу.

Современная эмигрантская поэзия

Если меня спросят о моем отношении к современной эмигрантской поэзии, о моих симпатиях — то мне будет трудно назвать имя наиболее любимого мною автора. Я считаю, что не следует замыкаться в симпатии к какому-нибудь определенному поэту. Почти у каждого подлинного талантливого поэта (а таких в эмиграции десятка полтора) есть хотя бы несколько стихотворений, достойных благодарного признания. И вместо того, чтобы назвать имена двух или трех поэтов, я предпочитаю предложить своего рода антологию современной эмигрантской поэзии, куда вошли бы отдельные стихи поэтов самых разных толков. Диапазон моих поэтических симпатий (как я уже упомянул) очень широк, и разве только полная духовная опустошенность (духовный нигилизм) иного поэта делает мне его, несмотря на всяческое его мастерство, совершенно чуждым (Г. Иванов).⁹

Парижская нота

Я считаю, что такое определение сильно преувеличено и надумано. «Нота», возможно, и прозвучала, но квалифицировать ее как некое поэтическое направление и школу, как то пробовали некоторые делать, по-моему, [несерьезно] неверно. Я понимаю парижскую ноту как некоторое психологическое явление, как душевный нюанс в поэтическом мышлении части русских эмигрантских поэтов. Отсюда до школы — далеко. Те стихи, где можно угадать звучание такой ноты, не производят на меня сильно-

го впечатления. К тому же у некоторых лучших, на мой взгляд, парижских поэтов (у Присмановой,¹⁰ например) я звучания такой ноты не улавливаю. Вообще поиски всякого рода поэтических школ, а тем более нот, как я уже имел случай сказать раньше, меня не увлекают, и я подхожу к каждому поэту как к [отдельному, а не, если можно так выразиться, стадному] самостоятельному поэтическому существу, пусть даже то или иное поэтическое течение и оказало на него свое влияние.

Отношение к акмеизму

О моем отношении к акмеизму я должен сказать, что именно поэты, причисленные к этому поэтическому течению (Гумилев, Ахматова, Мандельштам), были мне в мои юные годы особенно дороги. Очень верно, что это чувство отразилось на моих стихах. Скажу только, что в годы моей наиболее явной симпатии к этим поэтам я меньше всего думал об их программных лозунгах, они были дороги мне не как акмеисты, а как Гумилев, Ахматова, Мандельштам. О программе акмеизма я даже узнал значительно позже моего знакомства с этими поэтами и моих к ним симпатий. А узнав — не особенно этой программой заинтересовался и уж никак не увлекся. Наконец, не менее (или даже не более дорог, чем акмеисты!) стал мне впоследствии Ходасевич. Думаю, что влияние было поэтому смешанное, притом влияние акмеизма больше отразилось на форме и трактовке тем, а Ходасевича — на их содержании и внутреннем ядре.

О критике

Критические суждения наших литературоведов повергают меня, должен признаться, нередко в недоумение. Отмечу хотя бы противоречия в этих суждениях. Вот пример из моего собственного опыта. Ульянов в своей статье о моей поэзии, напечатанной в № 59 Нов<ого> журн<ала>, упоминает, что я сознательно поступаю музыкой стиха во имя его ясности,¹¹ а Завалишин дважды в рецензиях о моих стихах подчеркивает именно их музыкальность.¹² Были критические голоса, называвшие меня акмеистом, а мое поэтическое происхождение связывавшие с акмеизмом, особенно с Гумилевым.¹³ И тут же рядом другие [отмечали мою внутреннюю связь с Ходасевичем] производили меня от Ходасевича.¹⁴ Эти противоречия утверждают меня в мысли, что нужно меньше рыться в поэтической генеалогии поэта и больше вглядываться в него самого, а не в его [связи с прошлым] истоки. Становится ли мне поэт дороже потому, что он корнями своими уходит в то или иное давно отошедшее в историю поэтическое движение или связан с тем или иным поэтом предыдущего века? Мне представляется, что нет. Оно м<ожет> б<ыть> и любопытно, но несущественно хотя бы уже в силу тех противоречий в этом вопросе, о которых я указал выше. Такие поиски занимают иногда до половины рецензии или критической статьи, и никому, особенно читателю, в сущности, ничего не дают. К сожалению, поиски эти прочно вошли в наши литературно-критические приемы.¹⁵

В суждении наших критиков огорчает меня, во-первых, «семейственность», когда <огненно?> расхваливают друзей и знакомых. Тут выпирает своеобразный критич<еский> прием, свидет<ельствующий> о том, что критика, что дышло, куда поворотит — туда и вышло. То, что «нелюбимому» поэту ставится в вину, любимому ставится вроде того, что в заслугу. Так в первом случае тщательно выискиваются мельчайшие синтаксич<еские> или языковые промахи, а во втором утверждается, что промахи эти «нарочиты», автор де мог бы, если бы захотел, быть безусловно грамотным. Я помню случай, когда стихотв<орение> одного нелюбимого поэта критик уничтожил за то, что там три раза повторялась приставка «бы», причем упом<янул>, что такая приставка губит самое прекр<асное> стихотв<орение>. В то же время стихотворение любимого поэта, где эта приставка повторялась 6 раз, было отмечено как выдающееся. Огорчает меня и грубость в лит<ературных> критич<еских> спорах. Не могу забыть грубых выпадов Окое<вской> против Алек<сеевой>. Она не постеснялась назвать [ее] последнюю «Хавроньей».¹⁶

¹ Кленовский по-разному обозначал год своего рождения. В некоторых документах и письмах в эмиграции у него был проставлен 1892 год, однако подлинным, засвидетельствованным в метрической книге и при крещении, является 1893 год. Подробнее об этом см.: *Царькова Т. С.* 1892 или 1893? / *Commentarii litterarum. Ad Honorem viri doctissimi Valentini Golovin.* СПб., 2020. С. 438–445.

² Тема знакомства в юности с поэтами-царскоселами раскрыта Кленовским в статье «Поэты царскосельской гимназии»: *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1952. Кн. 24. С. 132–138. В ней названы: И. Анненский, Н. Гумилев, Вс. Рождественский, Владимир Ястребов (друг Крачковского, «погиб на 1 <-й> мировой войне»), Коковцев (без инициалов, вероятно, Дмитрий, «рано умер от холеры в Германии»), так же без инициалов Оцуп и Пунин (подразумеваются, скорее всего, Н. А. Оцуп и Н. Н. Пунин).

³ Перевод воспроизведен О. А. Коростелевым по источнику из архива Г. П. Струве (*Кленовский Д.* Полн. собр. стихотворений. С. 495–559).

⁴ *Кленовский Д.* Окультизм мотивы в русской поэзии нашего века // *Грани*. 1953. № 20. С. 129–138. В статье анализируется отражение антропософских тем и мотивов (перевоплощения, повторности человеческой жизни, кармы) в творчестве Гумилева, Ходасевича, Волошина, А. Белого и др.

⁵ Комментируя первую книгу Кленовского «Палитра» в Полном собрании стихотворений, Коростелев цитирует автобиографию поэта, в которой он упоминает рецензии на свой поэтический дебют, появившиеся в периодике, но не дает при этом полных библиографических отсылок. По этому поводу Коростелев пишет: «Отыскать все упомянутые Кленовским рецензии в неполных комплектах дореволюционных газет не удалось. Не значатся они и в картотеке А. Д. Алексеева (ИРЛИ)» (с. 661). Однако в петербургской Библиотеке Академии наук сохранилась подшивка газеты «Речь» за 1916 год. Упомянутая «благоклонная» рецензия Ю. Айхенвальда входит в его цикл обзоров поэтических новинок, помещенный под названием «Литературные наброски» (Речь. 1916. 14 нояб. № 314. С. 2).

⁶ Как писал Кленовский выше, издательство «Петрополис» прекратило свою деятельность. Сборник «Предгорье» был опубликован в Полном собрании стихотворений (*Кленовский Д.* Полн. собр. стихотворений. С. 433–466).

⁷ Ко времени написания публикуемого документа у Кленовского вышли из печати поэтические сборники: «След жизни» (Франкфурт-на-Майне, 1950), «Навстречу небу» (Франкфурт-на-Майне, 1952), «Неуловимый спутник» (Франкфурт-на-Майне, 1956), «Прикосновение» (Мюнхен, 1959). Всего в Германии было опубликовано 11 книг его стихов. Из них «Последнее» (Мюнхен, 1977) — посмертно.

⁸ Так Кленовский назвал старческий дом в Траунштейне, где он и его жена Маргарита Денисовна жили до их последних дней.

⁹ Отношения Кленовского и Г. Иванова складывались сложно. В 1950 году в статье «Поэзия и поэты» Иванов писал: «Кленовский сдержан, лиричен и для поэта, сформировавшегося в СССР — до странности культурен. Не знаю его возраста и „социальной принадлежности“, но по всему он „наш“, а не советский поэт» (*Возрождение*. 1950. № 10. С. 180). Но позже, по свидетельству И. Одоевцевой, «узнав же о более чем почтенном возрасте Кленовского, Георгий Иванов потерял к нему интерес» (*Одоевцева И.* В защиту поэзии // *Русская мысль*. 1959. 12 марта. № 1341. С. 4–5). Кленовский не выступал в печати с критикой стихов Г. Иванова, но в письмах к В. Ф. Маркову определенно заявлял: «...и Г. Иванов — антиподы». В постоянных спорах с Марковым о значении поэзии Г. Иванова, признавая стихотворное мастерство поэта, Кленовский упрекает его в «душевной опустошенности», «духовном нигилизме», «наивности» («звучит чарующе-блестяще, но по существу — детский лепет»), «внутренней противоречивости» и «подражательности» Г. В. Адамовичу, И. В. Елагину, Ю. П. Одарченко и Н. А. Заболоцкому («...Я молчал 20 лет...». С. 614, 632, 650, 674 и др.).

¹⁰ Присманова Анна Семеновна (1892–1960) — поэт, автор трех книг стихотворений: «Тень и тело» (1937), «Близнецы» (1946), «Соль» (1949) и поэмы «Вера» (1960), вышедших в Париже. Кленовский писал о ней в письме к ее мужу, поэту А. С. Гингеру: «Прекрасный поэт, с на редкость своим, а потому неповторимым голосом» (цит. по: *Словарь поэтов Русского Зарубежья* / Под ред. В. Крейда. СПб.: РХГИ, 1999. С. 196).

¹¹ Н. И. Ульянов в журнальной статье «Д. Кленовский», в частности, наряду с замечанием об оригинальности философских взглядов поэта — ориентации на теософию, мистицизм, пантеизм, натурфилософию — особое внимание уделяет работе со словом: «...творчество его — редкий образец служения слову. Не много в наши дни найдется мастеров такого чеканного, простого, но сильного стиха. Он точен, ясен, конкретен. Никаких туманностей, ни одного фальшивого либо вычурного образа, все имеет гранитные и вместе с тем легкие очертания. Правда и простота в соединении с изысканностью составляет неотразимую прелесть образов Кленовского. Чего стоит один этот царскосельский

.....кувшин в бессмертных черепках
Откуда пили ласточки и музы. <...>

<...> Иных слов, кроме „здешних“, у Кленовского нет, и он в них не нуждается. То таинственное и необычайное, что ему ведомо, никакими другими словами передано быть не может. Его трансцендентальность овеществлена, материализована. <...> В годы разброда ценятся люди, у которых сильна память о столбовой дорожке литературного развития, а Кленовский с самого появления в эмиграции не устает вещать об обретении им этого пути. Он знает, что последний столб, венчанный бронзовой фигурой орла, носил название акмеизма, и начал от него свое движение, игнорируя все другие вехи и знаки. Он не утратил даже слабостей акмеизма — бедности метрики, строфики, мелодики и вытекающего отсюда ослабления стиховой напевности; принял это во имя стремления к простоте выражения, к оборотам разговорного языка. Кто знает, как трудно давалась такая простота Ахматовой и Мандельштаму, тот не может не оценить успехов Кленовского в развитии этой стихотворной тенденции.

Жизнь моя с виду не так плоха:
Днем — с земляками играю в прятки,
Ночью... — кто ночью меня слышал?
Зубы в подушку — и все в порядке.

Свободе этой разговорности, отсутствию какой-либо скованности, преодолению опасности срывов, как в сторону выпренности, так и в сторону бытовизма, могут позавидовать многие мастера из числа его учителей.

До какой степени он акмеист, видно из того, что даже нелюбовь к глаголам и приверженность к именам существительным усвоены им от своих мэтров.

Их ровно пятьдесят от сердцевины —
Тугих колец на спиленном стволе,
Ровесник мой на медленной земле,
Вот и закончен он, наш путь единый.

Здесь ни одного глагола, если не считать двух страдательных причастий. Никаких событий и происшествий. Статичность, медитативность и скрытый драматизм — предмет устремлений акмеистов старшего поколения — приобрели у Кленовского высокую степень выразительности» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1960. № 59. С. 121–126).

¹² Рецензируя вышедшую книгу Кленовского «Прикосновение», В. К. Завалишин писал: «Это правда, что формальный анализ стихотворений Кленовского приведет нас в творческую лабораторию дореволюционного акмеизма. И это правда, что мы при этом увидим, насколько совершенно формальное мастерство Кленовского, насколько этот поэт обладает чувством меры.

Но в подлинной поэзии, кроме формальных достоинств, есть то неуловимое, не разложенное ни на какие формулы, что превращает слова и образы в неповторимую музыку. Без этой музыки форма, какой бы она ни была, то же, что тело без души, безлика и мертва.

А музыка стихотворений Кленовского, как индивидуального и неповторимого художника, носит особый горестный оттенок, наложенный на нее горечью последних четырех десятилетий» (Завалишин Вяч. О новой книге Кленовского // Новое русское слово. 1959. 24 мая. № 16866. С. 8; цит. по: Кленовский Д. Полн. собр. стихотворений. С. 614). Еще одним доказательством музыкальности стиха Кленовского может служить тот факт, что его стихи положены на музыку профессиональными композиторами. В Германии Владимир Дукельский написал два романса на его слова. А в Ленинграде в 1969 году на студенческом концерте читали стихи Кленовского и исполняли романс «В талом небе такие мокрые, акварельные облака...» (см. об этом: Странник (Иоанн Шаховской, архиеп.). Переписка с Кленовским. С. 163, 235).

¹³ Уже из приведенных выше фрагментов рецензий восприятие поэзии Кленовского критиками как позднеакмеистической очевидно. О том же говорят названия посмертных очерков Ю. Иваска «Поэт акмеистической школы» (1986) и Л. Ржевского «Последний акмеист. О творчестве Дмитрия Кленовского» (1990). К Гумилеву у Кленовского было личное отношение — они оба учились в царскосельской гимназии. Гумилев был старше, и он стал любимым поэтом, его гибели посвящено стихотворение Кленовского «Незабытое, непростое».

¹⁴ В комментарии к 37-му письму Кленовского к В. Ф. Маркову Коростелев приводит высказывание Г. В. Адамовича о стихах Кленовского, помещенных в последнем разделе составленной Ю. Иваском антологии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953): «Кленовский часто бывает похож на Ходасевича и в темах, и в стиле, очень чистом, очень точном, с прелестными, обманчиво-простыми находками («уютно, как в аксаковской семье» и др.). Изредка только он как будто по рассеянности

пропускает условно-книжные, метафорические „штампы“, которых Ходасевич не пропустил бы: „причиститься радостей земли“, „рубеж дней“, „провести через жизнь“... При менее искусной словесной выделке это, разумеется, сошло бы с рук. Но Кленовский именно стилем и иском, во всяком случае, сильнее, чем ритмом (как и Ходасевич, который при своей ритмической ординарности был стилистически исключительно чуток и к себе требователен, — в полную противоположность Блоку, если и гению, то прежде всего гению ритма)» (*Адамович Г.* Новые голоса // Новое русское слово. 1954. 6 июня. № 15380. С. 8; цит. по: «...Я молчал 20 лет...». С. 657).

¹⁵ Первоначально было: «[программу]», позднее вписано другими чернилами без зачеркивания предыдущего варианта: «обиход».

¹⁶ Имеется в виду статья И. Одоевцевой «В защиту поэзии» (Русская мысль. 1959. 12 марта. № 1341. С. 4–5). Она появилась в разгар полемики, вызванной статьей Н. Ульянова «Десять лет», опубликованной в декабре в «Новом русском слове», а затем перепечатанной в «Русской мысли». Ульянов писал о недооценке литературы «второй волны», и в частности, Кленовском, отмечая «совершенную законченность зрелого мастера», его «артистическую тонкость и умудренность», правоту тех, кто «называет его Боратынским нашего времени», «гордостью новой эмиграции». И заключал: «После смерти Георгия Иванова я не знаю здесь, за границей, более крупного поэта». Отвечая ему, Одоевцева ставит своей целью «разрушить миф о том, что Георгий Иванов как-то особенно горячо и восторженно принял и приветствовал Кленовского», определяет его место в «семье поэтов» — «равный среди равных». «В том, что он не годится для занятия кресла „первого поэта“, нет ровно ничего обидного». Затем, процитировав Зинаиду Гиппиус: «Поэзия не баня, чтобы в ней была мужская и женская половина», — продолжает: «Но раз Ульянов установил это разделение, заглянем на „женскую половину“. Здесь оказывается первое место отведено „деве Февронии“ русской поэзии, фрейлине королевы русской поэтессы Ахматовой — Алексеевой. Сердце сжимается от жалости к Алексеевой. Крылатое „дева Феврония“ может пристать к ней и наделать ей много зла, переделанное в деву Хавронию — я, к сожалению, уже слышала эту переделку в акмеистическом птичнике. Не буду распространяться о том, что ульяновская оценка Алексеевой тоже совершенно неправильна. Опять те же, обнаруживающие полное непонимание и незнание поэзии, рассуждения о мастерстве. Чтобы объяснить Ульянову хоть приблизительно все его ошибки, понадобилась бы отдельная статья. Конечно, несмотря на свое несомненное дарование, Алексеева не может претендовать на первое место, соперничать с Ольгой Анстей. Кстати, так ли лестно современной „поэтессе“ быть зачисленной в фрейлины королевы Ахматовой? Но насколько я могу судить по разговорам с „поэтессами“, Ахматова перестала быть властительницей их дум и душ».

Стрелы иронии, пущенные Одоевцевой в Лидию Алексееву, неслучайны. Алексеева — двоюродная сестра Ахматовой, девичья фамилия ее матери — Горенко. Самоутверждение и соперничество были весьма свойственны Одоевцевой. Так, например, по возвращении в Петербург в апреле 1987 года Одоевцева уверяла своих слушателей в том, что «Заблудившийся трамвай» Гумилева был посвящен именно ей.

По вполне понятным этическим мотивам Кленовский печатно не вступал в развернувшуюся бурную дискуссию вокруг статей Ульянова и Одоевцевой, но был сильно задет последней — он очень высоко ценил поэтический талант Алексеевой, они постоянно обменивались письмами и книгами. На обороте последнего листа публикуемого документа — черновая запись, наброски суждений, которые в более мягкой и пространной редакции были изложены в письме к В. Ф. Маркову. Воспроизведем этот черновой фрагмент: «говорят<, > что русский поэт (даже не эмигрантский?)<, > а вообще русский

Неужели можно сказать<, > что смерть Ив<анова> болезненно пережив<ает> эмиграция тоже?

Думаю, что кроме Вас да И<васка?> да еще 2–3 человека.

Вы считаете, что Ульянов хватает через край, но тут все опять хватают через него сами

Вероятно, это поэт извинит, увлечение.

Но тогда он извинит всем: и Вам, и Ульянову, и Рафальскому

По-моему, нужно разграничить Од<оевцеву> поэта и Од<оевцеву>, Алексееву, Ив<анова>

Я могу себе представить, что как жену (хорошую или плохую<, > не будем углублять эти вопросы) ее можно пожалеть, послать ей 200 дол<ларов> или букет роз, но возвеличивать ее выше других как поэта не имеет к этому никакого отношения. Жена одно, а поэтесса совсем другое».

Марков выступил со статьей «О критических приемах Сергея Рафальского» на страницах «Нового русского слова» в защиту Одоевцевой (из контекста письма Кленовского следует — по ее просьбе) после публикации в той же газете статьи «Последняя и первая» С. М. Рафальского, который, по мнению поэтессы, невольно отозвался о ее стихах.

Кленовский с Марковым не соглашается и подробно пишет об этом литературно-нравственном конфликте в трех летних письмах к нему (от 9 июня, 18 июля и 20 августа 1960 года; «...Я молчал 20 лет...». С. 672–680).

Приведем из этой публикации наиболее созвучные первоначальному черновому фрагменту цитаты и еще одну, близкую к теме: «На мой взгляд, Вы как-то смешали два понятия: 1) Одоевцева — жена восхищающего Вас поэта и 2) Одоевцева — поэт. Жену (хорошую или плохую — не будем углубляться в дебри этого вопроса!) можно, конечно, от души пожалеть и утешить, можно, скажем, материально ей помочь и т. п., но поэтесса тут совсем ни при чем! Или стихи Одоевцовой лучше от того, что она вдова Г. Иванова?? Тут нужно какое-то разграничение, иначе получается и странно, и неубедительно» (Там же. С. 674). «Неужели Вы столь же серьезно считаете Одоевцеву одним из больших имен русской (опять же *всей* русской!! <...>) литературы?? Вы попрекаете Ульянова, что он меня хвалит „через край“, а сами поступаете совершенно так же в отношении Одоевцовой! С тою разницей, что Ульянов высказывает *свое* мнение, а Вы расписываетесь за всю русскую литературу! Столь же преувеличено, по-моему, и Ваше утверждение, будто „смерть Г. Иванова зарубежная литература в целом до сих пор переживает болезненно“. И здесь Вы расписываетесь за всех! Думаю, что кроме единиц (Вы в их числе) никто ее, эту смерть болезненно не переживает. Из другой области, но тоже, на мой взгляд, весьма спорно Ваше утверждение, что Одоевцева „соединяет гумилевское время с нашим одичанием“ (одичанием!!! <...>). В письме ко мне Вы добавляете, что на О<доевцовой> „отсвет Гумилева и той блестящей эпохи“. Воля Ваша, но никакого „соединения“ и „отсвета“ (кроме чисто внешнего) я не вижу и никакой внутренней связи О<доевцовой> с Гумилевым не ощущаю. Она любит сама об этом отсвете твердить, при каждом удобном и неудобном случае напоминая, что она была любимой (так ли? А если и так — это ничего не доказывает) ученицей Гумилева, что он сказал ей (сказал ли?) то-то и то-то, но ведь отсюда до подлинного отсвета, право же, далеко! Одоевцева греется в лучах Гумилева, но на ней я никакого гумилевского отсвета не вижу. <...> Неужели Одоевцева сейчас единственный поэт, а все остальные — *untermensch*'и? <низшая каста (нем.). — Т. С.>» (Там же. С. 674–675).

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-238-241

© П. Р. Заборов

«СИЯ КНИГА ГРЕШНОГО СТЕПАНА»

Цель настоящей заметки — краткое и, к сожалению, неполное описание рукописного сборника конца XVIII — начала XIX века (по своему формату скорее напоминающего альбом), который поступил в Пушкинский Дом еще в довоенное время, но до сих пор не стал объектом изучения архивистами и историками литературы.¹ О себе «грешный Степан», владелец и составитель этого сборника, сообщает, кроме имени, лишь фамилию — Степан Ольховский, а его неизвестный нам наследник несколько дополняет эти сведения, указывая, что Стефан Васильев (т. е. Степан Васильевич) Ольховский был священником.

Другими сведениями об этом человеке мы не располагаем. Однако характер сборника свидетельствует о том, что это был неутомимый книголюб, любитель литературы и в особенности поэзии, обладавший хорошим вкусом. Книги стоили в ту пору очень дорого, и простой священник мог себе позволить подобную роскошь лишь в исключительных случаях, так что собрать большую личную библиотеку Ольховский вряд ли был в состоянии. Для утоления этой страсти он и начал составлять свой сборник, который не случайно называл книгой. Датировка сборника подтверждается филигранями на использованной Ольховским бумаге, а также его типичным для этого времени почерком, как правило, почти каллиграфическим, но иногда переходящим в трудно читаемую скоропись, к тому же изобилующую всевозможными исправлениями и разного рода пометками.

Привлекавший его материал Ольховский извлекал преимущественно из современных изданий, которые попадали в его руки разными путями: давались на время в пользование или дарились знакомыми и друзьями, причем последнее не исключало копирования им некоторых особенно любимых ему текстов. Впрочем, вопреки этому принципу, открывался сборник вообще не заимствованием из того или иного печатного источника, а воспроизведением списка, что само по себе примечательно, поскольку список этот, по-видимому, явля-

ется самым ранним стихотворным переводом на русский язык первых трех песен знаменитой героико-комической поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1730, л. 3–24 об.), судьба которой в России, ввиду ее антиклерикальной направленности, была, как известно, весьма драматичной: достаточно напомнить, что ее полноценный русский перевод впервые увидел свет лишь в советское время.²

Самый интерес православного священника к этому замечательному образцу просветительского вольномыслия весьма необычен. Мы ничего не знаем о том, как этот перевод к нему попал и кто являлся его автором: несомненно лишь, что это был старательный и умелый стихотворец, вполне прилично знавший французский язык, но человек не слишком образованный, хотя какими-то сведениями об истории Франции и Столетней войне он, конечно, обладал. Переводил он, иногда смутно понимая, о чем и о ком идет речь, не вникая в смысл событий и сильно затрудняясь в передаче имен собственных и географических названий, а нередко и вообще сильно отдалялся от оригинала. При этом перевод его страдал многословностью, сильно превосходя объемом оригинал, стих — неуклюжестью, а язык — обилием тяжеловесных конструкций и лексических архаизмов, что позволяет предположить его весьма солидный возраст. И все же это был стихотворный перевод, который, будь он широко известен, мог бы дать русскому читателю хоть какое-то представление об этой «одиозной» поэме. К тому же «камерный характер» перевода позволил автору не пренебрегать встречающимися там эротическими сценами и описаниями, а также просторечиями и грубыми словами, которые вряд ли бы пропустила бдительная российская цензура.

Ввиду того, что перевод этот не получил распространения, в качестве примера приводим небольшой его фрагмент («зачин» поэмы) и для сравнения соответствующий французский текст:

¹ ИРЛИ. № 4930. 70 л. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

² См.: Заборов П. Р. «Орлеанская девственница» Вольтера в русских рукописных переводах // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 247–250.

Я не рожден и не дерзаю
 На бренной лире прославлять
 Святых, которых почитаю,
 Как всякой может почитать.
 Язык мой грешным страхом связан,
 Но здесь я петь Жан д'Арк обязан,
 Жан д'Арк, которой небеса
 Нигде подобной не являли
 Лишь об одной и позволяли
 Творить отличны чудеса.
 Она бретонцев победила
 И девственной рукой своей
 Седьмого Карла воцарила.
 Угодно также было ей,
 Употребив отважны средства,
 Избавить Францию от бедства.
 Под юпкой простенькой она
 Геройство чудное носила,
 Роланда в ней была и сила,
 Его и храбрость ей дана.

(л. 3)

Ср.:

Je ne suis né pou célébrer les Saints:
 Ma voix est faible, et même un peu profane.
 Il faut pourtant vous chanter cette Jeanne,
 Qui, dit-on, des prodiges divins.
 Elle affermit de ses pucelles mains
 Des fleurs de lys la tige Gallicane,
 Sauva son Roi de la rage Anglicane.
 Elle le fit oindre au maître-autel de Rheims.
 Jeanne montra, sous féminin visage,
 Sous le corset et sous le cotillon,
 D'un vrai Roland le vigoureux courage.

Три первых песни поэмы Вольтера, которыми располагал Ольховский, составляли лишь ее незначительную часть: оставалось еще двадцать, о содержании которых он мог лишь догадываться. Иначе обстояло дело с бурлескной поэмой в трех песнях «Похищение Прозерпины» Е. П. Люценко и А. М. Котельницкого,³ воспроизведенной в сборнике полностью по ее первому изданию, вышедшему в Москве в 1795 году (л. 24 об. — 29 об.). Сюжет ее восходит к «Метаморфозам» Овидия, но, не считая общей конструкции, мифологических имен и античных реалий, это было вполне оригинальное сочинение, созданное для русского читателя: «баснословная» история на сей раз, по признанию сочинителей поэмы (так и не раскрывших свои имена), предлагалась отечественной публике «в новом виде, в простом, натуральном, который более нравится читателю», иными словами, как своего рода «сельская идиллия». Далее следовало уточнение: «Церера у нас простая поселянка, а Прозер-

³ См.: Вачева А. Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII века. София, 1999. С. 116–117.

пина, дочь ее, как деревенская девушка со всею простотою характера, свойственного ее состоянию». А затем обстоятельно излагались мысли сочинителей об избранном ими жанре и результатах их творческих усилий: «Есть картины с некоторою вольностью представленные: но что сочинение без духа! Что сочинитель без вольных мыслей? — Произведения разума его мертвы, и если где и блестит роса на листочках, то редко <...> Мы надеемся, что нечистоты в стиле, случающиеся в нашей поэме, будут извинительны, — это еще первый плод и произведение нашей юности. Да и где не бывает погрешностей в начальных посяжениях к литературе не опытных, но ревностных, молодых писателей <...> Употребление прав, данных стихотворцам, как то: смешивание слов, частая прерывчатость материи и рассеянность мыслей, все сие есть принужденность, и мы старались избегать того по возможности. Их выдумало невежество и пользуются те только, которые не стараются о своем сочинении; короче сказать, площадные писатели — вот все то, в чем мы могли предварить читателя касательно до нашей поэмы».⁴

Все остальные тексты, вошедшие в сборник, были не столь велики по объему, относились к различным литературным жанрам и принадлежали по преимуществу современным поэтам, среди которых были и весьма маститые, и совсем молодые. Из поэтов старшего поколения в сборнике были представлены столь несходные по своей одаренности, репутации и авторитету в литературных и читательских кругах М. М. Херасков и В. Г. Рубан. Первый — небольшим лирическим стихотворением «Птичка» (л. 37), второй — типичной для него дифирамбической поэмой «на случай», озаглавленной «Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымниским над мятежниками польскими» (л. 53 об. — 54).⁵

Совершенно иначе обстояло дело с творениями самого выдающегося поэта того же, «уходящего», поколения — Г. Р. Державина, которого Ольховский высоко ценил и почитал. Хотя основным источником приведенных в данном случае текстов служила, по всей вероятности, первая часть «Сочинений Державина»,

⁴ Цит. по: Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 574–575. В этом томе, вышедшем в серии «Библиотека поэта» под редакцией и с примечаниями Б. В. Томашевского, была помещена опубликованная в 1805 году новая версия поэмы, но с обращением авторов к читателям, которое было предпослано изданию 1795 года.

⁵ Полное название поэмы, выпущенной отдельной брошюрой: Пеан, или Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым над мятежниками польскими в окрестностях города Бреста Литовского, близ Крупницкого монастыря, при реках Мухавице и Буге, текущем в Вислу, 6 и 8 сентября 1794 года. СПб.: Типография Государственной Военной коллегии, 1794.

изданная в Москве в 1798 году, в сборник они вносились в несколько приемов, без сколько-нибудь продуманного плана: можно предположить, что Ольховский неоднократно перечитывал эту книгу, каждый раз находя в ней всё новые шедевры. В общей сложности из огромного поэтического наследия Державина в сборник вошло не менее пятнадцати стихотворений разных жанров, как уже давно принесших поэту широкую известность, так и созданных им в последнее время и еще не успевших обратиться на себя внимание читателей. Даже простой их перечень, особенно если расположить эти тексты в хронологическом порядке, говорит сам за себя: «На Новый год» (1780–1781; л. 61), знаменитая «Фелица» (1782; л. 50–51), «Решемыслу» (1783; л. 61–62), «Видение мурзы» (1783–1784; л. 45–47), «Осень во время осады Очакова» (1788–1789; л. 62 об. — 63), «Кантата на посещение Ее Императорским Величеством Анны Степановны Протасовой» (1789; л. 49 об. — 50), «На счастье» (1789; л. 63–65), «Ода на прибытие Ее императорского Величества в Санкт-Петербург к торжеству мира с королем шведским» (1790; л. 49), «На умеренность» (1792; л. 65 об.), «К Н. А. Львову» (1792; л. 54), «Водопад» (1794; л. 39–44), «На кончину благотворителя» (1795; л. 63), «Бессмертие души» (1797; л. 65 об.), «Приглашение к обеду» (1798; л. 44–45 об.), «К Грациям» (1798; л. 52) — из этого перечня можно заключить, что произведенный Ольховским выбор державинских текстов был в целом далеко не случаен. Тем самым он, пусть и не отдавая себе в этом отчета, как бы прослеживал творческий путь поэта и выявлял различные стороны его мироощущения и дарования. Сочетание одического парения и злободневной сатиры, способность откликаться на все происходящее в стране и мире, трепетное отношение к отечественной природе и привязанность к сельскому быту, но вместе с тем склонность к философическим размышлениям о жизни и смерти, о добре и зле, о славе и горестях людских, а также способность находить утешение в любви и дружбе и, конечно, в религии — всё это было, надо полагать, вполне созвучно ощущениям и настроениям Ольховского и должно было вызывать его сочувствие.

К этому старшему поколению принадлежала также княжна Е. С. Урусова.⁶ Правда, из опубликованных к тому времени ее стихотворений в сборник вошло лишь несколько на изблюбленные ею темы — дружба, любовь к близким, красота и животворящая сила природы, радости сельской жизни и т. п. Достаточно привести их заглавия: «Ручей» (л. 38), «Чувство дружбы» (л. 39) и «Стенная песнь» (л. 39). Показательно и то, что стихотворения Урусовой (как и Державина) охотно печатал в своих изданиях Н. М. Карамзин, о выдающейся

роли которого в современной литературной жизни Ольховский не мог не знать и весьма ценил его как поэта. Тем не менее в свой сборник он включил всего несколько карамзинских стихотворений, извлеченных в основном из «Моих безделок» и «Аонид». В их числе были три стихотворения о природе («Осень», 1789 (л. 38 об.), «К соловью», 1793 (л. 37) и «Молитва о дожде», 1793 (л. 36–37 об.)), два — о высоком призвании человека (ода «К милости», 1792 (л. 48 об. — 49) и «Ответ моему приятелю», 1793 (л. 37)), два — об устройстве мира и законах бытия («Время», 1795 (л. 36 об.) и «Делины слова», 1797 (л. 30 об.)), а также небольшой отрывок на знаменитый мифологический сюжет из повести «Афинская жизнь» («Смерть Орфеева», 1795; л. 38).

Естественно, что Ольховский не прошел мимо стихотворений И. И. Дмитриева, репутация которого к тому времени необычайно возросла: в сборник вошли две его басни — «Червонец и полушка» (1789; л. 47 об.) и «Истукан дружбы» (1791; л. 47), а также эпиграмма «Кто хочет, тот несчастья трус!» (1791; л. 47 об.). Наконец, нашлось место для двух молодых и еще малоизвестных поэтов — П. С. Кайсарова («Цветок», 1789; л. 37 об.) и В. И. Красовского («Осень», 1802; л. 67); у обоих удел человека сопоставлялся с увяданием еще недавно прекрасного цветка и печальной картиной осенней природы.

Последнее значительное пополнение сборника сильно отличалось по своему жанру и объему от большинства вошедших в него сочинений: это была пространная дифирамбическая «Песнь Екатерине Второй, или Мысли россиянина, пришедшего к ее гробу в 1805 году» плодovitого стихотворца-архаиста Н. М. Шатрова (л. 59 об. — 61), напечатанная в журнале «Северный вестник».⁸

Принадлежность сборника священнику отразилась, естественно, на его составе, но текстов духовного содержания в нем всего три, правда, весьма обширных: это «Слово на Новый год», «Слово на день преобразования Господня» и «Слово на день великомученика Георгия» (л. 30–36), источники которых еще предстоит определить. Неясно также происхождение вошедших в сборник четырнадцати «мыслей» — рассуждений о мироздании, природе и человеческом бытии — о юности и старости, о животных и деревьях, о небесах, солнце, луне, стихиях, земле, море, огне, воздухе, дыхании ветров (л. 55–59). Впрочем, сходным

⁷ Любопытно, что начальная строка стихотворения почти совпадает с начальной строкой одноименного стихотворения Карамзина.

⁸ См.: Северный вестник. 1805. Ч. 5. С. 325–332. Другая редакция этого стихотворения, адресованная «добродетельному вельможе», была почти одновременно опубликована без подписи на страницах «Новостей русской литературы» (1805. Ч. 13. № 17. С. 257–264).

⁶ См.: Кочеткова Н. Д. Княжна Урусова и ее литературные собеседники // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 94–103.

образом обстоит дело и с некоторыми стихотворениями, имеющими вполне светский характер.

Смерть «грешного Степана», скончавшегося предположительно в середине 1805 года,

положила конец пополнению его «книги», и десять ее листов так и остались пустыми. Где она в дальнейшем хранилась, неизвестно. Нет сведений и о том, кто и когда точно передал ее в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-241-243

© О. А. Лекманов

ЭПИЗОД БИОГРАФИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Как известно, в 1913 году Мандельштам «до того бурно увлекся кубофутуристами, что едва не перешел в их группу».¹ Практическим следствием этого увлечения стало, кажется, единственное публичное выступление поэта вместе с участниками кубофутуристической группы «Гилея». Об этом выступлении в интервью В. Д. Дувакину рассказал М. А. Зенкевич: Маяковского «первый раз я увидел на лекции Корнея Ивановича Чуковского, где он читал известную свою статью о футуристах. В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там должен был выступать Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали к выступлению, но основное он сам все сделал. И вот я пришел на эту лекцию. <...> Они хотели, чтобы туда вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались заблокироваться. Посредником был брат Бурлюка, Николай Бурлюк».²

В прекрасно подготовленной летописи жизни и творчества Мандельштама сообщается, что Зенкевич здесь говорит о лекции К. И. Чуковского «Искусство грядущего дня. Русские поэты футуристы», которая состоялась 5 октября 1913 года в зале Тенишевского училища.³ Однако это не совсем так. Название

лекции указано правильно, а дата и место ее проведения — нет. Дело в том, что 4 ноября 1913 года Чуковский еще раз прочитал свою лекцию, на этот раз — в Женском медицинском институте, и Мандельштам присутствовал именно там. Доказательство очень простое: на вопрос Дувакина о месте проведения лекции Зенкевич отвечает так: «На Женских медицинских курсах — это я хорошо помню — на Петербургской стороне».⁴ Женский медицинский институт, действительно, располагался на Петербургской стороне, по адресу: Архирейская улица, д. 6–8 (ныне — ул. Льва Толстого).

В двух газетных отчетах о лекции Чуковского и диспуте, который был устроен после нее, выступление Мандельштама, к сожалению, не отреферировано. В одном отчете издевательски пересказываются реплики Маяковского и Крученых, а затем сообщается: «...течение футуристического диспута превращается в бесконечные и нудные пререкания между противниками и сторонниками футуристов. <...> В такой атмосфере „скандализованного успеха“ выступили еще два-три адепта футуризма от учащейся молодежи».⁵ Второй отчет столь же лаконичен: «Говорили еще несколько футуристов из молодых. Слушатели добродушно аплодировали, раздавался смех, прерываемый изредка свистом <...> Выступавшие футуристы были именно те футуристы, над которыми не следует задумываться, и лекции о которых абсолютно не нужны».⁶

Как это часто бывает, основная полемика на диспуте развернулась вокруг финального, ударного пассажа лекции-статьи Чуковского.

фа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Минцера. СПб., 2019. С. 63.

⁴ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 29.

⁵ [Б. п.]. Среди футуристов // День. 1913. № 303. 8 нояб. С. 3.

⁶ Михайлов С. Диспут футуристов // Театр и жизнь. 1913. 9 нояб. № 184. С. 11.

¹ Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.

² Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. статья, подг. текстов, сост. и комм. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2002. С. 26–27. См. также письмо В. Нарбута М. Зенкевичу от 17 декабря 1913 года (Владимир Нарбут: 16 писем к Михаилу Зенкевичу / Публ. и подг. текста М. Котовой и О. Лекманова; прим. О. Лекманова // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1. С. 85–86). Николай Бурлюк был, с одной стороны, кубофутуристом, а с другой — участником первого «Цеха поэтов».

³ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А. Мец, при участии С. Василенко, Л. Видго-

Вот как он выглядит в опубликованном варианте: «И когда я всматриваюсь в этих новаторов, в их надрывную нервическую скачку за какой-то завтрашней секундой, — хотя секунда есть только секунда, — мелькнула, и вот ее нет! — я вспоминаю другого поэта, любимого моего Уолта Уитмена, библейски величавого барда, циклопического старца-пророка, который много десятилетий назад сподобился встать пред миром, как первый поэт-футурист, первый предвестник грядущего, — не грядущих секунд, а веков! — и отпечател в своем творчестве молитвы, чаяния, страсти и верования будущей неотвратимой эпохи, воплотив ее всю в изумительном единственном слове, о котором почему-то позабыли наши эго- и кубопэты, — в титаническом слове: демократия. Демократия! только в ней наш удел, только в ней наше неизбежное будущее, наш истинный футуристический быт. Но, конечно, его футуризм возник не в шелковой Желтой гостиной, а в сутолоке демократических толп, где нет ни озерзамков, ни бриллиантовых тронов, ни виконтесс-кокотесс!»⁷

На этот упрек и ответил первый участник диспута, чье выступление Зенкевич охарактеризовал так: «Маяковский как-то сразу врезался в нее и нарушил весь ход блестящей лекции Корнея Ивановича Чуковского, чем, мне кажется, тот был не совсем доволен».⁸ Приведем и соответствующий фрагмент одного из газетных отчетов: «Первым говорит футурист в желтой кофте г. Маяковский, поставивший Чуковскому вопрос „ребром“: „Да понимаете ли вы, г. Чуковский, что такое поэзия, что такое искусство и демократия? Поэзия — это то, — в тоне гордого презрения возвещает г. Маяковский, — что разрушает вековые ценности, которыми гордится старая культура. И только та поэзия демократична, которая разрушает старую психологию плоских лиц и душ“».⁹

Выступивший следом Крученых «в свою очередь что-то несвязно бормотал о демократии и прочел к удовольствию аудитории пародию на самого г. Чуковского, в которой он превратил его в пристава».¹⁰ Приведем фрагмент этой пародии-импровизации, как она отразилась в газетном отчете:

Чуковский — пристав
Занялся читкой
И ловлей прыткой,
Носат, неистов.
Из голенища
Берет узду,

⁷ Чуковский К. Эго-футуристы и кубофутуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». 1914. Кн. 22. С. 154.

⁸ Осип и Надежда Мандельштамы в расказах современников. С. 26.

⁹ [Б. п.]. Среди футуристов. С. 3.

¹⁰ Михайлов С. Диспут футуристов. С. 11.

Уитмен — пища.

Закончил езду...¹¹

В этот контекст и должна быть вписана единственная приведенная в интервью Зенкевича реплика из мандельштамовского выступления на диспуте: «...на лекции Чуковского было первое наше с ними совместное выступление. Тут теоретически, не только со стихами выступал Мандельштам. Он ко мне прибежал и говорил: „Я у них был... я их видел... Это такая богема, богема, знаешь... Я заново переписал свое выступление...“ — и так далее. И вот он там выступал. По-другому уже выступал, знаете, как он обычно — с апломбом несколько таким. Об акмеизме говорил... Ну вот, против Чуковского тоже высказывался, что он Уитмена... „А Уитмен, — говорит, — это человек, который... идет и раскланивается с явлением, снимает шляпу и идет дальше“».¹²

Проделанная краткая реконструкция, как кажется, позволяет предложить вариант ответа на напрашивающийся и интригующий вопрос: а с какими конкретными поэтическими текстами Мандельштам собирался примыкать к группе кубофутуристов? Или, формулируя чуть по-иному: какие поэтические тексты Мандельштама 1913 года отразили его увлечение поэзией и/или риторикой кубофутуристов?¹³

Напомню сначала, что о великом американском поэте Уолте Уитмене Мандельштам высказался не только на диспуте после лекции Чуковского, но и в позднейшей статье «О природе слова» (1922): «Америка, растратив свой филологический запас, вывезенный из Европы, как бы ошалела и призадумалась и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмена, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру».¹⁴

Нельзя ли предположить, что стихотворением о новой Еве, написание которого отчасти спровоцировал диспут после лекции Чуковского, стала «Американка» Мандель-

¹¹ [Б. п.]. Среди футуристов. С. 3. Полный текст этой газетной заметки и пародии см. также в издании: Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие: В 2 кн. Кн. 2. С. 238–239.

¹² Осип и Надежда Мандельштамы в расказах современников. С. 28.

¹³ Г. Иванов вспоминал: «...он начал писать — задолго до Пастернака и в сто раз хуже — собственного „Лейтенанта Шмидта“ рублеными рифмами Маяковского. Но, опомнившись и вернувшись в лоно „Цеха“, он уничтожил его» (Иванов Г. Осип Мандельштам. С. 619).

¹⁴ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 73.

штама, датированная 1913 годом?¹⁵ В этом стихотворении как бы скорректирован ключевой тезис выступления Маяковского 4 ноября 1913 года («Поэзия — это то, что разрушает вековые ценности, которыми гордится старая культура»). Мандельштамовская дикарка-американка не стремится разрушить вековые ценности старой культуры, а напротив, трогательно и чуть комически хочет приобщиться к ним. При этом она сама в третьей строфе стихотворения ненавязчиво уподобляется одной из таких культурных ценностей. «Прекрасная, как тополь» «океана дочь» «стоит» «в Лувре», вероятно, перед еще одной «океана дочерью» — Афродитой с острова Милос:¹⁶

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв «Титаника» совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскрегов трубы

¹⁵ Впервые напечатано это стихотворение было только в 1920 году, в севастопольском альманахе «Пьяные вишни».

¹⁶ Отмечено в статье: *Милякина А. К* интерпретации стихотворения «Американка» О. Мандельштама // *Русская филология*. 25: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 173 (https://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxv/Miljakina.pdf; дата обращения: 31.01.2022).

Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.¹⁷

Отметим в заключение, что еще Н. И. Харджиев возвел образность второй строфы мандельштамовской «Американки» к первой строфе стихотворения Маяковского все того же, 1913 года, «Кое-что про Петербург»:¹⁸

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.¹⁹

¹⁷ *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 69–70.

¹⁸ *Харджиев Н. И.* Примечания // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 262.

¹⁹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 43.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-244-245

© А. Х. Гольденберг, © Н. Е. Тропкина

НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА*

Вышел очередной том академического издания истории уральской литературы — «История литературы Урала: XIX век». Как и предыдущий, посвященный уральской литературе XIV–XVIII веков (2012), он представляет собой исследование уральского литературного сверхтекста, т. е. совокупности литературных произведений и явлений литературной жизни, сложившейся в рамках макрорегиона, традиционно именуемого «Большой Урал». Главной — и во многом уникальной — особенностью второго тома является объединение истории региональной русской литературы с историей целого ряда «национальных литератур народов, издревле проживающих на Урале и обладающих в пределах региона культурной, а сегодня и административной автономией» (с. 26). Три обширных раздела первой книги тома посвящены истории развития в XIX веке башкирской, удмуртской и коми литератур, представленных в контактах и взаимодействиях не только с русской культурой, но и с тюркской традицией, с финно-угорским миром. Они рассматриваются не как сумма отдельных литератур, а как более сложная общность, возникающая в итоге взаимодействия, или, по удачному выражению современного компаративиста, «скрепящая региональных пород» (Е. Е. Дмитриева). Создатели тома исходят из того, что «национальное в России всегда неотделимо от регионального» (с. 27). И это одна из важнейших теоретических и практических новаций данного издания.

При всем этническом многообразии и региональной самобытности уральской литературы главную роль для авторов тома играют ее взаимоотношения с процессами развития русской классической литературы XIX века. Причем речь идет не о пресловутом влиянии, а о «встречных течениях» (В. М. Жирмунский), тщательно прослеживаемых на конкретном литературном материале.

Одной из сложнейших методологических проблем, возникших в процессе создания данного труда, стала разработка его структуры. На первый взгляд, она решена просто: каждая из

двух книг тома посвящена истории литературы соответственно первой и второй половины XIX века. Однако к истории уральской литературы классической эпохи оказались в полной мере неприменимы ни традиционное деление на хронологические периоды и стадии, связанное с движением от романтизма к реализму, ни предлагаемое Пушкинским Домом в качестве программы новой академической истории русской литературы выделение в ней *узлов и циклов*, ни анклавный принцип неравномерного развития разных ветвей литературы. Так, понятия литературных направлений носят в книге условный характер, поскольку уральские варианты романтизма и реализма разительно отличаются от их классических моделей.

Сложившаяся на Урале русская «горнозаводская цивилизация», ее неоднозначные отношения с культурными традициями и верованиями других народов, живших в этом регионе, не позволяют говорить и о торжестве принципа мультикультурализма в уральской литературе. Авторы ее истории учитывают, что литературный процесс и литературная жизнь Большого Урала складывались постепенно и неравномерно в разных культурных гнездах и локусах региона. И потому наиболее адекватным в применении к исследуемому материалу для них чаще всего становится «анклавный» принцип в сочетании с портретами отдельных писателей — как почти забытых, так и самых известных.

Новаторской чертой данного труда является вовлечение в общую картину развития уральской литературы творчества оказавшихся там не по своей воле авторов — ссыльных В. К. Кюхельбекера, М. Л. Михайлова, А. Н. Плещеева, Т. Г. Шевченко, польских повстанцев, а также многих русских писателей, ученых, публицистов, включавших уральский текст в свои произведения. Отдельная объемная глава посвящена травелогам — запискам путешественников по Большому Уралу, пространство которого играло роль посредника между центром и имперскими окраинами. Взгляд на Урал изнутри и извне создает стереоскопическую картину социальной и культурной жизни региона.

Другой уникальной особенностью рецензируемого труда нам видится широчайший охват культурологического материала. История литературы рассматривается в контексте фор-

* История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Кн. 1. 664 с., ил.; Кн. 2. 768 с., ил.

мирования читательской и творческой культурной среды — от создания читательских обществ и библиотек, книгоиздательств и книготорговли, органов провинциальной периодической печати до истории театрального дела и драматургии на Урале. В новую историю уральской словесности органично вписаны творческие судьбы журналистов, театральных и культурных деятелей, каждый из которых внес свою лепту в становление литературной самобытности региона.

Вторая книга тома целиком посвящена истории русской уральской литературы второй половины века, эпохи утверждения и расцвета русского реализма. Она рассмотрена по локальному принципу с позиций геоэтики. Понимание Урала как геоконцепта влечет за собой необходимость отдельного литературного картографирования всех частей региона.

Во второй половине века уральская литература осознает свою самобытность и утверждает свой высокий региональный статус. Она входит в русскую словесность на правах «областной литературы» (термин Д. Мамина-Сибиряка) и выделяется, по мнению авторов ее истории, такими чертами, как социологизм, натурализм и этнографизм. Решающую роль в этом сыграло творчество крупнейших уральских писателей Ф. М. Решетникова и Д. Н. Мамина-Сибиряка, которым посвящены самые объемные монографические главы. По-новому осмыслен их вклад не только в уральскую, но и — главным образом — в русскую словесность. Новую трактовку получает «реалистическое» творчество Решетникова, впервые детально рассмотренное в историко-литературной перспективе (его роль в истории русского натурализма, так называемая «плохопись», предвещающая стиль А. Платонова, и др.). Определяется масштабность и значимость социальных романов и очерков Мамина-Сибиряка, которому «принадлежит честь выделения

„областной“ словесности региона из общероссийского контекста» (с. 27), как наиболее яркого и характерного представителя «прагматического реализма» (И. А. Дергачев) в контексте общерусской литературы XIX века.

Важно отметить высокий уровень издания с позиций современной текстологии: исследованию присущи тщательный отбор источников, строгая выверенность цитируемых текстов, высокое мастерство комментариев.

В работе реализован важнейший принцип современного литературоведения: необходимость обращения не только к значительным и общепризнанным писателям, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, С. Т. Аксаков, П. П. Ершов, Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, но и к писателям практически забытым, мало известным или вовсе не известным нынешнему читателю. Исследователями по крупницам собран материал о жизни и творчестве литераторов, имена которых часто буквально возвращаются из небытия. В томе представлен обширный ряд разделов, посвященных творчеству таких авторов, как П. М. Кудряшев, А. П. и О. П. Крюковы, А. В. Лоцманов, Д. Д. Смышляев, Л. В. Кигл-Дедлов, Ф. Д. Нефедов, Е. А. Словцова-Камская, А. А. Кирпищикова, П. П. Инфантьев и др.

Широчайший охват материала позволяет говорить об энциклопедическом характере второго тома истории уральской литературы. В нем воссоздана панорамная картина литературной и культурной жизни Большого Урала, каждая деталь которой открывает перед читателем самобытную ветвь русской словесности XIX века.

Сохраняя характерные черты академического исследования, издание лишено избыточной наукообразности. Оно доступно не только специалистам-гуманитариям, но и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной литературой и культурой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-245-247

© А. В. Романова

«ПОСТИЖЕНИЕ ЧУВСТВ ОБОСОБЛЕННОЙ ДУШИ-ОДИНОЧКИ...»: ЕЩЕ РАЗ О ГЕРОЯХ И. А. ГОНЧАРОВА*

Владимир Игоревич Холкин по образованию — театральный режиссер. В последней трети прошлого века он ставил спектакли

* Холкин В. И. 1) Илья Обломов: жизнь вопреки... Ульяновск: ОАО «Областная типография „Печатный двор“, 2012. 160 с.; 2) «Жизнь как „роман существования“» (экзистенциальный смысл сочинений и персонажей Гончарова) / Ил. Олега Чернова. Ульяновск: Тамбов: ООО «ТПС», 2019. 152 с., ил.

в разных театрах, но изменившиеся обстоятельства жизни¹ в конце концов привели его к литературной работе. Он известен читателям «Русской литературы» по двум опубликованным статьям: «Русский человек Обломов» (2000. № 2. С. 26–63) и «Путник одиночного

¹ См.: Крышук Н. Живущий вслед своей душе... // Первое сентября. 2013. № 1. <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201300131>; дата обращения: 11.01.2022.

вдохновения: О двух стихотворениях Кюхельбекера» (2003. № 4. С. 121–140), а также по четырем десяткам других публикаций: статей, эссе, рецензий, повестей, рассказов, стихов в журналах «Звезда», «Новый мир», «Континент», «Вопросы литературы», «Нева», «Октябрь», «Дружба народов», статей в научных сборниках «Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова» (Ульяновск, 2003), «Sub speciae tolerantiae (Памяти В. А. Туниманова)» (М., 2008) и «Обломов: константы и переменные» (СПб., 2011); и по книгам, написанным в соавторстве с А. А. Масловым: «Действующее лицо: предположения об одном современном портрете Пушкина» (СПб., 2009), «Блок: двенадцать персонажей одной души» (СПб., 2010). Возможно, читатели постарше вспомнят два его рассказа о декабристах (в соавторстве с Е. Юдиным) в № 12 журнала «Костер» за 1975 год.

Круг литературных интересов Холкина широк: русские сказки, в XIX веке — А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Вельтман, А. С. Грибоедов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, в XX веке — А. Блок, Ю. Олеша, Д. Самойлов, Ю. Казаков, А. Найман, Н. Крышук и многие другие.

Особенно глубоко Холкин погружается в исследование творчества И. А. Гончарова, по несколько раз возвращаясь к своим размышлениям. Они кристаллизуются и систематизируются с течением времени. В центре внимания — роман «Обломов», «первый русский экзистенциальный роман». ² Ему в основном посвящены оба рассматриваемых сборника. В 2012 году написанные к тому моменту статьи были объединены в первый сборник, но персонажи Гончарова не отпустили Холкина. Новый сборник дополнен несколькими статьями, он больше по объему, и можно сказать, что именно он выстроен в соответствии с идеями, проводимыми исследователем (в первом сборнике порядок статей был другой). Главное в подходе к персонажам романа то, что, по мысли Холкина, существование человека может быть и должно быть только свободным, только сам человек имеет право выбрать, как именно он существует и будет существовать. Однако подобная свобода свойственна не всем. Таков Обломов, такова Агафья Матвеевна, но больше среди героев романа совершенно свободных нет, а есть те, кто так или иначе испытывает и воплощает в жизнь самообман или самоприращение.

Тексты Холкина можно разделить на эссе (большинство) и статьи. Эссе у него обладают формальными признаками статей — отсылками к Полному собранию сочинений и писем И. А. Гончарова и к работам других авторов, оформленными как подстрочные примечания. Но суть от этого не меняется. Постоянно называющее, объясняющее, определяющее, временами даже слишком избыточное авторское

слово, проникающие вглубь гончаровского романа и человеческой природы размышления, отмеченные исповедальностью, сходны с режиссерскими объяснениями актеру, как следует понимать ту или иную роль. «Каждый по своему ремеслу», говорит восточная мудрость.

Впечатляет свободный диалог с произведениями самых разных писателей — Пушкин, Гоголь, И. Киреевский, Руссо, Кальдерон, Р. Брандштеттер, В. Шаламов, Г. Шпет...

Эссе «Русский человек Обломов» (в сборнике 2012 года — часть статьи «В Обломове с любовью отражается все то хорошее, что есть в русском человеке...») содержит ключевые для дальнейших размышлений автора понятия: похвальные — душа, человек, верность, исповедальность, полнота, любовь, идеал, одиночество (как «стихийно упорная защита своей самобытной свободы» (с. 63)), соотносимое с «отдельной-для-себя душой» Гончарова-романиста (с. 40), самосохранение, жизнь, чувство, покой, смирение, подлинность, театр (в случае Обломова — не как притворство, а как искусство) — и осуждаемые: рассудок, воля, тип, дробность, злободневность, наставничество, умышленность, «обломовщина», благоразумие. Холкин осмысляет основной конфликт романа, поэтому обращается ко всему его тексту. Им владеет «перечень беспокойных чувств, вызванный на свет Божий чтением <...> романа» (с. 33). Тон задается изначально: «Обломов не есть человек сообщества, в которого Гончаров не верит, поэтому и роман не есть исследование особенностей общественной жизни современного этому роману человека, а есть развоплощение и постижение чувств обособленной души-одиночки, озабоченной самосохранением» (с. 4). Обломов целен, и для того, чтобы оттенить его цельность, автор привлекает рассуждение Р. Эмерсона о доверии к себе (с. 38). Прочие (в большинстве) — доверяют другим. Ольга, Штольц, Агафья Матвеевна затронуты автором, но ему еще многое остается сказать.

На следующем этапе размышлений — «Обломов и „другие“» (в сборнике 2012 года — часть статьи «В Обломове с любовью отражается все то хорошее, что есть в русском человеке...») — выявляются главные не-цельные, не доверяющие себе и потому суетные персонажи, которых разоблачает общение с Обломовым: Ольга («...если в истоке отношений „другим“ была Ольга, то на исходе их „другим“ чувствует и понимает себя Обломов...» (с. 33)) и Штольц («...все <...> настаживает и заставляет усомниться в естественности умышленной, самостроительной логики жизни Штольца» (с. 35)). Здесь развивается мотив театральности: Обломов наблюдает (и отчасти режиссирует, как в случае с Захаром (с. 34)), другие — сами принимают на себя роли: «Жизнь Обломова — это жизнь <...> по зрительскую сторону „сцены“...» (с. 36). Театральность, игровая стихия, по мысли Холкина, пронизывает роман, она более тщательно рассмотрена в третьем тексте сборника — «Те-

² Там же.

атр для себя (два романа Гончарова: сценическая вероятность)» (так же в сборнике 2012 года), посвященном проблемам театральной и киноинтерпретации «Обломова» и «Обыкновенной истории». Холкин значительную часть статьи отдает наблюдениям над работой драматурга и ее отличием от работы романиста: «...прозаическое слово не прощает произвольного, корыстного извлечения из глубины своего контекста, из первозданной ткани цельного повествования» (с. 40). Далее образы «других» в «Обломове» и их интерпретация в кино- и театральных постановках (где неудачную роль сыграла «обломовщина» в ее тривиальном понимании) вызывают у Холкина желание обращения еще более пристального внимания на Ольгу и Штольца. В тексте «Любовь в берегах — от изумления к разумности (Андрей Штольц и Ольга Ильинская в романе «Обломов»)» и его естественном продолжении и развитии «„Кристаллизация“ любви и устройство жизни (Илья Обломов, Ольга Ильинская, Андрей Штольц)» (в 2012 году обе еще не включались в сборник) автор рассматривает отношения Обломова и Ольги и затем Штольца и Ольги как разрушительные для души каждого из них в силу ошибочной мотивации. При этом исследование этих двух образов идет изнутри, это, можно сказать, герменевтика, чистое истолкование того, что в романе написано, без привлечения того, что думал и писал о своем романе Гончаров. Сюжет «ухода» Обломова из любовных отношений с Ольгой логично завершается в тексте «Илья Обломов. „Уход“ или „побег“ (заметки о прощальном письме и не только о нем)», публикуемом впервые. Здесь Холкин выделяет три стадии «ухода»: «долговременный рост последовательных и положительных оснований самого мотива „ухода“; возникшее вслед основательному мотиву настойчивое побуждение к его воплощению и, наконец, действительное и окончательное свершение события „ухода“» (с. 68). Исследование самого текста письма Обломова к Ольге — тщательнейшее вглядывание, анализ тончайших оттенков смысла, и при этом — переключки со статьей И. З. Сураат «„Творить жизнь“: сюжет ухода у Пушкина и Толстого» (2013), на что указывает в начале сам Холкин.

Отношения Обломова с Агафьей Матвеевной исследованы в тексте «Душечка или душа? (о сходстве и различии героев Гончарова и Чехова)» (в сборнике 2012 года подзаголовок другой: «женщина и любовь у Гончарова и Чехова»). Холкин, как нам представляется, впервые в литературоведении (на момент первой публикации) объясняет «внутреннее молчание» Агафьи Матвеевны не ее недалекостью или необразованностью, но ее любовью к Обло-

мову («Душа ее настолько преисполнена благом, что состояние это преобразуется в свойство — цельное, сплошное и смотреть на себя извне не могущее. А потому и невыразимо оно, потому и безмолвно» (с. 86)).

Эссе «Андрей Штольц: понять Другого» (так же в сборнике 2012 года) — размышление о Штольце как таковом, исследование драмы его души — двуединости «уверенности, качнувшейся в сомнение, и <...> дара понимания, ощутившего неполноту способности суждения» (с. 99).

Однако три последние работы нового сборника — это именно статьи по стилю. В них по большей части отсутствует «плетение словес» и прослеживается обычная схема написания такого рода текстов. «Илья Обломов в „обратной перспективе“» (так же в сборнике 2012 года) — это исследование вопроса о религиозности Гончарова в полемике с В. Н. Криволаповым («Типы и идеалы Ивана Гончарова», 2001), рассматривавшим Обломова в контексте «последовательно воплощаемой им идеи личности Обломова как патриархальной русской, а души как православной и потому духовно праведной» (с. 113), а также с А. С. Кондратьевым («Трагические итоги духовной биографии Обломова», 2003), сводившим, по мнению Холкина, «образ к концепции, духовность к благодати, а „голубиную нежность и золотое сердце“ Обломова к смиренности „божьего человека“» (с. 121). Затем Холкин, обращаясь к гончаровской «Необыкновенной истории», к его переписке, к работе М. Ф. Суперанского «Болесть Гончарова» (1913) и известному письму духовника писателя, священника В. Перетерского, приходит к выводу, что религиозное поведение Гончарова было «обычным и за рамки принятого в обществе отправления православного культа <...> не выходящим» (с. 126).

Этюд «О двух очерках («Слуги старого века» И. А. Гончарова и «Домашняя челядь» Н. С. Лескова)» (не входил в сборник 2012 года) касается «Обломова» лишь кратким упоминанием о Захаре и его барине. Представляется вероятным, что Холкин еще разовьет этот сюжет в дальнейшем.

Завершается сборник статьей «Долгая память чувства («Миллион терзаний» и «Обрыв»)» (не входила в сборник 2012 года), полной тонких наблюдений над Гончаровым — почти что Чацким в переписке писателя с Е. В. Толстой (которая, как известно, является одним из прототипов Ольги в «Обломове» и Софьи Беловодовой в «Обрыве») и над тем, как реальная жизнь автора вошла в его романы.

Хочется отметить лаконичные и одновременно глубокие иллюстрации художника Олега Чернова в сборнике 2019 года.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-248-254

© И. Э. Васильева, © А. Д. Степанов

В ЗЕРКАЛЕ «ЧЕХОВСКОГО ВЕСТНИКА»: ЧЕХОВЕДЕНИЕ ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ*

Выход 40-го номера журнала «Чеховский вестник» — хороший повод оглянуться назад и подвести некоторые итоги тому, что происходило в изучении творчества Чехова в постсоветское время.

Прежде всего нужно сказать несколько слов о самом журнале. Это издание Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН, и наибольший вклад в создание и поддержание журнала на плаву в очень непростые годы внес председатель этой комиссии и бессменный главный редактор «Вестника» В. Б. Катаев, а также члены редколлегии Р. Б. Ахметшин, И. Е. Гитович, В. В. Гульченко, П. Н. Долженков, А. П. Чудаков, Т. К. Шах-Азизова. Долгое время журнал выходил при поддержке филологического факультета МГУ, в последние годы его курирует Государственный литературный музей в лице заместителя директора по научной работе Э. Д. Орлова.

«Персональных» журналов о великих писателях в мире довольно много: одних только периодических изданий, посвященных исключительно Шекспиру, насчитывается не менее шести. В отличие от большинства из них «Чеховский вестник», первый номер которого вышел в 1997 году, задумывался не как научное издание, а как информационно-библиографический бюллетень, где давался бы обзор новостей в четырех областях: книги и статьи о Чехове, постановки его пьес, обзоры конференций и события в жизни чеховских музеев. Впоследствии к ним прибавились еще два постоянных раздела: новые статьи для будущей чеховской энциклопедии и текущая библиография. В данном обзоре из-за ограниченности объема мы будем говорить только о литературоведческой части журнала, не затрагивая то, что относится к театроведению и музееведению.

Сплошное чтение рецензий «Вестника» позволяет воскресить в памяти главные достижения чеховедения за 30 лет, список которых оказывается весьма внушительным. Это серия научных сборников под названием «Чеховиана» (12 выпусков, 1990–2011); издание «А. П. Чехов. Энциклопедия» (2011); новая трехтомная «Переписка А. П. Чехова» (1996); три тома серии «Литературное наследство», посвященные рецензии творчества Чехова в мире (Т. 100. Кн. 1–3; 1997–2005); четыре тома (пять книг) «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» (2000–2016, летопись доведена до сентября 1898 года); старейшая из про-

должающихся серий сборников материалов конференций «Чеховские чтения в Ялте» (издается с 1955 года, всего 23 выпуска); серия «Чеховские чтения в Твери» (8 выпусков; 1999–2013); альманах «Мелихово» (11 выпусков, 1998–2019); ряд тематических изданий, подготовленных сотрудниками отдела по изучению и популяризации творческого наследия Чехова ГЦТМ им. А. А. Бахрушина (8 выпусков Скафтымовских чтений и 9 изданий «Бахрушинской серии», 2014–2021); постоянно пополняемая библиография работ о Чехове на русском и иностранном языках с 1961 года до наших дней (эту работу ведут П. Н. Долженков и В. Б. Катаев, библиография составляет особый раздел «Вестника», часть материалов вышла отдельным изданием в 2010 году); три тома антологии «Чехов: pro et contra», подготовленные И. Н. Сухих (2002–2016); фундаментальный свод биографических материалов «Таганрог и Чеховы» (2003); ряд новых чеховских биографий (работы А. П. Кузичевой, Д. Рейфилда и др.); восемь выпусков сборников «Молодые исследователи Чехова» (1993–2017), а также многочисленные издания, посвященные самым разным аспектам чеховедения: поэтике, рецепции, литературным связям, истории постановок пьес, театральной критике и др.

Наиболее активно развивавшейся областью чеховедения в постсоветское время, как и в предшествующий период, оставалось изучение поэтики: недостаток в новых интерпретациях как отдельных текстов, так и творчества писателя в целом никогда не было. Разнообразные по методам и результатам исследования складываются в определенный зависимый от времени «сюжет».

Трудности, с которыми столкнулось чеховедение в начале 1990-х, были отчасти общими для всей отечественной науки о литературе. Проблема заключалась не только в том, что невозможно было оставаться в рамках привычной марксистской социологической поэтики, когда «единственно верное» учение на глазах у всех доказывало свою историческую несостоятельность. Важнее было общее неверие в «большие нарративы», которое на долгие годы овладело гуманитариями. В этих условиях в истории литературы наметилась тенденция к созданию частных, «персонально ориентированных» историй, каждая из которых была телеологически устремлена к определенной вершине — поэтике Пушкина, Толстого, Достоевского или Чехова. При этом чеховедение находилось в несколько более привилегированном положении по сравнению с соседними персональными областями, поскольку в его

* Обзор подготовлен в рамках проекта № 22-28-00978, реализуемого при поддержке РФФИ в СПбГУ.

рамках еще в 1970-е годы возникли по крайней мере две сильные концепции, в основе которых лежало убеждение в том, что Чехов не просто завершал реализм, редуцируя его главные темы и приемы, но был несомненным новатором и начинал XX век. А. П. Чудаков видел это новаторство в необыкновенной открытости писателя миру: с точки зрения исследователя, для Чехова не было недостойных изображения явлений жизни; то, что у его предшественников разделялось на «важное» и «неважное», «существенное» и «неотобранное», у Чехова оказывалось соположено и уравнено, он стремился показать жизнь во всей ее неповторимости, случайности и неотобранности. В отличие от своего друга и коллеги Катаев полагал, что предмет интереса Чехова — не столько разнообразие мира, сколько разнообразие способов его познания: писатель-врач придерживался «диагностической» установки на индивидуализацию каждого отдельного случая, воздерживаясь от анализа общественных «болезней» в целом и описывая только «отдельных больных». Очень разные в деталях концепции Чудакова и Катаева сходились в том, что новым словом Чехова в искусстве была предельная конкретизация и индивидуализация субъекта и объекта познания, что позволяло писателю переходить от единичного непосредственно ко всеобщему. Исследователи 1990–2010-х годов постоянно (и часто критически) возвращались к этим концепциям, однако у каждой эпохи оказывался свой Чехов.

Десятилетие годы войдут в историю как время постмодернизма не только в искусстве, но и в гуманитарных науках. Чеховедение в этом смысле не только не было исключением, но и заметно выделялось на фоне других отраслей литературоведения широтой истолкования своего объекта. Именно в это время вышли такие написанные в духе мифопоэтики и психоанализа труды, как книга С. Я. Сендеровича об одержимости Чехова образом св. Георгия,¹ монография Дж. де Шербинин о «марианской» парадигме у Чехова,² книга В. Зубаревой о мифопоэтике четырех главных пьес Чехова,³ ин-

тертекстуальное исследование прозы писателя, выполненное М. Фрайзе.⁴ Такие книги, предельно расширявшие границы допустимых интерпретаций, часто весьма критически рецензировались на страницах журнала. Кроме того, эпоха явно тяготела к методу психобиографии, и личность автора оказывалась предметом внимания как профессиональных психиатров,⁵ так и психоаналитиков-любителей.⁶ В восприятии таких исследователей Чехов — это несчастный одержимый, которому на каждом шагу мерещатся то зеленые драконы с икон св. Георгия, то Дева Мария, то олимпийские боги, то Вечный Жид; он — раздражительный завистник, постоянно сводящий в рассказах счеты со знакомыми литераторами, страдающий то «психастенической психопатией», то нарциссизмом, то мазохизмом, то «любовью-ненавистью к матери-России» и т. п. По прочтении всех рецензий на постмодернистскую чеховиану поневоле задумываешься о том, каким неизлечимым и опасным для общества психопатом предстал бы Антон Павлович, если бы все писавшие о нем любители психоанализа и архетипической критики оказались бы *правы одновременно*. К счастью, эти методы не знают ни верификации, ни единомыслия: их адепты обычно не солидаризируются друг с другом, согласия достигают только те, кто критикует подобные сочинения с позиций здравого смысла. Кто бы ни был прав в спорах «архетипистов» и «реалистов», по прошествии десятилетий безусловным представляется только то, что подобные сочинения лишней раз подтверждают старую мысль: Чехов — зеркало, в которой каждая эпоха видит себя.

К той же постмодернистской культурной парадигме относится, по сути, и получившая широчайшую известность биография Чехова, написанная Дональдом Рейфилдом.⁷ Этот

⁴ Фрайзе М. Проза Чехова. СПб., 2012 (немецкий оригинал 1997 года); см. также: Смола К. О. [Рец. на:] Фрайзе М. Проза Чехова. СПб., 2012 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 31–34.

⁵ См.: Тихомиров С. В. Целебное творчество А. П. Чехова: размышляют медики и филологи // Чеховский вестник. 1999. Вып. 4. С. 22–28.

⁶ См.: Гитович И. Е. Не зачем, а потому что (субъективные заметки на полях). [Рец. на:] Фуско А., Томассони Р. Творчество А. П. Чехова в зеркале психологического анализа. Серия очерков. М.: Русский мир, 2001 // Чеховский вестник. 2002. Вып. 11. С. 19–25; Бакунцев А. Казуистика античеховизма. [Рец. на:] Золотоносов М. Н. Другой Чехов. По ту сторону принципа женофобии. М., 2007 // Чеховский вестник. 2008. Вып. 23. С. 30–38.

⁷ Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997; см. также: Катаев В. Б. [Рец. на:] Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997 // Чеховский вестник. Вып. 2. С. 6–12; Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2005; см. также: Гитович И. Е. Made in, или снова

¹ Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. СПб., 1994; см. также: Собенников А. С. [Рец. на:] Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. СПб., 1994 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 1. С. 1–12.

² Sherbinin J. W. de. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997; см. также: Каньшин Н. В. [Рец. на:] de Sherbinin J. W. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3. С. 50–54.

³ Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997; см. также: Ахметшин Р. Б. [Рец. на:] Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 2. С. 28–31.

основанный на многочисленных архивных материалах биографический «роман» нравится практически всем его читателям, за исключением некоторых чеховедов. Последних не устраивают три обстоятельства. Во-первых, по прочтении книги остается загадкой, как представленный в ней бонвиван сумел сочинить столь грустные, берущие за душу рассказы и пьесы: связи между жизненными событиями и художественными произведениями часто совершенно неясны, Чехов-писатель и Чехов-человек здесь нередко даже не знакомы. Во-вторых, в научной биографии не принято выдавать гипотезы за факты — особенно, когда речь идет об отношениях героя с женщинами. В-третьих, сведущим людям не нравится метод «выковыривания изюма из булки»: Рейфилд не забыл процитировать, кажется, ни одной непристойности, когда-либо написанной Чеховым и людьми из его ближайшего окружения, оставив при этом за рамками своей книги очень много прямо противоположного по духу этим игривым страницам (относящимся, кстати, исключительно к молодым годам писателя) — прежде всего тот скрытый труд самовоспитания, которым Чехов занимался всю жизнь. При таком методе исследования — а оно велось, разумеется, под лозунгом возвращения от «советского жития» к «правде жизни» — на место одного мифа неизбежно становится другой: чайивший лучшей жизни для народа бесплотный врач-общественник превращается в равнодушного к несчастьям окружающих Дон Жуана, который в последние годы и сам попал в лапы безжалостной хищницы. В сущности, от нарисованного Рейфилдом портрета недалеко и тот «Чехов», которого представлял публике в девяностые годы в романе «Ранние сумерки» писатель В. П. Рынкевич, и даже та невольная карикатура, которую создал тогда же в своих любительских пьесах директор мелховского музея Ю. А. Бычков. А к этим сочинениям, в свою очередь, примыкают разнообразные продолжения и перепевы чеховских текстов, когда чеховские герои по мановению волшебной палочки переносятся во времени и пространстве то в Париж 1900-х годов (роман Марины Влади «Мой вишневый сад»), то в британскую Вест-Индию в 1941 году (африкано-карибский драматург Мустафа Матура), то в Ливерпуль после Второй мировой войны (британские драматурги Дайян Сэмюэльс и Трейси-Энн Оберман) и т. п.

Разумеется, далеко не все работы 1990-х годов можно отнести к «постмодернистской парадигме». На наш взгляд, никак не принадлежат к ней вышедшие в это время в свет основательные труды Н. А. Кожевниковой,⁸

о биографии. Заметки читателя // Чеховский вестник. 2005. Вып. 17. С. 21–36; к сожалению, Рейфилд при переизданиях своей книги не учел ни одной из указанных рецензентами фактических ошибок.

⁸ Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А. П. Чехова. Н. Новгород, 1999.

А. С. Собенникова,⁹ Р. Е. Лапушина,¹⁰ П. Н. Долженкова,¹¹ Н. Е. Разумовой,¹² А. В. Кубасова,¹³ напечатанный в 1997 году большой том материалов конгресса в Баденвейлере, посвященного проблеме философии и религии в жизни и творчестве писателя,¹⁴ и многие другие издания.

Тем более далеки от «игры с классиком» оказываются монографии и сборники двухтысячных годов, во многих из которых суммировалась работа, проводившаяся их авторами в течение многих лет. Это можно сказать и о выполненной в духе историко-функционального и интертекстуального анализа книге Э. А. Полоцкой о «Вишневом саде»,¹⁵ и о сборнике статей А. Г. Головачевой «Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога» — редком примере разумного, без преувеличений и вчитываний, поиска источников чеховских текстов и типологических параллелей к ним,¹⁶ и о расширенной примерно в три раза по сравнению с первым изданием 1987 года книге И. Н. Сухих «Проблемы поэтики Чехова».¹⁷

⁹ Собенников А. С. «Между „есть Бог“ и „нет Бога“...» (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, 1997.

¹⁰ Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998; см. также: Чудаков А. П. [Рец. на:] Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 29–31.

¹¹ Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998; см. также: Финк М. [Рец. на:] Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 35–37.

¹² Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001; см. также: Собенников А. С. [Рец. на:] Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001 // Чеховский вестник. Вып. 2. С. 21–22.

¹³ Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.

¹⁴ Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums. Badenweiler, 20–24 Oktober 1994 / Hrsg. von V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil. München, 1997; см. также: Криницын А. Б. [Рец. на:] Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. München, 1997 // Чеховский вестник. Вып. 3. С. 23–26.

¹⁵ Полоцкая Э. А. «Вишневый сад». Жизнь во времени. М., 2003; см. также: Гульченко В. В. «Вишневый сад» как явление русской жизни // Чеховский вестник. 2003. Вып. 13. С. 10–13.

¹⁶ Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога. Симферополь, 2005.

¹⁷ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. 2-е изд., доп. СПб., 2007.

В 2000-е годы множатся и работы, сопоставляющие Чехова с литературой XX века, в том числе и с постмодернизмом, однако уже не «изнутри» последнего, как десятилетием ранее, а в рамках вполне корректных академических сопоставлений.¹⁸ Упомянутые выше три тома «Литературного наследства», посвященные международным связям Чехова, несмотря на масштабность представленных в них исследований, не могли решить всех компаративистских задач, и в 2000-е годы выходит ряд сборников, затрагивающих самые разные аспекты как «западных», так и «восточных» литературных связей писателя.¹⁹

В 2010-е годы чеховеды в гораздо меньшей степени, чем в предшествующие десятилетия, стремились к сенсационности и нестандартности прочтений. Как и раньше, численное преимущество в эти годы оставалось за поэтикой и работами историко-литературного плана. Однако по рецензиям «Вестника» стала заметна явная дифференциация строго научного, академического литературоведения и вольных прочтений, которые еще недавно воспринимались многими как равноправные с научными. К первой группе принадлежат серьезные и вместе с тем взвешенные, аргументированные, построенные на широкой доказательной базе монографии, посвященные различным аспектам чеховской поэтики и/или месту Чехова как писателя и человека в историко-литературном и общекультурном контексте. Среди них стоит особо отметить фундаментальный труд Л. Е. Бушканец «„Он между нами жил...“. А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века»,²⁰ где на большом материале даются ответы на основные вопросы о рецепции личности и творчества писателя критикой и читающей публикой конца XIX — начала XX века.²¹ К числу исследований, сумевших сказать «новое слово» о Чехове в области поэтики, мы отнесли бы глубоко продуманную философскую работу Н. Е. Разумовой «Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства», вышедшую в это время вторым, значительно расширенным изданием,²² а так-

же, безусловно, капитальный труд А. П. Кузичевой «Чехов. Жизнь „отдельного человека“» — на сегодняшний день самую обширную и основательную и по объему, и по количеству привлеченного материала чеховскую биографию.²³ Безусловно, по духу и исполнению ближе к верифицируемой «науке», чем к самодостаточному «искусству», находятся и всегда интересные, однако в чем-то амбивалентные работы П. Н. Долженкова, в которых дух позитивизма местами сочетается с явными преувеличениями.²⁴

Другую группу составляет продукция совсем иного рода. Снабженные многообещающими названиями и аннотациями, эти работы пестрят неточностями, фактическими ошибками, натянутыми и бездоказательными сближениями и субъективными авторскими ассоциациями. На наш взгляд, особая заслуга «Чеховского вестника» как раз и состоит в том, что он, публикуя обстоятельные рецензии на эти «новации», не только показывает их несостоятельность, но и устанавливает «планку» — необходимый уровень обоснованности исследования, без которого говорить о перспективах и чеховедения, и филологии как научного, а не популистского знания не приходится.²⁵ Листая страницы «Чеховского вестника», убеждаешься, что одно из главных «зол», которое явно обнаружилось себя в последнее десятилетие, — это коммерциализация. Пожалуй, еще более, чем поэтика, от ускоренного производства «изданий» и «трудов» в ущерб качеству страдает область биографических исследований и продолжающиеся с 1990-х годов всегда неудачные попытки «художественно домыслить» чеховскую жизнь. Стремление оспорить Чехова или самоутвердиться за его счет время от времени по-прежнему, как и в 1990-е годы, приводит то к конструированию новых версий чеховской жизни (роман А. Андерсон «Летний гость»²⁶),

²³ Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». СПб., 2011. См. также: Бушканец Л. Е. Запоздавшая рецензия // Чеховский вестник. 2011. Вып. 27. С. 9–20.

²⁴ Долженков П. Н. 1) «Как приятно играть на мандолине!» О комедии Чехова «Вишневый сад». М., 2008; 2) Эволюция драматургии Чехова. М., 2014. См. также: Тихомиров С. В. 1) [Рец. на:] Долженков П. Н. Эволюция драматургии Чехова. М., 2014 // Чеховский вестник. 2014. Вып. 24. С. 39–49; 2) Новая книга о драматургии Чехова // Чеховский вестник. 2015. Вып. 31. С. 16–25.

²⁵ См., например: Ахметшин Р. Б. Книга о Чехове и Достоевском // Чеховский вестник. 2018. Вып. 35. С. 39–45; Мельников Н. Г. Чехов & Набоков // Чеховский вестник. 2019. Вып. 37. С. 44–52; Орлов Э. Д. «Опыт непредвзятого чтения», или О губительной любви... к Чехову // Чеховский вестник. 2019. Вып. 38. С. 31–35.

²⁶ Anderson A. The Summer Guest. New York, 2017. См. рец.: Спачиль О. В. Биография как сюжет (о романе Алисон Андерсон

¹⁸ См.: Петухова Е. Н. Приятие Чехова. Чехов и русская литература конца XX века. СПб., 2005.

¹⁹ См.: Ибсен. Стриндберг. Чехов: Сб. статей / Отв. ред. М. М. Одесская. М., 2007; А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы междунар. научно-практич. конф. 21–30 сентября 2005 года, г. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 2006.

²⁰ Бушканец Л. Е. «Он между нами жил...». А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань, 2012.

²¹ Подробнее см.: Степанов А. Д. Как создавался «Чехов» // Чеховский вестник. 2013. Вып. 29. С. 6–12.

²² Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2013.

то к модернизации его текстов через совмещение их с контекстом сегодняшней массовой культуры (сборник рассказов Б. Гринмана «Звездный Чехов»²⁷). Несомненной антитезой этому подходу оказался вышедший к 150-летию юбилею писателя компендиум цитат, скомпилированных И. Н. Сухих по образцу вересаевского «Пушкина в жизни». Чтение этих «сюжетов для небольшого романа» познавательнее, чем знакомство с любыми альтернативными романизированными биографиями.

Интерес к Чехову в современной массовой культуре по-прежнему велик, и он продолжает непрерывно порождать все новые спекуляции. Чуть ли не единственным действенным вариантом противостояния этой тенденции оказывается сдержанная, но вместе с тем развернутая, насыщенная конкретными примерами, представляющая доказательный анализ работа рецензентов. Остается только пожалеть о скромном тираже «Чеховского вестника», в силу чего необходимая и важная работа по отделению «зерен от плевел» становится известна лишь ограниченному кругу заинтересованных чеховедов: только в силу малодоступности «Вестника» талантливые и очень точные заметки молодого чеховеда Виктора Зайцева не могут соревноваться с махровой любительщицей знаменитого Дмитрия Быкова.²⁹

Общий для гуманитарных наук «антропологический поворот» 2010-х годов не обошел стороной и чеховедение, однако в этой области пока трудно назвать примеры успешного и продуктивного применения новой методологической оптики, более частотными оказываются неудачи. Так, работа К. В. Борисовой «Театр героев А. П. Чехова»,³⁰ претендующая на новый взгляд в духе «антропологической поэтики», на деле превращается в расфокусированный разговор о разных особенностях чеховского текста. Автору, как считает рецензент «Чеховского вестника», стоит «изначально как можно более ясно очертить предмет своего исследования».³¹ А вот настоящим достижением чеховедческой антропологии можно считать

«Летний гость» // Чеховский вестник. Вып. 38. С. 20–30.

²⁷ *Greenman B. Celebrity Chekhov. New York, 2010. См. рец.: Лапушин Р. Е. Celebrity Chekhov // Чеховский вестник. 2011. Вып. 26. С. 116–119.*

²⁸ *Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010. См. также: Волчкевич М. [Рец. на:] Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010 // Чеховский вестник. Вып. 27. С. 20–22.*

²⁹ См., например: *Зайцев В. Воображаемый Дмитрий Быкова. [Рец. на:] Быков Д. Л. Время потрясенных. 1900–1950 гг. М., 2018 // Чеховский вестник. 2018. Вып. 36. С. 43–54.*

³⁰ *Борисова К. В. Театр героев А. П. Чехова. М., 2019.*

³¹ *Зайцев В. Ненадежен метод — противоречивы результаты // Чеховский вестник. 2016. Вып. 32. С. 57.*

ряд основательно подготовленных, прекрасно изданных, построенных на скрупулезном историко-литературном и исследовательском подходе книг, открывающих для профессионального и непрофессионального читателя историю чеховских мест. Это прежде всего работы А. Г. Головачевой «А. П. Чехов и Крым» и «Чеховский Кучук-Кой»,³² коллективный труд сотрудников ялтинского Дома-музея А. П. Чехова «Необыкновенный сад А. П. Чехова»,³³ а также уникальный альбом «Антон Чехов. „Сахалинская“ коллекция».³⁴ В этих изданиях образ Чехова-человека раскрывается через документы, без посредничества преломляющей и невольной — в ту или иную сторону — искажающей оптики биографа-исследователя. Такой принцип подачи информации как бы «от первого лица» выгодно отличает отечественную научную традицию от подхода «вольных» биографов и интерпретаторов.

Все сильнее укреплялся в последние десятилетия статус Чехова как классика мировой литературы. Ведущая роль в этом по-прежнему принадлежит его драматургии, давно и прочно завоевавшей мировую сцену. Однако отличительной чертой последних лет стало широкое присутствие Чехова не только в культурной сфере, но и в фундаментальной науке. В разных странах появился целый ряд очень серьезных работ, ориентированных на различные методологические концепции и предлагающих глубокое прочтение чеховской прозы. Это книги Р. Е. Лапушина, Х. Питчера, Н. Няголовой, А. Голомба, Д. Клейтона и Я. Мирзон, Т. Клапури и многих других.³⁵ Разнообразие подходов само по себе примечательно и отражает свойственный современному этапу калейдоскопический принцип осмысления изучаемого объекта. Суть его в том, что ни одна из применяемых оптик не может считаться

³² *Головачева А. Г. 1) А. П. Чехов и Крым. М., 2014; 2) Чеховский Кучук-Кой. История одного имени. М., 2019.*

³³ *Необыкновенный сад А. П. Чехова. Альбом-каталог: В 2 т. / Под ред. Ю. Г. Долгополовой, О. О. Пернацкой, Л. А. Титоренко. Белгород; Ялта, 2018.*

³⁴ *Антон Чехов. «Сахалинская» коллекция / Автор-сост. Э. Д. Орлов, Т. Н. Шипова. М., 2018.*

³⁵ *Lapushin R. «Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. New York, 2010; см. рец. на эту работу: Степанов А. Д. Поэтическая система координат // Чеховский вестник. Вып. 26. С. 87–90; Pitcher H. Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime. Cromer, 2010; Няголова Н. Между бита и биты: герой и вещь в драматургията на А. П. Чехов. Велико Търново, 2009; Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence Through Absence. Brighton; Chicago, 2014; Adapting Chekhov: The Text and its Mutations / Ed. by J. D. Clayton and Y. Meerzon. New York; London, 2013; Klapuri T. Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku, 2015.*

приоритетной и вместе с тем только при наличии разных проекций видения-осмысления можно добиться в итоге минимального эффекта искажения. Смысл — вне поисков которого не может существовать филологическая наука — находится где-то между предлагаемых прочтений, причем смысл этот как двустороннее зеркало — позволяет увидеть и текст, и смотрящую на него историческую эпоху. И тогда число «точек» взгляда увеличивает вариативную глубину рассматриваемой картины. Удачным примером реализации такого калейдоскопического принципа можно считать изданный в США том «Письма Чехова: биография, контекст, поэтика».³⁶

Еще одна примечательная особенность современного этапа разветвления темы «Чехов — классик мировой культуры» выражена в расширении «чеховедческой карты». Помимо уже привычных «маршрутов» («Чехов на европейской/американской сцене», «европейская/американская литература и Чехов») в круг влияния Чехова включаются все новые географические ареалы: арабский мир,³⁷ Бразилия,³⁸ а давно освоенное европейское культурное пространство дополняется новыми чертами.³⁹ Важное значение в этом общем процессе имеют и результирующие работы, демонстрирующие глубину понимания чеховского наследия другой культурой. Примером такого труда могут служить два вышедших в Венгрии сборника «Антон Павлович Чехов. Подходы — Переводы» и «Адаптации — Чехов».⁴⁰ Такой всесторонний интерес зарубежных исследователей к Чехову — явление именно последних десятилетий.

Наконец, нельзя не упомянуть о важном событии последнего десятилетия — создании (усилиями ныне покойного В. В. Гульченко) отдела по изучению и популяризации творческого наследия Чехова в Театральном музее

им. А. А. Бахрушина и последовавшей за этим организации чтений, посвященных развитию идей одного из лучших чеховедов советского времени — А. П. Скафтымова, а также об издании огромных по объему и чрезвычайно интересных по содержанию сопоставительных сборников (Чехов в соотнесении с Достоевским, Островским, Тургеневым, Шекспиром и др.).

Из работ самого последнего времени хотелось бы особо отметить два новых труда ведущего сотрудника упомянутого выше отдела бахрушинского музея — А. Г. Головачевой. В первом из них,⁴¹ посвященном прочтению чеховских пьес в контексте драматических сочинений его совершенно забытых современников, исследовательница отвечает на вопрос, который на поверку оказывается весьма непростым: а чем отличается творчество вошедшего в мировой канон автора от неизвестных даже специалистам пьес И. Шпажинского, И. Гурлянда, В. Александрова, А. Тихонова (Лугового), Е. Гославского и многих других? Сложность вопроса определяется тем, что, как показывает Головачева, огромное большинство «чеховских ружей» — приемы, считавшихся специфическими для Чехова — стреляло уже в драмах и комедиях его безвестных коллег. Вторая книга Головачевой является результатом сорокалетнего изучения «Чайки» и представляет собой фундаментальный труд, исследующий великую пьесу со множества точек зрения и во всех возможных контекстах.⁴²

За рамками нашего обзора в силу ограниченности объема с неизбежностью должны были остаться самые крупные достижения чеховедения — те, которые были кратко перечислены в самом начале статьи. Однако приходится констатировать, что далеко не все масштабные проекты, осуществленные Чеховской комиссией за последние тридцать лет, достигли желаемой цели. «Чеховиана» не выпускается с 2011 года, планы ее возрождения пока не могут реализоваться из-за отсутствия средств. Давно замер и огромный проект всеобъемлющей «Чеховской энциклопедии» — из подготовленных материалов был собран только сравнительно небольшой том, представляющий собой энциклопедию для школьников. Несмотря на многочисленные, многолюдные и, казалось бы, весьма успешные «молодежные» конференции, число молодых исследователей, готовых и дальше активно заниматься творчеством Чехова, весьма невелико. Изучение чеховских архивов, где хранится множество неопубликованных материалов, также не продвигается вперед: в 2007 году И. Е. Гитович сетовала, что к ним «за последние 10–15 лет обращались считанные единицы исследователей и почти

³⁶ Chekhov's Letters / Ed. by C. Appolonio and R. Lapushin. Lanham, 2018. См. рец. на это издание: *Евдокимов А.* Американская книга о письмах Чехова // Чеховский вестник. Вып. 26. С. 7–16.

³⁷ *Али-Заде Э. А.* Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). М., 2014. Кн. 1. См. также: *Капустин Д.* Чехов и арабский мир // Чеховский вестник. Вып. 31. С. 26–34.

³⁸ *Nascimento R. A. do. Tchêkhov e os palcos brasileiros.* São Paulo, 2018. См. рец.: *Гуревич Д.* Чехов в Бразилии // Чеховский вестник. Вып. 37. С. 16–24.

³⁹ См.: *Бюклинг Л.* Антон Чехов в Финляндии // Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX веков. СПб., 2015; *Уральский М.* Чехов и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников. СПб., 2020.

⁴⁰ *Közelítések — Közvetítések / Ed. by I. Regéczi.* Debrecen, 2011; *Csehov — Újraírások / Ed. by I. Regéczi.* Debrecen, 2016.

⁴¹ *Головачева А. Г.* Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги»: Монография. М., 2020.

⁴² *Головачева А. Г.* «Чайка» А. П. Чехова. Поэтика. Проблематика. Литературно-театральный контекст. М., 2022.

ни один молодой...»;⁴³ с тех пор ситуация мало изменилась.

Еще одна досадная лакуна, которая обнаруживается по прочтении всех номеров «Вестника» — это почти полное отсутствие исследований интереса к «ближайшему контексту» — русским писателям и драматургам 1870–1890-х годов, современникам и коллегам Чехова, которых он называл «артелью восьмидесятников». Мировая слава писателя заставляет постоянно сопоставлять его то с Шекспиром, то с Ибсеном, то с Достоевским (этим темам в последние годы был посвящен ряд конференций, за которыми последовало издание сборников). Однако начитанность Чехова в мировой классике зачастую вызывает большие сомнения: нет, например, никаких документальных свидетельств того, что он читал «Госпожу Бовари». А вот то, что он читал Лейкина, Вилибина, Леонтьева-Щеглова, Баранцевича, Тихонова (Лугового), Смирнову-Сазонову; смотрел в театре Неvejина и Шпажинского — легко подтвердить и письмами Чехова, и цитатами из его произведений. Между тем во всей гигантской чеховиане, получившей отражение в рецензиях «Вестника», едва ли найдется два десятка статей, в которых творчество Чехова сопоставлялось бы с произведениями его забытых современников (в этом отношении выгодно отличаются упомянутые выше труды А. Г. Головачевой). Как нам кажется, будущее чеховедения — не в тысяча первая интерпретации «Чайки» с позиций «вчитывающих» интертекстуальных подходов, демонстрирующих эрудицию и остроумие исследователя, а в архивной работе и экспликации ближайшего контекста. По-новому должна быть представлена и социопэтика Чехова: по-

явившиеся в исторической науке новые фундаментальные труды о последней трети XIX века пока явно не находят отклика в чеховедении. Несомненно нужен новый реальный комментарий к сочинениям Чехова — возможно, пришло время подумать и о мультимедийном комментарии. Благодаря труду Л. Е. Бушканец мы имеем довольно четкое представление о том, как сформировалась репутация Чехова в России, как он стал русским классиком. Очередная задача чеховедения — ответ на вопрос: «Как Чехов стал классиком мировой литературы?»

Помимо этих глобальных целей, сохраняются и ряд частных задач: среди них — проблемы атрибуции некоторых текстов «малой прессы» начала 1880-х, возможно принадлежавших Чехову;⁴⁴ дискуссионным остается даже вопрос о дебютном произведении Чехова-юмориста. Купюры в корпусе писем устранны, но по-прежнему нет полного издания эпистолярного наследия. Наконец, редколлегия «Чеховского вестника», по всей видимости, необходимо предпринять некоторые практические действия для укрепления статуса и популяризации журнала: в первую очередь получить номер ISSN, для того чтобы издание стало журналом юридически, а также обеспечить его полноценное присутствие в РИНЦ, в том числе в полнотекстовом формате.

Но в целом чтение «Чеховского вестника» убеждает в том, что чеховедение — живая и развивающаяся область литературоведения, которая не исчерпала своего потенциала и будет продолжать существовать невзирая на сменны научной моды благодаря сложности и глубине самого предмета исследования — жизни и творчества Чехова.

⁴³ Гитович И. Е. Биография Чехова — вчера и завтра // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания / Отв. ред. А. П. Чудаков. М., 2007. С. 46.

⁴⁴ См. рец. Э. Д. Орлова на работы Д. М. Евсеева: Орлов Э. Д. Проблемы атрибуции // Чеховский вестник. 2007. Вып. 21. С. 24–31.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-254-256

© О. Р. Демидова

ДЕВА-ВОИТЕЛЬНИЦА: ВАРИАНТЫ ОБРАЗА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА*

Монография В. Б. Зусевой-Озкан представляет собой первый опыт системного описания и анализа одного из «вечных» образов мировой культуры — архетипического образа девы-воительницы и связанного с ним сюжетно-

мотивного комплекса в литературе русского модернизма. При этом последняя понимается расширительно, «как литература Серебряного века в целом, т. е. приблизительно с 1890-х до начала 1930-х годов, включая сюда и литературу русской эмиграции первой волны» (с. 14). Программа-максимум, как определяет ее автор, состоит в «описании Серебряного века как единого континуума <...> в аспекте репрезентации в ней девы-воительницы» (с. 15), что по-

* Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с., ил. (сер. «„Вечные“ сюжеты и образы»; вып. 5).

зволяет представить новый взгляд на обе взаимно соотносимые предметные области и рассмотреть литературу русского модернизма как пространство изменения гендерного порядка в эпоху модерна.

Специфика литературы русского модернизма, к основным характеристикам которой следует отнести выраженное стремление к синтезу искусств и активному межкультурному взаимодействию, имевшее результатом необычайное расширение культурных «горизонтов» большинства авторов, обусловила необходимость расширения предметного поля исследования: В. Б. Зусева-Озкан обращается не только к собственно литературным источникам, но и к живописным, театральным, музыкальным, фольклорным, религиозно-мистическим текстам, детально реконструируя тот единый концептуальный, эстетический и художественный фон, из которого «прорастал» образ девы-воительницы. Подобный междисциплинарный подход позволяет автору, во-первых, представить типологию образа и связанных с ним мотивов и сюжетов, во-вторых, проанализировать наиболее репрезентативные в этом отношении тексты как писателей «первого ряда», так и менее известных литераторов. Немаловажно, что произведения с участием девы-воительницы анализируются не только в контексте всего творчества того или иного писателя, но и в едином контексте культуры эпохи модернизма. При этом основной предмет интереса автора монографии — процесс и механизмы расшатывания гендерных ролей и стереотипов в Серебряном веке (с. 15).

Масштабность, новизна и неоспоримая оригинальность¹ задачи и ракурса исследования определили его методологический аппарат, сочетающий мифопоэтический и историко-культурный методы со структурно-семиотическим, компаративным, интертекстуальным анализом при ведущей роли гендерного подхода. Кроме того, модернистские тексты анализируются («читаются») «через оптику „жизнестроительства“, взаимодействия искусств, социального действия и биографической значимости» (с. 19). Избранная комплексная методология позволяет автору монографии детально рассмотреть весьма репрезентативный корпус текстов и явленных в них (ин)вариантов образа девы-воительницы в контексте многовековой культурной традиции — как ее продолжение и развитие, с одной стороны, но и как пространство деконструкции жесткой

универсальной патриархатной дихотомии маскулинности и фемининности и конструирования² «новой» фемининности — с другой. Образ девы-воительницы при этом расценивается как случай «гендерного беспокойства» («gender trouble») на фоне нормативного гендерного дисплея.

Структура монографии определяется поставленной целью, количественными и качественными характеристиками материала и ракурсом исследования, задающим основной вектор поступательной логики анализа культурного феномена от нормативной традиции к представленным в отдельных текстах вариантам ре/деконструирования архетипического образа и далее к новой типологии переосмысленного образа и связанных с ним мотивов и сюжетов.

В предваряющих основной корпус «Пролегоменах» задаются теоретические основания и определяются стратегия и механизмы анализа, единые для последующих четырнадцати глав. Прежде всего автор выделяет неэлимилируемое ядро образа девы-воительницы, которое составляет «сдвинутый — по сравнению с традиционным — баланс сил» (с. 23). Иными словами, героиня-воительница в разного рода ситуациях, традиционно относимых к так называемым прерогативам мужским, оказывается сильнее или искуснее мужчин или, как минимум, равна им. Далее определяются эстетические границы образа: автор относит к деве-воительнице «такой женский персонаж, который удовлетворяет следующим критериям: характерологическому, гендерному, мифопоэтическому, аллюзивному, номинативному» (с. 26). По мнению автора, все рассматриваемые в «отражениях» и трансформациях в литературе Серебряного века женские персонажи, относящиеся к разным национальным традициям и разным культурным эпохам, «иногда довольно далеко друг от друга отстоящие», имеют одну семантическую основу и, следовательно, представляют собой «лишь разные варианты одного образа» (с. 40–41). Очевидно, что в совокупности они образуют некий типологический инвариант, с которым связан комплекс сюжетов, мотивов, топосов, стереотипов и источников, детально анализируемых автором на обширном историко-культурном материале с опорой на ставшие классическими труды по истории и теории литературы и культуры³ (с. 41–62). Завершает «Пролегомены»

¹ Несмотря на наличие значительного корпуса исследований, посвященных образу девы-воительницы в мифологии, фольклорных жанрах, в современной массовой культуре, а также работ о гендерном порядке в России в целом (см. с. 19 и библиографию работы), указанный образ до сих пор не был предметом исследования в сочетании с соответствующим сюжетно-мотивным комплексом и в связи с основной проблемно-тематической парадигмой Серебряного века.

² Под конструированием гендера автор понимает «отразившиеся в текстах (и художественных, и эгодокументах литературных деятелей) варианты репрезентации „фемининного“ и „маскулинного“ как нормативных канонов (социальных ожиданий), форм подтверждения сложившегося гендерного порядка, с одной стороны, и выхода за их пределы, разрушения такого порядка — с другой» (с. 18).

³ См. список источников и использованной литературы (с. 681–702), именной указатель

раздел «Воительница в русской литературе до Серебряного века» (с. 62–91), в финале которого автор приходит к убедительному и хорошо фундированному выводу о том, что как в творческом, так и в исследовательском сознании предшественников русского модернизма сосуществовали («соотносились») восходящие к различным национальным традициям разные варианты образа воительницы, сливающиеся в единый тип (с. 90–91). Перефразируя, можно утверждать, что культурная контаминация выступала как основной прием/механизм формирования инвариантного образа.

Последующие главы посвящены анализу образа девы-воительницы в произведениях писателей русского модернизма, представляющих три эстетически и художественно разные культуры: позднюю дореволюционную российскую, русскую эмигрантскую 1920 — 1930-х годов и раннюю советскую. Прежде всего, заслуживает внимания тщательный отбор авторов и текстов, включенных в монографию.⁴ Очевидно, что в рамках одной книги невозможно учесть абсолютно всех писателей, обращавшихся к образу воительницы, и все тексты, в которых она действует. Вместе с тем заданная тема и цель исследования предполагают анализ феномена во всем его многообразии и на широком историко-культурном и историко-литературном фоне. Представляется, что В. Б. Зусева-Озкан вполне успешно разрешила эту непростую задачу: в каждом из отобранных для анализа произведений А. А. Барковой, А. Белого, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева, Е. И. Замятина, М. А. Кузмина, М. Е. Лёвберг, Д. С. Мережковского, С. Я. Парнок, Л. Столицы, М. И. Цветаевой явлен один из вариантов сосуществовавших в литературе образов девы-воительницы, обусловленных гендерной принадлежностью автора, его/ее мировоззрением, идеологическими и эстетическими предпочтениями, принадлежностью к определенной традиции, местом и статусом в литературе, системой ценностей, жизненными обстоятельствами. В результате во всех главах монографии представлены и подробно проанализированы общекультурные и собственно литературные источники образа девы-воительницы и векторы его преломления в созна-

(с. 703–706) и указатель мифологических и литературных персонажей (с. 707–711).

⁴ Как одно из безусловных достоинств работы следует отметить то обстоятельство, что В. Б. Зусева-Озкан не только обращается к целому ряду текстов, не становившихся прежде предметом анализа (произведениям Л. Столицы, стихотворению Н. Г. Львовой «Твой шлем покатылся...», пьесам М. А. Кузмина «Всадник» и А. А. Барковой «Настасья Костер»), но и вводит в научный оборот значительный корпус никогда не публиковавшихся произведений (например, глава, посвященная М. Е. Лёвберг, полностью основана на архивных материалах).

нии авторов, что в некоторых случаях задано уже в названии главы,⁵ варианты образа,⁶ место образа в едином контексте творчества автора⁷ и даже в истории литературного быта эпохи.⁸

Не менее значима и парадигма вариантов авторского отношения к образу: от полной или частичной идентификации с ним у большинства авторов-женщин до семиотического переосмысления его у Брюсова, Гумилева, Блока, Белого, «переписывания» у Н. Г. Львовой, дегероизации у Замятина и подчеркнуто мизогинного «снятия» у Кузмина.⁹ Представляется, что подобное многообразие свидетельствует не только о специфике личности и творческих установок каждого из авторов, но и о нестабильности гендерного порядка эпохи, о все более очевидном размывании границ маскулинного и фемининного.

Наряду с вербальным, в монографии существует визуальный текст, воссоздающий историю образа воительницы от античных богинь до советских, извода 1960-х годов, и являющий «зримые» его варианты, которые иллюстрируют разные стадии эволюции представлений о деве-воительнице, складывавшихся и бытовавших в культурном сознании человечества на протяжении тысячелетий. Взаимно дополняя друг друга, оба текста дают исчерпывающее представление не только об эстетических горизонтах предшествующих эпох, но и о присутствующих каждой из них гендерных нормах, установках, стереотипах и критериях, в значительной мере определявших течение жизни и способности ее отображения в творчестве.

⁵ «Валькирическая героиня в системе персонажей драматической поэмы Н. С. Гумилева „Гондла“» (с. 182–231), «Валькирический миф в творчестве Андрея Белого» (с. 318–353), «Поэма-сказка М. И. Цветаевой „Царь-Девница“ в свете фольклорных и литературных источников» (с. 486–539).

⁶ «Дева-воительница как *alter ego* М. И. Цветаевой» (с. 440–485), «Воительница как *persona non grata* в творчестве С. Я. Парнок» (с. 540–563), «Амазонка, красноармейка, атаманша: воительница в творчестве А. А. Барковой» (с. 620–663).

⁷ «Воительница у Д. С. Мережковского и формирование концепции Третьего Завета» (с. 92–127), «Дева-воительница в художественном мире А. А. Блока и гностический миф» (с. 232–317), «Воительницы и андрогинны в творчестве Любови Столицы» (с. 388–439), «Драма „Жанна д'Арк“ (1902) в контексте творчества М. Е. Лёвберг» (с. 564–583), «Дева-воительница как константа художественного мира» Е. И. Замятина (с. 584–619).

⁸ «Образ девы-воительницы в поэтическом диалоге В. Я. Брюсова и Н. Г. Львовой» (с. 128–153), «„Бой“ В. Я. Брюсова и „Поединок“ Н. С. Гумилева: проблема поэтического соотнесения» (с. 154–181).

⁹ «Воительница в творчестве М. А. Кузмина и образ профанной любви» (с. 354–387).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-257-258

© Л. Д. Бугаева, © С. Д. Титаренко

ЛИТЕРАТУРА ДИАСПОРЫ КАК ФЕНОМЕН ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Сборник статей «Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)» посвящен не только давней дискуссионной проблеме «одна или две русских литературы»,¹ но и не менее спорному, но, безусловно, важному для исследования литературы эмиграции феномену транснациональной культуры. Диаспора рассматривается авторами как «инаковость» типа существования, который способствует формированию особых моделей идентичности. Вышедший под редакцией Марии Рубинс, сборник состоит из статей таких исследователей русской литературы, как Андреас Шёнле, Памела Дэвидсон, Марк Липовецкий, Кевин М. Ф. Платт, Дэвид Бетеа, Адриан Ваннер, Кэтрин Ходжсон, Галин Тиханов, и направлен на осмысление темы «диаспорального бытия». В нем выделяются три концептуально значимых раздела: «Диаспорическая идентичность и перформативные практики в транснациональных контекстах», «Эволюционные траектории: адаптация, „скрещивание“ и транскультурная полиглоссия» и «Воображаемые локусы единства и различия». Их предваряет вступительная статья М. Рубинс «Невыносимая легкость диаспорического бытия», название которой «объясняет» смыслы романа М. Кундеры («Невыносимая легкость бытия»), посвященного судьбам эмигрантов. Центральной проблемой в ней является амбивалентность локусов диаспоры как альтернативных форм национальной идентичности.

Проблема идентичности человека в ситуации изгнания рассматривается также в целом ряде статей. Размышляя об амбивалентности «перформанса изгнания» одного из первых русских эмигрантов — Н. И. Тургенева, автора книги «Россия и русские» (опубл. 1845), приговоренного к смертной казни после восстановления декабристов и оставшегося жить в Англии, А. Шёнле в статье «Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания» анализирует болезненный процесс «духовного отрыва» от родины и адаптации человека к новому «промежуточному» существованию. Автор считает, что человек изгнания не может в полной мере разрешить антиномию между травмой трагического разрыва

с родиной и обретенной им духовной свободой, ощущая свою «инаковость». Поэтому Тургенева нельзя в полной мере считать представителем постмодернистских моделей изгнания. Его пример демонстрирует личный опыт «либеральной автономии личности», так как он был склонен к размышлениям о своей политической и культурной миссии «наднационализма» и рассматривал мировую историю «как непрерывное сближение и уравнивание наций под влиянием прогресса цивилизации» (с. 70). Вместе с тем амбивалентность его опыта проявляет «болевые точки» диаспорального бытия, сказавшиеся не только в XIX веке, например в опыте А. И. Герцена, но и в XX столетии.

П. Дэвидсон, в свою очередь, в статье «Переосмысление русской литературной традиции пророчества в диаспоре (Бунин, Набоков и Вячеслав Иванов)» ставит проблему влияния транснационального контекста на мессианскую роль писателя. Она показывает, как проповедническая миссия русской литературы может меняться в условиях диаспоры, когда писатель, как, например, Набоков, иронически ее обыгрывает или — как Вяч. Иванов, для которого «дом» и «родина» были понятиями духовными, — «включает свой личный опыт и свое понимание недавних событий на родине в гораздо более широкий транснациональный — или даже наднациональный — контекст» (с. 123). Поэтому она считает, что «диаспоральные сообщества будут по-прежнему играть важнейшую роль, выступая в качестве посредников между национальным и транснациональным дискурсами, способствуя тем самым их взаимообогащению» (с. 141).

А. Ваннер в статье «Транслингвальная поэзия и границы диаспоры: самопереводы Марины Цветаевой, Владимира Набокова и Иосифа Бродского» обосновывает мысль, что представители русской эмиграции в своих переводах не изживали родной язык и культуру через ассимиляцию, а преобразовывали их в транскультурной полиглоссии, хотя, как поясняет автор, это не давало возможности, например, Цветаевой обрести свою духовную родину в Европе (с. 158). Интереснейший материал для осмысления представлен также в работе К. Ходжсон «Возвращение на родину литературы диаспоры: роль поэтической антологии в конструировании диаспорального канона», хотя здесь не упомянуты такие важные эмигрантские антологии, как «Литературный смотр. Свободный сборник», вышедший под редакцией З. Гиппиус и Д. Мережковского

* Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). Сб. статей / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 336 с.

¹ См.: Одна или две русских литературы?: Сб. статей. Lausanne, 1981.

(Париж, 1939), и «Panorama de la littérature russe contemporaine», изданная на французском языке В. Познером (1929).

Некоторые авторы, в первую очередь М. Липовецкий и Г. Тиханов, проблематизируют само понятие диаспоры. Так, М. Липовецкий в статье «Возможна ли диаспора в век интернета?» высказывает предположение, что выделяемые Р. Брубейкером черты диаспоры (пространственная трансгрессия государственных границ, ориентация на реальную или воображаемую родину, сохранение идентичности, отличной от места проживания) приложимы не только к диаспоре, но и к кругу российской либеральной интеллигенции — своего рода «внутренней эмиграции». Диаспорическое письмо в век интернета, как выясняется, возможно, но это особый тип текста, в котором находит выход самосознание, не сводимое к противопоставлению по признаку принадлежности к культурному контексту метрополии или отчужденности от него. Г. Тиханов уверен, что в современном интеллектуальном контексте понятия «диаспора», «изгнание» и т. п. устарели, так как связаны с архаичным понятием «нация» и с национализмом. К. Платт предлагает для обозначения тех авторов, которые живут за пределами России, но ориентированы на российского читателя и российскую культурную реальность, использовать термин «экстратерриториальные». В их число попадают не только П. Барскова или М. Шишкин, но и В. Сорокин, Б. Акунин, Д. Кузьмин и другие писатели, предпочитающие жить за границей, но при этом включенные в российскую литературную жизнь.

Очевидно, что понятие «диаспора» за столетие претерпело серьезные изменения. Д. Бетеа в главе, посвященной эволюционной биологии и «нарративу диаспоры», пытается схватить суть этих изменений с позиций литературного дарвинизма. Логика рассуждений о судьбах и творчестве генетика-эмигранта Ф. Добржанского и писателя-эмигранта В. Набокова приводит Д. Бетеа к выводу о том, что эстетическое не только присутствует в природе, но коэволюционирует в субъекте и объекте желания и что в ходе этой эволюции национальное сменяется транснациональным.

Рассматривая разные аспекты существования человека в условиях эмиграции, авторы сборника расценивают литературу диаспоры, как бы она ни называлась — диаспоральная, экстратерриториальная, эмигрантская и т. п., — как вызов сложившемуся в литературе метрополии канону, креативное пространство, в котором происходит пересоздание как коллективной, так и индивидуальной идентичности. Литература диаспоры совмещает несовместимое, создавая гетеротопию, в терминологии М. Фуко, это — воображаемое пространство, в котором соединяются национальное и глобальное. Понятие «диаспора», как считают авторы, не обладает устойчивостью и подвержено перекодировкам в такой сложной системе, какой является литература эмиграции. Это типологическая категория, указывающая на «смещение» не столько в географическом, сколько в культурном пространстве и возникающая при формировании новых каналов коммуникации, о чем пишет М. Рубинс в заключительной статье «Перспективы диаспоральных исследований».

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-259-265

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2021 году прошли две научные конференции, посвященные мемориальной дате — 100-летию со дня смерти А. А. Блока. Открыла памятный год онлайн-конференция (с трансляцией по YouTube-каналу Пушкинского Дома) «„Благословляю всё, что было...“: Александр Блок и петербургская культура его времени», состоявшаяся 22 апреля 2021 года и организованная совместно с кафедрой истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета в рамках традиционных Апрельских чтений. А. А. Карпов (Санкт-Петербург) в своем вступительном слове остановился на наиболее ярких эпизодах из истории ежегодных Апрельских чтений, отметив вклад ученых кафедры в разработку наследия писателей Серебряного века. Закономерно поэтому, что XLII Апрельские чтения в год 100-летия кончины Александра Блока проходят под знаком его памяти. Эту мысль продолжила Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург), подчеркнув значение многолетних творческих контактов сотрудников Группы по изданию академического Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока и ученых кафедр и выразила надежду на их продолжение.

Научное заседание открылось докладом С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) «„Купол стремится в лазурную высь...“: „готическая душа“ как образ и идея в поэзии Александра Блока 1900-х годов», где в аспекте интермедиального анализа была рассмотрена малоизученная проблема визуальной репрезентации готического архетипа в составе софийно-теургического мифа поэзии Блока. Приведенные пометы на книгах из библиотеки Блока, репродукции из блоковских альбомов, дневниковые записи, письма иллюстрировали основную мысль докладчицы: готическая модель мира в поэзии Блока указанного периода сложилась как амбивалентная система и содержала субъективно-мистическое начало христианской готической традиции, как и элементы готического хоррора, особенно отчетливо заявившие о себе в период «антитезы» (мотивы сверхъестественного, демифологизация сакрального). Неоготика выступала как важный элемент поэтики Блока, а также философии и эстетики русского символизма.

В. Н. Быстров (Санкт-Петербург) проследил историю поэтического диалога между Блоком и Владимиром Гиппиусом на страницах журнала «Гиперборей» (1912. № 2). В этом обмене посланиями Вл. Гиппиус выступил в роли своего рода духовного наставника. Усматривая мотивы пессимизма в стихотворении Блока «Всё на земле умрет — и мать, и младость...» (1909), он возражал «со стороны оптимизма» в стихотворном послании, обращенном к поэту (февраль 1912), утверждая, что весь мир пронизан незримыми пока лучами, невидимым светом. В ответном блоковском послании (март 1912) его адресат уловил еще больший пессимизм и откликнулся циклом из четырех стихотворений «Александр Блоку. Ответ». Проанализировав их, докладчик пришел к выводу, что Блок не усмотрел в «поучениях» своего оппонента важных возражений и поэтому счел их поэтическую полемику исчерпанной. Вл. Гиппиус, однако, в мае 1914 года написал еще одно послание («А. Блоку») — отклик на блоковское стихотворение «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» (декабрь 1913), но не отправил его адресату. Стихотворение вошло в неизданный сборник Вл. Гиппиуса «Звезды днем» (Рукописный отдел ИРЛИ) и было зачитано докладчиком.

В докладе «К психофилософской интерпретации картины мира А. А. Блока конца 1900-х — 1910-х годов» с опорой на психоаналитический и психоментальный подходы Н. А. Карпов (Санкт-Петербург) проанализировал некоторые особенности и стратегии, характерные, прежде всего, для публицистической, дневниковой и эпистолярной прозы Блока этих лет. Среди них отмечены частая репрезентация в блоковском дискурсе негативных душевных состояний и невротических эмоций (страха, ненависти), регулярное обращение субъекта письма к механизмам психологической защиты (проекции, интроекции, инверсии), понимание человеческой жизни как своего рода объекта, внеположного по отношению к самому субъекту бытия, а революции — как направленного воздействия на объективную реальность со стороны.

Людмила Спроге (Латвия) в сообщении «Неучтенный свидетель: К материалам о работе А. А. Блока в ЧСК», построенном на основе

ранее неизвестных материалов, рассмотрела «параллельный» блоковский «Последним дням императорской власти» текст «Дело бывших министров. Из дневника» (1921–1922), принадлежащий Сергею Александровичу Кореневу (1883–1941?), военному юристу, знакомцу поэта по Чрезвычайной следственной комиссии, который, будучи в эмиграции, публиковал свои дневниковые очерки в рижской и берлинской периодике. Тот факт, что современник Блока (имя которого отсутствует в имеющихся указателях к сочинениям поэта) создал текст, в «зеркале» которого отразились не только «Последние дни...», но и часть дневников и записных книжек поэта, уже сам по себе представляет интерес. Взгляд Коренева на Блока в 1917 году существенно отличается от воспоминаний других мемуаристов: он привел внятные свидетельства о дооктябрьской позиции Блока по отношению к большевикам и к военным событиям весны–осени 1917 года.

Свой доклад Н. Ю. Грыкалова посвятила обзору последней записной книжки Блока, пока еще не опубликованной и не введенной в научный контекст, — в известном издании записных книжек поэта под редакцией В. Н. Орлова она не представлена. В отличие от последовательно пронумерованных Блоком записных книжек, данная книжка осталась пронумерованной. Она начата 1 февраля 1921 года (на обороте обложки проставлена дата: «1921 — с 1 II») и обрывается на записи, датированной 14 июля 1921 года. Записи в ней начинаются с л. 9 об. и сделаны черными чернилами, графитовым, красным, фиолетовым карандашами, между л. 5 об. и 6 сохранился засушенный цветок ириса. Книжка заполнилась непоследовательно, многие листы остались не заполнены. Записи в ней связаны с деятельностью Блока в Большом драматическом театре, поездкой в Москву в мае 1921 года, продажей книг, содержат подсчеты литературного заработка, списки адресов и телефонов, отдельные фрагменты фиксируют врачебные рекомендации. В полном объеме и в сопровождении реального комментария данная записная книжка будет впервые представлена в составе 14-го тома Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока.

В докладе «На пути в „замок красоты“: Неизвестные страницы биографии Л. Д. Блок 1920–1930-х годов» О. А. Кузнецова (Санкт-Петербург) обратилась к архивным материалам, отражающим деятельность жены поэта после его смерти, что было связано в первую очередь с поиском путей и возможностей творческой самореализации, которые привели ее к изучению балетного театра. Особое внимание докладчица уделила этапам изучения классического танца, предпринятого Л. Д. Блок: от регулярных посещений балетных спектаклей и ведения балетных дневников через освоение методологии А. Я. Вагановой и их совместной работы над книгой «Основы классического танца» до изучения истории эволюции хореографических приемов.

Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург) и Мэйпин Янь (КНР), назвав доклад «Блоковский контекст рассказа М. М. Зощенко „Дрова“», рассмотрели влияние идей и поэтики Блока на формирование творчества писателя новой эпохи. Свое внимание докладчицы сосредоточили на эпиграфе к рассказу, представляющем собой перефразированные блоковские строки («...не раз и не два / Здесь будут писаться слова: „Дрова“»), которые в 1919 году поэт вписал в альбом Д. С. Левина. Приведенная цитата несет след участия самого Зощенко в работе студии К. Чуковского, личного знакомства с Блоком, а также воспоминаний о быте сотрудников издательства «Всемирная литература» в условиях холодной зимы 1919–1920 годов. Кроме того, блоковский эпиграф задает метатекстовый план сопоставления героев рассказа с представителями эпохи Серебряного века, чему способствовала тематика календарного памфлета с использованием рождественских карнавальных и мистериальных приемов. Две сходные ситуации, связанные с выживанием в экстремальных условиях, сопоставленные на бытовом уровне, демонстрируют в поведении героев разницу не только сиюминутных бытовых целеполаганий, но и культурных кодов.

Доклад «Александр Блок в неизданной книге Алексея Ремизова „С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>“» А. М. Грачева (Санкт-Петербург) посвятила типам репрезентации образа поэта в уникальном по форме коллаже-мемориале, основанном на творчески переработанных писателем материалах архива его жены. Упоминания имени Блока в дневниковых записях и текстах-пересказах снов Ремизовой-Довгелло сопровождаются пространными комментариями писателя. Особый интерес представляет впервые вводимая в научный оборот ремизовская оценка поэмы Блока «Двенадцать».

Ю. М. Валиева (Санкт-Петербург) в своем выступлении сосредоточила внимание на выявлении «блоковского текста» в книге Леонида Липавского для детей «Немые свидетели» (М.; Л.: ГИЗ, 1927), опубликованной под псевдонимом «Л. С. Савельев». Согласно источниковедческим разысканиям исследователя, основанным на архивных документах (ЦГА, ЦГАЛИ, ЦГАИПД), книга Липавского об истории революционного движения в России была задумана им в жанре путеводителя, а библиографической основой послужили методические разработки его школьного преподавателя А. Ю. Якубовского, последователя экскурсионного метода И. М. Гревса. Название «Немые свидетели» восходит к одноименному очерку Блока, созданному по впечатлениям от поездки в Италию (1909), а главы о Февральской революции, как показала докладчица, опираются, кроме других источников, на очерк «Последние дни императорской власти» (1919).

Научное заседание завершилось дискуссией, к которой присоединились московские блоковеды, сотрудники Музея-квартиры А. А. Бло-

ка, а также члены Центра русистики Латвийского университета, что свидетельствует об интересе к проблемам современного блокаведения и к новым материалам о жизни и творчестве поэта. Наиболее дискуссионными оказались вопросы, связанные с поиском новой методологии и нарративной модели описания биографии Блока, с преодолением существующих табу при оценке отдельных биографических фактов и их корреляции с академическим комментарием.

Участникам конференции был представлен последний, 6-й выпуск сборника «Александр Блок. Исследования и материалы» (СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2020), вышедшего в юбилейный год — к 140-летию со дня рождения поэта.

В год памяти поэта международная научная конференция «Блоковские чтения», традиционная для Музея-квартиры А. А. Блока, была организована совместно с Пушкинским Домом и прошла 25 и 26 ноября в этих двух учреждениях в смешанном формате. Открывая конференцию, Н. Ю. Грякалова подчеркнула плодотворность научных контактов между Музеем и академическими институтами — ИРЛИ и ИМЛИ, существующих уже не одно десятилетие, и необходимость поддерживать творческий диалог. Выступавшая проинформировала присутствующих о событиях, связанных с днями памяти А. А. Блока (встречи, конференции, культурные акции, интервью), а также представила номер журнала «Русская литература» (2021. № 3) с подборкой статей, посвященных 100-летию со дня смерти поэта.

Научное заседание началось с доклада Е. В. Ивановой (Москва) «Загадки Пушкинской речи Блока», обратившей внимание на многочисленные противоречия в свидетельствах мемуаристов как о составе выступавших на вечере одновременно с Блоком, так и о присутствовавших в качестве слушателей. Причина разночтений в том, что Блок выступал с речью трижды: два раза в Доме литераторов при различной аудитории и третий раз — в университете, на что обычно не обращают внимания. Следующий важный акцент был сделан на восприятии речи Блока ее первыми слушателями: если Г. Адамович, Г. Иванов, Вл. Ходасевич, вскоре эмигрировавшие из России, увезли возвышенный образ поэта, то на родине речь «О назначении поэта» почти не получила отклика либо умышленно искажалась, например, в воспоминаниях К. Федина. И последний вопрос: кого именно подразумевал Блок в своей речи под «чиновниками» и «чернью»? Докладчица подчеркнула, что помимо И. Ионова, с которым в этот момент у Блока шла острая борьба за сохранение издательства «Алконост», он мог подразумевать и свой опыт работы в просветительских проектах М. Горького, в частности грубое вмешательство в редактирование тома «Лермонтов» для издательства З. И. Гржебина.

В докладе «Христос у Блока: прозаическое оправдание поэтического явления» Владимир Гольштейн (США) сделал акцент на трех основных источниках загадочного образа, который появляется в финале поэмы «Двенадцать». Прежде всего это «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского, где Христос-освободитель противопоставлен Инквизитору, носителю религиозной и светской власти. Для Блока таким вариантом Инквизитора был К. Победоносцев, который поставил Христа и Россию по разные стороны баррикады. Вотрых, Г. Гейне и его реакция на картину Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1831). Блок внимательно читал Гейне и не мог не обратить внимание на то, что он называл Июльскую революцию 1831 года и события вокруг нее «святыми», подчеркивая, что боги в эти дни хотели сойти на землю и вести вперед бунтарей. И наконец, евангельский контекст: в дневниках и статьях Блок часто размышлял о том, что для успеха революции необходима диалектика контроля и стихийной энергии; силой, способной как «раскачивать качели», так и удерживать их в равновесии, является сила трансцендентная, религиозная, Христос в качестве Утешителя, Духа Святого, способного усмирять бушующую стихию.

Д. М. Магомедова (Москва) в своем выступлении обратилась к проблемам генезиса и эволюции основных символов-категорий, на которые ориентировался Блок в представлениях о развитии культурных эпох в трактате «Крушение гуманизма» (1919): «музыка», «дух музыки», антиномия «культура» — «цивилизация». Констатируя замеченное многими критиками совпадение терминологии и концепции Блока с теоретическими положениями книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918), к тому времени еще не известной в России, докладчица выдвинула гипотезу, согласно которой общими источниками и для Шпенглера, и для Блока явились историсофские труды Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и «Исторические письма» П. Л. Лаврова.

Обратившись к проблематике смерти в символистской картине мира в контексте софиологии, А. Г. Волкова (Калуга) сопоставила несколько стихотворений Блока и И. Анненского, используя метод семиотического анализа.

Предметом рассмотрения в докладе О. Ю. Саленко (Москва) стали разнообразные проявления речевой образности в лирике Блока, нередко отступающие от грамматических правил. Рассматривая поэтическую речь, согласно отечественной филологической традиции, как явление эстетическое, докладчица провела также параллель с установками французских символистов на расширение значения и его символизацию при помощи синтаксических фигур (анаколуфы, эллипсы и пр.), обратила внимание на такое явление речевой образности, как «фразовый сюжет», который активно использовался авангардными течениями начала XX века и продолжает

существовать в современной поэзии. На ряде примеров было показано, как Блок делает синтаксический строй средством образного выражения, в том числе исторического времени, стилистически разделяет реальный и символический планы происходящего. Анализ большого эмпирического материала на основе редакций и вариантов, представленных в академическом Полном собрании сочинений Блока, как подчеркнула докладчица, дает возможность сделать обоснованный вывод о целенаправленной работе поэта по метафоризации грамматики.

В. С. Малых (Ижевск) в докладе «Идея реинкарнации в творчестве А. Блока и Н. Гумилева» предложил рассматривать заглавную идею в качестве значимого мотива, на примере реализации которого в художественных текстах осмыслиются сходства и различия творческих вселенных двух поэтов. Родственным для обоих является восприятие человеческой жизни через метафоры «темной кометы» и сна. В творчестве Блока идея реинкарнации, переплетаясь с элементами христианской эсхатологии, платонизмом и учением Вл. Соловьева, предстает в пессимистическом ключе; лирический субъект Блока добровольно отказывается от искупления и переживает ад повторений («На страже»). У Гумилева, напротив, присутствует надежда на исход из череды перерождений («Прапамять»). В то же время, из размышлений Гумилева над метемпсихозом и догматом о Воскресении рождается религиозно-философский диалогизм его поздних текстов («Заблудившийся трамвай», «Память»), во многом выстраивающийся на отталкивании от блоковских цитат и идейно-философских концептов. В итоге если у Блока на первое место выходит «мрак» метемпсихоза, то у Гумилева мотив реинкарнации постепенно заменяется мотивом метанойи.

Вечернее заседание конференции открылось докладом Н. Ю. Грякаловой «„Большое дитя“: Полемические контексты одного стихотворения Блока», выдержанным в жанре «заметок на полях комментариев» академического издания. Обратившись к первоначальному этапу самоопределения русского модернизма, докладчица рассмотрела полемику о «декадентах» и «символистах» в раннесимволистских изданиях и реакцию на нее Блока, отразившуюся в ряде писем к З. Н. Гиппиус и в стихотворении «А. М. Добролюбов» (1903), в котором был репрезентирован образ одного из первых русских декадентов. Были определены опорные концепты созданного Блоком образа, в частности «большое дитя», выявлены его источники, восходящие к полемике начала 1900-х годов и к корпусу статей З. Н. Гиппиус, а также ряд интертекстуальных параллелей (Д. С. Мережковский, Ф. М. Достоевский, А. М. Добролюбов). Прослеживая текстологическую историю стихотворения и факт его включения в первый том «Лирической трилогии», Н. Ю. Грякалова пришла к выводу о том, что, идя «по следу» Добролюбова, Блок делал

акцент на общности истоков (жизне)творческих исканий «декадентов» и «символистов», а сама фигура поэта-декадента «не от мира сего» оказывалась включена в структуру блоковского мифа о пути современного художника.

В докладе Е. В. Глуховой (Москва) «Александр Блок в работе над собранием сочинений Г. Гейне: к проблеме библиографических источников» был определен круг источников, которые использовал Блок в своей редакторской работе. Это четыре немецких издания 1890-х годов о Гейне под редакцией П. Вейнберга. Судя по неопубликованным материалам из фонда Блока, издательством «Всемирная литература» предполагалось выпустить не 7 томов, как принято считать, а 12. Докладчица предложила также пересмотреть текстологию доклада «Гейне в России» и внимательно отнестись к публикации блоковских конспектов, содержащих обзор источников по теме «Рецепция Гейне в России», который он сделал, готовясь к докладу, а в дальнейшем при подготовке статьи для Собрания сочинений писателя.

Истории подготовки этого же собрания было уделено внимание в докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Блок и петербургские поэтессы в работе над собранием Г. Гейне (В. Аренс — Е. Книпович — М. Ливеровская — Н. Павлович — Ж. Свиридова)», где были рассмотрены особенности творческого сотрудничества поэта с названными переводчицами, составлявшими большую часть коллектива «гейневской группы» издательства «Всемирная литература», а также введены в научный оборот малоизвестные и новые материалы, в частности письма Блока и его пометы на рукописях переводов.

С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) выступила с докладом «„Какая ложь, какая сила тебя, прошедшее, вернет...“: вечное возвращение как антропологическая тема у А. Блока и Вяч. Иванова». Он был посвящен религиозным и философским проблемам «человек и Бог», «смерть и бессмертие», «мгновение и вечность», «человеческое и сверхчеловеческое», рассмотренным в фокусе античной и христианской традиций и учения Ф. Ницше, а материалом явились поэмы Блока «Возмездие» и Вяч. Иванова «Младенчество». Было показано, что для Иванова большое значение имела платоновско-христианская модель возвращения просветленной души к Богу, обогащенная эзотерической традицией. В отличие от него, Блок находился под влиянием антропологической проблематики «смерти Бога», получившей распространение на рубеже XIX–XX веков. Поэт затрагивает вопрос философской антропологии «Я как Другой» и показывает «демоническую духовность» как прорыв к свободе воли, как путь к вечному обновлению-возрождению, о чем Ницше писал в работе «Сумерки идолов».

В докладе С. В. Федотовой (Москва) «Две редакции книги К. Чуковского о Блоке (1922, 1924): логика авторской переработки текста»

подробно рассматривалась «Книга об Александре Блоке» (1922), одна из первых монографий, освещающих творческий путь поэта вплоть до «Двенадцати», а также двойной полемический контекст общего замысла: восприятие современниками революционной поэмы и единомышленной оппозиции Блока и Чуковского формалистическим подходам к поэзии. Вторая редакция этого текста вошла в состав издания «Александр Блок как человек и поэт. Введение в поэзию Блока» (1924) в сильно переработанном виде. Детальное сопоставление двух редакций, дополняющее и концептуально осмысляющее текстологические замечания Е. Ц. Чуковской, привело к выводу о том, что «Книга об Александре Блоке» корреспондирует с дореволюционным методом критика в целом, за исключением сатирическо-пародийного модуса высказывания (что ослабило самую яркую сторону таланта автора). Анализ содержательных компонентов двух редакций, семантики заголовочных комплексов, структурно-композиционных особенностей текстов, позднейших вставок и изъятий продемонстрировал логику авторской правки: во-первых, движение от фельетонного стиля — к научному, во-вторых, исключение в тексте 1924 года самых острых высказываний о двойственном отношении Блока к революции при сохранении и даже усилении синтетической оценки поэта как национального гения.

Е. К. Барина (Санкт-Петербург) в докладе «Интерпретация образов поэзии Блока в работах участников конкурса визуальных искусств „Улица Блока“ (2020, 2021 гг.)» обратилась к современным формам рецепции классического наследия и продемонстрировала наиболее яркие примеры в следующих номинациях: иллюстрация, фотография, комикс. Как отметила докладчица, являвшаяся одним из организаторов конкурса, наибольший интерес вызывают у художников образы Незнакомки и поэмы «Двенадцать», лирические мотивы одиночества, а также стихотворения Блока о России. Часто используется образ самого поэта — он предстает в качестве персонажа комиксов и лирического героя собственных стихотворений.

Второй день работы конференции прошел в Музее-квартире А. А. Блока и открылся выступлением В. Э. Молодякова (Япония) «„Крушение гуманизма“ — начало или конец трагедии?», которое было выдержано, как предупредил докладчик, в неакадемической форме «приглашения к размышлению» над поздними прозаическими текстами «Катилина» (1918), «Крушение гуманизма» (1919) и «О романтизме» (1919). Они ярко иллюстрируют попытки выстроить позитивный идейно-политический идеал в противоположность как буржуазно-либеральной материалистической западной цивилизации XIX века, так и обезличивающему большевизму. Этот идеал, который Блок назвал «романтизмом», имел индивидуалистический, героический, творческий и европейский (преимущественно германский) ха-

рактер. Докладчик особо остановился на критике идеологии позднего Блока, предпринятой А. А. Якобсоном в книге «Конец трагедии» (1973), которую призвал рассматривать как политический документ, своего рода «анти-Блок». В заключение докладчик отметил, что указанные блоковские тексты представляют интерес не только как литературный памятник или объект академического исследования, но сохраняют идейную ценность и являются выдающимися произведениями русской прозы.

А. Ю. Емельянов (Санкт-Петербург) поделился наблюдениями над «точками сближения» «метафизических сюжетов» английского мистика-интуитивиста Уильяма Блейка и поэта-«духовидца» Блока, выделив ряд общих тем и мотивов: город как средоточие зла в одноименном цикле Блока и в книге Блейка «Песни опыта», противопоставление Вечной Женственности и Блудницы, символика синего цвета, а среди философских учений, повлиявших на творчество обоих поэтов, особое место отвел неоплатонизму и гностицизму.

В докладе «Блоки в диалогах о моде, Версале и прочем...» О. А. Кузнецова (Санкт-Петербург) сделала акцент на различиях во взглядах супругов на моду, что проявлялось как в повседневной жизни, так и в творчестве: у Блока — в образе лирической героини и ее антураже, у Л. Д. Блок — в области изучения истории моды и сценического костюма. Еще один предмет, ставший камнем преткновения в художественных вкусах четы Блоков, — Версаль, королевская резиденция Людовика XVI. Для поэта он ассоциировался со всем тем, что было ему глубоко чуждо: с эпохой разума, пропорциями и правилами классицизма, преобладанием пластических форм, веком роскоши, моды, торжеством абсолютизма. Для Л. Д. Блок — это колыбель придворных балетов, эпоха формирования культуры классического танца, изменившая впоследствии светский этикет, вкусы и нравы общества.

А. Н. Долгушова (Санкт-Петербург) в докладе «„Дорогой мой дружок, милый Софик...“: риторика писем сестер А. А. и С. А. Кублицких-Пиоттух» охарактеризовала ту часть фонда В. Н. Орлова в Музее-квартире А. А. Блока, в котором представлены 45 писем матери Блока, А. А. Кублицкой-Пиоттух, к разным адресатам. Большая часть этого корпуса писем ранее не публиковалась. Рассматриваемые эпистолярные материалы (письма к сестре) не содержат каких-то новых биографических сведений, тем более что в основном это поздравительные открытки, текст которых не предполагает обстоятельного описания событий, однако они отражают уклад и традиции бекетовской семьи, раскрывают разницу характеров и мировоззрений двух сестер и вносят дополнительные штрихи в психологический портрет ближайших родственников поэта.

Сообщение С. А. Ипатовой (Санкт-Петербург) «Неопубликованное письмо Г. П. Блока к С. Н. Туттолминой, или Как писать воспоминания о Блоке» было посвящено истории

несостоявшегося издания воспоминаний о поэте, подготовка которого велась в издательстве «Художественная литература» в 1946 году. Автор письма, литератор, редактор планируемого сборника, дает своей двоюродной сестре по сути профессиональную инструкцию, как писать об А. Блоке, их общем кузене. В ответ на предложение составить новые, более подробные воспоминания, по сравнению с краткими, вышедшими в 1936 году, Тутолмина представила расширенный вариант (отредактированный, вероятно, Г. П. Блоком), в 1980 году вошедший в первый том блоковского «Литературного наследства».

Выступление Нгуен Суан Хоа (Вьетнам) в форме видеоклада было посвящено рассказу о работе в 1983–2007 годах над переводами произведений Блока с преимущественным вниманием к любовной и патриотической лирике. Результатом его труда стало издание сборника переводов «Лирическая поэзия Блока» (2007), включившего 92 стихотворения и поэму «Соловиный сад» (еще 7 стихотворений были переведены его коллегами); презентация тома в Ханойском университете также была представлена вниманию участников конференции в видеозаписи. И. А. Андреева (Санкт-Петербург), коллега вьетнамского русиста, познакомила слушателей с его научной биографией и подвижнической деятельностью. Нгуен Суан Хоа является автором статей о творчестве Блока, организатором Блоковских чтений в Ханойском университете, руководителем большой научной темы под эгидой Министерства просвещения Вьетнама «Александр Блок — выдающийся русский поэт начала XX века», создателем Музея русской поэтической культуры. В финале доклада прозвучала песня на вьетнамском языке на стихи Блока «Мы встречались с тобой на закате...» в переводе Нгуен Суан Хоа (музыка вьетнамского композитора, русиста Фан Ван Бика).

Вечернее заседание открылось докладом М. А. Самаринной (Москва), которая провела сопоставительный анализ сюжетов, образов и мотивов стихотворения Вл. Соловьева «Три подвига» и цикла Блока «Снежная маска», привлекая в качестве дополнительного материала традиционные варианты изложенных Соловьевым мифов, другие произведения Блока и стихотворение Вяч. Иванова «Орфей растерзанный». В образе блоковского лирического героя докладчица выявила черты Пигмалиона, Персея и Орфея в их соловьевско-символистской интерпретации, что позволило сделать вывод о стихотворении «Три подвига» как об одном из источников «Снежной маски».

Своими соображениями об адресате стихотворного послания Блока «Вы предназначены не мне...» (1920) Марии Игнатьевне Бенкендорф поделилась И. В. Быкова (Германия), остановившись на отдельных эпизодах ее биографии и их трактовках в беллетризованных жизнеописаниях «железной женщины», а также сравнив ее образ с образами других адресатов блоковских посвящений. По поводу место-

нахождения оригинала стихотворения, записанного на сборнике «Седое утро» (1920), докладчица, к сожалению, не могла сказать что-либо определенное: на свои запросы в ряд зарубежных библиотек и архивов она получила отрицательные ответы.

С. А. Балагула (Санкт-Петербург) обратилась к сюжету, связанному с фотодокументом, хранящимся в фонде ГМИ Санкт-Петербурга. Это групповая фотография «Чествование М. Горького в издательстве „Всемирная литература“» (март 1919), несущая на себе следы более поздней цензуры: из шестидесяти с лишним человек, изображенных на снимке, заретушированы или испорчены приклеиванием другого изображения лица пятерых. Сравнение с другими копиями снимка, а также надпись на обороте позволяют идентифицировать четверых: «Снимок можно дать, рекомендовать исключить В. Познер, А. Левинсон, Н. Гумилева, Г. Иванова», личность пятого нуждается в дополнительной атрибуции.

В докладе В. В. Никульцевой (Москва) был представлен лингвопоэтический анализ сонета Игоря Северянина «Блок» (1925), выявляющий приемы создания эгофутуристом образа поэта-символиста. Основное внимание докладчица уделила изучению особенностей северянинского индивидуально-авторского стиля: архитектоники текста, приемов словотворчества, звуковой инструментовки и образительно-выразительных средств создания образа. С помощью лексических, семантических и синтаксических контрастов, визуализации образа и фонетической инкрустации стиха создается психологический портрет современника, трагически рано ушедшего из жизни.

Сообщение К. Е. Гондыревой (Санкт-Петербург) вернуло слушателей к повседневной жизни Блока и его близких: докладчица рассказала о музейных проектах, связанных с любимой породой собак блоковской семьи — таксами. Они запечатлены на фотоснимках, известны их клички (Пик, Крабб, Топка), фарфоровая пепельница на столе поэта в виде фигурки таксы — один из ярких и запоминающихся предметов в экспозиции музея. Таксы стали своеобразной «точкой входа» для работы с посетителями музея разных возрастов. Коротколапые собаки являются героями семейного путеводителя «По дому Александра Блока с Таксиком», конкурса и выставки «Такса — друг поэта», детских занятий «Четырехлапая поэзия» и «День рождения таксы», а также лекции «Таксы и их знаменитые хозяева».

В завершение конференции Л. Я. Витебский (Курган) рассказал о литературном конкурсе «Александр Блок в нашей жизни» (май 2020 — сентябрь 2021), организованном Музеем-квартирой А. А. Блока, Курганским региональным центром «Отклик» и редакцией журнала «Огни Зауралья». В конкурсе участвовали авторы из больших и малых российских городов, а также из Фрайбурга (Германия). К сожалению, из-за ограничений, вызванных пандемией, были отменены уже намеченные

межрегиональные творческие встречи, однако безусловным положительным итогом конкурса стало издание шести поэтических сборников его участников. Большие подборки материалов были опубликованы в двух номерах журнала «Огни Зауралья» за 2021 год. Этот конкурс подтвердил, что поэтический мир Блока, его эмоции и переживания остаются притягательными для человека, живущего проблемами XXI века.

Доклады сопровождалась дискуссиями, порой острыми, креативными репликами и дополнениями, что способствовало созданию настоящего творческой рабочей атмосферы. Все заседания транслировались на YouTube-канале Пушкинского Дома и Музея-квартиры А. А. Блока и доступны для просмотра.

© Н. Ю. Грыкалова

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-265-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «М. А. ЗЕНКЕВИЧ (1886–1973): ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, ЭПОХА»

16 и 17 сентября 2021 года в Пушкинском Доме прошла первая конференция, посвященная личности и творчеству М. А. Зенкевича и приуроченная к 135-летию со дня его рождения. Выбор ИРЛИ РАН в качестве научной площадки неслучаен: с Петербургом связан акмеистический период творчества автора «Дикой порфиры». Кроме того, в 1970-е годы Александра Николаевна Зенкевич, вдова писателя, передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома значительную часть его личного архива. Таким образом, в настоящее время ИРЛИ РАН становится одним из центров по изучению творчества Зенкевича. Необходимо подчеркнуть, что конференция была организована и проведена при тесном и деятельном участии С. Е. Зенкевича, внука писателя, исследователя и публикатора его наследия.

Ввиду остающейся достаточно напряженной обстановки, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции, конференция прошла в смешанном формате, и ряд участников выступали в онлайн-режиме, который был успешно реализован благодаря активной технической поддержке администратора вычислительной сети ИРЛИ РАН И. Е. Сочнева. Видеозаписи заседаний конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Конференция была открыта приветственным словом С. Е. Зенкевича и презентацией выставки «Жизнь не бывает никогда мертва...». Выставка была подготовлена совместными усилиями главного хранителя Рукописного отдела ИРЛИ РАН И. В. Коциенко и С. Е. Зенкевича, представившего ряд материалов из личного архива.

На экспозиции участники и гости конференции могли увидеть вещи писателя, представляющие разные периоды его творческой биографии: знаменитое пенсне в футляре, экземпляры книг Зенкевича «Сквозь грозы лет» (М., 1962) и «Поэты XX века: Стихи зарубежных поэтов в переводе Мих. Зенкевича» (М.,

1965) с дарственными надписями Л. А. Озерову, соответственно, от 12 мая 1963 года и 16 декабря 1964 года; редкие издания: № 4 за 1925 год вологодского журнала «Северное эхо» с публикацией стихотворения «Памяти троих»; иконографические документы: портреты писателя и его родных (фотопортреты отца — Александра Осиповича Зенкевича и жены — Александры Николаевны); групповые фотографии, на которых Зенкевич изображен в кругу друзей и современников, в том числе фотопортрет 1922 года с саратовскими писателями Львом Гумилевским, Алексеем Скалдиным, Сергеем Антимоновым, а также фотопортрет, датированный 12 октября 1960 года, с поэтом Львом Адольфовичем Озеровым и переводчиком Агеем (Александром Григорьевичем) Гатовым.

Основой экспозиции стали впервые демонстрирующиеся малоизвестные и до сих пор не введенные в научный оборот автографы Зенкевича: стихи, черновые подготовительные материалы к роману «Мужичкий сфинкс». Включена в экспозицию и некоторая часть эпистолярного наследия Зенкевича: письма писателя к П. Н. Лукницкому 1929–1930 годов, письмо Арга (А. М. Гольдберга) от 6 ноября 1958 года, письмо Г. Н. Петникова от 31 декабря 1959 года, письмо М. А. Шехтера от 6 апреля 1963 года, поздравительное письмо Н. И. Глазкова 1964 года и др.

Материалы выставки осветили разные этапы творческого пути Зенкевича, которые в настоящее время изучены весьма неоднородно. На экспозиции были размещены отклики на выход в свет первой книги Зенкевича «Дикая порфира» (1912): письмо соратника по «Цеху поэтов» Л. В. Лебедева от 7 апреля 1912 года, письма дяди Зенкевича Антона Ивановича Нещеретова, который сыграл значимую роль в судьбе начинающего поэта.

Саратовский период биографии Зенкевича был представлен автографом доклада

«О новом стихе» (1921–1922), прочитанного в «Литературной мастерской».

Значительная часть экспозиционного пространства освещала участие Зенкевича в писательских организациях советского периода: был экспонирован членский билет № 100 Всероссийского Союза Писателей, датированный 31 мая 1923 года, Благодарственное письмо от Секретариата правления Союза писателей СССР от 10 июня 1963 года за подписью К. Федина и Пригласительный билет № 1124 в Большой Кремлевский дворец на открытие Второго съезда писателей РСФСР от 3 марта 1964 года.

Особое место на выставке заняли материалы, связанные с послевоенным периодом творчества Зенкевича, к этому времени уже признанного и в России, и за рубежом писателя, поэта, переводчика. В частности, были представлены: письмо от 16 февраля 1961 года от Д. Вигорелли о принятии Зенкевича в ряды европейского сообщества писателей, книга Роберта Фроста «Complete poems» с дарительной надписью, датированной 31 августа 1962 года, юбилейное поздравление от 20 мая 1966 года «к 75-летию» Зенкевича от членов Московского отделения союза писателей за подписями Л. Гинзбург, Я. Смелякова, М. Шагинян, В. Шкловского, С. Кирсанова, Ник. Чуковского, Б. Слуцкого и многих др.

Изюминкой выставки стал «Альбом с серебряным обрезом» — рукописное собрание стихотворений поэта 1929–1971 годов.

Материалы выставки — свидетельства широкого диапазона творческих связей Зенкевича, по-новому освещающие его роль и место в литературном процессе XX века. Следует отметить, что данная экспозиция стала первым результатом осуществляющегося в настоящий момент в ИРЛИ РАН систематического описания личного архива Зенкевича.

Научная программа конференции состояла из нескольких заседаний и началась с выступления М. И. Синельникова (Москва), младшего современника писателя, поэта, считающего себя его учеником. В сообщении «Уроки Зенкевича» им было передано живое впечатление от общения с писателем и поэтических уроков, воспринятых докладчиком.

Далее последовал цикл докладов, главным объектом внимания которых стала «Дикая порфира». Доклад Майкла Левери (США) «„Дикая порфира“ Михаила Зенкевича как цикл длиною в книгу» был посвящен рассмотрению первой поэтической книги Зенкевича в контексте таких крупных жанровых форм, как «поэтический цикл» и «поэтическая книга», разработанных, как известно, еще русскими символистами. По мнению докладчика, Зенкевич, внешне обращаясь к данным формам и структурам, внутренне перестраивает их: «использует типичный для символистов прием в отчетливо антисимволистских целях». По мнению докладчика, формирование Зенкевичем поэтического цикла отражает сущность космогонии «Дикой порфиры»: как

мощный дух природы сокрушает и подчиняет все своей воле, так и процессы циклизации «Дикой порфиры» разрушают узнаваемую поэтическую традицию (Баратынский, Бодлер, Брюсов, Леконт де Лиль) и создают новую поэтическую гармонию.

В своем докладе «Космогонические и эсхатологические мотивы в лирике Зенкевича в контексте акмеистической онтологии» Л. Г. Кихней (Москва) доказала, что в ранней книге «Дикая порфира» построение картины мира подчиняется имагинативной логике космогонического мифа, которая, собственно, и становится соединительным звеном между поэтикой и миропониманием, латентно спроецированным как на христианскую модель сознания (с импликацией в ряде случаев дохристианских верований), так и на новейшие бергсонские и феноменологические идеи. В эсхатологической концепции Зенкевича ситуации революции и гражданской войны (в сборниках «Под мясной багрянницей» и «Пашня танков») интерпретируются в мифологическом ключе как возврат к некоей «хтонической» первоматерии, хаосу, пройдя через жерло которого человек возродится в новом качестве. Докладчица высказала мысль, что те же тенденции характерны и для онтопоэтики других акмеистов.

А. А. Кобринский (Санкт-Петербург) в докладе «Филология и палеонтология: о стихотворении М. Зенкевича „Махайродусы“» обратился к вопросу об источниках одного из центральных стихотворений «Дикой порфиры». Параллельно рассмотрев поэтический текст и ряд энциклопедических и научных изданий, он убедительно продемонстрировал, что махайродусы из стихотворения Зенкевича, казавшиеся современникам сугубой поэтической фантазией автора, имеют под собой прочное научное основание.

Интерес раннего Зенкевича к древним культурам был раскрыт в докладе А. А. Чевтаева (Санкт-Петербург), посвященном «Вавилону и „вавилонскому“ коду в „Дикой порфире“», в котором он доказал, что одним из важных культурных кодов адамизма в структуре «Дикой порфиры» предстает «вавилонская» семантика мифопоэтики, актуализирующая образ Вавилона и эксплицированная в стихотворениях «Вавилон», «Навуходоносор» и «Человек»; в них древнее царство и его властитель маркируют онтологический конфликт между плотью и духом. Зенкевич изображает Вавилон как сакральный локус грехопадения и утраты райской гармонии, призванный посредством освоения и усвоения телесности во всей ее «темной» хаотичности преобразить человеческий дух. Ориентируясь на ветхозаветные контексты и сопрягая их с абсолютизацией материи как прарасноуниверсума, Зенкевич использует «вавилонский» код смыслообразования в качестве одного из магистральных способов построения окказионального адамистического мифа о сущности бытия.

В докладе «О метрическом и строфическом репертуаре Михаила Зенкевича» Ю. Б. Орлицкий (Москва) сделал обзор стиховой культуры Зенкевича, от сонета до верлибра, с опорой как на печатные источники, так и на неопубликованные материалы из архива поэта. Особое внимание докладчика было уделено радикальным формам тоники 1920-х — начала 1930-х годов, до сих пор не становившимся объектами научной рефлексии. Отдельно был рассмотрен и ряд переводов Зенкевича.

Второе заседание конференции было открыто докладом И. В. Пыркова (Саратов) «От „Паши танков“ до „Литературной мастерской“». Саратовский период в творчестве Михаила Зенкевича. Докладчик напомнил слушателям об основных гранях писательского творчества в саратовский период (1918–1923). Он подчеркнул, что в силу созидательной насыщенности, разноплановости и в то же время очевидной малоизученности оно может стать отправной точкой для принципиально нового понимания роли поэта в истории русской литературы, реинтерпретации его ключевых произведений и послужить серьезным поводом для поисковых усилий, направленных на разыскание и публикацию неизвестных (или забытых, до сих пор в силу тех или иных обстоятельств «не учтенных») текстов выдающегося мастера.

В докладе Д. О. Ступникова (Москва) «Концепт „белого света“ в лирике Михаила Зенкевича» был представлен один из вариантов трактовки мотива одухотворенного мира Божьего, в лирике поэта переданного характерным для народно-поэтической традиции понятием «белый свет». Уже в дореволюционных и пореволюционных стихотворениях Зенкевича можно уловить мотив одухотворения видимой реальности, в частности в тех, где перекодировке подвергаются некоторые православные праздники, при помощи которых объясняются социально-политические потрясения того времени («Крещенское купание», «Водосвятые Распутина» и др.). Поздний Зенкевич приходит к пониманию «вселенскости» понятия белого света, определяющего продуктивное отношение человека к жизни и смерти, приобщающего его к вечности («Сколько стариков, старух...», «Две — неразлучницы...» и др.).

Доклад А. В. Ламзиной (Москва) «Особенности „рамочного текста“ в сборниках М. Зенкевича 1910-х — начала 1920-х годов» был обращен к рассмотрению заголовочного комплекса сборников «Дикая порфира», «Под мясной багрянницей» и «Паша танков». Семантическому анализу были подвергнуты как названия указанных поэтических книг, так и подзаголовки и эпиграфы книг, понятые как символические свертки смысла произведений.

В. В. Аристов (Москва) посвятил свой доклад «Перевод „Ворона“ Михаилом Зенкевичем и поэтическая тема прощания с друзьями» известному переводу стихотворения Э. По. Автор сообщения поставил задачу прояснить

в хорошо знакомых и «нерушимых» строках перевода Зенкевича скрытые смыслы и послания. Подобно Н. А. Заболоцкому, ценившему дружеские отношения с поэтами-обэриутами, Зенкевич придавал большое значение дружбе с поэтами-акмеистами. Оба поэта утратили друзей при трагических обстоятельствах. Однако в отличие от Заболоцкого у Зенкевича отсутствует стихотворение «Прощание с друзьями». Но в различных его произведениях и особенно в переводе «Ворона» присутствует обращение к друзьям-акмеистам с трагической судьбой: Николаю Гумилеву, Владимиру Нарбуту, Осипу Мандельштаму. В докладе говорилось о различных ассоциациях, возникающих в ходе комментированного прочтения перевода «Ворона» и связанных прежде всего с Мандельштамом.

Рассмотрению одной из многосоставных метапоэтических тем в творчестве Зенкевича был посвящен доклад Н. А. Рогачевой (Тюмень) «Прощание с Серебряным веком в поэзии Михаила Зенкевича 1920–1930-х годов». Расставание с эпохой, выход за границы своего времени — устойчивый мотив в русской лирике 1920–1930-х годов (А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака и др.). В творчестве Зенкевича данная тематическая группа стихотворений имеет несколько относительно самостоятельных «сюжетов»: 1) расставание с поэзией («Отходная из стихов»); 2) создание мартиролога поэтов, который включает мотивы самоубийства (тема инспирирована смертью С. Есенина, В. Маяковского), ГУЛАГа (В. Нарбут и О. Мандельштам) и др.; 3) проекция современности на пушкинскую эпоху (история декабризма); и др. Существенным аспектом темы служит расширение цитатного слоя в лирике 1920–1930-х годов (от Е. Баратынского, Н. Языкова до И. Анненского, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Хлебникова и др.).

Третье заседание открыл К. М. Поливанов (Москва) докладом «Смерть поэта в „Мужиком сфинксе“ М. Зенкевича и „Докторе Живаго“ Б. Пастернака». Прежде всего он обратил внимание на творческие и биографические точки соприкосновения между Пастернаком и Зенкевичем. В этом контексте далее он развернул тезисы о различии двух романов. В частности, он подчеркнул, что у Зенкевича действующие лица и исторические, и вымышленные; у Пастернака — главные герои вымышлены, а исторические идут только фоном. Одним из важных сходных сюжетно-композиционных элементов романов двух писателей является то, что главные герои попадают в политический лагерь, в который они не хотят попасть (у Пастернака — в отряд белых, у Зенкевича — в лагерь заговорщиков). Подводя итоги, докладчик сделал вывод о том, что пастернаковский роман разворачивается на нескольких реминисценциях Блока, а «Мужикский сфинкс» — на многочисленных отсылках к «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилева.

Сообщение О. А. Лекманова (Москва) «М. Зенкевич и другие о гибели Николая II» было обращено к обзору темы расстрела императорской семьи, отраженной в литературе 1918–1920-х годов (А. Гайдар, В. Маяковский, Б. Поплавский, К. Тюляпин, П. Антокольский, М. Волошин, М. Шкапская и др.). В этом контексте было рассмотрено стихотворение Зенкевича «Царская ставка» и раскрыты особенности воплощения темы гибели Николая II.

В докладе Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «О взаимодействии изобразительного искусства и литературы в романе М. А. Зенкевича „Мужицкий сфинкс“» были представлены примеры экфрасисов — образцов репрезентации авторских идей Зенкевича.

Б. А. Минц (Саратов) сделала доклад на тему «К проблеме поэтического диалога М. Зенкевича и О. Мандельштама», посвященный взаимным переключкам в творчестве двух поэтов. По наблюдениям автора доклада, Зенкевич оглядывался на раннего Мандельштама (например, вариация образа души-дельфина в стихотворении «В безвременьи времени...»), а образы самого Зенкевича отзывались в поздней лирике Мандельштама (череп-чаша как часть единого комплекса «тела-космоса»; образы инволюции). Имели место и синхронные точечные переключки в ранней лирике Зенкевича и Мандельштама (мотивы «темной звериной души», камня и др.). В контексте эсхатологической темы, включающей в свой состав и идею родства материи и духа, получают общее основание мотивные переключки в пореволюционной поэзии Зенкевича и Мандельштама, восходящие к комплексу «пиры смерти». В докладе было подчеркнuto, что Зенкевичу принадлежит первенство в определении естественно-исторического вектора развития темы, нашедшего затем выражение в поздней лирике Гумилева и Мандельштама. Кроме того, было сделано предположение о перекрестном влиянии, актуализации сходных линий в корневой системе акмеизма и, наконец, ключевой роли Зенкевича в инициации, обострении и масштабировании темы «дух и плоть».

Итоговое заседание конференции открыл Ю. А. Изумрудов (Нижний Новгород) докладом «Борис Садовской — рецензент поэтических книг акмеистов». Далее следовал доклад Б. Ф. Кольмагина (Москва) «Правда жизни и литературы». В центре внимания докладчика оказалось стихотворение Зенкевича «У двух проталин». Эти стихи — поэтическое событие, которое говорит о том, что литература и религия могут дополнять друг друга. Молчащий Бог в интерпретации автора превращается в *ничто*. И хождение вокруг пустоты становится трудным, но важным внутренним заданием.

Автор доклада подчеркнул, что в годы всеобщего озлобления поэт поднимал проблему человека. Антропология Зенкевича была неотделима от его поэтики, поскольку он искал новое поэтическое слово, новые области, где работает уже не эстетика, а аффект.

Д. М. Давыдов (Москва) в докладе «Поэзия Михаила Зенкевича в свете спекулятивного реализма и постгуманизма» рассматривал лирику автора «Дикой порфиры» с точки зрения трансперсональной психологии и философии.

Сообщение Александра Ницберга (Австрия) «Об одном источнике „Поэмы без Героя“ А. Ахматовой» было посвящено параллельному рассмотрению произведения Ахматовой и романа М. Зенкевича «Мужицкий сфинкс». Предположение о том, что одним из источников образности для Ахматовой стал роман Зенкевича, основано на факте, что автор «Поэмы без Героя» была знакома с ненапечатанным романом, а в качестве аргумента, подтверждающего главный тезис сообщения, докладчик привел ряд переключек между двумя текстами (например, явление покойных современников главному герою романа Зенкевича и героине «Поэмы без Героя» Ахматовой).

Мысль о том, что лирика Зенкевича развивается между двумя полюсами: «солнечным Эросом» и «темным миром Танатоса», была выражена в докладе Думитру Балана (Румыния) «Эрос и Танатос в поэзии Михаила Зенкевича». Между тем у Зенкевича над Эросом и Танатосом всегда торжествует духовность, исходящая в основном из христианской религии, а душа является надежным звеном, связывающим светлого, радующего глаз и мысли Эроса с бездной неведомого, но уже не такого страшного Танатоса.

О. В. Шиндина (Саратов) в докладе «Утопический дискурс в творчестве М. Зенкевича» сосредоточила свое внимание на большом произведении, написанном в саратовский период, — «Альтиметр. Трагорельеф в прозостихе» (1919–1921). Рассмотрение этого произведения проведено сквозь призму утопических по своему характеру идей новой организации мира (пространственно-временного континуума) и нового человека.

В завершающем конференцию докладе «Зенкевич после Зенкевича: круглые числа, новые смыслы» С. Е. Зенкевич (Москва) сделал поэтапный обзор посмертных публикаций наследия Зенкевича, а также основных направлений исследования жизни и творчества писателя.

© Т. В. Игошева,
© Г. В. Петрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-269-274

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И МЕДИЦИНА: ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ (1820–2020)»**

21–22 октября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Русские писатели и медицина: двести лет вместе (1820–2020)». В ее работе приняли участие историки литературы и медицины. Исследователями из Германии, США и КНР, а также из самых разных регионов России, от Санкт-Петербурга до Благовещенска, — было прочитано более 40 докладов.

Со вступительным словом выступил председатель Оргкомитета С. А. Кибальник. Он рассказал о том, что материалы конференции, а также другие исследования по ее теме будут представлены на сайте: litandmed.ru.

Утреннее пленарное заседание началось докладом С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) «Поэтика медицины и ее аспекты». Существование какой-то особой «поэтики медицины» еще нуждается в обосновании. Открытым вопросом остается и то, в какой степени использование образов, относящихся к миру медицины, обладает в художественной литературе своей спецификой, а в какой оно подчиняется законам обычной поэтики. Предварительный ответ на все эти вопросы исследователь попытался дать на примере творчества А. П. Чехова. Именно Чехов, по его мнению, был первым из русских писателей, применительно к которому говорить о «поэтике медицины» появляются все основания. Наиболее полно и широко в творчестве Чехова были представлены следующие ее аспекты: медицинские рецепты как микротекст художественного текста и символический смысл так называемого фармакологического подтекста, автобиографический и биографический подтексты образов докторов и, наконец, различные формы интертекстуальности, связанные с их изображением.

В докладе В. Н. Захарова (Москва — Петрозаводск) «Кого, как и что лечит доктор Крупов в одноименной повести Герцена?» были проанализированы источники «медицинской» и литературной проблематики повести А. И. Герцена «Доктор Крупов» (1847). Были подробно рассмотрены ее литературные источники, жанровые аспекты и проблемы ее интерпретации в контексте решения темы безумия в русской и европейской литературе. Также в сфере внимания исследователя были отдельные вопросы преломления психиатрии в трактовке героя и автора повести: нужно ли лечить (и учить) «естественного человека», кто виноват в психических болезнях человека, как исцелить общество от безумия и сумасшествия?

В. А. Котельников (Санкт-Петербург) в докладе «Медицинская трагикомедия (случай

А. К. Толстого)» показал, что поэт обладал ярким талантом комической трансформации культурных, литературных и бытовых явлений. В таком виде «медицинская» тема представлена в его письмах к Н. В. Адлербергу. По мере того как умножались и усугублялись его болезни, Толстой находил новые способы смягчать свои страдания смехом в литературе и в жизни. С острым, но добродушным юмором рисует он фигуру своего лечащего врача А. И. Кривского в «Медицинских стихотворениях», в комическом виде изображает себя во время приступа астмы. В юмористических стихотворных и эпистолярных текстах поэта описаны случаи девиантного и патологического эротизма.

Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург) рассмотрела медицинский аспект темы «Учение Дарвина в рецепции русских писателей (от Ф. М. Достоевского к В. Пелевину)». При этом она сфокусировала внимание на проблемном вопросе о полной зависимости человека от законов природы как новым акценте в освещении писателями темы болезни, на связи между болезнями героев и климатогеографическими факторами, на теме «вырождения» человека, заявленной в начале 1870-х годов, получившей заострение в драмах Чехова и сохранившей свою актуальность в прозе Пелевина.

Доклад О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Константин Леонтьев как врач и пациент» был посвящен известному писателю и мыслителю и в то же время военному врачу в годы Крымской войны, а затем домашнему врачу в течение пяти лет после ее окончания. Речь шла о богатом отражении «медицинской» тематики в его беллетристике и мемуарно-автобиографической прозе, а также об использовании соответствующей образности в его историософских сочинениях. В докладе был впервые введен в научный оборот ряд неизвестных фактов биографии писателя — таких, как полученное им в 1876 году от Мещовской уездной врачебной управы разрешение на медицинскую практику и несостоявшееся поступление на место земского врача в том же уезде в 1877 году, т. е. в те годы, когда автор «Византизма и славянства», казалось бы, давно растался со своей «специальностью».

В докладе «„Больное дитя“: полемические контексты и поэтика одного стихотворения А. А. Блока» Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) обратилась к первоначальному этапу самоопределения русского литературного модернизма, который был отмечен стремлением, с одной стороны, провести демаркацию между «декадентством» и «символизмом», а с другой — освободиться от психопатологического

дискурса в оценке новых художественных явлений. Исследователем были рассмотрены полемика о «декадентах» и «символистах» в раннесимволистских изданиях, реакция на нее Блока, выразившаяся в ряде писем к З. Н. Гиппиус и в стихотворении «А. М. Добролюбов» (1903), в котором был репрезентирован образ одного из первых русских декадентов. Докладчица выделила опорные концепты созданного Блоком образа «больное дитя», выявила его источники, восходящие к полемике начала 1900-х годов и к корпусу статей З. Н. Гиппиус, а также ряд интертекстуальных связей. Прослеживая текстологическую историю стихотворения и факт его включения в первый том «Лирической трилогии», Грякалова пришла к выводу о том, что, идя «по следу» Добролюбова, Блок делал акцент на общности истоков (жизне)творческих исканий «декадентов» и «символистов», а сама фигура поэта-декадента «не от мира сего» оказалась включена в структуру блоковского мифа о пути современного художника.

Дневное пленарное заседание открылось докладом Д. Д. Николаева (Москва) «Доктор как отсутствующий персонаж в русской комической литературе начала XX века». В нем рассматривались два основных аспекта этой темы. С одной стороны, значимым является само по себе малое количество комических произведений, в которых в качестве одного из действующих лиц выступает врач. При этом в ряде рассказов «доктор» просто упоминается в тексте, но не появляется «на сцене». Если врач вводится в качестве персонажа, то часто это образ, помогающий в развитии сюжета, но не несущий в себе комических черт. В тандеме «пациент — доктор» преимущественно разрабатывался образ пациента.

В докладе Е. И. Колесниковой (Санкт-Петербург) «Ни в коем случае не конфликтуй с психiatрами (И. Бродский). Литературный быт ленинградских „шестидесятников“» как факт биографии, сыгравший трагическую роль в судьбе писателя Рида Грачева (1935–2004), было представлено его психическое заболевание, во многом спровоцированное невозможностью творческой реализации: его не печатали по цензурным соображениям. При жизни в свет вышла только одна книга «Где твой дом?» (1967), не соответствующая сложившейся репутации писателя.

К. Стариков (США) выступил с презентацией готовящегося к выходу сборника статей «The Russian Medical Humanities: Past, Present, and Future» (издательство «Rowman & Littlefield»). В нем описаны основные тенденции прошлого и настоящего в российском медицинском образовании, а также формы концептуализации болезни и здоровья российскими и американскими деятелями культуры, в том числе русскими писателями-врачами.

Директор ИД «Петрополис» Е. Г. Павлова (Санкт-Петербург) представила вышедшую в этом издательстве коллективную моногра-

фию «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры» (отв. ред. С. А. Кибальник; СПб., 2021). В подготовленной пятью авторами (С. А. Кибальником, О. А. Кузнецовой, Е. К. Мурениной, К. Н. Оевой и С. П. Оробием) книге показано, что многие из распространенных взглядов на Достоевского нуждаются в существенной коррекции с позиций современных научных представлений о его личности и творчестве. Вопреки популярным мифам о писателе, Достоевский — не «жестокый», а гуманный и светлый, катартический талант, не больной, а врач. И создавал свои произведения он не благодаря своим недугам, а вопреки им.

С. С. Шаулов (Москва) выступил с докладом «„Эпидемический“ текст современной массовой литературы: структура, контекст, традиция». Эпидемия как форма возможного конца цивилизации, по его словам, одна из самых популярных тем современной массовой беллетристики. Выступление было нацелено на выявление и анализ общих структурных особенностей «эпидемического текста» современной массовой литературы: ее сюжетных и характерологических шаблонов, постепенного перехода от изображения собственно эпидемии к социальной и психологической реальности «постэпидемического» мира, попыткам авторов «философски» углубить сюжет и т. д.

Первый день работы конференции завершился круглым столом «Писатель — пациент или врач?», который вели петербургский философ и писатель А. А. Грякалов, С. А. Кибальник, С. П. Оробий и С. С. Шаулов. Ответы на этот вопрос некоторые участники круглого стола: петербургские писатели Андрей Аствацатуров, Алексей Грякалов, Сергей Кибальнич, Александр Мелихов и Сергей Носов — дали не только в краткой, письменной, но и в устной, развернутой форме. Другие его участники: Евгений Водозазкин (Санкт-Петербург), Дмитрий Данилов (Москва), Анатолий Королев (Москва) — ограничились только первой из них. В обсуждении проблемы также приняли участие литературоведы Н. Ю. Грякалова, В. Н. Захаров, А. В. Кубасов и А. Д. Семкин.

Первое заседание первой секции, которое состоялось 22 октября, было посвящено Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому и Н. С. Лескову. Его открывал доклад В. С. Карташова (Москва) «Врачи Томского пехотного полка в жизни Пушкина и Достоевского». Врачи-однополчане сыграли важную роль в жизни известных русских писателей. Евстафий Петрович Рудыковский вылечил заболевшего А. С. Пушкина, а Григорий Павлович Маслович стал крестным отцом Ф. М. Достоевского. В 1820 году штаб-лекарь Рудыковский, сопровождавший генерала Н. Н. Раевского с семьей в поездке на Кавказ и в Крым, лечил в Екатеринославе заболевшего там Пушкина. Штаб-лекарь Маслович фигурирует в воспоминаниях А. М. Достоевского как дальний родственник семьи Достоевских. На

основании формулярных списков, хранящихся в архивах, исследователю удалось уточнить ряд биографических сведений о Рудыковском и Масловиче.

А. А. Скоропадская (Петрозаводск) в докладе «Медицинская латынь Ф. М. Достоевского» показала, что в произведениях и рабочих тетрадях писателя встречаются медицинские термины и выражения на латыни: названия болезней, терминологические вставки, афоризм, восходящий к изречению Гиппократ. Медицинская латынь в текстах Достоевского — не просто характерологическая деталь, индивидуализирующая речевой портрет героя или дополняющая картину социальной жизни. Это — один из культурных кодов, расширяющих этический и эстетический контекст, который отсылает к универсальному, вечному.

Д. В. Васильев (Санкт-Петербург) представил стендовый доклад «Функциональные особенности проявлений сферы бессознательного в духовном движении героя повести Достоевского „Хозяйка“». Он говорил об открытии Достоевским в этом произведении того, что внутренняя жизнь человека, его взаимоотношения с окружающим миром зачастую обусловлены стихийными импульсами, исходящими из его бессознательного начала. В докладе анализировались различные формы проявления этого начала в «Хозяйке».

Ми Сюян (КНР) в докладе «Доктор Крупов в арестантских палатах: Отражение идей Герцена в „Записках из Мертвого дома“ Достоевского» показал, что влияние Герцена в этой книге не только сказалось на ее мировоззренческой основе, но и выразилось в художественных деталях. Изображение в «Записках...» всеобщего безрассудства напоминает о психиатрическом трактате доктора Крупова в одноименной повести Герцена. Вопреки стремлению последнего объяснить всеобщее сумасшествие детерминизмом среды, Достоевский видит в нем проявление подавленной личности, продолжая тем самым свою борьбу с «теорией среды», начатую им еще в «Бедных людях».

В докладе Н. Борисовой (ФРГ) «О духовном лечении, сопряжении душ и заражении добром: Лев Толстой и парамедицина, или как американский гинеколог консультировала русского писателя» рассматривались связи Толстого с американским религиозно-сциентистским движением «Mind Cure». Толстой был знаком с активисткой этого движения, врачом-гинекологом Элис Банкер-Стокхам и читал ее работы. На примере рассказа «Фальшивый купон» показано, как толстовские представления о «заражении добром» соотносятся с представлениями лидеров «Mind Cure» об исцелении.

М. Н. Волвелкин (Воронеж) прочел доклад «„Эти доктора ничего не знают“: о болезни, боли и „других“ в рассказе „Три смерти“ и повести Л. Н. Толстого „Детство“», в котором были выявлены особенности отношения героев названных произведений к таким экзистенциальным категориям, как жизнь

и смерть, тело и душа. Исследовалась специфика коммуникации между больным и его окружением, а также особенности коммуникативного поведения героинь указанных произведений («тапан» и «барыни»).

Главный герой доклада С. И. Зенкевич (Санкт-Петербург) «Н. С. Лесков и медицина» начал свою литературную деятельность с публикации нескольких статей о полицейских врачах и общественной гигиене в медицинском журнале. Писателя и впоследствии интересовала подобная проблематика: вопросы народного здоровья, личность врача, инфекционные болезни, их распространение и осмысление, научные теории и их «массовое» восприятие. Выступавшая также рассмотрела диалог Лескова с лейб-медиком Л. Б. Вертенсоном, опубликовавшим его письма; при этом был затронут вопрос об этичности обнародования «медицинских» сведений.

Отдельное заседание было посвящено творчеству А. П. Чехова. Оно открылось докладом В. В. Кондратьевой (Таганрог) «Рассказ Чехова „Волк“: историко-медицинский и архетипический аспекты». Обе редакции этого раннего рассказа связаны с заболеваниями бешенством в России 1880-х годов. Однако «водобоязнь» оказывается в нем лишь поводом к рассмотрению человека, испытывающего страх. Писателя интересует не столько экзистенциальная, сколько психологическая сторона феномена страха, в воплощении которой принципиальную роль, по мнению исследователя, играет архетипическая составляющая образа волка.

А. С. Собенников (Санкт-Петербург) в докладе «Рассказ Чехова „Володя“ в психоаналитическом дискурсе» показал, что психологическое состояние героя характерно для завершающей стадии пубертатного периода (замкнутость, агрессивность, озлобленность, неуверенность в себе, вспыльчивость). Автор-медик ставит своему герою диагноз: невроз. Психологический анализ направлен на «бессознательное», на «вытесненное» в детстве и на «сексуальное». В «бессознательном» вскрывается семейное неблагополучие в раннем детстве героя, в «сексуальном» — завершение пубертатного периода. Чехов не был знаком с работами Фрейда и его последователей, но интуиция художника позволила ему подтвердить научную значимость психоанализа.

А. А. Степаненко (Южно-Сахалинск) выступила с докладом «О медицинской деятельности Чехова на острове Сахалин». Из подлинных впечатлений Чехова, нашедших воплощение в книге «Остров Сахалин», анализировались посещение Александровского лазарета, прием мальчика, описание больницы обстановки и разговоры с больными. Особое внимание было уделено XXIII главе книги, в которой Чехов характеризовал «болезненность и смертность сыльного населения».

Доклад О. В. Спачиль (Краснодар) был озаглавлен «Реалии медицины XIX века в книге Че-

хова „Остров Сахалин“». В нем был предложен историко-культурный комментарий к двум реалиям книги, восприятие и понимание которых сегодня затруднено: «классный фельдшер» и «морской канат для хирургического отделения».

Е. Н. Петухова (Санкт-Петербург) в докладе «Лермонтовская „родословная“ медицинских персонажей А. П. Чехова: преемственность и эволюция» проследила в чеховских «докторах» лермонтовскую литературную традицию. По ее мнению, созданный поэтом образ доктора Вернера под пером Чехова заметно трансформировался. Врач — особый тип разночинца, который Чехову, в отличие от Лермонтова, был хорошо известен. Писатель придал образам врачей и собственные черты, и обобщенные черты разночинца, сформированные другой, уже нелермонтовской эпохой. И создал новый тип героя — доктора, знакомого нам по чеховским произведениям.

А. В. Кубасов (Екатеринбург) прочитал доклад «Доктор Дорн и Макс Нордау: два взгляда на нервный XIX век». Концепция «нервного века», отметил исследователь, связана с периодом *fin de siècle* (Ч. Ломброзо, М. Нордау). Открыто отношение Чехова к этой концепции выражалось в письмах, скрыто — в художественных произведениях. Фамилия доктора Дорна рассматривалась как трансформация фамилии Нордау. Посредством этого образа писатель сформулировал свой взгляд на «нервный век» и связанные с ним утомление и «вырождение». Полемика Чехова с Нордау позволяет определить роль Дорна как скрытого трикстера.

В докладе Л. Е. Бушканец (Казань) и Н. Ф. Ивановой (Великий Новгород) «Автобиографические источники образа врача в рассказах Чехова „Цветы запоздалые“ и „Июньч“» было показано, что одним из прототипов образов Топоркова и Старцева является Г. А. Захарьин. В работе над ними Чехов использовал детали, связанные с принципами лечения известного врача, его биографией, манерой поведения и привычкой к крупным гонорарам. Традиционное восприятие рассказа как произведения о «нравственной деградации» героя слишком узко. В действительности это рассказ о выборе врачом своего пути, обусловленный собственными путями самоопределения писателя в молодости.

Доклад М. Миллер (США) назывался «Boring stories? The practice of narrative medicine in Chekhov». Как известно из воспоминаний Г. И. Россоломо, Чехов однажды написал, что если бы он преподавал будущим врачам, то «старался возможно глубже вовлечь свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента», и это «студентам могло бы действительно пойти на пользу». Существенно, чтобы и пациенты умели рассказать о своем состоянии. Тем самым, сам того не ведая, Чехов предвосхитил современные учебные дисциплины «*medical humanities*» и «*narrative medicine*». В выступ-

лении анализировались такие произведения Чехова, как «Скучная история» и «Случай из практики».

Утреннее заседание второй секции, состоявшееся 22 октября, «Писатели „серебряного века“ и русского зарубежья» открылось докладом О. С. Крюковой (Москва) «Медицина и литература в жизни и творчестве „карийского доктора“ Владимира Кокосова». В нем были проанализированы рассказы и очерки В. Я. Кокосова (1845–1911), действие которых происходит в лазарете. Особое внимание было уделено образу «каторжного доктора» из «Рассказов о Карийской каторге» (1907). Рассматривалась также собственно медицинская деятельность Кокосова, выпускника Военно-медицинской академии, не оставившего медицинскую практику и общественно-медицинскую деятельность до конца жизни.

В докладе А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «Медицинский дискурс в литературной критике начала XX века» речь шла о насыщении литературно-критического дискурса медицинской терминологией в откликах, рецензиях и обзорных статьях на литературные произведения конца XIX — начала XX века. На примерах из произведений К. И. Чуковского, А. А. Измайлова, К. И. Арабажина и В. Ф. Боцяновского были продемонстрированы основные триггеры, сделавшие медицинский дискурс частью критического анализа современной литературы.

Предметом доклада С. В. Кудрицкой (Москва) «Топос душевной болезни в творчестве Михаила Пантюхова и Александры Мирэ» было творчество двух малоизвестных авторов, страдавших от психических заболеваний: А. М. Моисеевой (Мирэ) (1874–1913) и М. И. Пантюхова (1880–1910). Подробно рассматривался роман Пантюхова «Тишина и старик» (1907), героиня которого попадает в психиатрическую лечебницу из-за клеветнических наветов на нее. Был также проведен анализ произведений Мирэ, в которых воплощена тема безумия.

В стендовом докладе А. Д. Петровой (Санкт-Петербург) «Пациент О. Э. Мандельштам» была предпринята попытка рассмотреть ассоциативные семантические поля Мандельштама с точки зрения их возможных невротических проявлений. Большое внимание уделялось лексическому полю, связанному со словом «хрупкость», передающим ощущение поэтом непрочности мироздания.

А. Д. Семкин (Санкт-Петербург) в докладе «„Ни одного врача не убил“: Медицинские работники в творчестве Михаила Зощенко» остановился на роли медицины в личной жизни писателя и выделил три варианта образа врача в его произведениях: негативный, позитивный и данный как своего рода обстоятельство жизни, в котором существует простодушный герой.

В докладе В. М. Димитриева (Санкт-Петербург) «Пути искусства и анестезии: Василий Яновский в поисках творческого метода»

было показано, как на становление творческого метода писателя младшего поколения русского зарубежья Василия Яновского (1906–1989) повлияли его медицинское образование и многолетняя врачебная практика. Особое внимание было уделено при этом не его художественным произведениям, а эссе «Пути искусства» (1960) и книге «Medicine, Science and Life» (1978). Философские и мистические идеи «трансреализма», легшие в основу эстетической теории в первом из них, в форме медицинской рефлексии продолжены во второй.

Дневное заседание второй секции, прошедшее 22 октября, называлось «Михаил Булгаков и другие». Оно открылось стендовым докладом М. А. Волчкевич (США — Москва) «„Чудесный доктор“: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе». Она показала, что этот образ претерпел изменения, которые отражают произошедшие в России исторические перемены. Свою полноту, сложность, неоднозначность он обрел в творчестве Чехова. Пьеса А. Н. Арбузова «Таня», напротив, посвящена «превращению» человека в советского «сверхчеловека». Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» вернул русскую литературу к традициям XIX века и возродил образ врача, у которого есть право на отказ от «служения» в мире, где «насилуют живую душу».

В докладе И. В. Головачевой (Санкт-Петербург) «Мозг Шарикова и биомедицинские дискурсы 1920-х годов» повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» была реинтерпретирована в свете теорий «дегенеративной наследственности», обусловивших облик и габитус булгаковского героя. Особое внимание исследователь сфокусировала на научном мировоззрении профессора. Она показала, что реконструкция наиболее вероятных научных источников, стимулировавших воображение писателя, весьма плодотворна при решении важнейших вопросов, стоящих перед интерпретатором данного текста.

В докладе М. П. Лепехина (Санкт-Петербург) «О творческой истории „Собачьего сердца“: главные герои и их прототипы» утверждалось, что почти все действующие лица повести списаны с конкретных личностей. Если реальными прототипами двух ее главных героев: Ф. Ф. Преображенского и И. А. Борментала — послужили сразу несколько реальных лиц, то ряд других персонажей (например, тип омоловившегося пожилого сладострастника) имеет одного конкретного прототипа.

В докладе Е. А. Яблокова (Москва) «В плену „звездной“ болезни: тема сифилиса в творчестве М. А. Булгакова» лозунговая тема была рассмотрена на материале трех произведений: романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», а также рассказа «Звездная сыпь». Проанализированы устойчивые мотивы, характерные для данной темы. Показано, что мотив сифилиса в булгаковском мире устойчиво связан со «звездными» коннотация-

ми и объединяет соматический, политический и «космический» дискурсы. Отмечены интертекстуальные параллели с произведениями других авторов — как предшественников Булгакова, так и его современников.

В стендовом докладе Е. Е. Бергер и М. С. Турской (Москва) «Художественная литература в медицинском образовании» было показано, что современное высшее медицинское образование включает не только естественнонаучные дисциплины, но и целый блок гуманитарных предметов: историю медицины, биоэтику, философию, отечественную историю. В западной университетской традиции этот комплекс носит название «Medical Humanities». Необходимость их изучения объясняется двойственностью медицины. С одной стороны, медицина — это наука о сложно устроенном биологическом объекте, с другой — результат его лечения зависит не только от знаний врача, но и от его взаимодействия с пациентом. Литературные произведения при таком подходе играют роль своего рода «case studies», которые демонстрируют студентам определенные модели поведения и помогают подготовиться к принятию непростых медицинских решений.

В докладе Н. А. Зайцева и В. Т. Чикобавы (Москва) «Врачи в русских эпиграммах XVII–XX веков» была рассмотрена специфика образа врача и средства его воплощения на материале русской эпиграммы XVII–XX веков. Будучи сатирическим жанром, эпиграмма чаще всего содержит отрицательную оценку адресата, обусловленную различными причинами. Однако были обнаружены и произведения, в которых доктор становится не объектом осмеяния, а положительным героем и/или проводником авторской иронии. Рассмотрены и эпиграммы, в которых медики изображаются нейтрально.

Заключительное заседание конференции, посвященное современной русской литературе, открылось докладом С. С. Бойко (Москва) «„Медицинская тема“ и жанровое разнообразие теоцентрической прозы: рассказ, житие, очерк, анекдот». В нем было показано, что в произведениях Л. Запариной («Матронушка»), В. Лялина («Нечаянная радость»), о. Александра Дьяченко («„Таксист“ и другие „хроники времен ковида...“») врачи и пациенты не противопоставлены. Недугам подвержены как те, так и другие, а исцелению и облегчению страданий способствует не только медицинская помощь, но и моральная поддержка, молитва. В прозе Запариной рассматривались жанровые традиции жития, в прозе Лялина — традиции рассказа, в произведениях о. Александра — очерка, анекдота.

И. А. Кравчук (Санкт-Петербург) в докладе «Диагноз как симптом: медицинский дискурс в романе Юрия Домбровского „Обезьяна приходит за своим черепом“» продемонстрировал, что отличительной особенностью данного романа становится подрыв различных жанровых конвенций и дискурсов. «Медикализация

реальности» в нем свидетельствует о распаде взаимосвязи между героем и его поступком, между словами и вещами; болезнь речи становится указанием на болезнь тела. Тем самым нозография оказывается одновременно и объектом, и инструментом «деконструкции». Подобная техника применяется писателем и в других произведениях («Леди Макбет», «Королевский рескрипт»).

О. И. Шапкина (Москва) в докладе «Образы медиков в сценарии Л. Улицкой „Чума, или ООИ в городе“» говорила о том, что публикация спустя годы после создания, уже во время нынешней пандемии, этого основанного на реальных событиях сценария, несомненно, способствовала более многогранному его восприятию. В сценарии представлен ряд образов медиков (микробиолога, врачей, медсестер), которые с честью выдержали «экзамен на гражданскую и врачебную зрелость» в чрезвычайной ситуации.

С докладом «Была ли русская литература готова к ковиду?» выступил С. П. Оробий (Благовещенск). По его мнению, «коронавирусный текст» русской литературы отнюдь не скуден: тут и стихи на злобу дня, и большие романы. Однако самым предпочтительным его жанром оказалась эссеистика, а именно «карантинный» цикл А. Гениса, соединивший в себе злобу дня, хронику и литературу в самой концентрированной ее форме. Мотивы, важные для «коронавирусного текста» в целом (дом, скука, путешествия, еда), подаются в этих очерках в типичной для этого жанра изобретательной манере.

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию. Возможно, через год будет проведена вторая Международная научная конференция «Русские писатели и медицина».

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-274-281

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БРЮСОВСКИЙ ПУШКИН. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОГОМОЛОВА. ПЕРВЫЕ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»*

29–30 октября 2021 года на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова прошла Международная научная конференция «Брюсовский Пушкин. Памяти Николая Алексеевича Богомолова. Первые Богомоловские чтения». Организатором конференции выступила кафедра литературно-художественной критики и публицистики, которой более полувека руководил профессор Н. А. Богомолов.

Конференция проводилась в рамках гранта РФФИ КИАС № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина». Этот грант задумал и начал вести Н. А. Богомолов. Тема гранта отражает две важнейшие грани культурного мира Н. А. Богомолова: он был уникальным специалистом по литературе Серебряного века и прекрасным знатоком пушкинского творчества. Научная встреча была задумана как диалог ученых, «живущих» в двух веках русской культуры: Золотом и Серебряном.

В работе конференции приняли участие известные филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Китая, Колумбии, США, Японии. Заседания проводились на платформе Zoom, что

дало возможность подключиться слушателям из разных городов России и из-за рубежа.

За два дня было заслушано 32 доклада, в которых был затронут широкий круг проблем, связанных с брюсовской рецепцией Пушкина и пушкинской эпохи. Тематика определила и структуру программы, состоявшей из нескольких тематических блоков. Деление на секции принципиально отсутствовало: все слушали всех.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась декан факультета журналистики Е. Л. Вартанова, отметившая выдающиеся научные заслуги Н. А. Богомолова, его высокий авторитет среди преподавателей и студентов факультета и поддержавшая идею кафедры сделать Богомоловские чтения традиционными и проводить их раз в два года. Е. Л. Вартанова указала и на символически дат: конференция памяти Н. А. Богомолова открылась в день рождения Я. Н. Захарова, декана факультета в 1965–2007 годах.

Приветственное слово произнесла и О. Л. Довгий, указав, что в тройном названии конференции стержневым является имя Н. А. Богомолова, ставшее центром притяжения для крупнейших филологов из разных стран мира. Участники смогли услышать живой голос Н. А. Богомолова: О. Л. Довгий включила в свою речь фрагмент его видеон-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00106 «Валерий Брюсов — издатель сочинений Пушкина».

тервью для С. Г. Коростелева, где идет речь о роли Пушкина в культурном мире ученого.

Утреннее заседание 29 октября открылось тематическим блоком «Текстологические принципы издания классиков». Е. О. Ларионова (Санкт-Петербург) в докладе «Полное собрание сочинений Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова (1920) как эдиционный эксперимент и его значение для развития русской текстологии» предложила новый подход к брюсовскому изданию Пушкина. Докладчица отметила, что ПСС Пушкина в трех томах и шести частях было частью большой пушкинской издательской программы, предложенной В. Я. Брюсовым в 1919 году Наркомату просвещения. Остановившееся после выхода первой части (лирические стихотворения), это издание в среде исследователей-пушкинистов имеет репутацию своего рода «неудачного» проекта. Однако, по мнению Ларионовой, оно достойно внимания как достаточно смелый эксперимент, которым Брюсов пытался сломать утвердившуюся в издании пушкинских текстов традицию. Докладчица предложила рассмотреть издание (вышедшую часть и заявленный план последующих) в нескольких аспектах. Прежде всего, с точки зрения структуры издания: деление материала на «биографические» периоды, композиция внутри этих периодов, выделение разных категорий пушкинских текстов. Далее, с точки зрения того, как в этом издании проявились характерные методы Брюсова-текстолога — стремление к связным чтением и широкий допуск гипотетических реконструкций. И наконец, подчеркнула возможность оценить брюсовское издание как некий импульс, данный русской текстологической мысли 1920-х годов (книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» и вызванная ею текстологическая дискуссия, программы полных «до-академических» собраний сочинений Пушкина 1930-х годов).

Продолжила тему брюсовского Полного собрания сочинений Пушкина, сосредоточившись на результатах собственных архивных разысканий, С. А. Казакова (Москва). По мнению докладчицы, на основе сохранившихся в фонде Брюсова в РГАЛИ черновых и беловых автографов, корректур, версток будущих частей собрания можно восстановить замысел редактора, проанализировать подход Брюсова к текстологии, составу произведений, включенных в собрание сочинений, исследовать принципы расположения материала, методы работы редактора над примечаниями и биографическими статьями. В докладе была затронута и полемика в кругу пушкинистов, вызванная брюсовским эдиционным подходом, отражившаяся в критике 1920-х годов. Казакова считает необходимым продолжение изучения этой полемики, так как она позволяет поднять ряд важных для текстологии вопросов, а также проанализировать достоинства и недостатки издания под редакцией Брюсова.

Доклад В. Э. Молодякова (Япония) был посвящен истории несостоявшегося Собрания

сочинений Валерия Брюсова в 12 (вариант: 10) томах, которое готовилось в Гослитиздате в 1930-е годы, но так и не вышло. Основным источником информации об этом плане до сих пор оставалось сообщение в «символистском» томе 27/28 «Литературного наследства», где было кратко изложено содержание томов и указаны предполагаемые редакторы и авторы вступительных статей. Докладчик подчеркнул, что лишь открывает тему, используя всего один, но ценный неизданный источник — письма И. М. Брюсовой 1935–1955 годов к Д. Е. Максимова, который предполагался участником задуманного издания. После войны работа над собранием сочинений возобновилась, но в неблагоприятных издательских условиях его объем «усох» сначала до шести, потом до трех и в конце концов до двух томов «Избранных произведений» (1955). Докладчик призвал коллег продолжить поиски материалов по данной теме, прежде всего из архива Гослитиздата.

М. В. Строганов (Москва) в докладе «Текстологические проблемы „Царя Никиты“» предложил ряд уточнений к «Отрывку из сказки „Царь Никита“» в новом Полном собрании сочинений Пушкина (подготовка текста и комментарии Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина). «Царь Никита» печатается среди стихотворений — по традиции, как сказка (СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2). Однако в отличие от сказок Пушкина начала 1830-х годов сюжет его не имеет фольклорного аналога. Типологически «Царь Никита» относится к гипотетическим стихотворным произведениям, и место его среди поэм. К Л. С. Пушкину восходит информация о незавершенности «Царя Никиты». Комментаторы считают, что этому противоречит включение его в перечень законченных произведений 1821–1822 годов, и помещают текст в разделе «Отрывки недоедших произведений», однако Пушкин часто публиковал сюжетно завершенные, но фавульно незаконченные части своих произведений. Свидетельство Л. С. Пушкина можно понимать так, что на вырванных листах рабочей тетради находился черновой и не сведенный воедино текст продолжения поэмы, который он использовал в досочинении окончания поэмы и поэтому не называл его принадлежащим брату. Поэтому А. С. Пушкин имел право отказываться от авторства этой поэмы. По степени определенности авторства «Царя Никиты» представляет собой нечто среднее между «Гаврилядой» и «Тенью Баркова»: начало написано несомненно Пушкиным, но текст ее после первых 22 стихов дубиален.

Следующий раздел программы носил название «Брюсов и пушкинистика XX века». Д. П. Ивинский (Москва) в докладе «Пушкин в историко-литературной концепции Брюсова» представил эту концепцию как постепенно формировавшуюся в литературно-критических выступлениях 1900–1910-х годов, посвященных преимущественно литературной современности, и связал последние статьи

Брюсова о Пушкине («Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина» [1922], «Разносторонность Пушкина» [1922], «Пушкин мастер» [1924]), в которых эта концепция приобрела условно завершенный и при этом радикально «пушкиноцентричный» характер, с полемической статьей В. М. Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (1917, первая публикация — 1922), своеобразным ответом на которую они стали, и таким образом именно критика брюсовской историко-литературной концепции оказалась значимым фактором ее формирования. В основе же этой концепции оказалась сложная открытая система частичных, часто противоречивых и осмысляемых в этих качествах обязательно-необязательных связей самых разнородных и разновременных текстов с пушкинскими, как завершенными и опубликованными при его жизни, так и с незавершенными и даже оставленными на уровне черновых набросков и «планов». В результате «направления» / «стиля», о которых писал Жирмунский, оказались лишь частью сложнейшей движущейся картины истории русской литературы, обладавшей динамикой на всех ее соотнесенных уровнях, и при этом все они (классицизм — романтизм — реализм — символизм) уверенно опознавались уже в самом пушкинском творчестве.

В докладе «Пушкинское и анти-пушкинское в жанровой поэтике книги В. Я. Брюсова „Urbi et Orbi“» Д. М. Магомедова (Москва) отметила, что принцип циклизации в книге стихов 1903 года одновременно традиционен и уникален. Циклизация стихотворений по жанровому принципу восходит к традициям XVIII века и пушкинской эпохи, однако к концу XIX века жанровая логика вытеснена тематической, и возвращение к жанровой циклизации выглядит исключением. Соотнеся жанровый принцип циклизации с авторским предисловием, декларирующим осознанный подход к книге стихов как к «большой форме» нового типа, где все циклы должны восприниматься как главы художественного целого, необходимо признать, что основная тема сборника — жанровая рефлексия. Набор жанров, вошедших в сборник, это и репертуар рубежа XIX–XX веков, где жанры пушкинской эпохи (оды, элегии, послания, антологические стихи, баллады) соседствуют с нестандартными для книжной традиции («Песни», «Думы», «Картины») без соблюдения принятой в пушкинскую эпоху жанровой иерархии. Одновременно традиционные жанровые циклы в сборнике — это демонстрация преобразования канона, которое началось еще в пушкинскую эпоху, что было показано в докладе на примере элегии и баллады (исчезновение идилического топоса в элегии, замещение «иного» мира в балладе миром страсти). Была высказана гипотеза, что книга «Urbi et Orbi» явилась для Брюсова первым прообразом будущих авторских антологий «Сны человечества» и «Опыты по метри-

ке и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам».

Е. А. Закрыжевская (Москва) в докладе «Ходасевич о пушкинистике Брюсова (по материалам критики)» наметила новый путь в осмыслении влияния поэзии и личности Брюсова на молодого В. Ф. Ходасевича: это связь между пушкинизмом Брюсова и первыми пушкинскими штудиями Ходасевича, до сих пор остававшаяся за пределами внимания исследователей. Косвенно интерес Ходасевича в середине 1900-х годов подтверждает ссылка на неопубликованную статью Брюсова, сделанная в одной из важных пушкиноведческих статей 1927 года «Глуповатость поэзии». Хотя высказывания Ходасевича о работе Брюсова в области изучения пушкинского творчества немногочисленны и порой противоречивы, все же по некоторым из них можно заключить, что именно от Брюсова унаследовал автор «Поэтического хозяйства Пушкина» весьма важное для понимания его исследовательской установки представление о том, что лишь поэт может верно трактовать и угадывать замыслы другого поэта.

Тему, которой серьезно занимался Н. А. Богомолов, затронула О. И. Шапкина (Москва) в докладе «Размышления о А. С. Пушкине: В. Я. Брюсов и Н. О. Лернер»: на основе анализа переписки Брюсова и Лернера выявила сходства и различия их взглядов на осмысление творческого наследия Пушкина; рассмотрела, как складывались взаимоотношения между редактором и автором при подготовке книги «А. С. Пушкин. Труды и дни» (1903) в издательстве «Скорпион».

В докладе Е. В. Глуховой (Москва) «Андрей Белый и его работа над семантическим тезаурусом поэтической лексики Пушкина» речь шла о подготовительных материалах к статье «Пушкин, Тютчев и Боратынский в зрительном восприятии природы» (1916). В музее Андрея Белого на Арбате сохранилось отдельное издание сочинений Пушкина из личной библиотеки писателя, с его пометами. Изучение этих маргиналий со всей очевидностью демонстрирует принципы работы над семантической лирических текстов. Вычленив константы природной образности — Солнце, Луна, Воздух, Вода, и опираясь на предположение о том, что эти константы и позволяют со всей очевидностью показать разницу в образном и семантическом строе поэтических текстов, Андрей Белый систематизировал образный состав лирики Пушкина (и других поэтов).

В докладе М. Ю. Эдельштейна (Москва) «П. П. Перцов — пушкинист» были рассмотрены работы Перцова о Пушкине с середины 1890-х годов до конца 1920-х. В числе прочего исследователь, опираясь на переписку Перцова с Брюсовым, предпринял попытку реконструировать неосуществленный замысел ранней статьи о Пушкине, где последний должен был быть представлен как предшественник декадентов. Особенно подробно Эдельштейн остановился на итоговом критическом сочине-

нии Перцова «Литературные афоризмы», продемонстрировав его связь с трудами по морфологии бытия, на которых был сосредоточен Перцов в 1920–1930-е годы.

Два следующих доклада развивали тему пушкинского юбилея в осмыслении прессы. Л. А. Ключковская (Москва) в сообщении «Пушкинские страницы „Исторического вестника“» обратилась к освещению этого события в историческом и литературном журнале А. С. Суворина и С. Н. Шубинского 1899 года. Материалы первых четырех номеров являлись «вступлением в тему»: в разделе «Смесь» публиковалась многостраничная информация о подготовке к празднованию столетней годовщины поэта. В каждом блоке — от 20 до 40 подробных рассказов из разных городов России о предстоящих выставках, заседаниях, вечерах (в гимназиях, университетах, библиотеках, научных обществах), что представляло юбилей Пушкина общенациональным событием. В последующих номерах помещались отчеты о прошедших торжествах в России и за рубежом, обзор литературы, вышедшей к памятной дате. Кульминацией стал майский номер, почти полностью отданный материалам о жизни и творчестве поэта. Это были исследовательские статьи А. К. Бороздина, Б. В. Никольского, П. Н. Полевого, публикации биографического и краеведческого характера. В качестве Приложения к юбилейному выпуску редакция предложила читателям фотографии автографов поэта (из собрания П. Я. Дашкова). Без сомнения, ценным являлся также обзор переводов произведений Пушкина на 50 языков и наречий мира. В юбилейных материалах «Исторического вестника» отразились как труды научного сообщества по осмыслению творческого наследия Пушкина, так и действия русского образованного общества по распространению знаний о поэте и сохранению памяти о нем.

В докладе Р. А. Поддубцева (Москва) «Пушкинский юбилей на страницах журнала „Мир искусства“» был предпринят анализ публикаций, появившихся в журнале в 1899–1900 годах. Исследователь выделил три основных проблемных узла: неучастие в «пушкинском» номере журнала (№ 13–14 за 1899 год) В. С. Соловьева и его ироничный отклик на статьи других авторов (В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, Ф. Сологуба); обзорная статья С. П. Дягилева «Иллюстрации к Пушкину», в которой дана низкая оценка двум подарочным изданиям с рисунками прославленных художников; спор о последних днях жизни Пушкина и его смерти, возникший между П. П. Перцовым, Рыц (И. Ф. Романовым) и Розановым. По мнению Поддубцева, серьезного разговора о поэте и его сочинениях на страницах «Мира искусства» не получилось. При этом статья Дягилева, посвященная отнюдь не литературным вопросам, заслуживает особого внимания. Она ценна благодаря переключкам с более поздней статьёй Ю. Н. Тынянова «Иллюстрации». Та-

кое смещение акцента с текста на рисунок неудивительно, поскольку журнал «Мир искусства» был по преимуществу художественным журналом.

Доклад А. А. Холикова (Москва) «„Речь“ о Пушкине в будни революции (1917–1918)» опирался на обнаруженные в процессе подготовки аннотированной росписи газеты «Речь» публикации самых разных жанров (Ю. И. Айхенвальда, А. Н. Бенуа, С. А. Венгерова, Д. В. Filosofova и др.), в которых имя Пушкина объединило ключевые направления культурной повестки издания в революционные годы: науку, искусство, образование, музейное дело. Показано, как через обращение к духовному и материальному наследию классика велась борьба «за» всю русскую культуру в контексте споров о роли интеллигенции, патриотизме и будущем страны.

Л. В. Стебенева (Гайворонская) (Москва) посвятила доклад «„И с Пушкиным я говорю как друг“: пушкинский код в поэтологии В. Я. Брюсова» сравнительному анализу подходов Пушкина и Брюсова к раскрытию основных поэтологических тем. Материалом для сопоставлений послужили мотивные пересечения поэзии Брюсова и Пушкина, брюсовские переводы оды Горация, аллюзивные по отношению к «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», опыты продолжения пушкинских произведений, незавершенный «Дневник поэта» (1917).

В докладе Ирины Антанасиевич (Сербия) «„Дух Пушкина, явь!“: спиритизм в творчестве Брюсова» сделана попытка рассмотреть эволюцию феномена «призыва» духа Пушкина с акцентом на анализ увлечения спиритизмом Брюсова. Докладчица считает, что специфика данного вопроса такова, что требует включения в исследование проблемы, которая касается генеалогии явления и изменения форм наблюдаемого переноса. И. Антанасиевич также представила обзор развития феномена «призыва» духа в среде русской эмиграции, особенно в первые годы формирования Зарубежной России.

Е. С. Петрова (США) в докладе «„Среди „царей сердца“ Пушкина была какая-то еврейка...“: о еврейском вопросе и брюсовских комментариях к „Гаврииаде“» сосредоточилась на образе еврейской женщины как эротического символа, возникшего на страницах пушкинской поэмы. Брюсов в подготовленном им издании «Гаврииады» (1918) затронул в комментариях к травестированной Пушкиным версии непорочного зачатия еврейский вопрос в творчестве Пушкина: связав «Гаврииаду» с произведениями 1821–1822 годов, в которых героинями станут именно *еврейки*, издатель сделал вывод о том, что «среди „царей сердца“ Пушкина была какая-то еврейка...». Позже выяснится, что в сердце Пушкина во время его пребывания в Кишиневе царил Мария Эйхфельд, получившая прозвище «еврейка» из-за сходства с Ревеккой В. Скотта. В докладе было рассмотрено, как в творчестве Пушкина

возникает и получает свое развитие образ еврейки, а также показано, как он воспринимался в русской культуре во времена Брюсова. Было продемонстрировано, почему вплоть до 1918 года не представлялось возможным выпустить «Гавриляду» отдельным изданием в России и как изображение *Марии* даже спустя столетие после написания Пушкиным поэмы оставалось почти запретным.

Общую картину того, как Брюсов распорядился пушкинскими топосами Клеопатры и импровизатора из «Египетских ночей», баллады «Клеопатра» и примыкавших к ним фрагментов, наметила Л. Г. Панова (США) в докладе «Продолжая Пушкина: Брюсов и „Египетские ночи“». Сопоставив достижения Брюсова с рецепциями «Египетских ночей», принадлежащими его предшественникам и современникам, докладчица показала, что и по количеству, и по разнообразию он превзошел их всех. Брюсов не только дописал за Пушкина «Клеопатру», но и жизнотворчески разыграл роман с Ниной Петровской в стиле «Антония и Клеопатры» и претворил его в стихотворения о Клеопатре; создал повесть «Последние страницы из дневника женщины» — о современной Клеопатре и ее партнерах; и, наконец, участвовал в вечерах импровизаций, на которых удивлял присутствующих своим поэтическим даром.

Второй день конференции начался с блока «Брюсов — Пушкин — русская поэзия», который открыла минисекция по XVIII веку, состоявшая из двух докладов. В. Л. Коровин (Москва; Китай) в докладе «Брюсов и русская поэзия XVIII века: критические оценки и творческая рецепция» отметил, что в литературно-критических и научных работах Брюсова нет развернутых высказываний ни об одном из русских поэтов XVIII века (можно указать лишь на гимназические сочинения о Кантемире и Державине), а попутные упоминания и цитаты не отличаются оригинальностью, имеют клишированный характер; такая же картина и в его художественной прозе. Однако он считал себя специалистом по русской поэзии XVIII века, и эта самооценка не была завышенной (она подтверждается, например, воспоминаниями И. Н. Розанова, где приведены точные и заинтересованные суждения Брюсова о Хераскове и др.). Весьма перспективным, по мнению докладчика, было бы изучение творческой рецепции поэзии XVIII века у Брюсова, а в особенности поэзии Державина: тут находятся и типологические соответствия, и случаи сознательного подражания. Это не только брюсовские «Памятники», но и некоторые другие его эпатировавшие самомнением выступления, напоминающие об изучении Брюсовым в зрелые годы историко-литературных материалов по XVIII веку (например, шуточная ода «Привратнику»). Параллель «Брюсов — Державин» была на поверхности для его современников (и не раз проводилась — и в шутку, и всерьез), ее внимательное рассмотрение могло бы дать интересные результаты.

О. Л. Довгий (Москва) в докладе «Пушкин — Брюсов — Кантемир» представила новый поворот темы «Пушкин и Кантемир», возникающий из параллельного прочтения брюсовских сочинений о Пушкине и статьи «Кантемир» (1891), где большую роль играет топика движения. Пушкин, по Брюсову, постоянно движется, открывает для русской литературы новые пути, ставит новые вехи. А Кантемир, с его многочисленными инвенционными драмами, — стоит (хотя его сатиры ходят, движутся), и русской литературе было суждено вторично найти все найденное Кантемиром. И получается, что нашел все это — Пушкин. У Пушкина есть гармоничная формула «зачинатель и завершитель». Она кажется вполне применимой в случае с Пушкиным и Кантемиром. Но Серебряный век не может не внести дисгармоническую ноту в гармонию века Золотого. И Брюсов разрушает естественную логику пушкинской формулы. В брюсовской концепции Кантемир и Пушкин не «зачинатель и завершитель», но два зачинателя, двое первых. Но одному первому — все; другой забыт. И самое грустное, что сам Брюсов, в чьих текстах такая картина возникает, ее не замечает и эти два имени вместе ни разу не ставит.

В докладе Е. А. Тахо-Годи (Москва) было рассмотрено отношение к Брюсову — поэту, пушкинисту и человеку — его современника, литературного критика и философа Ю. И. Айхенвальда. Страстный почитатель Пушкина, Айхенвальд считает, что брюсовское преклонение перед великим поэтом идет в разрез с собственной творческой практикой поэта-символиста, чье творчество представляет полную противоположность пушкинским заветам. С точки зрения критика, это наиболее явно проявляется, когда Брюсов берется за продолжение незавершенных пушкинских текстов, дописывает «Египетские ночи». Антипушкинским представляется Айхенвальду и моральный облик Брюсова-человека, в конце жизни вступившего в партию большевиков, уничтожившую пушкинскую Россию. В докладе также была прослежена история личных взаимоотношений Брюсова и Айхенвальда, влияние их вражды на младших современников (Б. Садовской, В. Ходасевич, М. Цветаева, В. Набоков и др.).

А. Ю. Сергеева-Кляпис (Москва), выступившая с сообщением «В. Я. Брюсов и другие в дневниках К. Г. Локса» ввела в научный оборот материалы из архива К. Г. Локса, который наиболее известен как университетский товарищ Пастернака и пассивный участник литературных объединений «Лирика» и «Центрифуга». Однако, помимо Пастернака, о дружбе с которым рассказывает многократно переиздававшаяся «Повесть об одном десятилетии», Локс был знаком с кругом московских символистов, наиболее близко — с Брюсовым. Фигура Брюсова неоднократно появляется на страницах дневников Локса и в тетрадах с его мемуарными записями. Локс был не только внимательным наблюдателем, но и професси-

онально владел филологическими приемами анализа, эта составляющая его воспоминаний очень сильна. Она превращает его мемуары в статьи о литературе и — шире — культуре его эпохи. В приведенных примерах из дневников Локса фигура Брюсова возникает сначала в кругу «Общества свободной эстетики», а затем в контексте подготовки собрания сочинений поэта и работы над его архивом совместно с вдовой Брюсова Иоанной Матвеевой.

Т. А. Слепова (Москва) в докладе «Пушкин и Брюсов в восприятии Цветаевой: концепция поэта» обратилась к чрезвычайно важной для Цветаевой модели, которая позволяла ей особым образом оценивать каждого поэта (как своих современников, так и великих предшественников). В докладе было представлено, как Пушкин и Брюсов встраиваются в концепцию Цветаевой и какое место в ней занимают. Сближение имен не случайно: сама Цветаева в статье «Герой труда», посвященной Брюсову, вводит в качестве его антипода Пушкина. Их различия можно свести к следующим оппозициям: «подверженность наитию» — «воля»; «слово — способ постижения жизни» — «жизнь — средство для создания стихотворений»; «презрение славы» — «стремление к славе». Реконструкция этих оппозиций явственно демонстрирует, что Пушкин и Брюсов располагаются на разных ступенях поэтической иерархии Цветаевой. Более того, она позволяет наглядно показать принципиальную разницу двух типов поэтов в концепции Цветаевой: Поэта и стихотворца.

В докладе Е. И. Орловой (Москва) «Валерий Брюсов об Игоре Северянине» были представлены новые детали личных и творческих отношений двух поэтов. Брюсов был одним из немногих критиков, кто проследил творческую эволюцию Северянина. Он замечает у начинающего Северянина стремление обновить язык поэзии и первым, наряду с Н. Гумилевым, констатирует введение в поэтический язык «нашего создающегося бульварного арго», т. е. языка улицы, массового сознания, тем самым зафиксировав только еще начинавшийся процесс. Но уже в 1915 году Брюсов разочаровывается в Северянине, которого поначалу приветствовал, но которому, по убеждению старшего поэта, недостает не только вкуса и эрудиции, но и ответственного отношения к поэзии — качество, по Брюсову, непроситительное. Отношение Брюсова к литературному делу, к занятиям поэзией как к профессии может быть сравнимо с пушкинским.

Доклад О. Н. Купцовой (Москва) «Споры о сценичности Пушкина-драматурга на рубеже веков» был посвящен одной из частных тем, вписанных в общее поле метатеатральных дискуссий Серебряного века. Пушкинская драматургия, воспринимавшаяся в XIX столетии как «драма для чтения», в начале XX века с возникновением режиссерского театра начала входить в русский драматический репертуар. Дискуссия о «театре Пушкина», то почти

прекращаясь, то снова возобновляясь, длилась около двух десятилетий (1899–1921/1922) и хронологически разделилась на два этапа. Границей их стал «Пушкинский спектакль» 1915 года в МХТ режиссера А. Н. Бенуа. На первом этапе дискуссии обсуждался вопрос о самой возможности (и необходимости) сценического воплощения пушкинской драматургии. К середине 1910-х годов после первых пушкинских постановок (Александринский театр, МХТ) остро встала другая проблема — театральное языка, адекватного для сценического воплощения поэтической драматургии Пушкина. Для доклада были выбраны три участника первого этапа дискуссии (каждая из этих фигур важна по-своему). Театральный критик А. Р. Кугель с его юбилейной статьей 1899 года «Пушкин как драматург» не только утверждал «малую пригодность для сцены» почти всего драматургического корпуса пушкинских текстов, но и положительно оценивал несценичность как доказательство пушкинского поэтического гения, переросшего вкуса публики. В. Я. Брюсов в статье «Маленькие драмы Пушкина (к предстоящему спектаклю Художественного театра)» в преддверии премьеры «Пушкинского спектакля» писал о специфике сценичности Пушкина, требующей, с его точки зрения, в первую очередь, особой подготовленности зрителя. Вс. Э. Мейерхольд с 1910/1911 года последовательно и целенаправленно вводил Пушкина как в историю театра (определяя ему место в драматургическом русском Пантеоне в своих статьях), так и в современную театральную и театрально-педагогическую практику (в своих постановках).

В. И. Новиков (Москва) озаглавил свой доклад «С чего начинается Пушкин? Концепция пушкинского „избранного“ в сознании писателей XX века — от Блока до Довлатова». Вопросом о создании компактного свода важнейших стихотворений Пушкина задавался Александр Блок в конце 1920 — начале 1921 года. В его дневнике от 21 января 1921 года содержатся наброски этого плана, который он обсуждал с Е. Ф. Книпович. Символисты сомневались в правомерности хронологического построения свода избранного, поскольку «лицейские стихи представляют интерес более исторический и биографический, нежели художественный» (В. Брюсов). Эту точку зрения оспаривал Ю. Тынянов. У Блока возникало парадоксальное намерение открыть «избранное» поздними стихами Пушкина, такое эстетическое предпочтение характерно и для интеллигенции 1960–1970-х годов, что отражено в повести С. Довлатова «Заповедник».

Доклад «Русские „ловушки“ В. В. Набокова (пушкинский код «Университетской поэмы»)» Т. А. Алпатов (Москва) посвятила сопоставительному анализу «Университетской поэмы» Набокова и пушкинских произведений, ассоциативно связанных с текстом; кроме признанных параллелей с романом в стихах «Евгений Онегин» выявляются

линии взаимодействия с поэмой «Домик в Коломне», другими произведениями Пушкина, объединенными авторподродным метатекстовым художественным заданием, которое видится важным для становления творческой манеры Набокова-поэта.

Е. В. Шарыгина (Москва) в докладе «„Что против Пушкину иметь“»: пушкинский эпиграмматизм в стихотворной культуре XX–XXI вв.» взглянула на пушкинскую традицию сквозь призму поэтики эпиграммы. В эпиграмме «В. Я. Брюсову на память» В. В. Маяковский не только полемически отвечает «продолжателям» Пушкина, но и задает сразу несколько вопросов о пушкинской традиции в современной поэзии. Для Маяковского эпиграмматическая полемика была немаловажным подтверждением существования «живой поэзии», адресат выступал и оппонентом, и сторонником игрового литературного начала. Эту тему развивают и поэты XXI века. В докладе были рассмотрены эпиграммы и эпиграмматические высказывания Маяковского, Брюсова, а также — Т. Кибирова, Д. Быкова, М. Амелина, Е. Лесина и др. В сатирических произведениях Кибирова «дидактичность», на которую указывал в своих статьях Н. А. Богомолов, во многом ориентирована именно на пушкинскую традицию.

Доклад Л. А. Карпушкиной (Москва) был посвящен проблеме имитации пушкинского стиля в «Египетских ночах» В. Брюсова, заключительной сцене «Русалки» В. Набокова и «шестой повести Белкина» «Талисман» М. Зощенко. Анализ этих произведений показывает, что иллюзионное подобие соответствует объекту мимесиса лишь в некоторых аспектах, а по большому счету подражающий бессознательно воспроизводит собственную систему художественного мышления, что особенно бросается в глаза на композиционном и жанровом уровнях. Например, Брюсов выстраивает структуру сюжета с привлечением мотива из новеллы Т. Готье, которая стилистически близка ему, но не пушкинской поэтике. Стремление максимально использовать черновой материал Пушкина разрушает стройность композиции: получается, что пир Клеопатры изображен дважды. В то же время несомненной удачей Брюсова является интерпретация цветовой символики Пушкина. Наблюдения над текстами Набокова и Зощенко так же позволяют сделать вывод о том, что именно в соприкосновении с пушкинскими произведениями рельефнее высеиваются художественные доминанты индивидуального стиля выступающего в роли имитатора автора, а также его способности восприятия пушкинской традиции.

Последний тематический блок назывался «Пушкин — мастер». В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Стихотворная техника Пушкина глазами стиховеда и стихотворца» на примере статей Брюсова о Пушкине была проанализирована (с опорой на статью М. Гаспарова «Брюсов-стиховец и Брюсов-стихотворец») эволюция стиховедческих взглядов поэта: от бег-

лой заметки о монотонности четырехстопных ямбов автора «Руслана и Людмилы» до монументальных статей «Медный всадник», «Стихотворная техника Пушкина», «Пушкин — мастер», «Звукоспись Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах». Особое внимание было уделено критическим отзывам Брюсова на ошибки Л. Майкова, а также обсуждению недостатков стиховедческих работ самого поэта, которые замечали его современники: С. Бобров, Б. Томашевский, Б. Ярхо, подчеркивающие субъективность его методики в сравнении с новаторскими исследованиями А. Белого.

Л. Г. Хорева (Москва) посвятила доклад «Функциональные особенности архаизмов в творчестве А. С. Пушкина и В. Я. Брюсова» осмыслению Брюсовым особенностей построения текстов Пушкина. Предметом пристального интереса Брюсова становятся архаизмы и славянизмы в текстах Пушкина. Из более чем двух десятков тематических групп пушкинских архаизмов Брюсова привлекла предметная лексика бытовой сферы (одежды и обуви, строений, еды, напитков); слова, описывающие внешность человека и характеризующие его поступки. Архаический пласт произведений Пушкина представлен практически всеми частями речи: местоимениями, глаголами, наречиями, междометиями, существительными, в то время как Брюсов отдает предпочтение преимущественно существительным. Сам Брюсов видит в использовании архаизмов залог яркости поэтических образов и создание особого поэтического языка. Архаизмы в текстах Брюсова (в отличие от произведений других поэтов) придают речи оттенок патетичности. Такую функцию выполняют только те славянизмы, которые устарели для нашей эпохи и не встречаются в широком употреблении, в то время как их русский вариант общепотребителен; ср.: голос — глас, молодой — младой, дочь — дщерь.

В докладе А. С. Белоусовой (Колумбия) «„...которую выдам Анопуме“: Пушкин, „Домик в Коломне“, журналы и английские романтики» шла речь о параллелях между эпизодами литературной борьбы в Англии и полемическими стратегиями Пушкина периода Болдинской осени 1830 года. Поэт готовит «опровержение на критики», что отражается не только в заметках, но и в знаменитых строфах «Домика в Коломне», что оказывается в центре внимания Брюсова. Как известно, в Болдине Пушкин активно читает английских авторов. Знаменитая «книга четырех поэтов» — *The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall: Complete in One Volume* (Paris: A. and W. Galignani, 1829) — отражается в целом ряде замыслов и произведений того времени. Интересно, что английское влияние обнаруживает себя не только в художественных текстах: Пушкин предварает свою неоконченную статью «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», писавшую в начале октября 1830 года, эпиграфом из Саути: «Сколь ни удален я моими

привычками и правилами от полемики всякого роду, еще не отрехся я совершенно от права самозащиты. Southey». А. А. Долинин указывает, что этот эпитаф мог быть знаком Пушкину по парижскому изданию произведения Саути. Названный том, сохранившийся в пушкинской библиотеке, — *The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White: Complete in One Volume*. Paris: A. and W. Galignani, 1829 — со всей очевидностью пригодился Пушкину куда меньше, чем «книга четырех поэтов». Тем не менее детальное изучение этого издания, по всей видимости прочитанного Пушкиным к осени 1830 года, позволяет обнаружить новые сведения, указывающие на то, что, определяя стратегию поведения с враждебной журнальной критикой, Пушкин ориентировался на модели, выработанные авторами английского романтизма, в первую очередь Байроном и Саути.

Доклад А. К. Жолковского (США) был посвящен знаменитой эпитафме Пушкина на

М. С. Воронцова (1824), но не с точки зрения ее идейного содержания и места в биографии поэта, а в сугубо структурном плане: на фоне истории русской и европейской эпитафмы, в терминах так называемой поэзии грамматики и с опорой на инварианты поэтического мира автора. Разбор строился как пословный комментарий к тексту, позволивший проследить основные повороты лирического и повествовательного сюжета эпитафмы, воплощенные в движении фонетики, морфологии, синтаксиса, ритма и рифмовки этого маленького шедевра.

При обсуждении докладов было отмечено, что все сообщения в той или иной степени касались тем, начатых Н. А. Богомоловым, развивали и продолжали его идеи. Конференция позволила вновь увидеть научный масштаб ученого, осознать его огромное влияние на современную филологическую науку.

© О. Л. Довгий

SUMMARIES

Наталья Александровна Хохлова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Aleksandrovna Khokhlova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3021-5275

irliran@mail.ru

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ А. С. ПУШКИНА — ПОМЕТЫ НА РУКОПИСИ «ХРОНИКИ РУССКОГО» А. И. ТУРГЕНЕВА

A NEWLY-FOUND AUTOGRAPH OF A. S. PUSHKIN, NOTES ON THE *CHRONICLES OF THE RUSSIAN* BY A. I. TURGENEV

Статья раскрывает историю публикации А. И. Тургенева в V томе «Современника». Материал, выбранный Пушкиным (письма Тургенева кн. А. Н. Голицыну), исследован в содержательном и биографическом аспектах. Изучены мотивы, побудившие Пушкина-редактора отступить от жанра «Хроники русского». Всесторонне проанализирован новонайденный автограф — редакторские пометы Пушкина на рукописи Тургенева. Воссоздана история их совместной работы над публикацией в рамках хроники январских событий 1837 года. Предложена датировка помет, которые являются одним из последних автографов поэта.

Ключевые слова: Автограф Пушкина, архив братьев Тургеневых, журнал «Современник», «парижские бумаги» А. И. Тургенева.

The article outlines the history of A. I. Turgenev's publication in the 5th volume of *Sovremennik*. His contributions, selected by Pushkin (Turgenev's letters to Prince A. N. Golitsyn), are analyzed from the standpoint of their content and biographical aspect. The motives that prompted Pushkin, the editor, to revise the genre of the *Chronicles of the Russian*, are outlined. The newly-found autograph, Pushkin's editorial notes on Turgenev's manuscript, are comprehensively researched. The history of the authors' joint work on the publication as a part of the chronicle of the January 1837 events is recreated. The dating of the notes, that are amid the poet's last autographs, is proposed.

Key words: Pushkin's autograph, Turgenev brothers archive, *Sovremennik* magazine, Turgenev's Paris Papers.

Список литературы

1. *Абрамович С.* Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994.
2. *Азадовский К.* Старые европейские комеражы (Несостоявшаяся «Хроника» А. И. Тургенева) // Звезда. 1999. № 6.
3. *Георгиев В. А.* Материалы по русской истории в Архиве Министерства иностранных дел Франции // Вопросы истории. 1974. № 3.
4. *Гиллельсон М. И. А. И.* Тургенев в Шотландии. Поездка в Абботсфорд // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977.
5. *Гиллельсон М. И. А. И.* Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964 (сер. «Литературные памятники»).
6. *Максимов М.* [Гиллельсон М. И.]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. М., 1975. [Вып.] 10.

7. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
8. Пименова Л. А. Людовик XVI, его министры и дипломаты о «политической системе Европы» после Семилетней войны // Исторические исследования. Журнал исторического факультета Московского государственного университета. 2020. № 15.
9. Пушкин А. С. История Петра / Сост., подг. текста, предисловие и комм. В. С. Листова. М., 2000.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 16.
11. Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2.
12. Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976.
13. Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981.
14. Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть первая // Русская литература. 2021. № 1.
15. Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть вторая // Русская литература. 2021. № 2.
16. Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.
17. Щеголев П. Е. Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999.
18. Lessure M. L'Histoire de Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970.
19. Mezin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris, 2009.

References

1. Abramovich S. Predystoriia poslednei dueli Pushkina. SPb., 1994.
2. Azadovskii K. Starye evropeiskie komerazhi (Nesostoiavshaiasia «Khronika» A. I. Turgeneva) // Zvezda. 1999. № 6.
3. Feinberg I. L. Chitaia tetradi Pushkina. 2-e izd. M., 1981.
4. Feinberg I. L. Nezavershennye raboty Pushkina. 6-e izd. M., 1976.
5. Georgiev V. A. Materialy po russkoi istorii v Arkhive Ministerstva inostrannykh del Fransii // Voprosy istorii. 1974. № 3.
6. Gillel'son M. I. A. I. Turgenev i ego literaturnoe nasledstvo // Turgenev A. I. Khronika russkogo. Dnevnik (1825–1826) / Izd. podg. M. I. Gillel'son. M.; L., 1964 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
7. Gillel'son M. I. A. I. Turgenev v Shotlandii. Poezdka v Abbotsford // Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1977. M., 1977.
8. Khokhlova N. A. Ob arkheograficheskoi deiatel'nosti A. I. Turgeneva (materialy k biografii). Chast' pervaiia // Russkaia literatura. 2021. № 1.
9. Khokhlova N. A. Ob arkheograficheskoi deiatel'nosti A. I. Turgeneva (materialy k biografii). Chast' vtoraiia // Russkaia literatura. 2021. № 2.
10. Lessure M. L'Histoire de Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970.
11. Maksimov M. [Gillel'son M. I.]. Po stranitsam dnevnikov i pisem A. I. Turgeneva (Pushkin i A. I. Turgenev) // Prometei. M., 1975. [Vyp.] 10.
12. Mezin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris, 2009.
13. Perepiska A. S. Pushkina: V 2 t. M., 1982. T. 1.
14. Pimenova L. A. Liudovik XVI, ego ministry i diplomaty o «politicheskoi sisteme Evropy» posle Semiletnei voiny // Istoricheskie issledovaniia. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 15.
15. Pushkin A. S. Istoriia Petra / Sost., podg. teksta, predislovie i komm. V. S. Listova. M., 2000.
16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.], 1949. T. 16.
17. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov. SPb., 1998. T. 2.
18. Shchegolev P. E. Iz dnevnika A. I. Turgeneva // Shchegolev P. E. Duel' i smert' Pushkina. SPb., 1999.
19. Tsiavlovskii M. A. «Posmertnyi obysk» u Pushkina // Tsiavlovskii M. A. Stat'i o Pushkine. M., 1962.

Игорь Павлович Смирнов

профессор Констанцского университета (ФРГ);
профессор кафедры ЮНЕСКО РГПУ им. А. И. Герцена

Igor Pavlovich Smirnov

Professor Emeritus at the University of Konstanz (Germany);
Professor at the UNESCO Chair of the Herzen State Pedagogical University, Russia

ORCID: 0000-0002-3819-8142

Igor.Smirnov@uni-konstanz.de

**РОМАНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ПЯТИКНИЖИЕ МОИСЕЯ:
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

**F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS AND THE PENTATEUCH OF MOSES:
CRIME AND PUNISHMENT**

В статье обсуждаются интертекстуальные связи романа «Преступление и наказание» с первой книгой Торы «Бытие». Пытаясь дать человечеству новый закон, Раскольников отрицает тот договор, который был заключен Богом с Авраамом. Желание человека стать законодателем противоречит, по Достоевскому, правопорядку, установленному по воле Бога. В Эпilogue романа Раскольников возвращается в «...века Авраама и стад его».

Ключевые слова: Тора, закон и благодать, метанойя, провидение, жертва.

The article discusses intertextual links between the novel *Crime and Punishment* and the first book of the Torah, Genesis. In his attempt to offer humanity a new law, Raskolnikov dismisses God's covenant with Abraham. According to Dostoevsky, the human desire to be a legislator runs contrary to the legal order established by God's will. In the epilogue of the novel, Raskolnikov returns to «...the ages of Abraham and his flocks».

Key words: Torah, Law and Grace, Metanoia, Providence, Sacrifice.

Список литературы

1. Агамбен Д. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам / Пер. С. Ермакова. М., 2018.
2. Белоусов И. А. Ушедшая Москва. М., 1927.
3. Ветловская В. Е. Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («Мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1.
4. Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977.
5. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
6. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Тбилиси, 1984. Ч. 2.
7. Данилов В. В. К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского // Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. 1933. № 3.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6, 7.
9. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015.
10. Меерсон О. Библийские интертексты у Достоевского. Кошунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12 / Под ред. К. А. Степаняна. М., 1999.
11. Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984.
12. Новикова Е. Г. Соня и софийность (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. М., 1999. Альманах № 12 / Под ред. К. А. Степаняна.
13. Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. В.
14. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы / Под ред. С. С. Конкина. Саранск, 1973.
15. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории [1900] // Трубецкой С. Н. Соч. / Сост., ред. и вступ. статья П. П. Гайденко; прим. П. П. Гайденко, Д. Е. Афиногенова. М., 1994.

16. *Freidenberg O. M.* Поэтика сюжета и жанра / Подг. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М., 1997.
17. *Frankemölle H.* Vater im Glauben? Abraham/Ibrahim in Tora, Neuem Testament und Koran. Freiburg, 2016.
18. *Frick P.* Divine Providence in Philo of Alexandria. Tübingen, 1999.
19. *Gibian G.* Traditional Symbolism in *Crime and Punishment* // Publications of the Modern Language Association (PMLA). 1955. Vol. 70. № 5.
20. *Hegel G. W. F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Frankfurt a/M., 1986.
21. *Hose M.* Philon und die hellenistische Philosophie // Die philosophische Aktualität der jüdischen Tradition / Hrsg. von W. Stegmaier. Frankfurt a/M., 2000.
22. *Kursawa H.-P.* Antichristsage, Weltende und Jüngstes Gericht in mittelalterlicher deutscher Dichtung. Köln, 1976.
23. *Philon d'Alexandrie.* De providentia I et II / Introduction, trad. et notes par M. Hadas-Lebel. Paris, 1973.
24. *Sandoz E.* Political Apocalypse. A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge, Louisiana State University, 1971.
25. *Schweitzer A.* Die Mystik des Apostels Paulus. Tübingen, 1930.

References

1. *Agamben D.* Ostavsheesia vremia. Kommentarii k Poslaniiu k Rimlianam / Per. S. Ermakova. M., 2018.
2. *Belousov I. A.* Ushedshaia Moskva. M., 1927.
3. *Danilov V. V.* K voprosu o kompozitsionnykh priemakh v «Prestuplenii i nakazanii» Dostoevskogo // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otd. obshchestvennykh nauk. 1933. № 3.
4. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1973. T. 6, 7.
5. *Frankemölle H.* Vater im Glauben? Abraham/Ibrahim in Tora, Neuem Testament und Koran. Freiburg, 2016.
6. *Freidenberg O. M.* Poetika siuzheta i zhanra / Podg. teksta i obshch. red. N. V. Braginskoi. M., 1997.
7. *Frick P.* Divine Providence in Philo of Alexandria. Tübingen, 1999.
8. *Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs.* Indoevropskii iazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokol'tury: V 2 ch. Tbilisi, 1984. Ch. 2.
9. *Gibian G.* Traditional Symbolism in *Crime and Punishment* // Publications of the Modern Language Association (PMLA). 1955. Vol. 70. № 5.
10. *Hegel G. W. F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Frankfurt a/M., 1986.
11. *Hose M.* Philon und die hellenistische Philosophie // Die philosophische Aktualität der jüdischen Tradition / Hrsg. von W. Stegmaier. Frankfurt a/M., 2000.
12. *Kasatkina T. A.* Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo. M., 2015.
13. *Kursawa H.-P.* Antichristsage, Weltende und Jüngstes Gericht in mittelalterlicher deutscher Dichtung. Köln, 1976.
14. *Meerson O.* Bibleiskie interteksty u Dostoevskogo. Koshchunstvo ili bogoslovie liubvi? // Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh № 12 / Pod red. K. A. Stepaniana. M., 1999.
15. *Moldovan A. M.* «Slovo o Zakone i Blagodati» Ilariona. Kiev, 1984.
16. *Novikova E. G.* Sonia i sofinost' (roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie») // Dostoevskii i mirovaia kul'tura. M., 1999. Al'manakh № 12 / Pod red. K. A. Stepaniana.
17. *Philon d'Alexandrie.* De providentia I et II / Introduction, trad. et notes par M. Hadas-Lebel. Paris, 1973.
18. *Sandoz E.* Political Apocalypse. A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge, Louisiana State University, 1971.
19. *Schweitzer A.* Die Mystik des Apostels Paulus. Tübingen, 1930.
20. *Toporov V. N.* O strukture nekotorykh arkhaiskikh tekstov, sootnosimykh s kontseptsiei «mirovogo dereva» // Tr. po znakovym sistemam. Tartu, 1971. Vyp. V.
21. *Toporov V. N.* Poetika Dostoevskogo i arkhaiskiye skhemy mifologicheskogo myshleniia («Prestuplenie i nakazanie») // Problemy poetiki i istorii literatury / Pod red. S. S. Konkina. Saransk, 1973.
22. *Trubetskoi S. N.* Uchenie o Logose v ego istorii [1900] // Trubetskoi S. N. Soch. / Sost., red. i vstup. stat'ia P. P. Gaidenko; prim. P. P. Gaidenko, D. E. Afinogenova. M., 1994.
23. *Vetlovskaiia V. E.* Literaturnye i real'nye prototipy geroev Dostoevskogo («Meshchanin v khalate» v «Prestuplenii i nakazanii») // Russkaia literatura. 2008. № 1.
24. *Vetlovskaiia V. E.* Poetika romana «Brat'ia Karamazovy». L., 1977.
25. *Vysheslavtsev B. P.* Etika preobrazhennogo Erosa. M., 1994.

Вера Владимировна Филичева

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-2942-4846

Intfmd@rambler.ru

Ф. СОЛОГУБ И НАЧИНАЮЩИЙ ПОЭТ В. И. КОРЕХИН**F. SOLOGUB AND THE ASPIRING POET V. I. KOREKHIN**

В статье освещается история помощи Ф. Сологуба своему знакомому В. И. Корехину в процессе издания книги его стихов. Выявленный архивный материал демонстрирует представление Сологуба об устройстве литературного поля в самом начале его творческого пути и становления литературной репутации, что отразилось в метаописаниях, советах и действиях писателя по отношению к начинающему поэту В. И. Корехину.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, В. И. Корехин, литературная репутация, посвящение, псевдоним, литературное окружение.

The article outlines the history of F. Sologub's efforts to aid his friend V. I. Korekhin in the process of publishing a book of his verse. The relevant archival data discloses Sologub's ideas concerning the structuring of the literary field at the very beginning of his creative career and the formation of his literary reputation; these ideas are reflected in meta-descriptions, suggestions and the writer's actions on behalf of the aspiring poet V. I. Korekhin.

Key words: F. Sologub, V. I. Korekhin, literary reputation, dedication, pseudonym, literary environment.

Список литературы

1. Библиотека А. А. Блока: Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1985. Кн. 2.
2. Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.
3. Брюсов В. Дневники 1891–1910 / Подг. к печати И. М. Брюсова; прим. Н. С. Ашукина. М., 1927.
4. Павел Медведев о Федоре Сологубе / Публ. и вступ. статья Ю. П. и Д. А. Медведевых; прим. М. М. Павловой // Звезда. 2013. № 7.
5. Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.
6. Письма Федора Сологуба к В. Я. Брюсову / Подг. текста и комм. А. Л. Соболева // Соболев А. Л. Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Т. 2.
7. Ремизов А. М. Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011 (сер. «Литературные памятники»).
8. Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич (сер. «Литературные памятники»).
9. «Тетради посещений» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.
10. Фидлер Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подг. К. М. Азадовский. М., 2008.
11. Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. X).

References

1. Biblioteka A. A. Bloka: Opisanie: V 3 kn. / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi. L., 1985. Kn. 2.

2. *Bogomolov N. A.* Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki. M., 2009.
3. *Briusov V.* Dnevniky 1891–1910 / Podg. k pečati I. M. Briusova; prim. N. S. Ashukina. M., 1927.
4. *Fidler F.* Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia / Izd. podg. K. M. Azadovskii. M., 2008.
5. Pavel Medvedev o Fedore Sologube / Publ. i vstup. stat'ia Iu. P. i D. A. Medvedevykh; prim. M. M. Pavlovoi // *Zvezda*. 2013. № 7.
6. *Pavlova M. M.* Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov. M., 2007.
7. Pis'ma Fedora Sologuba k V. Ia. Briusovu / Podg. teksta i komm. A. L. Soboleva // Sobolev A. L. *Leteiskaia biblioteka*: V 2 t. M., 2013. T. 2.
8. *Remizov A. M.* Kukkha: Rozanovy pis'ma / Izd. podg. E. R. Obatnina. SPb., 2011 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
9. *Shatalina N. N.* Biblioteka F. Sologuba: Materialy k opisaniiu // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997 (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. X).
10. *Sologub F.* Poln. sobr. stikhotvorenii i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2. Kn. 2. Stikhotvoreniia i poemy 1900–1913 / Izd. podg. T. V. Misnikevich (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
11. «Tetradi poseshchenii» Fedora Sologuba / Vstup. stat'ia, publ. i annotirovannyi ukazatel' imen M. M. Pavlovoi i A. L. Soboleva // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy. M., 2016.

Александр Сергеевич Александров

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — СОТРУДНИК И РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» В 1911–1917 ГОДАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

A. L. VOLYNSKY — CONTRIBUTOR AND EDITOR OF THE NEWSPAPER *BIRZHEVYYE VEDOMOSTI* IN 1911–1917 (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

В статье речь идет о сотрудничестве А. Л. Волынского (1861–1926), известного теоретика искусства, балетного, театрального и литературного критика, с газетой «Биржевые ведомости». На основе архивных материалов (переписка с редакторами и сотрудниками издания С. М. Проппером, И. И. Ясинским, М. М. Гаккебушем, В. А. Бонди) реконструируются взаимоотношения Волынского с редакцией этого печатного органа. Особо анализируется период работы в «Биржевых ведомостях» с 1916 по 1917 год, когда он стал редактором литературно-критического отдела газеты.

Ключевые слова: А. Л. Волынский, «Биржевые ведомости», газета, критика, печать.

The article deals with the collaboration of A. L. Volynsky (1861–1926), a well-known art theorist, ballet, theater and literary critic, with *Birzhevye Vedomosti* newspaper. On the basis of the archival materials (correspondence with the periodical's editors and employees S. M. Propper, I. I. Yasinsky, M. M. Gakkebush, V. A. Bondi), Volynsky's relationship with the editors of this newspaper is reconstructed. The analysis is centered around his work in *Birzhevye Vedomosti* in 1916–1917, when Volynsky worked as the editor of the literary and critical department of the newspaper.

Key words: A. L. Volynsky, *Birzhevye Vedomosti*, newspaper, criticism, press.

Список литературы

1. Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4.
2. Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / Отв. ред. А. А. Холиков. М., 2021.
3. Волынский А. Л. Статьи о балете: [Очерки, эссе] / Сост., вступ. статья, комм., список статей Г. Н. Добровольской. СПб., 2002.
4. Переписка Л. Н. Андреева с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3.
5. Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2012.
6. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008.
7. Фокин М. М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма / Вступ. статья и комм. Г. Н. Добровольской. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1981.
8. Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1.

References

1. Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov — reformator «Petrogradskogo listka» (1916–1918) // Russkaia literatura. 2008. № 4.
2. Aleksandrov A. S. Perepiska A. A. Izmailova i I. I. Iasinskogo (1915–1916 gg.) // Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuu epokhu: formy vzaimodeistvii i metodologiiia analiza / Otiv. red. A. A. Kholikov. M., 2021.
3. Fidler F. F. Iz mira literatorov: Kharakteristiki i suzhdennia / Izd. podg. K. Azadovskii. M., 2008.
4. Fokin M. M. Protiv techeniia: Vospominaniia baletmeistera. Stsenarii i zamysly baletov. Stat'i, interv'iu i pis'ma / Vstup. stat'ia i komm. G. N. Dobrovol'skoi. 2-e izd., dop. i ispr. L., 1981.
5. Iasinskii I. I. Roman moei zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 1.
6. Perepiska L. N. Andreeva s I. I. Iasinskim / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova // Russkaia literatura. 2021. № 3.
7. Tolstaia E. D. Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo. M.; Ierusalim, 2012.
8. Volynskii A. L. Stat'i o balete: [Ocherki, esse] / Sost., vstup. stat'ia, komm., spisok statei G. N. Dobrovol'skoi. SPb., 2002.

Эльмира Камильевна Александрова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elmira Camilievna Alexandrova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3009-1794

egumerova@mail.ru

АВТОБИОГРАФИЯ И. С. ШМЕЛЕВА

AUTOBIOGRAPHY OF I. S. SHMELEV

В публикации приводится автобиография И. С. Шмелева из собрания С. А. Венгерова в Рукописном отделе Пушкинского Дома, являющаяся развернутым ответом на типовую анкету и на-

писанная специально по этому случаю. При создании этого текста Шмелев использовал материалы, ранее подготовленные для других целей. Проведенные разыскания позволили сделать важные уточнения в датировке и назначении опубликованной в 1973 году автобиографии из архива Шмелева в НИОР РГБ.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, автобиография, В. Л. Львов-Рогачевский, анкета, С. А. Венгерова, биографические сведения.

This article is devoted to the publication of I. S. Shmelev's autobiography from the collection of S. A. Vengerov (Manuscript Department, Pushkinskiy Dom), a detailed answer to a standard questionnaire, written specifically for the occasion. While working on the text, Shmelev used the materials previously prepared for other purposes. The research led to important clarifications in the dating and purpose of his autobiography published in 1973, from the Shmelev Archive at the Research Department of Manuscripts, Russian State Library.

Key words: I. S. Shmelev, autobiography, V. L. Lvov-Rogachevsky, questionnaire, S. A. Vengerov, biographical data.

Список литературы

1. А. А. Измайллов: Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; преамбулы, подг. текста и комм. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017.
2. Блюм А. Запрещенная книга о Валааме // Север. 1971. № 2.
3. Грико Т. Шмелевы // Москва. 2000. № 6.
4. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915–1918. Т. 1, 2.
5. Осминина Е. Возвращение Ивана Шмелева // Москва. 2000. № 6.
6. Письма В. Г. Короленко разным лицам / Публ. И. А. Желваковой // Новое и забытое. М., 1966.
7. Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова? // Русская литература. 2014. № 4.
8. Шмелев И. С. Автобиография / Публ. А. П. Черникова // Русская литература. 1973. № 4.
9. Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev / Ét. par D. Schakhovskoy. Paris, 1980 (Bibliothèque Russe de L'institut d'études slaves. T. LIV. Série: Écrivains russe en France).
10. Šmeljov I. Za světlým cílem: Dvě povídky / Z ruštiny přeložil Jindřich Veselovský. [Praha], 1912.

References

1. A. A. Izmailov: Perepiska s sovremennikami / Sost., vstup. stat'ia A. S. Aleksandrova; preambuly, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova, E. K. Aleksandrovoi, N. Iu. Griakalovoi. SPb.: Pushkinskii Dom, 2017.
2. Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev / Ét. par D. Schakhovskoy. Paris, 1980 (Bibliothèque Russe de L'institut d'études slaves. T. LIV. Série: Écrivains russe en France).
3. Blium A. Zapreshchennaia kniga o Valaame // Sever. 1971. № 2.
4. Griko T. Shmelevy // Moskva. 2000. № 6.
5. Khokhlova N. A. Mozhet li byt' zavershen izdaniem «Predvaritel'nyi spisok russkikh pisatelei i uchenykh» S. A. Vengerova? // Russkaia literatura. 2014. № 4.
6. Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh. 2-e izd. Predvaritel'nyi spisok russkikh pisatelei i uchenykh i pervye o nikh spravki. Pg., 1915–1918. T. 1, 2.
7. Os'minina E. Vozvrashchenie Ivana Shmeleva // Moskva. 2000. № 6.
8. Pis'ma V. G. Korolenko raznym litsam / Publ. I. A. Zhelvakovoi // Novoe i zabytoe. M., 1966.
9. Shmelev I. S. Avtobiografiiia / Publ. A. P. Chernikova // Russkaia literatura. 1973. № 4.
10. Šmeljov I. Za světlým cílem: Dvě povídky / Z ruštiny přeložil Jindřich Veselovský. [Praha], 1912.

Александра Александровна Чабан

старший преподаватель факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Alexandra Alexandrovna Chaban

Senior Lecturer, Department of Humanities,
National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0002-4542-3723

achaban@list.ru

**КОНЦЕПЦИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ:
ПОЗИЦИЯ С. К. МАКОВСКОГО**

**THE CONCEPT OF THE SILVER AGE IN THE LITERATURE
OF THE FIRST-WAVE RUSSIAN EMIGRATION:
THE POSITION OF S. K. MAKOVSKY**

В статье реконструируется становление и развитие концепции С. К. Маковского относительно поэтической иерархии 1910-х годов. Отражившаяся в его мемуарах «Портреты современников» и «На Парнасе Серебряного века» картина соотношения литературных сил начала формироваться в споре со статьёй В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм». Помимо самих воспоминаний, точка зрения мемуариста выявляется в пометах Маковского на конспекте этой статьи и в его записных книжках.

Ключевые слова: С. К. Маковский, литературная репутация, акмеизм, символизм, эмиграция первой волны.

The article reconstructs the emergence and development of S. K. Makovsky's concept concerning the poetic hierarchy of the 1910s. The outline of the balancing of the literary forces, reflected in his memoirs *Portraits of the Contemporaries* and *On Parnassus of the Silver Age*, began to take shape in his dispute with V. M. Zhirmunsky's article *Overcoming Symbolism*. Apart from the memoirs, the concept of the memoirist is revealed in Makovsky's notes on the synopsis of this article and in his notebooks.

Key words: S. K. Makovsky, literary reputation, Acmeism, Symbolism, emigration of the first wave.

Список литературы

1. Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
2. Богомолов Н. А., Кузнецова О. А. Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.
3. Долинин А. А. Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952 // Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX — первой половины XX вв.: К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц / Отв. ред. Л. Пильд и Т. Степанищева. Тарту, 2018 (Acta Slavica Estonica; вып. X / Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; вып. XVI).
4. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001.
5. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino. 1996.
6. Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995.
7. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века / Вступ. статья В. В. Нехотина. М., 2000.
8. Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955.
9. Мандельштам О. Слово и культура: Статьи / Сост. и прим. П. Нерлера; вступ. статья М. Я. Полякова. М., 1987.
10. Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. статья и комм. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова; публ. Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 2.

11. *Струве Г.* Летописец русского Ренессанса // *Грани.* 1955. № 25.
 12. *Эткинд Е. Г.* Память и верность (Вместо предисловия) // *Жирмунский В. М.* Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.

References

1. *Blok A. A.* *Sobr. soch.:* V 8 t. M.; L., 1963. T. 8.
2. *Bogomolov N. A., Kuznetsova O. A.* *Perepiska V. I. Ivanova s S. K. Makovskim* // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 1994. № 10.
3. *Dolinin A. A.* *Propushchennye zven'ia v istorii termina «Serebrianyi vek»: 1946–1952* // *Serebrianyi vek v russkoi literature i kul'ture kontsa XIX — pervoi poloviny XX vv.:* K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z. G. Mints / *Otv. red. L. Pil'd i T. Stepanishcheva.* Tartu, 2018 (*Acta Slavica Estonica*; vyp. X / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; vyp. XVI).
4. *Etkind E. G.* *Pamiat' i vernost' (Vместo predisloviia)* // *Zhirmunskii V. M.* *Tvorchestvo Anny Akhmatovoi.* L., 1973.
5. *Lavrov A. V.* *Andrei Belyi v 1900-e gody: Zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'.* M., 1995.
6. *Makovskii S. K.* *Na Parnase Serebrianogo veka / Vstup. stat'ia V. V. Nekhotina.* M., 2000.
7. *Makovskii S. K.* *Portrety sovremennikov.* N'iu-Iork, 1955.
8. *Mandel'shtam O.* *Slovo i kul'tura: Stat'i / Sost. i prim. P. Nerlera; vstup. stat'ia M. Ia. Poliakova.* M., 1987.
9. *Perepiska s N. S. Gumilevym (1906–1920) / Vstup. stat'ia i komm. R. D. Timenchika i R. L. Shcherbakova; publ. R. L. Shcherbakova* // *Lit. nasledstvo.* 1994. T. 98. *Valerii Briusov i ego korrespondenty: V 2 kn. Kn. 2.*
10. *Struve G.* *Letopisets russkogo Renessansa* // *Grani.* 1955. № 25.
11. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966).* M.; Torino. 1996.
12. *Zhirmunskii V. M.* *Preodolevshie simvolizm* // *Zhirmunskii V. M.* *Poetika russkoi poezii.* SPb., 2001.

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
 Санкт-Петербургского государственного университета

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Senior Research Fellow, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0001-2345-6789

dmitriibulanin@yandex.ru

К ИСТОРИИ КНИЖНОГО ОБМЕНА НОВГОРОДА И ЛИТОВСКОЙ РУСИ
 В КОНЦЕ XV ВЕКА
 («БИБЛИОТЕКА ЕРЕТИКОВ»)

CONCERNING THE HISTORY OF THE BOOK EXCHANGE
 BETWEEN NOVGOROD AND LITHUANIAN RUS IN THE 15TH CENTURY
 («LIBRARY OF THE HERETICS»)

Одно из главных событий в идеологической и литературной жизни Руси конца XV века — конфликт церкви с вольнодумцами, которые были названы еретиками, уклонившимися в иудейство. Автор предлагает оригинальную интерпретацию ценного источника, раскрывающего взгляды еретиков: это перечень книг, которые отсутствовали у гонителей ереси, но имелись у еретиков. Комплексный подход к перечню позволил реконструировать в общих чертах содержание названных там, но утраченных памятников письменности. К числу их относится текст первостепенной важности — Послание Константинопольского патриарха Фотия крестителю Болгарии царю Борису.

Ключевые слова: архиепископ Геннадий, ересь, импорт книг.

The conflict between the church and the freethinkers accused of heresy and nicknamed the Judizers, is believed to be one of the main events in the ideological and literary life of Rus at the end of

the 15th century. The article offers an original interpretation of the valuable source concerning the heretics' ideas, a list of the books lacked by the persecutors of heresy and possessed by the heretics. A comprehensive approach to the list makes it possible to reconstruct in general terms the contents of the manuscripts that were included in the list and lost afterwards. Among those is the text of paramount importance, the Epistle of the Patriarch of Constantinople Photios to Tsar Boris, the baptizer of Bulgaria.

Key words: Archbishop Gennady, heresy, import of books.

Список литературы

1. *Алексеев А. А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
2. *Бобров А. Г.* К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010.
3. *Буланин Д. М.* К интерпретации символов Московского царства (Александр Македонский как идеал правителя) // «Комплексный подход в изучении Древней Руси»: Материалы X Международной научной конференции. М., 2019.
4. *Буланин Д. М.* «Кормчая книга» и «Книга Кормчий» (Семантика названий двух древнерусских книг) // Русская литература. 2017. № 2.
5. *Буланин Д. М.* Мифологические толкования к Словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2019. Т. 66.
6. *Григоренко А. Ю.* «Лаодикийское послание» и его литературное окружение // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1990. Т. 43.
7. *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века. М., 2018.
8. *Калугин В. В.* Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки Академии наук. СПб., 2020. Вып. 8.
9. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2020. Вып. 3.
10. *Корогодина М. В.* Неизвестный отрывок славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария // *Palaeobulgarica*. 2013. Т. 37. № 2.
11. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.
12. *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Л., 1988.
13. *Милтенов Я.* Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София, 2006.
14. *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
15. *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.
16. *Славова Т.* Славянският превод на посланието на патриарх Фотий до княз Борис-Михаил. София, 2013.
17. *Томеллер В.* Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // *Russica Romana*. 1999. Т. 6.
18. *Цибранска-Костова М.* Бележки върху славянския превод на «Паноплия догматика» в BAR Ms. Slav. 296 и неговия преводач // *Palaeobulgarica*. 2017. Т. 41. № 4.
19. *Taube M.* The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers. Is There a Connection? // *Speculum Slaviae Orientalis*. М., 2005.
20. *Taube M.* The «Poem on the Soul» in the «Laodicean Epistle» and the Literature of the Judaizers // *Harvard Ukrainian Studies*. 1995. Т. 19.

References

1. *Alekseev A. A.* *Pesn' pesnei v drevnei slaviano-russkoi pis'mennosti*. SPb., 2002.
2. *Bobrov A. G.* *K voprosu o knizhnom nasledii Dosifeia Solovetskogo* // *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyria*. SPb., 2010.
3. *Bulanin D. M.* *K interpretatsii simvolov Moskovskogo tsarstva (Aleksandr Makedonskii kak ideal pravitel'ia)* // «Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi»: *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. М., 2019.
4. *Bulanin D. M.* «Kormchaia kniga» i «Kniga Kormchii» (Semantika nazvanii dvukh drevnerusskikh knig) // *Russkaia literatura*. 2017. № 2.
5. *Bulanin D. M.* *Mifologicheskie tolkovaniia k Slovam Grigoriia Bogoslova i «Shestodnev» Ioanna Ekzarkha* // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. SPb., 2019. Т. 66.
6. *Grigorenko A. Iu.* «Laodikiiskoe poslanie» i ego literaturnoe okruzenie // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. SPb., 1990. Т. 43.

7. *Grishchenko A. I.* Pravlenoe slaviano-russkoe Piatiknizhie XV veka. M., 2018.
8. *Kalugin V. V.* Tolkovye prorochestva v vostochnoslavianskoi i serbskoi pis'mennosti XV–XVI vekov // Materialy i soobshcheniia po fondam Otdela rukopisei Biblioteki Akademii nauk. SPb., 2020. Vyp. 8.
9. Katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khраниashchikhsia v RGADA. M., 2020. Vyp. 3.
10. *Korogodina M. V.* Neizvestnyi otryvok slavianskogo perevoda Dialogov Psevdo-Kesariia // Palaeobulgarica. 2013. T. 37. № 2.
11. *Lur'e Ia. S.* Ideologicheskaiia bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV — nachala XVI veka. M.; L., 1960.
12. *Lur'e Ia. S.* Russkie sovremenniki Vozrozhdeniia: Knigopisets Efrosin, d'iak Fedor Kuritsyn. L., 1988.
13. *Miltenov Ia.* Dialozite na Psevdo-Kesarii v slavianskata r'kopisna traditsiia. Sofia, 2006.
14. *Prokhorov G. M.* Pamiatniki perevodnoi i russkoi literatury XIV–XV vekov. L., 1987.
15. *Rozov N. N.* Solovetskaia biblioteka i ee osnovatel' igumen Dosifei // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1962. T. 18.
16. *Slavova T.* Slavianskiiat prevod na poslanieto na patriarkh Fotii do kniaz Boris-Mikhail. Sofia, 2013.
17. *Taube M.* The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers. Is There a Connection? // Speculum Slavicae Orientalis. M., 2005.
18. *Taube M.* The «Poem on the Soul» in the «Laodicean Epistle» and the Literature of the Judaizers // Harvard Ukrainian Studies. 1995. T. 19.
19. *Tomelleri V.* Zametki o deiatel'nosti Gennadiievskogo kruzhka // Russica Romana. 1999. T. 6.
20. *Tsibranska-Kostova M.* Belezhki v'rkuh slavianskiiia prevod na «Panoplia dogmatika» v BAR Ms. Slav. 296 i negoviiia prevodach // Palaeobulgarica. 2017. T. 41. № 4.

Ирина Владимировна Федорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Fedorova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-2149-9395

irirad@mail.ru

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В «СТРАШНЫХ ВИДЕНИЯХ» КРЕСТЬЯНИНА ЯКОВА ЛАНШАКОВА

THE PILGRIMAGE PLOT IN THE *TERRIBLE VISIONS* BY THE PEASANT YAKOV LANSKOV

В статье рассмотрено Сказание Якова Ланшакова, представляющее собою рассказ сибирского крестьянина о его болезни, видениях, данных ему в «тонком сне», и исполнении паломнического обета посетить Иерусалим. В результате анализа текста показано, что паломнический сюжет проявился в произведении двояко: как паломничество в Иерусалим в видении и наяву и как паломничество по святым местам русским. Рассмотрены характерные для обоих сюжетов образы, мотивы и темы.

Ключевые слова: сюжет, жанр, хождение, видение, паломническая литература.

The article examines the Legend of Yakov Lanshakov, a Siberian peasant's tale describing his illness, the visions he had received in a «subtle dream», and his keeping of a vow to make a pilgrimage to Jerusalem. The analysis of the text shows that in the work the pilgrimage plot manifests itself in two ways: as a pilgrimage to Jerusalem in vision and in reality, and as a pilgrimage to the holy places of Russia. The images, motives and themes characteristic of both plots are outlined.

Key words: plot, genre, pilgrim's progress, vision, pilgrimage literature.

Список литературы

1. *Басин И. В.* Образ Небесного Иерусалима в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу» // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
2. *Белоловова (Украинская) Т. Н.* Валаамское собрание рукописей в Финляндии // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.
3. *Борис Пивоваров, прот., Павлова О. А.* Иннокентий (Кульчицкий) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
4. *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: Святые и древности. М., 1997.
5. *Ведерникова Н. М.* Соловецкие паломники // Святые и святыя северорусских земель: Сб. по материалам VII научной региональной конференции. Каргополь, 2002.
6. *Добиаш-Рожественская О.* Западные паломничества в средние века. Пг., 1924.
7. *Крючкова Т. А.* Иннокентий (Кульчицкий). Иконография // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
8. *Никитина С. Е.* Соловецкий монастырь и народная вера // Святые и святыя северорусских земель: Сб. по материалам VII научной региональной конференции. Каргополь, 2002.
9. *Пентковский А. М.* История текста и автор «Откровенных рассказов странника» // Богословские труды. М., 2018. Вып. 47–48.
10. *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
11. *Рожественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
12. *Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра «видений») // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49.
13. *Соболевский А. И.* Два слова о «Хождении» Арсения Селунского // Известия Отделения русского языка и словесности. Пг., 1915. Т. 20. Кн. 1.
14. *Федорова И. В.* «Путешествие в Иерусалим девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны» (РНБ, собр. Титова А. А., № 1307) в контексте русской паломнической литературы // Сборник материалов IX Чтений по истории и культуре Древней и Новой России. Ярославль, 25–27 сентября 2014 года. Ярославль, 2016.
15. *Федорова И. В.* Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII–XIX вв. I. Апокрифы о Крестном древе // Русская литература. 2012. № 3.
16. *Чугреева Н. Н.* Казанская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 29.
17. *Юхименко Е. М.* «Для памяти и благословения»: вещественный мир русского паломника // Тысяча лет русского паломничества: Каталог. М., 2009.
18. *Юхименко Е. М.* Неизвестный памятник поздней паломнической литературы. Хождение по России Устюжского мещанина Петра Ивановича Типухина в 1813–1822 гг. // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014.
19. *The Way of a Pilgrim and The Pilgrim Continues His Way / Transl. from the Russian by O. Savin.* Shambhala Publications, 2001.

References

1. *Basin I. V.* Obraz Nebesnogo Ierusalima v «Otkrovennykh rasskazakh strannika dukhovnomu svoemu ottsu» // Ierusalim v russkoi kul'ture. M., 1994.
2. *Belovolova (Ukrainskaia) T. N.* Valaamskoe sobranie rukopisei v Finliandii // TODRL. SPb., 1993. T. 48.
3. *Boris Pivovarov, prot., Pavlova O. A.* Innokentii (Kul'chitskii) // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2009. T. 22.
4. *Buseva-Davydova I. L.* Khramy Moskovskogo Kremliia: Sviatyni i drevnosti. M., 1997.
5. *Dobiash-Rozhdestvenskaia O.* Zapadnye palomnichestva v srednie veka. Pg., 1924.
6. *Dobiash-Rozhdestvenskaia O.* Zapadnye palomnichestva v srednie veka. Pg., 1924.
7. *Fedorova I. V.* «Puteshestvie v Ierusalim devitsy Anny Alekseevny i vdovy Paraskevny Stepanovny» (RNB, sobr. Titova A. A., № 1307) v kontekste russkoi palomnicheskoi literatury // Sbornik materialov IX Chtenii po istorii i kul'ture Drevnei i Novoi Rossii. Iaroslavl', 25–27 sentiabria 2014 goda. Iaroslavl', 2016.
8. *Fedorova I. V.* Apokrify i istoricheskie predaniia v russkoi palomnicheskoi literature XII–XIX vv. I. Apokrify o Krestnom dreve // Russkaia literatura. 2012. № 3.
9. *Kriuchkova T. A.* Innokentii (Kul'chitskii). Ikonografiia // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2009. T. 22.
10. *Nikitina S. E.* Solovetskii monastyr' i narodnaia vera // Sviatyni i sviatye severorusskikh zemel': Sb. po materialam VII nauchnoi regional'noi konferentsii. Kargopol', 2002.
11. *Pentkovskii A. M.* Istoriia teksta i avtor «Otkrovennykh rasskazov strannika» // Bogoslovskie trudy. M., 2018. Vyp. 47–48.
12. *Pigin A. V.* Videniia potustoronnego mira v russkoi rukopisnoi knizhnosti. SPb., 2006.

12. *Romodanovskaia E. K.* Rasskazy sibirskikh krest'ian o videniiakh (K voprosu o spetsifike zhanra «videnii») // TODRL. SPb., 1996. T. 49.

13. *Rozhdestvenskaia M. V.* Obraz Sviatoi Zemli v drevnerusskoi literature // Ierusalim v russkoi kul'ture. M., 1994.

14. *Sobolevskii A. I.* Dva slova o «Khozhdenii» Arseniia Selunskogo // Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti. Pg., 1915. T. 20. Kn. 1.

15. The Way of a Pilgrim and The Pilgrim Continues His Way / Transl. from the Russian by O. Savin. Shambhala Publications, 2001.

16. *Vedernikova N. M.* Solovetskie palomniki // Sviatyni i sviatye severorusskikh zemel': Sb. po materialam VII nauchnoi regional'noi konferentsii. Kargopol', 2002.

17. *Chugreeva N. N.* Kazanskaia ikona Bozhiei Materi // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2009. T. 29.

18. *Iukhimenko E. M.* «Dlia pamiati i blagoslovenii»: veshchestvennyi mir russkogo palomnika // Tysiacha let russkogo palomnichestva: Katalog. M., 2009.

19. *Iukhimenko E. M.* Neizvestnyi pamiatnik pozdnei palomniceskoi literatury. Khozhdenie po Rossii Ustiuzhskogo meshchanina Petra Ivanovicha Tipukhina v 1813–1822 gg. // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrja. SPb., 2014.

Светлана Георгиевна Тамбовцева

преподаватель Департамента истории
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)

Svetlana Georgievna Tambovtseva

Lecturer, Department of History,
National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5040-2126

tambosv@gmail.com

МОРДОВСКИЙ СЛЕД В ДУХОБОРЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ

TRACING MORDOVIAN IN DOUKHOBOR FOLKLORE: INTERSECTION OF INTERNAL AND EXTERNAL COLONIZATION

Влияние фольклора финно-угорского населения на формирование религиозного диссидентства в России XVIII века почти не исследовано. В настоящей статье на примере бытовавшей среди духоборцев мордовской легенды предлагается рассмотреть возможные контаминации сюжетов в контексте политики колонизации, которая проводилась в Российской империи.

Ключевые слова: духоборцы, колонизационная политика, легенда, эсхатология, финно-угорский фольклор Поволжья.

The impact of the Finno-Ugric folklore on the emergence of religious dissidence in the 18th-century Russia is almost unexplored. In this article, a Mordovian legend that existed among the Dukhobors is used as a case study, and the possible merging of story lines is considered in the context of the Russian imperial colonization policy.

Key words: Doukhobors, colonization policy, legend, eschatology, Finno-Ugric folklore of the Volga region.

Список литературы

1. *Бессонов И. А.* Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуде // Традиционная культура. 2016. №. 4.

2. *Бессонов И. А.* Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева. Мировоззрение, обрядность, историческая эволюция. СПб., 2015.

3. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

4. *Корнишина Г. А.* Обрядовая культура мордвы в отечественной историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. №. 2 (26).

5. Львов А. Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011.
6. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885.
7. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981.
8. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Авдошкина Н. Н., Савка В. П. Мордва Дальнего Востока. Саранск, 2009.
9. Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб., 2003.
10. Clay J. E. Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Blackearth Frontier: The First Heresy Trials of the dukhobors in the 1760s // *Russian History*. 2013. Vol. 40. № 2.
11. Ethind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge, 2011.
12. Rowland D. B. Moscow-The Third Rome or the New Israel? // *The Russian Review*. 1996. T. 55. № 4.

References

1. Bessonov I. A. *Eskhatologicheskoe dvizhenie Kuz'my Alekseeva. Mirovozzrenie, obryadnost', istoricheskaja evolucija*. SPb., 2015.
2. Bessonov I. A. Mordovskii epos o Tiushite i russkie i finno-ugorskie predaniia o chudi // *Tradicionnaia kul'tura*. 2016. № 4.
3. Chistov K. V. *Russkaia narodnaia utopiia*. SPb., 2003.
4. Clay J. E. Russian Spiritual Christianity and the Closing of the Blackearth Frontier: The First Heresy Trials of the dukhobors in the 1760s // *Russian History*. 2013. Vol. 40. № 2.
5. Ethind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, 2011.
6. Klibanov A. I. *Narodnaia social'naia utopiia v Rossii: Period feodalizma*. M., 1977.
7. Kornishina G. A. *Obriadovaia kul'tura mordvy v otechestvennoi istoriografii // Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*. 2014. №. 2 (26).
8. Lvov A. L. *Soha i Piatiknizhie: russkie iudeistvuiushchie kak tekstual'noe soobshchestvo*. SPb., 2011.
9. Mainov V. N. *Ocherk iuridicheskogo byta mordvy*. SPb., 1885.
10. Mel'nikov P. I. (Andrei Pecherskii). *Ocherki mordvy*. Saransk, 1981.
11. Nikonova L. I., Shchankina L. N., Avdoshkina N. N., Savka V. P. *Mordva Dal'nego Vostoka*. Saransk, 2009.
12. Rowland D. B. *Moscow-The Third Rome or the New Israel?* // *The Russian Review*. 1996. T. 55. № 4.

Фу Хэн (КНР)

аспирант
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Fu Heng (China)

Postgraduate Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5810-3895

baiheng_100@mail.ru

РЕПЕРТУАР ПЕРЕВОДОВ А. Д. КАНТЕМИРА

THE REPERTOIRE OF A. D. CANTEMIR'S TRANSLATIONS

В статье изучен репертуар переводов А. Д. Кантемира. Переводческая деятельность Кантемира может быть разделена на два периода — русский и заграничный. Кантемир начал переводить для упражнения в языках. Во втором периоде он больше ориентировался на читателя и уделял особое внимание тем, кто занимался языками. В переводческой деятельности Кантемира наглядно отражаются тенденции эпохи. Кантемир постепенно вырабатывает свои принципы выбора переводного предмета: нравственность и художественность.

Ключевые слова: переводы А. Д. Кантемира, мотивировка выбора, упражнение в языке, работа о читателе, рецепция античной и западноевропейской литературы.

The article outlines the repertoire of A. Cantemir's translations. Cantemir's translation activities can be divided into two periods, inside and outside Russia. Cantemir started translating as a part of his language training. In the second period, he was more focused on the reader and paid special attention to those who studied the languages. Cantemir's translation activities clearly reflect the tendencies of the era. Cantemir is gradually developing his own principles for choosing the translated subject: morality and artistry.

Key words: translations by A. Cantemir, motivation of choice, language training, caring for the reader, reception of Ancient and Western European literature.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
2. *Бабеева Е. Э.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. М., 2004. Т. 1.
3. *Берков П. Н.* Из истории русско-французских культурных связей (Гастроли французского ямарочного театра в Петербурге в 1728–1729 гг.) // Романо-германская филология: Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева. Л., 1957.
4. *Берков П. Н.* Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726–1729) // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961.
5. *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.
6. *Васильева Е. Н.* Монтескье и Россия. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
7. *Вознесенская И. А.* Рукописные учебники братьев Лихудов начала XVIII в. в петербургских хранилищах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59.
8. *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978.
9. *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая сер.).
10. *Кислова Е. И.* Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та имени Ярослава Мудрого. 2020. Вып. 30. № 5.
11. *Костина Т. В., Кирикова О. А.* Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 1.
12. *Лебедев А. Л.* «Ярославец» Иван Ильинский — переводчик Академии наук // Ярославская старина. 1994. Вып. 1.
13. *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976.
14. *Моисеева Г. Н.* Ильинский Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.
15. *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984.
16. *Николаев С. И.* Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8.
17. *Панов С. И. А. Д.* Кантемир и «Анакреонта Тиейца песни»: у истоков русской анакреонтики // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999.
18. *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989.
19. *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1.
20. *Рак В. Д.* «Присвокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12.
21. *Рамазанова Д. Н.* Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце XVII века // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015.
22. *Руднев Д. В., Хэн Фу.* «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // *Slovène*. 2019. Vol. 8. № 1.
23. *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
24. *Серман И. З.* Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21.
25. *Boss V.* La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangiorgio Trissino // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1963. Vol. 4. № 1/2.
26. *Boss V.* Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. Cambridge, Mass., 1972.
27. *Craveri B.* La civiltà della conversazione. Milan, 2001.
28. *Ehrhard M.* Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir // *Revue des études slaves*. Paris, 1957. Т. 34.
29. *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966.
30. *Grasshoff H.* Kantemir und Fenelon // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1958. Bd III. H. 2–4.

31. *McGeary T. N.* Rolli Paolo Antonio // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 47.

32. *Wild F.* Naissance du genre des Ana (1574–1712). Paris, 2001 (Études et essais sur la Renaissance; XXIX).

References

1. *Alekseev M. P.* Sravnitel'noe literaturovedenie. L., 1983.
2. *Babaeva E. E.* Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira: opisanie, leksikograficheskie istochniki // Russko-frantsuzskii slovar' Antiokha Kantemira. M., 2004. T. 1.
3. *Berkov P. N.* Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei (Gastrol'i frantsuzskogo iarmarohnogo teatra v Peterburge v 1728–1729 gg.) // Romano-germanskaia filologiya: Sb. statei v chest' akad. V. F. Shishmareva. L., 1957.
4. *Berkov P. N.* Pervye gody literaturnoi deiatel'nosti Antiokha Kantemira (1726–1729) // Problemy russkogo prosveshcheniia v literature XVIII veka. M.; L., 1961.
5. *Boss V.* La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2.
6. *Boss V.* Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. Cambridge, Mass., 1972.
7. *Bulanin D. M.* Antichnye traditsii v drevnerusskoi literature XI–XVI vv. München, 1991.
8. *Craveri B.* La civiltà della conversazione. Milan, 2001.
9. *Ehrhard M.* Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir // Revue des études slaves. Paris, 1957. T. 34.
10. *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966.
11. *Grasshoff H.* Kantemir und Fenelon // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1958. Bd III. H. 2–4.
12. *Kantemir A. D.* Sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia F. Ia. Priimy; podg. teksta i prim. Z. I. Gershkovicha. L., 1956 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
13. *Kislova E. I.* Uchebnye posobiia po latyni i ikh ispol'zovanie v russkikh seminariakh XVIII v. // Uchen. zap. Novgorodskogo gos. un-ta imeni Iaroslava Mudrogo. 2020. Vyp. 30. № 5.
14. *Kostina T. V., Kirikova O. A.* Uchebnye knigi v gimnazii Akademii nauk 1730-kh gg. // Detskie chteniia. 2018. T. 13. № 1.
15. *Lebedev A. L.* «Iaroslavets» Ivan II'inskii — perevodchik Akademii nauk // Iaroslavskaiia starina. 1994. Vyp. 1.
16. *Luppov S. P.* Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremia. L., 1976.
17. *McGeary T. N.* Rolli Paolo Antonio // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 47.
18. *Moiseeva G. N.* Il'inskii Ivan Ivanovich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1.
19. *Nevskaia N. I.* Peterburgskaia astronomicheskaiia shkola XVIII v. L., 1984.
20. *Nikolaev S. I.* Otvuki parodia christiana v russkoi literature XVIII veka // Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka. M.; SPb., 2018. Vyp. 8.
21. *Panov S. I. A. D.* Kantemir i «Anakreonta Tieitsa pesni»: u istokov russkoi anakreontiki // Antiokh Kantemir i russkaia literatura. M., 1999.
22. *Peshlich S. L.* Russkaia istoriografii XVIII veka. L., 1961. Ch. 1.
23. *Peshkov A. M.* Bualo v russkoi literature XVIII — pervoi treti XIX veka. M., 1989.
24. *Rak V. D.* «Prisovokuplenie vtoroe» v «Pis'movnike» N. G. Kurganova // XVIII vek. L., 1977. Sb. 12.
25. *Ramazanova D. N.* Rukopisnaia i pechatnaia kniga v uchebnoi praktike Slaviano-grekolatin'skoi akademii v kontse XVII veka // «V Rossii nado zhit' po knige». Nachal'noe obuchenie chteniui i pis'mu: stanovlenie uchebnoi knigi v XVI–XIX vv. M., 2015.
26. *Rudnev D. V., Khen Fu.* «Perevod nekoego ital'ianskogo pis'ma» A. D. Kantemira (1726): istoriia teksta i osobennosti iazyka // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1.
27. *Salmina M. A.* Khronika Konstantina Manassii // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1989. Vyp. 2. Ch. 2.
28. *Serman I. Z.* Antiokh Kantemir i Franchesko Al'garotti // XVIII vek. SPb., 1999. Sb. 21.
29. *Vasil'eva E. N.* Monteske'e i Rossiia. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2011.
30. *Voznesenskaia I. A.* Rukopisnye uchebniki brat'ev Likhudov nachala XVIII v. v peterburgskikh khranilishchakh // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2008. T. 59.
31. *Wild F.* Naissance du genre des Ana (1574–1712). Paris, 2001 (Études et essais sur la Renaissance; XXIX).
32. *Zaborov P. R.* Russkaia literatura i Vol'ter. XVIII — pervaiia tret' XIX v. L., 1978.

Елена Андреевна Аксаментова

докторант Тартуского университета

Elena Andreevna Aksamentova

Doctoral Student, University of Tartu

ORCID: 0000-0002-8716-5697

elena.aksamentova@ut.ee

**СКУЛЬПТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЕКСАНДРА I
И СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ»**

**SCULPTURAL REPRESENTATION OF ALEXANDER I
AND A. S. PUSHKIN'S «TO THE BUST OF THE CONQUEROR»**

Статья посвящена бюстам Александра I и поэтической рецепции скульптурного портрета в России первой трети XIX века. Рассмотрение этого скульптурного жанра в политико-культурной перспективе в сочетании с изучением русских стихов на бюсты помогает выявить множество противоречий, сопутствующих формированию образа русского императора в скульптуре. Наиболее глубоким поэтическим откликом на эти противоречия оказывается «К бюсту Завоевателя» А. С. Пушкина.

Ключевые слова: бюсты Александра I, «К бюсту Завоевателя» А. С. Пушкина, репрезентация Александра I, скульптурный портрет, стихи на бюсты, Александр I и Наполеон.

The article focuses on the busts of Alexander I and the Russian poetic reception of the sculptural portrait in the first third of the 19th century. Consideration of this sculptural genre from a political and cultural perspective, combined with the analysis of the Russian poetry on busts, helps to reveal numerous contradictions that accompanied the formation of the image of the Russian emperor in sculpture. The most profound poetic response to these contradictions turns out to be «To the Bust of the Conqueror» by Alexander Pushkin.

Key words: busts of Alexander I, Pushkin's «To the Bust of the Conqueror» (*K Biustu Zavoievatelia*), representation of Alexander I, sculptural portrait, poems on busts, Alexander I and Napoleon.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Г. Между двух царей: Пушкин 1824–1836. СПб., 2003.
2. Арнасон Г. Г. Скульптура Гудона / Пер. П. В. Мелковой. М., 1982.
3. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточные параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
4. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского языка. Вена, 1992.
5. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 1.
6. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
7. Карпова Е. В. Иван Мартос. Известный и неизвестный...: портрет в творчестве скульптора. СПб., 2005.
8. Карпова Е. В. Произведения изобразительного искусства в стихах и письмах Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб., 2010.
9. Карчева Е. И. Западноевропейская скульптура XIX–XX веков: каталог коллекции. СПб., 2016.
10. Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990.
11. Кириченко Е. И. Вандомская колонна в Париже и Александровский столп в Петербурге: символика уподоблений и противопоставления // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 1995.
12. Кириченко Е. И. Запечатленная история России: В 2 т. М., 2001. Т. 2.
13. Кока Г. М. Стихотворение «К бюсту завоевателя» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2.

14. *Кошелев В. А.* Пропущенное «болдинское» стихотворение Пушкина // Учен. зап. / Музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино». Арзамас; Большое Болдино, 2018. Вып. 6.
15. *Левкович Я. Л.* К бюсту Завоевателя // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2.
16. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л., 1983.
17. *Проскурина В. Ю.* Мифы Империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
18. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 12.
19. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2.
20. *Рязанцев И. В.* Московский маскарад «Торжествующая Минерва» и Екатерина II в зеркале античной мифологии // Рязанцев И. В. Российская дань классике. М., 2018.
21. *Рязанцев И. В.* Скульптура в России: XVIII — начало XIX века. М., 2003.
22. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1 (сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры»; вып. 8).
23. *Bainbridge S.* Battling Bonaparte after Waterloo: Re-enactment, Representation and 'The Napoleon Bust Business' // Tracing War in British Enlightenment and Romantic Culture. New York, 2015.
24. *Coutu J.* Persuasion and Propaganda: Monuments and the Eighteenth-Century British Empire. Montreal et al., 2006.
25. *Hagstrum J. H.* The Sister Arts: The Tradition of Literary Pictorialism and English Poetry from Dryden to Gray. Chicago; London, 1958.
26. *Hubert G.* La sculpture dans l'Italie napoléonienne. Paris, 1964.
27. *Hubert G.* Les sculpteurs italiens en France sous la Révolution, l'Empire et la restauration 1790–1830. Paris, 1964.
28. *Johns Ch. M. S.* Portrait Mythology: Antonio Canova's Portraits of the Bonapartes // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28. № 1.
29. *Lentz T., Leroy-Jay Lemaistre I., Dion-Tenenbaum A., Laveissière S.* Napoléon et le Louvre. Paris, 2004.
30. *McClellan A.* The Life and Death of a Royal Monument: Bouchardon's Louis XV // Oxford Art Journal. 2000. Vol. 23. № 2.
31. *Milano R.* The Portrait Bust and French Cultural Politics in the Eighteenth Century. Leiden; Boston, 2015.
32. *Scherf G.* Jean-Jacques Rousseau et la révolution: les avatars d'une représentation sculptée // Jean-Jacques Rousseau et son image sculptée 1778–1798. Lyon, 2012.
33. *Thompson V. E.* The Creation, Destruction and Recreation of Henri IV: Seeing Popular Sovereignty in the Statue of a King // History and Memory. 2012. Vol. 24. № 2.

References

1. *Al'tshuller M. G.* Mezhdv dvukh tsarei: Pushkin 1824–1836. SPb., 2003.
2. *Arnason G. G.* Skul'ptura Gudona / Per. P. V. Melkovo. M., 1982.
3. *Bainbridge S.* Battling Bonaparte after Waterloo: Re-enactment, Representation and 'The Napoleon Bust Business' // Tracing War in British Enlightenment and Romantic Culture. New York, 2015.
4. *Braginskaia N. V.* Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii) // Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnye paralleli. Struktura balkanskogo teksta. M., 1977.
5. *Coutu J.* Persuasion and Propaganda: Monuments and the Eighteenth-Century British Empire. Montreal et al., 2006.
6. *Gasparov B. M.* Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo iazyka. Vena, 1992.
7. *Hagstrum J. H.* The Sister Arts: The Tradition of Literary Pictorialism and English Poetry from Dryden to Gray. Chicago; London, 1958.
8. *Hubert G.* La sculpture dans l'Italie napoléonienne. Paris, 1964.
9. *Hubert G.* Les sculpteurs italiens en France sous la Révolution, l'Empire et la restauration 1790–1830. Paris, 1964.
10. *Johns Ch. M. S.* Portrait Mythology: Antonio Canova's Portraits of the Bonapartes // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28. № 1. P. 115–129.
11. *Karcheva E. I.* Zapadnoevropeiskaia skul'ptura XIX–XX vekov: katalog kollektiv. SPb., 2016.
12. *Karpova E. V.* Ivan Martos. Izvestnyi i neizvestnyi...: portret v tvorchestve skul'ptora. SPb., 2005.
13. *Karpova E. V.* Proizvedeniia izobrazitel'nogo iskusstva v stikhakh i pis'makh Dmitrieva // Ivan Ivanovich Dmitriev (1760–1837): Zhizn'. Tvorchestvo. Krug obshcheniia. SPb., 2010.
14. *Kibal'nik S. A.* Russkaia antologicheskaia poeziia pervoi treti XIX veka. L., 1990.

15. *Kirichenko E. I.* Vandomskaia kolonna v Parizhe i Aleksandrovskii stolp v Peterburge: simvolika upodoblenii i protivopostavleniia // Rossiia i Frantsiia XVIII–XX veka. M., 1995.
16. *Kirichenko E. I.* Zapечатlennaiia istoriia Rossii: V 2 t. M., 2001. T. 2.
17. *Koka G. M.* Stikhotvorenie «K biustu zavoevatelia» // Pushkin. Issledovaniia i materialy. M.; L., 1958. T. 2.
18. *Koshelev V. A.* Propushchennoe «boldinskoe» stikhotvorenie Pushkina // Uchen. zap. / Muzei-zapovednik A. S. Pushkina «Boldino». Arzamas; Bol'shoe Boldino, 2018. Vyp. 6.
19. *Lentz T., Leroy-Jay Lemaistre I., Dion-Tenenbaum A., Laveissière S.* Napoléon et le Louvre. Paris, 2004.
20. *Levkovich Ia. L.* K biustu Zavoevatelia // Pushkinskaia entsiklopediia. SPb., 2012. Vyp. 2.
21. *Lotman Iu. M.* Roman A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»: kommentarii. L., 1983.
22. *McClellan A.* The Life and Death of a Royal Monument: Bouchardon's Louis XV // Oxford Art Journal. 2000. Vol. 23. № 2.
23. *Milano R.* The Portrait Bust and French Cultural Politics in the Eighteenth Century. Leiden; Boston, 2015.
24. *Proskurina V. Iu.* Mify Imperii: Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II. M., 2006.
25. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.], 1949. T. 12.
26. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2016. T. 2. Kn. 2.
27. *Riazantsev I. V.* Moskovskii maskarad «Torzhestvuiushchaia Minerva» i Ekaterina II v zerkale antichnoi mifologii // Riazantsev I. V. Rossiiskaia dan' klassike. M., 2018.
28. *Riazantsev I. V.* Skul'ptura v Rossii: XVIII — nachalo XIX veka. M., 2003.
29. *Scherf G.* Jean-Jacques Rousseau et la révolution: les avatars d'un représentation sculptée // Jean-Jacques Rousseau et son image sculptée 1778–1798. Lyon, 2012.
30. *Thompson V. E.* The Creation, Destruction and Recreation of Henri IV: Seeing Popular Sovereignty in the Statue of a King // History and Memory. 2012. Vol. 24. № 2.
31. *Wortman R. S.* Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. M., 2002. T. 1 (ser. «Materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury»; vyp. 8).
32. *Zhivov V. M., Uspenskii B. A.* Tsar' i bog (Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii) // Uspenskii B. A. Izbr. trudy. M., 1996. T. 1.
33. *Zorin A. L.* Kormia dvuglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka. M., 2001.

Светлана Александровна Степина

независимый исследователь

Svetlana Aleksandrovna Stepina

Independent Researcher

orcid: 0000-0002-0584-0469

sa.stepina@gmail.com

**Н. М. КОНШИН —
СОТРУДНИК «УЧЕНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

**N. M. KONSHIN AS A MEMBER
OF «THE REPUBLIC OF LETTERS»**

В статье описана деятельность Н. М. Коншина в Вольном обществе любителей российской словесности (ВОЛРС), а также показана взаимосвязь между творческой стратегией начинающего литератора и его внелитературными успехами, что позволяет не только уточнить некоторые эпизоды биографии Коншина, но и сделать выводы о «социальном капитале» Общества в начале 1820-х годов.

Ключевые слова: русская литература, 1820-е годы, Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС), литературная репутация.

The article describes N. M. Konshin's activities in the Free Society of Lovers of Russian Letters, previously not covered in the scholarly literature, and outlines the relationships between the creative strategy of the young writer and his non-literary successes. It allows not only to clarify certain epi-

sodes of Konshin's biography, but also to draw conclusions about the «social capital» of this Society in the early 1820s.

Key words: N. M. Konshin, Russian literature, 1820s, Free Society of Lovers of Russian Letters, literary reputation.

Список литературы

1. *Базанов В.* Ученая республика. М.; Л., 1964.
2. *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов.
3. *Бодрова А. С.* Военная служба Е. А. Баратынского: между биографией и поэзией // *Чины и музы: Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина.* СПб.; Тверь, 2017.
4. *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
5. *Вацуро В. Э.* Из литературных отношений Баратынского // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
6. *Вацуро В. Э.* Коншин Н. М. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3.
7. *Коншин Н. М.* Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 // *Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова.* Ульяновск, 1958. Вып. 2.
8. *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова.* М., 1998.
9. *Мартыненко А. Е. А.* Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // *Пушкинские чтения в Тарту. 6. Тарту, 2020. Вып. 2. Пушкинская эпоха. Pushkin's Era / Отв. ред. Р. Лейбов, Н. Охотин (Acta Slavica Estonica XII).*
10. *Медведева И.* Ранний Баратынский // *Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. 1.*
11. *Поэты 1820–1830-х годов.* Л., 1972. Т. 1.
12. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 13, 16.
13. *Хитрова Д. М.* Литературная позиция Е. А. Баратынского 1820 — первой половины 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

References

1. *Baratynskii E. A.* Poln. sobr. soch. i pisem / Rukovoditel' proekta A. M. Peskov. M., 2002. T. 1. Stikhotvoreniia 1818–1822 godov.
2. *Bazanov V.* Uchenaia respublika. M.; L., 1964.
3. *Bodrova A. S.* Voennaia sluzhba E. A. Baratynskogo: mezhdru biografiei i poeziei // *Chiny i muzy: Sb. statei / Otv. red. S. N. Gus'kov, red. N. V. Kalinina.* SPb.; Tver', 2017.
4. *Khitrova D. M.* Literaturnaia pozitsiia E. A. Baratynskogo 1820 — pervoi poloviny 1830-kh godov. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.
5. *Konshin N. M.* Vospominaniia o Baratynskom ili chetyre goda moei fnliandskoi sluzhby s 1819 po 1823 // *Kraevedcheskie zapiski Ul'ianovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia im. I. A. Goncharova.* Ul'ianovsk, 1958. Vyp. 2.
6. *Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Boratynskogo / Sost. A. M. Peskov; podg. teksta E. E. Lia-minoi, A. M. Peskova.* M., 1998.
7. *Martynenko A. E. A.* Baratynskii i «Uchenaia respublika»: k istorii formirovaniia literaturnoi reputatsii poeta // *Pushkinskie chteniia v Tartu. 6. Tartu, 2020. Vyp. 2. Pushkinskaia epokha. Pushkin's Era / Otv. red. R. Leibov, N. Okhotin (Acta Slavica Estonica XII).*
8. *Medvedeva I.* Rannii Baratynskii // *Baratynskii E. A. Poln. sobr. stikhotvoreniia: V 2 t. L., 1936. T. 1.*
9. *Poety 1820–1830-kh godov.* L., 1972. T. 1.
10. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.], 1949. T. 13, 16.
11. *Vatsuro V. E.* «Severnye tsvety». Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina. M., 1978.
12. *Vatsuro V. E.* Iz literaturnykh otnoshenii Baratynskogo // *Vatsuro V. E. Pushkinskaia pora.* SPb., 2000.
13. *Vatsuro V. E.* Konshin N. M. // *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'.* M., 1994. T. 3.

Александр Анатольевич Карпов

профессор
Санкт-Петербургского государственного университета

Alexander Anatolyevich Karpov

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-2813-9966

a.karpov@spbu.ru

**А. С. ПУШКИН У О. И. СЕНКОВСКОГО
(«ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ БАРОНА БРАМБЕУСА»)**

**A. S. PUSHKIN BY O. I. SENKOVSKY
(THE FANTASTIC TRAVELS OF BARON BRAMBEUS)**

В статье рассматриваются беллетристические отклики О. И. Сенковского на произведения А. С. Пушкина. Основное внимание уделено «Фантастическим путешествиям Барона Брамбеуса», в которых обнаруживаются переключки с «Евгением Онегиным», «Пиром во время чумы» и «Метелью». Как показано в работе, Сенковский юмористически перелицовывает пушкинские претексты, создавая их травестийные версии.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, О. И. Сенковский, рецепция, травестия, «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса», «Евгений Онегин», «Пир во время чумы», «Метель».

The article examines the literary responses of O. I. Senkovsky to the works by A. S. Pushkin. The focus is on the *Fantastic Travels of Baron Brambeus*, that features numerous echoes of *Eugene Onegin*, *Feast During the Plague* and *Blizzard*. The article shows that Senkovsky humorously reshapes Pushkin's pretexts, creating their travesty versions.

Key words: A. S. Pushkin, O. I. Senkovsky, reception, travesty, *Fantastic Travels of Baron Brambeus*, *Eugene Onegin*, *Feast During the Plague*, *Blizzard*.

Список литературы

1. Дроздов Н. А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
2. Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929.
3. Крачковский И. Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей О. И. Сенковского // Тр. Военного института иностранных языков. 1946. № 2.
4. Нарезный В. Т. Соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 2.
5. Новиков А. Е. «Любовь и смерть» барона Брамбеуса (Факты биографии О. И. Сенковского и их творческое переосмысление) // Документальное и художественное в литературном произведении: Межвузовский сб. науч. тр. Иваново, 1994.
6. Новиков А. Е. Пушкин и Сенковский (К постановке проблемы) // Пушкин и русская культура: Доклады на Междунар. конф. в Новгороде (26–29 мая 1996 г.). СПб.; Новгород, 1996.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1937–1949. Т. 8, 15.
8. Рифтин Б. Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века: Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004.
9. Шаронова А. В. К проблеме взаимоотношений редактора и авторов «Библиотеки для чтения» // Русская литература. 2000. № 3.
10. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании литературы путешествий, 1790–1840. СПб., 2004.

References

1. Drozdov N. A. Frantsuzskaia «neistovaia slovesnost'» v russkoi retseptsii 1830-kh godov. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2013.
2. Kaverin V. Baron Brambeus: Istoriia Osipa Senkovskogo, zhurnalista, redaktora «Biblioteki dlia chteniia». L., 1929.

3. *Krachkovskii I. Iu.* Istochnik «Vitiazia bulanogo konia» i drugikh vostochnykh povestei O. I. Senkovskogo // Tr. Voenного instituta inostrannykh iazykov. 1946. № 2.
4. *Narezhnyi V. T.* Soch.: V 2 t. M., 1983. T. 2.
5. *Novikov A. E.* «Liubov' i smert'» barona Brambeusa (Fakty biografii O. I. Senkovskogo i ikh tvorcheskoe pereosmyslenie) // Dokumental'noe i khudozhestvennoe v literaturnom proizvedenii: Mezhvuzovskii sb. nauch. tr. Ivanovo, 1994.
6. *Novikov A. E.* Pushkin i Senkovskii (K postanovke problemy) // Pushkin i russkaia kul'tura: Doklady na Mezhdunar. konf. v Novgorode (26–29 maia 1996 g.). SPb.; Novgorod, 1996.
7. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.], 1937–1949. T. 8, 15.
8. *Riftin B. L.* Russkie perevody kitaiskoi literatury v XVIII — pervoi polovine XIX v. // Vostok v russkoi literature XVIII — nachala XX veka: Znakomstvo. Perevody. Vospriatie. M., 2004.
9. *Sharonova A. V.* K probleme vzaimootnoshenii redaktora i avtorov «Biblioteki dlia chteniia» // Russkaia literatura. 2000. № 3.
10. *Shoenle A.* Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii literatury puteshestvii, 1790–1840. SPb., 2004.

Алексей Евгеньевич Козлов

научный сотрудник Института филологии СО РАН

Alexey Ievgenievich Kozlov

Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0016-9546

alexeykozlov54@gmail.com

**ВОКРУГ РОМАНА «ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ»:
ПЕРЕПИСКА Д. В. ГРИГОРОВИЧА И А. А. КРАЕВСКОГО 1850–1852 ГОДОВ**

**AROUND THE NOVEL *COUNTRY ROADS*:
CORRESPONDENCE BETWEEN D. V. GRIGOROVICH AND A. A. KRAEVSKY,
1850–1852**

Публикация вводит в научный оборот серию писем: 6 писем А. А. Краевского и 7 писем Д. В. Григоровича, — объединенных общим сюжетом: обсуждением замысла, его реализации и условий публикации в журнале «Отечественные записки» романа «Проселочные дороги». В краткой сопроводительной статье, с опорой на «Литературные воспоминания», приведены сведения об основных этапах работы Григоровича над текстом и затруднениях, которые возникли в ходе этой работы. Материал подготовлен к 200-летию юбилею Григоровича и 170-летию юбилею первой публикации романа «Проселочные дороги».

Ключевые слова: русская литература XIX века, Григорович, Краевский, очерк, повесть, роман, провинциальный быт, писатель и издатель.

This publication introduces the academic community to the new data from the archives of Dmitry Grigorovich (7 letters) and Andrey Kraevsky (6 letters), stored in the Russian National Library (Saint-Petersburg). The letters are united by the discussion of the terms of publication of the novel *Country Roads* in the *Otechestvennyye Zapiski* magazine. A short accompanying article, based on Grigorovich's *Literary Memoirs*, provides the data on the main stages of his work on the text and on the challenges faced in the course of this work. The publication was prepared for Grigorovich's 200th anniversary and the 170th anniversary of the first publication of his novel *Country Roads*.

Key words: Russian literature of the 19th century, Grigorovich, Kraevsky, essay, story, novel, provincial life, writer and publisher.

Список литературы

1. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания / Под ред. Г. Г. Елизаветиной. М., 1987.
2. *Дружинин А. В.* Дневник / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986 (сер. «Литературные памятники»).

3. Журавлева А. И., Некрасов В. Н. Григорович в русской литературе // Григорович Д. В. Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 1.
4. Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971.
5. Кони А. Ф. Памяти Д. В. Григоровича // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989.
6. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985.
7. Лотман Л. М. Григорович. Роман из народной жизни // История русского романа / Под ред. Г. М. Фридендера: В 2 т. М., Л., 1962. Т. 1.
8. Мещеряков В. П. Григорович: писатель и искусствовед. М., 1985.
9. Милиугина Е. Г., Стrogанов М. В. Текст пространства: материалы к словарю. Тверь, 2014.
10. Отрадин М. В. Творчество Д. В. Григоровича 1850-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
11. Степина М. Ю. К атрибуции «Рассказов о житейских глупостях» в некрасовском «Современнике» // Русская литература. 1995. № 2.
12. Lounsbury A. Life Is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Northern Illinois University Press, 2019.

References

1. Druzhinin A. V. Dnevnik / Izd. podg. B. F. Egorov, V. A. Zhdanov. M., 1986 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
2. Grigorovich D. V. Literaturnye vospominaniia / Pod red. G. G. Elizavetinoi. M., 1987.
3. Kapeliush B. N. Rukopisi i perepiska D. V. Grigorovicha. Nauchnoe opisaniie // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1969 god. L., 1971.
4. Koni A. F. Pamiati D. V. Grigorovicha // Koni A. F. Vospominaniia o pisateliakh. M., 1989.
5. Levin Iu. D. Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda. L., 1985.
6. Lotman L. M. Grigorovich. Roman iz narodnoi zhizni // Istoriia russkogo romana / Pod red. G. M. Fridlendera: V 2 t. M., L., 1962. T. 1.
7. Lounsbury A. Life Is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Northern Illinois University Press, 2019.
8. Meshcheriakov V. P. Grigorovich: pisatel' i iskusstvoved. M., 1985.
9. Miliugina E. G., Stroganov M. V. Tekst prostranstva: materialy k slovari. Tver', 2014.
10. Otradin M. V. Tvorchestvo D. V. Grigorovicha 1850-kh godov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1978.
11. Stepina M. Iu. K atributsii «Rasskazov o zhiteiskikh glupostiakh» v nekrasovskom «Sovremennike» // Russkaia literatura. 1995. № 2.
12. Zhuravleva A. I., Nekrasov V. N. Grigorovich v russkoi literature // Grigorovich D. V. Soch.: V 3 t. M., 1988. T. 1.

Наталья Петровна Генералова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalja Petrovna Generalova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3427-5590

generalovanatalia@gmail.com

«ЭТО ЧЕРТОВСКИ ЗАПУТАННОЕ И НЕПРИЯТНОЕ ДЕЛО»

(А. А. ФЕТ И СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА 1860–1861 ГОДОВ)

«THIS IS A DIABOLICALLY COMPLICATED AND UNPLEASANT AFFAIR»

(A. A. FET, AND I. S. TURGENEV'S COMPLETE WORKS OF 1860–1861)

Статья посвящена малоизвестному эпизоду — истории одного из первых Собраний сочинений И. С. Тургенева в четырех томах, появившегося в 1859–1860 годах, и роли в нем А. А. Фета. Выходившее в свет с указанием имени издателя Н. А. Основского, Собрание сочинений издавалось им на паях с А. Н. Плещеевым и И. В. Павловым, в результате чего возник конфликт между пайщиками, едва не закончившийся дуэлью. Вовлеченный в эту историю Фет оказался в сложной ситуации, которая завершилась миром, однако повлияла на дальнейшие отношения между писателем и поэтом.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, А. А. Фет, Собрание сочинений, дуэль, Н. А. Основский, А. Н. Плещеев.

The article deals with an obscure episode related to the publication of one of the first editions of I. S. Turgenev's *Complete Works*, that came out in four volumes in 1859–1860, and with A. A. Fet's involvement in it. The edition, bearing the name of N. A. Osnovsky on the cover, was in fact undertaken by him in partnership with A. N. Pleshcheyev and I. V. Pavlov. This led to a conflict between the partners, that almost ended in a duel. Dragged into the story, Fet found himself in a predicament that ended well, but had a far-reaching impact on the relationship between the writer and the poet.

Key words: I. S. Turgenev, A. A. Fet, *Complete Works*, duel, N. A. Osnovsky, A. N. Pleshcheyev.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983.
2. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852–1874 (сер. «Литературные памятники»).
3. Бокова В. М. (при участии М. М. Одесской). Основский Нил Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
4. Генералова Н. П. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бенни) // Русская литература. 2019. № 4.
5. Генералова Н. П. «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому (О втором эпизоде романа «Рудин») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4.
6. Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева // Восьмой межвузовский тургеневский сборник: И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1980.
7. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова. СПб., 2018.
8. Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1961. Вып. 6 / Под ред. М. П. Алексеева.
9. Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Ред. М. П. Алексеев. Л., 1982.
10. Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1.
11. Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851–1861). Ч. II. 12 сент. 1852 — 24 дек. 1861 / Публ. Э. Г. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006.
12. <Письма И. П. Борисова к И. С. Тургеневу> / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3 / Ред. Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова.
13. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3, 4.

References

1. Annenkov P. V. Literaturnye vospominaniia. M., 1983.
2. Annenkov P. V. Pis'ma k I. S. Turgenevu: V 2 kn. / Izd. podg. N. N. Mostovskaia, N. G. Zhekulin. SPb., 2005. Kn. 1. 1852–1874 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
3. Bokova V. M. (pri uchastii M. M. Odesskoi). Osnovskii Nil Andreevich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1999. T. 4.
4. Generalova N. P. Kogda i dlia kogo byl sostavlen proekt turgenevskoi «konstitutsii» (I. S. Turgenev, A. I. Gertsen i Artur Benni) // Russkaia literatura. 2019. № 4.
5. Generalova N. P. «Neizvestnyi» otvet Turgeneva Chernyshevskomu (O vtorem epilogе romana «Rudin») // I. S. Turgenev: Novye issledovaniia i materialy. M.; SPb., 2016. Vyp. 4.
6. Gromov V. A. «Zapiski okhotnika» v strukture prizhiznennykh izdaniia sochinenii Turgeneva // Vos'moi mezhvuzovskii turgenevskii sbornik: I. S. Turgenev i russkaia literatura. Kursk, 1980.

7. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859–1862) / Otv. red. N. P. Generalova. SPb., 2018.
8. Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia. M.; L., 1961. Vyp. 6 / Pod red. M. P. Alekseeva.
9. *Mostovskaia N. N.* I. V. Pavlov — korrespondent Turgeneva // I. S. Turgenev: Voprosy biografii i tvorchestva / Red. M. P. Alekseev. L., 1982.
10. Perepiska I. S. Turgeneva: V 2 t. M., 1986. T. 1.
11. Pis'ma E. M. Feoktistova k I. S. Turgenevu (1851–1861). Ch. II. 12 sent. 1852 — 24 dek. 1861 / Publ. E. G. Gaintsevoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2002 god. SPb., 2006.
12. <Pis'ma I. P. Borisova k I. S. Turgenevu> / Publ. E. M. Khmelevskoi // Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniiu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva. L., 1967. Vyp. 3 / Red. N. V. Izmailov, L. N. Nazarova.
13. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 1987. T. 3, 4.

Константин Абрекович Баршт

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Konstantin Abrekovich Barsht

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1152-4083

konstantin_barsht@pushdom.ru

«РУССКАЯ ПОЧВА» И «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР». КОНЦЕПЦИИ И. В. КИРЕЕВСКОГО В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

THE «RUSSIAN SOIL» AND THE «GRAND INQUISITOR». I. V. KIREEVSKY'S CONCEPTS IN THE CREATIVE HERITAGE OF F. M. DOSTOEVSKY

Статья посвящена установлению новых связей, существующих между философско-публицистическими трудами И. В. Киреевского и общественно-политической программой «почвенничества» Ф. М. Достоевского, которую писатель развивал в 1860–1870-е годы в своих романах и публицистических статьях. Выдвигается гипотеза о том, что идеи Киреевского о «видимой и невидимой» Церкви, о роли догматов и авторитетов в церковной жизни оказали влияние на формирование идеологии поэмы Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» в части конфликта между авторитарной моделью Инквизитора и идеалом «апостольского православия», отражающим основную идею романа «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: поэма Ивана Карамазова «Великий Инквизитор», «Братья Карамазовы», Ф. М. Достоевский, догмат и свобода исповедания, «видимая» и «невидимая» Церкви И. В. Киреевского, аллюзия и реминисценция.

The article attempts to establish new links between the philosophical and journalistic works of I. V. Kireevsky and F. M. Dostoevsky's sociopolitical program of «soil science», which the writer developed in the 1860s and 1870s in his novels and journalistic articles. The following hypothesis is put forward: the ideas of I. V. Kireevsky's «visible and invisible» Church, the role of dogmas and authorities in the church life influenced the formation of the ideology of Ivan Karamazov's poem «The Grand Inquisitor» in terms of the conflict between the authoritarian model of the Inquisitor and the ideal of «apostolic Orthodoxy» that reflects the main idea of the novel *The Karamazov Brothers*.

Key words: Ivan Karamazov's poem «The Grand Inquisitor», *The Karamazov Brothers*, F. M. Dostoevsky, dogma and freedom of confession, «visible and invisible» Church by I. V. Kireevsky, allusion and reminiscence.

Список литературы

1. *Арсентьева Н.* «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21.
2. *Баршт К. А.* «...исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49).
3. *Баршт К. А.* Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21.
4. *Баршт К. А.* О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici.* 2018. Vol. XXIV.
5. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6.
6. *Гуральник У. А.* Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский, художник и мыслитель. М., 1972.
7. *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1984.
8. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974–1990. Т. 11; 14; 17; 28; 30. Кн. 2.
9. *Евнин Ф. И.* Достоевский и воинствующий католицизм 1860–1870-х годов (к генезису «Легенды о Великом инквизиторе») // Русская литература. 1967. № 1.
10. *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М., 2003.
11. *Кирпотин В. Я.* Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., 1980.
12. *Котельников В. А.* Достоевский и Иван Киреевский // Русская литература. 1981. № 4.
13. *Кулешов В. И.* Славянофилы и романтизм // К истории русского романтизма. М., 1973.
14. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.* СПб., 1999. Т. 1. 1821–1864.
15. *Лит. наследство.* 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования.
16. *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991.
17. *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М., 1975.
18. *Туниманов В. А.* О литературных и исторических «прототипах» Великого инквизитора // Учен. зап. Чечено-Ингушского педагогического ин-та. Сер. филологическая. 1968. Вып. 15. № 27.
19. *Фридлиндер Г. М.* Наука о Достоевском сегодня // Русская литература. 1971. № 3.
20. *Фридлиндер Г. М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4.
21. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии. Монологи. СПб., 1994.

References

1. *Arsent'eva N.* «Molodezh' bez rukovodstva». Problema dukhovnogo nastavnichestva v romane Dostoevskogo «Besy» // Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. SPb., 2016. T. 21.
2. *Barsht K. A.* «...iskhodil, blagoslovliiaia, papa-antikhrisť». Ob odnoi paradoksal'noi formulirovke v podgotovitel'nykh materialakh k romanu F. M. Dostoevskogo «Besy» // Novyi filologicheskii vestnik. 2019. № 2 (49).
3. *Barsht K. A.* Mysli Paskalia v khudozhestvennom mire Dostoevskogo // Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. SPb., 2016. T. 21.
4. *Barsht K. A.* O «realizme v vysshem smysle» i simvole very F. M. Dostoevskogo // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici.* 2018. Vol. XXIV.
5. *Dostoevskaiia A. G.* Vospominaniia. M., 1984.
6. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1974–1990. T. 11; 14; 17; 28; 30. Kn. 2.
7. *Egorov B. F.* Ot Khomiakova do Lotmana. M., 2003.
8. *Evnin F. I.* Dostoevskii i voinstvuiushchii katolitsizm 1860–1870-kh godov (k genezisu «Legendy o Velikom inkvizitore») // Russkaia literatura. 1967. № 1.
9. *Fridlender G. M.* Nauka o Dostoevskom segodnia // Russkaia literatura. 1971. № 3.
10. *Fridlender G. M.* O nekotorykh ocherednykh zadachakh i problemakh izucheniiia Dostoevskogo // Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. L., 1980. T. 4.
11. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. M., 1955. T. 6.
12. *Gural'nik U. A.* Dostoevskii, slavianoфily i «pochvennichestvo» // Dostoevskii, khudozhnik i myslitel'. M., 1972.
13. *Kirpotin V. Ia.* Mir Dostoevskogo. Etiudy i issledovaniia. M., 1980.
14. *Kotel'nikov V. A.* Dostoevskii i Ivan Kireevskii // Russkaia literatura. 1981. № 4.
15. *Kuleshov V. I.* Slavianoфily i romantizm // K istorii russkogo romantizma. M., 1973.
16. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: V 3 t.* SPb., 1999. T. 1. 1821–1864.
17. *Lit. nasledstvo.* 1973. T. 86. F. M. Dostoevskii: Novye materialy i issledovaniia.
18. *Losskii N. O.* Istoriia russkoi filosofii. M., 1991.
19. *Nechaeva V. S.* Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». M., 1975.
20. *Shleiermakher F.* Rechi o religii. Monologi. SPb., 1994.
21. *Tunimanov V. A.* O literaturnykh i istoricheskikh «prototipakh» Velikogo inkvizitora // Uchen. zap. Checheno-Ingushskogo pedagogicheskogo in-ta. Ser. filologicheskaiia. 1968. Vyp. 15. № 27.

Моника Львовна Спивак

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
зав. отделом «Литературное наследство»;
зав. Мемориальной квартирой Андрея Белого
(отдел Государственного музея А. С. Пушкина)

Monika L'vovna Spivak

Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences;
Head, *Literary Heritage* Department;
Head, Andrei Bely Memorial Apartment (Branch of Pushkin State Museum)

ORCID: 0000-0001-5308-9780

monika_spivak@mail.ru

**ЗАПИСИ А. А. БЛОКА 1921 ГОДА
ОБ «АЛКОНОСТЕ» И «ЗАКРЫТИИ ВСЕХ ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ»:
ПРИЧУДЫ ТЕКСТОЛОГИИ, КОНТЕКСТ, ПРАГМАТИКА**

**A. A. BLOK'S 1921 NOTES ABOUT THE *ALKONOST*
AND «THE CLOSURE OF ALL PRIVATE PUBLISHING HOUSES»:
QUIRKS OF TEXTUAL CRITICISM, CONTEXT, PRAGMATICS**

В статье анализируются заметки А. Блока 1921 года об издательстве «Алконост» и планах советской власти национализировать частные издательства. Проводится текстологический анализ черновых и белых автографов (хранятся в ИРЛИ РАН), выявляется направленность замечаний против политики Госиздата и связь с попытками знаменитого библиографа П. Витязева консолидировать общественный протест против этой политики. Доказывается, что одна из записей Блока является ответом на вопрос анкеты, которую Витязев рассылал в 1921 году известным деятелям науки и культуры.

Ключевые слова: А. Блок, С. Алянский, П. Витязев, И. Ионов, И. Скворцов-Степанов, частные издательства, издательство «Алконост», издательство «Всемирная литература», Государственное издательство (Госиздат), текстология, политический контекст.

The article analyzes A. Blok's 1921 notes about the *Alkonost* publishing house and the plans of the Soviet government to nationalize private publishing houses. The textual analysis of rough and final drafts (preserved at the Pushkin House Manuscript Department) is performed, the message of the notes against the policy of Gosizdat and their connection with the famous bibliographer P. Vityazev's attempts to consolidate the public protest against this policy are revealed. It is proved that one of Blok's notes is actually an answer to the questionnaire sent by Vityazev in 1921 to prominent scholars and cultural activists.

Key words: A. Blok, S. Alyansky, P. Vityazev, I. Ionov, I. Skvortsov-Stepanov, private publishing houses, *Alkonost* publishing house, *Vsemirnaya Literatura* publishing house, State Publishing House (Gosizdat), textual criticism, political context.

Список литературы

1. Алянский С. М. Первая встреча // Творчество Константина Федины. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография / Изд. подг. И. С. Зильберштейн. М., 1966.
2. Андреева О. В. История книги. Хрестоматия. М., 1997. Ч. 2.
3. Ариас-Вихиль М. А., Полонский В. В. История издательства «Всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4.
4. Батюто С. А. Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // *Русская литература*. 1990. № 3.
5. Батюто С. А. П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах // *Петербургская библиотечная школа*. 2017. № 3 (59).

6. *Батюто С. А.* Ферапонт Иванович Седенко (Витязев) (1886–1938): штрихи к биографии известного революционера, исследователя, библиографа, библиофила и издателя // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 1 (57).
7. *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
8. Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Воина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984–1986. Кн. 3.
9. *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989.
10. *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. Л., 1936. Т. 8.
11. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Автобиография, Дневники / [Подг. текста и прим. В. Н. Орлова].
12. *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994.
13. *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост», 1918–1923. СПб., 2015.
14. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2007. Т. 13. Письма: Июнь 1919–1921.
15. *Динерштейн Е. А.* Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6.
16. *Динерштейн Е. А.* Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972.
17. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
18. *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012.
19. *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы // Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2000.
20. История книги в СССР, 1917–1921: [В 3 т.]. [М.], 1985. Т. 2.
21. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг.
22. *Свиченская М. К.* Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: основные этапы государственной политики // Книга: исследования и материалы. М., 1996. Кн. 72.
23. *Спивак М. Л.* «Вы сами не знали, какое имя дали издательству...»: К вопросу об интерпретации названия издательства «Алконост» (С. М. Алянский, Ю. А. Анненков, А. А. Блок и другие) // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства / Сост. И. Е. Светлов, М. А. Ариас-Вихиль, К. Л. Лукичева. М., 2016.
24. *Спивак М. Л.* Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11/08.
25. *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Книга и революция. 1921. № 6.
26. *Таран Е. Г.* Вокруг «Алконоста». М., 2011.
27. *Федотова С. В.* «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18).
28. *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998.
29. *Хлебников Л. М.* Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Лит. наследство. 1971. Т. 80. Ленин и Луначарский. Переписка, доклады, документы.
30. *Чернов И. А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. 1].
31. *Шомракова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14.

References

1. *Alianskii S. M.* Pervaia vstrecha // Tvorchestvo Konstantina Fedina. Stat'i. Soobshcheniia. Dokumental'nye materialy. Vstrechi s Fedinyim. Bibliografiia / Izd. podg. I. S. Zil'bershtein. M., 1966.
2. *Andreeva O. V.* Istoriia knigi. Khrestomatiia. M., 1997. Ch. 2.
3. *Arias-Vikhil' M. A., Polonskii V. V.* Istoriia izdatel'stva «Vsemirnaia literatura» v dokumentakh: finansovyi aspekt (1918–1921 gg.) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 4.
4. *Batiuto S. A.* Ferapont Ivanovich Sedenko (Vitiazev) (1886–1938): shtrikhi k biografii izvestnogo revoliutsionera, issledovatel'ia, bibliografa, bibliofila i izdatelia // Peterburgskaia biblioteknaia shkola. 2017. № 1 (57).
5. *Batiuto S. A.* Neizvestnye avtografy I. P. Pavlova, E. L. Radlova, P. A. Sorokina // Russkaia literatura. 1990. № 3.
6. *Batiuto S. A. P.* Vitiazev i ego kniga «Chastnye izdatel'stva v Sovetskoj Rossii» (1921): K istorii izdatel'skogo dela v Rossii v 1917–1921 godakh // Peterburgskaia biblioteknaia shkola. 2017. № 3 (59).

7. *Belov S. V.* Blok i pervye poslerevoliutsionnye izdatel'stva («M. i S. Sabashnikov», «Alkonost») // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
8. *Biblioteka A. A. Bloka.* Opisanie: V 3 kn. / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi. L., 1984–1986. Kn. 3.
9. *Blium A. V.* Za kulisami «ministerstva pravdy»: Tainaia istoriia sovetsoi tsenzury. 1917–1929. SPb., 1994.
10. *Blok A.* Dnevnik / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. A. L. Grishunina. M., 1989.
11. *Blok A.* Sobr. soch.: V 12 t. L., 1936. T. 8.
12. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 7. Avtobiografiia, Dnevnik / [Podg. teksta i prim. V. N. Orlova].
13. *Chernov I. A. A.* Blok i knigoizdatel'stvo «Alkonost» // Blokovskii sbornik. Tartu, 1964. [Vyp. 1].
14. *Dinershtein E. A.* Lunacharskii, Blok i «Alkonost» // Voprosy literatury. 1969. № 6.
15. *Dinershtein E. A.* Polozhivshie pervyi kamen': Gosizdat i ego rukovoditeli. M., 1972.
16. *Fedotova S. V.* «Moshennikom menia eshche nikto ne schital...»: pis'ma S. M. Alianskogo k L. D. Blok (1922–1924) // Literaturnyi fakt. 2020. № 4 (18).
17. *Fel'dman D. M.* Salon-predpriiatie: pisatel'skoe ob'edinenie i kooperativnoe izdatel'stvo «Nikitinskie subbotniki» v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov. M., 1998.
18. *Gleizer M. M.* Izdatel'stvo «Alkonost», 1918–1923. SPb., 2015.
19. *Gor'kii M.* Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 2007. T. 13. Pis'ma: Iiun' 1919–1921.
20. *Istoriia knigi v SSSR, 1917–1921:* [V 3 t.]. [M.], 1985. T. 2.
21. *Ivanova E. V.* Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni. SPb., 2012.
22. *Ivanov-Razumnik.* Pisatel'skie sud'by // Ivanov-Razumnik. Pisatel'skie sud'by. Tiur'my i ssylki / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 2000.
23. *Khlebnikov L. M.* Iz istorii gor'kovskikh izdatel'stv: «Vsemirnaia literatura» i «Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina» // Lit. nasledstvo. 1971. T. 80. Lenin i Lunacharskii. Perepiska, doklady, dokumenty.
24. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov.* Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. M., 2006. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg.
25. *Shomrakova I. A.* Knigoizdatel'stvo «Vsemirnaia literatura» (1918–1924) // Kniga: Issledovaniia i materialy. M., 1967. Sb. 14.
26. *Spivak M. L.* «Vy sami ne znali, kakoe imia dali izdatel'stvu...»: K voprosu ob interpretatsii nazvaniia izdatel'stva «Alkonost» (S. M. Alianskii, Iu. A. Annenkov, A. A. Blok i drugie) // Epokha simvolizma: vstrecha literatury i iskusstva / Sost. I. E. Svetlov, M. A. Arias-Vikhil', K. L. Lukicheva. M., 2016.
27. *Spivak M. L.* Izdatel'stvo «Alkonost»: k voprosu o traditsiiakh simvolistskogo knigoizdaniia // Vestnik RGGU. Ser. «Zhurnalistska. Literaturnaia kritika». 2008. № 11/08.
28. *Stepanov I.* Gosudarstvennoe izdatel'stvo, chastnye firmy i podriadnye predpriiatia // Kniga i revoliutsiia. 1921. № 6.
29. *Svichenskaia M. K.* Kooperativnoe knigoizdanie 1917–1930 gg.: osnovnye etapy gosudarstvennoi politiki // Kniga: issledovaniia i materialy. M., 1996. Kn. 72.
30. *Taran E. G.* Vokrug «Alkonosta». M., 2011.
31. *Zhirkov G. V.* Istoriia tsenzury v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.

Светлана Алексеевна Ипатова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Ipatova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4982-2916

ipatovas@rambler.ru

**«НЕ СТАРАЙСЯ ИЗОБРАЖАТЬ САШУ ИКОНОПИСНО»:
ПИСЬМО Г. П. БЛОКА К С. Н. ТУТОЛМИНОЙ (1946)**

**«DON'T TRY TO PORTRAY SASHA ICONICALLY»:
A LETTER FROM G. P. BLOK TO S. N. TUTOLMINA (1946)**

Публикация посвящена истории несостоявшейся книги воспоминаний об А. Блоке, подготовка которой велась в августе–сентябре 1946 года. Автор публикуемого письма Г. П. Блок (1888–1962), прозаик, переводчик, издатель, кузен знаменитого поэта и редактор планируемого сборника, обращается к двоюродной сестре поэта С. Н. Тутолминой (урожд. Качалова; 1880–1967) с предложением написать новые, более подробные воспоминания и как профессиональный редактор дает своего рода инструкцию, как писать воспоминания вообще и об А. Блоке в частности.

Ключевые слова: А. Блок, воспоминания о поэте, неосуществленный проект издания книги 1946 года.

The publication relates the history of the aborted book of memoirs about A. Blok, which was being prepared in August and September 1946. The author of the published letter, G. P. Blok (1888–1962), novelist, translator, publisher, cousin of the famous poet and editor of the planned collection, approaches the poet's cousin S. N. Tutolmina (nee Kachalova; 1880–1967) with a proposal to write new, more detailed memoirs, and as a professional editor offers certain guidelines on how to write memoirs in general and about A. Blok in particular.

Key words: A. Blok, memories of the poet, an unfulfilled project of publishing a book in 1946.

Список литературы

1. Аксененко Е. М. Г. П. Блок: К истории отечественного фетоведения // А. А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения. Курск; Орел, 2000.
2. Аксененко Е. М. Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1.
3. Александр Блок в воспоминаниях С. Н. Тутолминой / Публ. М. Б. Плюхановой // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1.
4. Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Вл. Орлова. М., 1980. Т. 1.
5. Александр Блок во Введенской гимназии / Сообщение К. А. Кумпан и А. М. Конечного // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
6. Беленкова А. И. Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицестов») // Пушкинский музей: альманах. СПб., 2014. Вып. 6 / Под ред. С. М. Некрасова, Р. В. Иезуитовой.
7. Березарк И. Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3.
8. Блок в переписке Блоков и Качаловых / Публ. М. Б. Плюхановой // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1.
9. Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965.
10. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
11. Блок А. Соч. в одном томе. Стихотворения. Поэмы. Театр. Статьи и речи. Письма / Ред., вступ. статья и прим. Вл. Орлова. М.; Л., 1946.
12. Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921–1922) / Публ. и комм. С. В. Шумихина // Наше наследие. М., 2007. № 83/84.
13. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: В 3 т. М., 2012. Т. 1.
14. Из дневника М. А. Бекетовой / Предисловие Г. П. Блока; публ. Г. П. Блока и Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.
15. Краковский К. П. Воспоминания Е. А. Боброва о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета Александре Львовиче Блоке // Вестник Юридического факультета Южного федерального ун-та. 2020. Т. 7. № 3.
16. Лесневский Ст. «Бываю у Качаловых...» // Наше наследие. 2010. № 96.
17. Маликова М. Э. «Время»: История ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М., 2014.
18. Молодяков В. Э. Идеологией по филологии // Знамя. 2013. № 8.
19. Садовской Б. Встречи // Звезда. 1968. № 3.
20. Сарычев В. А. «...Помню его кровно» (А. Л. Блок в жизни и творческой судьбе А. А. Блока) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2018. Т. 23. № 1.

21. *Тутолмина С. Н.* Отец и сын Качаловы / Вступление, публ. и комм. Н. В. Тутолмина // Наше наследие. 2010. № 96.
22. *Шоломова С. Б.* За строчками писем — судьба (из переписки А. А. Блока с Г. П. Блоком) // Звезда. 1980. № 10.

References

1. *Aksenenko E. M.* G. P. Blok: K istorii otechestvennogo fetovedeniia // A. A. Fet i russkaia literatura. XV Fetovskie chteniia. Kursk; Orel, 2000.
2. *Aksenenko E. M.* Materialy A. A. Feta v Pushkinskom Dome // A. A. Fet: Materialy i issledovaniia / Otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. M.; SPb., 2010. Vyp. 1.
3. Aleksandr Blok v vospominaniakh S. N. Tutolminoi / Publ. M. B. Pliukhanovoi // Lit. nasledstvo. 1980. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 1.
4. Aleksandr Blok v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. Vl. Orlova. M., 1980. T. 1.
5. Aleksandr Blok vo Vvedenskoii gimnazii / Soobshchenie K. A. Kumpan i A. M. Konechnogo // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
6. *Belenkova A. I.* Chtoby svecha ne pogasla (o tragicheskikh sud'bach byvshikh vospitannikov, prokhdovshikh po «delu litseistov») // Pushkinskii muzeum: al'manakh. SPb., 2014. Vyp. 6 / Pod red. S. M. Nekrasova, R. V. Iezuitovoi.
7. *Berezark I. B.* Otets Aleksandra Bloka // Russkaia literatura. 1977. № 3.
8. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 8.
9. *Blok A.* Soch. v odnom tome. Stikhotvoreniia. Poemy. Teatr. Stat'i i rechi. Pis'ma / Red., vstup. stat'ia i prim. Vl. Orlova. M.; L., 1946.
10. *Blok A.* Zapisnye knizhki. 1901–1920 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. Vl. Orlova. M., 1965.
11. Blok v perepiske Blokovi i Kachalovykh / Publ. M. B. Pliukhanovoi // Lit. nasledstvo. 1980. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 1.
12. *Druzhinin P. A.* Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental'noe issledovanie: V 3 t. M., 2012. T. 1.
13. Iz dnevnika M. A. Beketovoi / Predislovie G. P. Bloka; publ. G. P. Bloka i N. G. Rozenbliuma // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
14. *Krakovskii K. P.* Vospominaniia E. A. Bobrova o professore iuridicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Varshavskogo universiteta Aleksandre L'voviche Bloke // Vestnik Iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo un-ta. 2020. T. 7. № 3.
15. *Lesnevskii St.* «Byvaiu u Kachalovykh...» // Nashe nasledie. 2010. № 96.
16. *Malikova M. E.* «Vremia»: Istoriia leningradskogo kooperativnogo izdatel'stva (1922–1934) // Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade: po arkhivnym materialam. M., 2014.
17. *Molodiakov V. E.* Ideologii po filologii // Znamia. 2013. № 8.
18. *Sadovskoi B.* Vstrechi // Zvezda. 1968. № 3.
19. *Sarychev V. A.* «...Pomniu ego krovno» (A. L. Blok v zhizni i tvorcheskoi sud'be A. A. Bloka) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Literaturovedenie. Zhurnalistika». 2018. T. 23. № 1.
20. *Sholomova S. B.* Za strochkami pisem — sud'ba (iz perepiski A. A. Bloka s G. P. Blokom) // Zvezda. 1980. № 10.
21. *Tutolmina S. N.* Otets i syn Kachalovy / Vstuplenie, publ. i komm. N. V. Tutolmina // Nashe nasledie. 2010. № 96.
22. Vliublennye v Feta: Pis'ma G. P. Bloka k B. A. Sadovskomu (1921–1922) / Publ. i komm. S. V. Shumikhina // Nashe nasledie. M., 2007. № 83/84.

Татьяна Сергеевна Царькова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Sergeievna Tsar'kova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1390-9793

roirli@yandex.ru

ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ. «ЭТО Я ПОДГОТОВИЛ ОТВЕТЫ...»**DMITRY KLENOVSKY. «I WAS THE ONE TO PREPARE THE ANSWERS...»**

Публикация вводит в научный оборот запись Д. И. Кленовского, подготовленную поэтом в преддверии интервью с Ю. П. Иваском, которое, по всей вероятности, не состоялось. Запись содержит сведения биографического характера о жизни в России и за рубежом, включает описание литературных предпочтений поэта, а также оценку состояния литературы, критики и расстановки сил в эмигрантских кругах в 1950-е годы.

Ключевые слова: Д. И. Кленовский, Ю. П. Иваск, эмиграция.

The publication introduces D. I. Klenovsky's notes, prepared by the poet on the eve of an interview with Yu. P. Ivask, which, in all probability, had never taken place. The notes contain biographical data on his life in Russia and abroad, and offer a description of the poet's literary preferences, as well as detail his outlook on the state of literature, criticism and the balance of power in the emigrant circles of the 1950s.

Key words: D. I. Klenovsky, Yu. P. Ivask, emigration.

Список литературы

1. *Бродский И. А.* Стихотворения и поэмы: [В 2 т.] / Вступ. статья, сост. и прим. Л. В. Лосева. СПб., 2011 (Библиотека поэта. Большая сер.).
2. «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда». Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953–1966) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // *Минувшее. Исторический альманах.* СПб., 1998. № 24.
3. *Кленовский Д.* Автобиография // *Современник* (Торонто). 1978. № 37/38.
4. *Кленовский Д. И.* Полн. собр. стихотворений / Под ред. О. А. Коростелева. М., 2011.
5. Проект «Акмеизм» / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова // *Новое литературное обозрение.* 2002. № 6.
6. *Словарь поэтов Русского Зарубежья* / Под ред. В. Крейда. СПб., 1999.
7. *Странник (Иоанн Шаховской, архиеп.).* Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981.
8. *Царькова Т. С.* 1892 или 1893? / *Commentarii litterarum. Ad Honorem viri doctissimi Valentini Golovin.* СПб., 2020.
9. *Царькова Т. С.* Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Дмитрия Кленовского) // *Русская литература.* 2020. № 4.
10. «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // *Диаспора. Новые материалы.* СПб., 2001. Вып. 2.

References

1. *Brodskii I. A.* Stikhotvoreniia i poemy: [V 2 t.] / Vstup. stat'ia, sost. i prim. L. V. Loseva. SPb., 2011 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
2. «...Ia molchal 20 let, no eto otrazilos' na mne skoree blagopriiatno»: Pis'ma D. I. Klenovskogo V. F. Markovu 1952–1962 gg. / Publ. O. Korosteleva i Zh. Sherona // *Diaspora. Novye materialy.* SPb., 2001. Vyp. 2.
3. *Klenovskii D.* Avtobiografiia // *Sovremennik* (Toronto). 1978. № 37/38.
4. *Klenovskii D. I.* Poln. sobr. stikhotvoreniia / Pod red. O. A. Korosteleva. M., 2011.

5. Proekt «Akmeizm» / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 6.
6. *Slovar' poetov Russkogo Zarubezh'ia* / Pod red. V. Kreida. SPb., 1999.
7. *Strannik (Ioann Shakhovskoi, arkhiep.)*. Perepiska s Klenovskim / Red. R. Gerra. Parizh, 1981.
8. *Tsar'kova T. S. 1892 ili 1893?* / Commentarii litterarum. Ad Honorem viri doctissimi Valentini Golovin. SPb., 2020.
9. *Tsar'kova T. S. Iz poslednikh postuplenii v Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma (fond Dmitriia Klenovskogo)* // *Russkaia literatura*. 2020. № 4.
10. «...V pamiati eta epokha zapечатelas' navsegda». Pis'ma Iu. K. Terapiano k V. F. Markovu (1953–1966) / Publ. O. A. Korosteleva i Zh. Sherona // *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. SPb., 1998. № 24.

Петр Романович Заборов

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Piotr Romanovich Zaborov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5135-021X

p.zaborov@gmail.com

«СИЯ КНИГА ГРЕШНОГО СТЕПАНА»

«THE BOOK OF STEPAN THE SINFUL»

Заметка представляет собой краткую характеристику хранящегося в собрании Пушкинского Дома рукописного сборника, составленного на рубеже XVIII и XIX веков священником Степаном Васильевичем Ольховским. Любитель литературы и прежде всего поэзии, он особенно высоко ценил творчество Г. Р. Державина, вследствие этого представленного в сборнике множеством стихотворений разных лет. Привлекала его поэзия Е. С. Урусовой, с сочувствием относился он к деятельности Н. М. Карамзина, проявлял интерес к творчеству И. И. Дмитриева, не прошел и мимо литературных опытов молодых поэтов — В. И. Красовского и П. С. Кайсарова. Примечательно, что сборник открывался анонимным переводом первых трех песен знаменитой антиклерикальной поэмы Вольтера «Орлеанская девственница», а также бурлескной поэмой Е. П. Люценко и А. М. Котельницкого «Похищение Прозерпины».

Ключевые слова: рукописный сборник, русская поэзия, лирика, культ природы и дружбы, героико-комическая поэма, бурлескный жанр.

The note is a brief description of the manuscript collection stored at the Pushkin House and compiled at the turn of the 18th and 19th centuries by the priest Stepan Vasilyevich Olkhovsky. A lover of literature and, above all, poetry, he held the works by G. R. Derzhavin in an especially high esteem, and thus Derzhavin was represented in his collection by numerous poems of various years. Olkhovsky also enjoyed the verse by E. S. Urusova, approved of the efforts of N. M. Karamzin, showed interest in the work of I. I. Dmitriev, and made a point of reading the verse by the young poets, V. I. Krasovsky and P. S. Kaysarov. It is noteworthy that the collection opens with an anonymous translation of the first three songs of Voltaire's famous anticlerical poem *The Orleans Virgin*, as well as a burlesque poem by E. P. Lutsenko and A. M. Kotelnitsky *The Abduction of Proserpine*.

Key words: manuscript collection, Russian poetry, lyrics, cult of nature and friendship, heroic and comic poem, burlesque genre.

Список литературы

1. *Вачева А.* Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII века. София, 1999.
2. *Заборов П. Р.* «Орлеанская девственница» Вольтера в русских рукописных переводах // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10.

3. Iroi-komicheskaia poema / Red., prim. B. V. Tomashevskogo; vstup. stat'ia V. A. Desnitskogo. L., 1933 (Biblioteka poeta).

4. *Kochetkova H. D.* Knyazhna Urusova i ee literaturnye sobesedniki // N. A. L'vov i ego sovremenniki: literatory, liudi iskusstva. SPb., 2002.

References

1. Iroi-komicheskaia poema / Red., prim. B. V. Tomashevskogo; vstup. stat'ia V. A. Desnitskogo. L., 1933 (Biblioteka poeta).

2. *Kochetkova N. D.* Kniashna Urusova i ee literaturnye sobesedniki // N. A. L'vov i ego sovremenniki: literatory, liudi iskusstva. SPb., 2002.

3. *Vacheva A.* Poema-burlesk v russkoi poezii XVIII veka. Sofia, 1999.

4. *Zaborov P. R.* «Orleanskaia devstvennitsa» Vol'tera v russkikh rukopisnykh perevodakh // XVIII vek. L., 1975. Sb. 10.

Олег Андершанович Лекманов

профессор факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Москва)

Oleg Andershanovich Lekmanov

Professor, Department of Humanities,
National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0784-5930

lekmanov@mail.ru

ЭПИЗОД БИОГРАФИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

AN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF O. E. MANDELSTAM: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION

В статье подробно рассматривается малоизученный эпизод биографии О. Э. Мандельштама — его участие в диспуте после лекции К. И. Чуковского о футуризме в 1913 году. Вносятся уточнения в летопись жизни и творчества поэта, высказывается предположение о том, какое стихотворение Мандельштама 1913 года может условно считаться «футуристическим».

Ключевые слова: О. Э. Мандельштам, русский футуризм, В. В. Маяковский, акмеизм.

The article examines in detail an obscure episode from the biography of O. E. Mandelstam — his participation in a debate after K. I. Chukovsky's lecture on Futurism in 1913. New features are added to the annals of the life and work of the poet, an assumption is made as to which Mandelstam's poem of 1913 can be provisionally termed «Futuristic».

Key words: O. E. Mandelstam, Russian Futurism, V. V. Mayakovski, Acmeism.

Список литературы

1. Владимир Нарбут: 16 писем к Михаилу Зенкевичу / Публ. и подг. текста М. Котовой и О. Лекманова; прим. О. Лекманова // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1.

2. *Иванов Г.* Осип Мандельштам // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3.

3. *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие: В 2 кн. Кн. 2.

4. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А. Мец, при участии С. Василенко, Л. Видгофа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Минцера. СПб., 2019.

5. *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1.

6. *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1.

7. *Милякина А.* К интерпретации стихотворения «Американка» О. Мандельштама // Русская филология. 25: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2014.

8. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. статья, подг. текстов, сост. и комм. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2002.
9. Харджиев Н. И. Примечания // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973.

References

1. *Ivanov G. Osip Mandel'shtam* // Ivanov G. *Sobr. soch.*: V 3 t. M., 1994. T. 3.
2. *Khardzhiev N. I. Primechaniia* // Mandel'shtam O. *Stikhotvoreniia*. L., 1973.
3. *Krusanov A. V. Russkii avangard. 1907–1932. Istoricheskii obzor*: V 3 t. M., 2010. T. 1. *Boevoe desiatiletie*: V 2 kn. Kn. 2.
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva O. E. Mandel'shtama*. 3-e izd., ispr. i dop. / Sost. A. Mets, pri uchastii S. Vasilenko, L. Vidgofa, D. Zubareva, E. Lubiannikovoi, P. Mintsera. SPb., 2019.
5. *Maiakovskii V. Poln. sobr. soch.*: V 13 t. M., 1955. T. 1.
6. *Mandel'shtam O. Poln. sobr. soch. i pisem*: V 3 t. M., 2009. T. 1.
7. *Miliakina A. K interpretatsii stikhotvoreniia «Amerikanka» O. Mandel'shtama* // *Russkaia filologiya*. 25: Sb. nauch. rabot molodykh filologov. Tartu, 2014.
8. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. стат'я, подг. текстов, сост. и комм. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2002.
9. Vladimir Narbut: 16 pisem k Mikhailu Zenkevichu / Publ. i podg. teksta M. Kotovoi i O. Lekmanova; prim. O. Lekmanova // «Sokhrani moi rech'...». M., 2008. Vyp. 4/1.

Аркадий Хаимович Гольденберг

профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
Института русского языка и словесности
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Arkady Khaimovich Goldenberg

Professor, Department of Literature and Methods of Its Teaching,
Institute of Russian Language and Literature, Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORCID: 0000-0003-2149-7522

goldenberg48@mail.ru

Надежда Евгеньевна Тропкина

профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
Института русского языка и словесности
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Nadezhda Yevgenyevna Tropkina

Professor, Department of Literature and Methods of Its Teaching,
Institute of Russian Language and Literature, Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORCID: 0000-0003-0720-8069

netropkina@mail.ru

НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА

A NEW STAGE OF STUDYING THE LITERATURE OF THE URALS

Рец. на: История литературы Урала. XIX век: В 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Кн. 1. 664 с., ил.; Кн. 2. 768 с., ил.
[Review:] *Istoriia literatury Urala. XIX vek*: V 2 kn. / Pod red. E. K. Sozinoi. M.: Izdatel'skii Dom IaSK, 2020. Kn. 1. 664 s., il.; Kn. 2. 768 s., il.

Александра Владимировна Романова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandra Vladimirovna Romanova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8475-4122

alice122@yandex.ru

**«ПОСТИЖЕНИЕ ЧУВСТВ ОБОСОБЛЕННОЙ ДУШИ-ОДИНОЧКИ...»:
ЕЩЕ РАЗ О ГЕРОЯХ И. А. ГОНЧАРОВА****«COMPREHENDING THE FEELINGS OF A DETACHED LONELY SOUL...»:
MORE ON THE HEROES OF I. A. GONCHAROV**

Рец. на: Холкин В. И. 1) Илья Обломов: жизнь вопреки... Ульяновск: ОАО «Областная типография „Печатный двор“», 2012. 160 с.; 2) «Жизнь как „роман существования“»: (экзистенциальный смысл сочинений и персонажей Гончарова) / Ил. Олега Чернова. Ульяновск; Тамбов: ООО «ТПС», 2019. 152 с., ил.

[Review:] Kholkin V. I. 1) Il'ia Oblomov: zhizn' vopreki... Ul'ianovsk: ОАО «Oblastnaia tipografia „Pечатnyi dvor“», 2012. 160 s.; 2) «Zhizn' kak „roman sushchestvovaniia“»: (ekzistentsial'nyi smysl sochinenii i personazhei Goncharova) / Il. Olega Chernova. Ul'ianovsk; Tambov: ООО «TPS», 2019. 152 s., il.

Ирина Эдуардовна Васильева

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Irina Eduardovna Vasileva

Associate Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-4732-665X

i.vasileva@spbu.ru

Андрей Дмитриевич Степанов

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Andrei Dmitrievich Stepanov

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-0798-4914X

a.d.stepanov@spbu.ru

**В ЗЕРКАЛЕ «ЧЕХОВСКОГО ВЕСТНИКА»:
ЧЕХОВЕДЕНИЕ ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ****IN THE MIRROR OF «CHEKHOV HERALD»:
CHEKHOVIAN STUDIES OF THE LAST 30 YEARS**

Обзорная статья, написанная на материале 40 выпусков журнала «Чеховский вестник» (1997–2020), пытается определить основные тенденции в исследованиях жизни и творчества А. П. Чехова за последние 30 лет. Выделив три периода развития чеховедения, авторы указывают, что 1990-е годы были отмечены сильным влиянием постмодернистской «нонселекции», 2000-е годы стали временем возвращения к критериям верификации, а в 2010-е наука и вольные интерпретации разошлись окончательно. Перечислив основные достижения науки о Чехове, авторы в заключение обзора дают список нерешенных проблем, с которыми столкнутся будущие поколения исследователей.

Ключевые слова: А. П. Чехов, чеховедение, «Чеховский вестник», современное литературоведение.

The review, based on the data from 40 issues of the *Chekhovskiy Vestnik* («Chekhov Herald») magazine, published in 1997–2020, is an attempt to determine the main trends in the scholarly works on the life and oeuvre of Anton Chekhov in the last 30 years. Having identified three periods in the development of Chekhovian studies, the authors point out that the 1990s were marked by the strong influence of the postmodernist «non-selection», while the 2000s were a time of returning to verification criteria, and in the 2010s, scholarly works and free interpretations have diverged completely. Having outlined the main achievements in Chekhovian studies, the authors conclude their review with a list of unsolved problems that future generations of researchers will face.

Key words: Anton Chekhov, Chekhovian studies, *Chekhovskiy Vestnik* («Chekhov Herald»), modern literary criticism.

Список литературы

1. А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы междунар. научно-практич. конф. 21–30 сентября 2005 года, г. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 2006.
2. Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (К истории арабо-русских литературных связей). М., 2014. Кн. 1.
3. Антон Чехов. «Сахалинская» коллекция / Автор-сост. Э. Д. Орлов, Т. Н. Шипова. М., 2018.
4. Ахметшин Р. Б. [Рец. на:] Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 2.
5. Ахметшин Р. Б. Книга о Чехове и Достоевском // Чеховский вестник. 2018. Вып. 35.
6. Бакунцев А. Казуистика античеховизма. [Рец. на:] Золотоносов М. Н. Другой Чехов. По ту сторону принципа женофобии. М., 2007 // Чеховский вестник. 2008. Вып. 23.
7. Борисова К. В. Театр героев А. П. Чехова. М., 2019.
8. Бушканец Л. Е. Запоздавшая рецензия // Чеховский вестник. 2011. Вып. 27.
9. Бушканец Л. Е. «Он между нами жил...» А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань, 2012.
10. Бюклинг Л. Антон Чехов в Финляндии // Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале Севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX веков. СПб., 2015.
11. Волчкович М. [Рец. на:] Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010 // Чеховский вестник. 2011. Вып. 27.
12. Гитович И. Е. Не зачем, а потому что (субъективные заметки на полях). [Рец. на:] Фуско А., Томассони Р. Творчество А. П. Чехова в зеркале психологического анализа. Серия очерков. М.: Русский мир, 2001 // Чеховский вестник. 2002. Вып. 11.
13. Гитович И. Е. Made in, или снова о биографии. Заметки читателя // Чеховский вестник. 2005. Вып. 17.
14. Гитович И. Е. Биография Чехова — вчера и завтра // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания / Отв. ред. А. П. Чудаков. М., 2007.
15. Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога. Симферополь, 2005.
16. Головачева А. Г. А. П. Чехов и Крым. М., 2014.
17. Головачева А. Г. Чеховский Кучук-Кой. История одного имения. М., 2019.
18. Головачева А. Г. Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги»: Монография. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020.
19. Головачева А. Г. «Чайка» А. П. Чехова. Поэтика. Проблематика. Литературно-театральный контекст. М.: ИНФРА-М, 2022.
20. Гульченко В. В. «Вишневый сад» как явление русской жизни // Чеховский вестник. 2003. Вып. 13.
21. Гуревич Д. Чехов в Бразилии // Чеховский вестник. 2019. Вып. 37.

22. Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998.
23. Долженков П. Н. «Как приятно играть на мандолине!» О комедии Чехова «Вишневый сад». М., 2008.
24. Долженков П. Н. Эволюция драматургии Чехова. М., 2014.
25. Евдокимов А. Американская книга о письмах Чехова // Чеховский вестник. 2011. Вып. 26.
26. Зайцев В. С. Воображариум Дмитрия Быкова. [Рец. на:] Быков Д. Л. Время потрясений. 1900–1950 гг. М., 2018 // Чеховский вестник. 2018. Вып. 36.
27. Зайцев В. С. Ненадежен метод — противоречивы результаты // Чеховский вестник. 2016. Вып. 32.
28. Ибсен. Стриндберг. Чехов: Сб. статей / Отв. ред. М. М. Одесская. М., 2007.
29. Капустин Н. В. [Рец. на:] de Sherbinin J. W. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3.
30. Капустин Д. Чехов и арабский мир // Чеховский вестник. 2015. Вып. 31.
31. Катаев В. Б. [Рец. на:] Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 2.
32. Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А. П. Чехова. Н. Новгород, 1999.
33. Криницын А. Б. [Рец. на:] Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. München, 1997 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3.
34. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
35. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». СПб., 2011.
36. Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998.
37. Лапушин Р. Е. Celebrity Chekhov // Чеховский вестник. 2011. Вып. 26.
38. Мельников Н. Г. Чехов & Набоков // Чеховский вестник. 2019. Вып. 37.
39. Необыкновенный сад А. П. Чехова: Альбом-каталог: В 2 т. / Под ред. Ю. Г. Долгополовой, О. О. Пернацкой, Л. А. Титоренко. Белгород; Ялта, 2018.
40. Орлов Э. Д. Проблемы атрибуции // Чеховский вестник. 2007. Вып. 21.
41. Орлов Э. Д. «Опыт непредвзятого чтения», или О губительной любви... к Чехову // Чеховский вестник. 2019. Вып. 38.
42. Петухова Е. Н. Притяжение Чехова. Чехов и русская литература конца XX века. СПб., 2005.
43. Полоцкая Э. А. «Вишневый сад». Жизнь во времени. М., 2003.
44. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
45. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2013.
46. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2005.
47. Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. Опыт феноменологии творчества. СПб., 1994.
48. Смола К. О. [Рец. на:] Фрайзе М. Проза Чехова. СПб., 2012 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3.
49. Собенников А. С. «Между „есть Бог“ и „нет Бога“...» (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, 1997.
50. Собенников А. С. [Рец. на:] Сендерович С. Я. Чехов с глазу на глаз: история одной одержимости А. П. Чехова. СПб., 1994 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 1.
51. Собенников А. С. [Рец. на:] Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001 // Чеховский вестник. 1997. Вып. 2.
52. Спачиль О. В. Биография как сюжет (о романе Алисон Андерсон «Летний гость») // Чеховский вестник. 2019. Вып. 38.
53. Степанов А. Д. Поэтическая система координат // Чеховский вестник. 2011. Вып. 26.
54. Степанов А. Д. Как создавался «Чехов» // Чеховский вестник. 2013. Вып. 29.
55. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. 2-е изд., доп. СПб., 2007.
56. Сухих И. Н. Чехов в жизни. Сюжеты для небольшого романа. М., 2010.
57. Тихомиров С. В. Целебное творчество А. П. Чехова: размышляют медики и филологи // Чеховский вестник. 1999. Вып. 4.
58. Тихомиров С. В. [Рец. на:] Долженков П. Н. Эволюция драматургии Чехова. М., 2014 // Чеховский вестник. 2014. Вып. 24.
59. Тихомиров С. В. Новая книга о драматургии Чехова // Чеховский вестник. 2015. Вып. 31.
60. Уральский М. Чехов и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников. СПб., 2020.
61. Финк М. [Рец. на:] Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. М., 1998 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3.

62. *Фрайзе М.* Проза Чехова / Пер. с нем. В. А. Андреевой, Е. А. Гончаровой; под ред. И. В. Корина, Н. Л. Маишевой. СПб., 2012.
63. *Чудаков А. П.* [Рец. на:] Лапушин Р. Е. «Не постигаемое бытие...» Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998 // Чеховский вестник. 1998. Вып. 3.
64. *Няголова Н.* Между бита и битието: герой и вещь в драматургията на А. П. Чехов. Велико Търново, 2009.
65. *Adapting Chekhov: The Text and its Mutations* / Ed. by J. D. Clayton and Y. Meerzon. New York; London, 2013.
66. *Anderson A.* The Summer Guest. New York, 2017.
67. Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums. Badenweiler, 20–24 Oktober 1994 / Hrsg. von V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil. München, 1997.
68. *Chekhov's Letters* / Ed. by C. Appolonio and R. Lapushin. Lanhem, 2018.
69. *Csehov — Újraírások* / Ed. by I. Regéczi. Debrecen, 2016.
70. *Golomb H.* A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence Through Absence. Brighton, Chicago, 2014.
71. *Greenman B.* Celebrity Chekhov. New York, 2010.
72. *Klapuri T.* Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku, 2015.
73. *Közelítések — Közvetítések* / Ed. by I. Regéczi. Debrecen, 2011.
74. *Lapushin R.* «Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. New York, 2010.
75. *Nascimento R. A. do.* Tchekhov e os palcos brasileiros. São Paulo, 2018.
76. *Pitcher H.* Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime. Cromer, 2010.
77. *Rayfield D.* Anton Chekhov: A Life. London, 1997.
78. *Sherbinin J. W. de.* Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997.
79. *Zubarev V.* A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997.

References

1. A. P. Chekhov v istoriko-kul'turnom prostranstve Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: Materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf. 21–30 sentiabria 2005 goda, g. Iuzhno-Sakhalinsk. Iuzhno-Sakhalinsk, 2006.
2. *Adapting Chekhov: The Text and its Mutations* / Ed. by J. D. Clayton and Y. Meerzon. New York; London, 2013.
3. *Akhmetshin R. B.* [Rets. na:] Zubarev V. A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov's Four Major Plays. Westport, CT, 1997 // Chekhovskii vestnik. 1997. Vyp. 2.
4. *Akhmetshin R. B.* Kniga o Chekhove i Dostoevskom // Chekhovskii vestnik. 2018. Vyp. 35.
5. *Ali-Zade E. A.* Russkaia literatura i arabskii mir (K istorii arabo-russkikh literaturnykh sviazei). M., 2014. Kn. 1.
6. *Anderson A.* The Summer Guest. New York, 2017.
7. Anton Chekhov. «Sakhalinskaia» kolleksiia / Avtor-sost. E. D. Orlov, T. N. Shipova. M., 2018.
8. Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums. Badenweiler, 20–24 Oktober 1994 / Hrsg. von V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil. München, 1997.
9. *Bakuntsev A.* Kazuistika antichekhovizma. [Rets. na:] Zolotonosov M. N. Drugoi Chekhov. Po tu storonu printsipa zhenofobii. M., 2007 // Chekhovskii vestnik. 2008. Vyp. 23.
10. *Biukling L.* Anton Chekhov v Finliandii // Biukling L. Otrazhenie russkoi dushi v zerkale Severa. Finsko-russkie literaturnye i teatral'nye sviazi XIX–XX vekov. SPb., 2015.
11. *Borisova K. V.* Teatr geroev A. P. Chekhova. M., 2019.
12. *Bushkanets L. E.* «On mezhdu nami zhil...» A. P. Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX — nachala XX veka. Kazan', 2012.
13. *Bushkanets L. E.* Zapozdavshaia retsenziia // Chekhovskii vestnik. 2011. Vyp. 27.
14. *Chekhov's Letters* / Ed. by C. Appolonio and R. Lapushin. Lanhem, 2018.
15. *Chudakov A. P.* [Rets. na:] Lapushin R. E. «Ne postigaemoe bytie...» Opyt prochteniia A. P. Chekhova. Minsk, 1998 // Chekhovskii vestnik. 1998. Vyp. 3.
16. *Csehov — Újraírások* / Ed. by I. Regéczi. Debrecen, 2016.
17. *Dolzhenkov P. N.* «Kak priiatno igrat' na mandoline!» O komedii Chekhova «Vishnevyy sad». M., 2008.
18. *Dolzhenkov P. N.* Chekhov i pozitivizm. M., 1998.

19. *Dolzhenkov P. N.* Evoliutsiia dramaturgii Chekhova. M., 2014.
20. *Evdokimov A.* Amerikanskaia kniga o pis'makh Chekhova // *Chekhovskii vestnik*. 2011. Vyp. 26.
21. *Fink M.* [Rets. na:] Dolzhenkov P. N. Chekhov i pozitivizm. M., 1998 // *Chekhovskii vestnik*. 1998. Vyp. 3.
22. *Fraize M.* Proza Chekhova / Per. s nem. V. A. Andreevoi, E. A. Goncharovoi; pod red. I. V. Korina, N. L. Maishevoi. SPb., 2012.
23. *Gitovich I. E.* Biografiia Chekhova — vchera i zavtra // *Chekhoviana. Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniia* / Otv. red. A. P. Chudakov. M., 2007.
24. *Gitovich I. E.* Made in, ili snova o biografii. *Zametki chitatelia* // *Chekhovskii vestnik*. 2005. Vyp. 17.
25. *Gitovich I. E.* Ne zachem, a potomu chto (sub'ektivnye zametki na poliakh). [Rets. na:] Fusko A., Tomassoni R. *Tvorchestvo A. P. Chekhova v zerkale psikhologicheskogo analiza. Seriiia ocherkov*. M.: Russkii mir, 2001 // *Chekhovskii vestnik*. 2002. Vyp. 11.
26. *Golomb H.* A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence Through Absence. Brighton, Chicago, 2014.
27. *Golovacheva A. G.* «Chaika» A. P. Chekhova. *Poetika. Problematika. Literaturno-teatral'nyi kontekst*. M.: INFRA-M, 2022.
28. *Golovacheva A. G.* A. P. Chekhov i Krym. M., 2014.
29. *Golovacheva A. G.* Anton Chekhov, teatr i «simpatichtnye dramaturgi»: Monografiia. M.: GTSTM im. A. A. Bakhrushina, 2020.
30. *Golovacheva A. G.* *Chekhovskii Kuchuk-Koi. Istoriia odnogo imeniia*. M., 2019.
31. *Golovacheva A. G.* Pushkin, Chekhov i drugie: poetika literaturnogo dialoga. Simferopol', 2005.
32. *Greenman B.* *Celebrity Chekhov*. New York, 2010.
33. *Gul'chenko V. V.* «Vishnevii sad» kak iavlenie russkoi zhizni // *Chekhovskii vestnik*. 2003. Vyp. 13.
34. *Gurevich D.* Chekhov v Brazii // *Chekhovskii vestnik*. 2019. Vyp. 37.
35. Ibsen. Strindberg. Chekhov: Sb. statei / Otv. red. M. M. Odesskaia. M., 2007.
36. *Kapustin D.* Chekhov i arabskii mir // *Chekhovskii vestnik*. 2015. Vyp. 31.
37. *Kapustin N. V.* [Rets. na:] de Sherbinin J. W. Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997 // *Chekhovskii vestnik*. 1998. Vyp. 3.
38. *Kataev V. B.* [Rets. na:] Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London, 1997 // *Chekhovskii vestnik*. 1997. Vyp. 2.
39. *Klapuri T.* Chronotopes of Modernity in Chekhov. Turku, 2015.
40. *Közéltések — Közvetítések* / Ed. by I. Regéczi. Debrecen, 2011.
41. *Kozhevnikova N. A.* Iazyk i kompozitsiia proizvedenii A. P. Chekhova. N. Novgorod, 1999.
42. *Krinityn A. B.* [Rets. na:] Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. München, 1997 // *Chekhovskii vestnik*. 1998. Vyp. 3.
43. *Kubasov A. V.* Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii. Ekaterinburg, 1998.
44. *Kuzicheva A. P.* Chekhov. Zhizn' «otdel'nogo cheloveka». SPb., 2011.
45. *Lapushin R. E.* «Ne postigaemoe bytie...» Opyt prochteniia A. P. Chekhova. Minsk, 1998.
46. *Lapushin R. E.* *Celebrity Chekhov* // *Chekhovskii vestnik*. 2011. Vyp. 26.
47. *Lapushin R.* «Dew on the Grass»: The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. New York, 2010.
48. *Mel'nikov N. G.* Chekhov & Nabokov // *Chekhovskii vestnik*. 2019. Vyp. 37.
49. *Nascimento R. A. do.* Tchêkhov e os palcos brasileiros. São Paulo, 2018.
50. *Neobyknovennyi sad A. P. Chekhova: Al'bom-katalog: V 2 t.* / Pod red. Iu. G. Dolgopolovoi, O. O. Pernatskoi, L. A. Titorenko. Belgorod; Ialta, 2018.
51. *Niagolova N.* Mezhdubita i bitieto: geroi i veshch v dramaturgiiata na A. P. Chekhov. Veliko T'rnovo, 2009.
52. *Orlov E. D.* «Opyt nepredvziatogo chteniia», ili O gubitel'noi liubvi... k Chekhovu // *Chekhovskii vestnik*. 2019. Vyp. 38.
53. *Orlov E. D.* Problemy atributsii // *Chekhovskii vestnik*. 2007. Vyp. 21.
54. *Petukhova E. N.* Pritiazhenie Chekhova. Chekhov i russkaia literatura kontsa XX veka. SPb., 2005.
55. *Pitcher H.* Responding to Chekhov: The Journey of a Lifetime. Cromer, 2010.
56. *Polotskaia E. A.* «Vishnevii sad». Zhizn' vo vremeni. M., 2003.
57. *Rayfield D.* Anton Chekhov: A Life. London, 1997.
58. *Razumova N. E.* *Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva*. Tomsk, 2001.
59. *Razumova N. E.* *Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva*. 2-e izd., pererab. i dop. Tomsk, 2013.
60. *Reifild D.* Zhizn' Antona Chekhova. M., 2005.

61. *Senderovich S. Ia.* Chekhov s glazu na glaz: istoriia odnoi oderzhimosti A. P. Chekhova. Opyt fenomenologii tvorchestva. SPb., 1994.
62. *Sherbinin J. W. de.* Chekhov and Russian Religious Culture: Poetics of the Marian Paradigm. Evanstone, 1997.
63. *Smola K. O.* [Rets. na:] Fraize M. Proza Chekhova. SPb., 2012 // Chekhovskii vestnik. 1998. Vyp. 3.
64. *Sobennikov A. S.* [Rets. na:] Razumova N. E. Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte stranstva. Tomsk, 2001 // Chekhovskii vestnik. 1997. Vyp. 2.
65. *Sobennikov A. S.* [Rets. na:] Senderovich S. Ia. Chekhov s glazu na glaz: istoriia odnoi oderzhimosti A. P. Chekhova. SPb., 1994 // Chekhovskii vestnik. 1997. Vyp. 1.
66. *Sobennikov A. S.* «Mezhdū „est’ Bog“ i „net Boga“...» (O religiozno-filosofskikh traditsiakh v tvorchestve A. P. Chekhova). Irkutsk, 1997.
67. *Spachil’ O. V.* Biografīa kak siuzhet (o romane Alison Anderson «Letnii gost’») // Chekhovskii vestnik. 2019. Vyp. 38.
68. *Stepanov A. D.* Kak sozdavalsia «Chekhov» // Chekhovskii vestnik. 2013. Vyp. 29.
69. *Stepanov A. D.* Poeticheskaia sistema koordinat // Chekhovskii vestnik. 2011. Vyp. 26.
70. *Sukhikh I. N.* Chekhov v zhizni. Siuzhety dlia nebol’shogo romana. M., 2010.
71. *Sukhikh I. N.* Problemy poetiki A. P. Chekhova. 2-e izd., dop. SPb., 2007.
72. *Tikhomirov S. V.* [Rets. na:] Dolzhenkov P. N. Evoliutsiia dramaturgii Chekhova. M., 2014 // Chekhovskii vestnik. 2014. Vyp. 24.
73. *Tikhomirov S. V.* Novaia kniga o dramaturgii Chekhova // Chekhovskii vestnik. 2015. Vyp. 31.
74. *Tikhomirov S. V.* Tselebnoe tvorchestvo A. P. Chekhova: razmyshliaiut mediki i filologi // Chekhovskii vestnik. 1999. Vyp. 4.
75. *Ural’skii M.* Chekhov i evrei: po dnevnikam, perepiske i vospominaniiam sovremennikov. SPb., 2020.
76. *Volchkevich M.* [Rets. na:] Sukhikh I. N. Chekhov v zhizni. Siuzhety dlia nebol’shogo romana. M., 2010 // Chekhovskii vestnik. 2011. Vyp. 27.
77. *Zaitsev V. S.* Nenadezhen metod — protivorechivy rezul’taty // Chekhovskii vestnik. 2016. Vyp. 32.
78. *Zaitsev V. S.* Voobrazharium Dmitriia Bykova. [Rets. na:] Bykov D. L. Vremia potriaseniia. 1900–1950 gg. M., 2018 // Chekhovskii vestnik. 2018. Vyp. 36.
79. *Zubarev V.* A System Approach to Literature. Mythopoetics of Chekhov’s Four Major Plays. Westport, CT, 1997.

Ольга Ростиславовна Демидова

профессор

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

Olga Rostislavovna Demidova

Professor,

Pushkin Leningrad State University

ORCID: 0000-0003-2281-4059

ord55@mail.ru

ДЕВА-ВОИТЕЛЬНИЦА: ВАРИАНТЫ ОБРАЗА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

THE WARRIOR MAIDEN: VARIANTS OF THE IMAGE IN THE RUSSIAN MODERNIST LITERATURE

Рец. на: *Зусева-Озкан В. Б.* Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с., ил. (сер. «„Вечные“ сюжеты и образы»; вып. 5).

[Review:] *Zuseva-Ozkan V. B.* Deva-voitel’nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, siuzhety. M.: Indrik, 2021. 712 s., il. (ser. «„Vechnye“ siuzhety i obrazy»; vyp. 5).

Любовь Дмитриевна Бугаева

доцент

Санкт-Петербургского государственного университета

Lyubov Dmitrievna Bugaeva

Associate Professor,
St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-3984-8386

l.bugaeva@spbu.ru

Светлана Дмитриевна Титаренко

профессор

Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Dmitrievna Titarenko

Professor,
St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-6981-0669

s.titarenko@spbu.ru

**ЛИТЕРАТУРА ДИАСПОРЫ
КАК ФЕНОМЕН ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**LITERATURE OF THE DIASPORA
AS A PHENOMENON OF TRANSNATIONAL CULTURE**

Рец. на: Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020): Сб. статей / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 336 с.

[Review:] Vek diaspori. Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020): Sb. statei / Pod red. M. Rubins; per. s angl. A. Stepanova, N. Makhlaiuka, E. Gudvin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 336 s.

Наталья Юрьевна Грякалова

главный научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliya Juryevna Gryakalova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6003-3475

natura3@yandex.ru

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА

RESEARCH CONFERENCES IN MEMORIAM A. A. BLOK

[Meeting Abstract]

Татьяна Васильевна Игошева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vasilievna Igosheva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-7988-204X

tigosheva@mail.ru

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4956-2293

pgv6@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«М. А. ЗЕНКЕВИЧ (1886–1973): ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО, ЭПОХА»**

**M. A. ZENKEVICH (1886–1973): PERSONALITY, CREATIVE WORK, ERA
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И МЕДИЦИНА: ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ (1820–2020)»**

**RUSSIAN WRITERS AND MEDICINE:
TWO HUNDRED YEARS TOGETHER (1820–2020)
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Ольга Львовна Довгий

старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики
и публицистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Olga L'vovna Dovgy

Senior Researcher, Chair of Literary and Art Criticism and Publicism,
Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-3957-7857

olga-dovgy@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БРЮСОВСКИЙ ПУШКИН.
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОГОМОЛОВА.
ПЕРВЫЕ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

***BRYUSOV'S PUSHKIN.
IN MEMORIAM NIKOLAY ALEXEEVICH BOGOMOLOV.
FIRST BOGOMOLOV READINGS INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE***

[*Meeting Abstract*]

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*

Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*

Корректор *Т. А. Румянцева*

Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 08.02.22. Подписано к печати 29.04.22. Дата выхода в свет 31.05.22.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 31. Тираж 260 экз.

Тип. зак. № 16/2а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ДЛЯ ЗАМЕТОК
